

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

**МИР В XXI ВЕКЕ:
ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ
ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ**

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией
М.В. Александрова, О.Е. Родионова

Москва
Издательство «МГИМО-Университет»
2018

УДК 327
ББК 66.4
М63

Авторы:

*А.И. Подберезкин (руководитель авторского коллектива),
М.В. Александров, О.Е. Родионов, В.А. Аватков, К.П. Боришполец,
Ю.А. Булатов, Е.С. Зиновьева, В.В. Каберник, Д.А. Кузнецов,
П.В. Лещенко, С.И. Лунев, А.Ю. Малов, О.А. Подберезкина,
Е.Г. Пономарева, Н.Ю. Силаев, В.И. Сотников, Д.В. Стрельцов,
В.В. Тихова, М.В. Харкевич, В.И. Юртаев*

М63 Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам : монография / [А.И. Подберезкин, М.В. Александров, О.Е. Родионов и др.] ; под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политич. Исследований. — Москва : МГИМО-Университет, 2018. — 768 с.

ISBN 978-5-9228-1906-0

Настоящая монография, подготовленная авторским коллективом Центра военно-политических исследований МГИМО, продолжает масштабное исследование в области стратегического прогнозирования международных отношений. Она дополняет и развивает многие положения и концепции, изложенные в предыдущих работах ЦВПИ. Особенностью данной работы является детализация общемирового прогноза по странам и регионам. В ней содержатся богатый фактический материал, новые оценки и выводы, актуальные для эффективного анализа и прогноза международных отношений, выделено то важное, что существует в настоящее время в тенденциях мирового развития, динамике государств и цивилизаций.

Для специалистов, занимающихся международной и военно-политической проблематикой, научных работников, экспертов и политологов.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-9228-1906-0

© МГИМО МИД России, 2018

Оглавление

Глава I.

Наиболее вероятный сценарий мирового развития

до 2050 года	11
1.1. Преобладающие тенденции мирового развития	13
1.2. Основной вектор развития международной системы	22
1.3. Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» как наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки	30

Глава II.

Перспективы развития США как опорной страны западной цивилизации .....

39	
2.1. Сценарий «Военно-силового противоборства за сохранение мирового лидерства» как базовый сценарий развития США до 2025 года	41
2.2. Три варианта базового сценария развития США до 2025 года	47
2.2.1. «Оптимистический» вариант сценария развития США до 2025 года	48
2.2.2. «Реалистический» вариант сценария развития США до 2025 года	76
2.2.3. «Пессимистический» вариант сценария развития США до 2025 года	82
2.3. Основные особенности развития международной обстановки в 2025-2050 годах	86
2.4. Сценарий развития США в 2025-2050 годах на основе известных парадигм	95
2.5. Возможные сценарии развития США в 2025-2050 годах на базе новых парадигм	103
2.5.1. Сценарий «Силовое принуждение»	106
2.5.2. Сценарий «Решительное уничтожение»	114
2.5.3. Сценарий внутреннего гражданского конфликта в США	117

Глава III.**Перспективы развития Великобритании как лидера****англосаксонского мира..... 121**

- 3.1. Формирование новой внешнеполитической стратегии
Великобритании в процессе выхода из Евросоюза..... 123
- 3.2. Два наиболее вероятных сценария развития Великобритании
до 2025 и 2050 годов..... 127
- 3.3. Экономический потенциал Великобритании
и его перспективы 130
- 3.4. Демография и человеческий капитал Великобритании 134
- 3.5. Перспективы развития вооруженных сил Великобритании..... 139
- 3.6. Внешняя политика Великобритании до 2025 года..... 148
- 3.7. Внешняя политика Великобритании в 2025-2050 годах 152

Глава IV.**Перспективы развития Европейского региона 157**

- 4.1. Центральная Европа 160
- 4.2. Германия 163
  - 4.2.1. Два наиболее вероятных сценария развития Германии
до 2050 года..... 163
  - 4.2.2. Экономический потенциал Германии
и его перспективы..... 166
  - 4.2.3. Демография и человеческий капитал Германии 166
  - 4.2.4. Перспективы развития вооруженных сил Германии..... 167
  - 4.2.5. Внешняя политика Германии в перспективе
до 2050 года..... 171
- 4.3. Франция 177
  - 4.3.1. Сценарий «Французский мост между ЕС и Россией»
до 2025 года..... 177
  - 4.3.2. Сценарий «Маятниковое государство» до 2025 года..... 184
  - 4.3.3. Сценарии развития Франции в 2025-2050 годах..... 185
- 4.4. Северная Европа 188
  - 4.4.1. Скандинавские страны..... 188
  - 4.4.2. Ирландия 190
  - 4.4.3. Исландия..... 191

4.5. Европейский Союз.....	192
4.5.1. Сценарий консолидации	193
4.5.2. Сценарий ускорения интеграции.....	196
4.5.3. Евроскептический сценарий	200
4.5.4. Сценарий дезинтеграции	204

Глава V.

Балканский регион..... 209

5.1. Сценарий «Балканский халифат»	211
5.1.1. Обоснование вероятностей реализации сценария	215
5.1.2. Состояние ключевых параметров сценария на 2025 г.	217
5.1.3. Состояние ключевых параметров сценария на 2050 г.	228
5.2. Сценарий «Албанизация».....	234
5.2.1. Обоснование вероятностей реализации сценария	237
5.2.2. Состояние ключевых параметров сценария на 2025 г.	240
5.2.3. Состояние ключевых параметров сценария на 2050 г.	243

Глава VI.

Перспективы развития постсоветского пространства..... 249

6.1. Европейские страны постсоветского пространства.....	251
6.1.1. Туманное будущее Украины.....	252
6.1.2. Молдова на геополитическом распутье.....	255
6.1.3. Белоруссия: тернистый путь к интеграции с Россией.....	257
6.1.4. Прибалтика на пути к маргинализации.....	259
6.2. Закавказье как регион нарастания конфликтности.....	261
6.2.1. Обоснование вероятностей реализации сценария	264
6.2.2. Состояние ключевых параметров сценария на 2025 год	266
6.2.3. Состояние ключевых параметров сценария на 2050 год	273
6.3. Казахстан: состояние, сценарии и ключевые параметры развития с учетом региональной среды.....	276
6.3.1. Исходные базовые характеристики страновой ситуации ...	277
6.3.2. Политическая ситуация на 2016-2017 гг. и проблемные точки развития	282
6.3.3. Позитивный сценарий эволюции Казахстана до 2025 года.....	286

6.3.4. Неблагоприятный сценарий эволюции Казахстана до 2025 года.....	287
6.3.5. Сценарии развития Казахстана в 2025-2050 годах.....	288
6.4. Сценарии трансформации центральноазиатской региональной ситуации.....	290
6.4.1. Прогноз развития в рамках сценария «консервативная эволюция».....	290
6.4.2. Прогноз развития в рамках сценария «региональная фрагментация».....	293
6.4.3. Прогноз развития в рамках сценария «региональная консолидация»	295

Глава VII.

Ближний Восток..... 297

7.1. Сценарии развития Ближнего Востока до 2025 года.....	299
7.1.1. Сохранение неопределенности и конфликтогенности.....	299
7.1.2. Прозападная коалиция. Вытеснение России и Ирана.....	305
7.1.3. Российско-иранский Ближний Восток.....	310
7.1.4. Основные параметры развития региона на 2025 год.....	315
7.2. Сценарии развития Ближнего Востока до 2050 года.....	320
7.2.1. Ядерная эскалация в регионе Ближнего Востока.....	321
7.2.2. Радикализация региона Ближнего Востока.....	327
7.2.3. Контроль «мирового правительства» над Ближним Востоком.....	331
7.2.4. Состояние ключевых параметров развития региона на 2050 год.....	334
7.3. Иран как новый геополитический центр силы	336
7.3.1. Сценарий № 1. Иранский паншиитский проект в Юго-Западной Азии.....	340
7.3.2. Сценарий № 2. Диалог и неконфликтное партнерство.....	359
7.4. Турция в поисках новой роли в регионе и в мире.....	367
7.4.1. Сценарий №1. Консерватизм и неоосманизм	367
7.4.2. Сценарий №2. Лаицизм и Западный мир.....	384

Глава VIII.

Перспективы развития Южной Азии..... 399

8.1. Сценарии развития Южной Азии до 2025 года	401
8.1.1. Сценарий 1. Треугольник интересов США — Индия — Китай.....	401
8.1.2. Сценарий 2. Китайская экспансия	406
8.1.3. Сценарий 3. Индоцентристская Южная Азия	412
8.1.4. Ключевые параметры развития региона на 2025 год	417
8.2. Сценарии развития Южной Азии до 2050 года	430
8.2.1. Сценарий 1. Большое «южноазиатское сообщество»	430
8.2.2. Сценарий 2. Кондоминиум Индия — Китай	434
8.2.3. Сценарий 3. «Война всех против всех» или резкое обострение ситуации в регионе	438
8.2.4. Ключевые параметры развития региона к 2050 году	444
8.3. Индия как претендент на мировое лидерство	459
8.3.1. Современное состояние и перспективы развития Индии к 2025 году	459
8.3.2. Индия к 2050 году: средневзвешенный сценарий	532

Глава IX. Дальневосточный регион 545

9.1. Современное состояние региона.....	547
9.2. Сценарии развития региона до 2025 и 2050 годов.....	550
9.2.1. Сценарий 1. Мягкая глобализация	551
9.2.2. Сценарий 2. Жесткая глобализация	554
9.3. Китай	557
9.3.1. Современное внутреннее и международное положение Китая	557
9.3.2. Сценарий «Внутриполитическая либерализация» до 2025 года	569
9.3.3. Сценарий «Внутриполитическая либерализация» к 2050 году	579
9.3.4. Сценарий «Авторитарная модернизация» до 2025 года	587
9.3.5. Сценарий «Авторитарная модернизация» к 2050 году	593
9.4. Япония	599
9.4.1. Сценарий «Интернационализация» на этапе до 2025 года	599
9.4.2. Сценарий «Интернационализация» на этапе до 2050 года	617
9.4.3. Сценарий «Суверенизация» на этапе до 2025 года	623
9.4.4. Сценарий «Суверенизация» на этапе до 2050 года	643

Глава X.

Юго-Восточная Азия	651
10.1. Сценарий №1. Доминирование Запада	658
10.2. Сценарий №2. Новая биполярность.....	660
10.3. Сценарий №3. Регионализация.....	663

Глава XI.**Бразилия: состояние, сценарии и ключевые**

параметры развития	675
11.1. Общая характеристика современного положения Бразилии.....	677
11.2. Сценарии развития Бразилии до 2025	687
11.2.1. Сценарий А. Трансформация центристского режима в правоцентристский, интенсификация сотрудничества с США и другими странами Запада.....	688
11.2.2. Сценарий Б. Смена центристского режима коалицией умеренно левых партий, акцент на закрепление регионального лидерства в интересах внутренней стабильности и национальной безопасности	692
11.3. Развитие Бразилии в перспективе до 2050 года	695
11.4. Приложение 1.	
Политические партии Бразилии.....	697
11.4.1. Крупные парламентские партии Бразилии (2017): названия, идеология, членство, места в парламенте (выборы 2014).....	697
11.4.2. Меньшие парламентские партии Бразилии (2017): названия, идеология, членство	698
11.4.3. Непарламентские партии Бразилии (2017): Идеология, количество членов.....	700

Глава XII.

Южно-Африканская Республика	703
12.1. Общая характеристика современного положения ЮАР	705
12.2. Сценарии развития ЮАР до 2025 года.....	708
12.2.1. Сценарий А. Существование в состоянии «отложенных катастроф»	709

12.2.2. Сценарий Б. Деградация режима АНК и раздел политической власти с оппозиционными партиями	722
12.3. Перспективы развития ЮАР в 2025-2050 годах.....	727

Глава XIII.

Арктика как район будущего противоборства России и Запада 729

13.1. Сценарии развития ситуации в Арктическом регионе до 2025 года.....	731
13.1.1. Сценарий 1. Обострение военно-политического противостояния в Арктике.....	734
13.1.2. Сценарий 2. «Пробуждение Севера»: ускорение регионального развития.....	753
13.2. Сценарий «Пробуждение Севера» в 2025-2050 годах.....	764

Глава I
Наиболее вероятный
сценарий мирового
развития до 2050 года

1.1. Преобладающие тенденции мирового развития

Современная международная обстановка (МО) характеризуется быстрыми темпами развития новых центров силы на базе отдельных локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ). Прежде всего, китайской, российской, исламской, индийской и латиноамериканской, которые в среднесрочной перспективе превратятся не только в экономические, но и в самостоятельные военно-политические субъекты, способные активно защищать свои цивилизационные ценности и интересы. Это означает, что преобладающей тенденцией мирового развития является формирование многополярной системы международных отношений, опирающейся на несколько самостоятельных центров силы, претендующих на конкуренцию с единственным центром силы, существовавшим до этого — западной цивилизацией.

Эта тенденция связана с объективными процессами экономической глобализации и, прежде всего, переводом промышленных производств из стран Запада в страны периферии. Получив и освоив промышленные производства, страны периферии за последние 20 лет заметно продвинулись по пути экономического прогресса. Это привело к соответствующему понижению роли западных стран в мировой экономике.

Владение передовыми технологиями не обеспечило Западу полный контроль над мировыми производственными цепочками. Некоторые страны, такие как Китай, Индия, Южная Корея, Иран, Малайзия и некоторые другие создали свои собственные научные

школы и центры технологического развития. Это позволило им начать промышленное развитие на своей собственной основе, минуя или копируя западные разработки. И хотя научно-технологический разрыв между Западом и этими странами все еще сохраняется, но для производства большей части промышленных товаров, особенно товаров массового потребления, собственная технологическая база новых индустриальных стран уже вполне достаточна.

Более того, высокотехнологичное производство постепенно расширяет свою географию, включая центры зарождения инноваций. В XIX веке основными очагами инноваций были Великобритания, а позднее Германия и США. В XX веке испытательными полигонами для новых технологий стали США, Япония и другие страны ОЭСР, а ближе к концу века — некоторые новые индустриальные страны, такие, как Южная Корея, Сингапур, Израиль. В XXI веке, как уже очевидно, центры инновационной активности будут включать страны БРИКС — Китай, Индию, Бразилию, Россию и ЮАР. Эти государства целенаправленно работают над приращением собственного научно-технического потенциала. Например, доля КНР в глобальных НИОКР, которая составляла 7% в 2004 г. выросла до 13% в 2009 г. Такие страны, как Индия и Бразилия, также стали уделять все большее внимание инновациям в своих государственных программах.¹

К тому же, сохранить полный контроль над передовыми технологиями, имеющими гражданское назначение, запретив их переток в другие страны достаточно сложно. В условиях свободы перемещения информации и передвижения ученых и специалистов многие технологии смогут перетекать в страны периферии явочным порядком на коммерческой основе. Перейти же к системе закрытого общества, значит подорвать всю ту основу, на которой сейчас стоит мировая и, прежде всего, сама западная экономика.

---

¹ OECD Science, Technology and Industry Outlook 2012. Highlights. — OECD publishing, 2012. — P. 3. — URL: <http://www.oecd.org/sti/sti-outlook-2012-highlights.pdf> (дата последнего обращения 04.03.2014)

Между тем, соревнование в области науки и техники играет все большую роль в разворачивающемся противоборстве ведущих мировых цивилизаций. Западная цивилизация всеми силами пытается сохранить научно-технологическое превосходство над другими странами и народами. Именно лидерство в сфере передовых технологий позволяет Западу все еще удерживать военное превосходство над большинством государств мира. Но по мере того, как разрыв в научной и технической областях будет сокращаться, Запад будет утрачивать и это последнее преимущество.

Таким образом, в начале 21-ого столетия Запад столкнулся с довольно серьезной проблемой. Стало очевидно, что сохранить свое доминирующее положение в мировой экономике при сложившейся структуре мирового разделения труда он больше не в состоянии. Если ничего не предпринимать, то объективные процессы неумолимо приведут западную цивилизацию к потере роли экономического лидера мира.

Выбор вариантов решения проблемы сводился к двум стратегиям. Первая предусматривала реиндустриализацию западных экономик, возвращение туда многих выведенных за рубеж производств и общее повышение конкурентоспособности своих товаров и услуг. Вторая состояла в том, чтобы создать новый мировой порядок и внеэкономическими методами принуждения заставить другие страны принять правила экономической жизни, выгодные Западу.

С начала 2000-х годов руководство западных стран стало делать шаги в обоих этих направлениях. Попытки провести реиндустриализацию стали предприниматься, прежде всего, в США. На первых порах, этот план казался вполне осуществимым, так как Запад все еще сохраняет два существенных экономических преимущества над странами периферии. Первое — это научно-техническое лидерство. И второе — это контроль над мировой финансовой системой, что обеспечивает своим национальным предприятиям легкий доступ к дешевому кредиту.

Однако попытки осуществления этой политики сразу же натолкнулась на ряд существенных сложностей. Первая из них

состоит в том, что страны периферии, которые уже создали свою индустриальную базу, вовсе не собираются отказываться от уже завоеванных позиций. Более того, все они имеют планы по дальнейшему расширению и диверсификации своих экономик. Некоторые из них создали свои научные школы и сами в состоянии разрабатывать некоторые высокотехнологические продукты. В дальнейшем собственная научно-техническая база этих стран будет только расти, и они будут в состоянии развивать производство на своей собственной технологической основе.

Реиндустриализация западных экономик неминуемо ведет к конкурентной борьбе между товарами западных и новых индустриальных стран. И победа в этой борьбе Запада вовсе не очевидна с учетом того, что стоимость рабочей силы в странах периферии значительно ниже. Проблему могло бы решить использование методов протекционизма и такие методы частично применяются западными странами под различными предлогами. Однако массовое использование протекционизма Западом будет означать крах системы мировой торговли, так как ответные меры других стран неминуемо приведут к разрушению механизмов ВТО. При этом Запад потеряет свободный доступ на рынки других стран. А в этом случае реиндустриализация собственных экономик ничего не даст для улучшения положения Запада в системе мировой экономики. Скорее наоборот.

Во-вторых, за последние 20 лет на Западе сложились мощные экономические структуры, замкнутые на страны периферии. Они располагают своими отлаженными бизнесами, крупными капиталами и вполне удовлетворены нынешним положением вещей. Для них изменение модели развития означает подрыв собственных возможностей. Поэтому при любых попытках ужесточить протекционистские шаги против товаров стран периферии или вывоза капитала эти силы начинают использовать свои лоббистские и политические возможности для защиты собственных интересов.

Сторонники этих структур сразу же начинают апеллировать к понятным для западных обществ принципам свободы торговли, предпринимательства, частной инициативы, конкуренции и тп.

Это делает борьбу с этими структурами для правительств западных стран довольно сложной. Не случайно, нынешняя политика президента США Д. Трампа, направленная на усиление протекционизма против китайских и европейских товаров, вызвала мощное противодействие в Конгрессе и американских СМИ.

Наиболее подходящим выходом из сложившейся ситуации могло бы стать перетягивание этих бизнес-структур на сторону государства путем предоставления им каких то льгот, кредитов, заказов. Однако для удовлетворения appetитов всех потенциальных претендентов не хватит никакого государственного бюджета, особенно в условиях его огромного дефицита.

Сейчас Запад пытается вводить ограничения на внешнеэкономические связи под политическим предлогом, используя такие аргументы, как борьба с терроризмом, коррупцией, уходом от налогов для того, чтобы ослабить положение конкурентов из других стран. Это, однако, дает лишь точечный эффект и не способно повлиять на развитие мировой экономики в целом. Одним словом, сейчас на Западе сложилась ситуация при которой попытки реиндустриализации явно пробуксовывают.

Еще одним инструментом, который Запад попытался использовать для повышения конкурентоспособности своих экономик, стал курс на понижение стоимости рабочей силы в собственных странах. Чтобы осуществить это под благовидным предлогом, а не путем открытого наступления на права трудящихся, в ход были пущены новые экономические теории — «монетаризма» и экономического рационализма. Целью этой политики был демонтаж социального государства, возникшего на Западе в период конкуренции с коммунистическим проектом.

Однако возможности осуществления такой политики тоже оказались весьма ограниченными. Она вызвала недовольство и сопротивление широких слоев общества, поставивших под удар стабильность всей западной цивилизации. И хотя уровень жизни на Западе с тех пор несколько понизился, принципиальных изменений в снижении стоимости рабочей силы добиться не удалось. Также как не удалось полностью демонтировать систему

социального государства, поглощающую существенные ресурсы государственного бюджета. Провал попыток президента США Д. Трампа отменить систему национального медицинского обеспечения, известную как «Obamacare», наглядно показывает те сложности, которые встают на этом пути.

Противоречивость мирового экономического развития, привела к возникновению двух конкурирующих концепций глобализации — линейной, то есть глобализации, основанной на одном центре управления миром и нелинейной, построенной на базе региональных экономических объединений и их сотрудничестве в управлении мировыми делами. Если первая концепция призвана закрепить доминирующую роль западной цивилизации в системе международных отношений, то последняя направлена на создание полицентричной мировой системы, где все основные ЛЧЦ займут достойное место в управлении мировыми делами. Борьба этих двух концепций является сейчас преобладающей цивилизационно-политической тенденцией современности. Она отражает реальные противоречия и борьбу между глобализмом и регионализмом.

При этом регионализм консолидируется на базе локальных человеческих цивилизаций. Поэтому столкновение этих двух тенденций привело к тому, что можно охарактеризовать как обострение политической борьбы между ЛЧЦ. Именно на эту перспективу обратил внимание еще С. Хантингтон, который отмечал, что «столкновение цивилизаций будет доминировать в глобальной политике», а «линии противоречий между цивилизациями станут линиями фронта будущего». Хантингтон, также правильно обозначил главный водораздел этого противостояния как конфликт между западной цивилизацией и другими цивилизациями.²

По существу, Запад перешел к силовым методам борьбы с другими цивилизациями еще в начале нынешнего столетия. Террористический акт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г. позволил

---

² Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*, vol.72, no.3, Summer 1993 — p. 22

США раскрутить кампанию борьбы с международным терроризмом, что должно было легитимизировать использование Западом военной силы в различных районах мира. На волне этой кампании первая война против режима «Талибан» в Афганистане была санкционирована ООН. Затем уже США не оглядывались на эту международную организацию. Последовали вторжения в Ирак и Ливию, поддержка исламских боевиков в Сирии, военно-политическое давление на Иран, военное окружение России и Китая. Широкое распространение получил инструмент экономических санкций против неугодных стран, режимов и отдельных политиков.

Для подчинения или свержения строптивых политических режимов стали использоваться инструменты запугивания, силового давления и прямого применения силы, а затем и «цветных революций». В последнее время стали применяться новые формы переворотов — «цветные революции», осуществляемые под прикрытием вооруженных боевиков при политической, финансовой и военно-технической помощи Запада. По существу западные государства приступили к ликвидации каких-либо центров влияния в мире, обладающих независимой международной субъектностью.

Однако сохранение в мире нескольких независимых сильных государств, таких как Китай, Россия, Индия, Иран, а также некоторых государств поменьше, но также дорожащих собственным суверенитетом, до сих пор не позволило Западу добиться своих целей. Очень скоро стало очевидно, что для установления глобального доминирования западной цивилизации элементарно не хватает ресурсов. Даже локальные войны, развязанные в Афганистане и Ираке, вызвали огромные траты государственных средств. В условиях же нарастания проблем в экономиках западных стран эти траты сделались весьма обременительными. Что уже говорить о возможности войны с такой крупной страной как, например, Иран.

Таким образом, на данном историческом этапе западная цивилизация оказалась в положении цугцванга. Без сокращения внешнеполитических обязательств и внешнего военного присутствия

совершить маневр ресурсами для повышения конкурентоспособности собственных экономик не представляется возможным. С другой стороны, свертывание этих обязательств и присутствия сразу же ослабит возможности Запада диктовать свои условия другим странам и затруднит выгодное для себя решение глобальных экономических проблем. В этих условиях даже удачный маневр ресурсами, скорее всего, не даст желаемого результата.

Традиционно западной цивилизации удавалось удерживать свое превосходство в мире за счет прогресса в военно-технической сфере. Только прорывы в этой области позволяют кардинально изменить мировой баланс сил в кратчайшие сроки. Если в экономике процесс изменения баланса сил занимает десятилетия, а в политической сфере многие годы, то достижение значимого военно-технического превосходства над потенциальным противником может изменить мировой баланс сил в течение нескольких месяцев. Наиболее наглядный пример — изобретение атомного оружия США.

Однако возможностей для каких-либо существенных прорывов в военно-технической области сейчас не просматривается, и представляется маловероятным, что они произойдут в перспективе до 2050-го года. Главной проблемой является состояние фундаментальной науки, прежде всего физики, которая оказалась в идейном тупике. Между тем, крупным прорывам в военно-технической сфере всегда предшествовали серьезные научные открытия в фундаментальной науке. В то же время за последние 50 лет в физике не произошло никаких прорывных открытий. Научная мысль топчется на месте. Плодятся многочисленные теории, которые безуспешно пытаются объяснить основные законы мироздания. Однако такие принципиальные вопросы как природа гравитации и электромагнетизма, включая теорию поля, распространение света и электромагнитных волн, по-прежнему остаются без ответа.

Сейчас научно-технический прогресс идет лишь в прикладных областях физики. Прежде всего, это относится к сфере новых материалов, создаваемых при помощи нанотехнологий. Такие

материалы реально повышают возможности вооружений. Но не на порядки и даже не в разы, а на проценты. Маркером возникновения условий для военно-технологического рывка могло бы стать какое-нибудь важное научное открытие в области физики. Однако если судить по источникам, имеющимся в публичном доступе, таких открытий сейчас не просматривается. Но даже, если и предположить, что какое-то открытие такого уровня и будет сделано в ближайшие годы, этого все равно будет не достаточно, чтобы быстро изменить военно-стратегический баланс в чью-то пользу. От крупного научного открытия до создания принципиально новых военных технологий должно пройти достаточно много времени.

Таким образом, можно предположить, что процесс развития вооружений будет пока протекать в форме постепенного совершенствования имеющихся систем на основе уже известных технологий. До последнего времени наращивание количества и качества высокоточного оружия, создание дистанционно управляемых или полностью автономных роботизированных систем считалось наиболее перспективным направлением развития вооружений. Предполагалось, что именно в этой области может произойти военно-технологический скачок, который позволил бы США изменить военно-стратегический баланс в свою пользу.

Однако развитие технологий радиоэлектронной борьбы (РЭБ) поставило под серьезное сомнение перспективы высокоточного оружия и роботизированных комплексов. Различные станции РЭБ, созданные в России, существенно снижают боевую эффективность высокоточного оружия США, а некоторые виды такого оружия вообще нейтрализуют. А если учесть, что стоимость этого оружия чрезвычайно высока, то может начаться попятное движение — возвращение традиционных средств ведения войны, менее зависимых от электронных компонентов.

Конечно, Запад мог бы пойти по пути развития средств преодоления РЭБ. Однако этот путь представляется чрезвычайно затратным. Так как стоимость и без того очень дорогих высокоточных боеприпасов и ракет еще более возрастет. В итоге они могут

оказаться слишком обременительными даже для богатого Запада. Это, конечно, не означает, что высокоточное оружие полностью исчезнет из arsenалов современных армий. Оно будет использоваться для поражения некоторых высокоценных целей, а также для разгрома армий противника более низкого технологического уровня. Однако, всеобщее очарование высокоточным оружием, скорее всего, пойдет на спад.

Вероятнее всего, вооруженные силы передовых стран будут стараться поддерживать оптимальный баланс между высокоточными и стандартными типами боеприпасов, между БПЛА и пилотируемой авиацией, между электронной и визуальной разведкой, между спутниковыми и традиционными системами наведения. Таким образом, можно с достаточно высокой долей уверенности утверждать, что дальнейшее совершенствование высокоточного и роботизированного оружия не приведет к каким-то принципиальным военно-технологическим скачкам, способным кардинально повлиять на мировое соотношение военных сил.

1.2. Основной вектор развития международной системы

Основной вектор развития международной системы — это направление, в котором происходит изменение соотношения сил в мире. Проще говоря, этот вектор показывает, какие государства, коалиции и ЛЧЦ усиливаются, а какие ослабевают и какими темпами это происходит. При этом важнейшую роль для соотношения сил в мире играет состояние военно-политического баланса между государствами и коалициями. Это объясняется тем, что военная сила является последним и наиболее весомым аргументом в международных спорах.

Однако критическое изменение военно-политического баланса представляет собой уже завершающую стадию развития процесса изменения общего соотношения сил. Ему, как правило, предшествует изменение соотношения сил в других областях — экономической, научно-технической, идеологической, политической. Задача стратегического прогноза — своевременно выявить тенденцию к изменению соотношения сил на ранней стадии, когда военно-политический баланс, существующий в мире, еще даже не затронут этими изменениями.

Таким образом, при построении стратегического прогноза следует, прежде всего, найти ответ на два вопроса:

- в каком направлении и как быстро будет происходить изменение соотношения сил в мире;
- насколько эти изменения являются устойчивыми, то есть, являются ли они следствием воздействия объективных долговременных факторов или представляют собой конъюнктурные девиации, которые со временем будут преодолены.

Основные тенденции современности в сочетании с динамикой развития ключевых акторов международной системы, позволяют сделать вывод о том, что баланс сил в мире неотвратно меняется не в пользу западной цивилизации. Прежде всего, это касается сферы экономики. Доля Запада в мировом производстве достигла своего пика в 1928 году, составив 84,2% от мирового выпуска. Но после Второй Мировой войны этот процент неуклонно снижался. К 1980 году доля Запада в выпуске продукции обрабатывающей промышленности равнялась 57,8% от всемирного. Точные данные по ВВП в период, предшествующий Второй Мировой войне, отсутствуют. Однако в 1950 году доля Запада в мировом ВВП составляло 64%, а к 1980-м это соотношение упало до 49%.³

Характерно, что падение роли Запада в мировой экономике продолжилось и после так называемой «победы в холодной войне». В 1993-2013 годах доля ведущих западных стран (США, Германия, Франция, Великобритания, Италия, Канада) в производстве

---

³ Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ, 2005. — с. 124-125

мирового ВВП сократилась почти на 6%.⁴ И это при том, что в этот период для западной цивилизации сложились наиболее благоприятные условия, вызванные распадом главного геополитического конкурента в лице СССР и всего социалистического блока. По существу доля этих стран равняется сейчас около одной трети мирового ВВП, если считать по ППС. Между тем, их совокупный экономический потенциал составляет 3/4 всей западной экономики, что очень наглядно характеризует перспективы западной цивилизации в целом.

Даже если полагаться на т.н. «инерционный сценарий» и предположить, что доля Запада в мировой экономике будет сокращаться на 6% каждые 20 лет, то к 2055 году доля западной цивилизации в мировом ВВП снизится до одной четверти. Но скорее всего экономическое «сдувание» Запада не будет носить линейный характер. На каком-то этапе этот процесс может пойти лавинообразно, как уже было в период Великой депрессии 30-х годов прошлого века.

В любом случае по мере ослабления экономической роли Запада, будет уменьшаться и его политическая роль. В случае инерционного сценария это влияние будет ослабляться постепенно. В случае кризисного развития, оно может растаять моментно. Уже в среднесрочной перспективе (7-10 лет) события могут начать развиваться по принципу раскручивающейся спирали. Ослабление политической роли Запада будет уменьшать его возможности влиять на экономические процессы и наоборот. И так до тех пор, пока западные общества не опустятся до среднемирового уровня потребления. Но это уже будет означать социально-экономический коллапс западной цивилизации.

По существу, в настоящее время человеческая цивилизация подошла к определенному рубежу, когда назревает переформатирование всей системы международных отношений. Мир

---

⁴ See: World economic outlook., May 1993. Washington, DC : International Monetary Fund, 1993. — p. 121; World economic outlook., April 2014. Washington, DC : International Monetary Fund, 2014. — p. 159.

приближается к точке бифуркации, напоминающей периоды краха Римской Империи, падения Византии, распада Золотой орды, а также великих географических открытий, приведших к формированию западнцентричной модели мироустройства, основанной на колониальной, а затем неоколониальной системе господства западной цивилизации. Сейчас, эта система, просуществовавшая около 400 лет, подходит к своему исчерпанию. Фактически речь идет о смене эпох в развитии человеческой цивилизации.

Таким образом, основной вектор мирового развития состоит сейчас в ослаблении позиций западной цивилизации в экономической, идеологической, культурной и, как следствие, в политической областях. На смену глобальному доминированию Запада, приходит полицентричная система мироустройства, опирающаяся на центры силы, формируемые другими локальными цивилизациями. При этом Запад, все еще сохраняющий мировое лидерство в научно-технической и военной сферах, пытается конвертировать эти остающиеся у него стратегические преимущества в политическое влияние, которое позволило бы остановить неблагоприятные с его точки зрения процессы изменения международной обстановки.

Из этого вытекает основное противоречие современности, предопределяющее возможные сценарии дальнейшего развития международной обстановки. Это — противоречие между стремлением западной цивилизации сохранить свое доминирующее положение в мировых делах и прогрессирующим падением роли Запада в экономическом, научном, идейном и культурном развитии человечества. Данное противоречие обуславливает обострение борьбы между западной цивилизацией и другими локальными человеческими цивилизациями.

Обострение политической борьбы между основными локальными человеческими цивилизациями закономерно привело к резкому усилению идейной борьбы между ними. Привлекательность западной модели развития для других стран и народов существенно ослабла. Теряя экономическое и политическое влияние,

Запад развернул масштабное идеологическое наступление с целью навязать свои ценности элитам других стран и тем самым подчинить их своему влиянию. Еще патриарх теории политического реализма Ганс Моргентау отмечал, что именно информационный способ влияния на другие общества является наиболее устойчивым. Он даже ввел специальный термин «культурный империализм», который он называл «наиболее изоциренной и... наиболее успешной империалистической политикой». По словам Моргентау, культурный империализм «направлен не на захват территории или контроль над экономической жизнью, но на завоевание и контроль над умами людей».⁵

Современные информационные технологии предоставили Западу огромные возможности для осуществления такого контроля. На реализацию этой программы были брошены огромные ресурсы. Была создана обширная мировая сеть неправительственных организаций, призванных осуществлять продвижение «демократии» и «прав человека». На государственном уровне велась активная работа с национальными элитами, по их переориентации или подчинению, чтобы принудить их к сотрудничеству в насаждении западного мировоззрения в своих обществах. Данная политика вызвала естественную реакцию сопротивления во многих странах. Стремясь сломить это сопротивление, Запад стал переходить от информационно-пропагандистской работы к использованию «мягкой силы» в виде «цветных революций», а в ряде случаев даже к применению жесткой силы в виде военного давления и запугивания.

Таким образом, в современном мире борьба ценностей уже вышла за рамки морали и не сводится к тому, кто будет лучше выглядеть в мировом общественном мнении. В настоящее время идейная борьба приобрела реальный военно-политический аспект и напрямую влияет на национальную безопасность государств. Как справедливо отмечают эксперты ЦВПИ МГИМО, сейчас западная цивилизация «объявляется «эталоном», «самодостаточной системой ценностей», «образцом» для подражания и, может быть, главное — той «абсолютной» международной нормой, которой должны соответствовать другие локальные

---

⁵ Morgenthau Hans. Politics Among Nations. New York: Knopf, 1948. — p. 40.

цивилизации, нации и страны... В противном случае эти цивилизации оказываются «нецивилизованными», «недемократическими»... Как следствие, вокруг этих стран создается неблагоприятная международная и военно-политическая обстановка.⁶

Усиление межцивилизационного противоборства, также привело к резкому возрастанию роли военной силы в международных делах. Западная цивилизация всегда прибегала к военной силе тогда, когда не могла достичь своих целей методами экономической экспансии или политического давления. Наиболее, наглядно эта политика проявилась во время т.н. «опиумных войн» в Китае. В современную эпоху переход Запада к применению военной силы против других цивилизаций начался с агрессии НАТО против Югославии в 1999 году. Затем последовало вторжение в Афганистан, оккупация Ирака, разгром Ливии и диверсионно-террористическая война против Сирии. Фактически с началом XXI века военные операции Запада против других цивилизаций не прекращались ни на один день.

В то же время полноценное применение Западом военной силы в мировом масштабе продолжает сдерживаться военным потенциалом России. Несмотря на идеологическое поражение в «холодной войне», распад ОВД и СССР, Россия сохранила военный потенциал, способный нанести Западу неприемлемый ущерб в ходе военного конфликта. Военно-стратегический паритет, сложившийся еще в советскую эпоху, Западу сломать не удалось. Сейчас в мире возникла уникальная ситуация, когда Запад, располагающий огромной военной мощью — не в состоянии полноценно использовать ее для навязывания своей воли другим странам и цивилизациям. Простое количественное наращивание военно-силовой компоненты в условиях наличия ядерного оружия уже не дает эффекта. А незначительные военно-технические преимущества над другими странами, имеющиеся у США продолжают неуклонно сокращаться.

---

⁶ А. И. Подберезкин, В. Г. Соколенко, С. Р. Цырендоржиев. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО, 2015. — с. 432.

Поэтому, наряду с поиском возможностей для достижения военно-технического превосходства над Россией, западная военная мысль стала искать новые пути и способы использования силы в международных отношениях. И, надо сказать, преуспела в этом. Как отмечалось на научной конференции МГИМО «Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России», прошедшей в сентябре 2016 года: «Новые формы использования силы в международных отношениях сейчас можно условно объединить под собирательным термином «гибридная война». Под «гибридной войной», как правило, подразумеваются военные действия, которые совмещают дозированное использование регулярных вооруженных сил, операции неформальных вооруженных формирований, акции гражданского протеста и саботажа, а также информационную войну, экономические санкции и политическое давление».⁷ Этот новый тип войн становится основой межцивилизационного противоборства в предстоящую эпоху, что, однако, не исключает возможности эскалации этого противоборства при определенных условиях до уровня войны обычного типа.

Таким образом, дальнейшее развитие системы международных отношений будет в основном зависеть от действий принимаемых западной цивилизацией. Это объясняется тем, что Запад пока еще представляет собой наиболее мощную и активную сторону глобального уравнения. Причем, тупиковая ситуация, в которой оказался Запад, вынуждает именно его действовать инициативно. Инерционный сценарий для Запада неприемлем, так как ведет к историческому поражению.

Что касается других цивилизаций, то как-то существенно повлиять на поведение Запада они не в состоянии. Взятая сама по себе, каждая другая цивилизация слишком слаба, чтобы в одиночку противостоять Западу по всем основным параметрам.

---

⁷ М.В. Александров. Методологические проблемы анализа феномена «гибридной войны» // «Долгосрочное прогнозирование международных отношений в интересах национальной безопасности России». Сборник докладов. / Под ред. А.И. Подберезкина. Москва: «МГИМО-Университет», 2016. - с. 41.

Например, российская цивилизация способна противостоять Западу в военном и военно-техническом отношении, но в области экономики ее мировые позиции довольно слабы. Восточноазиатская цивилизация может противостоять экономически, но не способна противостоять в военной области. Исламская цивилизация давно бросила небезуспешный идейный вызов Западу, но вынуждена обороняться под сильным экономическим и военным давлением.

В то же время степень координации незападных цивилизаций для поиска общих решений мировых проблем еще не достаточно сильна, чтобы сформировать единую позицию по ключевым вопросам. БРИКС представляет лишь зародыш такой координации. Более того, внутри незападных цивилизаций имеются сильные противоречия и разобщенность. Степень же координации внутри западной цивилизации намного выше и в последнее время только растет. Поэтому действуя по основным вопросам как единое целое, Запад в состоянии навязывать миру свою повестку дня. Другие же цивилизации, используя свои сильные стороны, могут лишь повлиять на нюансы этой политики и поставить некоторые ограничения действиям Запада. Однако вынудить его полностью изменить политику они не в состоянии.

Таким образом, дальнейшие сценарии развития МО будут зависеть от того, какую модель поведения выберут элиты западных стран. Таких моделей сейчас может быть всего две — модель кооперации с остальным миром или модель конфронтации, направленная на подчинение других цивилизаций своим интересам. Если бы была выбрана кооперационная модель, то это означало бы, что Запад пойдет по пути сотрудничества с другими цивилизациями по переустройству мировой системы на основе многополярности. Конфронтационная модель означает, что Запад выбрал путь противоборства с другими цивилизациями за сохранение своего глобального доминирования. Пока конфронтационная модель явно преобладает. А это означает, что противоборство Запада с другими цивилизациями, прежде всего российской, будет нарастать.

В рамках данного вектора развития международной системы возможны несколько сценариев развития международной обстановки. В частности, исследователи ЦВПИ выделили ряд таких возможных сценариев. Они включают:

- Сценарий сдерживания многополярности международной системы;
- Сценарий консервации однополярной системы международных отношений;
- Сценарий коллапса или раскола Запада;
- Сценарий согласованного перехода к многополярной системе международных отношений.

Эти сценарии развития МО были рассмотрены и подробно проанализированы в предыдущих публикациях ЦВПИ.⁸ Затем, с учетом субъективных факторов мировой политики, эти сценарии были сведены к одному наиболее вероятному сценарию развития МО, который получил условное название сценарий «Глобального военно-силового противоборства западной цивилизации с другими цивилизациями».

1.3. Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» как наиболее вероятный сценарий развития международной обстановки

Ситуация, сложившаяся к настоящему моменту на мировой арене, позволяет сделать вывод о том, что наиболее вероятным сценарием развития МО до 2050 года является сценарий

---

⁸ См.: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО, 2016. — С. 507-551.

«Глобального военно-силового противоборства западной цивилизации с другими мировыми цивилизациями» (далее — сценарий «Глобального военно-силового противоборства»). По своей сути данный сценарий непосредственно вытекает из исходного сценария, обозначенного нами как «Сценарий сдерживания многополярности международной системы». Сценарий «Глобального военно-силового противоборства» можно рассматривать как наивысшую ступень развития исходного сценария, когда интенсивность и ожесточенность межцивилизационной борьбы достигнет своего максимума. На этой стадии силовые методы в противоборстве западной цивилизации с другими цивилизациями, и прежде всего, с российской цивилизацией, становятся преобладающими.

Этот сценарий предусматривает реализацию Западом соответствующей стратегии, которая имеет следующие характеристики:

основная цель — сохранение контроля западной ЛЧЦ над созданными ею финансово-экономическими, военно-политическими и правовыми мировыми системами;

основные средства — полный спектр политико-дипломатических, финансовых, экономических и информационных, а также военных средств, используемых в качестве принуждения;

основной способ — системное и силовое использование всех этих средств, для достижения поставленной цели. При этом предполагается использование не только государственных, но и общественных, и частных ресурсов для достижения поставленных целей;

основной принцип — сетцентричность, объединение всех ресурсов, включая информационные, в режиме реального времени.

Осознав, что остановить развитие многополярности мировой системы политическими средствами не представляется возможным, Запад при осуществлении своей стратегии все более будет опираться на использование силовых и даже вооруженных средств борьбы. Совершенно очевидно, что стратегия западной ЛЧЦ предполагает:

— системное использование всех средств насилия и принуждения, не разделяя их на «чисто» военные и невоенные, когда по отношению к заявленной политической цели используется

весь арсенал сил и средств «мягкой», «жесткой» и «силы принуждения» одновременно, усиливая акценты на некоторых из них в зависимости от внешних и внутренних условий;

- использование всех сил и средств, предполагается на сетечентрической основе одновременно против всех (или большинства) объектов. Давлению и нападению должно подвергнуться максимально большое число объектов и функций противника — от киберопераций и действий СМИ до массированных налетов с применением ВТО.

Таким образом, стратегия Запада в контексте сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает самый широкий набор средств, интегрированных в единую систему, под сетечентрическим управлением в глобальном масштабе. Такая система ориентирована на опережающий по времени процесс сбора и передачи информации, ее анализ и принятие решений, которые позволяют полностью контролировать развитие сценария МО, включая и вероятную эскалацию военного конфликта. Информационное превосходство западной ЛЧЦ — главная особенность будущего сценария МО, позволяющая сохранять инициативу и выбрать тот или иной вариант развития событий.

В рамках этого сценария именно Россия рассматривается Западом, как главный противник, устранение которого позволит решительным образом изменить существующий баланс военных сил в свою пользу и продиктовать свою волю остальному человечеству. Поэтому стратегия Запада в отношении России является бескомпромиссной по своим целям, хотя и может несколько отличаться по средствам, среди которых для США желательно было бы избежать наиболее масштабных и острых форм военного противоборства. Сути стратегии (цели) это не меняет: они остаются решительными и далеко идущими, включая не только расчленение российского государства, но и конечную ликвидацию российской нации.

С точки зрения геополитической, Россия как нация и государство должны быть ликвидированы, что обеспечит западной ЛЧЦ решение основных конкретных задач:

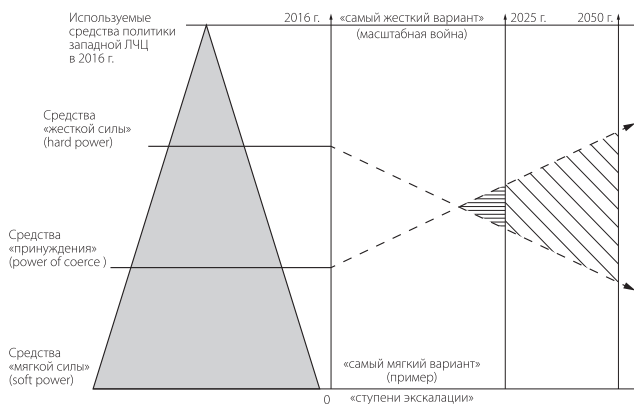
- устранение геополитического конкурента в Евразии;

- ликвидация потенциально враждебного центра интеграции;
- раздел природных ресурсов и территории;
- ликвидация российского контроля над транспортными коридорами.

Очевидно, что компромисса по этим вопросам быть не может. Запад уже не готов к компромиссу относительно раздела сфер влияния и контроля. Ему нужна «окончательная» победа. При этом понимание полной и окончательной победы в XXI веке иное, чем в предыдущей истории: «полная» победа — это контроль над политической элитой, системой ценностей и обществом, а не оккупация территории или разгром армии. Соответственно это обстоятельство формирует не только условия, но и средства и способы стратегии достижения поставленной цели.

Это означает, что применительно к России силовые аспекты сценария будут вплоть до 2025 года во все большей степени трансформироваться в военные, а собственно военные приобретать все более масштабные формы. Рубеж 2023—2025 годов станет «фазовым» переходом от «просто» состояния военно-силовой конфронтации к состоянию военного конфликта, который будет развиваться впоследствии до все более крупных размеров, приобретая форму глобальной войны. Это развитие данного варианта стратегии западной ЛЧЦ можно представить следующим образом.

Рис. 1.1. Развитие варианта сценария глобального «военно-силового противоборства» до 2025 и до 2050 годов.

Из этого рисунка видно, что сценарий «Глобального военно-силового противоборства» предполагает сближение и «наложение» военных и других средств принуждения к 2025 году и фактически их полное совмещение — к 2050 году. Западная цивилизация действует довольно гибко — применяет те виды силы, которые можно использовать наиболее эффективно: с наименьшими затратами и не подвергая себя излишнему риску. Западная ЛЧЦ выбирает и конкретный период времени и форму использования силовой политики по отношению к тому или иному субъекту МО.

Таким образом, налицо очевидное противоречие между объективным ходом мирового развития, который ведет к неизбежному краху глобального доминирования западной ЛЧЦ, с одной стороны, и усилением силовых и военных компонентов в политике западной ЛЧЦ, с другой. Такие противоречия, как показывает мировая история, как правило, ведут к региональным и даже глобальным войнам между ЛЧЦ и нациями, стоящими во главе этих цивилизаций.

В то же время, в зависимости от ряда условий, в первую очередь от степени противодействия российской стороны, данный сценарий может иметь как минимум три варианта своего развития: «оптимистический», «реалистический» и «пессимистический». Наглядно это разделение показано на нижеследующей схеме. Эти варианты одного и того же сценария отличаются прежде всего ролью, значением, масштабом и интенсивностью использования военной силы.

Рис. 1.2. Самый общий сценарий развития МО после 2021 года

Вариант № 1 («оптимистический») предполагает достаточно быстрое замещение политико-дипломатических средств обеспечения международной, региональной и национальной безопасности военно-политическими и военно-техническими средствами, девальвацию международных институтов безопасности и их вытеснение коалиционными институтами (ООН и ОБСЕ, например, Евросоюзом и НАТО), а также создание новых способов и средств силового обеспечения глобальной политики.

Этот вариант, в частности, предусматривает в политической области системное сочетание как политико-силовых, экономико- и финансово-силовых методов с вооруженными методами, ограниченными по способам, средствам и масштабам использования военной силы, так и сетцентрические методы ведения вооруженной борьбы. Сочетание усиления силовых мер, сворачивание сотрудничества и постепенное втягивание в вооруженное противостояние в 2014—2015 годах отчетливо характеризуют этот вариант.

Как и в годы холодной войны, «оптимистический» сценарий военного противоборства не предполагает массового вооруженного воздействия со стороны западной ЛЧЦ: этот риск планируется минимизировать за счет использования вооруженных сил сателлитов, ЧВК, и инструкторов, которые смогут использовать качественную военную технику и вооружения (как, например, «Стингеры» в Афганистане). Пример с поставками военного снаряжения на Украину в 2015 году и направление американских спецподразделений в Сирию — только самое начало этого процесса. Поэтому «оптимистический» вариант сценария «Глобального военно-силового противоборства» предполагает в то же время эскалацию военного конфликта до существенно больших масштабов, чем это имеет место сейчас.

Вместе с тем, сохранение «оптимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» может прогнозироваться в случае сохранения части относительно благоприятных внешних условий, которые могут существовать в 20-ые годы XXI века и которые будут ограничивать

собственно вооруженные (но не силовые) способы воздействия, а именно:

- сохранения достаточно высокого уровня противоречий в рамках сложившейся военно-политической коалиции западной ЛЧЦ;
- успешного развития интеграционного проекта в Евразии вокруг «российского ядра»;
- нарастание противоречий между западной ЛЧЦ и другими локальными цивилизациями, прежде всего, исламской, китайской и латиноамериканской;
- успехи в технологическом, социально-экономическом и военно-политическом развитии России и ее союзников.

Очевидно, что в перспективе до 2025 года, когда указанные выше и другие тенденции в целом известны, можно рассчитывать на то, что западная ЛЧЦ не успеет в полной мере подготовиться к новому этапу и сценарию развития МО, в т.ч. в военно-технической области, что существенно скажется на ее возможностях и сделает этот «оптимистический» вариант сценария развития достаточно вероятным.

Вариант № 2 («реалистический»). Переход гибридной войны Запада против России на качественно новый уровень, предполагающий постепенную смену существовавшей парадигмы на парадигму открытого военного противоборства. По сути дела этот вариант предполагает открытую войну, ограниченную отдельными ТВД, средствами и способами ее ведения, а также масштабами и интенсивностью применения военной силы.

Вероятность этого варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» после 2021 года во многом определяется не только развитием тенденций, указанных для Варианта № 1, но и силой существующей инерции, эффективностью сложившихся международных механизмов, прав, традиций и привычек. С некоторой долей условности можно провести сравнение с нарастанием военно-силового противоборства перед Второй мировой войной. Речь, в частности, идет о гражданской войне 1936-39 гг. в Испании; начале войны Японии с

Китаем в 1937 г.; расчленении в 1938 г. Чехословакии и вооруженном конфликте Японии с Монголией и СССР на реке Халхин-Гол в 1939 году.

К 2025 году этот вариант сценария развития МО неизбежно перерастет в прямое военное противоборство с западной ЛЧЦ, которое будет подготовлено постепенно эскалацией вооруженного и силового противостояния по схеме постепенного «втягивания» вооруженных сил США и НАТО в войну. Этот процесс будет, как представляется, характерен не только для конфликта на Украине, но и в других регионах, в частности в Сирии.

Вариант № 3 («пессимистический»), предполагает радикальную смену парадигмы развития МО уже в 2021—2022 гг. и перехода к глобальной войне к 2025 году. То есть войне не ограниченной ни ТВД, ни способами, ни средствами ведения войны. Огромные риски развития такого варианта компенсируются новыми технологическими возможностями в области ВТО и ПРО, а также расчетом на контроль эскалации с целью избежать перехода к стратегической ядерной войне. Однако, срыв международной обстановки к тотальной ядерной войне в рамках данного сценария, скорее всего, предотвратить не удастся. Вероятность «пессимистического» варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» можно оценить в 10—15%.

Таким образом, все три варианта данного общемирового сценария предполагают после 2021 года усиление силового воздействия на внутреннюю политику государств. Более того, можно сказать, что после 2021 г. основной акцент в силовой и собственно военной области противоборства будет сделан именно на ведении операций по уничтожению государств изнутри. Конечная цель такой политики — превращение государства и его институтов в контролируемый субъект международных отношений, строго выполняющий те законы, нормы и указания, которые формулируются западной ЛЧЦ. Такая цель в обязательном порядке предполагает, в конечном счете, разрушение государства, его институтов, как наиболее эффективных инструментов управления обществом и нацией, и замена этих институтов на контролируемые или

подконтрольные структуры, которые в этом качестве начинают выполнять антигосударственные функции.

Поэтому при реализации варианта сценария «Глобального военно-силового противоборства» параллельно с эскалацией военных действий и подготовке к оккупации будет происходить опережающая эскалация действий и спецопераций по демонтажу государства. Пример с Украиной — очень наглядное подтверждение базовой модели такой эскалации, когда захват силовых органов страны и дезорганизация их деятельности привели к параличу власти и не потребовали прямого военного насилия, которое неизбежно было бы связано с серьезными рисками. Сочетание политического использования военной силы (угрозы президенту Украины В. Януковичу) с дезорганизацией институтов государства привело к быстрой победе.

В данной работе общемировой сценарий «Глобального военно-силового противоборства», включая все три его варианта, является основой, концептуальной базой построения более конкретных прогнозов распределенных по странам и регионам. В этих более конкретных прогнозах предпринята попытка детализировать перспективы развития основных регионов мира и наиболее значимых стран по различным областям, начиная от экономики и внутренней политики (где это уместно), до военной и внешнеполитической стратегии.

Глава II

Перспективы развития США как опорной страны западной цивилизации

2.1.   Сценарий «Военно-силового противоборства за сохранение мирового лидерства» как базовый сценарий развития США до 2025 года

В стратегическом прогнозе тенденции развития США следует исходить из того, что значение этой страны в настоящее время определяется тем, что она, является не только бесспорным мировым политическим, военным и финансово-экономическим лидером, но и лидером научно-техническим и технологическим. Принципиальным положением внешней и военной политики правящих кругов США является стремление не только опереться на эти преимущества, но и сделать их решающими факторами в борьбе за сохранение своего контроля в мире.⁹

Эта тенденция с высокой степенью вероятности в целом до 2025 года не только сохранится, но и может усилиться. Во всяком случае, правящая элита США ставит такую задачу как общую для демократов и республиканцев на будущее. Таким образом, следует исходить из данности того, что США останутся мировым лидером до 2025 года, как минимум, что будет обеспечено их лидерством в военно-политической и военно-технической областях. Вместе с тем такое развитие США может идти по нескольким конкретным вариантам

---

⁹ The National Security Strategy of the United States. — Wash., 2016.

существующего сценария до 2025 года в рамках сохраняющихся парадигм, а до 2050 года в рамках существенно измененных парадигм мирового и национального развития¹⁰.

Споры о выборе стратегии (сценария) развития США ведутся в 2016–2017 годы особенно активно. Причем на фоне уже избранной стратегии развития они представляются странными. Но это не так. Правящая элита США вновь и вновь «проверяет себя» по критерию «стоимость-эффективность» с тем, чтобы в случае необходимости быстро внести необходимые изменения. Примером такого анализа стала очередная работа РЭНД, опубликованная в феврале 2017 года, где рассматриваются три принципиальные стратегии развития США и возможные их последствия. Как видно из **таблицы 2.1.** теоретически возможными считаются многие варианты, хотя на практике они превращаются в варианты одного и того же сценария.

В данной работе перспективы развития США рассматриваются в контексте сценария «Глобального военно-силового противоборства», описанного в предыдущей главе. Соответственно этому глобальному сценарию, прогноз развития США разбит на два временных отрезка — среднесрочный до 2025 года и долгосрочный, охватывающий 2025–2050 годы. В этом контексте сценарий развития США, как страны, можно условно назвать сценарием «Военно-силового противоборства за сохранение мирового лидерства» (далее — сценарий «Военно-силового противоборства»).

Первый период — 2017–2025 годы, достаточно благополучный и возможно успешный для США, характеризуется сохранением их роли в мире. И не только в экономической и научно-технической областях, но и в целом — в политике и экономике — даже на фоне быстрого роста других центров силы, прежде всего Китая и Индии. Однако и технологически, и политически, и в военном плане США будут оставаться бесспорным мировым лидером. Более того, учитывая огромный научный и технологический задел, достигнутый

---

¹⁰ Подберезкин А.И. Третья мировая война против России: введение к исследованию. — М.: МГИМО, 2015.

Таблица 2.1. Strategies and Outcomes

Strategy Chosen	«Долой Америка» («Come Home America» Assumptions Come to Past)	«Незаменимая страна» («Indispensable Nation» Assumptions Come to Pass)	«Проворная Америка» («Agile America» Assumptions Come to Pass)
«Долой Америку» («Come Home America» Domestic renewal, international restraint)	Best	World more threatening to U.S. interests; nation underinsured	Insufficient innovation; others define rules of global trade
«Незаменимая страна» («Indispensable Nation» Promoter of world order)	Worth less threatening; drained resources: nation overinsured	Best	U.S. indebted; economic growth suffers; U.S. not well positioned for new opportunities
«Проворная Америка» («Agile America» Adapt and compete in a changing world)	Drained resources; U.S. actions create tensions where they may not have existed	Others lead or chaos spreads	Best

в предыдущие годы, США смогут даже увеличить свое экономическое лидерство, что становится прямой целью президента Д. Трампа, заявляющего о необходимости добиться 3,5% роста ВВП США в будущем. Эти результаты будут особенно заметны на фоне относительно скромных результатов развития союзников США по западной коалиции.

В США, согласно прогнозу ОЭСР, внутренний спрос усилится благодаря росту благосостояния домохозяйств и политике администрации Д. Трампа. Рост ВВП, как минимум ускорится до 2,4% в 2017 году и до 2,8% в 2018 году за счет ожидающегося увеличения бюджетных расходов. Это контрастирует с умеренными темпами роста, которые сохранятся в еврозоне: ВВП 19 стран ЕС увеличится

на 1,6% в 2017 и 2018 гг. В Японии финансовое стимулирование и более активное участие женщин в рабочей силе помогут ускорить рост экономики до 1,2% в 2017 году по сравнению с 1% в 2016 г. Рост в Китае, как ожидается, замедлится с 6,7% в 2016 г. до 6,5% в 2017 г. и до 6,3% в 2018 г., а до 2025 года, вероятно, снизится до 5,0 — 5,5%, поскольку КНР осуществляет переход от ориентации на внешний спрос и тяжелую промышленность к ориентации на внутреннее потребление и сферу услуг¹¹.

Таким образом, на фоне ряда других государств до 2025 года относительная мощь США увеличится, а в рамках западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции это усиление позиций США будет еще более заметным. Вместе с тем уже сегодня в правящей элите США хорошо понимают, что в долгосрочной перспективе до 2050 годов ситуация в мире может существенно измениться, что неизбежно повлияет на абсолютное и относительное лидерство США. И соответственно заранее делают необходимые выводы о необходимых шагах до 2025 года, которые нейтрализовали бы будущее возможное ослабление позиций страны.

В **таблице 2.2** показана динамика рейтинга стран мира по ВВП согласно прогнозу PwC¹². В отчете также содержатся прогнозные показатели ВВП по рыночным обменным курсам без корректировки относительных цен. При таком расчете Китай обгонит США примерно в 2028 году, а Индия однозначно займет третье место в рейтинге крупнейших экономик мира в 2050 году, немного отставая от США (а по другим прогнозам и обойдет США к 2050 году).

Самый общий, логически-формальный вид стратегического прогноза базового сценария развития США до 2025 года представлен на **рисунке 2.1**.

Итак, Соединение Штаты выступают лидером и основным выгодополучателем до 2025 года. Единственным возможным

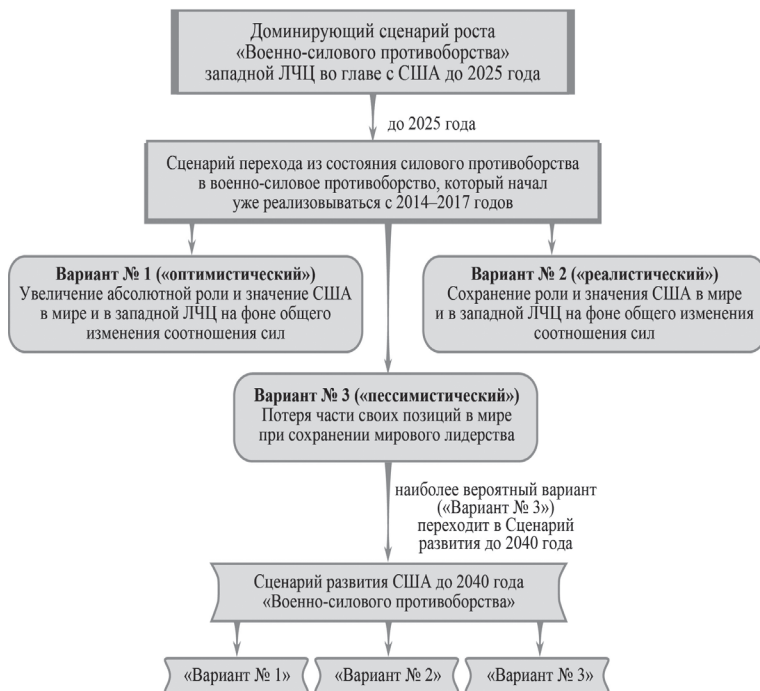
¹¹ Мировая экономика. Рост мировой экономики ускорится до 3,6% в 2017 г. / Эл. ресурс: «Институт эволюционной экономики», 2017. 9 марта / <http://iee.org.ua/ru/prognoz/5547/>

¹² Экономический прогноз «Мир в 2050 году», 2017. 7 марта / http://www.pwc.ru/ru/press-20releases/2015/economic_forecast_2050.html

Таблица 2.2. Прогнозный рейтинг стран по размеру ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС) (в постоянных ценах 2014 года, выраженных в долларах США)

2014 г.		2030 г.		2050 г.	
Страна	ВВП по ППС (млрд. долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (млрд. долл. США за 2014 г.)	Страна	Прогнозируемый размер ВВП по ППС (млрд. долл. США за 2014 г.)
Китай	17 632	Китай	36 112	Китай	61 079
США	17 416	США	25 451	Индия	42 205
Индия	7 277	Индия	17 138	США	41 384
Япония	4 788	Япония	6 006	Индонезия	12 210
Германия	3 621	Индонезия	5 486	Бразилия	9 164
Россия	3 559	Бразилия	4 996	Мексика	8 014
Бразилия	3 073	Россия	4 854	Япония	7 914
Франция	2 587	Германия	4 590	Россия	7 575
Индонезия	2 554	Мексика	3 985	Нигерия	7 345
Великобритания	2 435	Великобритания	3 586	Германия	6 338
Мексика	2 143	Франция	3 418	Великобритания	5 744
Италия	2 066	Саудовская Аравия	3 212	Саудовская Аравия	5 488
Южная Корея	1 790	Южная Корея	2 818	Франция	5 207
Саудовская Аравия	1 652	Турция	2 714	Турция	5 102

Стратегический прогноз базового сценария развития США до 2025 года

Рис. 2.1 Стратегический прогноз базового сценария развития США до 2025 года.

конкурентом на экономической и «технологической поляне» может стать Китай, но это может произойти только в нескольких отдельных научно-технических и технологических областях. На коалиционном антизападном фронте возможно формирование межцивилизационных союзов и клубов, имеющих определенную антизападную и антиамериканскую направленность во главе с некоторыми ЛЧЦ, прежде всего российской, китайской, исламской и — в более далекой перспективе бразильской, индонезийской и др. Тем не менее, в среднесрочной перспективе сохранится контроль США над системой союзов, созданной ранее. Более того, к этой коалиции смогут добавиться не только отдельные страны, например, Вьетнам, но и

целые ЛЧЦ, например, Индия, которая может стать к 2050 году второй по величине ВВП страной в мире. Таким образом, два основных «столпа» американской мощи — технологическое и экономическое превосходство, с одной стороны, и возглавляемая ими широкая западная коалиция, с другой стороны, — в среднесрочной перспективе до 2025 года сохранятся.

2.2. Три варианта базового сценария развития США до 2025 года

Выбор в качестве наиболее вероятного сценария развития США до 2025 года представляет собой достаточно широкие рамки для маневра и принятия тех или иных решений правящей элитой страны. Так, этот сценарий в начале 2017 года допускал приход к власти как Д. Трампа, так и Х. Клинтон, не исключая и других, «промежуточных» вариантов. Основное направление и темпы движения по нему были predetermined задолго до выборов президента США в ноябре 2016 года, а некоторые (порой существенные) детали, не влияли в целом на весь сценарий.

Поэтому в рамках этого базового сценария сохраняется вероятность определенного своеобразия, вызванного субъективными факторами. А это позволяет говорить о том, что реализация базового сценария возможна как минимум в трех вариантах. Дело в том, что базовый сценарий развития МО или государства достаточно абстрактен и основан на формальной логике, известных парадигмах и отсутствии массы переменных величин. Это предполагает, что его реализация в конкретный

период времени и при определенных конкретных условиях будет происходить по одному из наиболее вероятных и конкретных вариантов. Так, например, если базовый сценарий развития США один, то при его реализации администрацией Трампа или Клинтон он будет носить определенные конкретные черты и особенности того или иного варианта. Эти варианты будут находиться в целом в рамках одного сценария, но в деталях (иногда существенных для конкретных аспектов безопасности) могут отличаться. Условно эти три варианта развития базового сценария можно обозначить как «оптимистический», «реалистический» и «пессимистический».

2.2.1. «Оптимистический» вариант сценария развития США до 2025 года

В соответствии с таким вариантом сценария США увеличат абсолютно и относительно свое научно-технологическое и экономическое превосходство, как в рамках западной коалиции, так и в мире в целом до 2025 года. Этот рост будет сопровождаться усилением влияния США как в мире в целом, так и в рамках созданной США широкой военно-политической коалиции. Этот вариант сценария олицетворяет сегодня, прежде всего, подход значительной части консервативной американской элиты, возглавляемой Д. Трампом. Точнее — частью республиканского истеблишмента, ориентированного на то, чтобы США превратились из лидера Запада (несущего за многие страны коалиции бремя ответственности) в безусловного гегемона. Не случайно главные его лозунги: «Больше покупайте!» и «Больше производите в США!» нашли отклик у значительной части истеблишмента.

Скорее всего, в рамках реализации этого варианта сценария, можно говорить о постепенном формировании общего знаменателя между установками Дональда Трампа об ориентации

на национальные интересы США в их узком понимании и глобалистскими традициями республиканского консервативного истеблишмента. При этом по целому ряду вопросов (одностронность, максимизация военного превосходства США, максимальная свобода рук по части оборонной политики, утилитарный подход к союзническим отношениям) эти два компонента вполне совпадают друг с другом. И не только в рамках республиканского, но и демократического и даже общенационального консенсуса.

В соответствии с этим общим знаменателем, а также исходя из выступлений Пенса и Мэттиса в Мюнхене, стратегическую цель внешней политики администрации Трампа можно определить следующим образом: обеспечить новое усиление Запада — и прежде всего США, как его центра, — возродить его глобальное первенство в материальном плане. Данная формулировка, призванная вызывать аналогии с рейгановскими временами, полностью соответствует лозунгам Трампа о возрождении величия США и проведении политики «Америка, прежде всего».

И Трамп, и представители истеблишмента внутри администрации сходятся в одном: невозможно лидировать и успешно бороться с угрозами, не будучи самым сильным. Оба лагеря соглашаются, что активное перераспределение силы в пользу незападных великих держав и «проседание» США происходило в последнее десятилетие потому, что Америка слишком много тратила на попытки переделать другие страны и слишком мало занималась собственной экономикой и военной мощью. Пришло время заняться самоусилением, сфокусироваться на доминировании, а не лидерстве как таковом. Отсюда — экономический национализм администрации Трампа, ее намерение существенно нарастить военные расходы и требование к европейцам делать то же самое.

В настоящее время сформировалось относительно внятное представление об иерархии угроз национальной безопасности США — как она понимается новой администрацией.

На первое место выдвинута угроза: «международный исламский терроризм» в целом (примечательно, что с приходом Трампа прилагательное «исламский» в словосочетании «международный терроризм» перестало быть табуированным) и прежде всего ДАИШ (террористическая организация, запрещенная в РФ).

На второе — Иран, который рассматривается и как главный спонсор терроризма, и как распространитель оружия массового поражения и ракетных технологий.

На третье место были отнесены Северная Корея и распространение ОМУ и ракетных технологий в целом.

Россия подразумевалась как вызов европейской безопасности и НАТО, но не была названа угрозой национальной безопасности США открыто и прямо. В этом — серьезное отличие от подхода администрации Обамы, официально ставившей Москву на одну планку с ДАИШ и вирусом «Эбола». При этом, то время, которое Пенс и Мэттис уделили в своих выступлениях терроризму и Ирану на конференции по безопасности в Мюнхене в начале 2017 года, несопоставимо больше того, что было посвящено России»¹³.

Впрочем, не исключено, что такое перераспределение приоритетов является лишь тактической уловкой с целью дезориентировать Москву, притупить ее бдительность, сформировать ложные иллюзии по поводу возможности нормализации отношений с США и тем самым парализовать внешнеполитическую активность России.

Рассмотрим основные характеристики (ключевые параметры) развития США по «Варианту №1» Сценария до 2025 года. Прежде всего, в области государственного управления США наблюдается неожиданное для многих нарастание противоречий, граничащих с социальными потрясениями, во внутренней политике по осям:

---

¹³ Внешняя политика США — «большая сделка» между белым домом и республиканским истеблишментом. 2017. 3 марта / <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vneshnyaya-politika-ssha-bolshaya-sdelka/>

-
- американское общество, бизнес и бюрократия, которую Трамп сделал своей мишенью в ходе избирательной кампании, но с которой ему не удастся справиться;
  - новые и старые классы и социальные слои, представляющие традиционную и новую экономику США;
  - этнические группы и сообщества, особенно быстро растущие латиноамериканские, которые формируют потенциальную угрозу внутриполитической стабильности США;
  - креативные и традиционные слои правящего класса и американского истеблишмента, отношения между которыми приобрели достаточно конфликтный характер, что наглядно проявилось в ходе избирательной кампании.

Эти противоречия особенно наглядно проявились после победы Д. Трампа на выборах президента страны, когда традиционные социальные слои, этнические группы и часть истеблишмента в основном поддержали нового президента.

К 2017 году в результате настойчивых усилий политологов и глобалистской элиты сложилось достаточно ложное впечатление о том, что «Нация-государство сегодня не правит бал, но и не выходит из употребления ни в качестве реальности, ни в качестве идеала»¹⁴. Как справедливо отмечают критики, насчет «правителей бала» следует заметить, что далеко не бизнес-корпорации, не международные организации и не НПО определяют траектории современного развития. Образование, профессиональная культура и даже «не имеющая границ» наука существуют и поддерживаются в рамках национальных государственных институтов и за счет странных налогоплательщиков.

Системы здравоохранения, социальных служб защиты и поддержки — это также государство. Но самое важное — это определение, именно государством, правовых норм человеческого общежития, от правил дорожного движения до наказания за насилие и другие формы девиантного поведения личности

---

¹⁴ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: Разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм / Пер с англ. и нем. М., 2002. С. 408-409.

или группы. Государства, при наличии склонности к соперничеству, экспансии или изоляционизму, тем не менее обеспечивают безопасность граждан от внутренних и внешних угроз, включая противодействие международным террористическим сообществам.

Даже в сфере экономики, где, казалось бы, правит бал «невидимая рука» рынка, налицо данные, опровергающие предположения об отмирании государства и размывании суверенитета. Так, например, в условиях мирового финансового кризиса 2008-2010 гг. именно политика ведущих государств позволила справиться с кризисом... «в своей стране, в сопредельных с ней регионах и в мире»¹⁵.

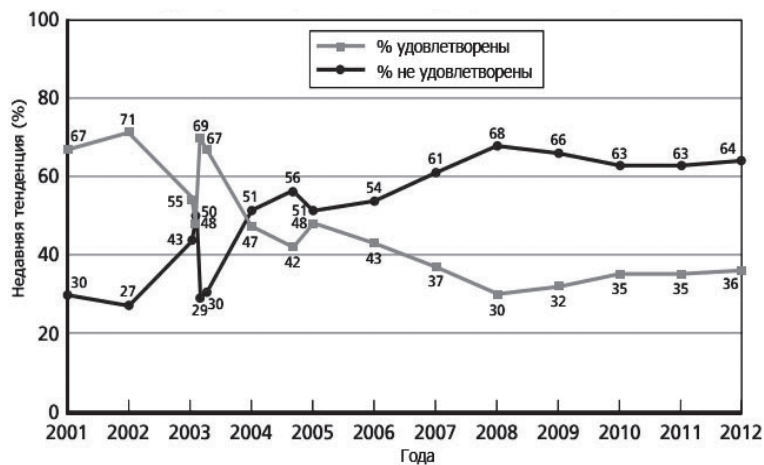

Рис. 2.2 Дискуссия о роли США в мире (2000 – 2012 гг.)¹⁶

Территория США до 2025 года не предполагает существенного изменения. Здесь, однако, следует иметь в виду, что понятие

¹⁵ Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. С. 149-156.

¹⁶ «U.S. Position in the World», 2016 / RAND RR1631-2.5

«территория» для США во многом сводится к понятию контроля над какой-то территорией, который в последние годы может осуществляться не только непосредственно через военно-политическое и иное присутствие США, но и через опосредованное. Есть основания полагать, что будут продвигаться до 2025 года следующие два направления такой политики:

- создание новых членов военно-политической коалиции западной ЛЧЦ из числа новых государств и акторов;
- формирование за рубежом «облачных противников», продвигающих интересы США, в том числе с помощью военной силы (по примеру «Правого сектора» на Украине, антиасадовской коалиции в Сирии и т.д.).

Природные ресурсы будут играть до 2025 года все возрастающую роль, несмотря на успехи ресурсо- и энергосберегающих технологий. Также и демографические факторы будут иметь возрастающее значение, причем уже в среднесрочной перспективе, в двух основных аспектах:

- в качестве и количестве человеческого капитала, который во все большей степени определяет динамику развития и мощь государства;
- в качестве и количестве институтов человеческого капитала, определяющих эффективность государственного и общественного управления.

Экономика, которая всегда в последние два столетия играла определяющую роль в политике и позиции США, будет развиваться достаточно динамично, что объясняется сохранением американского лидерства в науке, технологиях и образовании, основы которого закладывались в предыдущие десятилетия.

Быстрее других стран будет изменяться структура американской экономики, в которой доля нового технологического уклада будет увеличиваться динамичнее, чем в других странах. США смогут сохранить за собой уникальную возможность развивать все основные направления научно-технического прогресса. В целом это обеспечит прирост американской экономики (нового качества) на 60-75% до 2050 года.

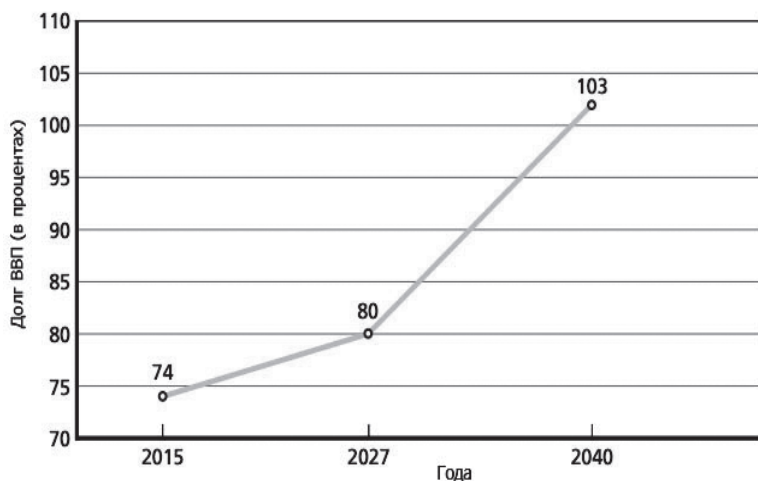

Рис.2.3. Доля долга США в % от ВВП.

Сохранится, вместе с тем, и определенная зависимость США от внешних заимствований, значение которой, однако, не стоит преувеличивать. Темпы роста этой зависимости (в случае их сохранения) не выйдут за рамки возможностей США. (Рис. 2.3.)¹⁷

Культура и религия в XXI веке стали играть исключительно важную роль в политике США, и постепенно будут превращаться в главное поле противоборства. В конечном счете, победит та страна и ЛЧЦ, которая сумеет убедить остальные страны и ЛЧЦ в том, что ее система ценностей лучше, эффективнее и универсальнее. При этом средства и методы убеждения являются лишь частью всего спектра средств и методов принуждения в политике западной ЛЧЦ.

Доминирование систем ценностей, таким образом, совпадает по своей сути с лидерством и даже господством той или иной страны и ЛЧЦ в мире. Есть основания полагать, что правящие

¹⁷ *Howard J. Shatz*, U.S. International Economic Strategy in a Turbulent World, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, RR-1521-RC, 2016 / RAND RR1631-2.6

круги США сделают все возможное, чтобы усилить американское лидерство в мире в этой области, сделав лозунг «Америка — № 1» не только политико-экономическим, но и культурно-образовательным приоритетом.

Перенос соперничества ЛЧЦ в область систем ценностей, их уничтожение у противника, требует для США дополнительных усилий, в частности, в области силового продвижения и навязывания системы американских ценностей и норм (правил) мировому сообществу. Это означает, что информационно-психологические операции станут не только нормой использования политических инструментов, но и военных инструментов.

В целом ожидается резкое усиление противоборства в информационно-когнитивном плане, которое в системе последовательности внешнеполитических приоритетов противоборства США и западной ЛЧЦ можно представить на следующем рисунке.

Рис. 2.4 Информационно-когнитивное противоборство США с другими странами и акторами
(последовательность шагов).

Как видно из рисунка, приоритетная задача — «денационализация» правящей элиты. Это означает, прежде всего, разрушение или дезориентацию национальной системы ценностей. Это — глобальная стратегическая задача, реализацией которой занимаются США последние десятилетия. Важная составная ее часть — разрушение идеологии других стран и препятствие созданию новой идеологической системы.

Параллельно в систему национальных приоритетов вносится хаос, превращая нацию сначала просто в «граждан», а затем и

в толпу, которой можно управлять извне. Это, в свою очередь, требует разрушения национальных институтов культуры, искусства и религии. Именно на такую стадию США планируют перейти в своей политике по отношению к России до 2025 года.

Наука и образование, определяющие в XXI веке место государства в экономическом и социально-политическом мировом укладе будут оказывать решающее влияние на развитие США, которое будет, прежде всего, производным от особенностей мирового развития 2017-2050 годов — «переходного периода» - и той роли, которую в этом периоде будут играть новейшие технологии. В этой области до 2025 года ожидается усиление и без того очень активной политики США внутри и за рубежом, которая проявится в следующих формах:

- организации массовой «утечки мозгов» в США и перетока технологий;
- попытках установить контроль путем «универсализации» над мировой наукой, образованием и кадрами;
- дополнительных крупных инвестиций в новые технологии и НИОКР.

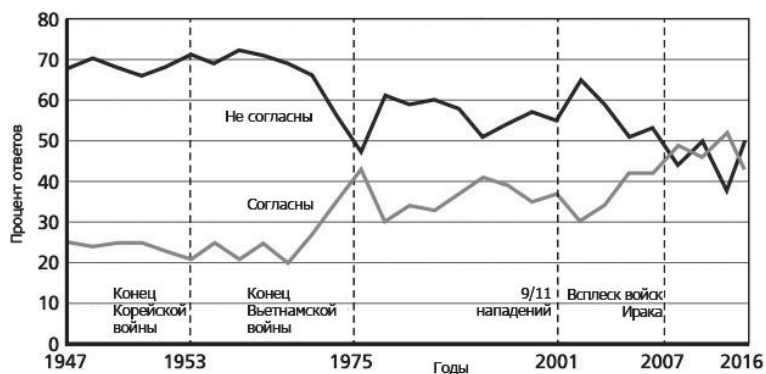
В соответствии с этим вариантом сценария предполагается увеличение роли и значения внешней политики в среднесрочной перспективе для политики США в целом, несмотря на некий эгоизм и изоляционизм, декларируемые Д. Трампом. В начале 2017 года, очевидно, что Д. Трамп выстраивает скорректированную стратегию развития США, как минимум, на следующие 8–9 лет, ориентированную на узкое (прагматическое) и даже этническое понимание американских национальных интересов, когда преемственность сочетается с более традиционным отношением «классических» республиканцев и американского истеблишмента. Первое выступление Д. Трампа перед Конгрессом — сдержанное и традиционное — подтверждает это соображение. Назначение неоконсерватора и сторонника открытой силовой политики Дж. Болтона — подтверждает этот вывод еще раз.

Иными словами, Д. Трамп никого не удивил. Его политика стала продолжением политики республиканцев со

времен «главного героя» Трампа президента начала 70-х Ричарда Никсона. В том числе и военной политики в отношении СССР и Вьетнама. Она стала во многом отражением общественного запроса на рост внутренних потребностей и свертывание внешнеполитической активности.

Вместе с тем не следует думать, что США перейдут к политике изоляционизма. Их смена акцента предполагает просто-напросто более эгоистическую внешнюю политику рационального использования национальных и коалиционных ресурсов. Это видно, например, на отношении Д. Трампа к НАТО, которое в течение 3 месяцев сменилось от системной критики («НАТО устарело») до критики финансирования («справедливо делить издержки»). Иллюстрацией этого тезиса являются социологические опросы, которые показывали, что в 2007-2016 годах сторонников и противников вмешательства США в дела других стран было примерно поровну.

Рис. 2.5. Опрос: должны ли США заниматься своими делами и давать делать то же самое другим странам¹⁸

¹⁸ Dina Smeltz, Foreign Policy in the New Millennium: Results of the 2012 Chicago Council Survey of American Public Opinion and U.S. Foreign Policy, Chicago, Ill.: Chicago Council on Global Affairs, 2012; Pew Research Center, 2016b / RAND RR1631-1.1

Из этого следует, что не нужно необоснованно рассчитывать на некие договоренности с Д. Трампом, которые могут быть исключительно следствием голых расчетов. В российской правящей элите, как и прежде в советской, остались влиятельные и настырные группы, продолжающие спекулировать на возможности достижения «равноправных» договоренностей с США. В памяти многих экспертов осталась «разрядка» и договоры по СНВ и ПРО, которые в действительности были просто вынужденным шагом США, боявшихся отстать в неконтролируемой гонке наступательных и оборонительных вооружений. Положительный эффект этих соглашений быстро иссяк, а ощущение обмана после этого сохранилось и особенно усилилось во времена Горбачева, заключившего сомнительные договоренности в области ограничения и сокращения вооружений.

Собственно инициативы США, особенно в области ядерного разоружения, будут направлены на консолидацию международного «общественного» мнения в антироссийском ключе под лозунгом «полной ликвидации ядерного оружия».

Возвращение к политике республиканцев Никсона–Рейгана означает, что сделана ставка на новое усиление позиции США как лидера западной ЛЧЦ и центра силы, возрождение глобального превосходства. Пафос Трампа и его команды полностью подтверждает эту стратегию — быть «самым сильным» и регулярно доказывать это.

Сказанное означает только одно: ставка на военно-силовой сценарий противоборства с Россией и другими ЛЧЦ становится не только наиболее вероятным, но и публичным средством политики, а силовое воздействие на элиту противника (которое признано как наиболее эффективное силовое средство) получает формальную поддержку. Этот вывод, в частности, находит свое прямое выражение в базовой стратегии западной ЛЧЦ, которая получила свое название «политика новой публичной дипломатии», а на самом деле стала новым вариантом политики системного использования силы — политики «силового принуждения» (the power to coerce), которая и является реальной политикой США.

Ее эволюцию в 2017-2025 годы можно продемонстрировать на **рисунке 2.6**. Из него, в частности, видно, что значительно расширяется весь «силовой набор» средств принуждения — от традиционного спектра средств «мягкой силы» (о чем часто говорят) до разработки новых средств и способов военно-силового принуждения (о чем говорят значительно реже). Ожидается, что именно в этом спектре сил и средств будет в 2017-2025 годах развиваться политика принуждения США. Ее политико-дипломатическим прикрытием станет политика «новой публичной дипломатии», контуры которой просматриваются уже сегодня. В частности, речь идет о следующих особенностях:

- исключительной ориентации на дезинформацию и «сенсационность», не подкрепленную реальными фактами, но «обоснованную» псевдоаналитическими и специальными докладами, информацией и прочими поводами;
- массовой дезинформацией, использующей в своих целях превосходство США в СМИ и средствах передачи информации;
- целенаправленную мобилизацию общественного мнения через систему НПО и сетевых СМИ.

Соответственно у такой политики качественно меняется и набор силовых средств, с помощью которых планируется достичь сформулированных прежде целей. В самом общем виде эту эволюцию можно изобразить в **таблице 2.3**.

Это может значить только одно: дискредитация, политическое и физическое уничтожение представителей правящей элиты оппонентов превращается в политическую практику. В таком контексте смерти лидеров и послов приобретают совершенно иное звучание. Пока что на странные смерти Милошевича, Чаушеску, Кадаффи, Хусейна и других лидеров публично не обращают внимания, хотя уничтожение лидеров террористов и просто бойцов с помощью, в том числе, ударных беспилотников стало нормой.

Политика «новой публичной дипломатии» будет обеспечиваться военной силой и соответствующими военно-техническими возможностями. Примечательно, что в военно-стратегической области заметны определенные успехи США, которые

Таблица 2.3. Политика «Новой публичной дипломатии»

Главные цели публичной дипломатии во второй половине XX века:	Главные цели публичной дипломатии к началу XXI века:
1. Дестабилизация внутривнутриполитической ситуации в социалистических странах	1. Дезорганизация государственного управления, отказ от суверенной внешней и внутренней политики
2. Продвижение системы ценностей западной ЛЧЦ	2. Смена системы ценностей и представлений о национальных интересах
3. Формирование оппозиции внутри социалистического блока	3. Смена политических элит на контролируемые со стороны западной ЛЧЦ
Основные ресурсы:	Основные ресурсы:
1. Государственные средства внешней политики, СМИ и специальные средства	1. Масштабное использование государственных, частных и общественных ресурсов, всех СМИ, специальных средств не только разведсообществ, но и других министерств (МО, финансов и др.) и ведомств
2. Поддержка групп оппозиции в социалистических и развивающихся странах	2. Создание специальных сил и групп внутри противостоящих сообществ, способных вести силовую, в т.ч. вооруженную борьбу
Стратегия:	Стратегия:
1. Пропагандистско-информационное обеспечение внешнеполитической стратегии США и стран НАТО	1. Сетецентрическая стратегия, предполагающая интеграцию всех средств публичной дипломатии с силовыми и вооруженными средствами коалиции западной ЛЧЦ

нейтрализуют практически усилия КНР по увеличению мощи своих ядерных сил. Так, с 2003 по 2017 годы потенциал СНВ КНР вырос в десятки раз, а их способность к ответному удару практически не изменилась.

Это хорошо видно на примере сопоставления двух таблиц ниже.

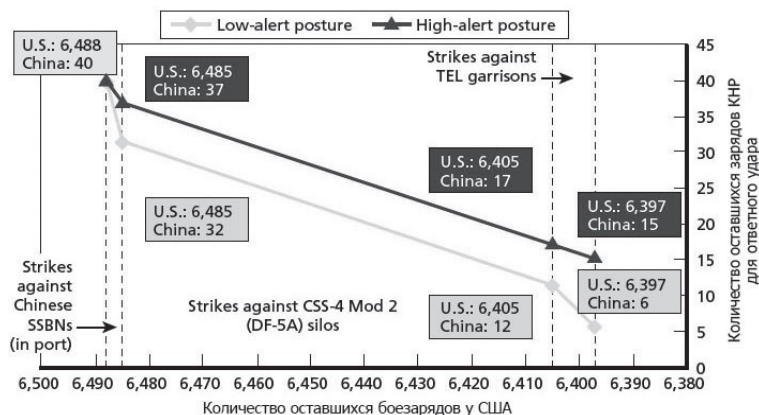

Рис. 2.7. Оценка «контрсилового» удара США по КНР (в 2003 г.)¹⁹

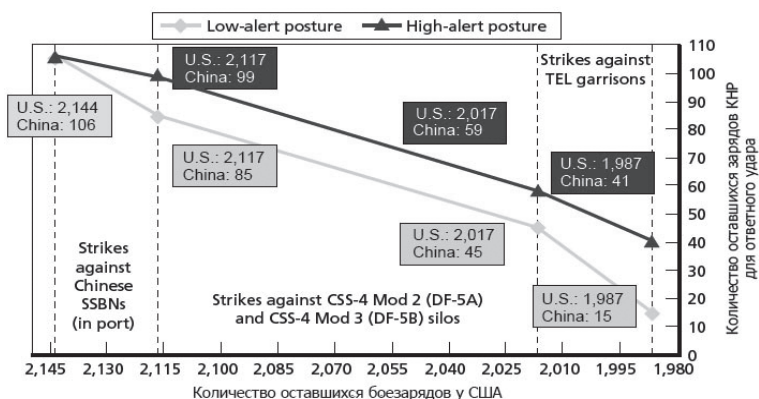

Рис. 2.8. Оценка «контрсилового» удара США по КНР (в 2017 г.)²⁰

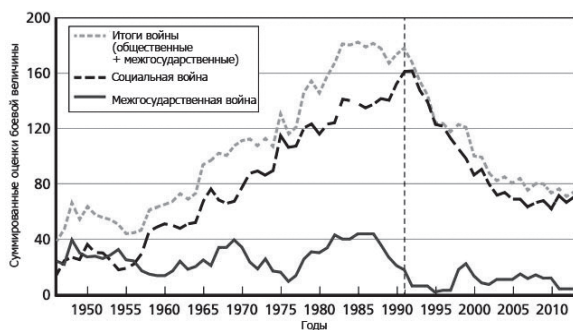
¹⁹ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 340 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>

²⁰ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 349 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>

Приоритетным направлением внешней политики США до 2025 года будет «борьба с международным терроризмом», рассматриваемая в широком международно-политическом и международно-правовом контексте. Под такой борьбой понимается все, что угодно для США, но, прежде всего, контроль над международным терроризмом. Такая политика предполагает, что в 2017-2025 годы:

- США усилят активность по созданию, поддержке и развитию террористических и экстремистских организаций, которые они используют в целях «политики новой публичной дипломатии» в качестве дешевого и эффективного политического средства «силового принуждения»;
- США будут препятствовать появлению и развитию любых террористических и экстремистских организаций, находящихся вне их контроля, потому, что те могут быть использованы против Запада;
- США будут развивать возможности своих ВС и спецслужб по ведению специальных операций, включая операции с ЧВК и террористическими организациями.

Подобная эволюция внешней политики США потребует внесения корректив в деятельность дипломатии и международных институтов.

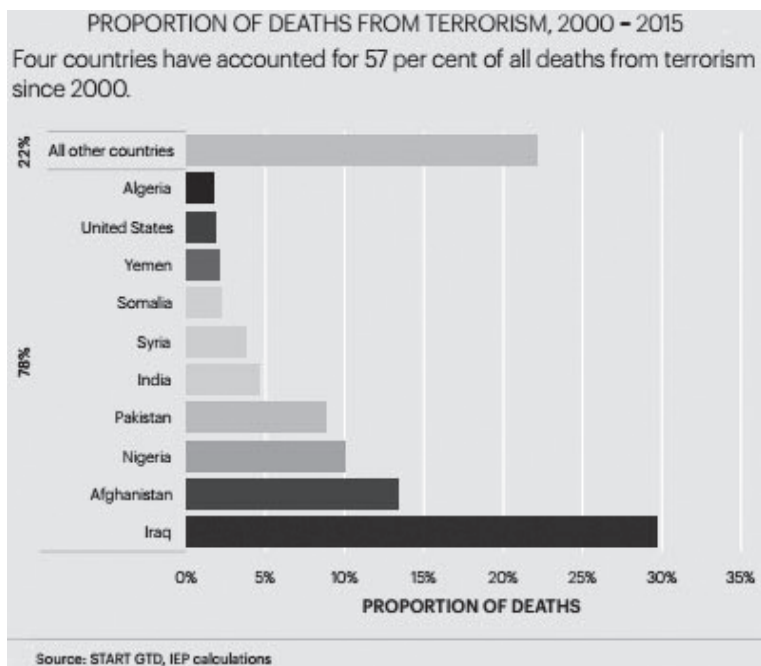

Рис. 2.9. Глобальные тренды военных конфликтов 1946 – 2013 гг.²¹

²¹ Monty G. Marshall and Benjamin R. Cole, Global Report 2014: Conflict, Governance, and State Fragility, Vienna, Va.: Center for Systemic Peace, 2014, p. 13 / RAND RR1631-2.2

Как видно из графика на рис. 2.9, войны между странами практически свелись к минимуму после 1990 года, а число внутривнутриполитических конфликтов в 2000–2010 годы осталось на одном уровне. Смертность от террористических атак для США и их союзников была относительно незначительна, если исходить, конечно, из масштабов государственного противоборства.

Примечательно, что международный терроризм (как инструмент внешней политики США) фактически перенес поле боевых действий в страны «третьего мира», со всеми вытекающими из этого человеческими и материальными издержками. Это превратило огромные пространства, лежащие вне западной ЛЧЦ, в поле битвы, где главным военным средством стали террористические организации.

Рис. 2.10. Соотношение потерь от террористических актов 2000–2015 гг.²²

²² Global Terrorism Index 2016. Trends, Wash., 2016, P. 36.

В этой связи представляются возможными, как минимум, три стратегических направления политики «борьбы с международным терроризмом» США до 2025 года:

- **во-первых**, традиционное направление борьбы с исламским терроризмом на широком фронте — от Марокко до Филиппин, когда действия США будут совпадать с их геополитическими интересами в регионах Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии и Юго-Восточной Азии. Основными объектами будут международные акторы: организации и движения. При этом США будут по-прежнему избирательно относиться к международным террористическим организациям, дифференцируя их по следующим критериям:

1 группа — откровенно враждебные, неконтролируемые США террористические организации;

2 группа — контролируемые и поддерживаемые США организации и акторы;

3 группа — сознательно создаваемые организации для использования против геополитических противников.

Наиболее важное значение будет приобретать 3-я группа организаций и акторов, которые будут составлять основу для структур «облачного противника» и «асимметричной войны», а в мирное время — для институтов влияния в странах-оппонентах США. Можно ожидать, кроме того, что специальные операции США, в том числе и за рубежом, за которые прежде отвечало ЦРУ, будут становиться прерогативой сил специального назначения, которые будут создавать и поддерживать террористические организации. Важное значение имеет тот факт, что «экономическая эффективность» террора очень высока, что осознается хорошо в США и является дополнительным аргументом в пользу развития 3-ей группы.

- **во-вторых**, военно-силовой политикой США против стран, которые они и их союзники могут причислять к субъектам МО, отождествляемым в качестве террористических, например — КНДР, но, в конечном счете, к ним может быть отнесена и Россия, а также любые государства, «не соблюдающие нормы» США.;

- **в-третьих**, военно-силовая, системная и комплексная «политика принуждения» против тех стран, действия которых в ряде областей будут идентифицированы в качестве «террористических». К таковым могут быть отнесены в принципе любые области. Так, в последние годы США пытаются квалифицировать действия России в области кибербезопасности, влияния на выборы и т.д. (даже в спорте, здравоохранении и науке) как «террористические».

Военная политика и вооруженные силы США до 2025 года предполагает реализацию следующих направлений, которые определяются КНШ США в результате оценки четырех основных направлений, угрожающих безопасности США:

- новой роли быстро экономически растущих держав;
- разбалансированной системы энергетической безопасности;
- ослаблением традиционных союзов;
- возникновением новых союзов и центров силы.

1. Достаточно быстрое увеличение военных расходов, прежде всего, на НИОКР, закупки ВВСТ и содержание личного состава, которые к концу периода могут достигнуть 1000 млрд. долларов и более при росте опережающими темпами военных расходов союзников США по НАТО и по коалиции. Подобный сценарий сдержит динамику изменения соотношения военных расходов США и других стран, в первую очередь КНР и Индии.

2. Основными стратегическими направлениями военно-силового варианта развития базового сценария США будут:

- Россия и постсоветское пространство (Центральная Азия, Украина, Молдова, Прибалтика, Закавказье);
- КНР и Северо-Восточная Азия;
- Иран, Сирия и Ближний Восток в целом.

Примечательно, что в рамках этого варианта основного сценария будут регулярно вноситься коррективы в детали военной политики, которые хорошо иллюстрируются корректировками военного бюджета США в 2016 и 2017 ф.г., говоря словами бывшего министра обороны «об основных угрозах»:

- 1) Россия;
- 2) Китай;
- 3) Северная Корея;
- 4) Иран;
- 5) Терроризм:

Service	Capability	Capacity	Readiness
Сухопутные силы	↓	↔	↑
ВМС	↑	↓	↔
ВВС	↓	↑	↔
Морская пехота	↓	↔	↑

Рис. 2.11. Изменения в приоритетах военного бюджета на 2016–2017 ф.г.²³

При этом необходимо не забывать, что собственно бюджет МО США составляет не все расходы на оборону.

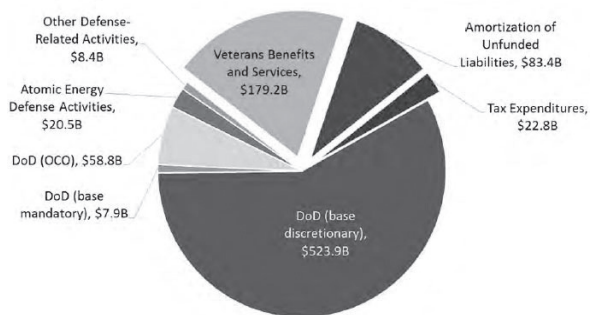
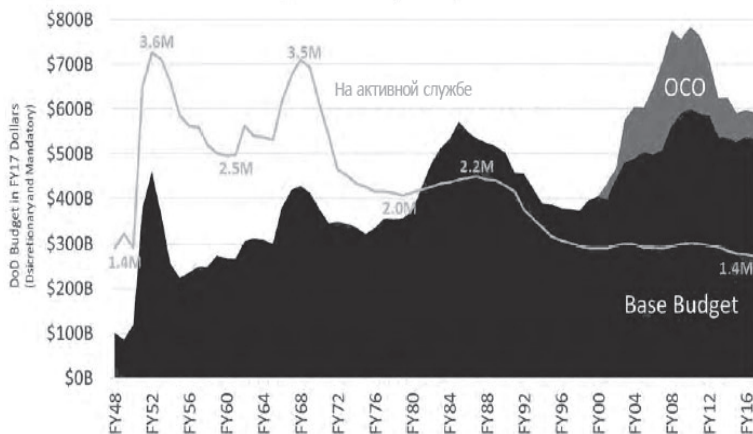

Рис. 2.12. Общие расходы на оборону в 2017 ф.г.²⁴

²³ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 35 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

²⁴ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 10 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

Рис. 2.13. Сравнение числа военнослужащих и военных расходов (за 1948–2017 ф.г.)²⁵

При этом на каждом из этих стратегических направлений США будут последовательно придерживаться реализации двух базовых принципов:

- коалиционной стратегии западной ЛЧЦ, привлечения максимально широкого круга из всего спектра государств к их активной политике, в особенности, непосредственного военного противоборства;
- сохранения военно-технического превосходства над всеми государствами, включая стран-союзников.

3. Основными формами военно-силовой борьбы будет комплексное и системное применение всех силовых инструментов принуждения — информационных, экономических, военных, иных — против институтов государства и правящей элиты противостоящей страны и формирование необходимого для США

²⁵ Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 13 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

общественного мнения и правил поведения в мире. В этих целях будут использованы, например, стратегические вооружения США, которые должны будут обеспечить США «свободу рук» для проведения силовой политики. Логику развития подобного варианта сценария И. Попов и М. Хамзатов, например, представляют следующим образом:

Рис. 2.14. Основные этапы современной войны ²⁶

Очевидно, что это очень упрощенное представление и логика развития конфликта исключает системность в применении всех силовых средств, для которых собственно и придумана политика «новой публичной дипломатии США». В действительности наиболее важные так называемые 1-ый и 2-ой этапы войны, которые:

²⁶ Хамзатов М.М. Новая технология войны: «Системно-сетевая война». 21 февраля 2017 г. / <http://www.milresource.ru/War-Hamzatov.html>

- во-первых, не имеют четких границ и не позволяют противнику провести необходимые мобилизационные мероприятия;
- во-вторых, фактически обеспечивают (в случае успеха) победу США в войне еще до наступления последующих этапов.

В этом смысле чрезвычайно важное значение приобретает военная мощь США, особенно стратегические наступательные и оборонительные вооружения, которые должны позволить использовать практически любые силовые средства и способы (включая террор) против потенциального противника. Из этого следует, что развитие потенциала СНВ и ПРО будет иметь решающее значение в период 2017–2025 годов, в частности, подготовлена замена новых МБР, системы стратегического управления, модернизированы ПЛАРБ типа «Огайо», а также завершены работы до 2027 года над новым типом ПЛАРБ «Колумбия».

Кроме того будут модернизированы ТБ В-52 и В-2, а также завершено создание нового ТБ В-21 «Рейдер», которые к 2025 году должны заменить старые ТБ, и их количество составит 100 единиц;

В настоящее время на вооружении ВМС состоит 14 ПЛАРБ типа «Огайо», которые поочередно несут дежурство в Мировом океане. Однако срок службы этих лодок завершится уже к концу 20-х годов текущего столетия, и их будет необходимо заменить новыми атомными субмаринами типа «Колумбия». ПЛАРБ «Колумбия» будут эксплуатироваться в течение 40 лет и обеспечат защиту США до 80-х годов текущего века. Первые из этих лодок должны будут встать на боевое дежурство в начале 2031 года. Поэтому для выполнения плана боевого развертывания ПЛАРБ следующего поколения их строительство должно быть начато в 2021 году.

Для решения задач ядерного сдерживания и обеспечения безопасности США ВМС должны располагать, по меньшей мере, десятью ПЛАРБ типа «Колумбия», находящимися в постоянной готовности к выходу на боевое дежурство. Однако для решения

всего комплекса задач по поддержанию атомного флота на требуемом уровне боевой готовности на вооружении ВМС должно состоять 12 таких подлодок²⁷.

По словам заместителя начальника штаба ВМС США адмирала Морена, руководство ВМС принимает самые активные меры к сокращению сроков закупок подводных лодок, снижению их стоимости и внедряет в их конструкцию самые современные технологии, главной из которых является технология снижения заметности. Это позволяет обеспечить скрытность действий ПЛАРБ и существенно снижает уровень их уязвимости. Данная технология будет использоваться в конструкции лодок типа «Колумбия».

ВВС США несут ответственность за две трети боевых элементов ядерной триады, включая более 400 МБР и 66 атомных бомбардировщиков. Примерно 75% систем управления и связи СЯС Пентагона эксплуатируется специалистами этого вида ВС. ВВС располагают и парком истребителей, способных нести тактическое ядерное оружие. Численность военнослужащих и гражданских специалистов, обслуживающих ядерные силы ВВС, составляет около 30 тыс. человек.

Заместитель начальника штаба ВВС США генерал Вильсон констатировал, что сегодня решения по ядерной триаде должны приниматься не в категориях принятия мер по модернизации существующих вооружений или продления сроков их эксплуатации, а лежать исключительно в пределах выбора между необходимостью кардинального совершенствования СЯС и риском утраты ядерного потенциала страны уже в начале 20-х годов текущего столетия²⁸.

Вильсон также заявил, что сегодня главным соперником США в ядерной сфере является Россия. И совершенно ясно, что она будет занимать это место и в ближайшие десятилетия. По его

---

²⁷ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

²⁸ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

словом, Россия весьма активно реализует программы модернизации ядерного оружия, уделяя особое внимание МБР, строит новые ПЛАРБ, развивает стратегическую бомбардировочную авиацию и разрабатывает КР с ядерными боеголовками. В аналогичных направлениях движутся Китай и Северная Корея.

О подходах КНШ к развитию СЯС членам КВС ПП поведал заместитель его председателя генерал Сельва. В своем выступлении он сказал, что главная задача ядерной триады ВС США состоит в предотвращении нанесения ядерного удара по Америке. Он отметил, что сегодня ядерное оружие является единственной внешней угрозой США. И эта угроза может быть демпфирована только одним способом: внушением противнику того, что ответом на нападение на Америку станет сокрушительный ядерный удар по его территории. Сельва подчеркнул, что сегодня ни у кого не должно быть сомнений в том, что ядерное оружие, системы его доставки к целям, системы управления и связи и обеспечивающие его эффективное функционирование специалисты готовы дать должный ответ противнику при возникновении любых и даже непредвиденных обстоятельств. Генерал также сказал, что безопасность нации в значительной мере зависит от способности СЯС решать стоящие перед ними задачи. По словам зампреда КНШ, Соединенные Штаты вот уже более двух десятилетий стремятся всячески уменьшить роль СЯС в своих планах и стратегиях. Но многие вероятные противники Америки, и прежде всего Россия, Китай, Северная Корея и Иран движутся в обратном направлении и принимают все меры по повышению своих ядерных потенциалов.

Сегодня США вступают в тот период, когда на повестку дня встает задача кардинальной модернизации ядерных сил и структур, обеспечивающих их функционирование. При этом первостепенное внимание должно уделяться созданию самых современных ядерных боеголовок ядерных бомб, а также совершенствованию средств доставки ядерных зарядов к целям, то есть МБР, КР, бомбардировочной авиации и ПЛАРБ. Кроме того, отметил Сельва, США необходимо развивать системы предупреждения о ракетном

нападении, системы управления СЯС и самолеты тактической авиации, которые могут оснащаться ядерным оружием.

Он также сказал, что сегодня уже нельзя откладывать модернизацию СЯС на будущее. Ранее принятые решения об отсрочке планов развития ядерных сил привели к замедлению реализации соответствующих программ. Это, как подчеркнул генерал, во-первых, существенно повысило риск утраты США необходимой ядерной мощи и поставило страну в зависимость от реализации ядерных программ. А во-вторых, по оценкам специалистов, вынужденные краткосрочные, не распределенные во времени расходы на модернизацию и замену ядерных вооружений могут быть предельно велики и практически не реализуемы. Поэтому ассигнования на эти цели необходимо постоянно наращивать, но делать это постепенно. В 2016 финансовом году затраты на ядерные программы составили 3,2% от военного бюджета. До конца 2020-х годов их необходимо ежегодно увеличивать и довести до 6,2%²⁹.

Бывший начальник Стратегического командования ВС США отставной генерал Роберт Келер, почти три года стоявший во главе этих сил, отметил, что XXI век характеризуется большой неопределенностью и быстрыми изменениями ситуации в мире. Сегодня угрозы национальной безопасности США лежат в очень широких пределах. Они могут возникнуть в самые кратчайшие сроки и исходить как от боевиков, вооруженных автоматами, пулеметами и пушками, так и от противостоящих Америке стран, оснащенных мощным ядерным оружием. Вчерашние региональные ТВД завтра могут превратиться в глобальные пространства боевых действий, на которых кибернетическое противоборство может очень быстро распространиться на военный космос, еще до того, как в сражения непосредственно вступят воинские контингенты объединенных и специальных командований.

---

²⁹ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

Как сказал генерал, текущие события свидетельствуют о том, что Америке необходимо продолжать свои действия по уничтожению формирований радикальных экстремистских группировок и постоянно быть в готовности к противодействию их ударам. Однако кроме жестоких боевиков США реально угрожают и государства — вероятные противники. Они стремятся изменить сложившуюся стратегическую ситуацию в свою пользу. С этой целью их руководители принимают меры по наращиванию возможностей обычных сил, которые должны быть способны наносить удары по противнику с больших дальностей, и развивают кибернетические средства нападения. При этом особое внимание уделяется сохранению возможностей СЯС по нанесению ядерных ударов, как в ограниченном, так и в глобальном масштабах.

Келер объяснил сенаторам, что современное понятие «интегрированная стратегическая угроза» по своему содержанию кардинально отличается от понятия, использовавшегося во времена холодной войны, и лежит в значительно более широких пределах. В те времена под стратегической угрозой понимался только ядерный удар. Сегодня в это понятие входят возможности противника по уничтожению основных элементов ВС США, таких как, например, системы разведки, наблюдения, рекогносцировки (ISR) и связи, и по противодействию развертыванию и продвижению обычных сил. Кроме того, современные противники Запада разрабатывают стратегические планы нанесения обычных ударов по территориям США и их союзников со значительных удалений. Они стремятся поднять риски и расходы Америки на ответные действия до неприемлемых масштабов, заставить федеральные войска расплыть свои силы и средства по многим регионам мира и предпринимать меры по развалу существующих военных союзов западных стран. Последним звеном в этой цепочке действий враждебных США армий являются ядерные удары. Первое место в реализации интегрированных стратегических угроз генерал отвел Москве и Пекину³⁰.

---

³⁰ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

---

Окончание холодной войны, как подчеркнул Келер, позволило Америке существенно снизить значение ядерного оружия для обеспечения национальной безопасности США. Пентагон значительно сократил развернутые ядерные системы и средства. Были снижены и запасы ядерных вооружений на военных складах. Он отметил, что в соответствии с действующими договоренностями количество боеголовок на стоящих на боевом дежурстве ядерных системах по сравнению со временами холодной войны к 2018 году сократится в 10 раз. Однако, по утверждению главкома, ядерное оружие будет и впредь играть основную роль в стратегии обеспечения безопасности США, их союзников и партнеров, и оставаться ключевым гарантом выживаемости наций в разных концах света, и прежде всего на западе.

Сегодня уже нет такой острой потребности в ядерном оружии, которое было самым эффективным средством защиты от массированных атак огромных танковых армий объединенных ВС стран Варшавского договора. Этот военный союз прекратил свое существование, и его войск больше не существует. Генерал подчеркнул, что роль высокоточного и некинетического (лазерного, электромагнитного, лучевого и т.д.) оружия и различных средств предупреждения о нападении на современном этапе продолжает возрастать. Однако, как заметил Калер, история показывает, что никакие обычные вооружения и вооружения на новых физических принципах не способны оказывать столь же эффективное воздействие на сдерживание агрессора, как ядерные системы. Главным парадоксом ядерной эпохи, заявил он, является то, что для предотвращения использования ядерного оружия против Америки ей необходимо быть полностью оснащенной таким оружием и готовой к его эффективному применению в любых условиях.

Как полагает генерал, сегодня Пентагон должен уделять все большее внимание угрозам использования противником кибернетического оружия, эксплуатирующим его подразделениям и БПЛА. Кроме того, необходимо сосредоточить усилия на повышении живучести космических и сетевых элементов систем

управления и связи СЯС. Для сохранения и развития профессиональных навыков специалистов в области проектирования и производства ядерного оружия, более серьезное значение должно придаваться процессам создания его прототипов и другим мероприятиям аналогичной направленности. Не меньшего внимания, по убеждению Келера, заслуживают и меры по наиболее эффективной интеграции контингентов ВС США в смежных областях их взаимодействия³¹.

2.2.2. «Реалистический» вариант сценария развития США до 2025 года

Этот вариант, по сути — инерционный вариант развития США, который реализовывался администрацией Б. Обамы. В целом он является консервативным вариантом реализации того же базового сценария развития США, при котором сохраняются в силе, прежде всего, парадигмы предыдущих десятилетий развития, когда страна находилась под управлением не только демократических, но и республиканских администраций, ориентированных на глобализацию, во «главе которой стоят США».

Этот вариант также предполагает, что США сохранят до 2025 года свое положение в военно-политической коалиции западной ЛЧЦ и в мире на сегодняшнем уровне, прежде всего за счет участия в расширении процессов глобализации. Его представляет и реализует часть правящей элиты, во главе с либералами-демократами из кланов Обамы–Клинтонов. Этот вполне реалистический сценарий будет достаточно ресурсно-затратным, так как предполагает сохранение не просто лидерских, но гегемонистических позиций США, включая поддержку ими своего влияния в мире через затратные мероприятия,

---

³¹ Иванов В. За новый ядерный кулак Америке придется выложить триллион долларов / НВО, 2017. 24.03 / http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-03-24/1_941_america.html

---

что неизбежно потребует инвестирования в больших объемах самых разных сил.

В условиях неизбежного изменения соотношения сил в пользу других центров силы, это будет отвлекать все большее количество ресурсов для сохранения привычно-комфортной обстановки в мире для США, даже в том случае, если придется и избегать ненужных военных интервенций и крупных заморских специальных операций.

Основными характерными чертами (параметрами) развития США по этому варианту могут быть следующие черты, которые вполне допустимы и при реализации Варианта №1 базового сценария, не противореча ему по принципиальным особенностям, либо даже совпадая по некоторым из них в деталях:

В области государственного управления ожидается сохранение системы управления, при которой:

- огромную роль играют негосударственные и транснациональные институты, созданные в последние годы, в том числе отчасти в качестве альтернативы государственным институтам;
- создание новых институтов мирового управления с помощью транснациональных корпораций, фондов и ассоциаций;
- усиление «универсализации» международного права и институтов в интересах США.

Территориальные изменения станут частью общей политики сторонников ускоренной глобализации, включая нередко игнорирование собственно государственного суверенитета не только США, но и других государств, в самых разных областях:

- политической (навязывание внешних норм);
- дипломатической (свертывание дипломатических привилегий);
- военной (игнорирование норм поведения) и т.д.;

Природные ресурсы в рамках этого варианта сценария в среднесрочной перспективе будут играть более важную роль в политике США. При этом логика их использования и освоения все больше становилась бы под международный, в том числе корпоративный, контроль. Это предполагало бы также, что произойдет переоценка значения целого ряда таких ресурсов в пользу, например, пресной воды, редкоземельных металлов, газа.

Демографические факторы приобретают исключительно важное значение при развитии по этому варианту сценария потому, что его развитие зависит от качества человеческого потенциала и институтов его развития в США, которые должны обеспечить американское лидерство:

- в области образования;
- развития общественных институтов;
- международного общественного сотрудничества и влияния на другие государства и их институты управления;
- создания международных центров управления информационно-сетевой активностью и т.п.

Именно по отношению к населению своих противников предполагается использовать, прежде всего, преимущества США в «мягкой силе» и других невоенных инструментах насилия. Для понимания этих инструментов необходимо обратиться к показателям «мягкой силы»:

«Культура» — количество туристов, посещающих страну ежегодно, использование языка страны в мире, успех страны в Олимпийских играх, влияние культурного наследия страны на мировую культуру в целом³².

«Политические ценности» — критерий измеряет привлекательность политических ценностей, эффективность деятельности политических институтов государства, модель национального правительства: прозрачность, демократичность и др. Однако, как отмечают сами авторы исследования, индекс политической привлекательности страны смещен в сторону западных политических концепций.

«Дипломатия» — способность страны формировать благоприятный образ для мирового сообщества, внешняя политика и дипломатические ресурсы, членство в международных организациях и наличие культурных миссий за рубежом и др.

---

³² Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И.Смирнов, И.Н.Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 27.

«Образование» — количество иностранных студентов в стране, качество высшего образования, наличие программ обмена студентами, количество учебной литературы и др.

«Бизнес/Инновации» — привлекательность экономической модели страны: открытость, способность к инновациям, уровень коррупции, конкурентоспособность отраслей экономики, регулирование.

По итогам проведенных расчетов рейтинг использования фактора «мягкой силы» представлен далее в **таблице 2.4**.³³

В сравнении с рейтингом 2010 г., в котором США занимали третье место, благодаря широкому задействованию ИКТ, в 2011 г. они возглавили данный рейтинг. США также крупнейший экспортер в мире по объему культуры: киноиндустрия, музыка и др. Кроме того, весомым вкладом в фактор «мягкой силы» является качество высшего образования, привлекающее иностранных студентов, а также тот факт, что университеты США доминируют в рейтинге Times Higher Education Top 200 и в настоящее время 73 нынешних и бывших премьер-министров и президентов обучались в университетах США.

В области военной политики этот вариант соответствует «оптимистическому» варианту сценария развития США до 2025 года. Следует исходить из констатации того, что в США уже выстроена долгосрочная стратегия, заложены основные НИОКР (например, ПЛАРБ, МБР, ТБ и др.) и др. программы, которые будут реализовываться до 2050-2060 годов. Внесение существенных корректив в эту стратегию и программы возможно, но маловероятно. Причем, такие коррективы могут быть направлены на усиление и дополнительное развитие этих программ.

В целом военная политика на 2017-2025 годы будет означать, что США будут стремиться сохранить и даже усилить свои качественные преимущества по отношению к другим центрам силы, прежде всего России и КНР, которые сегодня

---

³³ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И.Смирнов, И.Н.Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 28.

Таблица 2.4. Рейтинг использования «мягкой силы» по странам

Место	Страна	Индекс
1	США	7,41
2	Великобритания	6,78
3	Франция	6,21
4	Германия	6,15
5	Австралия	5,64
6	Швеция	5,35
7	Япония	5,08
8	Швейцария	5,07
9	Канада	4,91
10	Нидерланды	4,90
11	Норвегия	4,82
12	Дания	4,78
13	Испания	4,68
14	Республика Корея	4,52
15	Финляндия	4,45
16	Италия	4,28
17	Новая Зеландия	4,17
18	Австрия	4,10
19	Бельгия	3,80
20	Китай	3,74
21	Бразилия	3,55
22	Сингапур	3,49
23	Турция	3,33
24	Чили	2,94
25	Португалия	2,81
26	Израиль	2,67
27	Индия	2,64
28	Россия	2,43
29	Чешская Республика	2,36
30	Греция	2,35

(на примере КНР) можно проиллюстрировать следующим образом (рис. 2.15).³⁴

Scorecard	Taiwan Conflict				Spratly Islands Conflict			
	1996	2003	2010	2017	1996	2003	2010	2017
1. Chinese attacks on air bases	Dark Grey	Dark Grey	Light Grey	Medium Grey	Dark Grey	Dark Grey	Dark Grey	Light Grey
2. U.S. vs. Chinese air superiority	Dark Grey	Medium Grey	Medium Grey	Light Grey	Dark Grey	Dark Grey	Medium Grey	Medium Grey
3. U.S. airspace penetration	Medium Grey	Light Grey	Light Grey	Light Grey	Dark Grey	Dark Grey	Dark Grey	Medium Grey
4. U.S. attacks on air bases	Large Grey Block				Large Grey Block			
5. Chinese anti-surface warfare								
6. U.S. anti-surface warfare								
7. U.S. counterspace								
8. Chinese counterspace								
9. U.S. vs. China cyberwar								
10. Nuclear stability								

Ключи к описанию		
Возможности США		Возможности КНР
Major advantage	Dark Grey	Большие ущербы
Advantage	Medium Grey	Ущерб
Approximate parity	Light Grey	Примерное равенство
Disadvantage	Medium Grey	Преимущество
Major disadvantage	Dark Grey	Большое преимущество

Рис. 2.15. Варианты последствий использования ЯО в конфликте США–КНР

Отсюда следуют определенные выводы:

1. Военная политика США на 2017-2025 годы запрограммирована и просчитана достаточно конкретно и обоснованно и вряд ли претерпит серьезные изменения.
2. Военная политика обеспечена материальными и может быть обеспечена дополнительными ресурсами, как США, так и всех стран коалиции.

³⁴ The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996–2017. — P. 131 / <http://prognoz.eurasian-defence.ru/sites/default/files/source/us-china.pdf>

3. Военная политика будет гарантировать силовую поддержку политике «новой публичной дипломатии» в реализации основного сценария «Глобального военно-силового противоборства».

2.2.3. «Пессимистический» вариант сценария развития США до 2025 года

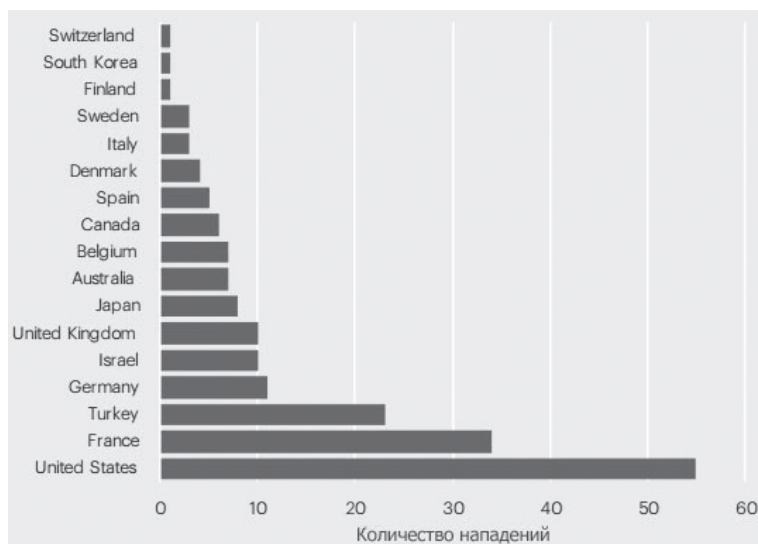
При этом варианте базового сценария США, несмотря на огромные ожидаемые усилия, предпринятые до 2025 года, возможно, потеряют часть своих позиций в мире и в западной коалиции, но все равно останутся бесспорным мировым и коалиционным лидером, как минимум, до 2025 года. Такое развитие событий возможно в том случае, когда руководство собственно США будет совершать серьезные ошибки, с одной стороны, а их потенциальные противники — ЛЧЦ, прежде всего, КНР, исламская и российская ЛЧЦ — максимально эффективно развиваться и проводить свою политику, с другой стороны. В определенной степени такой результат также может возникнуть и в следствии усиления западноевропейского центра силы на базе ЕС, его обособления от североамериканского, в том числе в военно-политической области.

Очевидными оппонентами США до 2025 года становятся исламская и китайская ЛЧЦ, а также Россия, которые неизбежно будут объективно противодействовать сохранению влияния США в мире. При этом эти ЛЧЦ будут использовать разные средства (даже «набор» средств) противоборства с США. Так, исламская ЛЧЦ будет активно использовать вооруженное противостояние по всему миру, включая террористические методы. 2014–2017 годы достаточно определенно продемонстрировали, что эта за деятельность:

- во-первых, направлена преимущественно против США, как главного противника, который явно выделяется среди других представителей западной ЛЧЦ или любой другой ЛЧЦ;

— во-вторых, по мере увеличения численности собственно в странах исламского мира, а также в Европе и США, будет нарастать потенциал - экономический, политический, информационный и прочий — этих этнических и религиозных групп, что будет означать быстрый рост враждебности в отношении развитых государств и прежде всего США в мире.

Сказанное иллюстрируют последние данные посвященные статистике вооруженных нападений исламских радикалов (рис. 2.16.).

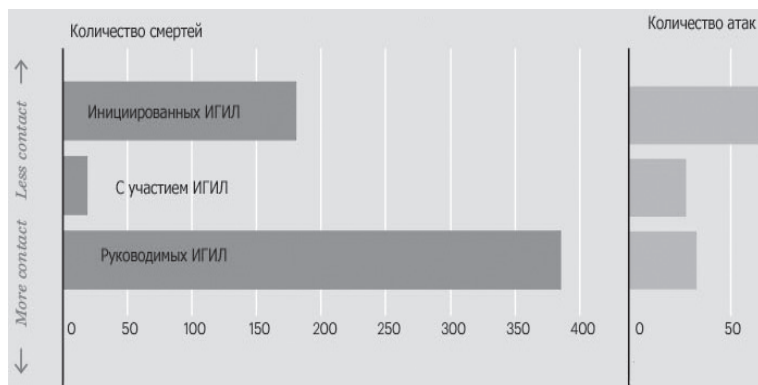
Рис. 2.16. Нападение ИГИЛ на страны ОЭСР в 2014–середине 2016 гг. (треть всех нападений на США)³⁵

Эта террористическая деятельность имеет самую разную направленность и характер, но организована преимущественно из одного центра. В 2014–2016 годах таким центром

³⁵ Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace (IEP). P. 44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf

преимущественно был ИГИЛ. Но такие центры можно создать достаточно быстро и в будущем в случае заинтересованности какого-то государства и его спецслужб, которые готовы выступить против

США, например, Иран или КНДР. Их содействие быстро и многократно увеличило бы возможности террористов, которые сегодня страдают от недостатка базы и государственной поддержки. Так, например, современные средства ПВО, включая ПЗРК, могут поставляться организации только через посредничество государства и его спецслужб. (рис. 2.17.)³⁶

Рис. 2.17. Количество смертей и атак с участием ИГИЛ

Кроме того, поддержка и даже создание террористических и экстремистских организаций может в ряде случаев решительным образом повлиять на формирование ВПО в мире и в регионах, более того, внести существенные коррективы в будущие сценарии развития МО. Известно, что поддерживаемые США и их союзниками бандформирования сыграли решающую роль

³⁶ Global Terrorism Index 2016 / Trends / Institute for Economics and Peace (IEP). — P. 44 / http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Global%20Terrorism%20Index%202016_0.pdf

---

во время войны СССР в Афганистане. Поддержка Ираном антиизраильских и просирийских отрядов стала серьезным фактором, влияющим даже на отношения между Россией и США, и Израилем.

Яркий пример будущей возможности обострения обстановки может дать поддержка США и НАТО антироссийских вооруженных формирований на 3-х ТВД — украинском, кавказском и среднеазиатском, которые уже фактически сложились к 2017 году и могут быстро эскалировать до 2025 года.

Существует и реальная угроза использования тех или иных экстремистских группировок и начала террористических операций для дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране. Так было против СССР и России, но так может быть и против США. Так, например, государственная поддержка террористическим и радикальным организациям на территории самих США может привести к серьезной внутривнутриполитической дестабилизации в стране. Особенно, если она будет опираться на этнические или социальные слои американских граждан.

Таким образом, можно говорить о новых политических технологиях, включающих новые технологии войны. В этом случае США и их союзники будут в среднесрочной перспективе до 2025 года менее склонны использовать военную силу в прямой форме, прибегая к новым технологиям ведения войны как наиболее приоритетным. Прежде всего, с использованием специально создаваемых экстремистских и террористических организаций.

Сказанное означает, что США смогут до 2025 года существенно разнообразить как средства, так и способы ведения силовых операций, которые будут включать как уже известные невоенные и военные действия, так и принципиально новые. Это означает, что эволюция политического и военного искусства принуждения в США будет аккумулировать и отбирать из всего спектра использования силы наиболее эффективные, но не отказываться от прежних. По сути, до 2025 года не произойдет «революции»

в военном искусстве. Развитие сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил показывает, что помимо гибридных операций, на практике США и их союзники готовятся к полномасштабной традиционной войне.

2.3. Основные особенности развития международной обстановки в 2025–2050 годах

После 2025 г. внешние условия существования западной цивилизации радикально изменятся, причем не в пользу последней. Если сейчас из 10 ведущих экономик мира к Западу относятся 4, то в 2025–2050 годах останется 2–3. Но даже оставшиеся будут существенно «потеснены» новыми центрами силы. Основные изменения в позициях лидеров, которые произойдут в период 2025–2050 годов, некоторые аналитики иллюстрируют следующим образом на рис. 2.18.

Крайне важно то, что изменения в соотношении сил между крупнейшими державами в 2025–2050 годы, неизбежно повлияют как на соотношение сил между старыми и новыми центрами силы, так и ЛЧЦ и их военно-политическими коалициями. С этой точки зрения позиции западной ЛЧЦ и их коалиции будут потеснены другими ЛЧЦ во главе с КНР, Индией, Индонезией и Бразилией (соотношение экономик «Большой семерки» и «Большой двадцатки»).

Более того, целая группа новых гигантов, готовых войти в ту или иную сферу влияния ЛЧЦ, либо даже создать свою, будет существенно влиять на расстановку сил в мире и на отношения между ЛЧЦ и их коалициями. В зависимости от их положения и отношения может сформироваться совершенно новая конфигурация сил в мире (рис. 2.19).

Новые растущие рынки будут доминировать до 2050 года

	2016	2050	
<i>China</i>	1	1	<i>China</i>
<i>US</i>	2	2	<i>India</i>
<i>India</i>	3	3	<i>US</i>
<i>Japan</i>	4	4	<i>Indonesia</i>
<i>Germany</i>	5	5	<i>Brazil</i>
<i>Russia</i>	6	6	<i>Russia</i>
<i>Brazil</i>	7	7	<i>Mexico</i>
<i>Indonesia</i>	8	8	<i>Japan</i>
<i>UK</i>	9	9	<i>Germany</i>
<i>France</i>	10	10	<i>UK</i>

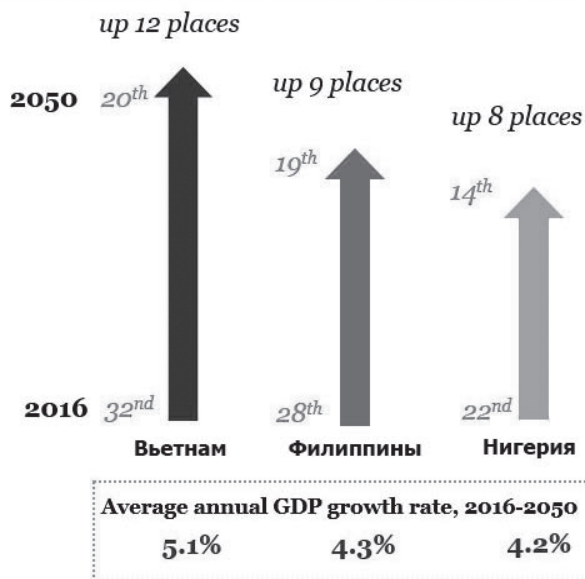
E7 economies
  G7 economies

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 2.18.³⁷

³⁷ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

Вьетнам, Филиппины и Нигерия могут серьезно подняться в рейтинге держав

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 2.19. ³⁸

Очень важно, например, насколько КНР сумеет сконцентрировать вокруг себя силы и государства, расположенные не только в АТР, но и в Африке и даже в Европе. Его влияние в Африке, например, уже ощущается сильнее, чем традиционных бывших колониальных держав, а на Ближнем и Среднем Востоке можно прогнозировать стремительное усиление позиций КНР еще до 2025 года.

Пока что явно недооценивается будущая роль в мире Индии, которая может:

- стать частью западной ЛЧЦ и центра силы;

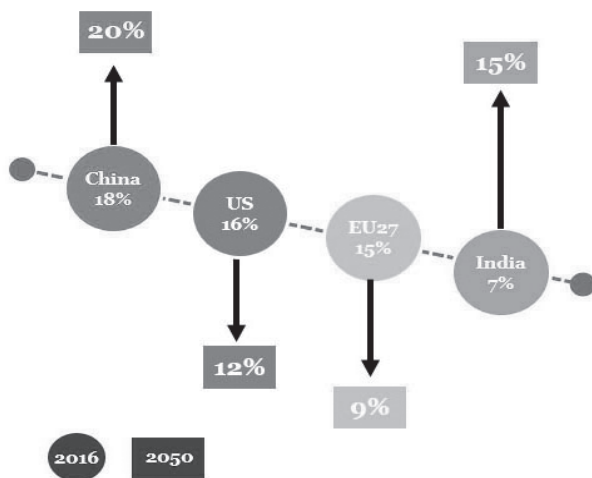
³⁸ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

- стать самостоятельным региональным центром силы, занимая 2-ое место в мире по экономической мощи.

США и Европа уступят к 2040 году свои позиции Китаю и Индии

Share of world GDP (PPPs) from 2016 to 2050...

Sources: IMF for 2016 estimates, PwC analysis for projections to 2050

Рис. 2.20.³⁹

В любом случае перераспределение экономической мощи к 2050 году между «старой семеркой» (США, Японией, Германией, Великобританией, Францией, Канадой и Италией), представляющей в основном западную ЛЧЦ, и «новой семеркой» (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Россия, Мексика и Турция), представляющей, как минимум, четыре ЛЧЦ и центр силы, будет лежать в основе будущего миропорядка.

³⁹ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

Глобальная экономическая мощь перейдет к «новой семерке»

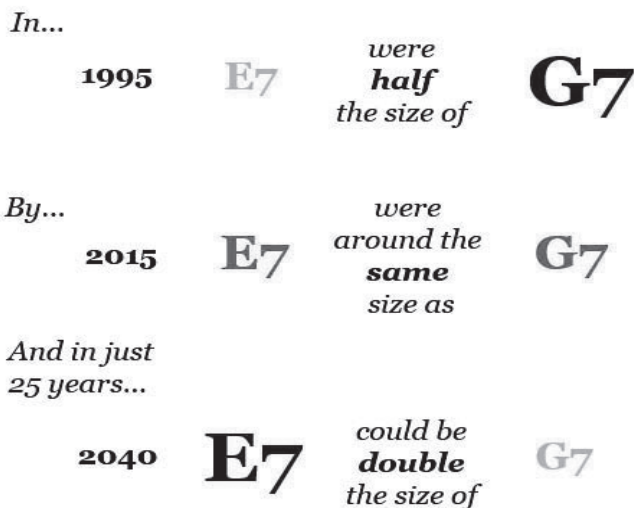

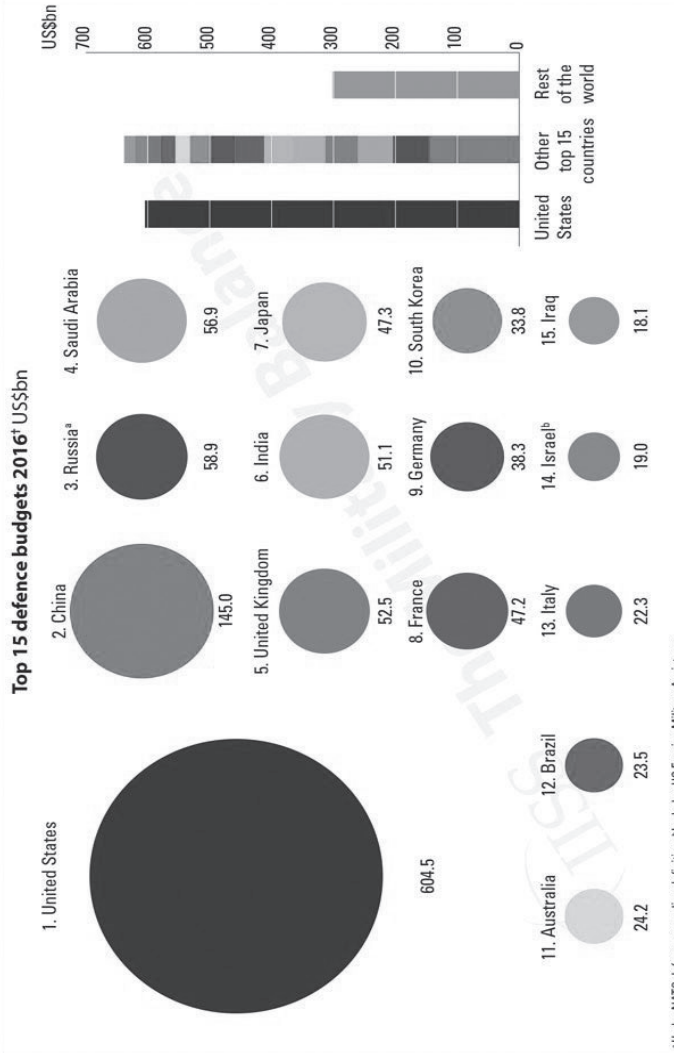
Рис. 2.21.⁴⁰

Весьма показательным может быть прогноз того, как эти перемены повлияют на соотношение военных бюджетов этих государств. Если в 2016 году только Китай, Индия и Россия могли претендовать на самостоятельную военную роль, а их бюджеты были «заметны» на фоне доминирования военных бюджетов западной ЛЧЦ, то в будущем ситуация, безусловно, изменится не в пользу США. Этим во многом объясняется стремление Д. Трампа заставить своих союзников увеличить военные расходы.⁴¹

⁴⁰ The World in 2050 / The long view: how will the global economic order change by 2050? / <http://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/the-world-in-2050.html>

⁴¹ The Military Balance. 2017. April / <https://www.iiss.org/.../media/publications/the-militarybalance/mb2017-Top-15-defence-budgets.jpg>

Рис. 2.22.

* Under NATO defence spending definition; ^b Includes US Foreign Military Assistance

Note: US dollar totals are calculated using average market exchange rates for 2016, derived using IMF data. The relative position of countries will vary not only as a result of actual adjustments in defence spending levels, but also due to exchange-rate fluctuations between domestic currencies and the US dollar. The use of average exchange rates reduces these fluctuations, but the effects of such movements can be significant

Можно предположить, что увеличение военных расходов в 2025–2050 годы США и их союзников по коалиции достигнет огромной цифры в 3,0–3,6 трлн. долларов (США — 1,5 трлн.; ЕС — 1,5 трлн.; др. страны — 0,5 трлн.), что во многом компенсирует изменение соотношения сил не в пользу западной ЛЧЦ. Для этого у нее есть существенные резервы:

- во-первых, фактически военный бюджет США уже достигает 900 млрд. долл., даже с учетом сокращения в последние годы. Ожидается его рост до 1 трлн. к 2025 году и до 1,5 трлн. до 2050 года

Общая сумма расходов на оборону на 2017 ф.г.⁴²

(All figures in then-year dollars)	FY 2016	FY 2017	FY 2018	FY 2019	FY 2020	FY 2021
DoD (base discretionary)	\$521.7B	\$523.9B	\$556.7B	\$564.8B	\$570.4B	\$585.2B
DoD (base mandatory)	\$6.8B	\$7.9B	\$8.0B	\$8.0B	\$7.8B	\$7.9B
DoD (OCO)	\$58.6B	\$58.8B				
Atomic Energy Defense Activities	\$20.0B	\$20.5B	\$19.6B	\$20.2B	\$20.6B	\$21.1B
Other Defense-Related Activities	\$8.3B	\$8.4B	\$9.9B	\$9.3B	\$9.4B	\$9.6B
Veterans Benefits and Services	\$164.4B	\$179.2B	\$183.4B	\$194.7B	\$203.2B	\$211.7B
Amortization of Unfunded Liabilities	\$82.6B	\$83.4B	\$85.5B	\$88.5B	\$91.6B	\$94.8B
Tax Expenditures	\$23.1B	\$22.8B	\$23.4B	\$24.3B	\$25.3B	\$26.3B
Total Defense-Related	\$885.5B	\$904.8B	\$886.5B	\$909.8B	\$928.3B	\$956.7B

⁴² Analysis of the FY 2017 Defense Budget — P. 35 / <http://defense360.csis.org/wp-content/uploads/2016/08/Analysis-of-the-FY-2017-Budget.pdf>

- во-вторых, если страны ЕС выполняют свои обязательства в масштабах Великобритании, то этот «вклад» в оборону НАТО к 2025 году составит 1 трлн. долл.

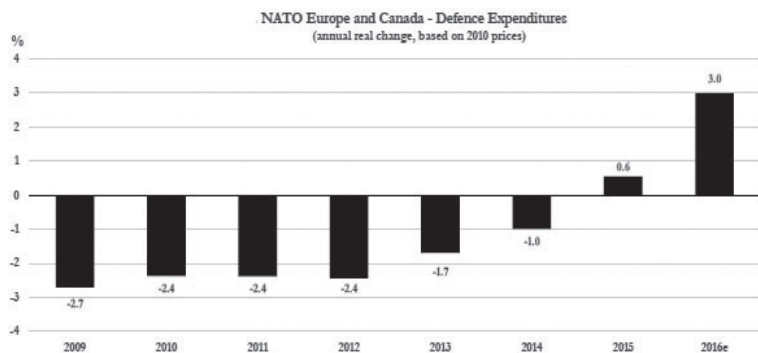

Рис. 2.23. Расходы на оборону европейских стран – членов НАТО и Канады⁴³

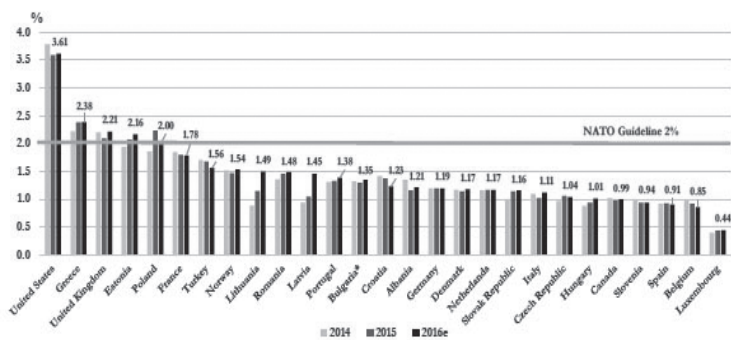

Рис. 2.24. Расходы на оборону их доля в ВВП⁴⁴

⁴³ Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016). 2016. 4 July / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/nato-countries-defense-spending_20160704.pdf

⁴⁴ Defence Expenditures of NATO Countries (2009-2016). 2016. 4 July / http://www.globalsecurity.org/military/library/report/2016/nato-countries-defense-spending_20160704.pdf

Расходы на оборону в расчете на душу населения.

Country	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
(0)	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Defence expenditures per capita in 2010 US dollars								
Albania	60	64	64	64	61	59	52	57
Belgium	505	482	470	467	450	434	413	388
Bulgaria	115	94	92	110	103	95	97	103
Croatia	228	214	222	209	199	191	190	174
Czech Republic	293	253	216	211	204	194	222	222
Denmark	256	812	753	765	707	774	661	686
Estonia	256	249	265	314	323	339	367	392
France	811	800	772	773	770	758	745	747
Germany	567	576	565	581	542	533	536	542
Greece	878	711	584	523	493	500	537	537
Hungary	147	135	140	136	128	122	135	148
Italy	500	479	462	428	405	364	343	380
Latvia	139	120	125	114	125	130	150	214
Lithuania	124	105	103	103	109	131	175	237
Luxembourg	398	489	408	384	385	403	460	475
Netherlands	709	675	639	619	580	579	592	602
Norway	1,360	1,329	1,318	1,306	1,311	1,352	1,316	1,398
Poland	207	220	225	231	220	258	322	297
Portugal	340	335	330	300	306	281	291	309
Romania	111	103	108	104	113	123	138	147
Slovak Republic	239	185	185	189	210	178	211	221
Slovenia	369	377	306	269	240	228	224	227
Spain	349	317	285	306	268	270	283	285
Turkey	191	193	188	190	195	192	194	185
United Kingdom	956	961	937	855	907	886	857	913
NATO — Europe	503	494	476	465	458	450	452	463
Canada	646	548	595	532	488	509	492	504
United States	2,513	2,325	2,325	2,182	2,035	1,915	1,845	1,876
North America	2,528	2,149	2,153	2,017	1,881	1,774	1,710	1,739
NATO — Total	1,199	1,126	1,119	1,062	1,006	961	939	958

Теоретически расходы на оборону в НАТО могут быть не как в Албании (60 долл.), а как в Норвегии (318,8 долл.) на человека.

В то же время важно понимать, что такое увеличение военных расходов может перенапрячь экономику западных стран и вызвать неблагоприятные социально-экономические и политические последствия, ведущие в конечном итоге к коллапсу западной цивилизации.

2.4. Сценарий развития США в 2025-2050 годах на основе известных парадигм

Известные трудности долгосрочного прогноза в настоящее время усугубляются особенностями «переходного периода», переживаемого человеческой цивилизацией с конца прошлого века. «Переходный период» неизбежно ведет к самым радикальным изменениям в социальной и политической областях, включая, естественно, отношения между субъектами и акторами, формирующими международную и военно-политическую обстановку. Формируется не только новая международная реальность, но и качественно новые парадигмы политического, военного, общественного и экономического развития. Иными словами, смена технологического и экономического укладов неизбежно ведет к политическим, социальным и военным качественным переменам и трансформациям в отдельных областях человеческой жизнедеятельности.

Причем, во-первых, совершенно не обязательно этот процесс перехода от одной формации и системы МО завершится заведомо успешно: в XVI–XVIII вв. в ряде стран он закончился

положительно, но до этого — в начале тысячелетия — в Римской империи, он отнюдь таковым не оказался, чему справедливо соответствуют разные уровни качества управления и разные качества правящих элит (у которых, кстати, и судьба тоже оказалась разная). Другими словами, от качества правящих элит и эффективности управления, видимо, зависит сама возможность перехода цивилизаций из одного состояния в другое. Естественно, что как первое, так и второе прямо относятся к эффективности стратегии национальной безопасности того или иного субъекта МО вообще и России, в частности.

Во-вторых, такой переход неизбежно связан с радикальными изменениями и трансформациями в существовавшей системе международных отношений — экономической, технологической, финансовой и военной. Поэтому он не может быть плавным, безболезненным, бесконфликтным. А раз так, то в условиях повышенной конфликтности и рисков стремительно возрастает роль силовых инструментов, прежде всего, военных, а вероятные сценарии развития отношений приобретают откровенно силовой характер.

Это означает, что правящие элиты государств должны тщательно и очень оперативно анализировать и прогнозировать развитие подобных сценариев и своевременно вносить коррективы в свои стратегии национальной безопасности, внешней политики и военные доктрины, а также доктрины информационной безопасности и стратегии научно-технологического развития.

В период с 2025-2050 годов США могут преимущественно развиваться как в рамках традиционных парадигм, сложившихся ранее, так и под влиянием новых парадигм, которые появятся к этому времени. При этом, естественно, что в любом случае неизбежно сохранится инерция и определенное влияние прежнего экономического, социально-политического и военного развития, существовавшего до 2025 года, которое, например, очень заметно в военно-технической области. Так, к 2017 году в США была создана эффективная система силового обеспечения

политики «новой публичной дипломатии», которая включала в себя, например, такое направление как «цифровая дипломатия». В стратегическом плане Госдепа выделено 8 тематических категорий электронной дипломатии.⁴⁵

Идея создания электронной дипломатии возникла в США еще в 2002 г. с учреждения целевой рабочей группы по проблемам электронной дипломатии (в настоящее время — Офис электронной дипломатии). Сейчас в различных структурах Госдепартамента функционируют 25 узловых отделений электронной дипломатии. Некоторые из них фокусируются исключительно на проблемах, имеющих отношение к электронной дипломатии. Другие были учреждены на традиционных рабочих местах, например, в территориальных подразделениях, с целью облегчения адаптации к меняющимся условиям ведения дипломатии. Проблема, однако, в том, чтобы точно определить, насколько определяющим будет это влияние в новых условиях⁴⁶.

В этой связи предлагается рассмотреть два возможных сценария развития США после 2025 года:

- основного (инерционного) сценария (и его вариантов) развития США после 2025 года, основанного на сохранении влияния старых парадигм;
- сценария развития, находящегося под влиянием новых парадигм.

При этом наиболее вероятным сценарием развития международной обстановки после 2025 года представляется дальнейшая эскалация сценария «Глобального военно-силового противоборства» западной ЛЧЦ во главе с США. Для стратегического прогноза развития МО и ВПО в мире, однако,

---

⁴⁵ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И.Смирнов, И.Н.Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 36.

⁴⁶ Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России / А.И.Смирнов, И.Н.Кохтюлина. — М.: ВНИИгеосистем, 2012. — С. 37.

важны нюансы, а именно: какой из конкретных вариантов этого сценария имеет наибольшие шансы на реализацию после 2025 года. Разница между вариантами этого сценария во многом будет предопределять не только объемы и качество необходимого силового потенциала России, но и его собственно военно-техническую часть — ВС и ВВСТ. Это имеет решающее значение уже сегодня для военного планирования на долгосрочную перспективу.

Применительно к ситуации после 2025 года можно говорить о выборе между:

- полномасштабной войной с западной ЛЧЦ и ее военно-политической коалицией во главе с США;
- либо системном военно-силовом противоборстве на различных ТВД и стратегических направлениях;
- либо, наконец, военно-силовом противоборстве, в котором ВС сторон не принимают прямого участия, ограничившись организацией вооруженной борьбы между «облачными противниками», диверсиями и инспирированием экстремистской деятельности на территории противника.

В зависимости от значения тех или иных силовых компонентов во внешней политике можно выделить, как минимум, три варианта основного сценария развития США:

- «оптимистический», где основной упор будет делаться на невоенные, но силовые инструменты политики. Этот вариант во многом зависит от тех внешнеполитических условий, в которых окажутся США после 2025 года, когда, например, прямое использование военной силы будет менее эффективным, чем другие формы, либо связано с повышенными рисками;
- «реалистический» вариант базового сценария, где военная сила, как и в 2017 году, является неотъемлемой частью внешней политики США и используется открыто;
- «пессимистический» вариант, где военная сила выступает основным, а в ряде случаев и исключительным инструментом политики.

Доля военной силы в вариантах основного сценария развития США после 2025 г.

Условное название варианта	Значение различных элементов силовой политики			
	Прямые варианты военной силы (война)	политико-дипломатические	экономические	гуманитарные
«оптимистический»	35–40%	25–30%	20–30%	10%
«реалистический»	40–50%	15–20%	20–25%	0–5%
«пессимистический»	75–80%	5–10%	5–10%	0–5%

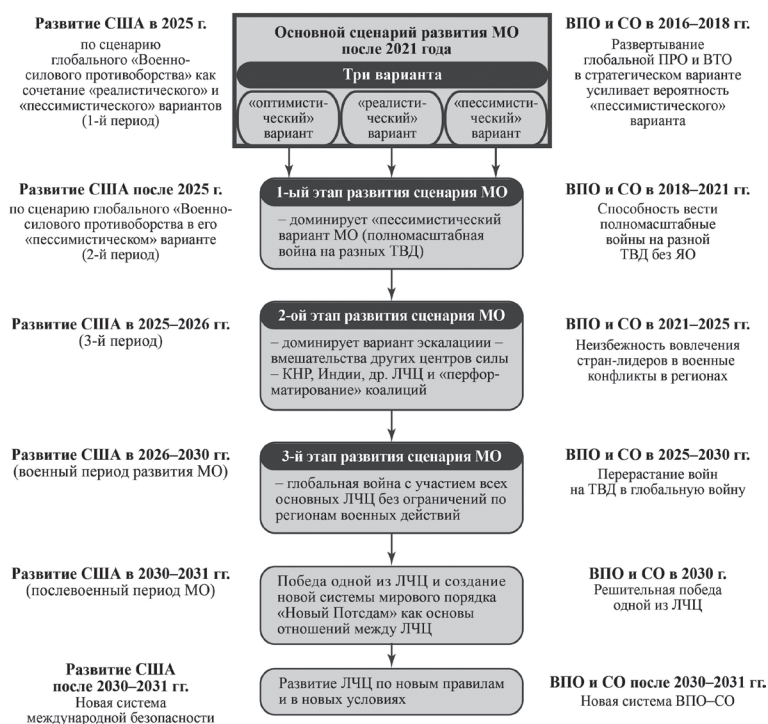
Как видно из предложенной матрицы, разные пропорции соотношения различных политических средств отнюдь не означают, что преимущество будет отдано какой-то отдельной группе, которые традиционно относят к «мягкой силе» или «жесткой силе».

В зависимости от обстоятельств варианты стратегии и использование тех или иных форм военной силы будут меняться, а значит изменяться и варианты одного и того же сценария. Собственно в военной стратегии США об этом говорится прямо: «военная сила должна обеспечить эффективность других инструментов политики». Причем в короткое время. Так, развитие ситуации на Украине в 2014–2016 годы свидетельствовало о быстрой смене «оптимистических» (соглашения в Минске) и «пессимистических», вариантов одного и того же военно-силового сценария, который применительно к России оставался на удивление последовательно силовым.

Более того, примечательно, что одновременно сохранялась теоретическая возможность развития всех трех вариантов одного и того же базового сценария, которая ставилась в зависимость «от поведения России». Причем не только на Украине, но и в других регионах и областях.

Эти три варианта сценария развития США будут связаны в значительной степени с военно-техническим развитием.

Так, массовое внедрение ВТО и сетцентрических способов управления ВС, например, уже сказалось на развитии не только ВПО в мире, но и МО. Иными словами мы обнаруживаем самую сильную и растущую взаимосвязь между развитием того или иного сценария США и всей МО–ВПО после 2025 года, прежде всего, из-за усиления влияния фактора военной силы в политике США. В самом общем виде такая «совмещенная» картинка основного Сценария развития США и МО–ВПО может выглядеть следующим образом.

Рис. 2.25. Развитие вероятных вариантов Сценария развития США после 2021 года и на перспективу до 2045 года и его сочетание и взаимосвязь с развитием ВПО и СО в мире

Как видно из этого рисунка, после 2021 года сценарий развития США и западной ЛЧЦ (которая находится под их влиянием) будет эволюционировать в направлении военно-силового («реалистического» или «пессимистического») варианта, продвигаясь достаточно быстро по лестнице эскалации вооруженного конфликта. Этот вариант переходит в полномасштабную войну на большинстве театров военных действий от Европы и Арктики до АТР без использования ОМУ.

Крайне маловероятно, что изменение в соотношении мировых сил и попытка западной ЛЧЦ сохранить сложившуюся мировую военно-политическую и финансово-экономическую систему силовыми средствами не приведут к военному конфликту и войне.

Роль «жесткой силы» («hard power»), включая военную силу, и «мягкой силы» («soft power») в различных сценариях развития США

	Инструменты до 2025 года и после 2025 года «жесткой силы»	Инструменты «мягкой силы»
США в 2015 г.	60%	40%
США в 2021 г.	70%	30%
США в 2025 г.	80%	20%
США в 2025–2026 г.	85%	15%
США в 2026–2029 г.	90%	10%
США в 2030 г.	95%	5%
США после 2030–2031 гг.	?	?

Как видно из таблицы, до 2021 года происходит первое радикальное изменение в соотношении силовых и несиловых методов США, когда силовые средства начинают абсолютно доминировать над несиловыми средствами влияния. Этот процесс стал заметен еще до 2015 года, но именно к 2021 году произойдет его первое качественное изменение, когда силовые (прежде всего военные)

средства политики США будут наиболее предпочтительными по отношению к другим средствам.

Второй этап качественных изменений произойдет на рубеже 2025 года. В этот период силовые, прежде всего военные, инструменты политики США станут не только основными, но и исключительными, сократив влияние других средств до минимума.

Если сравнивать с таблицей, в которой оценивается «доля» военной силы в каждом из вариантов доминирующего сценария, то оказывается, что на нее приходится от 35% до 80% (в «оптимистическом» и «пессимистическом») вариантах, а на силовую политику в целом — 90–95%. Иначе говоря любой вариант известного сценария развития США после 2025 года предполагает не только безусловное доминирование силовых инструментов, но и очевидно исключительное значения военной силы. Это может быть только одно: изменение соотношения сил в мире будет встречать военное противодействие США.

Можно допустить, что подобное развитие базового сценария приведет к тому, что на втором этапе развития полномасштабных военных действий между западной и российской ЛЧЦ (2025–2026 гг.) в конфликт втягиваются другие ЛЧЦ, прежде всего китайская, индийская и исламская, интересы которых оказываются непосредственно затронутыми в ходе войны. Дело даже не в том, что в войны вовлекаются соседние государства. Дело в том, что ход и исход любой крупной войны неизбежно затрагивает вопросы послевоенного урегулирования, что не может оставить безучастными великие державы и ЛЧЦ, чье влияние в XXI веке неизбежно усилится.

На третьем этапе (2026–2029 гг.) можно ожидать превращения глобального военного конфликта с участием всех ЛЧЦ в глобальную войну, которая должна завершиться на четвертом этапе победой одной из ЛЧЦ и возглавляемой ею коалицией, которая будет оформлена с политико-правовой точки зрения в новую систему миропорядка⁴⁷.

---

⁴⁷ Подберезкин А.И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. — М.: МГИМО-Университет, 2015.

Сказанное означает, что прогнозируемый сценарий развития США и западной ЛЧЦ, а также как следствие, — МО и его варианты указывают на необходимость:

- переоценки внешнеполитических приоритетов России с учетом развития военно-силового сценария, прежде всего, с точки зрения возможных союзников и партнеров;
- пересмотра структуры военной организации России, которая до настоящего времени не включает, как минимум, три крупные группы ресурсов - идеологию, институты гражданского общества и частный бизнес;
- пересмотра планов оборонного строительства, прежде всего, с учетом специфики навязываемой системной, сетцентрической и сетевой войны.

2.5. Возможные сценарии развития США в 2025-2050 годах на базе новых парадигм

Кроме сценария «Военно-силового противоборства», в основе которого лежит инерционное развитие США, могут существовать сценарии, которые, возможно, возникнут на базе новых парадигм. Самое трудное, но и самое важное, это определить появление новых парадигм и степень их влияния на сценарий развития того или иного субъекта МО. При этом существует известная закономерность: чем менее известна и заметна новая парадигма, тем сильнее может быть ее влияние.

В отличие от предыдущего («инерционного») сценария развития США после 2025 года этот сценарий предполагает существенное влияние принципиально новых, но уже известных

факторов, тенденций и парадигм. С точки зрения сценария развития после 2025 года (как уже говорилось выше), достаточно определенно выделяются три варианта военно-силового сценария. Варианты другого сценария, основанного на новых парадигмах, носят исключительно важный, но достаточно умозрительный характер. При этом можно условно определить понятия «влияние» и «доминирование» новых парадигм по следующим критериям:

- влияние новых парадигм (20%) и соответственно доминирование прежних парадигм (80%);
- доминирование новых парадигм (80%) и соответственно влияние старых парадигм (20%).

В этом случае базовый «Сценарий № 1» развития США после 2025 года соответствует понятию «влияние новых парадигм», а базовый «Сценарий № 2», наоборот, — «доминированию новых парадигм». В качестве примера можно привести экономику США, где новым парадигмам (новому экономическому укладу, социальной структуре, новой политике и т.п.) по некоторым оценкам соответствует до 10% экономики и ее структуры, но ожидается, что к 2025 году это соотношение достигнет 50/50. Это означает равную вероятность (как это видится сегодня) продолжения как «Сценария № 1», так и развитие «Сценария № 2» после 2025 года.

Таким образом, наиболее вероятный сценарий развития США до 2025 года станет исходной базой для превращения в один из двух базовых сценариев развития США после 2025 года — «Сценария № 1» («Развитие на базе прежних парадигм») и «Сценария № 2» («Развитие на базе новых парадигм»), которые будут определяться, прежде всего, достигнутым соотношением между старыми и новыми парадигмами к 2025 году.

Причем важно оговориться, что такое соотношение между влиянием новых парадигм у двух сценариев может быть не только явным, например, 30/70, но и гибким — 40/60 или даже определяться их равновесием в каждой из отдельных основных сфер жизнедеятельности: политике, экономике, социальной области и т.д. В самом

общем виде логику этого развития будет определять следующая модель сценариев и их вариантов развития США, на основе новых парадигм, которая носит, естественно, абстрактно-логический характер.

И количество сценариев, и количество вариантов может быть разным в зависимости от подхода исследования и глубины анализа, а также имеющихся для этих целей ресурсов.

Рис. 2.26. Логика сценариев развития США и их вариантов с 2025 по 2045 годы в зависимости от степени влияния новых парадигм

Таким образом, ключевым фактором долгосрочного прогноза развития США будет являться соотношение влияния новых и старых парадигм развития, которые будут формироваться до этого, а именно, в период 2017–2025 годов. Если внутренние парадигмы политики США (например, победа «белого» национализма или какого-то из национальных/этнических меньшинств) сменит существующую, то это, безусловно, отразится на всем развитии США и их стратегии в мире. Подробно эта логика описана в специальном исследовании RAND-корпорации, опубликованном в марте 2017 года.

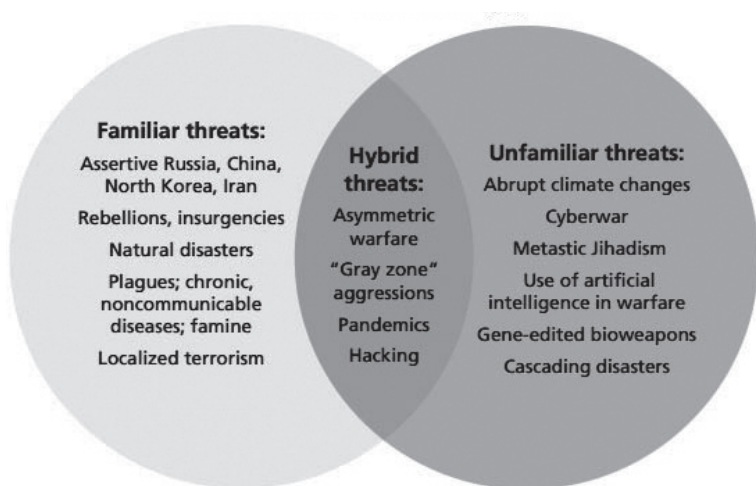

Рис. 2.27 Известные и неизвестные угрозы⁴⁸

Очень важно пытаться определить силу влияния новых парадигм в таких областях, как:

- наука и техника, технологии;
- социальная трансформация общества;
- появление новых акторов (ИГИЛ, например) или субъектов МО (Южный Судан) в мире;
- резкое изменение в состоянии того или иного субъекта МО;
- и т.д.

2.5.1. Сценарий «Силовое принуждение»

В этом варианте базового сценария будут доминировать парадигмы и тенденции политики, существовавшие до 2025 года, при

⁴⁸ Strategic Choices for a Turbulent World: In Pursuit of Security and Opportunity / Is the World Falling Apart (And How Would We Know)? — P.51–53 / RAND RR1631-3.2 / http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1600/RR1631/RAND_RR1631.pdf

их дополнении новыми парадигмами: экологическими, демографическими, природно-ресурсными, социальными и др. Этот вариант можно назвать «Силовым принуждением».

Есть основания полагать, что этот вариант сценария может стать основным и наиболее предпочтительным после 2025 года для правящей элиты США в силу ряда обстоятельств, а именно:

- он является «прямым наследником» базового сценария развития США до 2025 года и в силу этого привычным как с политической, так и военно-технической точек зрения;
- временной промежуток (до 2025 года) существования предыдущего варианта сценария относительно мал, а радикальных изменений в МО-ВПО может и не произойти, что не требует радикального изменения национальной стратегии;
- инерция не только существующих договоров, связей, НИОКР, промышленных производств и технологий диктует изменения в стратегии в том случае, если они крайне, критически необходимы;
- наконец, можно предположить, что реализованная стратегия и сценарий развития США до 2025 года могут оказаться вполне успешными и вообще не потребовать корректив.

Вместе с тем, «переходный период», в котором находится мир и США, предполагает развитие новых и появление принципиально новых парадигм. При этом основные новые парадигмы ожидаются, прежде всего, в группах, формирующих международную и военно-политическую обстановку в мире. Так, например, можно предположить, что развитие демографических тенденций в мире повлияет на внутривнутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию в США заметным образом. В частности, быстрое демографическое развитие стран Африки и особенно Латинской Америки неизбежно отразится на социально-экономической обстановке в мире и отношениях между США и этими государствами.

Эти изменения неизбежно приведут к дальнейшему пересмотру основных положений политического и военного искусства в целях их адаптации к новым международным реалиям. В целом вариант «Силовое принуждение» военно-силового сценария

развития США предполагает, что он будет характеризоваться следующими особенностями.

В области государственного управления США неизбежны серьезные перемены в военной организации страны. Прежде всего, с точки зрения:

- мобилизации национальных ресурсов и ресурсов своих союзников по коалиции, к чему активно приступила в 2017 году администрация Д. Трампа;
- дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в странах, которые рассматриваются в качестве потенциальных противников;
- создании ресурсов и резервов для ведения глобальных военных операций (например, запасов КР всех типов базирования).

В целом мероприятия в области государственного управления можно отнести как к внутривнутриполитическим (изменениям в политической системе США), так и внешним (отношениям с другими странами).

Реализация варианта «Силовое принуждение» на новом технологическом укладе и на новом уровне общественных отношений может, например, привести к политике США по отмене у противника не только суверенитета, но и вообще самого государства и его институтов. Т.е. превращение существования государства и его институтов в политическую цель войны. Противник должен быть целиком интегрирован (на выгодных для США условиях) в новую экономику и политическую систему США, что потребует полного уничтожения его государства, суверенитета, и системы ценностей, т.е. уничтожения нации. Соединенным Штатам будут мешать любые государства, обладающие суверенитетом, а также любые акторы, претендующие на это право.

Другая сторона вопроса — заинтересованность США в ослаблении влияния и уничтожении международных институтов и организаций, находящихся вне их контроля. Это также означает не только постепенное ослабление позиций ООН, но и в целом международного права, как такового. Цель — заменить международное законодательство, для чего потребуются серьезная политическая и силовая работа по принуждению других государств и акторов. И первое, и второе невозможно при сохранении национальных

систем ценностей, которые США будут девальвировать и адаптировать к американским.

Таким образом, силовая политика США распространится на самые разные, в том числе новые области отношений между государствами и станет объектом силового влияния и прямого воздействия. Среди таких областей необходимо выделить следующие, которые еще к 2025 году должны стать явными объектами влияния и прямой агрессии:

- национальные системы ценностей;
- культура, наука, образование;
- религия;
- правовая система;
- традиции.

Если до 2025 года стратегия принуждения США ставила своей целью подчинение элит воле и управление через них государством, то после 2025 года национальные элиты в качестве политических субъектов должны будут вообще исчезнуть: в новом обществе экономике и политике США будут не нужны альтернативные центры силы в лице государственных институтов других субъектов.

В области внешней и военной политики это означает смену политических целей и их приоритетов. Основными объектами внешнеполитического воздействия после 2025 года станут:

- противостоящие ЛЧЦ;⁴⁹

---

⁴⁹ Еще С. Хантингтон заметил, что в будущем «Группы или страны, принадлежащие к одной цивилизации, оказавшись вовлеченными в войну с людьми другой цивилизации, естественно пытаются заручиться поддержкой представителей своей цивилизации. По окончании холодной войны складывается новый мировой порядок, и по мере его формирования, принадлежность к одной цивилизации или, как выразился Х. Д. С. Гринвэй, «синдром братских стран» приходит на смену политической идеологии и традиционным соображениям поддержания баланса сил в качестве основного принципа сотрудничества и коалиций. О постепенном возникновении этого синдрома свидетельствуют все конфликты последнего времени — в Персидском заливе, на Кавказе, в Боснии. Правда, ни один из этих конфликтов не был полномасштабной войной между цивилизациями, но каждый включал в себя элементы внутренней консолидации цивилизаций. По мере развития конфликтов этот фактор, похоже, приобретает все большее значение. Его нынешняя роль — предвестник грядущего». (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций [пер. с англ. Т. Велимеева]. — М.: АСТ, 2016).

- системы ценностей и традиции;
- институты нации и государства.

Очевидно, что средства силового воздействия на эти цели также изменятся:

- во-первых, расширится спектр силовых средств, непосредственно влияющих на новые политические цели;
- во-вторых, собственно военные средства и способы должны будут приспособиться к нанесению ущерба новым целям;
- в-третьих, неизбежно должны произойти радикальные изменения в политическом и военном искусстве, т.е. способах применения новых ВВСТ.

В любом случае политические и военные силовые действия в новых общественно-политических, экономических и технологических условиях после 2025 года будут иными потому, что радикально изменятся политические цели и объекты применения военной силы. В середине XXI века потребуются разрушение основ государства и его институтов до основания, включая систему воспроизводства национальной самоидентификации. Это можно сделать только системным силовым сетевым воздействием, когда собственно военная сила выступает в качестве одного из многих средств насилия. (рис. 2.28)

Подобные условия формируют и определяют военную политику США, которая в период 2025–2050 годов будет ориентирована на системное и комплексное использование всех видов насилия: информационного, психологического, дипломатического, военного.

Эксперты справедливо говорят о том, что в XXI веке характер войн претерпит серьезные изменения. Традиционные войны и конфликты между развитыми государствами уже фактически исчезли. Соответственно и классическая военная наука должна сделать выводы из того факта, что, как правило, военные столкновения происходят между очень разными по военной мощи и другим показателям противниками.

В 2020–2025 годы традиционная война окончательно уступит место «асимметричным конфликтам» даже между ведущими

Рис. 2.28. Война вчера, сегодня, завтра ...⁵⁰

державами, которые будут использовать друг против друга своих союзников, либо искусственно создавать «облачного противника». В 2016 году, например, в США было признано ошибочным использовать в конфликтах большие массы войск, чья эффективность в Ираке и Афганистане оказалась низкой.

Как видно из рисунка И. Попова и М. Хамзатова, «матрица» военных конфликтов оказывается значительно разнообразнее традиционных представлений. (рис. 2.29)⁵¹

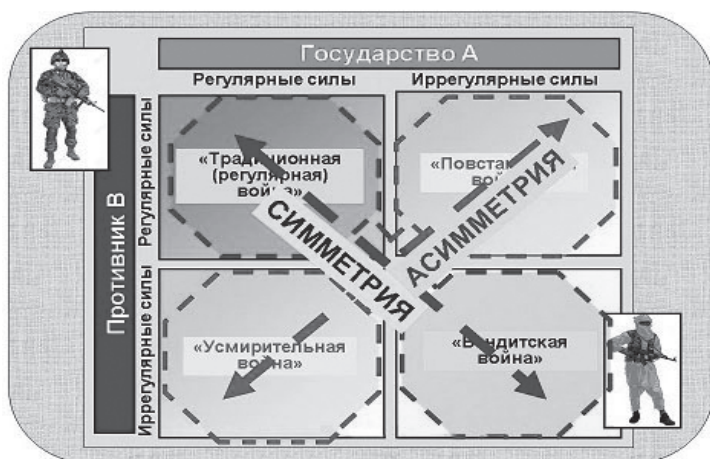
В действительности даже это очень упрощенное представление о характере войн и конфликтов в XXI веке заставляет предположить, с полным основанием, что после 2025 года любой конфликт будет по своей сути «асимметричен», похож на «слоеный пирог», когда в нем участвуют в разной степени все силовые возможности государства и коалиции.

⁵⁰ Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

⁵¹ Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

Рис. 2.29. Матрица военных конфликтов

Рис. 2.30. Симметричные и асимметричные войны ⁵²

⁵² Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

Логическая схема, раскрывающая этот тезис, может выглядеть следующим образом:

Логическая схема системного «асимметричного» военного конфликта после 2025 года

Все виды и способы и силового воздействия (по приоритетности)	Цель/объект	Средства силового воздействия
– дезинформация	– система ценностей	СМИ, интернет, социальные сети, образование
– санкции, бойкот	– экономическая структура	– экономические и финансовые операции
– военные операции – локальные; – ТВД; – глобальные	правящая элита	
– комплекс, системное воздействие	нация	все средства: системно и комплексно

В частности, можно привести пример с использованием социальных сетей. Так, правительство США определяет цифровую дипломатию как применение социальных сетей в дипломатической практике правительства США для обеспечения взаимодействия американских дипломатов с зарубежными пользователями интернета. Цифровая дипломатия США — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированной на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения. На сегодняшний день более 30% населения планеты являются активными пользователями интернета, и цифра эта постоянно растет⁵³.

Публичная дипломатия Web 2.0. — это механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством следующих методов: размещение радио и телепередач в сети Интернет, распространение в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание персонализированных страничек членов правительства

⁵³ Зиновьева Е. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России / Индекс безопасности № 1 (104), — Т. 19. — С. 213 / <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf>

США в социальных сетях, а также рассылка информации через мобильные телефоны.

Программы интерактивного радио и телевидения позволяют правительству США быстро достигать потребителей, мгновенно получать обратную реакцию (feedback) аудитории и, как следствие, изменять содержание своей информационной пропаганды. Электронные журналы о США оказывают влияние на молодежь, которая воспринимает информацию через визуальные и клиповые образы. Мониторинг социальных сетей позволяет Вашингтону направлять дискуссии блогеров в нужное русло и мобилизовать группы протестной молодежи и диссидентов. Создание персональных страничек представителей политического истеблишмента на таких платформах, как Facebook и Twitter, способствует выстраиванию реального общения между представителями Вашингтона и участниками социальных сетей.

Сказанное означает, что после 2025 года военная организация США будет включать все возможные средства и способы силового принуждения, а не только собственно военные, а война перестанет быть только войной, а станет набором «силовых альтернатив» принуждения.

2.5.2. Сценарий «Решительное уничтожение»

Этот радикальный вариант развития США после 2025 года возможен, в случае если американцы смогли бы осуществить революционный прорыв в военно-технической сфере, что позволило бы им достигнуть решающего военного превосходства над любым потенциальным противником⁵⁴. Отличие этого варианта от предыдущего заключается в масштабах и интенсивности применения военной силы, когда невоенные инструменты насилия будут носить важный, но вспомогательный характер.

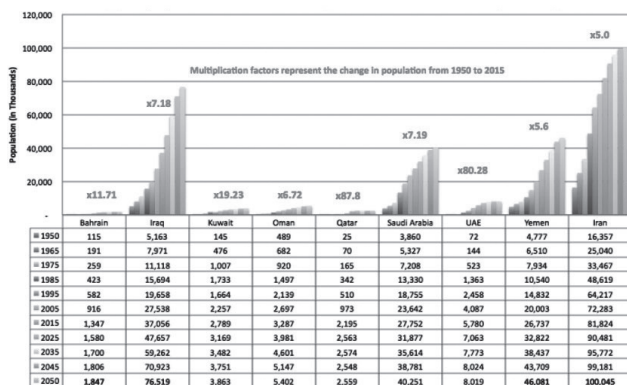
---

⁵⁴ В качестве гипотетических вариантов можно предположить овладение США технологией мгновенного пространственного перемещения объектов на значительные расстояния или создание антигравитационного двигателя.

Можно сказать, что «Вариант № 2» будет традиционным вариантом использования военной силы в новых геополитических условиях, когда победа предполагает не просто разгром противника, но и его полное подчинение и лишение суверенитета с последующим лишением национальной идентичности. Опираясь на военно-техническое превосходство противник будет полностью уничтожен, а его институты управления разрушены.

Теоретически такой вариант возможен и на нынешнем технологическом уровне в отношении более слабого в военном отношении противника, например, исламской ЛЧЦ. Если для решительного разгрома России и Китая США без овладения прорывными военными технологиями никак не обойтись, то в отношении исламских государств достаточно и нынешнего уровня военно-технического превосходства.

Между тем, к 2025–50 годам демографическая ситуация стран Персидского залива радикально изменится: численность населения некоторых из них (Ирак, Йемен, Иран) достигнет численности крупных государств.⁵⁵

Рис. 2.31. Демографические изменения в странах Залива в 1950–2050 гг. (в тысячах)

⁵⁵ United States Census Bureau, International Data Base, Accessed, 2015. April / <http://www.census.gov/population/international/data/idb/informGateway.php>

Если же к этим странам добавить исламские государства Юго-Восточной и Южной Азии, где численность будет еще выше, (например, в Малайзии численность превысит 100 млн. человек при среднегодовых темпах роста ВВП с 1970 года в 6%), то станет ясно, что исламский центр силы неизбежно и объективно займет ключевое место в будущей мировой расстановке сил, а его влияние на западную ЛЧЦ и США будет очень сильным.

Это вероятно приведет к росту конфликтности в отношениях США и в целом Запада с исламским миром, которая будет нарастать и с высокой степенью вероятности генерировать региональные войны — от стран Северной Африки, до стран Юго-Восточной Азии. В этом случае очень вероятен «Вариант № 2» («Решительное уничтожение») развития сценария политики США в период после 2025 года как силовая реакция на происходящие перемены. Этот вариант может во многом повторять войну США и их коалиции в Югославии, Афганистане, Ираке и Сирии с некоторыми нюансами.

Во-первых, США и их коалиция будут избегать масштабных сухопутных операций из-за повышенных рисков и затрат, стараясь как можно чаще и активнее использовать создаваемых или «облачных противников» и террористические или экстремистские организации. Спектр таких действий — очень широк и иллюстрируется примерами поведения на Украине (где долгосрочная стратегия развития антироссийских сил учитывала повышенные риски) или быстрая и масштабная операция в Афганистане и Ираке.

Во-вторых, США и их союзники будут максимально широко использовать достижения политики «новой публичной дипломатии», где собственно военная сила должна обеспечить эффективность применения невоенных средств и методов. Это означает, что информационные, когнитивные, экономические средства принуждения будут использоваться максимально широко.

В-третьих, произойдет активизация сил специальных операций и создания террористических и экстремистских группировок в интересах США.

Рис. 2.32. Матрица военных конфликтов: «иррегулярная война» = «гибридная война»⁵⁶

2.5.3. Сценарий внутреннего гражданского конфликта в США

Очень трудно, хотя и необходимо, попытаться выделить возможные сценарии, основанные преимущественно на новых парадигмах. Представляется, что для этого необходимо методологически обратиться к двум приемам: Во-первых, попытаться выделить влияние новых парадигм на эти варианты развития, которое можно условно назвать «решающим» и «дополнительным». Во-вторых, необходимо определить наиболее перспективные области формирования таких парадигм.

⁵⁶ Попов И.М. Войны XXI века: новые аспекты и подходы к типологии и содержанию / <http://www.milresource.ru/War-Popov.html>

Так, применительно к США, в первой половине XXI века можно говорить о следующих областях:

- технологической, массовому переходу всех отраслей экономики на новый технологический уклад, процесс которого обозначился в настоящее время;
- социальный, радикальные изменения в социальной структуре американского общества, которое идет уже определенное время, но, как показали выборы в США Д. Трампа, не привели пока что к победе тех слоев и социальных групп, которые начали называть «креативным классом»;
- расовый, когда большинство американских граждан будут составлять этнические латино- и афроамериканцы.

Среди этих областей наиболее перспективной представляется последняя. Во-первых, демографическая динамика США такова, что к середине нынешнего столетия белое население перестанет являться большинством. Во-вторых, в современной истории США конца прошлого и начала нового века немало примеров того, как возникали крупные гражданские беспорядки на этнической основе. В-третьих, африканское и латино-американское население распределено неравномерно между отдельными штатами. В некоторых штатах оно явно преобладает, в других является устойчивым меньшинством.

Поэтому вполне реальной является перспектива раскола США к 2050-му году на условно латиноамериканские штаты и штаты с преобладанием европейского населения. При этом штаты с преобладанием европейского населения будут тяготеть к Канаде, а штаты с латиноамериканским населением — к Мексике, то есть к латиноамериканской цивилизации. Возможно, раздел США произойдет на три группы штатов с учетом тех, где будет преобладать афроамериканское население.

Данный сценарий уже рассматривался исследователями ЦВПИ.⁵⁷ Если кратко, то он должен привести к развалу США

---

⁵⁷ См.: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова. — М.: МГИМО, 2016. — с. 540-544.

и радикальному ослаблению западной цивилизации. При этом ареал западной цивилизации сузится и будет включать северные штаты нынешних США, Канаду, Великобританию, Ирландию, Францию, страны Северной Европы, Германию, Австрию, Швейцарию, Италию, Австралию и Новую Зеландию. В этих условиях Центр влияния западной цивилизации переместится, скорее всего, обратно в Великобританию.

**Глава III.
Перспективы развития
Великобритании
как лидера
англосаксонского мира**

3.1. Формирование новой внешнеполитической стратегии Великобритании в процессе выхода из Евросоюза

Ключом к пониманию политической стратегии в Великобритании на период до 2050 года является ее решение о выходе из Евросоюза, известное как «Brexit». Сейчас уже очевидно, что результаты соответствующего референдума от 23 июня 2016 года не были исторической случайностью. Как оказалось, его поддерживает не только большинство британцев, но и влиятельные круги британской элиты. И участие в агитации за «Brexit» ярких и колоритных представителей правящего класса, типа Бориса Джонсона и Найджела Фаража — наглядное тому подтверждение.

Красноречивым сигналом о настрое британской элиты стала публикация лондонской газеты «The Sun» от 9 марта 2016 года о том, что Королева Великобритании Елизавета II поддерживает голосование за выход из ЕС. И хотя официально Букингемский дворец опроверг это сообщение, те кому он был адресован в британских правящих кругах, все поняли. Такие утечки в Соединенном Королевстве не бывают случайными. И вот мы видим, что год спустя королевский «намеки» претворился в жизнь.

Не сбылись и ожидания тех, кто полагал, что результаты референдума о «Brexit» можно будет отыграть назад. Выступая в

парламенте 29 марта 2017 года, премьер министр Великобритании Тереза Мэй дала ясно понять, что решение покинуть ЕС — окончательное и пересмотру не подлежит. «Это исторический момент, после которого не может быть поворота назад... Мы используем эту возможность, чтобы построить более сильную и справедливую Британию — страну, которую наши дети и внуки будут с гордостью называть своим домом... Я верю в Британию и в то, что наши лучшие дни лежат впереди».⁵⁸ Так не говорят, когда желают остаться и пересмотреть итоги референдума. Да и досрочные парламентские выборы в Великобритании, состоявшиеся 8 июня 2017 г., хотя и привели к потере консерваторами ряда мест в парламенте, все же подтвердили поддержку курса Терезы Мэй на выход из ЕС.

Таким образом, британская элита в очередной раз подтвердила свое отличное политическое чутье, способность к стратегическому мышлению и долгосрочному внешнеполитическому планированию. Также прекрасно была разыграна вся операция по выходу из ЕС. Она была представлена как проявление народной воли, которая пробилась себе дорогу вопреки сопротивлению британского правительства. Так что европейским партнерам Лондона некому и претензии выдвигать. На все такие упреки будет один ответ: «Ну, мы же боролись, но не смогли».

Действительно, нельзя же потребовать отменить волю народа? Хотя в кулуарах, наверняка, британцам делались предложения такого рода, что, мол, давайте затянем процесс, проведем новый референдум (типа третьего тура украинских президентских выборов 2004 года). Но у британцев были железные, непробиваемые аргументы: они — поборники демократии и прав человека, а воля народа священна.

Британская элита всегда имела глобальные интересы. Эти интересы охватывали не только Европу, но и США, Китай, Индию, Юго-Восточную Азию, значительную часть Африки, а также бывшие британские доминионы — Канаду, Австралию и Новую Зеландию. В течение определенного времени участие

---

⁵⁸ <https://www.gov.uk/government/speeches/prime-ministers-commons-statement-on-triggering-article-50>

Великобритании в процессах европейской интеграции не наносило ущерба британским глобальным интересам и даже гармонизировало с ними. Однако, во второй декаде нынешнего столетия ситуация изменилась. Интеграция внутри Европейского Союза достигла такого уровня, что стала препятствовать полноценной реализации британских торгово-экономических интересов в других частях света. Это стало особенно актуально в условиях, когда возникли новые обширные рынки в Азии, связанные с быстрым экономическим ростом Китая, Индии, Индонезии и ряда других стран региона.

Проблема усугублялась теми трудностями, с которыми столкнулся Евросоюз в последние годы. Быстрое расширение ЕС, включение в него целого ряда слаборазвитых восточноевропейских государств усилило экономическое бремя для государств-лидеров, вынужденных субсидировать экономику стран-аутсайдеров. А Британия была вторым по значимости донором бюджета ЕС, уступая лишь Германии.

И если на первом этапе после присоединения к ЕС были некоторые иллюзии, что страны Восточной Европы смогут относительно быстро перейти к динамичному развитию, то начало мирового экономического кризиса в 2008 году и последующая стагнация экономики Евросоюза похоронили эти надежды. Все это усугубилось огромным наплывом беженцев на территорию ЕС после начала т.н. «арабской весны» и полной неспособностью решить эту проблему.

Одним словом, будущее ЕС стало выглядеть туманно, и в Европе усилились скептические настроения относительно его дальнейшей судьбы. А для Великобритании экономические и прочие издержки пребывания в Евросоюзе стали перевешивать выгоды от этого членства. Тем более, каких либо перспектив улучшения ситуации, даже в среднесрочной перспективе вообще не просматривается.

К тому же, в Лондоне не могли не учитывать, что наибольшие экономические и политические выгоды от расширения ЕС получила Германия, которая чужими руками (в том числе и руками

Великобритании) создала нечто вроде четвертого рейха. И прагматичные британцы, видимо, посчитали чрезмерным расточительством оплачивать дальнейшее укрепление немецкого доминирования на европейском континенте.

Другим фактором, повлиявшим на выбор Великобритании, стали сомнения по поводу дальнейшей судьбы США. В Лондоне, видимо, осознали, что американская сверхдержава вступила в период заката. И нынешний раскол в американской элите — это лишь вершина айсберга будущих катаклизмов.

Расовые и национальные проблемы в США будут только нарастать. К середине века белое и не белое население США сравняется по численности. Потеря власти белым большинством не может пройти бесконфликтно. Неминуемо произойдет резкое ослабление страны. Опыт Зимбабве и ЮАР — тому наглядное подтверждение. Но в США все может быть гораздо хуже. Там, скорее всего, произойдет раскол и развал на условно «белые» и «цветные» штаты. Хорошо, если это случится мирным путем.

Таким образом, США уже не смогут выступить в качестве лидера и защитника западного мира. И британцы вынуждены были задуматься о том, как обеспечивать собственное выживание в конкурентном многополярном мире без американского покровительства. Остаться в ЕС означало бы стать младшим партнером Германии, поставить англосаксов в зависимость от тевтонов, то есть согласиться с той программой, которую в свое время предлагал Гитлер. Но гордые и упрямые британцы уже один раз не согласились с такой перспективой в 1939-1941 гг. Не приняли они ее и на этот раз. К тому же это означало, что другие англосаксонские страны Австралия, Канада и Новая Зеландия будут брошены на произвол судьбы.

Таким образом, основным направлением усилий Великобритании до 20-50 года будет стремление выступить в качестве центра консолидации англосаксонского мира. Причем, это стремление будет осуществляться либо в рамках всей западной цивилизации, либо, в случае ее распада как единого целого — в

качестве самостоятельного центра силы. Но в обоих случаях Лондон будет стремиться к приобретению определенной автономности от других западных стран, включая не только Евросоюз, но и США. Разница будет состоять лишь в степени этой автономности, которая будет определяться британской элитой в зависимости от общего состояния международной обстановки на конкретный момент в будущем.

3.2. Два наиболее вероятных сценария развития Великобритании до 2025 и 2050 годов

В случае если США удастся сохранить роль лидера западной коалиции не только до 2025 года, но и в период 2025-2050 гг., то Лондон выберет одну стратегию, которую условно можно назвать «Реанимация Британского содружества». Если же США ослабнут настолько, что уже не смогут выступать в качестве лидера западного мира, то британская элита начнет осуществлять сценарий, который условно можно назвать «Британская империя 2.0».

В принципе эти стратегии достаточно близки и не предполагают существенной разницы во внешней политике страны до 2025 года. Отличия начнут проявляться лишь в период 2025-2050 годов. Они будут состоять в степени интеграции Великобритании со своими бывшими доминионами и в степени самостоятельности внешней политики Великобритании в рамках западной коалиции.

Первый сценарий предполагает экономическую реинтеграцию англосаксонского мира в лице Великобритании и ее бывших

доминионов — Австралии, Канады и Новой Зеландии, а также существенное расширение торгово-экономических связей со странами, входящими в Британское содружество. Кроме бывших британских доминионов, в него входят такие экономически значимые страны как Индия, Пакистан, Малайзия, Сингапур и ЮАР.⁵⁹

Согласно сценарию «Британская империя 2.0» Лондон не только осуществит экономическую реинтеграцию своих бывших доминионов, но и пойдет на глубокую военно-политическую интеграцию с ними. В отношении других стран Британского содружества⁶⁰ будет проводиться линия на максимальное расширение торгово-экономического, политического и военного сотрудничества.

Представляется, что Великобритания обладает достаточными возможностями для реализации этого сценария. В том, что касается расширения торгово-экономических отношений внутри Британского содружества, то это будет только выгодно большинству участников данного процесса. Да и военно-политическая реинтеграция бывших британских доминионов не будет такой уж сложной задачей, если учесть, что английская королева до сих пор является одновременно королевой Канады, Австралии и Новой Зеландии. То есть сторонам не придется даже принимать каких-то эпохальных законодательных актов, достаточно будет обычных технических решений.

К тому же, у Австралии и Новой Зеландии просто нет иного выбора, как только вернуться под опеку Лондона. Помимо таких факторов, как этническая и культурная общность, к такому варианту неизбежно подталкивают объективные экономические и военно-политические условия. Окруженные огромным азиатским регионом, где они являются чужеродным элементом, эти страны всерьез опасаются за свою безопасность в условиях динамичного

---

⁵⁹ С полным списком государств, входящих в Британское содружество, можно ознакомиться на сайте Содружества (<http://thecommonwealth.org/member-countries>)

⁶⁰ С полным списком государств, входящих в Британское содружество, можно ознакомиться на сайте Содружества (<http://thecommonwealth.org/member-countries>)

развития азиатских гигантов, таких как Китай и Индия, а также соседней Индонезии. До последнего времени бывшие британские доминионы в обеспечении своей безопасности полагались на США. Но если США ослабеют, то предоставить таких гарантий будет некому.

Канада находится в более предпочтительном положении. Но это продолжится только до тех пор, пока США сохраняют свою силу и внутреннюю стабильность. Если же в США произойдет раскол, по расовому признаку, то это поставит Канаду в довольно уязвимое положение. Самое опасное, что может случиться — это расовая война в США с миллионными потоками беженцев, которые могут устремиться в Канаду.

Но даже если этого не произойдет, то ослабленные США все равно перестанут быть удобным и перспективным торгово-экономическим партнером для Канады. В США будет усиливаться протекционизм и Канаде придется искать новые рынки. А своих рычагов для отстаивания позиций на основных мировых рынках — в Европе и Азии у Канады не так много. И здесь британские возможности окажутся весьма кстати. Это в равной степени касается Австралии и Новой Зеландии, которые, хотя и меньше зависят от экспорта в США, но, тем не менее, опираются на поддержку Вашингтона в отношении установления приемлемых правил мировой торговли. А если в США будет нарастать протекционизм, то это вызовет ответную реакцию на рынках Европы и Азии. И это неминуемо отразится на перспективах внешней торговли Австралии и Новой Зеландии, которым потребуются опереться на чью-то помощь в отстаивании своих интересов.

Таким образом, проект предлагаемый Лондоном, обеспечит самой Великобритании и ее бывшим доминионам возможность выживания в сложных условиях трансформации мировой системы в сторону многополярности и даже в том случае, если произойдет раскол западной цивилизации.»⁶¹

---

⁶¹ Вероятность сценария развития международной обстановки, ведущего к расколу Запада, была подробно проанализирована исследователями МГИМО. См: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. монография / под ред. А.И. Подберезкина, М.В. Александрова // М: МГИМО–Университет, 2016. — с. 542.

3.3. Экономический потенциал Великобритании и его перспективы

Территория Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии составляет 242 тыс. кв. км., что достаточно мало для великой державы мирового уровня. Оба сценария будущего развития Великобритании не предполагают каких либо формальных территориальных приобретений или потерь. В то же время объединенная со своими бывшими доминионами, Великобритания станет членом альянса, контролирующего огромную территорию — 17,3 млн. кв. км.⁶² Это даже чуть больше, чем площадь Российской Федерации (17,1 млн. кв. км).

В случае реализации сценария «Реанимация Британского содружества» речь пойдет в основном об усилении британского экономического присутствия на территории своих бывших доминионов и, возможно, о частичном вытеснении оттуда других экономических игроков. Великобритания будет стремиться к такому же результату и на территории других стран Британского содружества. Однако это получится далеко не везде, особенно если речь идет о крупных экономиках, таких как Индия, ЮАР, Малайзия и Пакистан. В более мелких странах, особенно африканских, Великобритания вполне сможет претендовать на особые права.

В случае если будет реализован сценарий «Британская империя 2.0», то усилится не только экономическое, но и военно-политическое присутствие Великобритании на территории своих бывших доминионов. С другими же странами Британского содружества Лондон, возможно, заключит соглашения о военном сотрудничестве. Такие соглашения будут заключаться в

---

⁶² Территория Канады — 9,1 млн. кв. км., Австралии — 7,7 млн. кв. км. и Новой Зеландии — 265 тыс. кв. км.

зависимости от конкретной военно-политической обстановки, складывающейся на определенный момент в будущем.

Важную роль в сценарии «Британская империя 2.0», будут играть заморские территории Великобритании, такие как Гибралтар, Акротири и Декелия на о-ве Кипр, Бермуды в северо-западной Атлантике, Виргинские и Каймановы о-ва в Карибском море, Фолклендские о-ва в южной Атлантике, Острова Святой Елены, Вознесения и Тристан-да-Кунья в середине южной части Атлантического океана, о-в Диего-Гарсия в Индийском океане. Владение этими территориями позволит британскому флоту контролировать основные морские коммуникации из Азии, Америки и Африки, ведущие в Великобританию. Там также могут размещаться бомбардировщики и силы спецназа авиадесантных сил для проведения гибридных операций в прилегающих регионах.

Сама Великобритания не очень богата природными ресурсами. Она располагает месторождениями нефти, газа, каменного угля, каолина, флюорита, калийных солей, целестина, горючих сланцев. Имеются небольшие или уже отработанные запасы металлов — железа, меди, олова, свинца, цинка, барита, витерита.

Разведанные запасы нефти Великобритании составляют 2,8 млрд. баррелей. При нынешнем уровне добычи — 893 тыс. баррелей в день этих запасов должно хватить примерно на 9 лет.⁶³ Вместе с тем время от времени поступают сообщения об открытии в Великобритании новых крупных месторождений нефти. Правдивость этих сообщений нуждается в уточнении.

Ежедневное потребление нефтепродуктов в Великобритании составляет примерно 1,5 млн. баррелей, что требует переработки 1,445 млн. баррелей сырой нефти. То есть дефицит собственной нефти для производства необходимого количества нефтепродуктов составляет 552 тыс. баррелей в сутки. На базе открытых источников сложно оценить, насколько британская промышленность способна увеличить собственное производство нефти, чтобы восполнить этот дефицит в особый период, если будут перекрыты

---

⁶³ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/uk.html>

внешние поставки нефти. Теоретически Великобритания могла бы обеспечить такие поставки из соседней Норвегии, взяв под контроль ВМФ ее месторождения в Северном море.⁶⁴

Производство газа в Великобритании также не достаточно для удовлетворения собственных нужд. При годовом потреблении газа 70,45 млрд. м³, Великобритания производит всего 38,6 млрд. м³.⁶⁵ Великобритания вынуждена импортировать недостающий газ из других стран, в том числе из России. В 2015 году Россия поставила в Великобританию 11,1 млрд. м³ газа, тем самым покрыв 1/3 дефицита страны в этом виде топлива.⁶⁶

В то же время в особый период Великобритания может обеспечить поставки газа с норвежских месторождений в Северном море, взяв их под военный контроль. Сейчас Норвегия экспортирует около 114 млрд. м³.⁶⁷ Менее трети этого объема вполне достаточно, чтобы компенсировать дефицит Великобритании в природном газе. К тому же, после выхода из ЕС Великобритания получит возможность более тесно сотрудничать с Норвегией в торгово-экономической области, так как последняя не является членом ЕС, и внешние барьеры Евросоюза несколько ограничивали полноценное экономическое взаимодействие двух стран.

Великобритания также зависит от поставок природного урана, так как 11,7% электроэнергии страны производится на атомных электростанциях.⁶⁸ Такие поставки могут быть обеспечены из Австралии, которая обладает крупнейшими в мире (29%) запасами урановой руды.⁶⁹

---

⁶⁴ В настоящее время Норвегия добывает 1,6 млн. баррелей нефти в день, а ее экспорт составляет 1,26 млн. баррелей в день. (<https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/no.html>)

⁶⁵ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/uk.html>

⁶⁶ <http://stockinfocus.ru/2016/10/24/pod-prizyv-k-sankciyam-britaniya-bystro-skupaet-russkij-gaz/>

⁶⁷ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/no.html>

⁶⁸ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/uk.html>

⁶⁹ <http://www.world-nuclear.org/information-library/nuclear-fuel-cycle/mining-of-uranium/world-uranium-mining-production.aspx>

Вообще объединение англосаксонских стран в единый альянс делает их фактически неуязвимыми в плане обеспеченности природными ресурсами. В совокупности эти страны обладают запасами сырья, сопоставимыми с российскими, как по объему, так и по разнообразию.

По данным мирового банка ВВП Великобритании по паритету покупательной способности в 2015 году составил 2,7 трлн. долларов, что соответствует девятому месту в мировом рейтинге. (Для сравнения ВВП России достигает 3,6 трлн. — шестое место).⁷⁰ Можно предположить, что относительный вес Великобритании в мировой экономике к 2025 году существенно не изменится.

Однако к 2050 году относительный экономический вес самой Великобритании в мировой экономике может несколько понизиться за счет опережающего экономического роста некоторых развивающихся стран. В то же время в рейтинге мировых экономик она опустится, скорее всего, не на много — на 2-3 позиции. Более того, Великобритания выиграет от более тесной экономической интеграции со своими бывшими доминионами. Если к британскому ВВП добавить ВВП Канады, Австралии и Новой Зеландии, то их совокупный ВВП составит \$5,57 трлн., что перемещает это англосаксонское сообщество на четвертое место после Китая, США и Индии.

По объемам экспорта Великобритания занимает десятое, а по объемам импорта — шестое место в мире, что соответственно составляет 2,7% и 3,6% мирового экспорта и импорта. Но если добавить к этому долю внешней торговли бывших британских доминионов, то их совокупный объем экспорта и импорта составит соответственно 6,8% и 7,6%. А это выводит англосаксонское сообщество на четвертое место по экспорту (после Китая, США и Германии) и на третье по импорту (после США и Китая).⁷¹ То есть в перспективе Россия в лице Великобритании будет иметь дело с четвертым по экономической мощи мировым центром силы.

⁷⁰ http://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf

⁷¹ https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_e/its2015_e.pdf

3.4. Демография и человеческий капитал Великобритании

Демографический потенциал не является сильной стороной Великобритании и англосаксонского мира в целом. Совокупное население четырех англосаксонских стран составляет сейчас около 127,4 млн. человек (Великобритания — 63,2 млн., Канада — 35,2 млн., Австралия — 24,3 млн., Новая Зеландия — 4,7 млн.). Это делает демографический потенциал англосаксонского альянса сопоставимым с российским, но он существенно проигрывает даже США, не говоря уже о таких странах как Китай и Индия.

Естественный прирост населения в Великобритании является слабым, фактически нулевым. Рост населения обеспечивается в основном за счет иммиграции. По оценкам британских демографов население Великобритании увеличится в 2022 году до 68 млн. человек, что соответствует ежегодному росту на 0,6%, а к 2037 году достигнет 73,3 млн. человек.⁷² Темпы прироста населения в бывших британских доминионах составляют в Канаде — 1,03%,⁷³ в Австралии — 1,4%,⁷⁴ в Новой Зеландии — 1,9%.⁷⁵ в основном также за счет иммиграции.

Несмотря на наплыв, относительно большого числа мигрантов из стран Азии и Африки в последние годы, британское общество в расовом отношении остается монолитным. Сейчас белое население Великобритании составляет 87,2%, африканское 3%, азиатское 4,2%.⁷⁶ После выхода из Евросоюза британские власти, ско-

---

⁷² <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/populationandmigration/population-projections/compendium/nationalpopulationprojections/2014-03-28/anexecutivesummary2012based-nppreferencevolume>

⁷³ <http://countrymeters.info/en/Canada/>

⁷⁴ <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@nsf/mf/3101.0>

⁷⁵ http://www.stats.govt.nz/browse_for_stats/population/estimates_and_projections/NationalPopulationEstimates_HOTPAT30Jun15.aspx

⁷⁶ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/uk.html>

рее всего, наведут порядок в миграционной сфере и существенно ограничат поток мигрантов из азиатских и африканских стран. Это будет способствовать сохранению этнического баланса в стране на длительную перспективу.

В этническом плане Великобритания является достаточно монолитным государством. Этнические меньшинства — шотландцы и валлийцы составляют незначительный процент населения. Шотландцы — 6,7%, валлийцы — 3,25%.⁷⁷ И хотя в Шотландии 80% населения считает себя шотландцами⁷⁸, прошедший в 2014 году референдум показал, что только чуть более 1,6 млн. человек поддержали идею независимости. Это составляет всего около 36% взрослого населения Шотландии и 44,7% от всего количества проголосовавших на референдуме.

Таким образом, у Лондона при проведении взвешенной политики всегда найдется достаточно рычагов, чтобы держать под контролем шотландских националистов. Не случайно, попытки евробюрократии разыграть сепаратистскую карту в Шотландии после референдума о Brexit с очевидностью провалились. В целом Шотландия и Уэльс настолько плотно интегрированы в социально-экономическую ткань британского общества, что его разрыв оказался бы весьма болезненным и для шотландцев, и для валлийцев. Это достаточно хорошо понимают элиты данных регионов, поэтому их демарши в сторону Лондона будут ограничиваться стремлением добиться каких-то локальных уступок и прежде всего увеличения финансовых вливаний в региональные бюджеты, а не действительным желанием отделиться от Великобритании.

Менее устойчивое положение существует в Северной Ирландии, где соотношение юнионистских и сепаратистских сил примерно равно. При общем населении 1,8 млн. человек только 39,89% считает себя британцами, а ирландцами и северными ирландцами 47,26%. Остальные 12,85% занимают промежуточное

---

⁷⁷ http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171778_29237_8.pdf

⁷⁸ <http://www.scotlandscensus.gov.uk/ethnicity-identity-language-and-religion>

положение между этими двумя группами, но более склонны поддерживать единство с Великобританией.⁷⁹ Тем не менее, такая диспозиция сохраняет потенциал латентного межнационального конфликта в Северной Ирландии.

В тоже время в условиях деградации Евросоюза и возможного раскола западной цивилизации, каких-то выгод от разрыва отношений с Великобританией ирландцы в Северной Ирландии не получают. Скорее наоборот. Тем более, не понятно, как ирландские сепаратисты смогут навязать свою волю другой половине населения, если не смогли этого сделать за весь 20-ый век. В то же время британское правительство не может не учитывать возможность возобновления террористической войны в Северной Ирландии и рассматривает такой вариант как потенциальную угрозу на длительную перспективу.

В Канаде белое население составляет около 84%, а местное индейское население лишь не на много превышает 4%. Причем проживает оно в основном в северных районах Канады с суровым климатом. Это снижает вероятность расового конфликта до минимума. Существовавший ранее латентный конфликт между англосаксами и французами в Квебеке постепенно нивелируется за счет изменения этнического баланса вследствие иммиграции. Французы составляют всего 15,42% населения Канады и даже в Квебеке находятся в меньшинстве (29,1%).⁸⁰ И хотя на референдуме 1995 года почти половина квебекцев (49,42%) высказались за независимость, данная пропорция с тех пор существенно изменилась. В последние годы, согласно социологическим опросам, лишь 39% квебекцев готовы проголосовать за независимость своего штата.⁸¹ И в будущем эта цифра будет только снижаться.

---

⁷⁹ <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.nisra.gov.uk/archive/census/2011/results/key-statistics/summary-report.pdf>

⁸⁰ <http://www12.statcan.ca/census-recensement/2006/dp-pd/hlt/97-562/pages/page.cfm?Lang=E&Geo=PR&Code=01&Data=Count&Table=2&StartRec=1&Sort=3&Display=All&CSDFilter=5000>

⁸¹ http://www.huffingtonpost.ca/2014/03/25/pauline-marois-referendum_n_5031804.html

---

Аналогичная ситуация складывается и в Австралии. Тенденций к сепаратизму там попросту нет. Оснований для устойчивого расового конфликта также не наблюдается. Белое население составляет около 85%. При этом аборигенское население не превышает 3% и является весьма разрозненным.⁸² Поэтому, какое-то скоординированное сопротивление с их стороны не является возможным.

В Новой Зеландии ситуация несколько сложнее. Белое население там составляет 70%. При этом в стране проживает сплоченная община местных аборигенов — маори, которые составляют 14% населения.⁸³ В свое время британская корона даже была вынуждена подписать с маори договор, гарантировав им права на территории проживания и имущество (Договор Вайтанги). Со временем британцам удалось интегрировать общину маори в систему социальных и государственных институтов Новой Зеландии. И хотя теоретически реинкарнация конфликта между маори и белым населением возможна, ее вероятность чрезвычайно мала. Тем более, Новая Зеландия является наименее значимой страной в будущем англосаксонском альянсе и ситуация в ней не сможет повлиять на успех или неуспех этого проекта.

Слабость демографического потенциала Великобритании и других англо-саксонских стран в значительной степени компенсируется качеством человеческого капитала англо-саксонского мира, и прежде всего, качеством элиты этих государств. По качеству человеческого капитала англосаксонское сообщество является одним из наиболее продвинутых в мире и пока превосходит таковой у Индии и Китая и даже у США. Прежде всего, это касается качества государственного управления.

Созданная в англо-саксонских странах политическая модель достаточно стабильна и в то же время обладает известной гибкостью, чтобы эффективно реагировать на изменения внешней среды и внутривнутриполитических условий. Она показала свою устойчивость

---

⁸² <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Lookup/2071.0main+features902012-2013>

⁸³ <http://nzdotstat.stats.govt.nz/wbos/Index.aspx?DataSetCode=TABLECODE8021#>

в течение нескольких веков и продолжит обеспечивать эффективное государственное управление до 2050 года и далее. Поэтому при обоих упомянутых сценариях развития государственное управление Великобритании и ее бывших доминионов не потребует каких-то существенных изменений. Единственной проблемой могли бы быть межнациональные конфликты и сепаратистские проявления, но британская политическая система позволяет их купировать.

Поскольку англосаксонские страны, судя по их политике, не намерены существенно менять сложившийся в их странах этнический и расовый баланс, то они смогут сохранить свои культурные и религиозные традиции, а следовательно и политическую стабильность. И хотя в последние десятилетия эти страны были сильно отравлены либеральной идеологией, разрушение их культурного кода еще не достигло критической отметки. Дальнейшие действия британских властей в период до 2050 года будут направлены на поддержание или даже укрепление культурной и, возможно, религиозной идентичности Великобритании. В то же время можно ожидать, что в мировом масштабе роль англосаксонской культуры, которая в настоящий момент является доминирующей, существенно понизится.

Сейчас Великобритания является одним из мировых лидеров в научной и технической областях, медицине, энергетике и творческих профессиях. Британские компании занимают одно из ведущих мест в инновациях, исследованиях и разработках и производстве высокотехнологической продукции. 18 британских университетов входят в число 100 лучших университетов мира, а 4 — в первую десятку. Великобритания имеет значительные образовательные контакты по всему миру. Около 1,8 млн. иностранных студентов ежегодно получают британское образование.

Великобритания и ее доминионы будут и далее инвестировать в развитие человеческого капитала, причем, не только, путем совершенствования собственной системы образования, но и привлекать талантливых ученых и специалистов из-за рубежа. Великобритания также продолжит использовать свою систему

образования как элемент «мягкой силы». Лондон будет вести дело к тому, чтобы стать образовательным центром всего Британского содружества.

3.5. Перспективы развития вооруженных сил Великобритании

В последние два десятилетия военный потенциал Великобритании существенно ослаб. Развитие британских вооруженных сил осуществлялось в условиях постоянных бюджетных сокращений. Как следствие, по оценкам британских экспертов, «оперативные возможности и потенциал развертывания» ВС Великобритании ослабли на 10-20%.⁸⁴ Тем не менее, Великобритания по-прежнему обладает относительно мощными вооруженными силами. По индексу военной мощи она занимает шестое место в мире.⁸⁵ К тому же, Великобритания располагает внушительным стратегическим ядерным арсеналом. Военный бюджет Великобритании занимает третье-четвертое место в мире, и сопоставим с российским.

Британская промышленность сохранила способность к производству военно-морских судов разных классов, включая авианосцы и атомные подводные лодки, современных боевых самолетов, боевых вертолетов, ракет воздух-воздух и воздух-земля, ПТУР, зенитных ракет ближнего радиуса действия, танков, боевых машин пехоты, САУ, буксируемых орудий, минометов, различных видов боеприпасов, а также практически всех видов

---

⁸⁴ The Military Balance 2013. IISS. London. - p. 104

⁸⁵ <http://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp>

радиоэлектронной техники военного назначения, включая РЛС, средства связи, гидроакустическую и лазерную технику, прицельно-навигационные системы и средства РЭБ.

Слабым местом британской военной промышленности является неспособность самостоятельно производить некоторые классы современных вооружений, таких как МБР и БРПЛ, стратегические бомбардировщики, транспортные самолеты и транспорты-заправщики, крылатые ракеты, космические аппараты, РСЗО, системы ПВО дальнего радиуса действия, в том числе для оснащения боевых кораблей, а также системы ПРО.

По мнению британского правительства, основные цели вооруженных сил страны в период до 2025 года и далее состоят в следующем:

- Оборонять и обеспечивать безопасность Соединенного Королевства и его заморских территорий.
- Осуществлять ядерное сдерживание.
- Вести стратегическую разведку и обеспечивать глобальное военное присутствие.
- Укреплять международную безопасность и коллективные возможности союзников, партнеров и многосторонних организаций.⁸⁶

Соответственно с этими целями Лондон развернул масштабную программу модернизации вооруженных сил. Важное место в этой программе отводится поддержанию боеготовности ядерного арсенала. К 2030 году Великобритания намерена заменить свои 4 ПЛАРБ Vanguard на 4 новых ПЛАРБ Dreadnought. Предполагается, что они будут стоить 31 млрд. фунтов и прослужат до конца 2050-х годов.⁸⁷ Эти подлодки, также как и нынешние, будут оснащены БРПЛ Trident-II D-5. Здесь надо учитывать, что в соответствии с программой ВМС США по продлению

---

⁸⁶ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. Cm 9161. November 2015. — p. 27-29.

⁸⁷ <https://www.gov.uk/government/news/new-successor-submarines-named>

срока службы ракет Trident-II D-5 они останутся на вооружении, по крайней мере, до 2042 года. Эта программа также предполагает оказание помощи Великобритании в обслуживании ракет Trident-II D-5 до 2060-х годов.⁸⁸

К 2025 г. и далее Великобритания намерена сохранять в «оперативной готовности» 120 ядерных боеголовок к своим БРПЛ Trident-II. В то же время общее число этих боеголовок уменьшится до 180. ПЛАРБ на патрулировании будут иметь на своем борту не более 8 БРПЛ Trident-II и не более 40 боеголовок.⁸⁹ Эти боеголовки регулярно проверяются и поддерживаются в рабочем состоянии на британском атомном заводе в Бергфилде (Burghfield). По мнению британского правительства полной замены имеющихся боеголовок не понадобится до конца 2030-х годов. Между тем, правительство намерено сохранить производственный и научный потенциал, необходимый для разработки новых боеголовок, когда это потребует.⁹⁰

Великобритания демонтировала свое тактическое ядерное оружие морского и воздушного базирования и пока не намерена возобновлять его производство. В то же время она обладает запасами ядерных материалов, которые, по некоторым оценкам, составляют 3,2 тонны оружейного плутония и 19,8 тонн высокообогащенного урана.⁹¹ Это позволяет Лондону, в случае необходимости, быстро возобновить производство ТЯО.

Программа модернизации направлена на придание силам общего назначения Великобритании нового качества. Согласно этой программе они должны к 2025 г. принципиально измениться. Предполагается, что они будут уметь противостоять «более широкому спектру более изощренных потенциальных противников», «максимально использовать новые технологии» и «сохранять

---

⁸⁸ http://www.ssp.navy.mil/documents/trident_life_extension.pdf

⁸⁹ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. Cm 9161. November 2015. — p. 34.

⁹⁰ Ibid., p. 35.

⁹¹ http://fissilematerials.org/countries/united_kingdom.html

превосходство в таких сферах как киберпространство и космос». Они также должны быть в состоянии «развертываться быстрее и на более продолжительный срок», причем как в составе коалиционных сил, так и самостоятельно.⁹²

Предусматривается формирование внушительных экспедиционных сил. К 2025 будет сформирован экспедиционный корпус численностью в 50 тыс. человек, что на 20 тыс. больше, чем изначально планировалось. Он будет включать авианосную группу, общевойсковую дивизию, авиагруппу в составе боевых, транспортных и разведывательных самолетов и оперативную группу спецназа.⁹³

Не случайно, программа вооружений предусматривает строительство двух крупных авианосцев “Queen Elizabeth” и “Prince of Wales”, которые должны войти в строй к 2019 году. Их предполагается укомплектовать новыми американскими истребителями F-35B. Другим важным элементом модернизации ВМФ является строительство новых многоцелевых атомных подводных лодок проекта Astute, вооруженных американскими КР Harpoon и Tomahawk и призванных к 2025 г. заменить подлодки проекта Trafalgar. В целом к 2025 году британский флот будет располагать следующими силами:

Многоцелевые атомные подлодки — 7;

Авианосцы — 2;

Эсминцы и фрегаты — 19;

Патрульные суда — 6;

Минные тральщики — 12;

Разведывательные суда — 3;

Патрульный ледокол — 1;

А также — несколько судов обеспечения, вертолетных платформ, 9 самолетов морского патрулирования «Посейдон» (P-8 Poseidon), 6 эскадрилий вертолетов и 3 бригады командос.

---

⁹² National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. Cm 9161. November 2015. — p. 29.

⁹³ Ibidem

К тому же, в 2030-х годах предполагается увеличить общее число фрегатов и эсминцев.⁹⁴

Ожидаются серьезные изменения и в парке боевых самолетов. Основной упор будет делаться на приобретение американских истребителей F-35B, а также на производимый в Великобритании многоцелевой истребитель «Тайфун». В то же время ударные истребители «Торнадо» будут постепенно выводиться из состава ВВС. В целом британские ВВС будут к 2025 году укомплектованы следующим образом:

Две эскадрильи F-35B;

Семь эскадрилий Тайфун;

Самолеты радиоэлектронной разведки Rivet Joint — 3;

Самолеты ДРЛО E-3D Sentry — 6;

Разведывательные БПЛА Shadow — 8;

Ударные БПЛА Protector — более 20;

Многоцелевые заправщики Voyager — 14;

Транспортные самолеты C17, C130J, A400M — 44.⁹⁵

При этом Shadow и C130J будут находиться в строю до 2030 г., а Sentry and Rivet Joint — до 2035 г. В перспективе Лондон планирует договориться с Вашингтоном о получении лицензии на производство F-35 на своей территории.⁹⁶ При этом надо учитывать, что некоторые компоненты этого самолета уже производятся британской аэрокосмической компанией BAЕ как в самой Великобритании, так и на территории Австралии и Канады. Также предполагается продолжить инвестиции в расширение возможностей истребителей Тайфун, включая работу по наземным целям и новую РЛС с активным электронным сканированием, чтобы «обеспечить продолжение его эксплуатации по крайней мере до 2050 г.»⁹⁷

---

⁹⁴ National Security Strategy and Strategic Defence and Security Review 2015. A Secure and Prosperous United Kingdom. Presented to Parliament by the Prime Minister by Command of Her Majesty. Cm 9161. November 2015. — p. 28, 30-31.

⁹⁵ Ibid., p. 28.

⁹⁶ Ibid., p. 32.

⁹⁷ Ibid., p. 31

Сухопутные войска, хотя и сократятся, но их численность не опустится ниже 82 тыс. человек.⁹⁸ Их состав будет включать:

- Мотопехотные бригады — 2;
- Ударные бригады — 2;
- Пехотные бригады — 6;
- Воздушно-штурмовая бригада — 1;
- Разведывательная бригада — 1;
- Бригада антигибридных операций — 1;
- Эскадрильи БПЛА Watchkeeper — 3;
- Эскадрильи ударных вертолетов — 8;
- Эскадрильи транспортных вертолетов — 4.

Сухопутные войска также будут включать части снабжения, инженерно-саперные части и артиллерийские части усиления. Предусматривается увеличение резерва постоянной готовности до 35 тыс. человек.⁹⁹

Большое внимание в программе модернизации уделяется войскам специального назначения. Их предполагаемая численность не раскрывается, но указывается, что ассигнования на их деятельность увеличатся в два раза. Это объясняется необходимостью придать им возможность действовать глобально в самой разной обстановке, как самостоятельно, так и вместе с союзниками. Особенно важная роль при этом отводится повышению контртеррористических возможностей спецназа.¹⁰⁰

Другие особенности программы модернизации британских ВС, на которые стоит обратить внимание, включают:

- Придание ВС способности вести как оборонительные так и наступательные кибероперации.
- Продолжение выделения существенных средств на программу ПРО НАТО, включая инвестиции в наземную РЛС.
- Изучение вопроса о наделении эсминцев проекта Daring возможностями выполнять функции ПРО.

---

⁹⁸ Ibid., p. 27, 29.

⁹⁹ Ibid., p. 27, 33.

¹⁰⁰ Ibid., p. 30.

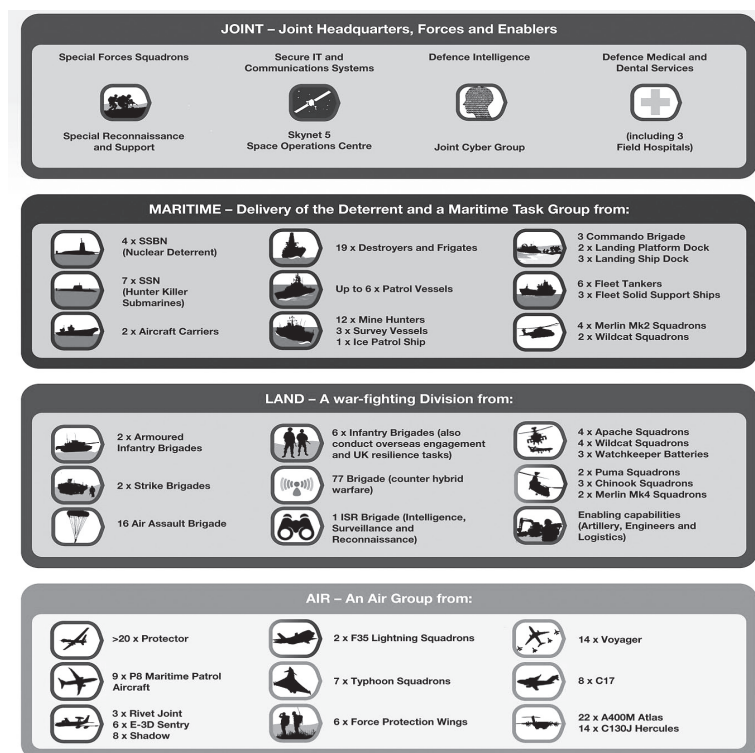

Рис. 3.1. Структура ВС Великобритании к 2025 г.¹⁰¹

- Дальнейшая модернизация спутниковой системы связи и наделение ее возможностями противостоять системам глушения и кибератакам.
- Продолжение участия в европейском проекте спутниковой навигации Galileo и поддержка британских производителей в разработке технологий для этой системы.
- Усиление потенциала спутникового наблюдения.¹⁰²

¹⁰¹ Ibid., p. 28.

¹⁰² Ibid., p.25, 41, 46.

Подводя итог, можно сказать, что выполнение данной программы позволит Великобритании к 2025 году иметь компактные, современные и мобильные вооруженные силы, позволяющие ей участвовать в самых разнообразных видах вооруженных конфликтов. Британские ВС приобретут способность проводить операции в любой точке земного шара и осуществлять развертывание как в составе коалиционных сил, так и полностью самостоятельно. Это придаст британским ВС потенциал проецирования силы, который она за последние 20 лет утратила.

Что особенно примечательно, так это стремление британских властей, значительно повысить потенциал проведения самостоятельных операций без участия союзников. Это также совпадает с линией на повышение самодостаточности военного производства, где это реально возможно, и ограничение зависимости от союзников только теми областями, где без этого никак не обойтись. В то же время просматривается стремление Лондона даже в этих областях вынужденного сотрудничества, таких как ядерное оружие или спутниковая навигация, сохранять и развивать собственный научно-технический задел, позволяющий в экстренной ситуации быстро перейти к собственному производству необходимых устройств и компонентов.

Таким образом, принятая британским правительством концепция модернизации ВС соответствует обоим упомянутым сценария странового развития. В случае осуществления сценария «Реанимации Британского содружества» ВС Великобритании получат к 2025 году необходимый потенциал, чтобы эффективно действовать в рамках единой западной коалиции в качестве младшего партнера США. При этом в ряде географических регионов, например, в Африке или Карибском бассейне Лондон будет в состоянии играть самостоятельную роль. А в южной части Тихого океана действовать совместно с Австралией и Новой Зеландией без участия США.

В случае же, если произойдет регионализация мировой системы и будет реализован сценарий Британская империя 2.0, ВС Великобритании послужат фундаментом для интеграции военных

потенциалов англо-саксонских стран в мощную единую силу. Это приведет к созданию четвертого по силе военного потенциала в мире после США, России и Китая.

3.6. Внешняя политика Великобритании до 2025 года

В период до 2025 года внешняя политика Великобритании будет определяться процессом выхода из Евросоюза и попыткой занять новое влиятельное место в мировой экономике и политике. При этом новая международная позиция, которую Лондон намерен обеспечить себе к середине следующего десятилетия, позволит ему сохранить свободу рук в принятии решений относительно будущих альянсов и выбора дальнейшей стратегии с учетом международной обстановки, которая сложится к тому моменту. Таким образом, до 2025 года оба сценария странового развития — «Реанимация Британского содружества» и «Британская империя 2.0» предполагают в целом одинаковый внешнеполитический курс Великобритании.

Этот курс можно условно свести к пяти основным внешнеполитическим целям:

1. Плавное и мягкое дистанцирование от ЕС.
2. Укрепление особых отношений с США.
3. Активизация экономического, политического и военного сотрудничества с Канадой, Австралией и Новой Зеландией.
4. Реанимация отношений внутри Британского содружества.
5. Поиск новых рынков и торгово-экономических партнеров.

Прежде всего, Лондону предстоит долгие и трудные переговоры с Брюсселем об условиях выхода и последующих отношениях с Евросоюзом. Британские власти ожидают, что этот процесс растянется до 2019 года, но не исключено, что он займет на один-два

года больше. Основной целью Лондона на этих переговорах будет стремление сохранить как можно более прочные позиции на европейском рынке после выхода из ЕС, но при этом минимизировать свои собственные обязательства по вопросам о расходах и мигрантах.

Задачей Лондона на этих переговорах будет выгодно обменять свое военно-политическое влияние в Европе на привилегированный доступ к европейскому рынку. Действительно, некоторые страны ЕС, особенно в Восточной Европе, заинтересованы в том, чтобы ВС Великобритании продолжали присутствовать на континенте. Важно и британское финансовое участие в деятельности альянса организации. Лондон также участвует в целом ряде европейских военных программ, что, конечно, выгодно и самим британцам, однако они будут представлять дело таким образом, что, сохраняя свою вовлеченность в эти программы, делают одолжение европейцам.

Следует полагать, что Лондон будет проводить политику, направленную на «разрыхление» Евросоюза. Отсутствие жесткой централизации внутри ЕС позволит британцам играть на противоречиях между отдельными странами и использовать их в своих интересах. Великобритания будет искать поддержки тех стран и политических сил внутри ЕС, которые выступают против углубления европейской интеграции и даже к отыгрыванию ситуации назад. Предположительно, эта линия Лондона получит поддержку нынешней администрации США, также не заинтересованной в консолидации ЕС.

В отношениях с США Лондон, прежде всего, попытается заключить двустороннее торговое соглашение, расширяющее доступ британской продукции на американский рынок. Достигнуть подобного соглашения. Будучи членом ЕС, Лондон никак не мог, а общее Трансатлантическое торговое соглашение, похоже, приказало долго жить.

Великобритания также попытается выжать все, что можно из военно-технического сотрудничества с США — провести модернизацию систем Trident-II, получить технологии производства

истребителей F-35, систем ПРО и ПВО дальнего действия, а также, возможно, КР большой дальности.

Лондон также будет рассчитывать на поддержку Вашингтона в своих переговорах с ЕС, тем более, что позиции США и Великобритании в отношении желательности «разрыхления» ЕС в целом совпадают. Также Лондону понадобится внешнеполитическая поддержка Вашингтона в контексте углубления своих отношений с бывшими доминионами и реанимации Британского содружества в целом. Лондон будет добиваться согласия Вашингтона на признание первенства Лондона в отношениях с этой группой государств, по крайней мере, большей частью из них. То есть Вашингтон должен будет консультироваться с британцами по вопросам отношений с этими государствами, особенно с Канадой, Австралией и Новой Зеландией.

В обмен Лондон гарантирует США политическую поддержку по основным международным вопросам, активное участие, в том числе финансовое, в деятельности НАТО, участие совместно с США в различных военных операциях в мире, гарантированные закупки американской военной продукции, финансовое участие в различных военных программах, предоставление прав базирования на своих заморских территориях.

В отношениях с Канадой, Австралией и Новой Зеландией Лондон предпримет шаги по частичному открытию своего внутреннего рынка, в той мере как это будет позволять текущая ситуация с выходом из ЕС. Активизируется сотрудничество в военнотехнической области. Лондон расширит количество военных заказов по производству отдельных компонентов вооружений в этих странах. Усилится обмен военным персоналом и количество стажировок, возрастет число совместных учений, обмен военной информацией, количество консультаций по политическим вопросам. Возможно, появится формат трехсторонних и четырехсторонних встреч и совещаний по военным и политическим вопросам.

Применительно к другим странам Британского содружества изменения во внешней политике Лондона будут носить в основном символический характер, ограничиваясь пока декларациями

о намерениях и использованием элементов «мягкой силы». До завершения процесса выхода из ЕС и формализации новых условий сотрудничества с США каких-то серьезных подвижек в торгово-экономических и политических связях с этими государствами ожидать, вряд ли, возможно.

Выбранная Лондоном стратегия отразится на отношениях с Россией двояким образом. С одной стороны, стремление Великобритании к диверсификации экономических связей в условиях выхода из ЕС, будет служить стимулом для нормализации отношений с Москвой. Но с другой стороны, желание застолбить за собой наиболее выгодные условия на рынке ЕС будет подталкивать Лондон к раздуванию мифа о российской военной угрозе. Такая угроза будет создавать у членов ЕС заинтересованность в вовлечении Великобритании в оборонные усилия на восточном фланге НАТО. А это предоставит Лондону рычаг на переговорах с Брюсселем по экономическим вопросам.

При этом британцы будут всячески использовать антироссийские настроения в странах Восточной Европы — в Прибалтике, Польше, Румынии, возможно также в Швеции, Норвегии и Дании, превращая эти страны фактически в лоббистов своих интересов внутри ЕС. Можно ожидать, что британцы будут всячески поощрять мифы о российской военной угрозе этим странам и одновременно предлагать услуги по обеспечению их безопасности путем направления символических континентов войск для участия в обороне их территории. Все это будет делаться под разговоры о поддержании «союзнической солидарности», что будет, в частности, подразумевать ответную «солидарность» от восточноевропейских и скандинавских членов ЕС в виде поддержки сохранения доступа Великобритании на рынки Евросоюза.

Поддержание атмосферы военной конфронтации с Россией будет выгодно Лондону и по другой причине. За десятилетия после окончания холодной войны военный потенциал Великобритании существенно ослаб. Однако новая роль, которую отводит себе Великобритания потребует достаточно сильные ВМФ, ВВС и ядерные силы сдерживания, включая, возможно, возобновление

производства собственного тактического ядерного оружия. Как следствие, Великобритании придется провести серьезную модернизацию своего военного потенциала, что потребует значительных инвестиций в британский ВПК. Естественно, возникнет (фактически уже возникла) необходимость убедить собственную общественность пойти на существенное увеличение военного бюджета.

В свете вышесказанного можно предположить, что интерес к нормализации отношений с Россией не сможет перевесить более основательные интересы Великобритании в Евросоюзе. Поэтому до завершения процесса выхода из ЕС не следует ожидать нормализации отношений между Лондоном и Москвой. Хотя можно предположить, что британская дипломатия может пойти на ложные ходы с целью напугать страны ЕС возможностью сепаратных договоренностей с РФ. Такие маневры Москве не стоит воспринимать всерьез и рассматривать как долговременный тренд. Однако к 2025 году предпосылки для позитивного развития российско-британских отношений, возможно, появятся. Это будет зависеть от того сценария развития международной обстановки, который станет преобладающим.

3.7. Внешняя политика Великобритании в 2025-2050 годах

После 2025 года во внешней политике Великобритании начнется дифференциация в зависимости от того, какой из двух упомянутых сценариев будет реализовываться. В случае если западная цивилизация сохранит свою сплоченность и под лидерством США продолжит жесткую борьбу за удержание своего мирового доминирования, то будет реализовываться сценарий

«Реанимации Британского содружества». Согласно этому сценарию, Великобритания останется частью западной коалиции и будет действовать в соответствии с ее общей стратегией.

Эта стратегия будет означать продолжение противоборства с Россией, как влиятельным центром силы, противостоящим западной коалиции. Отношения между Россией и Великобританией, как частью западной цивилизации, будут оставаться напряженными. Продолжится военно-политическая конфронтация между НАТО и Россией в Восточной Европе. И хотя это противоборство будет носить в основном гибридный характер, временами ситуация будет балансировать на грани войны.

Великобритания останется активным членом НАТО, сохранит свое военное присутствие в Европе, в том числе в Польше и Прибалтике. Лондон продолжит участие в экономических санкциях против России, хотя в определенных обстоятельствах, может свести эти санкции к символическому минимуму. Великобритания продолжит участие в гибридных операциях на постсоветском пространстве, а также будет участвовать в мероприятиях по подрыву российского влияния на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке.

В АТР Великобритания примет участие в общих усилиях западной коалиции по сдерживанию Китая. Это будет делаться как напрямую, так и совместно с Австралией. Лондон также будет использовать свои позиции в Африке и на Ближнем Востоке, чтобы затормозить китайскую экономическую экспансию в этих регионах. Одновременно, Лондон будет предлагать Китаю самые широкие формы экономического сотрудничества, особенно, через Гонконг, включая представление интересов китайских банков в Европе и в странах Британского содружества.

В то же время Великобритания будет пытаться создать свой собственный экономический блок. Лондон и сейчас является признанным в мире финансово-экономическим центром, сопоставимым с Нью-Йорком. Помимо своих бывших доминионов и Европы, британский капитал еще с колониальных времен основательно присутствует в таких ключевых странах как Индия, ЮАР, Япония, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Турция,

---

Саудовская Аравия и ряде других. В случае реализации сценария «Реанимация Британского содружества», Лондон будет стремиться стать финансово-экономическим центром всего Британского содружества, включающего на данный момент 52 государства. Кроме бывших британских доминионов, в него входят такие экономически значимые страны как Индия, Пакистан, Малайзия, Сингапур и ЮАР.

Лондон будет стремиться к формированию общего рынка со своими бывшими доминионами Австралией, Канадой и Новой Зеландией путем заключения двусторонних торговых соглашений. Также возможны договоренности по согласованию некоторых элементов экономической политики — валютных курсов, налогов, льгот и дотаций промышленности и аграрному сектору, правилам инвестирования и банковской деятельности.

В отношении других стран Британского содружества, Лондон также пойдет по пути заключения двусторонних торговых отношений. Одновременно будет проводиться политика мягкой силы в области образования и культуры, с целью повлиять на мировоззренческую ориентацию этих стран, привязать их к британской культурной традиции. Главный упор при этом будет делаться на преподавание английского языка и на обучение студентов в британских учебных заведениях. Будут также предлагаться программы подготовки военного персонала.

В более широком контексте Великобритания будет позиционировать себя как мировой финансовый центр, обеспечивающий взаимодействие Европы с Китаем, Индией, США и участниками Британского содружества. Усилится активность Лондона по поиску новых торгово-экономических партнеров. Этот последний элемент британской политики может быть использован Москвой с целью создания у Лондона привлекательной перспективы самого масштабного расширения двусторонних экономических связей. Возможно, такая линия послужит некоторому уменьшению конфронтационности во внешней политике Великобритании в отношении России.

Если после 2025 года отчетливо проявится тенденция к дальнейшему ослаблению США, то будет реализовываться сценарий

«Британская империя 2.0». В этих условиях США уже не смогут играть роль лидера западной цивилизации. Западная коалиция начнет разваливаться. И у Лондона не останется выбора, как только взять на себя роль объединителя англо-саксонского мира. Это будет предполагать создание интеграционного объединения Великобритании и ее бывших доминионов по примеру того, как это было до Второй мировой войны. Однако, в отличие от того периода, основные решения будут приниматься не единолично в Лондоне, а коллегиально. Благо, современные коммуникационные возможности позволяют обмениваться информацией и принимать решения в реальном времени, несмотря на огромные расстояния между четырьмя странами. Возможно даже образование некоего общего исполнительного органа и объединенного парламента для решения вопросов общего ведения. Эти вопросы будут включать единую внешнюю и оборонную политику и политику безопасности. В области экономической политики будет повышена координация. Возможно британский фунт вновь станет денежной единицей всех четырех государств. Естественно, процесс реинтеграции будет осуществляться постепенно по мере ослабления США.

При реализации этого сценария Великобритания уже не будет являться частью западной коалиции и будет проводить традиционную политику балансирования различных центров силы, в том числе и в Европе. В этом контексте Евросоюз, или то, что от него останется, будет рассматриваться в основном как конкурент. Лондон утратит прежний интерес к поддержанию военно-политического единства в рамках НАТО, даже если этот союз формально и сохранится. Соответственно можно будет ожидать вывода британских сил из Польши и Прибалтики и сокращение до минимума британского участия в финансировании НАТО.

В то же время возможно заключение двусторонних соглашений об обороне с рядом европейских государств, заинтересованных в ограничении военно-политического влияния Германии в Европе. Такие соглашения возможны, например, с рядом балканских государств — Грецией, Сербией, Македонией, Болгарией, а также, возможно, с Чехией, Польшей и Норвегией. Перед непростым выбором

окажется и Ирландия, которой придется решать — сохранять ли членство в ЕС или переориентироваться на англосаксонский блок. Скорее всего, характерная для ирландцев англофобия будет удерживать их от переориентации на Великобританию довольно долго даже в условиях глубокого кризиса ЕС. Однако в перспективе до 2050 года, такого поворота полностью исключить нельзя, особенно в случае полного развала Евросоюза.

Отношения с США будут определяться степенью ослабления этой страны. Если США сохранятся как единое целое, но превратятся в региональную державу, типа Бразилии, Великобритания продолжит с ней самое разнообразное сотрудничество, но уже перестанет играть роль младшего партнера и будет навязывать свою повестку дня. Если же произойдет распад США, то Великобритания постарается включить в свою сферу военно-политического влияния некоторые отколовшиеся от США штаты с преобладанием белого населения. Часть из них может примкнуть к Канаде, другие сохранят формальную независимость, но перейдут под военный протекторат Лондона.

Важным военно-политическим партнером новой Британской империи станет Индия. Дели будет стремиться к формированию своего собственного центра силы в Южной Азии и будет заинтересована в союзниках против Китая. В случае ухода США от глобальной роли, Дели будет просто не на кого опереться. Россия, хотя и продолжит военно-техническое сотрудничество с Индией, не захочет присоединяться ни к какому антикитайскому альянсу, если только Пекин сам не спровоцирует обострение двусторонних отношений. Интересы ЕС в Южной и Юго-Восточной Азии очень ограничены и не предполагают формирования каких-то военных альянсов в столь отдаленном регионе. Поэтому Лондон будет единственным центром силы, готовым оказать военно-политическую поддержку Индии в ее противостоянии с Китаем.

Великобритания же будет использовать противоречия Индии и Китая в своих интересах. При этом она будет развивать с Китаем самые широкие экономические отношения, но будет всячески мешать его военно-политической экспансии в

Азиатско-Тихоокеанском регионе. По существу, Лондон продолжит нынешнюю политику Вашингтона по сколачиванию здесь антикитайской коалиции, прежде всего, с опорой на Австралию и Новую Зеландию, а также через реанимацию военного потенциала Японии. Причем у Лондона это может получиться даже лучше, чем у Вашингтона. Поскольку мощь США внушала странам региона не меньшие опасения, чем мощь Китая, это подталкивало их к тому, чтобы балансировать между США и Китаем. В отсутствие ярко выраженного второго центра силы в АТР, страны региона будут озабочены мощью Китая. А это будет поощрять их к объединению усилий, чтобы противостоять возрастающим амбициям Пекина.

Политика Великобритании в отношениях с Россией будет носить противоречивый характер. Она будет напоминать отношения Лондона и Москвы в 19 веке. С одной стороны Лондон будет стремиться сдерживать влияние России в традиционных зонах своих интересов, которыми в новой конфигурации вновь станут Балканы, Северная Африка, Ближний и Средний Восток. С другой стороны, Лондон будет рассматривать Россию как ситуационного союзника и в Европе и в Азии. В Европе — как силу, уравновешивающую влияние Германии и ЕС в целом. В Юго-Восточной Азии как противовес влиянию Китая. Так что запрограммированного конфликта между Москвой и Лондоном не будет. Скорее, будут всплески конфронтации, сменяемые периодами потепления. Однако, до союзнических отношений с Лондоном дело, вряд ли, дойдет, разве что в условиях очередной крупномасштабной войны, в которой Россия и Великобритания волею обстоятельств окажутся на одной стороне.

Глава IV.
Перспективы развития
Европейского региона

До 2025 года в Европейском регионе будет осуществляться сценарий «Нарастания нестабильности». Этот сценарий будет характеризоваться:

- Дестабилизацией европейских стран постсоветского пространства в связи с кризисом на Украине, в Молдове и возможно в Белоруссии и Прибалтике;
- Эрозией Евросоюза в его нынешнем виде;
- Противоборством между Россией и Западом за влияние в европейской части постсоветского пространства;
- Противоречивыми тенденциями в НАТО;
- Обострением миграционной проблемы;
- Продолжением террористических атак.

В период 2025-2050 годов в регионе будет осуществляться сценарий «Перераспределения сфер влияния». Этот сценарий будет характеризоваться:

- Переформатированием Евросоюза в германоцентричный экономический и военно-политический союз;
- Маргинализацией и возможным распадом НАТО;
- Распадом Украины на несколько частей и присоединением некоторых из них к соседним государствам;
- Реинтеграцией России и Белоруссии;
- Урегулированием Приднестровской проблемы;
- Борьбой между Россией и Германией за раздел сфер влияния в Восточной Европе и на Балканах.

4.1. Центральная Европа

В период до 2025 года основной тенденцией в Центральной Европе будет возвышение Германии и относительное падение влияния англосаксонских стран — США и Великобритании. Несмотря на заявленную цель — противостояние амбициям России — НАТО будет постепенно ослабевать. Это будет связано, с одной стороны, с отказом Вашингтона продолжать финансово поддерживать альянс в основном за свой счет, а с другой, с нежеланием многих стран платить адекватные взносы в бюджет НАТО. В настоящее время расходы многих стран НАТО на оборону значительно меньше, чем целевой показатель 2% от ВВП, принятый в альянсе.¹⁰³ Нет веских оснований полагать, что они резко увеличат свои взносы, поддавшись давлению Вашингтона.

Особенно эта тема актуализируется после сокращения субсидий ЕС странам Восточной Европы. Страны-доноры постоянно требуют уменьшения своих дотаций в общий бюджет Евросоюза, а выход из ЕС Великобритании еще больше ослабит возможности Брюсселя по оказанию экономической помощи странам-аутсайдерам. Это негативно скажется на социально-экономическом положении восточноевропейских государств, которые даже при всем желании не смогут выделять достаточное количество средств на военные нужды. К тому же, Германия, по всей видимости, начнет переориентировать средства своего военного бюджета с НАТО на оборонные программы в рамках Евросоюза.

Сам же Евросоюз может развиваться в двух направлениях. Там либо произойдет откат к более низкой степени интеграции, либо образуется некое интеграционное ядро в составе наиболее развитых стран. При этом менее развитые страны могут или полностью выйти из ЕС, или останутся его периферией с ограниченным

---

¹⁰³ В 2016 г. расходы на оборону в процентах от ВВП составляли для Люксембурга — 0,44%, Бельгии — 0,85%, Чехии — 1,04%, Словакии — 1,16%, Дании — 1,17%, Нидерландов — 1,17%, Германии 1,19%, Норвегии — 1,54%, Польши — 2%.

набором взаимных обязательств. Эта вторая группа государств будет больше напоминать ассоциированных членов ЕС, чем его полноценных участников. Предложенная сейчас Брюсселем интеграция «двух скоростей» является неустойчивой конструкцией переходного характера. Рано или поздно она приведет к первому или ко второму результату.

В 2025 — 2050 гг. блок НАТО продолжит ослабевать и, в конце концов, потеряет свое значение, хотя, возможно, и не будет упразднен формально, как это было много раз в истории с другими международными соглашениями. Центр военно-политической мощи Европы сместится к Германии и сконцентрируется внутри Евросоюза или того, что от него останется. Сейчас в ЕС существует общая политика в области безопасности и обороны и относящиеся к ней структуры. При наличии политической воли и надлежащего финансирования они могут быть относительно быстро развернуты в полноценную военную организацию.¹⁰⁴ Таким образом, ЕС может эволюционировать в военно-политический альянс под лидерством ФРГ. Правда, вопрос о том, будет ли в него входить Франция пока остается открытым.

Таким образом, к 2050 году в Центральной Европе сформируется германский региональный блок на базе ЕС. В его состав будут входить как славянские страны — Чехия, Словакия, и, возможно, Польша, так и страны Центральной Европы — Австрия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург и Лихтенштейн. Швейцария сохранит свой нейтралитет, но экономически будет тяготеть к этому блоку.

Германский блок будет носить не только экономический, но и военно-политический характер. Он будет обладать внушительной военной силой, хотя, конечно, и будет уступать совокупной мощи НАТО. Наличие у этого блока ядерного оружия будет определяться участием или не участием в нем Франции. Также встанет вопрос о нейтральном статусе, таких государств, как Австрия.

---

¹⁰⁴ Подробнее см.: Александров М.В. Методология планирования Европейского Союза в области безопасности и обороны // Вестник МГИМО-Университета. 2015. №5. С. 142-153.

Может получиться так, что нейтралы, входящие в ЕС, будут явочным порядком втянуты в военные программы и обязательства этого блока, через механизмы единой политики в области безопасности и обороны.

Германский блок сохранит русофобскую идеологическую платформу, будет стремиться отодвинуть российскую сферу влияния как можно дальше на восток и ослабить саму РФ. Он вступит в конкуренцию с российским блоком (ЕАЭС, ОДКБ) в западной части постсоветского пространства, Северной Европе и на Балканах. Эта конкуренция будет протекать в форме гибридной войны, но может привести и к локальным военным конфликтам. В то же время, возможно и заключение соглашений о разделе сфер влияния в отношении указанных районов. С другой стороны, ЕС продолжит экономическое сотрудничество с Россией там, где ему выгодно.

Славянские страны — Польша, Чехия и Словакия — будут стремиться найти новые точки опоры в меняющейся конфигурации европейских сил. Возможности для маневра у них будут весьма ограничены. Им придется либо оставаться в Евросоюзе, смирившись с усиливающимся там влиянием Германии, либо выходить из ЕС и переориентироваться на Россию и ЕАЭС. Их перспективы для самостоятельной игры будут со временем все более сужаться.

Впрочем, нельзя исключать попыток Польши сформировать новое региональное объединение под своим лидерством. Основой для него может послужить Вышеградская группа в составе Польши, Словакии, Чехии и Венгрии. В перспективе Варшава может попытаться подключить к этой группе страны Прибалтики и даже Украину (или часть Украины), а затем придать ей статус международной организации.

Однако, такое объединение, даже, если оно и будет создано, останется, скорее всего, чисто символическим институтом, своеобразным дипломатическим рычагом для давления на Германию и Россию. Это будет объединение бедных и слабых стран, которые не смогут дать друг другу ничего желанного — ни экономической помощи, ни новых рынков, ни военной защиты. То есть того, что

смогут дать Россия и Германия. Поэтому можно предположить, что Чехия, Словакия и Венгрия все-таки предпочтут союз с Германией, а не с Польшей. А союз только с Украиной и Прибалтикой не даст Польше никаких дивидендов и, напротив, вынудит ее выступать в качестве донора для своих менее развитых партнеров.

Хотя в Польше еще остаются надежды, на спонсорство англосаксонских держав, эти надежды, скорее всего, останутся эфемерными. Ценность Польши для их геополитических интересов не столь велика, чтобы быть основанием для серьезных экономических затрат, тем более в случае ухода США из Европы. Лондон же может всячески поощрять фрондирование Польши политически, как делал это до Второй мировой войны, но никоим образом не пойдет на то, чтобы вкладывать в это существенные ресурсы. Поэтому Польше, в конечном итоге, придется выбирать между Германией и Россией.

4.2. Германия

4.2.1. Два наиболее вероятных сценария развития Германии до 2050 года

Перспективы развития Германии и ее будущее положение в мире будет определяться дальнейшей судьбой Европейского Союза. В зависимости от этой судьбы будут формироваться и два сценария развития Германии. Первый условно можно обозначить как «Германская гегемония в обновленном Евросоюзе», второй — как «Четвертый рейх». Оба эти сценария являются взаимосвязанными — один может вытекать из другого. К тому же, эти сценарии являются «сквозными», то есть, формируясь в нынешней международной обстановке, они будут развиваться до 2025 года и далее до 2050 года. Но один из них, в конце концов, возьмет верх.

В принципе немецкие элиты заинтересованы в сохранении ЕС, поскольку он создает надежную площадку, позволяющую Германии оформить свой собственный мировой центр силы. До последнего времени Германия осуществляла строительство этого центра скрытно, опираясь в значительной степени на ресурсы англосаксонских держав — США и Великобритании и играя роль их младшего партнера. США обеспечивали прикрытие и продвижение европейского проекта в военном отношении. Великобритания вносила существенный вклад в экономическое развитие Евросоюза, являясь вторым по значимости донором его бюджета (после самой Германии). Благодаря этому, Берлину удалось консолидировать под своим руководством огромную территорию Европы, включая Восточную Европу и часть Балканского региона, не затрачивая на это чрезмерных ресурсов.

В настоящее время ситуация кардинально изменилась. С одной стороны, выход Великобритании из ЕС будет означать прекращение британских дотаций в общий бюджет, что переложит это финансовое бремя на других немногочисленных доноров, прежде всего, на саму Германию. С другой стороны, приход к власти в США администрации Трампа, ознаменовался новым американским подходом к НАТО, предусматривающим, что европейцы сами должны платить за свою безопасность и существенно увеличить свои вклады в общий оборонный бюджет. Причем львиная доля от увеличения этих расходов должна, естественно, пойти на закупки американской военной техники и на содержание американских войск в Европе, что стало бы существенным плюсом для американской экономики, но легло бы дополнительным бременем на плечи налогоплательщиков ЕС. И, опять таки — первым делом налогоплательщиков Германии.

Таким образом, прежняя модель европейской интеграции, бенефициаром которой выступала Германия, а оплачивалась в значительной степени из бюджета англосаксонских держав, подошла к концу. В итоге Германия столкнулась с ситуацией, когда ей придется оценить, достаточно ли у нее самой ресурсов для

поддержания деятельности Евросоюза в прежнем виде, или ей придется пожертвовать количеством ради качества. Между тем, даже предварительные прикидки показывают, что этих ресурсов явно не достаточно. Бегство британцев из Евросоюза произошло, видимо, не без предварительных калькуляций того, насколько должно возрасти бремя поддержания стран-нахлебников в ЕС и евробюрократии в Брюсселе. И хотя германская экономика существенно больше британской, но ВВП на душу населения в Великобритании лишь на 12% меньше, чем в Германии. И если предположить, что граница терпения немцев и англичан примерно одинакова, то возможности Германии по увеличению дотаций в бюджет ЕС весьма ограничены.

Понятно, что немецкие элиты будут усердно бороться за сохранение ЕС. Однако его привлекательность, как для действующих членов, так и для стран-кандидатов уже в ближайшие годы существенно упадет. Дотации на поддержку стран-нахлебников существенно сократятся. Более того, немцы будут требовать от других участников повысить их вклады в бюджет ЕС. Поэтому не исключено, что в перспективе ЕС начнет постепенно распадаться, либо трансформироваться в более аморфную организацию, по сравнению с нынешним положением. В итоге Германия окажется перед сложным выбором: либо урезать численный состав ЕС, создав на его месте более сплоченную и крепкую организацию высокоразвитых стран, либо вовсе отказаться от ЕС и строить свою политику на базе двусторонних альянсов и создания сети клиентских государств, как это было в период до Второй мировой войны.

Можно ожидать, что по мере нарастания нестабильности в Евросоюзе во внутренней политике Германии произойдут определенные перемены в сторону усиления централизации. Формальных изменений в государственном устройстве страны, скорее всего, не произойдет, но существенно возрастет роль центральной исполнительной власти. Это будет необходимо как для поддержания порядка внутри страны, так и для контроля за распадающимся Евросоюзом.

4.2.2. Экономический потенциал Германии и его перспективы

На протяжении всего периода до 2050 года Германия будет оставаться одним из мировых экономических лидеров и входить в десятку ведущих мировых экономик. Однако возможности для германского экспорта будут постепенно сужаться из-за нарастания конкуренции других промышленных стран, прежде всего Китая, Индии и стран ЮВА. Это будет подталкивать Германию к большему протекционизму и поиску эксклюзивных экономических зон для своего экспорта.

И хотя территория самой Германии за этот период не претерпит изменений, зона германского экономического контроля несколько вырастет, выйдя за пределы нынешнего ЕС. Потенциальными кандидатами на втягивание в эту зону могут оказаться и некоторые государства постсоветского пространства, например, Молдавия и Грузия.

Можно ожидать, что в этот период Германия существенно увеличит опору на возобновляемые источники энергии, хотя полностью отказаться от импорта энергоресурсов будет не в состоянии. В то же время борьба за доступ к энергетическому рынку Германии среди стран экспортеров существенно обострится. Хотя Россия и будет иметь на этом рынке определенные конкурентные преимущества, никаких гарантий удержания нынешней доли германского рынка газа, у Москвы не будет. Поэтому России следует с осторожностью подходить к вложению ресурсов в дальнейшее увеличение экспорта энергоресурсов в Германию.

4.2.3. Демография и человеческий капитал Германии

Численность и этнический состав населения Германии существенно не изменится. Доля исламского населения стабилизируется как значимое меньшинство. Но оно не сможет оказывать

решающего воздействия на политический процесс. Христиане сохраняют большинство и даже в большей степени, чем сейчас, будут поддерживать традиционную культуру. Мультикультурализм будет постепенно заменяться сначала мягким национализмом, а затем и более жесткими его формами.

Германия останется мировым лидером в сфере образования и науки, особенно в технических областях. Немецкий язык постепенно будет восстанавливать свою значимость в Европе, которая была утрачена после Второй мировой войны. Немецкое население сохранит высокий уровень технического образования и профессиональной квалификации, что обеспечит Германии сохранение конкурентных преимуществ на мировом рынке высокотехнологической продукции.

4.2.4. Перспективы развития вооруженных сил Германии

Вооруженные силы ФРГ входят в четверку сильнейших в НАТО — как с точки зрения численности (после США, Турции и Великобритании), так и по своей боевой мощи. Они состоят из двух компонентов, предназначенных для решения качественно и географически отличающихся задач. Первый из них — войска, предназначенные для противодействия угрозам безопасности (часть из которых являются нетрадиционными) вне зоны ответственности НАТО — то есть на том стратегическом направлении, на которое был перенесен центр тяжести усилий объединенной Германии в военно-политической области после окончания «холодной войны». Второй компонент представлен силами, предназначенными для постоянного пребывания на территории ФРГ и борьбе (в случае необходимости) с традиционными угрозами безопасности по периметру и вблизи внешних границ стран-участниц альянса.

Для войск, предназначавшихся для постоянного дислоцирования и использования на территории ФРГ, была осуществлена

«перекройка» военно-административной системы по сравнению с 1990-ми — 2000-ми годами. Вместо «вертикальной» системы распределения войск (дислоцированных на новых и старых землях) была введена «горизонтальная» разметка (по принципу разделения север — юг).

В северогерманских землях основная масса сил и средств второй компоненты бундесвера объединена под управлением 1-й танковой дивизии (3 бригады), в состав которой входит и 43-я механизированная бригада армии Нидерландов. Кроме того, здесь дислоцированы штабы (в первую очередь, 1-го германо-нидерландского корпуса и совместной с Данией и Польшей группировки), не имеющие войсковых частей и соединений в своем постоянном подчинении, но готовые выполнять тактико-оперативные задачи в случае необходимости. Из состава ВВС в состав расположенной в северных землях ФРГ группировки входят 71-я и 73-я тактические эскадрильи люфтваффе. Для оперативного взаимодействия с наземными войсками и ВВС предназначена 1-я флотилия кригсмарине. В ее состав входят 1-я эскадра корветов, 3-я эскадра минных тральщиков, эскадра дизельных подводных лодок (ПЛ), эскадра вспомогательных судов, а также части морской пехоты.

Всего эти трехвидовые силы насчитывает до 20 тысяч военнослужащих наземных войск (с комплектом тяжелой техники для одной бригады), до 70 боевых самолетов, 15 боевых и 5 вспомогательных надводных кораблей и 6 ПЛ. Реализация мер по выполнению обязательств перед партнерами по НАТО осуществлялась именно за счет данной группировки. Так, 1-я танковая дивизия выделила контингенты в состав Сил быстрого реагирования (СБР) НАТО в 2014-2015 гг., 1-я флотилия выделяет регулярно вымпелы в состав 1-й и 2-й КМГ и 1-й и 2-й ПКМГ, а 71-я эскадрилья выделяет самолеты в состав миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии. На данную группировку также ложится ответственность за комплектование германской компоненты 4-х многонациональных батальонов на территории стран Восточной Европы и проведение учений под эгидой НАТО в регионе. Выполнение данных обязательств (особенно в случае

их увеличения) на долгосрочную перспективу требует серьезного наращивания сил и средств в составе группировки в северных землях ФРГ — в первую очередь, наземных войск (как минимум в 1,5 раза для личного состава и 3-кратного для тяжелой техники).

На территории южных федеральных земель Германии сухопутные войска второй компоненты объединены под управлением 10-й танковой дивизии (3 бригады и германский компонент германо-французской бригады). От люфтваффе в состав данной группировки входит 74-я тактическая эскадрилья. Указанные силы предназначены для взаимодействия с армией Франции, а также военным контингентом США в Германии, основные силы которого дислоцированы на территории федеральных земель Бавария и Баден-Вюртемберг. Всего в состав данной группировки входит свыше 20 тысяч военнослужащих (в том числе комплект тяжелой техники для танковой бригады) и до 40 боевых самолетов, которые составляют часть второго стратегического эшелона сил НАТО в Европе. Следует ожидать усиления данной группировки сил и средств, однако, исходя из ее менее активного использования по выполнению обязательств перед партнерами по НАТО, более медленными темпами, чем расположенной на севере Германии.

Кроме того, в состав сил второй компоненты бундесвера входят 31-я, 51-я и 33-я тактические эскадрильи (самолеты последней могут потенциально нести на своем борту тактические ядерные боезаряды США), части ПВО, а также ряд учебных и тыловых частей и подразделений бундесвера.

Первая компонента вооруженных сил ФРГ — силы, активно используемые за пределами зоны ответственности НАТО — представлена дивизией сил быстрого реагирования и 2-й флотилией. Дивизия включает в себя германскую и нидерландскую аэромобильные бригады, а также собственную авиацию (вертолетный и два военно-транспортных). Соединение имеет в своем составе 9,5 тысяч германских и 2,3 тысячи нидерландских военнослужащих (из них активных бойцов — 7 и 2 тысячи), способных развернуться в любой точке земного шара. 2-я флотилия включает 2-ю

и 3-ю эскадры фрегатов и вспомогательную эскадру. Всего данная группировка сил и средств насчитывает до 15 тысяч военнослужащих, до 60 вертолетов и транспортных самолетов, а также 10 боевых и 12 вспомогательных морских судов.

Эти возможности позволяют бундесверу осуществлять заметное (от 100 тыс. и выше военнослужащих) участие в стабилизации обстановки в 8-10 зонах вооруженных конфликтов и нестабильных государствах, а также обеспечивать военно-морское присутствие в 2 регионах одновременно. На фоне отмеченного выше нарастания угроз со стороны переживающих внутренний кризис стран Азии и Африки для ФРГ и ЕС следует ожидать как минимум двукратного усиления сил первой компоненты бундесвера уже в среднесрочной перспективе.

Возникшая в условиях глубокой реорганизации бундесвера в начале XXI века двухкомпонентная структура будет продолжать определять его перспективный облик. Однако следует ожидать пересмотра очевидного перекоса в строительстве германских вооруженных сил, существовавшего до середины 2010-х гг., когда практически все сокращения личного состава и техники осуществлялись за счет сил, предназначенных для постоянного дислоцирования и использования внутри зоны ответственности НАТО.

Уже в ближайшие годы следует ожидать серьезного усиления сил второй компоненты — в первую очередь, за счет дополнительного насыщения техникой имеющихся соединений, а также возможного создания новых. Одновременно с высокой долей вероятности будет не только заморожено, но, напротив, ускорено увеличение СКР.

Этим обуславливается рост численности личного состава и парка вооружений и военной техники бундесвера. Однако в условиях низкой вероятности возвращения на службу в бундесвер срочников, возможности по набору нового военного персонала ограничены. Решением этой проблемы может стать массовое насыщение бундесвера робототехникой (причем не только боевыми, но и вспомогательными автоматизированными системами), что позволит бундесверу более активно участвовать в зонах

вооруженных конфликтов не только низкой и средней, но и высокой интенсивности.

Тем самым на современном этапе процесс реорганизации бундесвера приобретает новые количественные и качественные очертания, оперативное и полное выполнение которых позволит ФРГ укрепить свои позиции как значимого военно-политического актора на региональном уровне. В более отдаленной перспективе военная промышленность Германии будет развиваться в сторону восстановления утраченной после Второй мировой войны комплексности военного производства. Возобновится самостоятельное производство различных видов военной техники: самолетов, систем ПВО, ракетной техники.

В то же время, даже к 2050 году Германия не сможет самостоятельно достигнуть полной самообеспеченности в сфере производства всей необходимой номенклатуры современной военной продукции и будет вынуждена полагаться на ее импорт. И речь идет здесь не только о ядерном оружии, но и о таких важных видах вооружений как крылатые и баллистические ракеты, системы ПВО и ПРО, стратегическая авиация, некоторые виды космических аппаратов, атомные подводные лодки и некоторые другие. По этой причине обретение Германией роли мировой военной державы будет целиком зависеть от сохранения военно-политического единства с Францией, располагающей ВПК, способным производить практически любую военную продукцию за малым исключением. Одним словом, только тандем Германия-Франция может добиться роли самостоятельного мирового военно-политического центра силы. Без Франции, даже с опорой на весь потенциал других членов ЕС, Германия будет не в состоянии достигнуть этой цели.

4.2.5. Внешняя политика Германии в перспективе до 2050 года

Выход Великобритании из ЕС приведет к серьезным последствиям для этой организации. В такой ситуации Германия

неизбежно становится ведущей силой ЕС. Без оппозиции Лондона Германии станет легче проводить свои экономические инициативы. Франция из-за глубокого раскола элит и фактического отказа от голлистской политики, вряд ли, будет способна противостоять Берлину. Наконец, усилится напряжение в отношениях Германии со странами Восточной Европы.

Данную ситуацию хорошо описывает старая геополитическая концепция «Срединной Европы», или «Миттельевропы». Разработанная в середине XIX века австрийцем Карлом Людвигом фон Бруком, она апеллировала к опыту Священной Римской империи германской нации периода ее расцвета (X–XIII века) — временам, когда ее император считался ведущим светским монархом Европы. На новом историческом этапе это означало заявку на первенство сначала Австрийской империи, а затем Германии в континентальной Европе. Примечательно, что авторы «Миттельевропы» оставляли за ее пределами две неевропейские, по их мнению, империи — Британскую и Российскую. Тем не менее, обе империи очень активно и глубоко участвовали в европейских делах.

У Британии есть несколько рычагов сдерживания Германии. Первый рычаг — страны Южной Европы. У британской дипломатии традиционно сильные позиции в Португалии, Италии, Греции, на Кипре (исключение составляет Испания, традиционно оппозиционная британской политике на Средиземном море). Все южноевропейские страны опасаются немецких инициатив по усилению бюджетной дисциплины ЕС. Памятно и давление Германии на Грецию в период финансового кризиса 2011 года.

Второй рычаг — Швеция. Она, подобно Британии, не вошла в еврозону. Стокгольм вместе с Лондоном выражал недовольство Европейским механизмом финансовой стабилизации. Расширение немецких инициатив неизбежно затронет шведские интересы. Не говоря уже о том, что Стокгольм всегда видел себя, а не Берлин, естественным лидером Северной Европы.

Третий рычаг — Восточная Европа. Экономическое давление Германии уже вызвало волну антинемецких настроений в Польше и Венгрии. На очереди — Словакия. Механизмом реализации их целей не обязательно будет лобовое столкновение с Берлином. Достаточно будет для начала воссоздать Вышеградскую группу как псевдоблок в рамках ЕС.

В запасе у британской дипломатии есть и еще один ресурс — резкое ухудшение российско-германских отношений из-за санкций. Потеря сотрудничества с Россией приведет к сокращению энергетической роли Германии в Европе. Военно-политическое противостояние в Восточной Европе также будет отвлекать Берлин от проблем ЕС. Пока британская политика занимает враждебную позицию к Москве. Но в будущем Лондон может использовать российский ресурс для борьбы с Берлином — сценарий, о котором писал британский политик Найджел Фарадж еще осенью 2012 года.

В такой ситуации Берлину вряд ли удастся удержать Евросоюз в его нынешних границах: слишком неприемлемо немецкое преобладание для многих европейских стран. Более интересным вариантом может стать решение Германии создать в рамках ЕС миниблок из лояльных ей стран — настоящую «Миттельевропу». Союз сокращается до своих естественных размеров (в границах империи Карла Великого), при этом интеграция углубляется. Германия становится не только экономическим, но и политическим лидером интеграционного союза, приближающегося к федеративному состоянию. Федеративное устройство Германии способствует ее лидерству в многоуровневом управлении ЕС.

Похоже, данный вариант рассматривается руководством Германии как вполне реалистичный. Не случайно, сейчас в руководстве ЕС активно обсуждается план «интеграции разных скоростей». На саммите ЕС в Риме в марте сего года эта концепция была официально утверждена, несмотря на возражения ряда восточноевропейских стран, прежде всего, Польши. В итоговой декларации саммита говорилось, что государства-члены ЕС «будут

действовать сообща, но с разной скоростью и интенсивностью, где это необходимо...». ¹⁰⁵

По существу, этот план можно рассматривать как переходный к созданию в рамках ЕС союза высокоразвитых стран Европы. А все другие страны-члены ЕС будут пристегнуты к этому союзу сначала неким общим соглашением, а затем, возможно, серией двусторонних соглашений. Как следствие они превратятся в придатки этого нового союза высокоразвитых стран. То есть возникнет три круга европейской интеграции:

- союз высокоразвитых стран, построенный по принципу равноправного партнерства;
- группа менее развитых членов ЕС, располагающих совещательным голосом в принятии решений и получающих небольшие дотации в обмен на полное открытие своих рынков и политическую лояльность;
- группа ассоциированных членов, не имеющие никаких прав в принятии решений, элита которых полностью подконтрольна Германии.

Такой сценарий, по всей видимости, был бы вполне подходящим для Берлина. Однако, для его реализации необходимо существование ряда условий. Во-первых, проект такого преобразования ЕС должен иметь поддержку англосаксонских держав, прежде всего, США. Во-вторых, Россия должна быть достаточно слаба, чтобы быть не в состоянии перетянуть в свою сферу влияния ряд членов ЕС из Восточной Европы и Балканского региона. В-третьих, Германии надо договориться с Францией по параметрам этого проекта. Без Франции этот проект был бы нереализуем с самого начала. Однако президент Франции Макрон, как отмечают эксперты, также склоняется к идее Европы «разных скоростей». ¹⁰⁶

---

¹⁰⁵ European Council. The Rome Declaration. Declaration of the leaders of 27 member states and of the European Council, the European Parliament and the European Commission. Press Release 149/17, 25/03/2017.

¹⁰⁶ What would Emmanuel Macron as France's leader mean for Europe?// The Guardian, 2 May 2017.

Выполнение всех этих условий одновременно, является маловероятным. Поэтому будущее Евросоюза «на разных скоростях» представляется сомнительным. Гораздо более вероятно, что в перспективе 2025-2050 годов ЕС начнет разваливаться. Вместе с ЕС будет ослабевать и НАТО. Даже если оно и останется формальным союзом, то полностью утратит дееспособность как единый организм. Тем не менее, Германии какое-то время сложно будет взять на себя роль европейского гегемона в силу идеологических причин. Для того чтобы были сняты идеологические ограничения должно смениться поколение немцев воспитанных в активной ненависти к нацистскому прошлому.

В то же время уже сегодня очевидны признаки преодоления этого прошлого. Население снова получило право пользоваться и демонстрировать национальную символику, продолжается укрепление вооруженных сил Германии. В то же время, без разрушения институтов денацификации, созданных американцами в оккупационный период, решить проблему идеологических ограничений политического влияния, вряд ли, удастся. Проблема заключается в том, что данные институты объединяют и негативный взгляд на прошлое и положительный взгляд на настоящее, подразумевая, что без осуждения прошлого не было бы и комфортного настоящего. В связи с этим возникает и опасение, что без поддержания активного осуждения прошлого может исчезнуть и процветание в настоящем. Однако со временем институты негативного припоминания деградируют и скорее всего исчезнут.

Поэтому можно предположить, что после 2025 года, в случае ухода США из Европы, Германия начнет брать на себя роль европейского гегемона, консолидирующего вокруг себя лояльные государства. Это может привести как к новой европейской многополярности по образцу 19 века, так и к новой биполярности, основанной на противостоянии германского блока и России. Оба варианта этого сценария будут зависеть от позиции Франции: захочет ли Париж продолжить играть роль младшего партнера Германии в Европе, либо, как раньше, предпочтет блокироваться с Великобританией.

Первый вариант пока представляется более вероятным, так как за время существования ЕС произошло очень существенное взаимопроникновение французских и германских элит, чего не наблюдалось в 19-ом и 20-ом веках. Поэтому дистанцирование Франции от Германии было бы возможно только при условии серьезного социально-политического кризиса французского общества, ведущего к кардинальной смене правящего класса.

Возврат к политическому лидерству сопряжен с необходимостью для Германии самостоятельно обеспечивать безопасность для ЕС. Поэтому Германия будет постепенно возвращаться в традиционное состояние — развивать свои национальные вооруженные силы и выстраивать европейскую оборонную идентичность. Эти усилия совпадают с тенденцией возврата США к изоляционизму, постепенному сокращению Америкой своих обязательств в мире и переносом центра ее стратегического внимания из Европы в Восточную Азию. Поэтому Германия не встретит сопротивления со стороны США.

Как следствие, Германия и Россия сформируют устойчивую биполярность в Евразии. Это будет не, таким уж, плохим вариантом с учетом того, что биполярность является наиболее устойчивой формой международной системы. Однако следует учитывать, что эта биполярность будет только региональной, то есть европейской. Региональная биполярность выражается в разделе сфер влияния и невмешательстве в дела друг друга. Однако, она также чревата конкуренцией и противоборством за контроль над неприсоединившимися территориями, если такие останутся.

Это означает, что пока система российско-германской биполярности полностью не сформируется, будет существовать период нестабильности, в течение которого развернется борьба за контроль над «серыми зонами», чреватая скатыванием к политическому кризису и даже локальным вооруженным конфликтам. К тому же, следует учитывать, что эти противоречия будут, как всегда, раздуваться третьей стороной из числа оставшихся

великих держав (Великобританией, США, Китаем, Японией) которые будут стремиться ослабить Россию или Германию, или их вместе, и извлечь из складывающейся ситуации оппортунистические выгоды.

4.3. Франция

4.3.1. Сценарий «Французский мост между ЕС и Россией» до 2025 года

Данный сценарий будет иметь следующие характерные особенности:

1. Франция остается в ЕС, но лишается своей ведущей политической роли в союзе, уступив место Германии. Франция старается наладить связи с Россией и навязывает Германии образ врага в лице исламских террористов, либо незаконных мигрантов.
2. Россия через Францию получает возможность оказывать влияние на ЕС.
3. Франция играет роль главного европейского борца за сохранение западной цивилизации, что сталкивает ее с исламским миром и превращает в преимущественную цель для терактов.
4. Постепенно антироссийские настроения в ЕС сойдут на нет на фоне нарастающей угрозы терроризма.
5. Франция продолжает ориентироваться на ядерное оружие в сдерживании других великих держав и на сетевые формы противоборства против терроризма и экстремизма.

Французская государственность в этот период не претерпит существенных изменений. Франция останется президентской республикой с унитарной формой правления. Скорее всего, будет проведена реформа муниципального управления Сложившаяся

во Франции их трехуровневая структура — муниципальные, департаментские и региональные советы — чрезмерно сложна и страдает от отсутствия четкого разделения полномочий между органами различного уровня. Это оборачивается разбуханием чиновничьего аппарата и местных бюджетов. Необходимость упорядочить многозвенную систему назрела уже давно.

Социалисты уже провели определенную реформу системы государственного управления, состоящую, во-первых, в укрупнении верхнего и нижнего звена территориального деления с тем, чтобы на этих уровнях создать единицы, способные более надежно справляться с выполнением своих функций. Вверху создано 13 регионов вместо 22. Одновременно внизу вокруг 15 крупнейших городов формируются «региональные метрополии», а функции маломощных муниципалитетов передаются более обширным межмуниципальным объединениям. Во-вторых, реформа заключается в сужении прерогатив промежуточного звена — департаментского. В-третьих, — во введении четкого разделения полномочий между органами местной власти различного уровня. Такое упорядочение местного управления должно обеспечить серьезную экономию расходов совокупного правительства.

Территория Франции в указанный период не претерпит изменений. Страна будет испытывать определенный дефицит природных ресурсов, что подтолкнет ее в направлении более активного использования возобновляемых источников энергии. Доля исламского населения стабилизируется как значимое меньшинство. Однако христиане будут по-прежнему составлять большинство, поддерживая традиционную культуру.

Франция останется мировым лидером в сфере образования и науки. В совершенствовании нуждается сложившийся научно-образовательный комплекс. Предстоит повысить уровень подготовки преподавательского состава в школе, прежде всего начальной, а в методике преподавания — уделить особое внимание развитию инициативы, найти новые подходы в процессе обучения с тем, чтобы сократить число выпускников, покидающих среднюю

школу без диплома. Ставится задача за счет укрупнения создать около 10-ти университетов международного уровня.

Дальнейшее развитие должна получить профессиональная подготовка и непрерывное обучение. Без повышения уровня образования (к 2025 г., по оценкам специалистов, 70% взрослых французов могло бы располагать образованием, эквивалентным аттестату зрелости) трудно будет расширять занятость, особенно в современных отраслях.

Ускорение технического прогресса Франции на базе наращивания расходов на НИР и более интенсивного использования нововведений — важнейшее условие для повышения эффективности производства. Государственное содействие НИР будет осуществляться по двум каналам. Сверху оно будет концентрироваться на наиболее перспективных направлениях с точки зрения имеющих заделов и перспектив мирового спроса. Снизу — за счет создания условий, стимулирующих инновационную деятельность предприятий, в частности, расширения венчурного финансирования, благодаря переориентации личных сбережений населения и более широкого подключения к нему крупных корпораций. Будет завершена реформа рынка труда на основе принципа «флесикьюрити», а его участники полностью освоят новые правила игры.

Даже из этого неполного перечня необходимых преобразований, очевидно, что Франции предстоит десятилетие структурных реформ, своего рода десятилетие «перестройки во французских цветах». Основные идеи преобразований уже выкристаллизовались в многочисленных экспертных докладах (хотя, конечно, дьявол, как всегда, кроется в деталях). Вместе с тем достаточно ясное представление о содержании реформ несколько не упрощает их практического осуществления. Оно неизбежно будет крайне сложным.

Дело в том, что истоки структурных проблем многофакторны. Их разрешение предполагает одновременное и комплексное применение нескольких рычагов, что может, в конечном счете, обеспечить положительный эффект. При необходимом постепенном, поэтапном проведении преобразований на первом этапе часто

преобладают издержки, а экономический выигрыш получается только в перспективе. Отсюда политический дискомфорт, с которым нередко и повсеместно сталкиваются реформаторы.

Поэтому, политическому «большинству обновления», которое будет складываться в стране в предстоящем десятилетии, придется не только проводить реформы, но и умело корректировать их стратегию. Политический запас прочности любого правительства ограничен. Не случайно отдельные эксперты предлагают снизить политическую уязвимость реформаторов чрезвычайными средствами: начинать президентский мандат с принятия серии ордонансов, которые заложили бы фундамент преобразований, или даже ограничить возможность быть избранным президентом одним сроком.

Вооруженные силы будут постепенно переходить к превалированию робототехники в военном деле. Во французском плане реформирования НАТО упор был сделан на серьезном перераспределении ролей в руководстве альянса путем усиления влияния в нем европейцев, и в частности, французов. Между тем, очевидно, что до тех пор, пока США будут оставаться основным спонсором НАТО, европейцы не смогут сколько-нибудь серьезно влиять на политику блока.

Армия Франции считается одной из самых боеспособных в Европе. И хотя численность ее невелика — около 250 тыс. человек — она оснащена всеми видами передовой военной техники, которые создаются главным образом национальной оборонной промышленностью. В отличие от подавляющего большинства европейских стран НАТО, армия Франции оснащена атомными подводными лодками и самолетами-носителями ядерного оружия, собственной системой спутниковой связи. Французская армия постоянно пополняет свой боевой опыт, участвуя в целом ряде военных конфликтов, в особенности, на Африканском континенте.

Франция как ядерная держава располагает сегодня 300 ядерными боеголовками, которыми оснащены морские и авиационные средства доставки. Наконец, Франция является космической державой. Со своего космодрома Куру во Французской Гвиане она

производит пуски ракет «Ариан», с помощью которых выводит на околоземную орбиту собственные спутники и спутники других стран.

Несмотря на это, целый ряд военных экспертов считает, что французская армия неспособна решать глобальные стратегические задачи, имея ограниченный масштаб применения.

Вместе с тем в результате начавшегося в 2008 г. финансово-экономического кризиса Франция была вынуждена сокращать свои военные расходы и численность вооруженных сил. В конце 2013 г. Совет министров страны принял законопроект о военном бюджете на 2014-2019 гг., который был призван одновременно, решить две задачи: осуществить жесткую экономию и не допустить снижения обороноспособности Франции.

Сокращение численности вооруженных сил происходит не за счет боевых частей, а за счет штабов, административных и обслуживающих структур. Более того, численность спецназа будет доведена до 4 тыс. военнослужащих. В то же время министерству обороны Франции пришлось затормозить выполнение контрактов на закупку военной техники. В частности, Франция отказалась от строительства второго авианосца и четвертого вертолетоносца типа «Мистраль», значительно сократила закупки боевых и транспортных самолетов, бронетранспортеров и другой военной техники. При этом предполагалось увеличение закупок военных спутников и беспилотников. Бюджетное сокращение не затронуло стратегические ядерные силы, на поддержание которых было предусмотрено 23 млрд. евро. Дополнительные средства будут потрачены на развитие спецслужб и кибербезопасность. В неприкосновенности сохраняется и военно-промышленный комплекс Франции, в котором занято 165 тыс. человек.

Положение Франции в НАТО всегда отличалось от статуса других членов альянса. И после возвращения в его военные структуры Франция сохранила за собой определенную независимость в военной сфере. В «Белой книге по обороне и национальной безопасности 2013» сформулированы основные принципы французской

военной доктрины и военного строительства на 2014-2015 гг., которые адаптированы к ситуации, складывающейся в настоящее время на международной арене.

В предисловии к «Белой книге» Ф. Олланд определил три основных приоритета оборонной стратегии Франции: «защита, сдерживание и реагирование». В «Белой книге» также утверждается, что французские вооруженные силы могут действовать как самостоятельно, так и в рамках НАТО или ЕС. Кроме того, четко сформулировано, что ни один военный контингент Франции не будет в мирное время находиться на постоянной основе под интегрированным командованием, а ядерные силы страны останутся исключительно в национальном ведении. Все это свидетельствует о том, что, несмотря на крен в сторону атлантизма, внешняя политика Франции в определенной мере сохраняет принципы голлизма — претензии на особую роль и относительную независимость в международных делах.

В «Белой книге» нашли отражение и изменения, произошедшие на международной арене в XXI веке. В ней содержится утверждение, что НАТО — это международная платформа для борьбы с разными видами конфликтов, включая проведение операций по обеспечению стабильности в различных регионах мира в рамках международного права; что коллективная оборона должна оставаться краеугольным камнем альянса. Подтверждается также, что сильный и эффективный альянс послужит интересам как Франции, так и Европы.

Настоящий бунт Франция подняла, когда США попытались дать «зеленый свет» вступлению в НАТО Украины и Грузии. Это был, пожалуй, самый яркий пример столкновения американских и европейских интересов в рамках альянса. На саммите НАТО в Бухаресте в 2008 г. Германия и Франция, поддерживаемые целым рядом европейских членов блока, выступили категорически против передачи Украине и Грузии Плана действий по членству в НАТО (ПДЧ). Такую позицию занимает Франция до сих пор, высказываясь против принятия в НАТО не только Украины и Грузии, но и Молдавии.

Весьма настороженно относится Франция к стремлению США распространить деятельность НАТО за пределы европейского региона, не без основания считая, что это отвечает более, американским интересам, чем европейским. Хотя та же ливийская операция, инициированная Францией, проводилась также вне территории Европы и никак не была связана с угрозой ее безопасности.

Одной из важнейших причин возвращения Франции в НАТО стало стремление французов продвинуть затормозившийся процесс создания европейской военной группировки, которая должна была стать одной из опор Европейского Союза. Франция была инициатором превращения Западноевропейского союза (ЗЕС) в военную организацию ЕС. Но он так и не смог выполнить эту роль. Причина в том, что даже робкие шаги европейцев в сторону независимости в военной области наталкивались на упорное сопротивление американцев, которые через механизм НАТО прочно удерживают в своих руках влияние на Европу.

В последние годы XX в. французы начали продвигать идею Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО), которая была частью Общей внешней политики и политики безопасности, предусматривающей создание не только европейских военных структур, но и общую внешнюю политику ЕС. На этом пути на протяжении первого десятилетия XXI века европейцами была проделана довольно большая работа: созданы военные комитеты, штабные структуры, несколько тактических боевых групп, силы быстрого реагирования. Все это финансировалось из бюджета ЕС.

Внешняя политика Франции, согласно данному сценарию, будет направлена исключительно на обеспечение национальной безопасности, цели борьбы с терроризмом и развитие кооперативных отношений с Россией. При этом Франция продолжает ориентироваться на ядерное оружие в сдерживании великих держав и на сетевые формы противоборства против терроризма.

Франция остается в ЕС, но лишается своей ведущей политической роли в союзе, уступив это место Германии. Однако опыт политического лидерства в ЕС позволяет Франции оказывать активное воздействие на нового лидера. Франция старается наладить связи с

Россией и навязывает Германии враждебное отношение к исламской цивилизации, особенно к исламским террористам, и незаконным мигрантам. Франция играет роль главного европейского борца за сохранение западной цивилизации, что сталкивает ее с исламским миром и превращает в преимущественную цель для терактов.

Постепенно антироссийские настроения в ЕС сходят на нет на фоне нарастающей угрозы терроризма. В итоге активность Парижа по развитию кооперативных отношений между Францией и Россией приводит к тому, что, по крайней мере на культурно-социальном уровне, происходит интеграция России и Евросоюза.

4.3.2. Сценарий «Маятниковое государство» до 2025 года

Данный сценарий предполагает, что Франция будет выступать как «маятниковое государство» в балансе сил между союзами США-Германия и Китай-Россия. Согласно этому сценарию, ЕС разрушается, США уходят в изоляцию, международный порядок возвращается в состояние анархического баланса сил. Уровень конфликтности в системе международных отношений значительно увеличился. Вероятность войны в Европе резко возрастает.

В результате активизации коалиционного строительства формируются два мощных союза, которые трансформируют структуру международных отношений, делая ее биполярной: США-Германия и Россия-Китай. Франция в этом биполярном порядке берет на себя роль «маятникового государства» между этими двумя союзами. Этот маятник кроме своей основной функции — поддержание равновесия — может либо поддерживать порядок в каждом из двух союзов, либо подрывать его. Это зависит от внутригосударственных процессов в самой Франции.

Основные параметры этого сценария в том, что касается внутренней политики, будут совпадать с предыдущим. Основные отличия, затронут сферу внешней политики, при осуществлении

которой Франции придется учитывать иные международные реалии. При этом сценарии Франция оказывается в относительно привычном для себя международном контексте, похожим на контекст холодной войны с противостоянием двух гегемонистских блоков. Эти условия возникают в результате разрушения ЕС, самоизоляции США и возвращения международного порядка в состояние самовосстанавливающегося баланса сил.

Данный сценарий может осуществляться в двух вариантах. В первом Франция выступает как маятниковое государство-диссидент, которое подрывает гегемонистский порядок в каждом из двух союзов. Это происходит в том случае, если к власти во Франции приходят силы, ценности которых противоположны ценностям, доминирующим в двух союзах. Тогда Франция будет играть роль диссидента для этих союзов, подрывая гегемонистский порядок в каждом из них, что делает международную политику в системе чрезвычайно динамичной и нестабильной. Основное достоинство такого порядка — ранее выявление рисков и ошибок в системе, что позволяет ей устранять их и предотвращать возможный революционный взрыв. Это — реформистский международный порядок.

Если же к власти во Франции приходят силы, ценности которых совпадают с ценностями, доминирующим в двух союзах, Франция будет играть консервативную роль для этих союзов, поддерживая гегемонистский порядок в каждом из них, что делает международную политику в системе довольно стабильной. Основная угроза для такого порядка — накопление рисков и ошибок в системе, которые подавляются, но не решаются, что в итоге может привести к революционному взрыву всей системы. Это — консервативный международный порядок.

4.3.3. Сценарии развития Франции в 2025-2050 годах

Первый долгосрочный сценарий развития Франции можно условно обозначить как «Этническая Антанта» (Союз Франции

и России за сохранение этнической нации). Причем этот сценарий может развиваться в двух вариантах: либо как союз против исламизма, либо как союз против глобализации. Основные параметры этого сценария следующие:

Государственное управление в указанный период претерпит несущественные изменения. Централизация государственного управления усилится. Сложившаяся во Франции трехуровневая государственная структура — муниципальные, департаментские и региональные советы — чрезмерно сложна и страдает от отсутствия четкого разделения полномочий между органами различного уровня. В долгосрочном плане она будет оптимизирована в направлении сокращения уровней.

Территория государства в указанный период не претерпит изменений.

Франция на 100% переходит на возобновляемые источники энергии, радикально сокращает свою зависимость от иностранных источников энергии.

Франция становится этнически гомогенным государством с соответствующими институтами в культуре. Этому способствует два обстоятельства — относительно высокая рождаемость, и с другой стороны — это реакция на глобализацию. При этом доминирующие ценности могут выразиться либо в отрицании религии, либо в отрицании глобализации. Этнитизация — это архаизация, т.е. возврат к истокам. Этот возврат может быть относительно небольшим — в экономическую изоляцию, или довольно большим — в дохристианство. При этом экономическая изоляция и язычество не обязательно должны сочетаться.

Франция перестает быть мировым лидером в сфере образования и науки в связи с архаизацией.

Франция постепенно переходит к превалированию робототехники в военном деле за счет импорта.

В этот период Франция, как первое национальное государство в Европе, остается лидером европейского национализма и противостоит тенденциям в политике, культуре, экономике,

---

подрывающим национализм. К власти во Франции приходят правые националисты. Франция переосмысливает нацию и выстраивает национализм нового типа, возвращается к этническому пониманию нации, увлекая за собой Россию.

Внешняя политика Парижа будет направлена на развитие кооперативных отношений с Россией. При первом варианте сценария «этническая Антанта» будет вести борьбу с денационализацией со стороны радикального исламизма. Франция и Россия станут лидерами борьбы с исламизмом на этнических основаниях. При втором варианте Париж и Москва объединят усилия для борьбы с денационализацией со стороны США как лидера экономической глобализации. Франция и Россия становятся лидерами выстраивания этнического международного порядка.

Второй долгосрочный сценарий развития Франции можно условно обозначить как «Союз Франции и Китая за этнический национализм». Этот сценарий также может развиваться в двух вариантах: либо как союз этнических националистов против религии, либо как союз этнических националистов против экономической глобализации. Основные параметры этого сценария совпадают с предыдущим, за исключением того, что Париж выбирает в качестве главного партнера не Россию, а Китай.

Франция переосмысливает нацию и выстраивает национализм нового типа, возвращается к этническому пониманию нации, увлекая за собой Китай. При первом варианте данного сценария внешняя политика Франции будет направлена на развитие кооперативных отношений с Китаем для борьбы с денационализацией со стороны радикального исламизма. Франция и Китай становятся лидерами борьбы с исламизмом на этнических основаниях. При втором варианте внешняя политика будет ориентирована на развитие кооперативных отношений с Китаем для борьбы с денационализацией со стороны США как лидера экономической глобализации. Франция и Китай станут лидерами выстраивания этнического международного порядка.

4.4. Северная Европа

4.4.1. Скандинавские страны

В период до 2025 года экономическое и политическое положение скандинавских стран будет оставаться достаточно стабильным. Их роль в системе международных отношений существенно не изменится. Экономика этих стран будет расти, хотя и невысокими темпами. Уровень жизни останется высоким. Военные расходы несколько возрастут, хотя и сохранятся на умеренном уровне.

В то же время в этот период будут наблюдаться попытки втягивания Финляндии и Швеции в НАТО. Но эти попытки не увенчаются успехом, особенно с учетом новой американской политики, предусматривающей, что союзники должны увеличить финансовый вклад на содержание альянса. В то же время Финляндия и Швеция усилят взаимодействие с НАТО в различных областях. Это будет касаться проведения совместных военных учений, координации планов применения вооруженных сил, обмен разведывательной информацией.

Дания и Норвегия продолжат членство в НАТО на прежних условиях, хотя и будут пытаться не увеличивать свой взнос в бюджет альянса. Дания продолжит членство в Евросоюзе. Норвегия, которая членом ЕС не является, напротив, расширит свои экономические связи с Великобританией, после выхода последней из ЕС.

В период 2025–2050 годов Швеция и Финляндия окажутся в двусмысленном положении с военно-политической точки зрения. Будучи формально нейтральными государствами, они продолжат членство в Евросоюзе, который будет постепенно наращивать военно-политические функции. Таким образом, обе страны будут стоять перед перспективой втягивания в военную конфронтацию с Россией из-за геополитических противоречий, не имеющих к ним прямого отношения. Тем более, Евросоюз, в отличие от НАТО, им какой-то серьезной военной помощи оказать не сможет,

---

по крайней мере, до тех пор, пока не обретет функций полноценного военного блока.

В этих условиях для Финляндии и Швеции возможны два рациональных варианта действий. Первый — это выход из Евросоюза, второй — это заключение специальных соглашений о неучастии в оборонных программах и обязательствах ЕС. Какой из этих вариантов выберет руководство указанных стран, сказать сложно. Теоретически для Швеции было бы выгоднее оставаться в ЕС и экономически ориентироваться на Германию, избегая при этом участия в военных структурах Евросоюза. В то же время для Финляндии, имеющей широкие экономические связи с Россией, выход из ЕС мог бы оказаться более предпочтительным.

Между тем, для самой Германии, и ее союзников, продолжение членства Швеции и Финляндии в ЕС, включая общую оборонную политику, будет важнейшим приоритетом. Поэтому следует ожидать сильного давления на эти страны со стороны Германии, чтобы заставить их сохранить полноценное участие в Евросоюзе. Эта тема, скорее всего, станет областью острой внутривнутриполитической борьбы в Финляндии, где можно даже ожидать серьезного правительственного кризиса по этому вопросу.

Норвегия тоже окажется перед сложным выбором. По мере ослабления НАТО и ухода США из Европы, ей придется принимать решение, на кого ориентироваться в плане обеспечения своей военной безопасности. При этом Осло, вряд ли, будет рассматривать Россию как приемлемый вариант. Поэтому выбор будет не велик — либо вступать в Евросоюз и получить оборонные гарантии ЕС, либо войти в двустороннее военное соглашение с Великобританией.

Второй вариант кажется более реалистичным, так как вступление в ЕС принесло бы Норвегии целый набор экономических и прочих проблем, которых эта страна долгое время пыталась избежать. Однако Германия, заинтересованная в вовлечении Норвегии в ЕС, скорее всего, попытается поддержать евроцентристские силы в этой стране. А это вызовет ответные шаги со стороны Великобритании. Так что можно в перспективе ожидать

конкуренции между Берлином и Лондоном за внешнеполитическую ориентацию Норвегии.

Что касается Дании, то у нее выбора не будет. Она останется в Евросоюзе и будет ориентироваться на Германию.

4.4.2. Ирландия

В период до 2025 г. экономическое положение Ирландии несколько осложнится, в связи с выходом Великобритании из ЕС. Британский рынок является сейчас вторым по значимости для экспорта из Ирландии после США (13,8%), и первым по значимости по импорту (32,5%).¹⁰⁷ У Ирландии также весьма значительные гуманитарные контакты с Великобританией, и особенно с Северной Ирландией. Дублину придется сбалансировать свои отношения с Брюсселем и Лондоном. Возможно для этого Ирландия пойдет на заключение различных двусторонних соглашений с Великобританией, и ей придется добиваться одобрения этих соглашений со стороны Еврокомиссии.

Британское правительство со своей стороны уже заявило, что намерено сохранить свободу передвижения на границе с Ирландией. Это, однако, неминуемо повлечет за собой требования к Ирландии по недопущению попадания в Великобританию лиц из третьих стран. Можно предположить, что эти проблемы будут урегулированы, и к 2025 г. между Великобританией и Ирландией сложится новая модель отношений вне рамок ЕС.

В период 2025-2050 годов экономическое положение Ирландии будет достаточно стабильным, хотя членство в Евросоюзе будет ее все более тяготить. Это будет связано с нарастанием кризисных процессов внутри ЕС. До последнего времени Ирландия являлась получателем дотаций из бюджета ЕС, однако, после ухода Великобритании, уровень этих дотаций существенно понизится. Более того, может возникнуть ситуация, когда Ирландия, являясь

---

¹⁰⁷ <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/ei.html>

страной с высоким ВВП на душу населения, будет вынуждена сама стать донором и субсидировать страны-аутсайдеры ЕС. И это при том, что ее основные торговые партнеры окажутся вне ЕС. То есть стимулов для дальнейшего пребывания в ЕС у Ирландии не останется.

К этому может добавиться проблема миграции. Трудовые мигранты из менее развитых стран Евросоюза, будучи отрезанными от британского рынка труда, устремятся в Ирландию. Это приведет к росту безработицы и общему обострению конкуренции на рынке труда Ирландии и соответственно к росту социальной напряженности.

К тому же, являясь нейтральным государством, Ирландия, скорее всего, не будет заинтересована в углублении военно-политической интеграции в рамках ЕС, на чем будет настаивать Германия. Поэтому с высокой долей вероятности можно предположить, что к 2050 г. Ирландия выйдет из состава Евросоюза. В этом случае можно ожидать переориентации Ирландии в политическом плане на США и Великобританию, хотя в военном отношении Дублин, скорее всего, будет продолжать придерживаться нейтралитета.

4.4.3. Исландия

В период до 2025 года экономическое положение Исландии будет оставаться относительно стабильным, хотя экономическое развитие будет идти неравномерно. Периоды роста будут чередоваться периодами временной стагнации. Однако в целом качество жизни в стране сохранится на высоком уровне. Приняв в свое время решение отказаться от вступления в ЕС, Исландия продолжит многовекторную внешнеторговую политику. Ее основными торгово-экономическими партнерами останутся ЕС, Великобритания и США.

В военно-политической области Исландия будет оставаться членом НАТО и ориентироваться на Вашингтон. Хотя военная

база США в Кьефлавике была официально закрыта в 2006 году, она была частично реанимирована в 2016 году для обслуживания самолетов военно-морской авиации. До 2025 г. эта база, скорее всего, продолжит функционировать, хотя и в усеченном виде. В то же время, в случае дальнейшего обострения международной обстановки, она может быть вновь полностью укомплектована.

В период 2025–2050 годов каких-то существенных изменений в экономическом и политическом положении Исландии не произойдет. Можно ожидать, что интерес Вашингтона к Исландии будет постепенно ослабевать и к 2050 г. военное присутствие США в Кьефлавике будет свернуто. В то же время, нельзя исключать, что в этот период повысится интерес к Исландии со стороны Великобритании и будут предприняты попытки втянуть эту страну в военно-политические договоренности с Лондоном.

4.5. Европейский Союз

В настоящее время европейский интеграционный проект переживает наиболее критический период своей истории, одновременно столкнувшись с проявлениями целого ряда кризисов — экономического (финансово-долгового), институционального (дефицит демократической легитимности, низкая эффективность бюрократического аппарата в Брюсселе и рост недоверия к нему в странах-членах), миграционным, ценностным (рост националистических настроений под влиянием притока мигрантов) и внешнеполитическим (трудности формирования единой внешней политики, санкционное противостояние с Россией, противоречия с США по вопросу финансирования структур НАТО).

Вероятность успешного преодоления данных кризисов в настоящее время проблематична, перспективы их дальнейшего развития (равно как и урегулирования) зависят от большого количества как внутренних (политические решения и экономические тенденции в рамках самого ЕС), так и внешних (внешнеполитические вызовы, развитие мировой экономики, заключение мега-региональных интеграционных соглашений) факторов. С учетом возможного сочетания этих факторов в период до 2025 г. и на горизонте прогнозирования до 2050 г. наиболее вероятными сценариями развития ЕС являются следующие.

4.5.1. Сценарий консолидации

Сценарий консолидации предполагает нахождение успешного ответа на текущие политические и экономические вызовы (в первую очередь связанные с «Brexit» и возможностью обострения долгового кризиса), реформу и укрепление институтов ЕС, нахождение убедительных для граждан стран-членов ЕС аргументов в пользу сохранения существующего формата интеграции и включение в нее (в период после 2025 г.) новых вопросов политического сотрудничества (в т.ч. в сфере формирования единой внешней и оборонной политики), а также новых сфер экономического регулирования. Основные параметры этого сценария на 2050 г. следующие:

- Число стран ЕС — 27-30 (дальнейшего выхода стран из состава ЕС не предвидится; возможно вступление в ЕС к 2050 г. Норвегии, Исландии и Черногории).
- Число стран зоны евро: 19-22.
- Доля евро во внебиржевом обороте мирового валютного рынка: 30-35% (бенчмарк 2016 г. — 31,4%).
- Темпы роста ВВП ЕС (по ППС 2015 г.): 1,8-2,2% в 2016–2025 гг., и 2,0-2,3% в 2021–2025 гг.
- Доля ЕС в мировом ВВП: 11-13% к 2025 г., 10-12% к 2050 г.
- Доля взаимной торговли в совокупной торговле ЕС: 55-60%.

- Эффективность интеграционных структур ЕС: высокая, растущая
- Механизмы единой внешней политики: активно формируются (вероятный период максимального укрепления — после 2025 г.)
- Формирование вооруженных сил ЕС: вполне возможно (вероятность порядка 20%).

Для реализации этого сценария, как уже отмечалось, необходимы соответствующие внешние и внутренние условия. К внешним условиям, в частности, относятся:

- успешное восстановление сравнительно высоких темпов роста мировой экономики, которые при расчетах по паритету покупательной способности (ППС) 2015 г. в среднем за 2016-2025 гг. будут находиться в интервале 3,2-3,4%, в последующий период до 2050 г. — 3,6-3,8%, при темпах роста мировой торговли 7,3-8,5% (по текущему рыночному валютному курсу) в 2016-2025 гг. и 8,0-8,5% в 2026-2050 гг.;
- поддержание достигнутого уровня трансатлантического взаимодействия по вопросам внешней политики, обороны и безопасности с сохранением высокого уровня вмешательства США в решение соответствующих вопросов и формирование общей политики ЕС официальными структурами Брюсселя;
- необострение (к 2025-2030 г. — урегулирование) конфликта на востоке Украины и отсутствие негативной динамики в сфере отношений с Россией и другими странами Евразийского экономического союза (к 2025-2030 г. — полноценная нормализация соответствующих отношений с отказом от использования инструментов санкционного воздействия).

Внутренние условия:

- относительно безболезненный выход Великобритании из состава ЕС («Brexit») без значимых потрясений для европейской экономики с отсутствием дальнейших случаев выхода стран-членов из состава ЕС;

-
- нейтрализация к 2020-2022 гг. последствий роста националистических настроений, обострившихся вследствие миграционного кризиса 2016 г. — соответствующие тенденции не приведут к приходу к власти в крупных странах ЕС (в т.ч. в странах зоны евро) националистических и популистских партий, политика которых могла бы привести к нарушению Маастрихтских критериев макроэкономической стабильности и/или подтолкнуть отдельные страны к выходу из ЕС;
  - дальнейший приток мигрантов в страны ЕС из стран Ближнего Востока будет приостановлен либо, в случае продолжения, не приведет к нарастанию в принимающих странах социальных противоречий, угрожающих экономической стабильности; ожидаемая интенсификация притока мигрантов из стран Африки также будет успешно купирована без разрушительных социально-политических последствий;
  - реформа интеграционных институтов ЕС, предполагающая отказ от форсированной интеграции в сферах, вызывающих наибольшие противоречия (в частности, в области налогово-бюджетной политики и политики регулирования финансовых операций) с параллельным включением в интеграционную повестку дня новых вопросов, отвечающих общим интересам стран-членов (включая выработку подходов к общей оборонной политике).

Существенное значение имеет то обстоятельство, что высокие темпы роста мировой экономики, а также постепенная нормализация отношений с Россией и Евразийским экономическим союзом являются в рамках данного сценария эндогенными факторами. С одной стороны, они служат важными предпосылками реализации Сценария консолидации, поскольку в условиях кризисного развития мировой экономики и растущей конфронтации с Россией привлекательность интеграционных механизмов ЕС в контексте различия экономических и внешнеполитических интересов стран-членов будет снижаться.

С другой стороны, реализация в ЕС Сценария консолидации будет содействовать дальнейшему снижению неопределенности в мировой экономике и нарастанию кооперативности в отношениях с Россией как с одним из ключевых экономических партнеров ЕС (при условии урегулирования основных противоречий, связанных с конфликтом на востоке Украины). С точки зрения формального анализа условий реализации, данный сценарий на сегодняшний день является достаточно вероятным, порядка 40%.

4.5.2. Сценарий ускорения интеграции

Сценарий ускорения интеграции исходит из возможности того, что после преодоления кризисных тенденций ЕС сможет найти новые источники выгод от интеграционного взаимодействия, связанные с переходом европейской экономики к новой модели экономического развития и заключением мегарегиональных интеграционных соглашений («интеграция интеграций») — в первую очередь Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТИП), с переходом в период после 2025 г. к формированию зоны свободной торговли между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЗСТ ЕС-ЕАЭС).

Ранее в истории экономической интеграции также были кризисные периоды, за которыми неизменно следовали периоды ускоренной интеграции, компенсирующей результаты предшествующего торможения; с учетом этого, именно данный сценарий является наиболее ожидаемым и желательным для сторонников «еврооптимизма» в политических кругах ЕС. Основные параметры этого сценария на 2050 г. следующие:

- Число стран — 30-35 (дальнейшего выхода стран из состава ЕС не предвидится; ожидается вступление в ЕС к 2050 г. Норвегии, Исландии, Черногории, Сербии и ряда других стран Балканского региона).
- Число стран зоны евро: 20-25.

-
- Доля евро во внебиржевом обороте мирового валютного рынка: 35-40%.
  - Темпы роста ВВП ЕС (по ППС 2015 г.): 1,9-2,3% в 2016–2025 гг., и 2,3-2,5% в 2021–2025 гг.
  - Доля ЕС в мировом ВВП: 12-14% к 2025 г., 12-13% к 2050 г.
  - Доля взаимной торговли в совокупной торговле ЕС: 60-65%.
  - Эффективность интеграционных структур ЕС: высокая, растущая
  - Механизмы единой внешней политики: активно формируются (вероятный период максимального укрепления — после 2020 г.)
  - Формирование вооруженных сил ЕС: вполне возможно (вероятность порядка 30%).

Данный сценарий опирается на предпосылки, в целом схожие с предпосылками реализации предыдущего сценария (в частности, темпы роста глобальной экономики и мировой торговли на уровне не ниже, чем в рамках Сценария консолидации), однако, предполагает также действие дополнительных факторов, существенно повышающих как ресурсно-институциональный потенциал ЕС, так и его стратегическую привлекательность для стран-членов. К числу этих факторов относятся следующие.

Внешние условия:

- в период до 2020 г. будет подписано соглашение о создании ТТИП с США, содействующее получению дополнительных экономических выгод для стран-членов ЕС и укреплению связей между США и ЕС по всем векторам сотрудничества, включая военно-стратегическое (ТТИП как «экономический аналог НАТО»);
- в период 2020–2025 гг. будет достигнуто эффективное политическое урегулирование конфликта на востоке Украины и ликвидированы его негативные последствия для экономических связей ЕС со странами Евразийского экономического союза (в первую очередь с Россией), с выходом в 2025-2030 гг. на осуществление практических шагов по созданию ЗСТ ЕС-ЕАЭС («зона свободной торговли от Лиссабона до Владивостока»).

Внутренние условия:

- переход европейской экономики к новой модели роста, для которой характерно, с одной стороны, использование капиталоемких технологий и повышение качества человеческого капитала в связи с изменением возрастной структуры общества в сторону старших когорт, и, с другой стороны, ускоренное снижение ресурсоемкости ВВП ЕС и гибкое использование технологий, ориентированных на замещение сравнительно дорогих ресурсов и их источников более дешевыми (в результате чего к 2025 г. страны ЕС вплотную подойдут к реализации принципа «рост экономики без роста населения» на основе внедрения капиталоемких технологий и радикального повышения степени информатизации процессов создания добавленной стоимости);
- повышение эффективности существующих интеграционных институтов ЕС на основе растущей заинтересованности стран ЕС в получении экономических выгод, связанных с заключением мегарегиональных соглашений и с переходом к новой модели роста, а также — в отличие от Сценария консолидации — форсирование интеграции в новых политических и регуляторных сферах в период до 2025 года.

Ключевое значение с точки зрения реализации данного сценария имеет формирование ТТИП ЕС-США, обеспечивающего переход механизмов трансатлантического сотрудничества на принципиально новый этап развития. Несмотря на общий низкий уровень тарифных барьеров во взаимной торговле (в среднем чуть выше 2% для импорта ЕС из США и чуть выше 3% для американского импорта из ЕС), по ряду чувствительных товарных категорий (пищевые продукты, напитки, текстильная продукция и одежда) средний уровень импортных пошлин превышает 10%. Отмена соответствующих барьеров в рамках ТТИП может привести к значительному оживлению взаимной торговли соответствующими товарами на фоне резкого «проседания» конкурентных позиций стран, не имеющих с ЕС и США аналогичного преференциального соглашения.

Снижение нетарифных барьеров для торгово-экономического взаимодействия, в т.ч. через взаимное согласование регуляторных норм, действующих на территории США и в рамках ЕС, может обеспечить еще более значительное расширение взаимного экспорта товаров и услуг, кумулятивные масштабы которого могут достигать 30–70% по сравнению с базовым вариантом развития событий, предполагающим прекращение переговоров о создании ТТИП. В то же время именно принципиальные противоречия в регуляторных системах ЕС и США являются причиной фактической приостановки переговоров с лета 2016 г. Критическая позиция администрации Д.Трампа в данном случае не привела к пересмотру достигнутых на переговорах результатов, а лишь зафиксировала отсутствие таких результатов.

При этом существенно, что перевод отношений между ЕС и США на новый уровень в рамках Сценария ускорения интеграции не исключает полной нормализации отношений между ЕС и Россией и возврата к идее создания «зоны свободной торговли от Лиссабона до Владивостока» — мегарегионального экономического блока, перспективы которого активно обсуждались в период 2010–2012 гг. в контексте «Партнерства России и ЕС для модернизации». По мере развития проекта евразийской экономической интеграции под эгидой России (с 2010 г. — Таможенный союз, с 2012 г. — Единое экономическое пространство, с 2015 г. — Евразийский экономический союз, ЕАЭС) готовность ЕС вести равноправные переговоры относительно реализации ЗСТ ЕС–Россия (с подключением евразийских интеграционных структур) демонстрировала явную тенденцию к снижению.

В результате российско-европейских противоречий вокруг политического конфликта на востоке Украины официальные контакты в данной сфере были прекращены. Нахождение конструктивного варианта разрешения конфликта на Украине на основе Минских договоренностей, а также рост интенсивности экономических контактов между ЕС и ЕАЭС в условиях ускорения темпов роста мировой экономики и «демонстрационного эффекта»

ТТИП может способствовать началу переговоров о создании ЗСТ ЕС-ЕАЭС после 2025 г.

С учетом жестких условий, лежащих в основе данного сценария, ожидаемая вероятность его реализации существенно ниже, чем у Сценария консолидации (порядка 15%).

4.5.3. Евроскептический сценарий

Евроскептический сценарий, в свою очередь, характеризуется резким нарастанием автономии стран — членов ЕС в принятии политических и регуляторных решений, результатом чего может стать отказ от единой внешней политики и развитие тенденции к некооперативному применению инструментария экономической политики в ущерб ранее зафиксированным нормам и стандартам ЕС (в т.ч. нарушение Маастрихтских критериев странами зоны евро), в худшем случае — выход отдельных стран из зоны евро, а возможно, и из ЕС. В рамках данного сценария не происходит полномасштабной дезинтеграции ЕС как интеграционного блока с широкими наднациональными полномочиями, однако ресурсный и особенно регуляторный потенциал ЕС будет последовательно снижаться по сравнению со Сценарием консолидации.

Основные параметры этого сценария на 2050 г. следующие:

- Число стран ЕС к 2050 г.: 24-27 (вступления новых стран-членов не ожидается, случаи выхода из ЕС носят единичный характер).
- Число стран зоны евро: 15-19.
- Доля евро во внебиржевом обороте мирового валютного рынка: 20-25%.
- Темпы роста ВВП ЕС (по ППС 2015 г.): 1,0-1,4% в 2016–2025 гг., и 1,0-1,2% в 2021–2025 гг.
- Доля ЕС в мировом ВВП: 10-11% к 2025 г., 8-10% к 2050 г.
- Доля взаимной торговли в совокупной торговле ЕС: 45-50%.
- Эффективность интеграционных структур ЕС: стабильно низкая

-
- Механизмы единой внешней политики: формально существуют, фактически неэффективны (вероятный период максимального ослабления — после 2025 г.)
  - Формирование вооруженных сил ЕС: маловероятно (вероятность порядка 5-7%).

Данный сценарий предполагает резкое нарастание евроскептических настроений под влиянием комплекса факторов кризисного характера, осложненных неспособностью институтов ЕС справиться с соответствующими вызовами в экономической и политической сферах. Набор соответствующих факторов может быть представлен следующим образом.

Внешние условия:

- сравнительное замедление темпов роста мировой экономики, которые при расчетах по паритету покупательной способности (ППС) 2015 г. в среднем за 2016-2025 гг. будут находиться в интервале 2,8-3,1%, а в период 2026-2050 г. — 3,0-3,2%, при этом темпы роста мировой торговли будут находиться в диапазоне 3,8-4,3% (по текущему рыночному валютному курсу) в 2016-2025 гг. и 5,7-6,0% в 2026-2050 гг.;
- продолжение масштабного притока мигрантов в страны ЕС, обуславливающего нарастание социально-политической напряженности ввиду изменения национально-религиозного состава населения, роста экстремистских настроений среди мигрантов и националистических — среди коренного населения стран ЕС (в период до 2025 г. основной наплыв мигрантов ожидается из стран Ближнего Востока, после 2025 г. — в растущих масштабах из стран Африки, где в течение прогнозируемого периода ожидается прирост населения в размере порядка 1 млрд. чел.).

Внутренние условия:

- обострение долгового (и, шире, макроэкономического) кризиса в ЕС, результатом которого может стать снижение средних темпов роста европейской экономики до уровня 0,8-1,0% в год к 2020 г., выход отдельных стран из зоны евро, а также падение привлекательности интеграционных

структур ЕС как для самих стран-членов, так и для стран-партнеров (включая страны, подписавшие соглашения об ассоциации с ЕС);

- неспособность интеграционных структур ЕС (прежде всего, Европейской комиссии и Европейского центрального банка, в т.ч. в рамках опробованного в случае долгового кризиса в Греции формата сотрудничества в «Большой тройке» с МВФ) предложить адекватный ответ на указанные выше кризисные вызовы, результатом чего станет резкое падение дисциплины соблюдения Маастрихтских критериев макроэкономической стабильности странами зоны евро и попытки поиска национальными правительствами собственных антикризисных рецептов без оглядки на партнеров по ЕС.

С точки зрения выхода отдельных стран из зоны евро, максимальные риски будут наблюдаться в отношении стран с высоким уровнем долговой нагрузки и сравнительно низкими темпами роста ВВП. В первую очередь речь может идти о Греции (общий размер государственного долга — 177,4% ВВП в 2015 г.), Португалии (129%) и Кипре (107,5%). Позиции Италии и Испании, несмотря на высокий уровень государственной задолженности (132,3% ВВП и 99,8% ВВП, соответственно) выглядят более устойчивыми ввиду более значительного размера экономики. Однако в случае Испании проблемы усугубляются благодаря тому, что в этой стране наблюдается второй по высоте в ЕС уровень безработицы, составивший 19,6% в 2016 г. (более высокое значение — 23,6% — было зафиксировано только в Греции), а также имеет негативное влияние сепаратизм Каталонии.

Необходимо отметить, что в рамках данного сценария ситуации, когда конкретные страны сталкиваются с серьезными экономическими трудностями, отнюдь не обязательно ведут к выходу соответствующих стран из зоны евро и тем более из ЕС.

Во-первых, соответствующие страны могут сохранять заинтересованность в получении финансовых ресурсов,

---

предоставляемых в рамках программ антикризисной помощи ЕС (даже в том случае, если такие программы не в состоянии способствовать преодолению или даже сдерживанию кризисных тенденций).

Во-вторых, выход из зоны евро чреват радикальным ухудшением позиционирования страны на европейских и глобальных финансовых рынках, что чревато дефицитом инвестиционных средств в среднесрочном периоде и, что еще более важно, отсутствием притока средств нерезидентов на стадии перехода к использованию национальной валюты, что угрожает обвальным падением ее курса уже в первые месяцы после ее введения.

В-третьих, пересмотр условий интеграционного взаимодействия со странами-партнерами может существенно ухудшить условия торгово-инвестиционных отношений с партнерами из числа стран-членов ЕС, что возлагает дополнительные издержки на их экономику в средне- и долгосрочном периоде.

Как следствие, оказавшиеся в кризисной ситуации страны могут стремиться как можно дольше поддерживать статус-кво (сохранять свою прежнюю позицию в ЕС), и их добровольный выход из интеграционных структур ЕС является гораздо менее вероятным, чем вариант, при котором эти страны будут поставлены перед необходимостью принудительно покинуть эти структуры под дипломатическим давлением более влиятельных стран ЕС в наказание за несоблюдение критериев макроэкономической стабильности и нежелание проводить политику, направленную на исправление ситуации.

Вопреки распространенному убеждению, реализация Евроскептического сценария не будет означать катастрофу для ЕС, а скорее приведет к сохранению в основных чертах его институтов на фоне растущего перераспределения регуляторных полномочий с общеевропейского на национальный уровень. То есть произойдет определенный откат назад с точки зрения глубины европейской интеграции. Вероятность данного сценария составляет порядка 35%.

4.5.4. Сценарий дезинтеграции

Сценарий дезинтеграции отражает максимально неблагоприятное направление развития интеграционного проекта ЕС, предполагающее радикальное «сжатие» как зоны евро (с ненулевой вероятностью отказа от единой европейской валюты к 2030–2035 гг.) и сокращение численности членов ЕС до 10–15. Данный сценарий, предполагающий сохранение в составе ЕС только ограниченного числа стран (т.н. ‘Core Europe’), принципиально приверженных идее европейской интеграции и/или сумевших сохранить перспективы получения существенных экономических выгод от функционирования интеграционных механизмов ЕС, соответствует условиям минимизации экономического, политического (в т.ч. внешнеполитического) и военного потенциала ЕС с возвращением максимального объема регуляторных полномочий в распоряжение национальных органов принятия решений.

Основные параметры этого сценария на 2050 г. следующие:

- Число стран ЕС: 10–15 (массовый выход стран-членов из ЕС после 2025 г.).
- Число стран зоны евро: 8–10 (к 2050 г. возможно полное упразднение евро как единой европейской валюты).
- Доля евро во внебиржевом обороте мирового валютного рынка: 15–20%.
- Темпы роста ВВП ЕС (по ППС 2015 г.): 0,8–1,0% в 2016–2025 гг., и 0,3–0,7% в 2021–2025 гг.
- Доля ЕС в мировом ВВП: 7–10% к 2025 г., менее 7% к 2050 г.
- Доля взаимной торговли в совокупной торговле ЕС: 20–25%.
- Эффективность интеграционных структур ЕС: низкая с тенденцией к дальнейшему сокращению
- Механизмы единой внешней политики: упразднение к 2025 г.
- Формирование вооруженных сил ЕС: нулевая вероятность.

Данный сценарий соответствует резкому ослаблению экономического и политического потенциала ЕС, связанному с кризисом его экономики, сокращением численности его членов и

постепенным свертыванием проекта единой европейской валюты (вплоть до полного отказа от евро как расчетной и платежной единицы к 2050 г.).

Внешние предпосылки:

- темпы роста глобального ВВП и мировой торговли на уровне не выше тех, которые предусмотрены условиями реализации описанного выше Евроскептического сценария;
- ускорение неконтролируемого наплыва беженцев с Ближнего Востока и из Украины в 2017-2020 гг. в условиях возможного полномасштабного военного конфликта в регионе Персидского залива с участием Ирана и Саудовской Аравии, а также обострения политического конфликта на Украине, усугубляемого дефолтом страны по внешним долговым обязательствам и резким ростом националистических настроений вплоть до проведения этнических чисток;
- возрастание интенсивности использования протекционистских мер во внешней торговле, в т.ч. в отношениях между ЕС и Китаем, ЕС и Россией (сохранение и обострение санкционного противостояния), а также ЕС и другими ведущими странами с развивающимися рынками, а возможно, и с США (если за период с октября 2015 г. по май 2016 г. в странах «Большой двадцатки», по данным мониторинга ВТО, вводилось в среднем по 21 новому торговому ограничению ежемесячно, а к маю–октябрю 2016 г. этот показатель сократился до 17, то в рамках рассматриваемого сценария число вновь вводимых протекционистских мер может возрасти до 35-40 ежемесячно).

Внутренние условия:

- резкое нарастание издержек проведения политики противостояния миграционным вызовам на уровне отдельных стран, повышающее стимулы к отказу от общеевропейских подходов в соответствующей сфере с дальнейшей деградацией режима свободного перемещения граждан, начатой с приостановки действия Шенгенских соглашений в 2016 г.;

- резкое возрастание издержек реализации программ антикризисной поддержки, возлагаемых на экономики крупных и экономически «более благополучных» стран ЕС (в первую очередь экономику Германии, отчасти — Франции и стран Бенилюкс), со стремительным сокращением готовности избирателей соответствующих стран к несению таких издержек и ростом популярности политических сил, выступающих под лозунгом «Хватит кормить неудачников!»

Действие перечисленных факторов может быть усилено в случае общего нарастания конфликтности международных отношений, риски которого связаны в первую очередь с напряженностью в регионе Южно-Китайского моря (возможные конфликты вокруг статуса спорных островов и особенно вокруг Тайваня) или попытками США дестабилизировать режим в Северной Корее. В этом случае, с учетом союзнических отношений с США, руководство ЕС может втянуться в полномасштабную санкционную торгово-инвестиционную войну с КНР, провоцируя резкое недовольство тех стран — членов ЕС, которые имеют интенсивные кооперационные связи с КНР (лидерами по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций из КНР в 2016 г. были Германия — 10,91 млрд. евро, Финляндия — 6,75, Ирландия — 2,62 млрд. евро и Франция — 1,97 млрд. евро).

В то же время на фоне сокращения темпов роста мировой экономики и мировой торговли вероятно обострение торговых противоречий между Брюсселем и Вашингтоном, не достигающее интенсивности торговой войны, но ведущее к росту барьеров во взаимной торговле (в первую очередь технических, антидемпинговых и антимонопольных). Потеря американских рынков, связанная с таким развитием событий, может побудить отдельные страны (Германия, Франция, Испания, Нидерланды, Дания) к пересмотру условий своего членства в ЕС в части полномочий, передаваемых на уровень Европейской комиссии.

При этом, если выход из зоны евро наиболее вероятен для экономически слабых стран, для которых переход к использованию национальных валют является возможным инструментом борьбы с кризисными тенденциями при сохранении участия в европейских интеграционных структурах, то выход из ЕС более вероятен для крупных стран, не готовых нести издержки коллапсирующего интеграционного проекта. Вероятность реализации данного сценария является достаточно высокой, составляя порядка 50%.

Глава V.

Балканский регион

Балканский регион является наиболее турбулентной зоной Европы. Это объясняется сочетанием двух предпосылок: транзитного положения региона (трубопроводы, транзит грузов и мигрантов, наркотрафик) и чересполосного проживания народов, наложения культур и религий. По этим причинам Балканы весьма уязвимы для внешнего воздействия в условиях обострения борьбы за влияние, территории и ресурсы. Балканы могут стать как самостоятельным очагом конфликта, так и триггером более масштабных противостояний. Учитывая внутреннюю специфику региона, а также внешний фактор — интересы третьих стран (прежде всего, США, Германии, Турции, Саудовской Аравии, Ирана), военно-политических блоков (НАТО) и негосударственных акторов мировой политики (ЧВК, международные террористические и криминальные структуры), наиболее вероятными сценариями развития видятся следующие: «Балканский халифат» и «Албанизация».

5.1. Сценарий «Балканский халифат»

В балканских странах уже существует значительный сегмент мусульман. В настоящее время более 5% населения исповедуют ислам в Греции, более 3% — в Сербии (без Косово); 2,4% — в Словении. В православной Болгарии — 13,7%. Почти все

население частично признанной Республики Косово — 95,6%, что в абсолютных цифрах составляет почти 2 млн. человек, исповедует ислам. За ней в рейтинге следует Албания (56,7%), затем Босния и Герцеговина (40%) и Македония (33,3%). В Черногории более 19% исповедующих ислам. Самые немусульманские страны региона: Венгрия (0,1%); Румыния (0,3%), Хорватия (1,5 %).

В абсолютных цифрах число людей, уже сегодня готовых поддержать идею «Балканского халифата» или лояльно к ней относящихся, насчитывает чуть более 6 млн. человек — жителей региона. Это при том, что есть только две силы способные реально противостоять исламизации — сербы, проживающие в Сербии и Республике Сербской в Боснии и Герцеговине (чуть более 4 млн.) и хорваты (чуть более 2 млн.), что вместе составляет также чуть более 6 млн. Данные приводятся из расчета самой активной части населения от 15 до 55 лет. Получается, фактически, паритет. И это без учета миграционных волн из стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые как раз проходят по балканскому маршруту. Что же касается сербов и хорват, то эти народы имеют жесткий исторический конфликт и вряд ли смогут выступить когда-нибудь единым фронтом.

Исламизированная часть населения региона опасна не только своей агрессивностью (особенно это актуально для экономически слабых и депрессивных стран) в расширении политических, социальных, культурных границ общины, но и тем, что она фактически объявила славянскому населению демографическую войну. Рождаемость в семьях, исповедующих ислам, превышает аналогичную у христиан или атеистов в 3-5 раз, а коэффициент рождаемости в Косово выше, чем в христианских обществах почти в два раза. В регионе только две страны, которые проводят жесткую миграционную и национальную (в том числе религиозную) политику — Венгрия и Хорватия.

На фоне тяжелейшего социально-экономического кризиса, высокого уровня безработицы (в Косово, на юге Сербии, в отдельных районах Македонии и Греции ее уровень превышает 55% трудоспособного населения) и криминализации общественных

отношений исламизация населения приобретает устойчивый и почти добровольный характер. Выход из депрессивного положения молодежь видит в «служении» Аллаху и активно вливается в движение ваххабитов. Строительство мечетей переживает настоящий бум. Только в Косово за последние 10 лет было построено 240 мечетей, в основном на деньги Саудовской Аравии. Помимо исламских проповедников активно работают с молодежью исламские НПО и СМИ. Распространение радикального ислама и создание вооруженных ячеек сопротивления облегчается либо поддержкой идеи «Балканского халифата» политической верхушкой ряда стран (Боснии и Герцеговины, Косово), либо ее слабостью и инфантильностью (Сербия, Македония, Черногория, Греция).

Главные акторы сценария: исламистские террористические ячейки, способные вести партизанскую войну по примеру действий ИГ; поддерживающие проект, политически и финансово, арабские монархии, и международные террористические организации; субнациональные военные группы (варлордистские (warlord) образования), выступающие против усиления центральной власти; ЧВК. Все акторы могут рассчитывать на политическую, финансовую и военную поддержку США, стран НАТО и арабских монархий.

Такая политика имеет устойчивую тенденцию, была не раз доказана и апробирована: Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия. Процессы исламизации и радикализации населения региона серьезны и уже необратимы. Поэтому в зависимости от глобальных сценариев может меняться лишь форма. Содержание будет оставаться неизменным.

В плавающих и постоянно расширяющихся границах проживания исповедующего ислам населения региона, включая Албанию, Грецию, Болгарию, Боснию и Герцеговину (БиГ), Македонию, Сербию, а также Косово и Черногорию, формируется радикальная исламская полития — «Балканский халифат» (БХ). Предпосылки данного сценария были заложены в 1990-х гг., когда для участия в боснийской войне прибыли первые моджахеде. Многие из них осели на территории БиГ, имеют гражданство, многодетные семьи и устойчивые связи с

террористическими организациями в Афганистане, Египте, Йемене, Ираке, Сирии, Саудовской Аравии, Турции.

Это зерно упало на благодатную почву. Дело в том, что еще в политической рамке Османской Турции началось формирование особой религиозно-социальной группы — боснийских мусульман, которые по национальной принадлежности были сербами, принявшими ислам. Впервые термин «мусульманин» как определение не религиозной, а этнической принадлежности появляется в СФРЮ. Так, в анкетах жители БиГ писали: «вероисповедание — атеист, национальность — мусульманин». По переписи 1971 г. мусульмане получили статус народности, а по конституции 1974 г. — нации.

Но важно не столько конструирование нации мусульман, сколько ее особая религиозная ориентация, поощряемая политическим руководством Югославии. Благодаря специфической структуре федеральной власти (децентрализации), в которой многие принципиальные вопросы были отданы в распоряжение республиканских структур, ислам, начиная с 1970-х гг., пережил в СФРЮ невиданное возрождение. Развивающиеся в рамках Движения неприсоединения и в поиске так называемого «третьего пути», отношения Белграда с арабским миром, включенность в радикальные исламские структуры отразилось, прежде всего, на мусульманах Боснии и Косово.

В течение 1980-х гг. отмечался настоящий строительный бум мечетей на территории всей БиГ. Ежегодно высшее исламское образование на Ближнем Востоке получали 250 молодых боснийцев, которые возвращались на родину зачастую с радикальными и фундаменталистскими взглядами. Активную политику в этом регионе проводили Иран и Саудовская Аравия (СА). В настоящее время ощутимо влияние СА и Турции. Аналогичные процессы исламизации проходили в зонах проживания албанцев, преимущественно в сербском автономном крае Косово и Метохия, который после провозглашения независимости при самой активной поддержке США и ЕС стал еще одним центром радикального исламизма.

Таким образом, в регионе на территориях проживания исповедующих ислам народов глубоко удобренная историческая почва является идеальным местом дислокации и расширения радикальных исламистских структур, формирующих совершенно новый геополитический контур.

5.1.1. Обоснование вероятностей реализации сценария

В настоящее время с согласия властей БиГ и частично признанного образования «Республики Косово» (РК) создана и успешно действует, расширяя ареал своего присутствия, сеть военных лагерей — параджматов (деревень) по подготовке боевиков и террористических групп. По данным сербского МВД, исламистские организации «Ваххабия» и «Красная роза» уже действуют не только в БиГ, но и на юге Сербии и в Черногории, «Тарикат» — в Македонии, Косово и на севере Албании. Главной целью своей деятельности подобные организации провозглашают образование «Зелёной трансверзалы», то есть, сплошного пояса мусульманских протогосударств в подбрюшье Европы. Центрами легальной дислокации радикальных и экстремистских структур является БиГ и РК.

В настоящее время обученные боевики едут в горячие точки за пределы региона — в Афганистан, Ирак, Сирию. Доказаны устойчивые связи балканских групп с террористическим новообразованием «Исламское государство» (ИГ). В изменившихся условиях при постановке новых задач все эти группы будут использованы внутри балканских стран. Кроме того, возвращающиеся из горячих точек «воины Аллаха» (а это от 15 до 40% уехавших воевать только на стороне ИГ) занимаются активной вербовкой новых «солдат удачи».

Вероятность реализации сценария БХ находится в прямой зависимости не столько от внутренних факторов (социально-экономическое, политическое, демографическое положение) развития региона (бедность здесь исторична и привычна, поэтому сама

по себе триггером конфликта не является), сколько от общемировой конъюнктуры. Дестабилизация больших пространств на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которая происходит при активной поддержке США и стран НАТО, а также рост населения (только в Африке, по данным демографов, к середине века население увеличится вдвое: с 1,2 млрд. человек до 2,4 миллиарда, а к 2050 г. половина населения Земли в возрасте до 25 лет будет состоять из африканцев) ведет к миграционному давлению на Балканы. Именно по «балканскому маршруту» в Европу следует значительная часть беженцев.

По данным агентства ЕС Frontex, за 2015 год в Евросоюз прибыли 1,8 млн. мигрантов. И это лишь первая волна миграционного цунами, способного поглотить всю Европу. Немецкий социолог, экономист и демограф, профессор Университета Бремена Г.Хайнзон уверен, что в Евросоюз в ближайшие 35 лет теоретически может перебраться 250 млн. мигрантов. Выкладки Института Гэллага рисуют вообще апокалиптическую картину — к 2050 г. из африканских и ближневосточных стран захотят обосноваться в Европе 950 млн. человек. Такая миграция не может быть вызвана только конфликтами, но «демографическим сбоем». Он наступает, когда на каждых 100 мужчин в возрасте 40-44 лет в стране приходится меньше 80 мальчиков в возрасте до 4 лет. В Германии это соотношение равно 100/50 (в подавляющем большинстве христианских стран Европы цифры аналогичны), а в секторе Газы, населенном палестинцами (арабами) — 100/464. В Афганистане на 100 мужчин приходится 403 мальчика, в Ираке — 351, в Сомали — 364.

Скорость и форма реализации, а также степень вероятности сценария БХ зависит от вариантов глобального развития. В условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства» региональный сценарий БХ может быть использован в интересах Запада. Радикальных исламистов и боевиков «гегемон» может использовать против союзников России в регионе, включая прямые военные акции. Главным направлением удара, очевидно, будут православные славяне, прежде всего, сербы. Однако, в условиях нарастания многополярности возможно установление

четких границ БХ с сохранением неприкосновенности территорий проживания христианских народов.

Максимально быстро и институционально оформлено БХ реализуется в условиях распада мира на региональные зоны. Дробление и дезинтеграция Европы и мировой политической карты в целом сформирует благоприятные условия к завершению передела на Балканах. В условиях регионализации границы балканских государств будут в значительной степени переформатированы. С большой долей вероятности можно говорить о разделе территории БиГ (по линии соприкосновения сербов, хорватов и боснийский мусульман — Республика Сербская и Федерация БиГ) и Македонии (по линии соприкосновения албанцев и македонцев. Процесс реализации т.н. Албанской платформы, принятой 7 января 2017 г. в Тиране и предполагающей придание албанцам в странах их проживания статуса государствообразующей нации, уже запущен и вызвал тяжелый правительственный кризис).

5.1.2. Состояние ключевых параметров сценария на 2025 г.

Начавшееся переформатирование Европейского союза после выхода из него Великобритании — важный фактор активизации сценария БХ. Меняются не только институты и процедуры, утрачивается, растаивает мифология ЕС как «земли обетованной». В современных условиях вступление в ЕС (которое вряд когда-нибудь состоится для таких стран как БиГ, Македония, Сербия, Черногория) не дает материального благополучия, и даже наоборот ведет к обнищанию (примеры Болгарии, Румынии, Хорватии) уже не рассматривается исламизированной молодежью как конечная цель. Они хотят строить полностью свой мир. И готовы бороться за него любыми (силовыми, террористическими, демографическими) способами.

Наибольшее влияние на развитие политической обстановки в регионе способна оказать НАТО, членами которой являются к

настоящему моменту семь балканских стран — Албания, Болгария, Венгрия, Греция, Румыния, Словения, Хорватия и Черногория (с июня 2017 г.) и ОДКБ — в случае, если хотя бы одна из региональных стран (этими странами могут быть только Сербия, которая сейчас является наблюдателем, и Республика Сербская, в случае ее выхода из БиГ) вступит в организацию. Не менее, а возможно и более значимым фактором сдерживания (или активизации, что совершенно не исключено) развития сценария БХ могут стать американские вооруженные силы, центрами размещения которых являются Болгария (Авиабазы Безмер и Граф-Игнатьево, полигон Ново-Село), Косово (Кэмп Бондстил и Филм-сити), Греция (бухта Суда).

Влияние в регионе таких организаций, как ШОС и БРИКС стремится к нулю. В то же время ЕАЭС имеет довольно большой потенциал, прежде всего за счет возможностей расширения экономического сотрудничества. Однако у этого объединения нет стратегии проникновения на Балканы. Прогнозы по вступлению в НАТО Сербии более адекватны (такой вариант будет самым страшным поражением России в регионе после 1999 г.), чем прогнозы относительно БиГ или Македонии, где уже есть американские военные базы. Этого вполне достаточно для решения боевых задач в странах, которые являются наиболее неустойчивыми и границы которых будут пересматриваться.

С большой долей вероятности к 2025 г. начнутся серьезные внутривнутриполитические трансформации в БиГ (ускоренная автономизация). Македония в нынешних границах может фактически прекратить свое существование, хотя формально она может какое-то время оставаться членом ООН. В случае с Македонией на этом этапе может быть реализован т.н. «афганский казус»: власть децентрализована и сконцентрирована в столице, периферия контролируется местными этническими группами и варлордами.

Очевидно усиление группировок НАТО в Хорватии и Румынии, а также создание морской базы в портах Черногории. В настоящее время идет активная модернизация хорватской армии. Такие действия следует рассматривать как стремление, во-первых,

---

выстроить заградительный кордон (построить «стену» а-ля «Игры престолов») от проникновения «иных» — чужеродных элементов в центральную Европу. Во-вторых, как фактор сдерживания Сербии и РС — потенциальных военных союзников России. В-третьих, окончательно решить вопрос о Западных Балканах как о зоне влияния интегрального Запада.

К 2025 г. основные направления внешней политики региональных субъектов игроков (если под ними понимать существующие в настоящий момент государства) не претерпят существенных изменений. Несмотря на нарастание кризисных явлений в ЕС, балканские политические круги официально будут придерживаться евроатлантической риторики. При этом наиболее сильные страны-члены ЕС (Венгрия, Румыния, Словения, Хорватия) будут критиковать политику евробюрократии и выторговывать для себя особые преференции. В то время как «геополитическая щебенка» в лице БиГ, Македонии, Сербии, Черногории будет вести политику в русле евроатлантической интеграции.

При этом возможно апробирование новых внешнеполитических блоков. Наиболее перспективным можем быть проект Междуморья (Интермариума), разрабатываемый Польшей. Эта давняя польская идея конфедеративного государства (идеолог — Ю. Пилсудский), простирающегося от Черного и Адриатического морей до Балтийского и являющегося буферной, разделительной линией между Германией и Россией, включает в общую военно-политическую рамку Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, Беларусь, Украину, Молдавию, Венгрию, Румынию, Чехию, Словакию и, возможно, Финляндию. В настоящее время действует Межпарламентская ассамблея Польши, Украины и Литвы, которая в марте 2017 г. провела свое восьмое заседание в Варшаве. С 2016 г. функционирует литовско-польско-украинская бригада (4500 солдат и офицеров) со штабом в г. Люблин.

Главная характеристика внешней политики балканских стран: чем слабее экономически страна, тем более зависимой является политика ее руководства. На данный момент это зависимость от западных корпораций и интеграционных структур. В то же время

экономическая, социальная и политическая слабость власти определяет отсутствие национального консенсуса по ключевым вопросам развития стран, который усугубляется национальным и религиозным расколом. Усиливающийся социально-экономический кризис и рост исламского фактора заставляет наиболее гибкие элитные группы (Венгрия, Греция, Македония, Республика Сербская, Сербия) придерживаться политики «двух стульев»: стараться выполнять требования ЕС и заигрывать с Россией, выторговывая — в том и другом случаях — кредиты. Разница лишь в том, что ЕС дает деньги под конкретные программы и требует их выполнения, а Россия — под заверения в дружбе.

Экономическая составляющая сценария будет находиться под сильным влиянием процессов трансформации Евросоюза. Любые серьезные изменения в функционировании этого крупнейшего регионального интеграционного объединения естественным образом отразится на экономическом благополучии не только его ядра, но и периферии. В первую очередь сокращение дотаций, кредитов, программ затронет Грецию как наиболее слабое звено и т.н. младоевропейцев — Болгарию, Румынию, Словению и Хорватию. Новых членов в организацию принимать не будут, но риторика евроинтеграции — это будет последнее от чего откажутся политики. Скорее всего, будет продолжена практика ассоциированного членства, когда страна, стремящаяся в ЕС, будет вынуждена выполнять все новые и новые требования, не получая взамен ничего, кроме новых долгов.

В условиях деградации ЕС балканские страны не в состоянии выжить самостоятельно, они будут искать новых союзов. На каком-то этапе могут быть сформированы новые региональные блоки-миньоны. Их центрами могут быть Германия (к ней тяготеют Болгария, Словения и Хорватия, возможно мусульманская часть БиГ); Сербия (плюс Республика Сербская и часть Македонии); Турция как «неоосманская империя» — для Албании и Косово, южных частей Сербии, части Македонии и северо-восточный районов Греции. Последний вариант следует рассматривать как промежуточный этап сценария БХ.

Для России процесс экономического и политического разложения ЕС формирует возможности усиления экономической интеграции с сербскими землями, а также с Грецией. Все это будет происходить на фоне дальнейшего обнищания населения, усиления социального расслоения, роста напряженности. Данные процессы можно охарактеризовать как архаизацию больших пространств и масс населения.

Трансформация глобальных и региональных финансовых институтов неизбежна. К настоящему моменту фактически не существует суверенных национальных банковских систем. Поэтому кризис евро-долларовой парадигмы может создать условия для воссоздания национальных банков и/или усиления российских и китайских финансовых институтов. Отказ от евро в ряде стран (на Балканах — это Греция) к 2025 году маловероятен, но к 2050 — очевиден.

Экономика стран региона — импортозависимая. Главным экспортером останется ЕС. Российский рынок является для большинства балканских стран недоступным — не столько в силу санкционной политики ЕС, сколько из-за коррупционной емкости и бюрократизированности процедур российской экономики. Отечественное присутствие в экономике стран региона наиболее ощутимо в сфере энергетики. Строительство «Турецкого потока», противодействие которому будет не меньше, чем «Южному», способно закрепить существующее влияние РФ в регионе. Однако жесткая конкуренция на мировом энергетическом рынке может привести к реанимации сценария «арабской весны». «Балканская весна» будет направлена на дестабилизацию тех стран, которые будут поддерживать «Турецкий поток». Сирийский «гамбит» вполне применим к Балканам и будет связан с энергетическими транзитными коридорами, что в конечном итоге лишь ускорит создание БХ. Успех сценария БХ в значительной степени зависит от исхода столкновения в Сирии. Если сирийская армия при поддержке российских ВКС победит, то за возвращение России на Балканы можно будет еще побороться, а значит есть шанс купить сценарий БХ. Если сирийская операция затянется либо

режим Б. Асада падет, то процесс создания Балканского халифата получит значительное ускорение.

В Албании, БиГ, Болгарии, Греции, Македонии и Сербии будет усиливаться турецкое и китайское экономическое присутствие. Причем речь идет не только о прямых инвестициях в экономику. Китай и Турция все активнее представлены в гуманитарном пространстве: открываются культурные и образовательные центры, формируются информационно-коммуникативные сети (СМИ, НКО и др.).

В военной сфере изменение регионального баланса сил к 2025 г. будет незначительным. Реальной военной силой в регионе, обладающей современным вооружением, системой военных баз, отработанной логистикой, а также имеющей политическую поддержку политического руководства балканских стран будет оставаться НАТО. При этом в регионе будут нарастать процессы по созданию новых военных и военизированных структур национальной дислокации.

На политических площадках ЕС активно обсуждается возможность создания собственной армии. Однако даже если это произойдет (в настоящее время остро стоит вопрос сохранения самого ЕС), она будет не в состоянии самостоятельно справиться с расширением фактических и ментальных границ БХ. Роль миротворческих сил ООН также не видится значительной, поскольку они могут быть размещены в случае открытого конфликта между местным (христианским) населением и представителями радикального ислама. Эти границы с большой долей вероятности будут проходить в местах соприкосновения сербов и боснийских мусульман, сербов и албанцев, македонцев и албанцев, болгар и албанцев, греков и албанцев. В случае участия в конфликте сербов, хорваты, несмотря на религиозную принадлежность (католики), выступят на стороне радикальных исламистов.

Балканы остаются наиболее проблемной и уязвимой зоной европейского ТВД, ключевым элементом евразийской безопасности. Рост внутренних проблем накладывается на процессы расширения НАТО и роста бюджета альянса и самого крупного военного

института — Пентагона. Учитывая, что доля США в бюджете НАТО составляет 45,6%, то очевидно, что именно от американской позиции будет зависеть стратегия действий этой структуры. В то же время именно фактор стоимости вооружений и войны в целом будет играть важную роль в выборе способов трансформации альянса и ведения военных действий.

Серьезный вооруженный конфликт на Балканах, затрагивающий интересы ведущих игроков мировой политики, будет иметь гибридный характер. С большой долей вероятности очевидно воспроизведение в условиях конфликта апробированной схемы: введение бесполетной зоны дополняется блокадой в сочетании с совместными действиями ЧВК из государств-членов НАТО и вооруженных формирований «оппозиции». На следующем этапе конфликта в действие вступают террористические группировки. ТВД не будет иметь четких границ. Они будут плавающими и непредсказуемыми, что характерно для партизанского движения. При этом завоевание информационного превосходства является непременным условием боевых действий. Главная роль в решении данной задачи отводится мировым и региональным СМИ и социальным сетям. Одновременно задействуются силы и средства информационно-психологического и информационно-технического воздействия.

При усиливающемся давлении и агрессивной риторике по отношению к Сербии и Республике Сербской очевидным вариантом выживания видится создание современных мобильных военных структур, что невозможно, учитывая экономическую слабость этих стран, без прямого участия России. Только при серьезных финансовых, технологических и организационных вливаниях с нашей стороны можно реанимировать практически уничтоженную сербскую армию. Важно отметить, что по психологическому духу и способности принимать верные решения в экстремальных ситуациях сербские военные занимают самые высокие позиции. Традиция юнакства (от серб. «юнак» — герой) — военного героизма, формировавшаяся на протяжении столетий борьбы с турецким владычеством, немецкой оккупацией, внутрибалканскими

врагами периода Второй мировой войны (усташи — хорватские националисты; баллисты — албанские отряды на службе СС) и в условиях современных балканских войн (по сути, сербы выиграли боснийскую войну и уничтожили сопротивление Армии освобождения Косово; только вмешательство США и НАТО изменили расклад сил в регионе) продолжает воспитываться и жить в молодых сербах, готовых к открытому противостоянию с врагами.

К 2025 г. распад военно-политической системы НАТО не прогнозируется. В настоящее время намечается тренд ее трансформации, прежде всего в финансовом и организационном смыслах. В первом случае, речь идет о переходе к финансированию размещенных на территории конкретной страны военных объектов НАТО из бюджета этого государства. Во-вторых — о создании мобильных военных групп (своего рода «летучих голландцев»), способных предотвращать террористические атаки по инфраструктурным и военным объектам. В-третьих, все большую роль будут играть частные военные компании, главной задачей которых будет опять же защита военных и инфраструктурных объектов.

Параллельно с трендом трансформации НАТО будут усиливаться процессы по созданию пока еще аморфных, но в будущем вполне эффективных в региональных рамках военных союзов исламских государств. По имеющимся источникам, Саудовская Аравия и ряд других мусульманских стран работают над созданием исламистской армии в Европе, которая должна насчитывать около 750 тыс. солдат. Центры по рекрутированию расположены в мечетях по всей территории Косово, Сербии, Македонии, БиГ и Албании и построенные за счет арабских стран.

Все эти существующие и возможные военные союзы агрессивны по отношению к РФ. Единственной точкой опоры России в регионе могут быть территории проживания сербов. В условиях складывающейся конъюнктуры необходимо приложить все усилия для создания действенного военного союза с Сербией и Республикой Сербской (РС), начиная от тотального перевооружения армий по российским стандартам и заканчивая соглашениями о помощи в случае агрессии против одного из участников союза.

Причем союз должен быть не двойственный, а тройственный: РФ-Сербия-РС. Тем более, что значительный путь в этом направлении пройден, есть нормативная база, которую нужно лишь расширить и заставить работать.

В ряду основных направлениях политики региональных субъектов ВПО в военной сфере можно выделить два:

- 1) ориентация на НАТО как гаранта безопасности и;
- 2) воссоздание и модернизация национальных мобильных сил.

Возможные изменения направленности оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск региональных игроков будет касаться, во-первых, противодействия террористической угрозе. Во-вторых, недопущения усиления военной мощи Сербии. Начатая модернизация хорватской и боснийской армий, а также формирование армии в РК направлены в значительной степени на сдерживание сербов.

Ситуация в информационном пространстве на региональном уровне все более приобретает антироссийскую окраску. Информационная политика в регионе выстраивается согласно Стратегии национальной безопасности США, формирующей уровень угроз: на первом месте Россия, на втором ИГИЛ и международный терроризм. Доминирующими в региональном медиапространстве являются западные или западно-ориентированные СМИ. Плюрализм в ведущих государственных СМИ практически отсутствует. Имеющиеся пророссийские медиа занимают маргинальную нишу. Этот крен очевиден даже в самой пророссийски настроенной Сербии. Причем многие антироссийские СМИ финансируются отечественными корпорациями. Например, Газпром финансово поддерживает популярное радио Б-92, по риторике сравнимое с «Эхо Москвы». К этому следует добавить, что транслирующийся на регион отечественный контент (например, РТР-Планета), мягко говоря, не пропагандирует позитивные чувства к России.

Молодежь в подавляющем своем большинстве черпает информацию из интернета, где опять же доминирует западная

и исламистская точки зрения. Мы не работаем даже с сербской аудиторией, не говоря уже про болгарскую, греческую и, тем более, албанскую. В результате уже сейчас сформировалась четкая фрагментация по социально-возрастным и культурно-религиозным признакам. Так, бедные молодые и взрослые христиане все больше разочаровываются в ЕС и все более склоняются к националистической риторике, что выражается в стремлении к обретению национального суверенитета. Обеспеченные слои населения видят свое будущее в общей Европе. Бедные молодые и частично взрослые мусульмане — человеческий материал для БХ.

Радикальные исламистские взгляды охватывают все большую аудиторию. Так, пропаганда радикального ислама в БиГ ведется, в первую очередь, посредством исламского журнала «Саф», которым руководят офицеры из отряда «Эль-Муджахеддин». Аналогичные издания есть в РК и зонах проживания албанцев. Агитаторов-ваххабитов можно встретить на центральных улицах боснийских городов, причем вербовка проходит совершенно открыто. К этому следует добавить изоцированные интернет-издания ИГИЛ, которые пользуются все большим вниманием у молодых людей.

Основное направление прозападной информационной политики — оправдание расширения НАТО, объясняющееся в первую очередь «агрессивностью» России и необходимостью защиты «демократических ценностей», а также борьбой с международным терроризмом. Даже в Сербии, подвергшейся прямой агрессии НАТО в 1999 г., в результате пронатовской пропаганды неуклонно растет число тех, кто позитивно оценивает возможность вступления страны в альянс.

С каждым годом набирает силу тренд изменения баланса культурных традиций. Все большие пространства отвоевывает ислам. Одновременно ослабляется традиционная христианская культура. Активно при помощи и под непосредственным присмотром-присутствием езовских эмиссаров ежегодно проводятся гейпарады. Гомосексуальное сообщество балканских стран растет год от года. Если раньше невозможно было представить, чтобы сербская девушка, гречанка или албанка публично позиционировала себя,

как представительницу нетрадиционной ориентации, то сегодня это встречается все чаще. Причем легче и проще воспринимают такую «моду» именно девушки. Помимо этого активизируется политика феминизации и признания однополых браков, хотя пока ни в одной из балканских стран однополые браки и союзы не разрешены и не признаются. Тем не менее, все это вместе меняет социально-психологический климат в регионе.

Господствующие и традиционные религиозные доктрины также переживают серьезную трансформацию. Во-первых, происходит радикализация традиционного ислама, который стал распространяться в период господства Османской империи. Во-вторых, это ослабление иммунитета православной церкви: процессы секуляризации дополняются активным проникновением католичества. В настоящее время подавляющая часть исламизированного населения региона, которое постоянно растет — это славяне (проживающие в Боснии сербы-бошняцы и хорваты, македонцы-торбеши, болгары-помаки) и албанцы, преимущественно проживающие в Косово. Незначительную часть исламизированного населения региона представляют турки (пока, т.к. они активно переселяются в регион) и цыгане (рома). Причем наиболее радикальными в своем отношении к представителям иных религий оказываются именно славяне-мусульмане и албанцы.

Определяющую роль в процессе внедрения идеи борьбы за Халифат в коллективное сознание мусульман мира играет исламистская пропаганда ИГ. Она работает на самых современных медийных платформах фактически в глобальном масштабе и характеризуется большой гибкостью и способностью апеллировать к запросам самых различных групп потенциальных новобранцев. Фундаменталисты предлагают «простые ответы на духовно и жизненно важные вопросы, умело обыгрывают идею принадлежности к группе, обладающей ярко выраженной идентичностью и противопоставляющей себя остальному миру». В результате молодые радикалы обретают в идее джихада «стройную систему ценностей, которую они не смогли найти в своей стране» (*Доклад специальной комиссии французского сената 2016 г.*).

5.1.3. Состояние ключевых параметров сценария на 2050 г.

Начавшая с «Brexit» трансформация ЕС приведет к 2050 г. либо к его «сжатию» (останется первоначальное ядро: Бельгия, Германия, Нидерланды, Франция, Люксембург, возможно Австрия, Дания, Ирландия), либо — в случае прихода в странах правых или левых националистических сил — к окончательному расколу. В обоих случаях за влияние на Балканах будут бороться Великобритания, Германия и Турция. Обязательным и в ряде случаев определяющим дополнением к этим традиционным для балканской политики XIX века игрокам являются США (вместе с ресурсами НАТО) и, возможно, Китай. Вероятность сохранения влияния НАТО (в обновленном виде) в регионе достаточно высока.

Также не исключен выход из альянса при усилении правительств «национального спасения» таких стран, как Венгрия, Греция и даже Хорватия. Усиление присутствия в регионе ОДКБ или создание региональных военных блоков, как и экономических союзов (по типу ЕАЭС) с участием РФ непосредственно зависит от внутривнутриполитической ситуации в России и ее влияния в мире, а также от наличия стратегии балканской политики. Реагируя на происходящее, а не формируя его, применяя лишь тактические шаги невозможно сохранить даже то минимальное влияние, которое сегодня есть у нашей страны.

Вступление Сербии в НАТО (если таковое все-таки состоится) в корне изменит геополитическую и военно-политическую обстановку в регионе и, фактически, будет означать поражение РФ. В то же время даже возможное расширение НАТО за счет наиболее слабых элементов региональной политики не способно сдерживать процессы децентрализации региона, которые будут усиливаться с каждым годом.

К 2050 г. создание БХ может быть расценено балканскими преимущественно христианскими странами, как общая угроза, что может послужить сигналом к поиску временных союзов, типа панбалканских ассамблей. В то же время новые

«союзы защиты» будут дифференцированы по конфессиональному признаку: католики и протестанты (Венгрия, Словения, Хорватия) и православные (Болгария, Греция, Сербия, РС), а также по отношению к региональным и глобальным центрам силы: Германия, США, Россия. Не очевидна привязка Румынии: несмотря на то, что православными себя считают почти 87% населения. В мировых войнах страна выступала на стороне Австро-Венгрии и Германии, т.е. протестантско-католического сегмента мировой политики.

Кроме того, следует помнить, что Россия не рассматривается западными странами и их военными союзами, а значит, и не будет рассматриваться в борьбе с БХ как союзник. Более того, прогнозируется дальнейшая поддержка США и НАТО сценария БХ, который способен — в случае отстраненности России от региональных проблем («синдром Первой мировой»: зачем нам лезть на Балканы — один раз уже заступились за сербов и потеряли империю) — не только нейтрализовать российское влияние в регионе, но окончательно решить «сербский вопрос».

Если же Россия попытается сохранить свое присутствие не только из-за чувства солидарности с православными сербами, но и из-за прагматических соображений — защита и расширение энергетических коридоров, то может оформиться военно-политический союз РФ-Сербия-Республика Сербская с последующим присоединением Греции. В случае распада Македонии христианская часть республики может также попросить ассоциированное членство в союзе во главе с Россией.

В свою очередь Турция может попытаться оседлать сценарий БХ в его наиболее «светской» форме. Неоосманизм или «стратегическая глубина» (А. Давутоглу) уже сейчас является одной из наиболее обсуждаемых тем общественного и политического дискурса балканских стран. В настоящее время на политическом уровне в Болгарии, Албании, РК существует активная поддержка этих идей. Таким образом, к 2050 г. могут возникнуть несколько региональных блоков, центрами притяжения которых в зависимости от ситуации могут быть Германия, США, Россия, Турция.

В экономической сфере «сжатие» или раскол ЕС приведет к экономической архаизации региона. Природно-климатические условия позволят выживать населению в сельской местности (период санкция против Югославии это хорошо продемонстрировал). Однако последствия деиндустриализации при отсутствии минимальной поддержки со стороны ЕС приведут к коллапсу городского хозяйства. Уже сегодня ремонт и содержание городской инфраструктуры не по силам всем балканским странам за исключением (и то относительным) Венгрии и Словении. Единственным спасением может стать обслуживание транспортных, прежде всего, энергетических коридоров. В этом случае наиболее выгодные условия предлагают российские компании, но они находятся, и будут находиться в условиях жесткой конкуренции с транснациональными гигантами. Так, «стирание» с политической карты Македонии, которое началось уже сейчас (правительственный кризис 2017 г.), имеет главную причину — это поддержка правящей партией ВМРО-ДПМНЕ и президентом Г. Ивановым проекта «Турецкий поток».

Формирование новых региональных интеграционных объединений будет носить временный характер, и преследовать тактические цели. Помимо указанных в сценарии на 2025 г. региональных блоков-миньонов возможно возникновение профильных объединений по образцу Европейского объединения угля и стали. Например, Балканский энергетический союз как осколок Европейской энергетической хартии. В создании такого союза Россия может сыграть важную и даже определяющую роль. Но действовать нужно уже сейчас.

Кризис евро-долларовой системы приведет к реанимации национальных валют и поиску новых денежных эквивалентов. Не исключено возрождение на больших пространствах бартерных сделок и хождение в качестве платежных средств, драгметаллов.

Зависимость стран региона от энергоносителей и изделий промышленного производства при общей долговой нагрузке и кризисе мировой экономики приведет к возрождению кустарных практик. Уже сейчас в сельской местности в БиГ, Болгарии, Албании,

---

Македонии и даже Греции население экономически автономизируется, а техника все чаще заменяется ручным трудом и примитивными приспособлениями кустарного производства. Процесс арханизации будет захватывать все большие пространства. Население будет концентрироваться в экономических анклавах, расположенных вдоль транспортных коридоров и мест разработки природных ресурсов. В условиях элементарного выживания, вряд ли, можно говорить об экономической политике субъектов ВПО региона.

В военной сфере контроль региональных пространств формально останется за НАТО, даже если она переживет реорганизацию. Но фактически, на местах «править балл» будут новые военные и военизированные структуры как национальной юрисдикции (например, ЧВК), так и не подпадающие под международное право бандформирования, террористические группы, партизанские отряды.

Деятельность сетевых террористических ячеек, именуемых себя «армиями освобождения» (Боснии, Греции... далее по списку), будет опираться на финансовую и политическую поддержку внешних заинтересованных. Реакцией на неспособность правительств и миротворческих сил ООН защитить местное население от радикальных исламистов будет создание национальных (партизанских) отрядов самообороны. Это противостояние приведет к возникновению преимущественно христианских (болгарских, греческих, сербских) анклавов внутри территорий, контролируемых БХ. Географически осуществить эту схему на Балканах не трудно: Ужицкую республику (Западная Сербия) времен Второй мировой войны и десятки других аналогичных зон знают и помнят.

Превращение Сербии в серьезного военного игрока, способного оказать сопротивление, как исламистам, так и западному блоку, возможно исключительно в тесном единстве с Республикой Сербской и Россией. Такое развитие событий прогнозируемо лишь в случае создания к 2025 г. в Сербии и РС современных высоко мобильных военных структур. Иными словами, то, что будет сделано к 2025 г. определит с большой долей вероятности события 2050 года.

Достаточно велика вероятность трансформации военно-политической системы НАТО, как в целом, так и в регионе. Будут развернуты и продолжены изменения финансовой и организационной сфер, о которых писалось в сценарии на 2025 год. Результатом финансового обременения правительств стран, которые еще будут способны платить за содержание военных баз, а также создания мобильных военных групп и расширение зон ответственности ЧВК к 2050 г. будет формирование анклавов относительной безопасности исключительно вокруг военных баз США и НАТО. Одновременно будет продолжен тренд на создание регионального военного союза при поддержке исламских стран/кланов.

В ряду основных направлений политики региональных игроков в военной сфере можно выделить:

- 1) ориентация на базы НАТО, как способных обеспечить зональную безопасность;
- 2) усиление роли национальных мобильных военных сил;
- 3) поиск новых союзников для противодействия исламистской и террористической угрозе;
- 4) при ослаблении роли НАТО исламистский сегмент (БиГ, Албания) в регионе будет ориентироваться на мусульманские страны, в том числе с целью создания новых вооруженных сил.

Изменения направленности оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск (сил) региональных государств будут зависеть от выбранного каждым из них вектора развития. Либо это противодействие террористической угрозе, либо обучение террористической деятельности.

Ситуация в информационном пространстве на региональном уровне будет развиваться в двух трендах:

Запад и агенты БХ будут продолжать антироссийскую риторику при одновременном усилении происламской пропаганды.

Для заинтересованных в сохранении национальной идентичности стран главным противником будут радикальный ислам.

Доминирующими в региональном медиа-пространстве останутся по всей видимости западные или западно-ориентированные СМИ. Главным их конкурентом станут исламистские медиа. В то же время на фоне общей исламизации и социально-экономического кризиса будет происходить усиление роли националистических изданий, которые могут выйти из маргинальной ниши на общенациональный уровень. Приход к власти этих сил определит националистическую риторику государственных СМИ.

В зонах сосредоточения исламизированной молодежи роль медиа будет дополняться, а возможно и заменяться исламскими проповедниками. Мечеть и община станет главным информационным и организационным центром. Основные тенденции информационной обработки молодежи, отмеченные в сценарии 2025 г. будут сохранены и усилены. Радикальные исламистские взгляды продолжат свое распространение, как в территориальном, так и в численном измерении — рост исламизированного населения продолжится.

Основное направление информационной политики прозападных СМИ будет заключаться в поддержке деятельности НАТО, особенно если организация закрепит в медиа-пространстве и общественном сознании за собой роль единственного борца с террористической угрозой.

Затвердится тренд изменения баланса культурных традиций. Ислам будет играть все большую роль в культурной и политической жизни, определять социальную стратификацию и политическую мобильность (повторение процессов отуречивания, когда экономическое благосостояние и карьера зависели от принятия ислама). Мутация/разложение традиционной христианской культуры также продолжится. При этом возможно возникновение фундаменталистских христианских церквей, которые будут объединять наиболее радикальные национальные элементы. Также продолжится трансформация традиционных религиозных доктрин в сторону их радикализации.

5.2. Сценарий «Албанизация»

Вокруг ядра албанского сегмента — границы современной Албании и Косово — происходит постепенное расширение зоны его влияния и контроля. Сценарий «Албанизация» («А») тесно связан со структурами транснациональной организованной преступности и, прежде всего, наркомафии. Учитывая непосредственную поддержку албанского сепаратизма, начиная с Первой мировой войны, ангосаксонским блоком, сценарий будет осуществляться при непосредственной поддержке со стороны США, Великобритании и ряда стран-членов НАТО. Реализация возможна по двум вариантам.

Первый вариант: создание «Великой Албании». Территории, которые предполагается включить в паналбанское федеративное государство: Албания, Косово, Западная Македония (Республика Илирида), Юго-Восточная Черногория (Малесия), Северо-западная Греция (Семерия).

Второй вариант: объединение албанских территорий через ассоциацию исламских областей, которая должна стать мостом между Ближним Востоком, Турцией и Санджаком (юг Сербии). Этот проект фактически является частью более широкой стратегии Аль-Каиды. Также, совпадет с неоосманскими целями современной Турции и частично пересекается со сценарием «Балканский халифат».

Для достижения этой цели были сформированы Армия освобождения Косова (АОК) в 1998 г., Армия освобождения Прешево, Медведжи и Буяновац (АОПМБ) и Армия национального освобождения (АНО) в 1999 году. На данный момент формально распущены, но их ячейки существуют и могут в любой момент активизироваться. Значительная часть бойцов АОК, АОПМБ и АНО перешли на службу в государственные силовые структуры, не отказавшись от ценностных ориентиров. В марте 2014 г. при одобрении США и ЕС принято решение о преобразовании Сил безопасности Косово, созданных по инициативе и при поддержке

стран НАТО, в Вооруженные силы Косова. Все организационные и законодательные процедуры в связи с созданием вооруженных сил завершены в конце 2016 года. Пока новая армия не многочисленная — насчитывает 5000 чел. и 3000 тыс. резервистов. Но это лишь начало.

Идеологическим обоснованием и историческими предпосылками развития сценария «А» является несправедливое, по мнению албанцев, решение Берлинского конгресса 1878 г., в результате которого к Сербии, Черногории и Греции были присоединены «территории, являющиеся этнически албанскими», что является прямой исторической фальсификацией. Ответом на эту «несправедливость» стало создание 10 июня 1878 г. в городе Призрен (Метохия) «Призренской лиги албанцев», главной целью которой стала борьба за объединение всех территорий, населенных албанцами.

Частичная реализация этого проекта состоялась в период Второй мировой войны при непосредственной поддержке стран Оси. В августе 1941 г. в соответствии с королевским декретом, подписанным итальянским регентом в Тиране Ф. Джакомони, албанские территории в итальянской оккупационной зоне в Черногории, Македонии и наибольшей части Космета были переданы оккупированной Албании. В результате была создано формально то, о чем мечтали албанские националисты — Великая Албания (ВА). Однако власть в этом новообразовании не принадлежала албанцам. Как независимое государство Албания перестала существовать 7 апреля 1939 г., когда правительство, созданное в Тиране, предложило корону Албании итальянскому королю Витторио Эммануилу III. Другая часть сербского края Косово и Метохии, включая Митровицу и Подуево, осталась под немецкой оккупацией, в то время как небольшая его часть была отдана Болгарии. После выхода Болгарии из состава гитлеровской коалиции в сентябре 1944 г. границы ВА были расширены до Скопье и оттуда вдоль линии Куманово-Прешево-Буяновац. Именно тогда впервые был официально употреблен термин «Великая Албания».

Во время Второй мировой войны на территории Косова, Метохии и Македонии работала албанская администрация, была возрождена албанская символика, все делопроизводство и обучение велось только на албанском, населению активно раздавались земли, оставленные сербами. Фашистский режим способствовал созданию этнически чистого — албанского — Косова. Албанцы принимали самое активное участие в жестоких акциях физического уничтожения и изгнания сербов из края. В конце 1942 г. была создана националистическая организация «Бали Комбетар» («Народный фронт»), ставившая задачу борьбы за Великую Албанию, объединяющую территории Греции, Македонии, Сербии и Черногории, населенные албанцами. Достичь этого они стремились путем физического уничтожения сербов. Не менее известна своей жестокостью 21 горная дивизия Ваффен СС «Скандербег», сформированная 1 мая 1944 года. Солдаты были преимущественно мусульмане-сунниты. Офицерский корпус — около 500 человек — полностью состоял из немцев.

Когда, 8 сентября 1943 г. было объявлено о капитуляции Италии, «Бали Комбетар» (БК) остался союзником Германии в борьбе против антифашистской коалиции с единственной целью — сохранить Великую Албанию. В конце 1944 — начале 1945 г. БК развернула в Космете широкомасштабную партизанскую войну, которую удалось подавить силами пяти армейских дивизий Народно-освободительной армии Югославии. Центр сопротивления баллистов находился в Дренице. В 1998 г. центром активного сепаратистского движения также стала Дреница, здесь ныне действующим президентом РК Х. Тачи была создана самая мощная мафиозная структура — «Дреницкая группа».

Именно во время и после Второй мировой войны в результате этнических чисток и депортаций сербов, а также разрешенной правительством Тито массовой колонизации переселенцев из Албании закрепился формировавшийся в период османского владычества этнический дисбаланс. По переписи 1948 г. численность албанцев равнялась 498242 или 68,45%, сербов — 171911 или 23,62%, черногорцев — 28050 или 3,85%. К 1990-м годам в Косово

произошла полная албанизация — более 90% населения края составляли албанцы. В настоящее время край является этнически «чистым» — албанцы составляют 93% населения. Однако природа сепаратистских настроений, разделяемых большинством населения края, имела не только этнические, но и религиозные основания — косовские албанцы (в отличие от албанцев, проживающих в то время в Албании) в подавляющем большинстве исповедовали ислам. В то же время без активной (финансовой, политической, военной) поддержки радикальных террористических групп, боровшихся за отделение края от Сербии, со стороны западных стран возникновение Республики Косово и сценарий «А» были бы невозможны.

5.2.1. Обоснование вероятностей реализации сценария

Высокая вероятность реализации данного сценария определена следующими предпосылками:

- особой идеологией, аналога которой нет в мире. «Религия албанцев — это албанизм» — так в своей книге «Правда об Албании и албанцах» (1879) охарактеризовал верования своего народа албанский писатель и идеолог албанского национализма Пашко Васа Шкодрани. Албанцы-католики, албанцы-православные и мусульмане, как и атеисты всегда остаются верными идеям албанизма — объединение всех земель с большинством албанского населения. На эту цель албанцы во всем мире отчисляют определенный процент от любого заработка. Албанизм — это не мечта, это конкретная цель. Именно поэтому албанизм следует понимать не просто как стремление к объединению всех албанонаселенных районов Балкан в одну государственную единицу и придание ей гомогенного характера, но как разрешение ради этого насильственного уничтожения или вытеснение всех неалбанцев;

-
- демографией (рождаемость в албанских семьях в среднем выше в два раза, чем в обществах соседних стран);
  - активной миграцией албанцев в соседние страны, закрытым характером албанской общины — ассимиляция в инокультурные сообщества нулевая;
  - способностью формировать теневые и параллельные государственным структуры, начиная от системы обучения и заканчивая политической сферой (схема была апробирована в Косово и Метохии в 1990-е годы и доказала свою состоятельность);
  - большой патриархальностью, исключительной ролью кровных отношений, устойчивостью и закрытостью албанских семей, ни с чем несравнимым жизненным укладом, очень сложным в изучении и специфическим языком;
  - тяжелым и постоянно ухудшающимся социально-экономическим положением, выход из которого воспроизводит исторический путь албанцев: либо идти в служение к сильному, либо грабить. В современных условиях ареал грабежа и убийств (наркодилеры — серийные убийцы) постоянно расширяется;
  - разветвленной мафиозно-клановой структурой. Согласно «Белой книге» правительства Сербии, в Косово насчитывается 23 влиятельных криминальных клана, среди которых самыми значимыми являются кланы (фисы) Ахимети, Гаши, Геци, Люштаку, Тачи, Халити, Харадиная, Шабани, Яшари. Каждый фис имеет от трехсот до тысячи членов, включая «разоруженных» боевиков, многие из которых служат в Вооруженных силах Косово. В самой Албании насчитывается до 30 фисов. На сегодняшний день в регионе существует два самых сильных клана — это фис Тачи в Косово и фис Бериша (экс-премьер Албании) на севере Албании. Не меньшую опасность представляют семейство Кула, контролирующее наркооборот из Турции, поставки оружия и нелегальных мигрантов; клан Абазы — занимается наркотиками и проституцией в «сотрудничестве» с итальянским криминалом; клан Брокай — его костяк составляют бывшие работники косово-албанских спецслужб и политики; клан Османи, контролирующий «черную

- биржу» — торговля оружием — в Берне и Базеле, и пользующийся финансовой поддержкой самого богатого албанского «бизнесмена» Беджета Исы Пацолли;
- склонностью к особой жестокости ради достижения цели. Не случайно, по жестокости и цинизму косовские боевики превзошли всех торговцев человеческими органами;
  - активной поддержкой сценария внешними игроками, которые рассматривают албанский фактор как эффективный способ сдерживания сербского и российского влияния, а также как элемент стратегии «управляемого хаоса».

Скорость и форма реализации, а также степень вероятности сценария «А» зависит от вариантов глобального развития. В условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства» данный сценарий будет поддержан и активизирован в интересах Запада. Радикальные албанские структуры будут использоваться США и их союзниками против союзников России в регионе, включая прямые военные акции (по аналогии с операцией «Милосердный ангел» 1999 г.). Главный противник в этом случае православные славяне, прежде всего, сербы.

В условиях нарастания многополярности на первом этапе будет создано федеративное государство Македония с приданием проживающим там албанцем статуса государствообразующего народа. На следующем этапе проведение референдума в албанской части и ее отделение. Далее — вступление этой части в (кон)федеративные отношения с Косово и возможно Албанией. В этих глобальных сценариях территориальная целостность сербских земель сохранится.

Максимально быстро и институционально оформлено сценарий «А» реализуется в условиях распада мира на региональные зоны. Дробление и дезинтеграция Европы и мировой политической карты в целом сформирует благоприятные условия для завершения албанизации Балкан. В условиях регионализации границы балканских государств будут в значительной степени переформатированы в направлении возникновения «Великой Албании».

5.2.2. Состояние ключевых параметров сценария на 2025 г.

Важным фактором активизации сценария будет, во-первых, трансформация Европейского союза (описано в сценарии «БХ»); во-вторых, ужесточение политики США в регионе как меры по сдерживанию и оказанию наибольшего ущерба (включая репутационные факторы) России (своего рода реванш за Сирию) и борьбы за транспортные коридоры.

Замораживание процессов евроинтеграции снимает с повестки дня вопросы территориальной целостности и территориальных споров, наличие которых служило одним из препятствий к вступлению в ЕС. Таким образом, для албанцев открывается «коридор возможностей»: отторжение части территорий с подавляющим албанским населением.

Ключевая роль в активизации начального этапа сценария «А» будет принадлежать ЦРУ и Пентагону, которые являются главными военными и разведывательными кураторами албанцев. Прямое военное вмешательство возможно как реакция на заранее подготовленную провокацию. Например, нарушение прав албанцев, желающих провести референдум об отделении от Македонии. Столкновения на улицах переходят в горячую фазу, правительство использует войска, албанцы формируют «правительство национального спасения», диаспора при поддержке ЦРУ создает «общество друзей Македонии» и далее все по хорошо отработанному в Ливии и Сирии сценарию (бесполетная зона, резолюции ООН, превентивные удары).

В то же время для НАТО будет довольно сложно выработать единую позицию по албанскому вопросу. Сценарий поддержат Албания, Словения и Хорватия, с большой долей вероятности позитивно к нему может отнестись Румыния. Скорее всего, не поддержат Болгария, Венгрия, Греция, Черногория. Однако все зависит от степени давления на политические группы и уровень предпочтений, которые они могут получить. Оценки относительно роли ОДКБ, ШОС и БРИКС совпадают с данными в сценарии «БХ».

Перед Сербией будет стоять выбор: либо вступать в НАТО, либо формировать военный союз с Россией. Очевидно, что от албанского фактора НАТО их не защитит, и население это прекрасно понимает. Понимают и политики, но здесь вступает в силу условия политического торга. Официальный Белград ждет, что Россия не только полностью возьмет на себя бремя расходов на защиту Сербии, но и сделает «интересное» предложение политикам.

Основные направления внешней политики региональных субъектов ВПО (если под ними понимать существующие в настоящий момент государства) соответствуют описанному в сценарии «БХ».

Трансформация ЕС, учитывая, что территории проживания албанцев — самые бедные в Европе и существуют в основном за счет еврокредитов, наркотрафика и иных сфер криминальной деятельности, может стать экономическим триггером сценария. Не исключено использование прямых угроз в деле выторговывания у ЕС ассигнований и иных форм содержания. Возможности создания новых экономических союзов описаны в сценарии «БХ».

Трансформация глобальных и региональных финансовых институтов болезненно ударит по еврозоне. В наиболее сложной ситуации окажутся страны добровольно использующие евро — это Косово и Черногория. Основные направления государственной экономической политики стран региона описаны в сценарии «БХ». Но применительно к сценарию «А» важную роль играет криминальная и теневая экономика. Значительные доходы поступают от наркотрафика, за балканский маршрут, которого отвечают албанские фисы.

В рамках балканского маршрута наркотрафика действуют пять основных каналов:

1. Албанский маршрут идет через Албанию, Македонию, Косово и Метохию, Центральную Боснию и далее в Европу. Проходит преимущественно по территориям компактного проживания албанцев.

2. Зеленый («Зетра») — начинается в Турции, проходит через населенную мусульманами Южную Болгарию, захватывает Македонию, использует как перевалочную базу Прешево в Южной Сербии и заканчивается в Боснии. Направление «Зетра» (Турция — Босния), будучи одним из главных направлений криминального транзита, исторически является также магистральным путем проникновения ислама в Европу.
3. Маршрут «Д», или путь через Дубровник. Проходит через пограничный переход «Дебели брег».
4. Маршрут «Р», или путь через Риеку используется только при наличии надежных логистических центров в Хорватии.
5. Северный маршрут обеспечивает поставку наркотиков с территории Балкан через Чехию в Скандинавские страны.

Использование того или иного направления во многом зависит от времени года: зимой некоторые маршруты практически непригодны. Военные действия гибридного характера могут начаться за предел зон контроля и/или за расширение коридоров наркотрафика.

Основные характеристики военной сферы сценария совпадают с теми, что описаны в сценарии «БХ». Изменение регионального баланса сил к 2025 году будет незначительным. Роль миротворческих сил ООН будет эпизодической, если вообще будет. Реальной военной силой в регионе останется НАТО. Реакцией на рост албанского сепаратизма и криминалитета, что будет дополнено миграционной и общетеррористической угрозами, станет создание новых военных и военизированных структур национальной дислокации.

В то же время сами албанцы — особенно проживающие в Косово и Македонии — будут постепенно, но постоянно наращивать военную мощь. В конце 1990-х годов значительный доход от наркотрафика шел на закупку вооружений. Эта схема легко может быть восстановлена в новых исторических условиях. Учитывая высокий уровень безработицы, нищету и отсутствие каких-либо перспектив, молодежь имеет два пути — в армию или в мафию. Причем мафиозные структуры в Косово, имеющие свои боевые

отряды, легко переплетаются с официально военными структурами, взаимно дополняя и поддерживая друг друга. Многие албанцы готовы служить и служат в ЧВК.

Общая характеристика информационной сферы реализации сценария также совпадает с изложенным применительно к «БХ». Антироссийская окраска информационной деятельности в зонах проживания албанцев дополняется антисербской риторикой. Даже на футбольных матчах албанская молодежь скандирует: «срба на вербу» (аналогия очевидна — «москаляку на гиялку»).

В Албании и Косово государственные СМИ, все образовательные структуры открыто пропагандируют идеи «Великой Алании», поддерживают все начинания США и расширение НАТО. В ареале проживания албанцев нет пророссийских и даже относительно нейтральных медиа. Значительную роль в медиaproстранстве играют исламистские издания.

Молодежь в подавляющем своем большинстве подвержена жесткой националистической риторике, что выражается в готовности умирать за «Великую Албанию». Радикальные исламистские взгляды охватывают все большую аудиторию, формируя симбиоз албанизма и исламизма. Довольно активно ведут себя среди албанского населения агитаторы ИГИЛ.

Роль и значение ислама усиливается с каждым годом. В Албании, которая в социалистический период считалась самой атеистичной страной Балкан, 57% населения исповедует ислам. Причем очевиден тренд его радикализации.

5.2.3. Состояние ключевых параметров сценария на 2050 г.

Как и в сценарии «БХ» к 2050 году в регионе будут конкурировать Великобритания, Германия, Турция и Россия. Обязательным и в ряде случаев определяющим дополнением к этим традиционным для балканской политики XIX века игрокам являются США (вместе с ресурсами НАТО) и Китай. Причем Турция, Германия и

США будут «играть» как на поле «БХ», так и на площадке «албанизации». Формирующееся паналбанское государство, вряд ли, будет классическим политическим образованием, а скорее будет напоминать Курдистан с его ответвлениями в Ираке, Иране, Сирии и Турции.

Вероятность сохранения влияния НАТО в регионе достаточно высока. Усиление присутствия в регионе ОДКБ или создание региональных военных блоков, как и экономических союзов (по типу ЕАЭС) с участием РФ непосредственно зависит от внутривнутриполитической ситуации в России и ее влияния в мире, от наличия стратегии балканской политики, а также от позиции, которую в сценарии «А» займут сербы.

Вступление Сербии в НАТО (если таковое все-таки состоится) в корне изменит геополитическую и военно-политическую обстановку в регионе и, фактически, будет означать поражение РФ. В то же время даже возможное расширение НАТО за счет наиболее слабых элементов региональной политики не способно сдерживать процессы децентрализации региона, которые будут усиливаться с каждым годом.

К 2050 г. реализация сценария «А» может стать общей угрозой для сербского этноса, включая проживающих в Македонии и Черногории, а также греков и части болгар. Осознание опасности для выживания может привести к формированию военного объединения, аналогичного Балканскому союзу в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории периода Первой Балканской войны 1912-1913 гг. Другие балканские страны — Венгрия, Словения, Румыния и Хорватия — вряд ли отреагируют на албанскую угрозу.

Учитывая, что США и ряд стран-членов НАТО (прежде всего Албания и Турция) будут поддерживать албанцев, единственной мировой силой, способной купировать продвижение албанцев на сербские, греческие и болгарские территории может быть Россия. Речь в этом случае идет не только о военной, но о технической, информационной и политической поддержке Балканского союза, если таковой возникнет.

Поддержка такого Балканского союза поможет России не только поднять свой авторитет, но защитить и расширить свое экономическое присутствие в регионе, прежде всего в энергетической сфере. Альтернативой Балканскому союзу может быть только военно-политический союз РФ-Сербия-РС с возможным присоединением Греции (если она выйдет из НАТО). В случае распада Македонии, христианская часть республики может также попросить ассоциированное членство в союзе во главе с Россией. Таким образом, к 2050 г. могут возникнуть новые региональные блоки с участием России или при ее поддержке.

Намеченные в описании сценария «А» экономические тенденции будут продолжены. Отличительная особенность сценария «А» — это стремительное обнищание и варваризация основной массы албанского населения, что будет формировать условия для ее успешного рекрутирования в качестве «пушечного мяса» в радикальные военизированные и криминальные организации. Формирование новых региональных интеграционных объединений будет носить временный характер и преследовать тактические цели.

Кризис евро-долларовой системы приведет к реанимации национальных валют и поиску новых денежных эквивалентов. Не исключено возрождение на больших пространствах бартерных сделок и хождение в качестве платежных средств, драгметаллов. Не исключено, что на территориях проживания албанцев наркотики станут новой платежной единицей. Очевидно возрождение кустарных практик и массовое использование ручного (в том числе рабского) труда.

В военной сфере формально главным арбитром в регионе будут оставаться США при поддержке трансформированной НАТО. Фактически, на местах власть будет в руках албанских военных и военизированных структур. В тактических соображениях они могут вступать в альянс с исламистскими структурами, поддерживающими «БХ». Но не исключены открытые конфликты из-за возможности контроля транзитных коридоров любой наполняемости.

Единственной реальной силой, способной остановить продвижение албанцев и расширение границ «Великой Албании», останутся сербы. Даже если государство не пойдет на пресечение экспансии, то сербы (особенно жители маленьких городов и сельской местности) будут организовывать сопротивление по всем канонам партизанской войны.

Достаточно велика вероятность трансформации военно-политической системы НАТО как в целом, так и в регионе. Результатом финансового обременения правительств стран, которые еще будут способны платить за содержание военных баз, а также создания мобильных военных групп и расширение зон ответственности ЧВК к 2050 г. будет формирование анклавов относительной безопасности исключительно вокруг военных баз США и НАТО.

Тренд на создание регионального военного союза при поддержке исламских стран/кланов, описанный в сценарии «БХ» на 2025 г., будет продолжен. Албанцы также продолжают развивать свои собственные вооруженные силы. Создание действенного тройственного военного союза РФ-Сербия-РС возможно и стратегически необходимо.

Ситуация в информационном пространстве на региональном уровне будет развиваться в двух трендах.

1. Запад, албанцы и исламисты будут продолжать антисербскую и антироссийскую риторику. Основное направление информационной политики региональных СМИ — поддержка деятельности НАТО.
2. Заинтересованные в сохранении национальной идентичности страны будут информационно противодействовать албанизации. Доминирующими в региональном медиа-пространстве останутся по всей видимости западные или западно-ориентированные СМИ.

Закрепится тренд изменения баланса культурных традиций. Ислам будет играть все большую роль в культурной и политической жизни, определять социальную стратификацию и политическую мобильность (повторение процессов отуречивания, когда экономическое благосостояние и карьера зависели от принятия

ислама). Продолжится трансформация традиционных религиозных доктрин в сторону их радикализации.

Определяющая роль в развитии сценария «А» принадлежит внешним игрокам, оказывающим непосредственную политическую, информационную, логистическую и финансовую поддержку его проводникам. Среди них выделяются США, Турция, Саудовская Аравия, ряд международных террористических организаций и преступных группировок, а также частных военных компаний и иностранных спецслужб (МИ-6, БНД, турецкая, иранская разведки). Создание мощного албанского анклава в регионе видится ими как управляемый и эффективный противовес возможности усиления Сербии, за которой стоят российские интересы.

Центром реализации сценария будет т.н. Республика Косово. Политическая элита данного квазигосударства состоит из лиц, включенных в криминальные и террористические структуры. Отличительные особенности последних следующие:

- имеют крепкие связи с региональной сетью преступных группировок и террористических организаций;
- напрямую сотрудничают с определенными структурами иностранных спецслужб;
- имеют высочайший уровень сотрудничества и координируют свои действия с региональными албанскими политическими элитами и в Албании и в Македонии;
- близкие связи с международными террористическими и криминальными структурами;
- располагают покровительством руководства НАТО и западных стран, прежде всего США и ЕС.

Реализация очередного этапа сценария «А» очевидна к 2025 г. и проявится скорее всего в федерализации Македонии, что фактически будет означать поглощение населенной албанцами территории страны. К 2050 г. возможно определение границ паналбанского федеративного государства в составе Албании, Косово, Западной Македонии (Республика Илирида), Юго-Восточной Черногории (Малесия), Северо-западной Греции (Семерия). Каждая часть может иметь довольно большую автономию.

Главные акторы сценария: вооруженные силы Косова, албанские парамилитарные образования, принадлежащие албанской мафии и способные вести партизанскую войну (опыт АОК, АОПМБ и АНО); частные военные компании; поддерживающие проект политически и финансово США, Великобритания, арабские монархии; частные армии, построенные по кровному принципу, на основе принадлежности к клану, семье, региону.

Важно отметить, что сценарии «БХ» и «А» будут развиваться параллельно. В целях ослабления общего противника (сербов) они будут дополнять друг друга. В случае пересечения интересов (например, контроль за наркотрафиком и транзитными коридорами) не исключены открытые вооруженные конфликты между представителями курирующих сценарии групп.

Глава VI.
Перспективы развития
постсоветского
пространства

6.1. Европейские страны постсоветского пространства

В период до 2025 года постсоветское пространство, особенно его европейская часть, будет оставаться ареной политического противоборства между Россией и Западом. Это противоборство будет протекать в основном в формах гибридной войны, включая:

- Информационные спецоперации;
- Экономические санкции;
- Политические провокации и использование политической оппозиции;
- Применение «мягкой силы» в области образования, науки и культуры;
- Использование пятой колонны в целях саботажа и вредительства;
- Действия диверсионно-террористических групп, вооруженного подполья и незаконных вооруженных формирований;
- Военно-политическое давление.

По своей интенсивности это противоборство будет идти неравномерно, всплески конфронтации будут чередоваться периодами спада напряженности. В периоды роста конфронтации всегда будет существовать опасность срыва в неконтролируемую эскалацию конфликта и его перехода в стадию локальной и даже региональной войны, в том

числе с использованием тактического ядерного оружия. Перерастание такой войны в глобальную ядерную войну не детерминировано, но возможно.

Результат этого противоборства будет в конечном итоге определяться настойчивостью и эффективностью действий России. В настоящем прогнозе принимается за аксиому, что Москва будет действовать последовательно и рационально, ставя своей целью вытеснение западного влияния с территории бывшего СССР. Если эта линия будет настойчиво осуществляться, то к 2050 году общее соотношение сил на европейской части постсоветского пространства кардинально изменится в пользу России.

6.1.1. Туманное будущее Украины

Ключевой страной, вокруг которой продолжится противоборство России и Запада на постсоветском пространстве будет Украина. Запад будет стремиться превратить Украину в антироссийское государство, которое будет не только сдерживать влияние России в Восточной Европе, но и служить тараном по разрушению самой России. До сих пор Москве удавалось сдерживать антироссийскую активность Киева, не допуская ее перенесения на собственно российскую территорию, однако, нельзя дать гарантий, что этого не произойдет в дальнейшем.

Более того, Украина продолжает выполнять функции сдерживания России. Она отвлекает на себя определенную часть российских военных и экономических ресурсов, затрудняет действия России в отношении Молдовы и Приднестровья, поддерживает любые антироссийские действия на постсоветском пространстве, засылает диверсантов и террористов в Крым, проводит последовательную антироссийскую деятельность на международной арене, ведет против России информационную войну. Но главное, Киев препятствует воссоединению русской нации, так как продолжает

контролировать значительные территории, где проживает русское население.

Без кардинального решения украинского вопроса, Москве будет затруднительно реализовать полноценный интеграционный проект на постсоветском пространстве. А решение украинского вопроса таким образом, чтобы исчезла угроза безопасности России, возможно только в случае, если Украина распадется на ряд государственных образований. Однако, при пассивной позиции российского руководства, Украина до 2025 года, скорее всего, сохранит свою целостность, хотя можно допустить расширение контроля ДНР и ЛНР на всю территорию бывших Донецкой и Луганской областей.

В то же время, экономическая ситуация на Украине продолжит ухудшаться. Устойчивость киевского режима будет поддерживаться за счет экономической помощи со стороны Запада, прежде всего, Евросоюза и Германии. В Киеве возможна серия государственных переворотов или смены власти мирным путем. Однако это не приведет к победе пророссийских сил. Украина не сможет существенно укрепить свою армию, но информационная война с ее стороны в отношении России будет продолжаться. Продолжится и война на Донбассе, а также попытки осуществления диверсионно-террористических акций в Крыму. Возможно также, что «автономные» от Киева вооруженные группы попытаются начать диверсионную войну в приграничных российских регионах.

В период после 2025 года социально-экономическое положение Украины ухудшится настолько, что произойдет масштабная политическая дестабилизация, а за ней начнется процесс развала страны. Какое-то время киевский режим будет поддерживать видимость единства путем ужесточения репрессий и террора. Однако объективные процессы рано или поздно возьмут свое. К 2050 году единая Украина перестанет существовать. Однако темпы и формы ее распада, а также его результаты во многом будут зависеть от активных действий Москвы. Чем дольше будет продолжаться процесс разложения киевского режима, тем

большой ущерб он сможет нанести российским национальным интересам. И хотя этот ущерб не будет критическим с точки зрения выживания самой России, он существенно затормозит поступательное развитие нашей страны и рост ее международного влияния.

Наибольший ущерб для российских интересов возникнет в случае самопроизвольного и бесконтрольного распада Украины. В этом случае ситуация на пространстве Украины может превратиться в аналог нынешних, Сирии или Афганистана. Поэтому более предпочтительно, если бы Москва выступила в качестве медиатора между украинскими региональными элитами, подталкивая их в русло «цивилизованного развода», а не войны всех против всех. Определенный опыт такого посредничества Россия уже приобрела в ходе урегулирования сирийского конфликта, обеспечивая перемирия в различных «зонах деэскалации».

Наиболее оптимальным вариантом с точки зрения российских интересов стал бы контролируемый распад Украины на несколько государственных образований — условно пророссийскую Новороссию с выходом к Приднестровью, Галицию и собственно Украину. Это позволило бы в период до 2050 г. осуществить постепенную интеграцию большей части бывших украинских территорий в пророссийский региональный блок. Часть из них, такие как Донецкая, Луганская и Харьковская области, скорее всего, присоединятся к России. Запорожская, Херсонская, Днепропетровская, Николаевская и Одесская области образуют республику Новороссия, которая станет членом Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области либо образуют Галицийскую республику, либо будут поглощены Польшей. Так или иначе, они окажутся под контролем германского регионального блока в лице сохранившегося ЕС, либо в другой форме. Закарпатская область с преимущественно русинским населением образует собственное государство под российским протекторатом, либо будет растащена соседями.

Оставшаяся часть Украины либо сохранит единство, либо также распадется на несколько частей. Однако, даже если эта часть Украины сохранит целостность, она будет уже гораздо более слабым государством. Она не только не сможет наносить России существенный вред, но рано или поздно окажется под российским влиянием.

6.1.2. Молдова на геополитическом распутье

Развитие событий в Молдове и Приднестровской молдавской республике (ПМР) будет во многом связано с ситуацией на Украине. Кишинев продолжит маневрирование между Россией и Западом. Целью этого маневрирования будет стремление добиться максимальных экономических преференций с обеих сторон. Власти Молдовы будут также рассчитывать на помощь Москвы в принуждении ПМР к принятию условий урегулирования молдавско-приднестровского конфликта, выгодного молдавской стороне. Однако урегулировать этот конфликт до 2025 года, скорее всего, не получится.

Весь этот период Молдова будет ощущать возрастающее влияние Румынии на внутривнутриполитические процессы в стране. Бухарест продолжит свою линию на поддержку юнионистских кругов в Кишиневе и плавное поглощение Молдовы без ПМР. Нельзя исключать, что проект формального раздела Молдовы будет на определенном этапе предложен Москве официально. В то же время база прорумынских сил в Молдове будет постепенно сужаться по мере того, как будет рассеиваться привлекательный образ Евросоюза, а уровень жизни в Румынии снижаться до молдавского.

Все это может стать базой острого политического кризиса в Молдове с перспективой перерастания в локальный вооруженный конфликт. Можно предположить, что на определенном этапе до 2025 года, осознав бесперспективность плавного поглощения Молдовы, румынские власти попытаются форсировать ситуацию,

сделав ставку на силовой вариант. То есть подтолкнут юнионистские круги в Кишиневе к вооруженному перевороту по сценарию киевского майдана. Поощрить Бухарест к такому шагу может уверенность в своей безнаказанности, поскольку на территории Румынии к тому времени будет размещена группировка войск НАТО. Посчитав, что Москва не рискнет в этой ситуации оказать военную помощь пророссийским силам Молдовы, Бухарест может пойти на силовую эскалацию, направив в Молдову вооруженных боевиков из Румынии.

В международном плане Румыния, скорее всего, получит поддержку Киева, который усилит блокаду ПМР и начнет вооруженные провокации, чтобы оттянуть на себя войска ПМР и не допустить их участия в гражданской войне в Молдове на стороне пророссийских сил. Любое транспортное сообщение между Россией и ПМР будет закрыто украинской стороной. В этой ситуации Москва окажется перед непростым выбором — отдавать Молдову на растерзание Румынии, пойти на вооруженный прорыв блокады ПМР или оказать военное давление на Бухарест. Опасность состоит в том, что нерешительность в этом вопросе может подтолкнуть Украину и Румынию к следующему шагу — уничтожению ПМР.

Угроза румынского вторжения в Молдову будет сохраняться и после 2025 года, вплоть до распада Украины. Возникновение независимой Новороссии или отделение от Украины Одесской области в той или иной форме, резко изменит геополитическую обстановку в этом районе. Имея сухопутный коридор в Молдову и ПМР, Россия получит возможность ясно продемонстрировать Бухаресту нереалистичность аннексии Молдовы. Это также улучшит перспективы урегулирования молдавско-приднестровского конфликта. Можно ожидать, что он будет урегулирован к 2050 году на основе равноправной федерации Молдовы и ПМР с сохранением там российского военного присутствия.

К 2050 году также можно ожидать расширения ОДКБ на Новороссию и, возможно, на Молдову после ее объединения с

Приднестровьем. Также можно ожидать вступления этих территориальных образований в ЕАЭС.

6.1.3. Белоруссия: тернистый путь к интеграции с Россией

Положение Белоруссии в период до 2025 г., несмотря на жесткий авторитарный режим А.Г. Лукашенко, будет характеризоваться лишь видимостью политической стабильности. В экономике будут действовать противоречивые тенденции — периоды стагнации будут сменяться небольшим экономическим ростом и наоборот. Однако в целом экономическое положение республики будет осложняться. Стремясь сохранить неограниченную власть, президент Лукашенко будет тормозить объективные процессы интеграции с Россией. А это будет негативно влиять на экономику Белоруссии и уровень жизни ее граждан.

По той же причине Лукашенко продолжит маневрирование между Россией и Западом, но получить каких-либо существенных финансовых вливаний в белорусскую экономику со стороны ЕС и США не сможет. В итоге социально-экономическая напряженность в стране будет расти и периодически взрываться всплесками массового недовольства, уличными акциями и попытками майдана. Ситуация будет усугубляться перетеканием в Белоруссию нестабильности с территории Украины. Постепенно в Белоруссии будет формироваться подпольная сеть боевиков-националистов, готовых выступить с оружием в руках против властей. Этот процесс будет происходить как стихийно, так и направляться западными центрами, ведущими гибридную войну против России и ее союзников.

Между тем, стремясь сохранить независимость от России и тормозя процессы интеграции двух стран, Лукашенко продолжит насаждать в стране литвинский национализм как противовес

общерусскому единству. Эта политика будет легитимировать и укреплять те самые общественные слои, прежде всего, среди молодежи, которые и выступят ударной силой будущего минского майдана. В условиях, когда Лукашенко душит любые пророссийские движения и организации, это приведет к образованию в Белоруссии политического вакуума на пророссийской фланге. Там не сформируется организованной политической силы, способной противостоять натиску прозападной оппозиции. Причем, чем дольше Лукашенко будет оставаться у власти и проводить свою нынешнюю политику, тем больше шансов на то, что после его ухода в Белоруссии произойдет повторение украинского майдана.

Таким образом, момент передачи власти в Белоруссии, который, скорее всего, наступит до 2025 г., будет наиболее напряженным и опасным с точки зрения российских интересов. Нельзя полностью исключать, что Лукашенко может быть смещен в результате массовых акций протеста. Даже вариант контролируемой передачи власти другому лицу путем постановочных выборов может дать осечку и привести к народным выступлениям, как было, например, в Армении в 2008 году. Следствием этих массовых акций протеста может стать попытка силового захвата власти прозападными кругами. Россия должна быть готова к такому развитию событий и иметь соответствующий план действий по примеру того, что было сделано в Крыму в 2014 году. Также в интересах Москвы, чтобы передача власти в Белоруссии произошла как можно раньше, иначе приход к власти пророссийских сил будет все сложнее обеспечить мирным путем.

После 2025 года начнется углубленная интеграция России и Белоруссии как в рамках ЕАЭС, так и Союзного государства. Однако, это произойдет только в том случае, если Москва обеспечит передачу власти в Белоруссии пророссийскому кандидату. При этом сценарии можно ожидать, что к 2050 г. интеграционные процессы зайдут настолько далеко, что встанет вопрос о присоединении Белоруссии к России.

6.1.4. Прибалтика на пути к маргинализации

В период до 2025 года положение стран Прибалтики будет ухудшаться. Экономика будет стагнировать, а уровень жизни постепенно снижаться. Это будет следствием разрушения собственной промышленности, потери рынков в России, сокращения транзитных перевозок из стран СНГ, а также уменьшением дотаций из бюджета Евросоюза. Продолжится эмиграция наиболее работоспособной и активной части населения за рубеж. Как следствие, численность населения государств Прибалтики будет неуклонно снижаться. В Эстонии и Латвии сохранится этническая напряженность между русскими общинами и титульным населением.

В течение ряда лет страны Прибалтики будут находиться на острие военного противостояния между НАТО и Россией. Военное присутствие альянса в этих странах будет постепенно расширяться. Страны Прибалтики будут пытаться максимально использовать эту ситуацию для извлечения экономических преимуществ. Однако серьезных успехов на этом поприще им добиться не удастся. Финансовые дотации со стороны Евросоюза существенно сократятся, а США будут требовать от союзников увеличения финансового вклада в бюджет НАТО.¹⁰⁸

Ухудшение социально-экономического положения стран Прибалтики может привести к их внутренней дестабилизации. Не исключены вспышки межнациональных конфликтов между титульным населением и русскими общинами или между литовцами и поляками в Вильнюсском крае. Эти конфликты могут привести к вовлечению в них третьих сторон, в том числе Польши, России и расквартированных там войск НАТО. Такие ситуации будут чреваты эскалацией, ведущей к региональному военному конфликту.

---

¹⁰⁸ В настоящее время лишь Эстония выдерживает контрольную цифру 2% от ВВП на оборону. Ее расходы на оборону составляют 2,16% ВВП. Расходы Латвии на оборону составляют 1,45% от ВВП, Литвы — 1,49%.

В то же время не исключено, что на определенном этапе в странах Прибалтики начнется мирная политическая трансформация, вызванная ростом общественного недовольства. Как следствие, на выборах начнут побеждать партии выступающие за многовекторную внешнюю политику и нормализацию отношений с Россией. Они будут готовы восстановить экономические связи с РФ и даже отменить для этого дискриминацию русского населения в своих странах. В то же время, представляется маловероятным, что такая трансформация может произойти до 2025 г., особенно в условиях продолжения натовского военного присутствия в Прибалтике.

В период 2025–2050 годов Прибалтика в который раз в истории окажется перед сложным выбором — сохранить ориентацию на Евросоюз, то есть на Германию, или переориентироваться на Россию. В этих странах возникнут политические партии, поддерживающие и тот и другой вариант. Между ними начнется жесткая конкуренция, которая будет влиять на характер российско-германских отношений. Россия и Германия вступят в борьбу за влияние на страны Прибалтики. В этот период войска НАТО покинут Прибалтику, но там могут появиться войска Евросоюза.

Успех российско-германского противоборства за Прибалтику будет во многом определяться позицией Польши. Если Польша останется лояльным членом Евросоюза и согласится на роль младшего партнера Германии, то шансы Берлина выиграть у Москвы в Прибалтике будут предпочтительнее. В этом случае Прибалтика, скорее всего, сохранит ориентацию на Германию и останется частью ЕС. Если же Польша начнет позиционировать себя как самостоятельный центр силы и сколачивать региональный блок на базе Вышеградской группы, то это ослабит возможности Берлина влиять на Прибалтику. В итоге страны Прибалтики могут переориентироваться на Россию, так как получить что-то полезное от Польши, они не смогут. Возможен также раздел Прибалтики на условно русские территории, которые примкнут к России, польские территории, которые примкнут к Польше, и территории, которые останутся за титульными этносами — литовцами, латышами, латгальцами и эстонцами.

6.2. Закавказье как регион нарастания конфликтности

В среднесрочной и даже долгосрочной перспективе Закавказье будет ожидать сохранение имеющихся противоречий между государствами и народами региона и возникновение новых. Поэтому основным сценарием развития данного Закавказья станет нарастание конфликтности. Условно этот сценарий можно обозначить как «Пожар». Он предполагает увеличение частоты и интенсивности вооруженных столкновений в конфликтных зонах. Возможно возникновение новых конфликтов.

В противостояние будут вовлекаться региональные и мировые державы. Постоянно меняющийся баланс сил между ними не позволит обеспечить в регионе военно-политическое равновесие, которое могло бы обеспечить замораживание конфликтов. Ни одна из крупных внешних сил не может взять регион под контроль, установив там стабильность. Политические элиты стран региона оказываются в зависимости от постоянно поддерживаемой конфликтности, обеспечивая свою легитимность за счет образа внешнего врага, и практически утрачивают перспективу мирного разрешения споров, в которые они вовлечены: компромиссы расцениваются как политическое самоубийство.

Некоторые признаки этого сценария просматриваются в текущей ситуации в Закавказье. Вспышка боевых действий в Карабахе в апреле 2016 года обозначила возможность возобновления полномасштабной войны. До этого в течение нескольких лет интенсивность вооруженных столкновений на линии соприкосновения сторон возрастала, причем затрагивала не только территорию бывшей Нагорно-Карабахской автономной области, но и собственно Армении. Хотя посредникам, прежде всего, России, удалось добиться прекращения войны, истекший год показал, что политическое руководство сторон не хочет и не может идти на компромиссы, не рискуя утратить легитимность в глазах своих

избирателей. Война в Карабахе в апреле 2016 г. также показала ограниченную способность Армении и Нагорно-Карабахской республики поддерживать баланс сил на линии соприкосновения с азербайджанскими силами. Россия была вынуждена подкреплять этот баланс, прежде всего, через поставку современных вооружений (комплексов «Искандер») в Армению. Хотя данные шаги со стороны России были необходимыми, в перспективе они могут создать угрозу непосредственного вовлечения ее в конфликт.

В течение длительного времени сохраняется неизменной ситуация вокруг Абхазии и Южной Осетии. Россия предоставляет надежные гарантии безопасности Абхазии и Южной Осетии. Однако Грузия продолжает отказываться от соглашения или совместной декларации о неприменении силы в отношении них. Один из факторов двух конфликтов, действовавший с середины прошлого десятилетия, а именно — интеграция противоречий между Тбилиси и Цхинвалом, Тбилиси и Сухумом в комплекс противоречий по поводу европейской безопасности между Россией и НАТО — продолжает оказывать влияние на положение дел в регионе. На фоне нормализации отношений с Россией, начиная с осени 2012 г., Грузия значительно укрепила свои связи с НАТО. Сохраняется и усиливается угроза прямого соприкосновения военных машин североатлантического альянса и России на линии бывших административных границ Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО. Грузия, присоединившаяся к силам быстрого реагирования НАТО, по существу, становится элементом политического курса «сдерживания России», который принят североатлантическим альянсом. Таким образом, сохранение мира в Абхазии и Южной Осетии оказывается в зависимости от развития мало предсказуемых в настоящий момент российско-американских отношений. США обладают большим влиянием на процесс принятия политических решений в Грузии, и могут содействовать возобновлению двух конфликтов для давления на Россию.

Сокращение объемов дохода от нефтегазового экспорта и снижение темпов экономического роста в Азербайджане ставит руководство этой страны перед вызовом, с которым оно ранее не сталкивалось.

Экономические трудности на фоне сокращения бюджетных ресурсов ослабляют политический режим. Выходцы из Азербайджана, ранее присоединившиеся к силам исламистов в Сирии, по мере ослабления вооруженной оппозиции в этой стране могут начать возвращаться на родину. Традиционно азербайджанские власти жестко подавляли радикальный политический ислам. Трудно судить, насколько долго эта политика может быть эффективной в условиях низких темпов экономического роста. Возникновение в Азербайджане очага конфликта, связанного с международными террористическими организациями, нельзя исключить. Такой конфликт значительно осложнит ситуацию в регионе, в том числе усилит угрозу для российского Северного Кавказа.

Более или менее устойчивая ситуация в Закавказье на протяжении многих лет определяется позицией смежных с регионом держав. С одной стороны, для Ирана и Турции регион никогда не входил в число приоритетных, ситуация в которых затрагивала бы их важнейшие интересы. С другой стороны, позитивное развитие российско-турецких отношений с 2000-х годов удерживало две страны от острого соперничества в разделяющем их регионе. А Иран, находившийся под международными санкциями, был ограничен в своей внешней политике. К тому же, в Тегеране со времен исламской революции вектор внешнеполитической активности сосредоточен на исламских странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Глубокий кризис в отношениях между Москвой и Анкарой, начавшийся после того, как турецкие ВВС сбили российский бомбардировщик в небе над Сирией, нарушил прежний баланс, что стало одним из факторов возобновления боевых действий в Карабахе. Хотя с тех пор российско-турецкие отношения отчасти нормализовались, их трудно называть предсказуемыми.

Что же касается Ирана, то он может оказаться вовлеченным в ситуацию в Закавказье в силу укрепления влияния в этом регионе соперничающей с ним Турции. Конфигурация региональных конфликтов такова, что в случае эскалации они могут втягивать в себя как крупных региональных, так и внерегиональных игроков.

6.2.1. Обоснование вероятностей реализации сценария

Осуществление данного сценария вероятно при наступлении ряда условий. Наиболее важные из них следующие.

- В странах Закавказья на протяжении нескольких лет сохраняются нынешние низкие темпы экономического роста или происходит рецессия. Легитимность правящих групп ослабляется в связи с их неспособностью обеспечить развитие своих стран. Они компенсируют это воинственной внешнеполитической риторикой.
- Проваливаются попытки активизировать урегулирование конфликтов, даже паллиативные. Посредникам и сторонам не удается создать систему предотвращения вооруженных инцидентов в Карабахе. Блокируется заключение соглашения или принятие общей декларации о неприменении силы участниками Женевских дискуссий по безопасности в Закавказье. Остаются также заблокированными переговоры по гуманитарным вопросам между Грузией, Абхазией и Южной Осетией.
- НАТО наращивает сотрудничество с Грузией. Американские военнослужащие и боевая техника регулярно перебрасываются в Грузию, сроки их пребывания в стране увеличиваются. Расширяется участие Грузии в Силах быстрого реагирования НАТО.
- Грузия выходит из действующего российско-грузинского переговорного формата Карасин-Абашидзе, сворачивая нормализацию отношений с Россией, наращивает дипломатическую риторику, направленную против России.
- Укрепляются военно-политические связи между Турцией и Азербайджаном, Турцией и Грузией, Грузией и Украиной. Эти связи получают поддержку со стороны НАТО, где расцениваются как элемент политики сдерживания России.
- Усиливаются провокации со стороны американских и турецких партнеров в Закавказье в отношении российских регионов Северного Кавказа.

-
- Ухудшаются ирано-азербайджанские отношения. В противостоянии с Тегераном поддержку Баку оказывает Турция.
  - В Армении разворачивается внутривнутриполитический кризис, который ставит под сомнение способность властей страны поддерживать баланс сил и осуществлять сдерживание на линии соприкосновения в Карабахе.
  - США и их партнеры по НАТО, прежде всего Турция, на протяжении 10-15 лет проводят достаточно последовательную конфронтационную политику в отношении России, не допуская существенных колебаний своего курса.
  - Во внешней политике Ирана Закавказье останется в целом маргинальным регионом, и Тегеран не будет активно вмешиваться в происходящие здесь процессы.

Осуществление данного сценария наиболее вероятного в рамках общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства». В этом варианте Запад будет стремиться удержать свою гегемонию в мире силовым путем, и поэтому будет заинтересован в росте конфликтности по периметру границ России, которую он расценивает как своего соперника. В Закавказье такая политика обернется попыткой взять реванш за 2008 г., когда был впервые ограничен рост влияния Запада на постсоветское пространство. Политика конфронтации с Россией в Закавказье также будет призвана укрепить блоковую дисциплину в НАТО, в том числе усилить влияние альянса на Турцию.

Осуществление данного сценария возможно, но менее вероятно в условиях нарастания многополярности или регионализации мировой системы. Каждый из этих вариантов предполагает сравнительное ослабление Запада по отношению к другим центрам силы, что означает рост влияния России в соседствующих с ней регионах. В то же время в данных вариантах глобального развития положение ключевых региональных игроков окажется сравнительно неустойчивым, и это будет удерживать их от конфронтационной внешней политики в Закавказье, где у них не имеется приоритетных интересов.

6.2.2. Состояние ключевых параметров сценария на 2025 год

В данном сценарии определяющее значение имеет низкая связность Закавказья как региона. Закрыты границы и отсутствуют дипломатические отношения между Арменией и Азербайджаном, Арменией и Турцией. Нет дипломатических отношений между Россией и Грузией. Сохраняется спор по поводу статуса Абхазии и Южной Осетии. Эта фрагментация региона оказывает влияние на характер деятельности международных организаций, действующих в Закавказье. Ни одна из этих организаций не включает в себя все государства региона. Присутствует своего рода «чересполосица союзов», когда Армения, которая входит в состав Организации договора коллективной безопасности и Евразийского союза, не имеет общей границы со своими партнерами по этим организациям. Ее торговля с Россией проходит через территорию Грузии, а поставки военных грузов в Армению осуществляются, очевидно, через территорию Ирана. С другой стороны, Грузия, имеющая обширную общую границу с Россией, стремится к интеграции в НАТО и поддерживает интенсивное военное сотрудничество с блоком и отдельными входящими в него странами.

Глубокая политическая фрагментированность как устойчивое свойство Закавказья и лежит в основе обсуждаемого сценария. В его рамках имеющиеся расколы между странами, входящими в различные международные организации, будут углубляться, усиливая имеющиеся конфликты. Так, НАТО продолжит вовлечение в свою орбиту Грузии. К 2025 году страна, вероятно, не получит членство в альянсе или сильную гарантию такого членства в виде Membership Action Plan. Но глубина ее связей с НАТО будет такова, что Грузия превратится в клиента блока, перед которым последний не несет юридических обязательств, однако не может в критической ситуации «сдать» его без значительной потери престижа. Гарантии Грузии будут предоставлены явочным порядком, де факто, при этом, как и в августе 2008 г. обе стороны — Грузия и НАТО — будут придерживаться разных трактовок этих гарантий.

Вероятно, будет усиливаться присутствие войск НАТО, прежде всего, американских, на территории Грузии. Ежегодные американо-грузинские учения Noble Partner (проводятся с мая 2015 г.) сопровождаются переброской американских военнослужащих и боевой техники в Грузию на срок в две-три недели. Нетрудно представить ситуацию, когда американское военное присутствие станет более продолжительным. В обсуждаемом сценарии ситуация будет развиваться в этом направлении. Грузия окажется в положении, близком к тому, в котором находятся сейчас страны Прибалтики, где страны НАТО разместили ротируемые воинские контингенты. В военном отношении этот шаг не усиливает обороноспособность Литвы, Латвии и Эстонии, но символически он призван подкрепить гарантии, предоставленные альянсом этим трем странам. Парадоксально, но тем самым НАТО ослабляет собственно юридические гарантии безопасности, которые дает своим членам: они представляются не столь прочными, если требуют подкрепления в виде размещения войск.

НАТО также будет прилагать усилия к тому, чтобы выстроить с участием Турции, Грузии и Украины механизм сдерживания России в черноморском бассейне, например, через создание совместной военно-морской миссии трех стран. В совокупности расширение сотрудничества Грузии и НАТО приведет к тому, что грузинские власти начнут воспринимать свои отношения с альянсом как союзнические, предусматривающие гарантии безопасности. Вместе с тем, маловероятно, что действующие власти Грузии истолкуют это как карт-бланш на попытку силовым путем установить контроль над Абхазией и Южной Осетией. Правящая партия «Грузинская мечта» и ее неформальный лидер Бидзина Иванишвили не склонны к рискованному внешнеполитическим, а тем более военным акциям. Но власть в Грузии может смениться, и, если Соединенные Штаты будут заинтересованы в усилении конфронтационной линии в грузинской политике в отношении России, верх могут одержать силы, ориентированные на противостояние Москве.

Сценарии такого противостояния могут быть различными. Так, грузинские власти могут не предпринимать крупных силовых операций, направленных на установление контроля над Абхазией или Южной Осетией: при нынешнем уровне защищенности обеих республик такие операции заведомо обречены на неудачу. Но они могут оказывать постоянное силовое давление на две республики при помощи диверсий, покушений на представителей властей, транспортных ограничений, возможно, обстрелов и т. д. Задача их будет состоять не в том, чтобы обеспечить контроль над территориями двух республик, а в том, чтобы постоянно изматывать их жителей и их власти, а также поддерживать высокую напряженность в отношениях с Россией. Если подобное точечное давление будет совпадать с подобным же давлением на Донбасс и (возможно) Крым со стороны Украины, это может обеспечить определенный политический эффект. А именно создать впечатление, что Россия утрачивает свое влияние на постсоветском пространстве и не может защитить своих союзников и (в случае, если силовое давление будет осуществляться в отношении Крыма) свою территорию.

Основную трудность для России в данном сценарии будет представлять отсутствие ясных политических целей ответной военной операции. Для Москвы не будет представлять сложности оборона Абхазии и Южной Осетии в случае попытки грузинских властей захватить их территории. Однако любые операции на собственно грузинской территории вызовут со стороны Запада обвинения в агрессии и усложнят отношения России с ее потенциальными зарубежными партнерами. Надежное прекращение силового давления на две республики может потребовать долгосрочного российского военного присутствия на территории собственно Грузии. Между тем, такое присутствие нежелательно с политической точки зрения. В отличие от примеров Южной Осетии, Абхазии, Крыма, Донбасса и Приднестровья, это была бы оккупация, несущая в себе множество моральных издержек.

Положение будет усложняться тем, что Запад, прежде всего, США будут демонстрировать готовность к прямому столкновению

с Россией на Кавказе. Можно ожидать заявлений, выражающих поддержку Грузии и настаивающих на ее «территориальной целостности», что будет истолковываться и в Тбилиси, и в других постсоветских столицах, как фактически предоставленные Грузии гарантии безопасности. Нельзя исключить, что будут предоставлены и юридические гарантии такого рода со стороны США и Турции. Возможно, в мягкой форме, например, в виде обязательства начать консультации в случае угрозы. В целом, курс Запада будет состоять в том, чтобы повышать ставки, изматывая Россию постоянной напряженностью близ ее границ.

Североатлантический альянс и его страны-лидеры будет также вести активную пропаганду, направленную на подрыв российских союзов в регионе. Объектом этой работы станет Армения, а также Абхазия и Южная Осетия. Курс будет взят на то, чтобы обеспечить доминирование клиентов Запада в медийной сфере и в секторе некоммерческих организаций трех стран и таким образом добиться политической и идеологической изоляции их руководства. Хотя отказ этих стран от их союза с Россией маловероятен, подобная стратегия может сделать такой союз неэффективным.

В отношениях с Азербайджаном НАТО и США будут склоняться к тому, чтобы сократить долю гуманитарной и правозащитной тематики, нарастить военное сотрудничество и продвигать новые проекты трубопроводов для поставки энергоносителей на рынки стран ЕС. Хотя эти проекты вряд ли могут быть осуществлены по причине их низкой рентабельности и иных политических и экономических ограничений, сама активизация их обсуждения будет истолковываться политическими элитами стран региона как признак ослабления позиций России (безотносительно реальных фактов). Задачей дипломатии Запада, а также Турции в отношении Азербайджана будет также ухудшение его отношений с Россией, подрыв посреднической позиции Москвы в карабахском конфликте.

Главный вектор усилий Запада будет также направлен на поддержание нагорно-карабахского конфликта в замороженном состоянии, но без достижения какого-либо реального прогресса

на переговорах об его урегулировании. При этом будет использоваться тактика обещаний Азербайджану, что конфликт будет урегулирован в его пользу, в случае, если Баку сделает «правильные» шаги навстречу Западу (расширение военных контактов, предоставление прав базирования, обмен разведывательной информацией, участие в общих антироссийских мероприятиях НАТО). Такие посулы Баку будут иметь форму туманных намеков, аналитических статей западных экспертов, двусмысленных заявлений дипломатических представителей и др., таким образом, чтобы, не взяв на себя никаких обязательств, создать видимость поддержки требований Азербайджана по реинтеграции Нагорного Карабаха.

ОДКБ будет играть в регионе лишь ограниченную роль. Единственным участником организации в Закавказье является Армения, а ее партнеры, за исключением России, не рассматривают в качестве реалистичной перспективу оказания Еревану военной помощи. Роль ОДКБ будет важной в символическом плане, как свидетельство наличия у Еревана нескольких союзников. Членство в организации будет важно для Армении также с точки зрения поставок вооружения из России по низким ценам, участия в программах обучения военнослужащих и т. п. Но действительные гарантии безопасности могут быть предоставлены Армении только в рамках ее двусторонних отношений с Россией, через механизмы российской военной базы и Объединенной группировки войск.

Конфликт в Нагорном Карабахе будет ставить Россию перед новыми вызовами и рисками. Так, в случае политического и военного ослабления Еревана Москва окажется вынужденной компенсировать неспособность союзника обеспечивать сдерживание в Карабахе, и сама будет непосредственно вовлечена в поддержание баланса сил в зоне конфликта. Риск состоит также в том, что логика постепенного наращивания интенсивности вооруженного противостояния армянской и азербайджанской сторон (вплоть до рецидивов полномасштабных боевых действий) приведет к тому, что будет затронута территория собственно Армении.

Эпизодические обстрелы территории Армении происходили и раньше. Расширение такой практики со стороны Азербайджана поставит вопрос о действенности российских союзнических гарантий Армении. В определенных обстоятельствах Россия может оказаться перед выбором между вооруженным столкновением с азербайджанскими силами и потерей своего престижа как страны, давшей гарантии безопасности Армении.

В критической ситуации Россия сможет защитить своего союзника, однако, сделано это будет ценой резкого ухудшения отношений с Азербайджаном. Баку начнет проводить политику, аналогичную той, которую проводил на российском направлении бывший президент Грузии Михаил Саакашвили: разрыв дипломатических отношений, выход из Содружества независимых государств, резко антироссийская риторика, в том числе на международных дипломатических площадках, пропагандистская обработка населения страны. Официальный Баку обвинит Россию в «оккупации» Нагорного Карабаха и прилегающих к нему районов бывшей Азербайджанской ССР. С внутривнутриполитической точки зрения это станет для него удачным объяснением прежних поражений в вооруженных столкновениях с Арменией. Нельзя также исключить, что с территории Азербайджана будет оказана поддержка террористическому подполью на Северном Кавказе, причем власти не будут препятствовать деятельности соответствующих организаций. Радикальную исламистскую пропаганду будет затруднительно удержать в предписанных властями рамках, и она все чаще будет обращаться против самой принимающей страны. В Азербайджане начнет укрепляться исламистское вооруженное подполье, тесно связанно с ближневосточными идеологическими, политическими, финансовыми центрами. Его активность будет направлена как против России и властей страны, так и против Ирана. Укрепление связей Азербайджана и Грузии создаст угрозу транспортной блокады Армении по всем направлениям, за исключением иранского. В определенной ситуации Россия может оказаться перед необходимостью прорыва этой блокады военным путем.

Постоянно поддерживаемая военная напряженность в регионе будет подрывать его экономическое развитие. Ухудшение отношений Грузии и Азербайджана с Россией окажет негативное влияние на их экспорт, снизит объемы денежных переводов, которые обе страны получают из России. Демографический спад продолжится в Армении и в Грузии. В Азербайджане, по-видимому, остановится рост населения (насколько об этом позволит судить официальная статистика). Будет происходить отток населения за пределы региона, в том числе в Россию.

В плане экономической интеграции будут свернуты осторожные попытки наладить эффективное торгово-экономическое взаимодействие в условиях «чересполосицы» интеграционных проектов. В последние годы Россия выборочно подходила к двусторонней торговле со странами, подписавшими соглашение об ассоциации и свободной экономической зоне с ЕС, при этом находившимися в льготном торговом режиме с Россией в соответствии с соглашениями, заключенными в рамках СНГ. Торговые ограничения были практически сняты для Грузии (при жестком недопущении реэкспорта в Россию товаров, произведенных в ЕС), они сохраняются для Молдавии и вводятся для Украины. Наряду с этим идет активный диалог по торгово-экономическим вопросам между Арменией и Грузией. Вероятно, две страны могут в неформальном порядке договориться о взаимном использовании выгод обоих интеграционных проектов, представленных ЕвразЭС и ЕС.

В обсуждаемом сценарии региональная торговля будет подорвана новыми запретительными мерами, а экономические вопросы двусторонних и многосторонних отношений будут политизироваться, что затруднит их решение. Вероятно, Россия вновь введет ограничения на импорт товаров из Грузии, поток туристов из России в Грузию будет уменьшаться. Компании из Грузии и Армении встретятся с трудностями в том, чтобы взаимно использовать юрисдикции двух стран для выгодной торговли в различных интеграционных объединениях. Ограничения на поставки товаров из Грузии в Абхазию и Южную Осетию приведут к росту цен и снижению уровня жизни в обеих республиках, так как смогут быть

лишь отчасти компенсированы поставками из России. Страны региона будут продолжать сравнительно беднеть, причем разрыв в доходах между экспортером углеводородов — Азербайджаном и их импортерами — Арменией и Грузией будет сокращаться. Это уменьшит пространство для политического маневра для властей трех стран и сделает радикальные политические идеологии более востребованными у избирателей.

6.2.3. Состояние ключевых параметров сценария на 2050 год

Развитие региона в том русле, которое обозначено на период до 2025 года, сделает вероятным крупное военное столкновение или серию столкновений в последующие пятнадцать лет. Закавказье как регион, в котором расположены небольшие и относительно слабые в военно-политическом отношении государства, часть из которых является непризнанными или частично признанными, создает обширные возможности для так называемых «войн по доверенности» (*proxy wars*). По-видимому, в период 2025-2050 гг. сохранится практика, при которой крупные региональные государства, как правило, не вступают в непосредственное военное столкновение друг с другом, а если и вступают, то предпочитают ограничиваться точечными ударами. Это объяснимо, поскольку полномасштабная война между крупными и сравнительно крупными государствами может привести их к тяжелейшим экономическим последствиям, а также (в случае с НАТО) запустить механизм взаимных гарантий, что создаст угрозу эскалации вплоть до мировой войны.

Одновременное вовлечение Турции, России, Ирана в войну в Закавказье маловероятно. Но можно представить себе сценарий, при котором в регионе произойдут столкновения, в котором различные региональные державы будут поддерживать своих клиентов, оказывая им, в том числе, ограниченную военную помощь. Так, наращивание силового давления на Абхазию и Южную

Осетию может повлечь за собой военный ответ. В рамках этого ответа вооруженные силы двух республик при поддержке России (в том числе силами сухопутных и воздушно-десантных войск) займут сопредельные территории Грузии. Очевидными целями при этом будут военные объекты в Гори и Сенаки. Вероятно, эти территории останутся оккупированными в течение неопределенного периода времени, поскольку перспектива договоренностей с руководством Грузии о прекращении давления на две республики будет практически исключена. Оформлена оккупация будет как действия независимых Абхазии и Южной Осетии, вынужденно отвечающих на агрессию в свой адрес.

При разведывательной, логистической, технической поддержке Турции и США грузинские силы будут предпринимать попытки контрнаступления. Россия, по-видимому, будет контролировать воздушное пространство над значительной частью Закавказья, опираясь на силы ПВО, расположенные в Абхазии, Южной Осетии, Армении, а также на потенциал Черноморского флота. Может быть предпринята попытка обеспечить коридор для связи с Арменией. Новые границы контролируемых различными державами зон в Закавказье не получают какого-либо политико-правового оформления и на годы останутся линиями фронтов, где происходят более или менее интенсивные вооруженные столкновения. В конце концов Россия может быть вынуждена пойти на оккупацию всей Грузии и установление там пророссийского режима, который будет управлять страной жесткими авторитарными методами. При этом военные базы России в Аджарии и Джавахети будут восстановлены, а эти регионы получают широкую автономию в составе Грузии.

Рецидивы вооруженных столкновений в Нагорном Карабахе постепенно перейдут на территорию собственно Армении. Влияния России на Азербайджан и ее дипломатических усилий не хватит для того, чтобы добиться прекращения военных действий. Их эскалация, наряду с активностью пропаганды, приведет к ситуации, когда Баку не сможет отказаться от развязывания войны с Арменией. При этом удар может быть нанесен сначала в Карабахе,

---

но затем неизбежно расширится и на собственно армянскую территорию, что создаст *casus belli* для вмешательства в конфликт России. Российская военная помощь позволит Армении сохранить территорию Карабаха и прилегающих районов, а также, возможно, присоединить часть территории бывшей НКАО, находящуюся под контролем Азербайджана.

При этом Россия будет предпринимать усилия, чтобы как можно быстрее локализовать и прекратить конфликт, чтобы не допустить вовлечения в него Турции, Запада и ряда исламских стран на стороне Азербайджана в виде поставки наемников и вооружения. Вместе с тем, Москва воспользуется ситуацией, чтобы принудить Азербайджан к более жестким условиям перемирия (по сравнению с 1994 годом), включая ввод российского миротворческого контингента в зону соприкосновения армянских и азербайджанских войск. Как следствие, конфликт в Нагорном Карабахе будет вновь законсервирован на относительно долгий период времени, хотя и в более надежной форме, так как наличие российских миротворцев позволит избежать крупных военных инцидентов на линии прекращения огня.

Более того, факт присутствия в регионе российских миротворцев даст Москве дополнительный рычаг для подталкивания сторон к компромиссам по урегулированию конфликта. С одной стороны, Азербайджан придет к выводу о невозможности достижения своих целей силовым путем, что сделает его более склонным к поиску компромиссного решения. С другой стороны, Россия сможет воздействовать на Армению угрозой вывода миротворцев, если Ереван будет отказываться от разумного компромисса с Азербайджаном по статусу Нагорного Карабаха.

В то же время успех российской дипломатии в урегулировании конфликта будет далеко не гарантирован. Ход переговорного процесса будет подрываться как интригами Запада, так и осложнением внутренней ситуации в Азербайджане. В этот период Азербайджан столкнется с большими экономическими потерями и, вероятно, будет вынужден ограничить добычу и экспорт углеводородов. Необходимо учитывать, что к 2050 году даст о себе

знать исчерпание запасов нефти, которыми обладает страна. Экономический спад и бюджетные ограничения будут подрывать лояльность граждан властям. Усилится исламистская оппозиция, которая будет представлять конфликт с Арменией как агрессию христиан против мусульман. Правящей группе будет все сложнее нейтрализовать такую пропаганду. Возможно, она сама начнет в инструментальных целях обращаться к исламским лозунгам. На фоне ослабления государственных структур, вызванных бюджетными ограничениями, будут увеличивать свою мощь негосударственные структуры исламистских военизированных группировок.

В целом масштабные войны в Закавказье и сохранение неурегулированных этно-территориальных конфликтов приведут регион к экономической катастрофе, сопоставимой с той, которую он перенес после распада СССР. Регион будут массово покидать беженцы. Отсутствие политического согласия ведущих игроков не позволит предпринять скоординированные усилия по экономической реконструкции региона. Закавказье начнет погружаться в хаос.

6.3. Казахстан: состояние, сценарии и ключевые параметры развития с учетом региональной среды

Казахстан является второй по численности населения (после Узбекистана) страной центральноазиатского региона и ближайшим партнером России на пространстве СНГ. Позиции казахстанского руководства и лично президента Н.Назарбаева сыграли позитивную роль в контексте российских интеграционных инициатив на всех направлениях сотрудничества постсоветских

государств и, прежде всего, в процессе создания ЕАЭС. Тем не менее, Казахстан позиционирует себя на международной арене не только в качестве равноправного российского партнера, но и как авторитетного лидера регионального и трансрегионального (ЕС, АТР) уровня, активного участника многовекторного сотрудничества, заинтересованного в стратегическом взаимодействии с Западом, Исламским миром и Китаем.

Имея надежный российский тыл, казахстанская элита стремится сохранить свою политическую самостоятельность, которая фактически стала для нее большой национальной идеей. Однако, осуществление этой идеи, главным образом, за счет внешнеполитического маневрирования (многовекторного балансирования) и трудности на пути модернизации хозяйственной системы страны ведут к накоплению социально-политических противоречий внутри Казахстана, которые станут особенно ощутимыми в ближайшие два-три года в связи с начавшимся процессом смены поколений во властных структурах.

6.3.1. Исходные базовые характеристики страновой ситуации

Республика Казахстан (РК) государство в центре Евразии, большая часть которого относится к Азии, меньшая — к Европе. РК занимает 9-е место в мире по территории, 2-е место среди стран СНГ (после России); 42-е — по объему ВВП по ППС и 62-е — по численности населения. ВВП (ППС) РК на 2016 г. — 128,1 млрд. долл., на душу населения — 7138 долл. (60-й). Индекс человеческого развития (ИЧР) 0,788 (высокий; 56-е место (2015)).

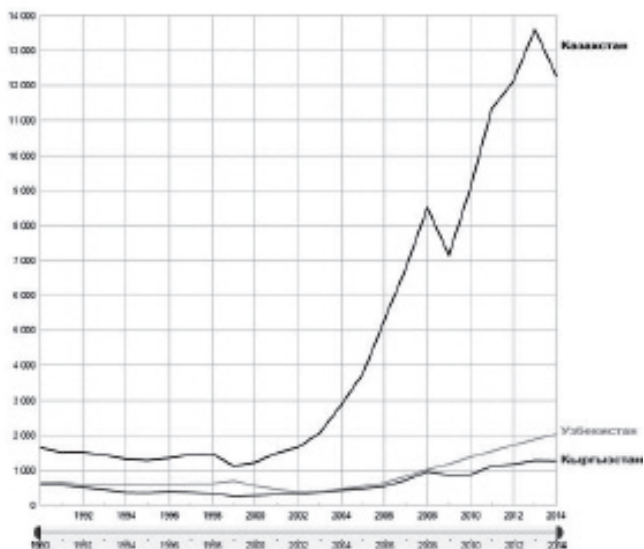
РК обладает большими запасами углеводородов 3,2 % от мирового запаса нефти (основные нефтедобывающие компании Казахстана — НК Казмунайгаз, Тенгизшевройл, CNPC-Актобемунайгаз, Карачаганак Петролиум Оперейтинг) и газа — 1,7 % от мировых запасов (основные газодобывающие компании Казахстана — Карашыганак Петролиум Оперейтинг, НК

Казмунайгаз, CNPC-Актюбемунайгаз и другие. Основные месторождения Казахстана — Карашыганак, Жанажол, Кызылой). Также разведаны и разрабатываются месторождения урана (21% от мировых запасов, 2-е место в мире). Страна занимает первое место по поставкам концентрата урана на мировой рынок. Кроме того, на территории РК находятся богатые месторождения руд различных металлов — свинца, цинка, хрома, золота, висмута, меди, молибдена, алюминия, железа, марганца, редкоземельных элементов и горючих и неметаллических полезных ископаемых — угля, фосфоритов и др.

Численность населения Казахстана составляет 17 926 500 человек (на 1 января 2017 года). Занимает 63-е место в списке стран по численности населения. Средняя плотность населения 6,58 человек на км² (184-е место в списке стран по плотности населения). Экономически активное население—9,02 млн. чел. (декабрь 2013), население за чертой бедности: 3,1 % (2013), уровень безработицы — 5,3% (2013). Население многонациональное, титульное составляет менее половины от общей численности. Основные общины, помимо титульного населения: русские и русскоязычные, узбеки, киргизы. Межнациональные отношения, несмотря на отдельные эксцессы, стабильные на политическом и бытовом уровне.

Экономика Казахстана — крупнейшая экономика в Центральной Азии, вторая экономика постсоветского пространства (после России). В состав Казахстана входят 14 областей. В 90-е годы ВВП сокращался по сравнению с советским периодом. После 1999 года наблюдался рост, после 2010 в среднем 6-7%. С 2014 страна вступила в период сокращения ВВП, показатели которого зависят от мировых цен на нефть. Но, в целом, по сравнению с соседними странами Центральной Азии ВВП Казахстана развивался до последнего времени чрезвычайно успешно.

Основные отрасли экономики Казахстана: добыча нефти, газа, урана, цветных и черных металлов; а также уголь, железная руда, марганец, хромиты, свинец, цинк, медь, титан;

Рис. 6.1. Рост ВВП Казахстана по сравнению с другими странами ЦА (1990-2014)

производство локомотивов, пассажирских и грузовых вагонов, силовых агрегатов, автомобилей, тракторов и другой сельскохозяйственной техники, строительные материалы, продукты питания.

Несмотря на самую существенную диверсификацию внешнеэкономических связей РК, его основным торговым партнёром остаётся Россия. Из государств дальнего зарубежья успешно развиваются торговые связи с Германией, Турцией, Швейцарией, Чехией, Италией, США, Великобританией, Южной Кореей и другими. Также Казахстан стал главным торговым партнером Индии в Центральной Азии, хотя торговый оборот двух стран невелик.

Экспорт составляет \$82,5 млрд. (2013 г.). Казахстан экспортирует сырье произведенное добывающей, топливной, металлургической и химической промышленностью. Основные

статьи экспорта нефть и нефтепродукты — 18%, металлы, цветные металлы — 17%, черные металлы — 16%, руды — 12%, зерновые культуры — 9%, другое — (химические вещества, машиностроение, шерсть, цемент) — 28%.

Импорт составляет \$48,9 млрд. (2013 г.). Статьи импорта — техника и оборудование, металлические изделия, продукты питания. Основной импортируемой продукцией являются сырье, а именно сырая нефть, машины и оборудование, средства транспорта, приборы и автоматы, химическая продукция, топливо минеральное, продовольственные товары. В 2002–2011 годах в связи с ростом численности населения, повышением его доходов резко увеличился импорт готовых изделий и товаров народного потребления: хлопчатобумажных тканей (с 8,7 млн. м² до 33 млн. м²), обуви (с 5,3 млн. пар до 25,8 млн. пар), холодильников и морозильников (со 136 тыс. штук до 500 тыс. штук) и особенно телевизоров (с 31,5 тыс. штук до 1226 тыс. штук) и видеокамер (с 7,2 тыс. штук до 424,7 тыс. штук).

В целом, Казахстан сократил внешнюю торговлю в 2016 году на 19%. В 2016 году Казахстан экспортировал товары на \$36,7 млрд., а весь внешнеторговый оборот Казахстана составил \$61,9 млрд. В сравнении с аналогичным показателем 2015 года (\$76,5 млрд.) товарооборот страны снизился на 19%. При этом экспорт составил \$36,7 млрд., снизившись по отношению к 2015 году на 20%, а импорт — \$25,1 млрд. (снижение — 17,6%)¹⁰⁹. По данным комитета по статистике, Казахстан экспортировал в страны ЕАЭС продукции на \$3,9 млрд. В сравнении с показателем 2015 года данный объем сократился на 23,5%. Тогда как импорт из стран-участниц союза в 2016 году был равен \$9,6 млрд. и снизился в сравнении с 2015 годом на 13,7%¹¹⁰. Государственный долг Казахстана составляет 16% от ВВП (\$30,7 млрд. — 2015). Внешний долг — 83% ВВП (\$153,5 млрд. — 2015).

¹⁰⁹ Внешняя торговля Казахстана 2016//<http://kazdata.kz/04/2016-04-export-import-kazakhstan.html>

¹¹⁰ <https://ism.kz/kazakhstan-sokratil-vneshnyuyu-torgovlyu-na-19>

Казахстан поддерживает дипломатические отношения со всеми странами ООН. Внешняя политика определяется президентом и парламентом страны и осуществляется Министерством иностранных дел. Казахстан стал действующей региональной силой, ответственной за стабильность во всем центральноазиатском регионе. Основные геополитические партнёры Казахстана — Россия, Европейский союз, Китай, Япония, США, «азиатские тигры». Также Казахстан с 2005 года начал культурные и экономические интеграционные процессы с тюркскими странами, тюркскими регионами в РФ (Якутия, Алтай, Тыва, Хакасия и др.) и КНР (Уйгурский АО).

Казахстан является членом ОБСЕ, организации — Совет тюркоязычных стран, СНГ, ОДКБ, Индивидуальный план партнёрства с НАТО (с 1994 года), ЕАЭС (сооснователь, с 1 января 2015), ШОС, СВМДА, ВТО (с 2015 года). Представители РК участвуют во многих миротворческих операциях (Ирак — саперы, центр тренинга миротворцев ООН в Марокко и др.). Помимо этого, Казахстан оказывает финансовую помощь и другое содействие Киргизии, Афганистану и Таджикистану (Казахстан безвозмездно снабжает оружием ВС Таджикистана).

Сравнительные характеристики включенности РК в мировое пространство достаточно благоприятны. Согласно докладу Программы развития ООН (ПРООН) на 2013 год — Казахстан занимает 69-е место по индексу человеческого развития и был включён в группу стран с высоким уровнем развития. На 2010 год индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) Казахстана составил 66. Страна вошла в группу с высоким уровнем развития человеческого потенциала. По данным Всемирного экономического форума по Индексу глобальной конкурентоспособности Казахстан на 51 месте. Согласно отчёту Всемирного банка Казахстан в рейтинге «Doing Business» (на 2013 год) занял 49 место. Казахстан занимает 79 место в международном рейтинге по уровню инноваций (на 2014 год).

По состоянию на сегодняшний день армия РК представлена: сухопутными войсками, силами воздушной обороны и военно-морскими силами. Ее численность составляет около 100 тысяч человек, входит в сотню наиболее боеспособных армий мира¹¹¹. ВС РК формируются по принципу: 50% призывников, 50% контрактников. Помимо Вооружённых сил, военная организация Республики Казахстан включает в себя другие войска и воинские формирования, предназначенные для выполнения задач военными методами. К ним относятся Служба государственной охраны, Национальная гвардия, воинские формирования МЧС и Пограничная служба КНБ РК. В военное время они также могут передаваться в оперативное подчинение Комитету начальников штабов Министерства обороны.

6.3.2. Политическая ситуация на 2016-2017 гг. и проблемные точки развития

Современная политическая ситуация в РК остается стабильной, что подтвердилось в процессе конституционной реформы, инициированной в 2016 году президентом Назарбаевым (расширение полномочий парламента), а также адресных кадровых решений в рамках борьбы с коррупцией на уровне центрального государственного аппарата и крупных регионов. Тем не менее, в стране сохраняется значительное число проблемных точек, негативно влияющих на реализацию правительственных планов. Так, например, для страны характерна неустойчивость экономического роста.

Экономическое развитие современного Казахстана определяется ориентирами Программы форсированного

---

¹¹¹ <http://fb.ru/article/186396/sovremennaya-armiya-kazhstana-chislennost-i-voorujenie>

индустриально-инновационного развития (ФИИР)¹¹², а также Программы «Казахстан 2030». Однако выполнение генеральных показателей планов обеспечения роли страны как самостоятельного субрегионального центра на пространстве СНГ, подвергается рискам. Главным вызовом является вероятность сохранения низких мировых цен на нефть. Кроме того, Казахстан зависит от притока прямых инвестиций из Китая¹¹³, экономика которого сейчас существенно замедляется. Условно результативными в ближайшем будущем останутся и проекты расширения спектра сырьевого экспорта страны, в частности, за счет урана.

Снижение темпов роста казахстанской экономики будет определять и состояние секторов, не связанных с нефтяными ресурсами. Дополнительным фактором риска выступает также и то, что, судя по заключениям экспертов, казахстанская экономика теряет свой главный драйвер — потребление. Тем не менее, даже в условиях снижения темпов экономического роста Казахстан может смягчить кратковременный кризис благодаря наличию большого Национального резервного фонда, позволяющего решить бюджетные проблемы (в настоящее время из него покрывается примерно треть национального бюджета) и сгладить социальные последствия кризиса.

Нельзя не отметить и ряд моментов, которые могут затормозить становление Казахстана как субрегионального интеграционного узла на пространстве СНГ. Прежде всего, вероятно снижение интенсивности хозяйственного взаимодействия с Киргизией и Таджикистаном, связанное с объективным уменьшением

---

¹¹² В рамках реализации программы Казахстан к 2014 году должен достичь следующих результатов: рост ВВП — на 50% от уровня 2008 года, повышение производительности труда — на 50% в обрабатывающем секторе и на 100% — в отдельных секторах экономики, доведение доли несырьевого экспорта до 40%, снижение энергоёмкости ВВП на 10% от уровня 2008 года, а также увеличение до 10% доли инновационных предприятий от числа действующих. Достигнув поставленных в Программе ФИИР задач Казахстан сможет обеспечить диверсификацию и повысить конкурентоспособность национальной экономики в долгосрочном периоде и увеличить ВВП до 2015 года на 7 трлн. тенге или примерно на 50% от ВВП 2008.

¹¹³ В 2011 году КНР обеспечивала почти половину всех ПИИ в Казахстане.

финансовых возможностей казахстанской стороны в период 2014-2016 годов. Перспективы сотрудничества с Узбекистаном в ближайшее время улучшатся, но не достигнут крупных практических результатов из-за накопившихся в постсоветский период системных противоречий.

Во-вторых, неуверенность, которую все больше испытывает современная казахстанская элита, неизбежно отразится на эффективности национальной экономической системы, которая и так более чем на треть работает в режиме «серой» экономики. И, наконец, по мере расширения стабилизационных инициатив команды президента Назарбаева, будет нарастать критика конкретных экономических шагов и их кадрового обеспечения. Особенно болезненной реакции следует ожидать, в частности, в связи с перспективами увеличения заимствований из Национального резервного фонда или новой пропагандистской «раскрутке» отдельных номенклатурных фигур, входящих в ближайшее президентское окружение.

В течение всего постсоветского периода одной из самых сложных задач казахстанской государственности было и остается нациестроительство. И хотя угроза «взрыва» межнациональных отношений за счет действий радикальных националистов, активизировавшихся в 90-е годы во всех сегментах казахстанского общества, отступила, необходимость нейтрализации рецидивов этнократического мышления значительной части элит не снята с повестки дня. Характерно, что сегодня эти рецидивы затрагивают уже не только межнациональные отношения (главным образом, отношения по линии «казахи-русские» и «русские-казахи»), но и процессы, происходящие в среде титульного казахского этноса. Дополнительные противоречия порождаются действиями правительства в сфере языковой политики, когда откровенное давление на русскоязычное образовательное и информационное пространство смягчается, но одновременно акцентируется необходимость введения равнозначных программ школьного обучения русскому и английскому языкам.

Состояние казахстанской экономики способствует неустойчивости предпочтений по отношению к евразийской интеграции.

В силу фрагментарности казахстанских правящих кругов, архитектура внешнеэкономического партнерства существенно влияет на интеграционные приоритеты страны, которые в понимании не только оппозиционных критиков, но и ряда членов президентской команды являются, во-первых, ситуативными, а во-вторых, избыточными. В контексте технократических подходов, преобладающих в среде молодого поколения казахстанской элиты, евразийская интеграция не включается в число жизненно необходимых условий развития Казахстана. Популярность евразийского интеграционного направления блокируется и чисто прагматическими интересами малого и среднего бизнеса.

Значительные сложности для позитивного восприятия движения по евразийской траектории создает и отсутствие ожидаемого населением повышения уровня жизни, который заметно снижается из-за коррупции, социального расслоения, затратных административных решений, очевидного для всех эгоизма представителей правящих кругов. Поэтому, как бы успешно ни продвигались технические согласования элементов экономического сотрудничества, негативное отношение казахстанской стороны к институционализации наднационального регулирования интеграционного взаимодействия и противодействие расширению состава интегрирующихся субъектов в обозримое время сохранятся.

Основная часть долгосрочных стратегических ориентиров сформулирована руководством страны исходя из «идеальных» и завышенных представлений о значимости природных ресурсов, инвестиционной привлекательности и уровня развития человеческого капитала страны. При этом не учитывается, возможность их реализации только в тесном сотрудничестве с Россией, как в сфере безопасности, так и экономики. В политической практике возникает разрыв между «словом» и «делом».

Противоречия участия РК в ЕАЭС носят долговременный характер. Зависимость экономики Казахстана от сырьевого сектора и внешних экспортных рынков пока только усиливается, причем большинство этих рынков расположено за пределами ЕАЭС и СНГ в целом. На долю России и Белоруссии — приходится менее

15% экспорта и около трети импорта страны. Среди других внешнеторговых партнеров крупнейшим консолидированным контрагентом, как по экспорту, так и по импорту, выступает Китай, динамично наращивающий свое присутствие в казахстанской экономике. Восточный «китайский» вектор сегодня заметно перевешивает «западный» (в том числе турецкий) вектор внешнеторгового партнерства Казахстана, причем этот дисбаланс продолжает усиливаться, несмотря на президентские инициативы. Однако, в целом, из-за торможения казахстанско-российского сотрудничества, утверждение Казахстана как самостоятельного участника региональных и глобальных рынков также тормозится. Несмотря на заявленные проекты радикального изменения участия Казахстана в международном разделении труда, реальная возможность подобных изменений в ближайшие 5-7 лет маловероятна.

Казахстан сохраняет уязвимость перед вызовами трансграничных водных конфликтов, афганского наркотрафика, нелегальной миграции, террористических атак, расширения исламистского подполья в южных и западных районах страны. В этой связи современное состояние Казахстана является переходным, а возможности его изменения на этапе до 2025 определяются в контексте двух основных сценариев.

6.3.3. Позитивный сценарий эволюции Казахстана до 2025 года

Несмотря на уход (снижение вовлеченности в управление) первого казахстанского президента Н. Назарбаева в 2017-2018 годах обеспечена устойчивая основа перехода власти к новым политическим фигурам и консенсус между ними. Властная иерархия укрепляется, что позволяет повысить активность в деле модернизации хозяйственной системы, борьбы с коррупцией и повышения социальной ответственности элиты. Принимаются дополнительные меры по сохранению межнационального согласия в среде населения Казахстана, проявления радикального казахского национализма пресекаются, подтверждается статус русского языка.

Сохраняется тесное сотрудничество с Россией и конструктивная поддержка ее инициатив в рамках ЕАЭС.

Наметившаяся в 2015-2016 годах внутривнутриполитическая напряженность блокируется повышением темпов экономического роста (особенно в случае повышения цен на нефть) и действиями правительства по выполнению программы «Казахстан 2030» (реиндустриализация). На фоне позитивных внутривнутриполитических изменений повышается международный статус Казахстана, мобилизуются ресурсы для продолжения серии крупных международных мероприятий на казахстанской территории (олимпиад, форумов, конференций). Оставаясь в орбите преимущественного российского влияния, Казахстан активно использует ресурсы сотрудничества с Китаем, и другими зарубежными партнерами, что позволяет ему укрепить свое положение как регионального центра регулирования международного взаимодействия.

Наряду с сотрудничеством в рамках ОДКБ, Казахстан успешно повышает боеспособность национальных вооруженных сил за счет технического переоснащения, оптимизации системы тылового обеспечения и эффективности воспитательной работы с личным составом всех родов войск. Приоритетное развитие получают части специального назначения. Укрепляется пограничный контроль. Расширяется участие Казахстана в международных миротворческих операциях.

6.3.4. Неблагоприятный сценарий эволюции Казахстана до 2025 года

Этот сценарий возможен в случае значительного повышения внутривнутриполитической турбулентности в ходе транзита президентской власти и сопутствующего обострения клановой и персональной конкуренции. Примечательно, что линии раскола правящих кругов будут зависеть не только от традиционных (жузовских, семейных) связей между крупными персональными деятелями во властных структурах, но и от их ориентации на разные направления внешнего сотрудничества. Пророссийский сегмент казахстанских элит, хотя и остается доминирующим, его влияние после создания ЕАЭС не возросло, а несколько сократилось за счет сторонников дополнительной

активизации многовекторного сотрудничества, прежде всего, на американском и западноевропейских направлениях, поскольку существенная часть молодой части казахстанских управленцев обучались на Западе.

Повышение внутривекторной турбулентности, не зависимо от степени остроты ее проявлений (не исключены провокации крупных протестных выступлений, террористические акты и массированное информационное давление), будет блокировать позитивный тренд продвижения Казахстана (сценарий А) и приведет к существенной потере исторического времени, необходимого для принятия мер по выполнению программы «Казахстан 2030», а также поддержания высокого международного авторитета страны в региональной и трансрегиональной проекции.

Таким образом, на этапе 2017-2025 развитие Казахстана по благоприятному (А) и неблагоприятному (Б) сценарию зависит от событий, непосредственно связанных с транзитом президентской власти. Хотя вариант (А) является более вероятным, необходимо учитывать и возможность активизации условий реализации варианта (Б), в котором чрезвычайно заинтересованы западные «партнеры» Казахстана, и гарантии неучастия в котором со стороны Китая пока недостаточны.

6.3.5. Сценарии развития Казахстана в 2025-2050 годах

За пределами среднесрочной перспективы (2025-2050 гг.) развитие Казахстана с высокой степенью вероятности пойдет в русле продолжения сценария (А). Другими словами, страна продолжит эволюционный путь модернизации, активизирует развитие своего экономического потенциала, человеческого капитала, укрепит статус авторитетного участника региональной и трансрегиональной политики. Однако продолжение позитивного тренда казахстанского развития зависит от двух важнейших обстоятельств. Во-первых, от способности правящих кругов страны преодолеть вызовы транзита президентской

власти, одновременно наращивая усилия по реформированию социально-политических условий общественного бытия. Во-вторых, от эффективности российской политики на казахстанском направлении, умении добиваться повышения заинтересованности казахстанской номенклатуры в наднациональном регулировании экономического взаимодействия по линии ЕАЭС, двустороннем и многостороннем гуманитарном сотрудничестве на пространстве СНГ, способности обеспечить поддержку важнейших международных инициатив казахстанской стороны.

Позитивный сценарий (А) на этапе 2025-2050 годов не является абсолютно предрешенным. Неоднозначные результаты транзита власти, реактивная российская политика на казахстанском направлении (возможна из-за недостатка материального обеспечения), усиление внешнего вмешательства во внутривнутриполитические процессы Казахстана приведут не просто к микшированию «хорошего» и «плохого» до некоей усредненной, но приемлемой величины, а к возобладанию, причем решающему, всех компонентов негативного тренда, проекции деструктивных параметров сценария (Б). Подключение Казахстана к Всеобъемлющему евразийскому партнерству (российско-китайский проект создания системы трансрегионального сотрудничества) только усугубит нестабильность страны, которая станет полем конкуренции «пророссийских» и «прокитайских» сегментов национальной элиты.

В целом, среднесрочный и долгосрочный этапы развития Казахстана предполагают повышение значимости этой страны для российской внешней политики и объективный рост разнообразных вызовов. Важной гарантией предотвращения развития этих потенциальных вызовов в актуальные риски является усиление российского внимания к формированию казахстанской военной элиты, способной к использованию современных неядерных вооружений и обладающей опытом его применения во взаимодействии с российскими вооруженными силами.

6.4. Сценарии трансформации центральноазиатской региональной ситуации.

Построение прогностических сценариев развития ситуации в центральноазиатском регионе сопряжено с высокой вариативностью базовых условий, вызванной клановостью местных политических элит, незавершенностью государственного строительства и отсутствием (полным или практически полным) демократических структур, способных оказать на общество предсказуемое влияние. Свою лепту в непредсказуемость параметров возможного развития вносит присутствие широкого круга влиятельных региональных и внерегиональных акторов, заинтересованных в использовании сырьевых и политических ресурсов Центральной Азии.

Тем не менее, несмотря на потенциально конфликтогенное развитие ситуации в Центральной Азии, в течение четверти века России удастся сдерживать амбиции местных элит за региональное лидерство и ограничивать политическое воздействие на них внерегиональных акторов. Нельзя, однако, исключать, что в дальнейшем, особенно за пределами краткосрочной перспективы, обстановка будет складываться не в пользу российской стороны. С учетом внутренних и внешних факторов, а также последних событий в Афганистане, на Ближнем Востоке и Северо-Восточной Азии, целесообразно рассмотреть три наиболее вероятных сценария развития в регионе: вариант консервативной эволюции, региональной фрагментации и региональной консолидации.

6.4.1. Прогноз развития в рамках сценария «консервативная эволюция»

Подобный гипотетический сценарий будет определяться устойчивостью основных системных характеристик региональной обстановки и положительной динамикой экономического

развития центральноазиатских стран. Какова могла бы быть динамика событий при рассматриваемом сценарии? Полагаем, что она проходила бы по следующим этапам.

- На фоне многосторонних усилий по преодолению общих вызовов и угроз происходит постепенное снижение противоречий стран Центральной Азии по водным, территориальным, транспортным, таможенным и гуманитарным вопросам.
- Ослабляется недоверие в отношениях между Узбекистаном и его соседями. Расширяется двустороннее сотрудничество стран Центральной Азии с афганскими властями, в том числе провинциального уровня.
- Транзитная инфраструктура сил международной коалиции остается функционально ограниченной. Китай плавно усиливает свои экономические позиции в Казахстане, Туркмении и Узбекистане, сохраняя избирательный подход к каждой из пяти центральноазиатских стран.
- Многовекторная внешняя политика Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Туркмении носит сбалансированный характер и смягчает конкуренцию между различными участниками регионального взаимодействия.

Предпосылками реализации подобного сценария являются успешное углубление многоцелевого сотрудничества в формате ОДКБ и эффективная деятельность властной вертикали в каждой из центральноазиатских стран. Необходимым условием остается стабильное развитие регионального нефтегазового комплекса на национальном и трансграничном уровне, хотя очевидно, что уже в ближайшие годы резко возрастает потребность в дополнительных инвестициях в реальный сектор экономики. Существенную роль играет периодическое согласование позиций центральноазиатских государств относительно практики регулирования водных, энергетических и пограничных проблем.

В качестве важного элемента выступает также налаживание сотрудничества между ОДКБ и НАТО по ряду вопросов афганского мирного процесса, предваряющее активизацию

ШОС на этом направлении. Позитивным моментом станет и продолжение конструктивной линии иранского руководства, направленной на предотвращение дестабилизации региональной обстановки.

Основные риски в контексте «консервативного эволюционного сценария» создают такие моменты как усиление различных проявлений узкокорпоративных интересов центральноазиатских элит и низкий уровень политической ответственности у большей части правящих кругов, которые обусловлены масштабным экспортом сырьевых товаров.

На этом фоне, процесс осуществления национальных стратегий промышленного и инновационного развития находится в самой начальной стадии, что делает проблематичной «горизонтальную» интеграцию между странами региона, препятствует их экономическому сотрудничеству в многостороннем формате. В то же время интенсификация китайской торговой-экономической политики в отношении Казахстана, Туркмении и, вероятно, Киргизии чревато окончательной «привязкой» этих стран к китайскому рынку в пределах среднесрочной перспективы.

Потенциальные геополитические последствия консервативного сценария заключаются в «мягкой» дифференциации центральноазиатской пятерки. Центральная Азия как бы делится на Север (Казахстан, Киргизия) и Юг (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения), причем Китай существенно усиливает свои позиции в зоне разделительных линий этих условных сегментов. Происходит значительное ослабление западного присутствия в Афганистане и большинстве стран Центральной Азии, а Китай входит в прямое соприкосновение с системой разноплановых интересов исламского мира, связанных с природными, территориальными и политическими ресурсами центральноазиатского региона. Казахстан дистанцируется от региональной турбулентности и усиливает сотрудничество с Россией на военно-политическом, экономическом и гуманитарном направлениях.

6.4.2. Прогноз развития в рамках сценария «региональная фрагментация»

Данный прогноз развития определяется неустойчивостью социально-политической обстановки и возможностью активизации разновекторного внешнеполитического дрейфа стран Центральной Азии. На фоне столкновения различных стратегий по так называемому форматированию и переформатированию регионального пространства процесс фрагментации может усилиться как вследствие латентного соперничества Узбекистана и Казахстана за приоритеты и влияние в регионе, амбиций лидеров небольших центральноазиатских стран, исторических претензий, так и в результате воздействия внешних факторов.

Решение насущных проблем в сфере водопользования, энергетики, транспорта, наркотрафика, экологии затягивается, либо ограничивается краткосрочными договоренностями. Разобщению стран региона способствует и различная степень угрозы со стороны радикального исламизма, а также различная степень уязвимости в случае обострения обстановки в Афганистане.

Транзитная инфраструктура сил международной коалиции, сохраняющей присутствие в Афганистане под эгидой США, расширяется, а связанные с ней политические договоренности все большее подрывают внутреннее единство всех центральноазиатских элит. Происходит сдвиг курса КНР от взвешенного и осторожного к более жесткому и активному.

Сырьевой статус экономических систем центральноазиатских государств определяет постоянное нарастание зависимости от различных зарубежных центров, а внешняя политика, прежде всего Таджикистана и Киргизии, утрачивает сбалансированный характер. Казахстан и Узбекистан периодически демонстрируют планы включения Туркмении в орбиту своего влияния и в целом стремятся не допустить ослабления конкуренции между различными участниками регионального взаимодействия.

Предпосылками реализации сценария «региональной фрагментации» являются постоянная напряженность в зонах

традиционных конфликтов и возможное появление новых очагов нестабильности, клановая конкуренция за право распоряжения экспортными доходами, коррупция в среде президентских команд. Возрастет и значение таких факторов, как усиление раскола афганского политического пространства, продолжение массированного наркотрафика и активизация этнических связей разделенных государственными границами таджиков. Существенную роль могут сыграть ожидаемые попытки администрации США укрепить свое региональное присутствие за счет «растаскивания» центральноазиатских республик по различным проектам и структурам.

В качестве важного элемента региональной фрагментации следует рассматривать и отсутствие сотрудничества между ОДКБ и НАТО по вопросам афганского урегулирования. Негативным моментом может стать обострение отношений между Ираном и США и его проекция на региональные процессы.

Основные риски для России в контексте фрагментационного сценария заключаются в подрыве системы международной безопасности в непосредственной близости от российских границ, что будет способствовать укреплению позиций радикального исламизма в универсальном и региональном масштабах. В то же время гарантия установления баланса интересов основных глобальных игроков в центральноазиатском регионе станет нереальной.

Потенциальные геополитические последствия реализации прогноза «фрагментационного сценария» приведут к окончательной утрате Россией ее влияния и ведущих позиций в региональном взаимодействии. Российские интересы будут рассматриваться Китаем и США как второстепенные, что сузит возможности российской внешней политики и на других направлениях. Основные запасы сырья Центральной Азии переходят под контроль Китая, что позволит ему стремительно наращивать масштабы своего экономического присутствия в регионе и за его пределами. На фоне региональной турбулентности Казахстану не удастся утвердить свой статус самостоятельного центра регионального влияния и лидера интеграционных процессов в Центральной Азии.

6.4.3. Прогноз развития в рамках сценария «региональная консолидация»

Реализация данного сценария была бы наиболее благоприятна для усиления российских позиций в регионе. «Региональная консолидация» определяется возможностями оживления интеграционных процессов в контексте целенаправленной деятельности ЕАЭС, активизации научного и культурного сотрудничества между странами европейского и центральноазиатского сегментов постсоветского пространства. Динамичное продвижение к консенсусу между интересами центральноазиатских государств в области энергетики, водоотведения, экономики и экологии.

Создание общих органов статистической информации, принятие четких определений прав, обязанностей и форм ответственности по управлению трансграничными ресурсами. Нормативная и ресурсная поддержка развития «горизонтальных» связей между хозяйственными системами стран на двусторонней основе.

Укрепление регионального экономического влияния Казахстана. Осуществление многосторонних экологических проектов с участием Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Развитие двусторонних связей между странами Центральной Азии и Афганистаном дополняется согласованием проектов с участием структур ЕАЭС. Китай придерживается избирательного подхода к сотрудничеству со странами региона, однако уровень его влияния в Казахстане, Туркмении и Узбекистане относительно стабилизируется.

Предпосылками реализации этого сценария могли бы стать улучшение социально-экономической обстановки в странах Центральной Азии, укрепление роли ОДКБ в развитии системы региональной безопасности. Сближение между Казахстаном и Узбекистаном. Углеводороды и другие сырьевые ресурсы обеспечивают стабильные экспортные поступления в бюджеты центральноазиатских государств. Необходимым условием выступает привлечение дополнительных инвестиций в развитие реального сектора экономики, инфраструктурные и экологические проекты.

Существенную роль играет также оптимизация форм сотрудничества между ЕАЭС и ШОС, расширение их координационных связей. Позитивным моментом станет оперативное определение форматов деятельности евразийских транспортных коридоров с учетом участия Казахстана в ЕАЭС.

Поскольку перечисленные факторы, способные создать предпосылки развития «интеграционного сценария», пока существуют «в первом приближении», то его реализация на этапе 2017-2025 остается маловероятной. Основные риски в контексте реализации интеграционного сценария связаны с неустойчивым положением, в котором находятся практически все центральноазиатские страны и их уязвимостью в условиях многовекторной политики.

Сложность нерешенных проблем, которые необходимо согласовать, в том числе, координация экспортных цен, общая таможенная политика по основным видам сырья и конкретным группам товаров, политика в отношении национальных производителей, монетарная политика в отношении допустимых уровней бюджетного дефицита, выстраивание механизмов взаимодействия с глобальным рынком и другие делают реализацию интеграционного сценария формально весьма затратной для российской стороны. Вероятность снижения издержек этого варианта развития региональной ситуации повышается на этапе 2025-2050 гг., когда система приоритетов России и Китая подтвердит стратегическую сопряженность, позволив уточнить статус каждого центральноазиатского государства и, прежде всего, Казахстана в архитектуре регионального взаимодействия.

Глава VII.

Ближний Восток

7.1   Сценарии развития Ближнего Востока до 2025 года

В отношении Ближнего Востока на период до 2025 года возможны три сценария развития событий. Первый сценарий можно условно обозначить как «Сохранение неопределенности развития ситуации. Сохранение конфликтогенности». Второй рассматривает вариант развития ситуации, когда влияние Запада в регионе будет усиливаться, а третий, наоборот, исходит из постепенного уменьшения западного влияния в регионе.

7.1.1.   Сохранение неопределенности и конфликтогенности

Данный сценарий предполагает, что к 2025 г. сохранится неопределенность ситуации, прежде всего, в зонах острых внутренних конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке — Ираке, Сирии, Йемене, Ливии. Будет наблюдаться дальнейшее разрушение политико-географического ареала региона, определенное еще соглашением Сайкса — Пико (Sykse-Picot agreement) от 16 мая 1916 г. между правительствами Великобритании, Франции и позднее России, определившего зоны влияния великих держав на

Ближнем Востоке. Фактически, после 2011 г. — времени так называемой «арабской весны» (или «арабских бунтов») — этот ареал был уже разрушен с выходом на поверхность и активной политической деятельностью внутренних акторов («арабской улицы»), которые заставили уйти с политической сцены прежние консервативные режимы, десятилетиями находившиеся у власти в Египте, Тунисе, Йемене. А в других странах, после вмешательства Запада (Ливия, Ирак) или поддержанных Западом внутренних конфликтов (Сирия) внутреннее противостояние правящих режимов и оппозиции переросло в острые и затяжные гражданские войны с участием негосударственных акторов — радикальных исламистских группировок типа т.н. «Исламского государства» или «Даиш», «Джабгат — ан Нусра» и др.

Предпосылками данного сценария является также и то, что ни у одного из ключевых внешних игроков (стран Запада, прежде всего США, а также Великобритании, Франции и в меньшей степени Германии и Италии и России), а также внутрирегиональных акторов (Ирана, монархий Персидского залива, Турции, Саудовской Аравии) нет системного глобального варианта или видения того, как выйти из этого кризиса. Кроме того, к 2025 г. многократно возросла роль в консервации и дальнейшей эскалации этого кризиса локальных элементов, прежде всего, радикальных исламистских группировок, которые наряду с основными акторами внутренних кризисов — правящими кругами и оппозиционными движениями и группировками — являются активными участниками острых гражданских конфликтов в странах региона — ИГ или «Даиш» в Сирии, Ираке и Ливии, «Аль-Каида — Аравийский полуостров» в Йемене.

Дальнейшая консервация и эскалация конфликтогенности в странах региона — зонах острых внутренних кризисов и отсутствии системного глобального видения выхода из них по состоянию на 2025 г. привела к тому, что в Ираке и Сирии наблюдается фрагментация внутреннего развития. При этом в Сирии фактически жесткий правящий режим президента Башара Асада стал еще более жестким в результате достижения им при поддержке России и Ирана победы над внутренней оппозицией, в том числе и

умеренной, и нейтрализации радикальных исламистских группировок. А в Ираке произошел раскол страны по зонам компактного проживания суннитов, шиитов и курдов, с созданием последними своего автономного квазинезависимого курдского государства, включающего в себя зоны проживания курдов собственно в Ираке, Сирии и Турции, о создании которого уже было объявлено в 2016 г. лидером иракских курдов. Это еще больше будет способствовать консервации состояния неопределенности в регионе.

В Ливии после победы генерала Халифа Хафтара над оппозиционными группировками при военной поддержке России (но без участия российских военных) страна фактически разделилась на три основные зоны — часть, контролируемую вокруг Тобрука Ливийской национальной армией под командованием генерала Хафтара и избранным ливийским парламентом (признаны ООН в качестве легитимных руководителей Ливии). Вторую часть вокруг столицы страны — Триполи, лояльную правительству Фаиза Сараджа. (оно тоже признано ООН, но в отличие от парламента в Тобруке, который был избран путем голосования, не является таким же легитимным). И третью часть, примыкающую к ливийско-египетской границе, контролируемую последователями ИГ (которая потерпела поражение от ливийской национальной армии) — новыми радикальными исламистскими группировками.

Данный сценарий предполагает, что в Сирии после победы лояльной президенту Башару Асаду армии над радикальными исламистами (ИГ. «Джабгат- ан Нусра») и прозападной оппозицией поддержка Россией режима в Дамаске еще больше увеличится. Уже очевидно, что Москва ни в каком варианте не «сдаст» президента Асада в ответ на призывы т.н. «умеренной оппозиции» — («Свободная Сирийская армия» и др.), а также западных партнеров, прежде всего США и Великобритании.

Также увеличится вовлеченность Турции и Ирана в иракский и сирийский (Турция) и йеменский (Иран) кризисы. Следует напомнить в этой связи, что в конце лета 2014 г. обострилось вооруженное противостояние между шиитским движением «Ансар Алла» (выражает интересы шиитов-зейдитов, 30% населения

Йемена), с одной стороны, и сторонниками суннитской партии «Ислах», а также армейскими подразделениями, лояльными президенту А. Хади, — с другой. Закончилось всё захватом бойцами шиитского ополчения (именуемых хоуситами по имени своего ныне покойного лидера Хусейна Хуси) девяти северных провинций страны, а затем йеменской столицы и расположенных в ней правительственных учреждений. Движение «Ансар Алла», неожиданно для регионалов и международного сообщества в целом, стало ведущим игроком на политической сцене Йемена и главным претендентом на власть в стране. Хоуситы вынудили президента А. Хади подписать Соглашение о мире и национальном партнерстве, в рамках которого йеменский парламент утвердил новое правительство технократов во главе с Халедом Бахахом. Ключевые посты в правительстве отошли представителям «Ансар Алла».

С учетом вышесказанного, можно предположить, что данный сценарий имеет будет иметь большую вероятность реализации (50%). Объясняется это тем, что к 2025 г. внутренние конфликты в регионе (гражданская война в Сирии, кризисная ситуация в Ираке, внутренние конфликты в Йемене и Ливии) не будут разрешены, а будут находиться в «полузамороженном» состоянии. Это произойдет, во-первых, потому, что, как уже указывалось выше, будет отсутствовать системный глобальный выход из этих кризисов среди ключевых внешних игроков (США, Россия, Иран, Турция, Саудовская Аравия, страны ЕС). Во-вторых, на региональном уровне вероятные инициативы региональных игроков (Египет, Иордания, Израиль) и межгосударственных объединений (ССАГПЗ) не будут работать с тенденцией полноценного втягивания этих игроков в эти конфликтные ситуации. В-третьих, на глобальном уровне инициативы таких международных организаций, как ООН, ЕС, НАТО не смогут преодолеть «эффект заморозки конфликтного потенциала» и все более расходящиеся интересы и цели основных участников конфликтов.

При этом сохранится стремление алавитского режима Башара Асада в Сирии оставаться у власти, пользуясь поддержкой России и Ирана, и в союзе с шиитской «Хезболлой», в течение

неопределенного времени. При этом сопротивление этому режиму со стороны сирийских суннитских оппозиционных группировок будет подавлено. Не исключено, что режим Башара Асада к 2025 г. даже вступит в некие договоренности о разделе сфер влияния и территорий в Сирии для своего выживания, а также для совместной борьбы с оппозиционными группировками.

При этом коалиции для борьбы против ИГИЛ, возглавляемые соответственно, США (западная коалиция), Россией и Ираном (Россия, Иран, Ирак и Турция), а также Саудовской Аравией, увязнут во внутренних противоречиях и не смогут предложить реалистичный вариант выхода из сирийского кризиса с учетом интересов всех основных его участников. В Ираке к 2025 г. одержавшее победу над ИГИЛ в Мосуле при поддержке курдского ополчения шиитское проамериканское правительство аль-Малики, во-первых, будет продолжать сталкиваться с глубокими противоречиями и конфликтовать с иракскими курдами, арабо-суннитским меньшинством и его оппозиционным центральному правительству авангардом — «Свободной армией Ирака», которая продолжит вооруженную борьбу против центрального правительства. Это будет означать пролонгацию гражданской войны (продолжение внутреннего конфликта в условиях неопределенности ситуации в стране) в этой стране.

Во-вторых, внешние игроки, которые задействованы во внутрииракском конфликте (США, Турция, Иран, в меньшей степени — Саудовская Аравия) так же, как и в случае с Сирией, не смогут предложить эффективных путей выхода из иракского кризиса. А Россия по-прежнему воздержится от вмешательства в иракский внутренний кризис, будучи полностью поглощенной сирийским гражданским конфликтом. В Йемене к 2025 г. победа хоуситов над правительственными войсками еще больше увеличит состояние неопределенности и «вакуума силы», который возникнет после истощения сил противоборствующих сторон, включая вооруженные группировки бывшего президента страны Салеха.

Этим обязательно воспользуется террористическая группировка «Аль-Каида — Аравийский полуостров» для расширения

своей террористической деятельности, а вмешательство вооруженных сил США и Саудовской Аравии в отсутствие эффективных работающих инициатив со стороны международных организаций (ООН, ЕС, ЛАГ), направленных на национальное примирение в этой стране, при позиции равноудаленности от конфликтующих сторон России и некоторых западных стран (Великобритании, Франции и Германии) и усилении вмешательства со стороны Ирана лишь загонит внутрийеменский гражданский конфликт в тупиковое состояние. А это будет означать пролонгацию кризиса.

В Ливии к 2025 г. вероятно победа Ливийской национальной армии генерала Хафтара над радикальными исламистскими группировками и полевыми командирами основных племен в этой стране. Это вызовет укрепление авторитета генерала Хафтара, но будет в то же время стимулировать продолжение ожесточенной межклановой борьбы. А это будет способствовать сохранению неопределенности внутренней ситуации в этой стране и продолжению внутреннего кризиса.

В целом, описанные выше причины обоснования реализации данного стратегического сценария означают сохранение к 2025 г. ситуации неопределенности и конфликтности в зонах основных конфликтов в регионе Ближнего Востока.

Данный сценарий весьма вероятен (80%) в условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства», поскольку к 2025 г. произойдет резкая поляризация глобальных центров силы, причем старые центры — США, ЕС будут проецировать свою силу в меньшей степени, чем новые центры — Китай, Индия, Россия. Особо актуальными для региона Ближнего Востока и Северной Африки будут новые центры силы — нуклеаризованный Иран, ставший региональным гегемоном, и Турции, которая будет соперничать с Ираном и Израилем за региональную гегемонию, вероятно, даже вступив в союз с Саудовской Аравией, ослабленной внутривнутриполитической борьбой и борьбой с международными террористическими группировками на своей территории.

Именно эти новые региональные центры силы — Иран и Турция, а также Саудовская Аравия, которая в другом возможном

варианте этого сценария также станет нуклеаризованным (в случае нуклеаризации Ирана) региональным гегемоном, и Израиль, который к 2025 г. значительно усилится в силу того, что останется не втянутым в основные региональные конфликты, — будут определять конфигурацию урегулирования или наоборот, пролонгации конфликтности в основных очагах острых внутренних конфликтов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

В условиях нарастания процессов многополярности и регионализации реализация данного сценария менее вероятна (40%) или практически мала, поскольку этот вариант глобального развития предполагает всемерное внутреннее развитие региона и его составных частей в политической, экономической, военной, культурной и информационной сферах, что несовместимо с сохранением состояния неопределенности.

7.1.2. Прозападная коалиция. Вытеснение России и Ирана

Данный сценарий предполагает, что к 2025 г. региональная политическая конфигурация будет характеризоваться, прежде всего, тем, что ключевые региональные игроки — Ирак, Сирия, Йемен, Турция, Саудовская Аравия, Египет, Тунис, Ливан, Израиль, а также Ливия будут участвовать в создании прозападной коалиции, и такая коалиция — своего рода «арабское НАТО» — будет создана под главенством США и Великобритании. При этом будет наблюдаться вытеснение России и ее ключевого союзника в регионе — Ирана из региона БВ.

В этой прозападной региональной коалиции, которая будет состоять как из шиитских, так и суннитских государств, а также еврейского государства Израиль противоречия между ее участниками отойдут на второй план ради общей цели — под руководством США и Великобритании полностью вытеснить Россию и Иран из регионального уравнения и создать, как уже было сказано выше, т.н. «арабское (точнее арабо-турецко-еврейское) НАТО».

Эта организация будет, вместо России, Ирана и союзника Ирана и Сирии ливанского движения «Хизбалла», под руководством США и Великобритании диктовать свои условия остальным региональным странам, включая и борьбу с радикальными исламистскими организациями (Даиш, Джабгат-ан-Нусра и др.).

При этом надежды курдских этнических меньшинств в Турции, Ираке и Сирии на создание своего автономного компактного квазигосударственного образования будут окончательно похоронены в силу того фактора, что курдские национальные движения в этих странах — РПК в Турции, иракские движения в Ираке и Сирии, стремящиеся к автономии перестанут получать поддержку США и будут подавлены в Турции, Ираке и в меньшей степени, в Сирии, как только будет создано «арабское НАТО». А боевые отряды «курдской Пешмерги», основной наземной военной силы, наряду с иракской армией, в борьбе против Даиш и других радикальных джихадистских группировок (которые в еще большем количестве будут к 2025 г. появляться вместо терпящего поражение ИГ) будут распущены и перестанут представлять независимую военную силу, поскольку она будет представлять угрозу для созданной США и Великобританией прозападной арабской коалиции и продвижению внешнеполитических задач этих западных стран по закреплению своего присутствия в регионе БВ.

Что касается зон острых конфликтов Ирака и Сирии, то к 2025 г. Ирак в основном сохранит свою государственность, хотя северная часть территории страны будет находиться под контролем Турции, которая вытеснит оттуда Иран и проиранские военизированные группировки. А Сирия перестанет быть единым государством, распавшись на несколько квазигосударственных образований. Часть страны вокруг Дамаска и Алеппо будет контролироваться алавитами, лояльными президенту Башару Асаду. Та часть страны, где большинство составляют сунниты — будет контролироваться суннитскими радикальными исламистскими группировками, включая остатки «Даиш». Шиитская часть отойдет под контроль Ирана, откуда его будут активно вытеснять

Турция и США, часть страны, приграничная Турции — соответственно отойдет под контроль Турцией.

Таким образом, будет зафиксирована федерализация Сирии, осуществленная неконституционным, насильственным путем. В этой федерализованной Сирии влияние России и Ирана, а также «Хезболлы» будет сведено к минимуму, а к 2025 г. — полностью сойдет на нет. При этом внутренние конфликты в Ираке и Сирии будут продолжаться. Причем, новая прозападная коалиция региональных игроков будет пытаться навязать свое мирное урегулирование этих кризисов (Сирия без Башара Асада, оставшегося без поддержки России и Ирана; внутрисударственный конфликт в Ираке будет разрешаться при непосредственном участии США и Великобритании и Саудовской Аравии).

Таким образом, данный сценарий характеризуется существенным изменением к 2025 г. геополитической конфигурации региона БВ в виде создания прозападной коалиции из числа ключевых региональных арабских и неарабских акторов и так же как и в сценарии 1, пролонгацией острых внутренних конфликтных ситуаций внутри региона.

Данный стратегический сценарий имеет относительно высокую степень вероятности в силу того, что к 2025 г. в условиях неурегулированности внутренних острых конфликтов в Ираке, Сирии, Йемене и Ливии и еще большем возрастании роли России и ее ближайшего союзника в регионе — Ирана, а также неудач западной коалиции против ИГИЛ, у ключевых внешних западных акторов — США и Великобритании — возрастет стремление к активному вмешательству в дела региона, и полному вытеснению из него России и Ирана, с которыми на глобальном и региональном уровнях к 2025 г. резко возрастут противоречия. Это вовлечение западных стран в дела региона, однако, будет осуществляться не путем прямого военного вмешательства в конфликтные ситуации, а через своих ставленников (proxies), объединенную в прозападную коалицию арабских (и неарабских стран региона). При этом западные страны — США и Великобритания — будут активно создавать военные базы на территориях своих ближайших

союзников — Саудовской Аравии, Израиля, Иордании и в меньшей степени Турции, а также на подконтрольных им территориях Ирака и Сирии.

Все эти факторы входят в прямое неприятие западными странами к 2025 г. активного военного участия России и Ирана в сирийском кризисе путем присутствия в этих странах расширенной к 2025 г. группировки ВКС России и российского спецназа в Сирии, а также частей Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) и полувоенной организации басиджей. А в Ираке — проирански настроенных курдских военизированных формирований. Кроме того, данный сценарий вероятен и в силу того, что помимо указанных выше акторов, западные страны к 2025 г., в условиях нарастания противоречий на глобальном и региональном уровнях между Россией с одной стороны (режим санкций против России будет сохранен и даже расширен), и США и Великобританией, с другой, весьма вероятно, полностью откажутся от сотрудничества, в том числе и военного, с РФ и Ираном в борьбе против ИГИЛ и других радикальных исламистских группировок. Резко возрастет активное противодействие Запада усилившейся роли и укреплению влияния России в регионе, причем, не только, в зонах острых внутренних конфликтов — Сирии, Ираке, Ливии и в меньшей степени в Йемене — а и в таких странах, как Египет, Кувейт, Иордания, которые традиционно были либо союзниками или сторонниками политики США и Великобритании в регионе БВ.

Что же касается Турции, то ее сотрудничество с Россией по борьбе с ИГИЛ к 2025 г. будет еще более отчетливо ситуативным или обусловлено отказом РФ от поддержки курдов (что имеет место и в настоящее время). Степень вероятности данного сценария предполагает, что на его реализуемость будет активно влиять объективное усиление роли (прежде всего политической и военной) РФ в регионе БВ. Это особенно касается зон острого внутреннего конфликта в Сирии, а также в Ливии, в меньшей степени в Ираке и в Йемене, в котором имеется потенциал договороспособности между основными участниками конфликта. Следует учитывать и позицию Ирана, имеющего в регионе собственные

геополитические и геостратегические интересы (продолжение его активного геополитического влияния в Сирии и Ираке, противодействие региональному усилению Саудовской Аравии, неприятие вмешательства в дела региона западных держав).

При этом предполагается, что российские военные к 2025 г. не уйдут из Сирии, а Россия постарается удержать за собой военную и военно-морскую базу (технический пункт) в Тартусе, что и вызовет к 2025 г. активное противодействие западных держав, прежде всего, США и Великобритании. Отдельно следует выделить роль Израиля в данном сценарии, который формально войдет в вышеуказанную прозападную арабскую коалицию, но при этом постарается сохранить отношения доверительного сотрудничества с Россией, прежде всего, по вопросам борьбы с международным терроризмом. Это, однако, не будет исключать его участия в военных операциях и акциях в виде ракетных ударов и бомбежек территории Сирии и против дислокаций на ее территории отрядов движения «Хезболла». Что касается отношений Израиля с Ираном, то после создания прозападной коалиции («арабского НАТО») и формального вхождения в нее Тель-Авива, то они резко обострятся, вплоть до угрозы превентивных ракетных ударов и авиаударов Израиля по Ирану, а в случае его отказа от «ядерной сделки», заключенной 15 июля 2015 г. и открытой нуклеаризации страны — и по его ядерным объектам.

В целом, реализация данного стратегического сценария в регионе БВ имеет определенную степень вероятности и будет означать, что к 2025 г. западные державы, прежде всего, США и Великобритания создадут полностью новую геополитическую геометрию региона в виде прозападной коалиции, и регион подпадет под превалярующее западное военное и политическое (а также экономическое и информационное влияние). При этом западные страны постараются сделать проводниками своего влияния и присутствия в регионе новые квазигосударственные образования, которые возникнут к 2025 г. в регионе БВ в силу процесса его фрагментации, который уже начался в настоящее время в зонах внутренних конфликтов (Сирия, Ирак, Ливия и Йемен).

Данный сценарий имеет высокую степень реализации (60%) в условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства». При этом уже глобализирующийся ускоренными темпами регион БВ к 2025 г. обретет все характерные черты глобализации — единое экономическое пространство, военный потенциал, исламские политические структуры новых квазигосударственных образований, которые возникнут в результате наблюдающейся в настоящее время фрагментации региона, а также единое культурное и информационное пространство. На этом фоне создание прозападной коалиции арабских и неарабских государств при ведущей роли США и Великобритании будет проходить по жесткому типу и в ускоренном темпе.

В то же время при нарастании в мире процессов многополярности вероятность реализации данного сценария будет относительно низкой (20%) в силу ожесточенной борьбы новых и старых центров силы за влияние и контроль над регионом — России, Турции, Ирана, Саудовской Аравии и в меньшей степени — Израиля с США, Великобританией, ЕС и Китаем, имеющим уже сегодня свои особые политические и экономические интересы в регионе (поставки углеводородов, продвижение и экспансия китайских государственных и частных компаний и т.п.).

7.1.3. Российско-иранский Ближний Восток

Данный сценарий предполагает, что к 2025 г. Россия, утвердившая свое военно-политическое присутствие на постоянной основе в регионе БВ (прежде всего, в Сирии) стала ключевым внешним игроком в регионе, серьезно потеснив других внешних игроков в регионе, прежде всего, США, Великобританию и других западных акторов. Также РФ к 2025 г., сумев добиться решающего перелома в ситуации острого гражданского конфликта в Сирии, по-прежнему поддерживая режим Башара Асада, и знаковых успехов в борьбе против радикальных исламистских группировок (Даиш, Джабгат-ан-Нусра и других новых террористических

группировок) практически без сотрудничества с западной антиигиловской группировкой, возглавляемой США или с антиигиловской группировкой, возглавляемой Саудовской Аравией, но в союзе с Ираном, усилившим свое влияние и роль в продолжающихся региональных конфликтах (Сирия, Ирак, Йемен) станет вместе с Ираном ключевым внешним игроком в регионе.

В то же время США не смогут противостоять влиянию и роли России и Ирана в регионе, поскольку не предложат региональным игрокам эффективной стратегии выхода из сирийского (и иракского) кризисов, а также борьбы с радикальным исламом. При этом РФ сумеет договориться с региональными игроками (Турцией, Саудовской Аравией, Иорданией, Египтом, а также Израилем) о разграничении зон влияния в Сирии, обеспечив себе если не поддержку ими военно-политической стратегии Москвы в Сирии и регионе в целом, то понимание и непротиводействие российским действиям в Сирии (понимание поддержки режима Башара Асада в Сирии, постоянное военное присутствие РФ в регионе, продолжение тактики нанесения авиаударов боевой авиацией ВКС РФ и крылатыми ракетами морского базирования с кораблей ВМФ РФ на Каспии и в Средиземном море, включая действия частей специального назначения по местам базирования боевиков — радикалов ИГ и других террористических группировок, диалога с умеренной оппозицией и т.д.).

При этом все свои действия в регионе РФ будет предпринимать в союзе и тесной координации с Ираном, ситуативным стратегическим партнером Москвы по задействованию в кризисных и конфликтных ситуациях в регионе. Причем Иран к 2025 г. значительно усилит свое военное присутствие в Сирии и Ираке, а также поддержку военных формирований хоуситов в Йемене частями КСИР и регулярной армии ИРИ. Ключевые внешние акторы, задействованные в конфликтах в Сирии и Ираке — США, Великобритания, Турция, Саудовская Аравия не смогут противопоставить военно-политической стратегии России в союзе с Ираном, прежде всего, в Сирии сколь-нибудь эффективной работающей стратегии выхода из сирийского кризиса на фоне постепенного перехода под

контроль официального Дамаска все большей территории страны в силу успешных действий сирийской армии.

А ключевые внутрирегиональные игроки — Иордания, Ирак, группировки т.н. умеренной сирийской оппозиции («Свободная Армия Сирии», «Свободная Армия Ирака», курдские отряды «Пешмерга» и др.) пойдут на признание роли России и Ирана (в случае значимых качественных военных успехов армии Башара Асада против боевиков-радикалов и отрядов непримиримой оппозиции при полной поддержке группировки ВКС России и иранского КСИР, а также «Хезболлы») в сирийском кризисе.

Таким образом, можно утверждать, что данный сценарий предполагает, что к 2025 г. в регионе БВ, и особенно в его конфликтных зонах будет наблюдаться доминирование российско-иранского альянса (российско-иранский БВ), который сумеет обеспечить постепенный выход из сирийского кризиса после 2025 г., при этом, не вступив в открытое военно-политическое противостояние с США, Турцией, Саудовской Аравией и другими внешними и внутренними региональными акторами. Здесь важно подчеркнуть, что для достижения таких целей при данном сценарии РФ должна будет значительно увеличить свою военную группировку ВКС России в Сирии до 120-130 000 человек, что означает еще большее втягивание РФ в сирийский кризис.

Данный стратегический сценарий имеет не очень большую степень вероятности — 20% в силу того, что к 2025 г. произойдет резкая активизация всех ключевых внешних игроков в регионе БВ, и прежде всего, в зонах острых конфликтов (Сирия, Ирак, Йемен), а также переформатирование участия внутрирегиональных игроков в формировании новой геополитической геометрии региона БВ (см. обоснование вероятности сценария 2 на 2025 г.). Новая администрация президента США Д. Трампа в настоящее время вырабатывает «новые подходы» к участию Вашингтона в делах региона (что показали такие действия импульсивные на первый взгляд, но характерные в смысле поиска новой стратегии действия Вашингтона как удар крылатыми

ракетами по сирийскому аэродрому) вместо полностью провалившейся стратегии политики США в регионе при прежней администрации президента Б. Обамы (неспособность найти эффективную системную стратегию урегулирования сирийского и иракского кризисов, а также эффективной борьбы против ИГИЛ и других негосударственных игроков — радикальных исламистов). Нежелание новой администрации США оставаться в роли «статиста» в процессах, идущих в регионе, а наоборот, активно участвовать в них, объективно будут играть против реализации данного сценария. Также имеет место возрастающее участие в делах региона неарабских внутрорегиональных акторов — новых региональных гегемонов — Турции и Ирана, а также суннитской Саудовской Аравии.

Против данного сценария будет также работать то обстоятельство, что у российско-иранского альянса при всей его потенциальной способности создания новой геополитической архитектуры региона БВ имеются и «узкие места». Конечные цели и мотивы двух этих ситуативных союзников по региону БВ различны. При этом Иран даже не особенно скрывает свою конечную цель — значительное увеличение своего влияния и роли в регионе (особенно, в зонах конфликтов — Сирии, Ираке, Йемене), в том числе за счет России и пролонгации ее военно-политической задействованности в делах региона БВ, прежде всего в Сирии, даже путем подталкивания Москвы к расширению своего военного присутствия в Сирии.

Кроме того, следует принимать во внимание, что после президентских выборов в Иране 14 мая с.г., на которых был переизбран действующий президент Роухани, у Тегерана при наличии согласия консервативных структур типа Совета по целесообразности, а также самого Верховного аятоллы-рахбара сохраняется желание «договориться» с Вашингтоном о возобновлении полноценного сотрудничества. Хотя можно предположить, что конкретно с администрацией Трампа такая договорённость является маловероятной. Скорее наоборот, напряженность между двумя странами продолжает нарастать. Однако шансы на «разрядку» резко

возрастут после очередной смены главы Белого дома через четыре года. Все эти возможные действия со стороны Ирана демонстрируют хрупкость и нестабильность российско-иранского альянса в регионе, что, в свою очередь, понижает степень вероятности реализации данного сценария.

На понижение этой степени влияет также и проблемный характер российско-турецкого сотрудничества по разблокированию региональных конфликтов в регионе БВ (что показал инцидент с российским бомбардировщиком СУ-30 сбитым в ноябре 2015 г. турецкими военными, а также усилившимися региональными амбициями Турции в лице президента Эрдогана после подведения итогов референдума о расширении полномочий президента 16 апреля с.г.).

Кроме того крайне маловероятно, что российско-иранское доминирование в регионе устроит и такого партнера РФ на БВ, как Саудовская Аравия, которая находится в состоянии острого соперничества с Ираном за региональную гегемонию, могущего к 2025 г. перейти в открытую конфронтацию, с угрозой военных действий между обеими странами в зонах региональных конфликтов (Сирия, Йемен). Причем Эр-Рияд понимает, что станет проигравшей стороной в этом возможном конфликте, в силу того, что иранская армия и КСИР гораздо более боеспособны, чем армия Саудовской Аравии, даже при условии того, что она профессионально подготовлена военными США и Великобритании.

Данный сценарий имеет более высокую степень вероятности в условиях нарастания процессов многополярности (60-80%). Предполагается, что жесткая конкуренция между новыми и старыми центрами силы (Россия, Иран, Турция, Китай — США, Великобритания, ЕС) будет способствовать созданию новых альянсов между внешними (и внутренними) региональными акторами в регионе БВ и проекции их силы на регион. В этом случае сценарий российско-иранского БВ весьма вероятен, поскольку Россия и Иран в качестве новых глобальных (Россия) и региональных (Иран) центров силы смогут бросить вызов в регионе старым

глобальным центрам силы (США, Великобритания, ЕС), но при одном условии: в случае, если события в зонах конфликтов в регионе (прежде всего, в Сирии, пойдут по благоприятному для участников этого альянса сценарию).

7.1.4. Основные параметры развития региона на 2025 год

К 2025 г. произойдет трансформация сложившихся основных региональных организаций — Лиги арабских государств (ЛАГ), ССГАПЗ в сторону падения их общего влияния по причине того, что начавшаяся в 2011 г. переформатирование (трансформация) всей региональной системы международных отношений приведет к разрушению старых и формированию новых альянсов на Ближнем Востоке. В силу этих причин влияние работающих в течение многих десятилетий региональных организаций, таких как ЛАГ, ССГАПЗ и др. на развитие политической обстановки в регионе БВ будет уменьшаться. И к 2025 г. со всей остротой встанет вопрос об их реформировании, который возник еще в 2011 г. — в начале событий т.н. «арабской весны» в силу неспособности этих старых альянсов стран Ближнего Востока поддерживать стабильность в регионе и не дать состоянию системного политического хаоса стать основным трендом его политического развития.

Одной из альтернатив для этих организаций может как раз стать «арабское НАТО», при условии, что Западу удастся продать реализацию сценария №2. И в этом случае такой блок в отсутствие надежного системного решения конфликтных и кризисных ситуаций в регионе по всей видимости будет существовать в том или ином виде — некоего альянса или организации, объединяющей военный потенциал и политическое развитие стран региона, прежде всего, имеющих острый конфликтный потенциал. Речь идет о Сирии, Ираке, Йемене, Ливане при добавлении Иордании, Туниса и Египта — т.н. «хрупких» или неустойчивых в политическом отношении стран региона. Соответственно, произойдет

объединение военных потенциалов этих стран, в первую очередь для успешной борьбы с радикальными исламистскими группировками или агрессивными негосударственными акторами, такими как ДАИШ. Но не только. Объектами агрессии блока могут стать и другие государства, например, Иран или внутренние военно-политические акторы, типа организации «Хезболла».

При этом для такого объединения будет использован накопленный к 2025 г. опыт существования и функционирования коалиций, возглавляемых США и Саудовской Аравией. Коалиция, возглавляемая Россией и Ираном, может войти в такое объединение только в случае реализации сценария №3. Соответственно в регионе в случае реализации такого сценария будут существовать два новых военно-политических блока — один, возглавляемый Россией и Ираном и другой, возглавляемый США и Великобританией, что повысит уровень противостояния в регионе. В случае реализации варианта двух военно-политических блоков в регионе к 2025 г. системное решение конфликтных и кризисных ситуаций в регионе не будет найдено.

В этом контексте особый интерес представляют основные направления внешней политики четырех стран с острым конфликтным потенциалом — Сирии, Ирака, Йемена и Ливии. Как представляется, к 2025 г. Сирия по-прежнему будет государством-клиентом РФ, прежде всего, в силу того, что не будет найдено решение ее острого внутреннего конфликта. Соответственно ее внешняя политика будет в основном ориентирована на союз с РФ, которая не уйдет из региона БВ, а увеличит свое военно-политическое присутствие на Ближнем Востоке.

Ирак к 2025 г. останется государством-клиентом США и Великобританией, однако его внешняя политика не будет замыкаться только на этих западных странах. Багдад будет развивать и дальше свои тесные отношения с Ираном и Россией, особенно в военно-политической области. Йемен к 2025 г. по-прежнему будет в своей внешней политике ориентирован на Саудовскую Аравию. Однако, в случае нахождения того или иного варианта выхода из внутреннего кризиса Сана (особенно в случае реализации победы

хоуситов) будет развивать отношения с Ираном и западными странами — США и Великобританией, которые постараются стать для Йемена своего рода «честными брокерами» в поиске приемлемого варианта выхода из внутреннего кризиса. Также к 2025 г. возможно сближение Йемена с РФ, в случае, если западные брокеры не смогут предложить ему приемлемый вариант выхода из кризиса, а Москва сумеет продемонстрировать успешное решение в том или ином виде сирийского кризиса.

Ливия к 2025 г. имеет все шансы стать государством-клиентом РФ в своей внешней политике, особенно в случае, если ливийская армия во главе с Хафтаром будет контролировать большую часть территории страны. Отношения Ливии с западными странами — США, Великобританией, Францией и Италией, как представляется, не получат приоритетного развития.

В экономической сфере к 2025 г. будет наблюдаться трансформация, прежде всего, ССАГПЗ в сторону создания на ее базе совершенно нового регионального экономического объединения, по сути «ближневосточного общего рынка», с участием таких стран, как Сирия, Ирак, Египет, Иордания, Тунис, Марокко, Алжир, Ливан, Иран, Саудовская Аравия. Это будет вызвано прежде всего тем фактором, что в условиях разрушения старой системы региональных международных отношений и международных экономических отношений особенно большую роль начали играть экономические проблемы развития региона, многие из которых имеют системный характер.

В этой связи к 2025 г. появится настоятельная необходимость создания совершенно нового экономического объединения стран Ближнего Востока на базе ССАГПЗ и частично — ОПЕК (его арабских членов) для минимизации рисков постоянно действующих конфликтогенных факторов — засухи, эрозии почв и особенно дефицита воды, а также для более рационального распределения доходов от продажи нефти для целей подъема экономического развития региона из состояния разрухи после событий «арабской весны». Соответственно, в случае стабилизации политико-экономического развития региона экономический статус таких стран,

как Египет, Тунис, Ирак. Иордания, Саудовская Аравия, Сирия, Алжир изменится в сторону повышения.

Как представляется, к 2025 г. в регионе при общем тренде на развитие исламского банкинга и исламских корпоративных финансов в случае успешного преодоления экономической разрухи в большинстве стран региона появится необходимость в создании Общеарабского валютного фонда или валютного союза на базе уже упомянутого «ближневосточного общего рынка». Этот общеарабский фонд может быть создан как ближневосточный филиал МВФ и его главной отличительной характеристикой может стать исламская финансовая система, использование криптовалют странами региона и создание валютного резерва из нефтедолларов для целей экономического развития стран региона.

Если брать общий тренд экономической политики субъектов региона БВ, то, как представляется к 2025 г. ее основными направлениями по-прежнему будут преодоление экономической разрухи после событий арабской весны, включение теневого сектора экономики стран региона в правовое поле, что стимулировало бы экономическое развитие, а также, на международном уровне, разработка дорожной карты экономической реабилитации ближневосточных государств в постконфликтный период, в случае нахождения системного решения конфликтных и кризисных ситуаций в странах региона. Эти направления в той или иной мере затронут все субъекты региона БВ.

К 2025 г. как представляется, произойдет изменение регионального баланса сил в сторону дальнейшего роста военного потенциала таких стран, как Египет, Израиль, Саудовская Аравия, Сирия (в случае успешной борьбы с агрессивными негосударственными акторами — прежде всего, с ИГИЛ). При этом в сценарии «арабской НАТО» на изменение регионального баланса сил значительное влияние окажут США и Великобритания, а при сценарии российско-иранского Ближнего Востока — Россия и Иран.

Основными направлениями военной политики региональных субъектов ВПО к 2025 г. будет по-прежнему оставаться борьба с агрессивными негосударственными акторами — террористическим

группировками типа ДАИШ и новыми возникающими террористическими группировками вместо потерпевшей поражение в Сирии и Ираке группировки ИГИЛ, а также борьба с внутренней оппозицией правящим режимам в таких странах, как Сирия и Ирак (против Свободной сирийской армии в Сирии, Свободной армии Ирака в Ираке, курдских военных формирований в Ираке, борющихся против правительства Ирака).

К 2025 г. основным возможным направлением изменения оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск (сил) региональных субъектов МО будет создание армейских частей специального назначения арабских стран по борьбе с терроризмом и соответствующие изменения в планах оперативной подготовки штабов армий стран региона.

Ситуация в информационном пространстве Ближнего Востока к 2025 г. будет характеризоваться дальнейшим ростом плюрализма и свободной конкуренции СМИ и Интернет-ресурсов (включая технологическую) за исключением интернет ресурсов агрессивных негосударственных игроков (ДАИШ), которые будут повсеместно ограничиваться в распространении и доступ которых в социальные сети также будет строго ограничиваться, по мере того, как ДАИШ будет сталкиваться с военными поражениями в Сирии и Ираке. Что касается разделения или фрагментации в соответствии с блоковой принадлежностью, то этот аспект в 2025 г. будет не актуальным для стран Ближнего Востока. Основными тенденциями развития информационного пространства в регионе будет еще больший доступ граждан в социальные сети, широкое распространение мобильной связи 4G и высокоскоростного интернета даже в тех странах региона, где сегодня это развитие еще отстает. Также произойдет переход на интернет-банкинг и создание объединенных интернет-ресурсов стран региона БВ.

К 2025 г. основными направлениями политики региональных субъектов МО в информационной сфере будут всеобщая доступность интернет-ресурсов для населения, уже отмеченные выше технологические инновации, включая высокоскоростной интернет и широкополосную мобильную связь 4G, а также большую

открытость и свободу/плюрализм мнений в социальных сетях, запрет на интернет-трафик экстремистских и террористических взглядов и суждений, а также призывов к насильственному свержению существующего государственно строя в странах региона и вербовки через соцсети в террористические группировки.

К 2025 г. в основном не произойдет критического изменения баланса культурных традиций и религиозных доктрин в странах региона. Это связано с тем, что в большинстве стран Ближнего Востока остаются сильными исламские культурные традиции и обычаи, за исключением варварских и ветхих, которые ушли из системы культурных ценностей стран региона. Более того, как представляется, к 2025 г. будет наблюдаться т.н. «исламский ренессанс» — возрождение интереса к исламской культуре и традициям, которые не носят характер агрессивных или экстремистских. Западные культурные ценности будут по-прежнему присутствовать наряду с исламскими ценностями, при этом в некоторых странах региона — Тунисе, Марокко, Алжире, Ливане, Египте они займут еще больше культурного пространства, но в целом по региону основным трендом культурного развития будет «исламский ренессанс».

7.2. Сценарии развития Ближнего Востока до 2050 года

Долгосрочный прогноз развития ситуации на Ближнем Востоке до 2050 года также подразумевает три возможных сценария. Первый из них носит катастрофический характер и не исключает военный конфликт с применением ядерного оружия. Второй исходит из возможности ослабления государств и перехода реальной власти к многочисленным радикальным организациям и

движениям, которые столкнут регион в состояние полного хаоса. Наконец, третий сценарий подразумевает совместные действия великих держав и международных организаций по установлению скоординированного контроля над регионом.

7.2.1. Ядерная эскалация в регионе Ближнего Востока

Согласно данному сценарию к 2025 году, в отсутствие системных решений конфликтных и кризисных ситуаций в регионе БВ (как продолжение сценария №2 по состоянию на 2025 г.), Иран приобретет открытый потенциал ядерного оружия. То есть Иран станет второй после Пакистана мусульманской ядерной державой, выйдя из т.н. «ядерной сделки» от 15 июля 2015 г., согласно главным положениям которой, Ирану запрещается обогащать уран свыше 5% или обогащать уран до степени оружейного качества (93%) сроком на 10 лет. В ответ на нуклеаризацию Ирана Саудовская Аравия и Турция станут соответственно третьей и четвертой ядерными державами.

Таким образом, в регионе Среднего и Ближнего Востока возникнет «пояс исламских ядерных держав» от Сирии и Ирака до Индии (де-факто ядерные державы — Саудовская Аравия, Иран, Турция, Пакистан). Соответственно на южных рубежах РФ этот «исламский ядерный пояс» вместе с де-факто ядерной державой Индией и официальной ядерной державой Китаем на юге и непризнанной ядерной державой — Израилем на севере — образуют «ядерную дугу нестабильности», которая будет означать в глобальном плане полную эрозию режима нераспространения ядерного оружия, поддерживавшегося согласно Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

В региональном плане это будет означать полный крах попыток создания безъядерной зоны на Ближнем Востоке и развал региональной системы нераспространения ядерного оружия сразу в трех регионах — в Южной Азии, на Среднем и Ближнем

Востоке. Таким образом, в регионе БВ и в мире будет наблюдаться дальнейшее распространение ядерного оружия, что, как уже было указано выше, означает крах ДНЯО и всей системы ядерного нераспространения. В силу высокой вероятности возникновения вооруженного конфликта между Ираном и Израилем после превентивной бомбардировки израильскими ВВС и баллистическими ракетами ключевых ядерных объектов Ирана и ответного удара Ирана по Израилю баллистическими ракетами с ядерными боеголовками («ядерный удар возмездия») в регионе БВ может возникнуть полномасштабный ядерный конфликт.

Этот конфликт быстро эскалирует в многосторонний ядерный конфликт с участием де-факто ядерных держав Турции и Саудовской Аравии, а также негосударственных акторов, сумевших заполучить ядерное оружие (ОМУ) — прежде всего, террористическая группировка Даиш (ИГИЛ или ИГ), которая использует его для нанесения ядерного удара по Ирану, Турции, Израилю, американской эскадре авианосцев в Средиземном море и/или группировки российских ВКС в Сирии и, в меньшей степени — по Саудовской Аравии, получившей (купившей) ядерное оружие у Пакистана.

К возможному многостороннему ядерному конфликту в регионе БВ может подключиться ядерный конфликт в соседнем регионе — Южной Азии, с участием Пакистана и Индии — двух непримиримых региональных антагонистов, которые начнут вооруженный конфликт из-за превентивного ракетного-ядерного удара Пакистана (который, в отличие от Индии (и Китая) не взял на себя обязательство неприменения ядерного оружия первыми, что и не нашло закрепление этого принципа в его ядерной доктрине) тактическими ракетами с ядерными боеголовками по ВС Индии в Кашмире для «поддержки мусульманских братьев по вере или кашмирских шахидов (муджахедов)».

Таким образом, данный сценарий далее развивается по катастрофическому варианту: США наносят превентивный ракетно-ядерный удар по ключевым ядерным объектам Пакистана для того, что удержать его от дальнейшей эскалации ядерного конфликта с Индией, а Китай — наносит превентивный ядерный удар

по ключевым ядерным объектам в Индии, чтобы удержать ее от эскалации ответного ядерного удара Индии по Пакистану (как продолжение стратегического сценария № 2 по состоянию на 2025 г. для региона Южная Азия — см. выше).

В наиболее худшем катастрофическом варианте эскалации данного сценария в глобальную ядерную войну к ядерному конфликту в регионе БВ подключаются ядерные сверхдержавы — США и Россия: первые наносят ядерный удар крылатыми ракетами с ядерными боеголовками по Ирану и Сирии (ключевым объектам военной инфраструктуры Сирии — аэродромам базирования сирийской боевой авиации, бункерам управления войсками армии САР и т.п.), и/или Ирану (ключевым ядерным объектам и объектам военной инфраструктуры ИРИ — казармам КСИР, базам ракетных катеров Ирана на побережье Персидского залива, ядерным объектам по обогащению урана в Натанзе и заводу по производству тяжелой воды в Араке) для удержания ИРИ от эскалации ядерной войны с Израилем.

В ответ на ядерную атаку США против Сирии и (в меньшей степени Ирана) ядерные силы РФ наносят удар тактическими ядерными ракетами по эскадре американских авианосцев в Средиземном море. Таким образом, возникает (в катастрофическом (гипотетическом) варианте) глобальный ядерный конфликт между практически всеми мировыми ядерными державами — как и новыми, так и старыми — де-факто и официально признанными по ДНЯО — Китаем, США и Россией (кроме Великобритании и Франции).

Кроме того, следует учитывать еще одну сторону в этом глобальном ядерном конфликте, выросшем из регионального в регионе БВ: негосударственных игроков в регионе — террористических группировок (ИГИЛ прежде всего) применивших ядерное оружие против внешних региональных акторов в конфликтах в Ираке и Сирии — США, Израилю и Саудовской Аравии, что автоматически вызовет ответные «ядерные удары возмездия» со стороны этих держав, а также Турции — против ИГ и других террористических группировок — негосударственных акторов на

территории Ирака, Сирии, а также Пакистана (ИГИЛ, Тэхрике Талибан Пакистан — ТТП), получившим доступ к пакистанскому ядерному арсеналу.

В заключение характеристики данного сценария развития ситуации на БВ с условным наименованием «Ядерная эскалация в регионе БВ» необходимо еще раз подчеркнуть, что он носит в большей степени гипотетический характер, который, однако, имеет некоторую степень (50%) вероятности. Это связано с тем, что, в своем худшем варианте, к 2050 г. основными ключевыми внешними акторами-участниками конфликтных и кризисных ситуаций в зонах конфликтов в регионе БВ (США, Россия, Турция, Иран, Саудовская Аравия, ООН) по-прежнему не будет найдено эффективное системное решение этих конфликтных ситуаций в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии.

В этих условиях такие страны, как Иран, Турция и Саудовская Аравия примут политическое решение о создании ядерного оружия (приобретении ядерного потенциала) в нарушение своих обязательств по ДНЯО, как гарантии от проецирования конфликтных ситуаций (прежде всего, негосударственными акторами в регионе — террористическим группировками типа Даиш (ИГ), получившими доступ к ядерному оружию) на эти страны, а также в силу неспособности официальных ядерных держав (США) и далее обеспечивать «ядерный зонтик» для этих стран.

Вторым ключевым фактором нуклеаризации этих стран явится стремление к региональной гегемонии, а обладание ядерным оружием рассматривается ими как значительное повышение своего статуса и заявки на роль регионального гегемона, особенно с учетом того, что эти страны к 2050 г. Будут ожесточенно конкурировать друг с другом за статус регионального гегемона в регионе БВ. Причем Иран будет считать приобретение открытого ядерного потенциала как, прежде всего, повышение своего статуса в исламском мире (Тегеран считает, что тот факт, что Пакистан стал первой мусульманской страной, обладающей ядерным оружием — это историческая несправедливость, поскольку насчитывающая тысячелетия история персидской цивилизации объективно

должна была привести к приобретению Ираном ядерного оружия первыми в исламском мире).

К тому же Иран рассматривает ядерное оружие как гарантию защиты страны от ядерного атаки со стороны антагонистов Ирана — США и Израиля. И в том случае, когда Тегеран сочтет, что т.н. «ядерная сделка» 2015 г. противоречит национальным интересам страны, в особенности, в случае, если будущая американская администрация будет оказывать жесткое давление на Иран и выйдет из этого ядерного соглашения (как это мы наблюдаем сегодня, когда администрация президента Трампа заявляет о том, что ядерная сделка с Ираном не работает и является противоречащей национальным интересам США, поскольку Иран не выполняет все ее условия продолжая программу испытаний баллистических ракет, способных нести ядерную боеголовку).

Турция будет рассматривать нуклеаризацию, исходя также из идеи приобретения статуса державы глобального уровня (при том, что к 2050 г. она будет обладать самыми мощными и боеспособными ВС на Среднем и Ближнем Востоке, а также среди союзников по НАТО — вторыми после США) и для продолжения успешного политического торга с союзниками по НАТО — прежде всего, с США, а также европейскими странами — членами НАТО (прежде всего, Францией и Германией). А Саудовская Аравия в первую очередь будет, как и прежде, рассматривать приобретение потенциала ядерного оружия как гарантии защиты страны от нападения ядерных Ирана или Израиля, а также для повышения своего статуса регионального гегемона в резко обострившейся к 2050 г. борьбе за региональную гегемонию между тремя вышеуказанными странами.

Следует особо подчеркнуть, что данный сценарий весьма вероятен в случае возможного к 2050 г. тотального коллапса глобального режима нераспространения ядерного оружия, обеспечения ДНЯО, и как следствие этого, дальнейшего нераспространения ЯО, даже, несмотря на то, что ДНЯО был продлен бессрочно на Обзорной Конференции ДНЯО в мае 1995 г., а также тотального провала инициативы Египта в ООН о создании Зоны, свободной

от ядерного оружия, на Ближнем Востоке (Middle East Nuclear-Free Zone), против которой выступал и к 2050 г. в условиях сохранения острого конфликтного потенциала в регионе БВ будет по-прежнему выступать, прежде всего, Израиль, обладающий незаявленным ядерным потенциалом.

Данный сценарий имеет высокую вероятность реализации — 50% — в условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства». Это произойдет потому, что в этих условиях к 2050 г. будет наблюдаться свободный доступ к новейшим технологиям создания ядерного оружия, легальному и нелегальному ядерному рынку оборудования и технологий, а также ядерному трафику. Причем все это станет возможным в своем худшем варианте по причине неэффективности ДНЯО в том виде, в котором он существует сегодня, и обеспечения глобального и регионального режима нераспространения ядерного оружия и его основных инструментов, региональной и глобальной гонки ядерных вооружений и неспособности официальных ядерных держав (США, России, Китая, Франции и Великобритании) обеспечить эффективный режим ядерного нераспространения, а также коллапса переговоров между ними по ядерному разоружению и нераспространению, и подключению третьих стран к этим процессам.

В более благоприятном варианте речь может идти только о всеобщей доступности ключевых ядерных материалов и оборудования «двойного назначения», которые страны региона БВ смогут приобретать без ограничений, налагаемых Группой ядерных поставщиков (ГЯП), МАГАТЭ и отсутствия национальных законодательств этих стран, регулирующих приобретение или запрет на приобретение этими странами этих технологий и оборудования, дальнейшем развитии доступной мирной атомной энергетики и строительства АЭС в странах региона БВ (Египет, Турция и др.). А также — в случае возможного полного провала концепции безъядерных зон, в том числе инициативы по созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке.

В условиях нарастания многополярности и углубления процессов регионализации вероятность данного сценария в регионе

БВ будет существенно ниже — 20-30%. Это произойдет в силу ускоренного развития силового неядерного потенциала возможных пролиферантов ЯО — Ирана, Турции, и Саудовской Аравии, повышения роли, количества и качества их национальных вооруженный сил. Это, однако, не исключает полностью принятие политического решения этими странами о приобретении ядерного потенциала в условиях дальнейшей консервации конфликтности в регионе БВ, угрозы дальнейшей фрагментации стран региона и отсутствия эффективной работающей системы коллективной безопасности на региональном уровне.

7.2.2. Радикализация региона Ближнего Востока

Данный сценарий предполагает, что к 2050 г. в регионе БВ главным фактором дестабилизации ситуации станут негосударственные акторы, которые будут представлять всевозможные этнические, политические, конфессиональные и племенные группировки — или так называемые агрессивные негосударственные акторы (*violent non-state actors*). По своей сути эти негосударственные игроки, включая организации, использующие террористические методы, напоминают стартапы, то есть новые проекты, созданные с расчетом на быстрый рост и высокую капитализацию. Неповоротливая государственная бюрократия стран региона БВ не может конкурировать с ними, проигрывает в динамике воздействия на общество или социум в этих странах. Рост их числа (появление новых радикальных группировок) будет спровоцирован технологическим инновациями (очередным качественным скачком новейших технологий — информационных, нанотехнологий и технологий, основанных на совершенно новых физико-технических принципах).

При этом особое распространение среди таких игроков получают миниатюрные ядерные боеприпасы (в результате миниатюризации ядерного оружия, которая получит свое наибольшее

развитие после 2025 г.). Эти игроки к 2050 г. также будут использовать ядерный терроризм в совет террористической деятельности как против ключевых внешних акторов (США, РФ, Иран, Турция, Саудовская Аравия) в основных зонах конфликтов и кризисов (в Сирии, Ираке, Йемене, Ливии, и в меньшей степени — в Тунисе), так и внутренних акторов — правительственные и государственные структуры тех же Сирии, Ирака, Йемена, Ливии (после операции НАТО в этой стране и свержении и убийстве прежнего лидера Мумара Каддафи произошла поляризация основных противостоящих сторон и нет устойчивых государственных органов), а также против военных структур в этих странах.

Радикализация региона БВ к 2050 г. также предполагает неэффективность государственного управления в конфликтных странах, рост численности и подготовленности новых радикальных исламистских группировок типа «Джейш-аль-Ислам» и «Ахрараш-Шам» (или «Джабгат-ан Нусра») — в Сирии, дальнейшая размытость или аморфность регионального ландшафта в условиях уже описанной выше фрагментации стран региона, что в сочетании с широким доступом и использованием миниатюрных ядерных зарядов и ядерным терроризмом представит серьезную угрозу для стран региона БВ, а также соседних регионов (Средний Восток, Центральная Азия, Южная Азия).

При этом региональные акторы и страны, так или иначе вовлеченные в дела региона (США, Россия, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Великобритания), не смогут найти эффективного быстрого ответа, даже применив антитеррористические спецоперации силами подразделений спецназначения (британский и американский спецназы в Сирии и Ираке, российский спецназ в Сирии и т.д.) на возможное использование агрессивными негосударственными акторами миниатюрных ядерных боезарядов или их акты ядерного терроризма, которые включают в себя не только использование собственно ядерных зарядов, но и также т.н. «грязную бомбу» (*dirty bomb, radiological dispersive devices — RDD*), которая особо опасна радиологическим заражением физических объектов, людей и окружающей среды, что в условиях

плотности населения в некоторых районах региона БВ особенно деструктивно.

Кроме того, эти акторы в качестве акта ядерного терроризма могут использовать террористические нападения на строящиеся или находящиеся в эксплуатации в этих странах АЭС (например, в Египет, и Турции) или коммерческие ядерные реакторы, которые к 2050 г. весьма вероятно будут иметь место в регионе БВ. К предпосылкам данного сценария также можно отнести объединение усилий агрессивных негосударственных игроков, как вновь возникающих, так и старых с целью широкомасштабной террористической деятельности против законных правительств, армии и правоохранительных органов (полиции) стран, находящихся в зонах острых внутренних конфликтов (т.н. «террористический интернационал»). К 2050 г. число такого рода террористических актов вероятнее всего увеличится в разы.

В заключение необходимо отметить, что регион БВ породил локальные группировки, использующие террористические методы для оказания давления на общество ради реализации собственных достаточно узких (локальных) интересов и амбиций, так и феномен такого глобального джихадистского проекта как ДАИШ (ИГИЛ), объявившей своей целью альтернативный глобальный проект. При этом ДАИШ может эксплуатировать в своих интересах как этнический, так и региональный национализм, не говоря уже о конфессионализме (ДАИШ — сугубо суннитская группировка).

Таким образом, данный сценарий развития ситуации в регионе БВ к 2050 г. можно охарактеризовать в терминах ядерного терроризма и использования новейших технологических достижений в виде миниатюрных ядерных боезарядов, а также объединения различных по характеру террористических группировок (как суннитских, так и шиитских, или даже в отдельных случаях их совместных усилий) против государственных структур, вооруженных сил, и правоохранительных органов стран региона, находящихся в конфликтных зонах, что существенно повысит порог конфликтогенности и повлияет на общий уровень радикализации региона.

Вероятность реализации данного сценария по состоянию на 2050 г. представляется высокой — 50-60%, причем в условиях бурного роста технологических инноваций и их нового качественного содержания, начиная с 2025 г., в том числе в области использования нанотехнологий, ядерной области (минитюаризация ядерных боезарядов), а также новейших информационных и компьютерных технологий. Кратно возрастет угроза применения агрессивными негосударственными акторами в регионе БВ актов ядерного терроризма с использованием миниатюрных ядерных боезарядов на фоне тотальной радикализации всего региона как одного из вариантов развития ситуации в регионе БВ. Кроме того, террористические акты с использованием миниатюрных ядерных боезарядов или актов ядерного терроризма вполне вероятно могут быть использованы как против отдельных противников этих акторов (армейских подразделений, военных и гражданских лиц), так и против целых государств и их соответствующих структур.

Данный сценарий имеет весьма высокую степень вероятности (50-60%) в условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового» противоборства». Это объясняется следующими предпосылками: бурным ростом и внедрением новейших технологических инноваций, миниатюризацией ядерного оружия и его доступностью на нелегальном рынке чувствительных ядерных материалов и оборудования, отсутствием эффективной международной системы отслеживания и пресечения случаев ядерного трафика, даже, несмотря на такие инструменты как американская инициатива ИБОР (PSI — Proliferation Security Initiative), или международную конвенцию по борьбе с актами ядерного терроризма применительно к региону БВ.

Напротив, при нарастании процесса многополярности вероятность этого сценария будет намного ниже (20-30%) в силу того, что новые центры силы, имеющие отношение к региону БВ — Иран, Турция, Саудовская Аравия, а также такие новые центры силы, как Китай, Индия и Россия, в сочетании со старыми центрами силы — США и ЕС, будут предпринимать активные усилия с целью борьбы с актами ядерного терроризма и использования

миниатюрных ядерных боезарядов агрессивными негосударственными акторами в таком нестабильном и конфликтогенном регионе мира, как регион БВ путем принятия новых международных согласованных мер, направленных на отслеживание и недопущение нелегального трафика чувствительных ядерных материалов и оборудования, а также нелегального ядерного рынка таких материалов в рамках МАГАТЭ, ГЯП и т.п.

7.2.3. Контроль «мирового правительства» над Ближним Востоком

Данный сценарий предполагает, что к 2050 г. на Ближнем Востоке в отсутствие системных решений конфликтных и кризисных ситуаций (см. Стратегический сценарий №2 по состоянию на 2025 г.) созреют предпосылки для объединения усилий всех великих держав (США, России, Китая, Великобритании, Франции), а также ООН, ЕС, Германии, Турции, Ирана, Израиля и Саудовской Аравии для нахождения достоверного (credible) системного решения кризисов и конфликтных ситуаций в зонах конфликтов региона (Сирии, Ирака, Йемена и Ливии). Для этого будут использоваться различные комбинации средств перевербовки агрессивных негосударственных акторов, которые непосредственно задействованы в этих кризисных и конфликтных ситуациях, а также путем выделения тех региональных игроков и сил, с которыми нужно работать для достижения цели системного урегулирования вышеуказанных конфликтных и кризисных ситуаций в конфликтных зонах региона.

Таким образом, будет сформирован сценарий, который можно условно назвать как «мировое правительство» для Ближнего Востока. Это правительство, состоящие из всех указанных выше участников, как внешних так и внутренних, будет не заменять правительства и государственные структуры стран, подверженных конфликтам, а дополнять их усилия в отсутствие эффективно

работающих государственных структур в указанных странах. Одним из вариантов решения кризисных и конфликтных ситуаций, которое могло бы предложить такое «мировое правительство» могло бы стать создание системы коллективной безопасности по образу и подобию аналогичной системы в Европе и Азии в 70-х — 80-х годах прошлого века или по образцу системы коллективной безопасности в соответствии с Хельсинкским Актом 1975 г. для Европы.

При этом формирование общей (коллективной) системы безопасности в данном сценарии в условиях ожесточённой конкуренции к 2050 г. между региональными акторами потребует обеспечения невозможности односторонних действий в регионе со стороны какой-либо внешней силы. Это же относится и к военному вмешательству третьих стран, не имеющих соответствующего мандата и не соответствующих нормам международного права и принципам мирного урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций.

В свою очередь, такого рода сценарий предполагает также возможность введения внешнего управления в тех зонах региона, где фактически уже произошло разрушение государственности, при котором государство не способно предоставить ни физическую, ни социальную защиту своим гражданам. В случае децентрализации унитарных государств (федерализации) с учетом этнического и конфессионального разнообразия будет осуществляться международное содействие (вмешательство в данную ситуацию «мирового правительства») созданию центральных и региональных органов управления, позволяющих регулировать ситуацию с культурным многообразием, не допуская его перехода к политическому и этно-конфессиональному соперничеству.

Данный сценарий предполагает также предотвращение силового изменения границ, оказание международного содействия и предоставления гарантий для «цивилизованного развода» в тех зонах и странах региона, где изменение границ является неизбежным или уже началось после 2025 г. Помимо этого, данный сценарий предполагает запуск переговорного процесса по созданию уже

упомянутой выше региональной системы безопасности в регионе Ближнего Востока — своего рода «ближневосточного Хельсинки», которая включала бы в себя политические, экономические, военные, гуманитарные и культурные аспекты, в том числе и вопрос о создании зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке.

Таким образом, сценарий «мировое правительство на Ближнем Востоке» предполагает к 2050 г. комплексное системное решение по урегулированию конфликтных и кризисных ситуаций в неблагоприятных с точки зрения конфликтного потенциала странах (Сирии, Ираке, Йемене и Ливии), а также в так называемых «хрупких» странах — Египте, Тунисе и Ливане.

Вероятность реализации данного сценария составляет 50% в силу того, что к 2050 г. между участниками такого «мирового правительства» — великими державами и региональными державами могут накопиться противоречия. Причем эти противоречия могут возникнуть как между отдельными государствами, так и между группами заинтересованных государств. Это может отрицательно повлиять на процессы введения внешнего управления для «несостоявшихся» ближневосточных государств (failed Middle Eastern states), нахождения и продвижения системных решений кризисов и конфликтов в регионе, использования надежных средств для перевербовки агрессивных негосударственных акторов и региональных государственных игроков с целью урегулирования конфликтных и кризисных ситуаций в регионе, а также создания региональной системы коллективной безопасности.

При этом создание и функционирование такого рода «мирового правительства», как представляется, не является всеобщей панацеей для выхода региона к 2050 г. из состояния хаоса и аморфности в состояние относительной стабильности и устойчивости государственных структур стран региона, в особенности тех стран, которые наиболее всего подвержены внутренним затяжным, острым конфликтам.

Данный сценарий имеет малую вероятность реализации в условиях общемирового сценария «Глобального военно-силового

противоборства, поскольку этот общемировой сценарий предполагает жесткую борьбу западной цивилизации с другими центрами силы, в частности, с Россией и Ираном, если речь идет о Ближнем Востоке. В этих условиях достигнуть полюбовных договоренностей о совместных действиях в регионе основным региональным игрокам, внешним и внутренним, вряд ли, удастся. В данном случае вероятность сценария №3 можно оценить в 30 %.

С другой стороны, в случае нарастания процессов многополярности и регионализации вероятность этого сценария существенно повышается и достигает 70%. Это связано с тем, что старый центр силы в лице Запада, осознав бесперспективность и обременительность продолжения жесткой конфронтации на Ближнем Востоке с новыми центрами силы, будет более склонен идти на различные компромиссы, чтобы не допустить полной потери своих позиций в регионе вследствие тотального поражения. Это позволит различным центрам силы, вовлеченным в регион, рассчитывать на поиск реальных договоренностей, а не имитацию таковых.

7.2.4. Состояние ключевых параметров развития региона на 2050 год

К 2050 г. в основном закончится переформатирование (трансформация) всей системы МО на Ближнем Востоке. При этом произойдет усиление влияния новых региональных организаций на развитие политической обстановки в регионе, в основном закончатся их реформы. Ключевые региональные акторы в рамках этих новых региональных организаций завершат процесс реабилитации в политической и экономической сферах, а ключевые внешние игроки примут «правила игры» региональных акторов, при этом присутствуя в политическом и военном поле региона.

К 2050 г. также завершится процесс формирования новых крупнейших военно-политических региональных блоков — в сценарии «арабской НАТО», в который войдет большинство стран региона, кроме, вероятнее всего, стран — участниц антитеррористической

коалиции, возглавляемой сегодня Россией и Ираном (Сирия и Ирак). Не исключено, что последние два государства будут входить в оба блока одновременно, в случае, если они останутся унитарными государствами, и не произойдет их федерализация (насиленная, вызванная внешними силами). Соответственно, возрастет их влияние на развитие политической обстановки в регионе в сторону большего участия в делах региона, включая расширенную борьбу с агрессивными негосударственными акторами. В случае же реализации варианта двух военно-политических блоков в регионе самым вероятным сценарием развития политической и военной ситуации станет сценарий «мировое правительство».

В целом по состоянию на 2050 г. основные направления и тренды внешней и военной политики региональных игроков останутся такими же, как и для 2025 г., за исключением сценария «ядерная эскалация на Ближнем Востоке», при котором эти направления и тренды могут существенным образом измениться в сторону большего фактора националистичности и непримиримости к альтернативным вариантам внешней политики стран региона и других государств, вовлеченных в региональную политику.

В целом по состоянию на 2050 г. прогноз трансформации региональных интеграционных объединений предполагаемые и изменения экономического статуса государств региона останется таким же, что и по состоянию на 2025 год. Регион сохранит такие же экономические тенденции с добавлением всемерного развития и распространения усовершенствованной исламской финансовой системы.

Описанные в данном прогнозно-сценарном анализе вероятных сценариев развития региона Ближнего Востока (шесть стратегических сценариев по состоянию на 2025 и 2050 гг.) конечно же не являются исчерпывающими и не означают, что не может быть и других сценариев развития для этого в высшей степени конфликтного и трудно предсказуемого региона мира. Острые конфликтные ситуации, наблюдающиеся сейчас в Сирии, Ираке, Йемене и Ливии, а также тренды внутривосточного развития других стран Ближнего Востока показали со всей очевидностью, что зародившийся шесть лет назад (в 2011 г.) процесс полного реформирования всей системы

МО в регионе только начался, и даже среднесрочные и долгосрочные прогнозы (соответственно, на 2025 г. и 2050 г.) не способны полностью охватить и описать все те изменения и трансформации, которые может пережить этот регион и его акторы в будущем.

Кроме того, описанные выше шесть сценариев развития Ближнего Востока демонстрируют, насколько велика зависимость регионального развития от различных вариантов глобального развития, и насколько велика сегодня и в обозримом будущем роль и влияние внешних игроков, а также негосударственных акторов для дальнейших процессов, которые имеют место уже сегодня и будут актуальны завтра и послезавтра в этом регионе. Сегодня пытаясь заглянуть в ближайшее и не столь близкое будущее Ближнего Востока мы можем сказать, что этот регион очень неоднозначный и сложный для прогнозирования, как исходя из количественного состава его игроков, так и из разнородных процессов, которые одновременно происходят в нем сегодня и будут иметь место в будущем.

Очевидно, что в целом для РФ будущее развитие ситуации на Ближнем Востоке не выглядит однозначным. Сегодняшняя вовлеченность России в сирийский кризис ставит перед руководством страны серьезный вопрос о том, какова конечная цена возврата нашей страны в качестве ключевого участника проходящих и могущих проходить в будущем в региональной системе МО процессов. И насколько опасны и приемлемы для национальных интересов РФ на Ближнем Востоке те или иные спрогнозированные события и тренды развития.

7.3. Иран как новый геополитический центр силы

Иран относится к типу восходящих, глобальных (мессианско-исламских) государств, независимых, влиятельных, неприсоединившихся. Исламская Республика Иран (ИРИ) занимает

важнейшее военно-стратегическое положение в Юго-Западной Азии (ЮЗА), являясь одновременно и средне-восточным, и кавказским, и центрально-азиатским, и прикаспийским государством. Иран обладает срединным пространством на пересечении стратегически важных транспортных коммуникаций («Великий Шелковый путь», «Каспийский крест»). Иран отчасти контролирует Ормузский пролив, через который осуществляется более 40% мировых поставок нефти по морю, и который является стратегически важным транспортным коридором для ведущих международных держав. Территория Ирана (Персия) с древности служила «мостом» между цивилизациями Запада и Востока. Быстро развивающийся Иран к началу XXI века закономерно вернул себе статус ключевого игрока на своем «большом пространстве» от Центральной Азии до Южной Аравии.

Иран располагает великим цивилизационным наследием. Континентально-исламский Иран резко отличает себя как от Запада (США, ЕС), так и от Востока (Россия, Индия, Китай), предлагая миру исламскую идентичность, основанием которой выступает ирано-исламская (шиитская) цивилизация. Исламская Республика Иран претендует на роль нового лидера мира, идя «собственным ирано-шиитским путем» под знаменем «самой совершенной религии — ислама». Тем самым находит свое воплощение лозунг имама Хомейни: «ни Запад, ни Восток — исламская революция». Иранский народ в процессе участия в исламской революции выполняет миссию по спасению человечества от несправедливости и угнетения.

Большинство населения Ирана, то есть 90% его населения — мусульмане-шииты. Религиозное руководство ИРИ опирается на патриотично настроенную армию и КСИР, контингенты «ополченцев» (басидж), воспитанные в духе священной жертвенной традиции борьбы за свободу и независимость — культуры Ашура. Сегодня в Иране говорят о «культуре Ашура» как об одной из своих главных национальных ценностей. Дни поминовения (Ашура) шиитского имама аль-Хусайна ибн Али (Хусейна), убитого в 680 г., широко отмечаются в современном Иране.

В траурных церемониях, сопровождающихся ритуальным самоубиением, участвуют гражданские и военные руководители ИРИ, практически все слои населения страны, включая личный состав армии и флота. Более чем тысячелетняя традиция Ашуры зажигает в сердцах верующих огонь сопротивления гнету, насилию и тирании, мобилизуя их на пусть даже неравный бой за справедливость. Исламская шиитская идентичность делает Иран узнаваемым актором в сфере международных отношений, одновременно ограничивая его возможности.

Иран имеет уникальный опыт проведения многоуровневой политики баланса между Западом и Востоком (с 1979 г.), на основании своей внешнеполитической концепции «Ни Запад, ни Восток» (Конституция ИРИ). МИД ИРИ действует согласно установке на проведение независимой, самостоятельной, недискриминационной внешней политики. Все болевые точки региона Юго-Западной Азии, так или иначе, сопряжены с Ираном. Большая часть, казалось бы, сугубо внутренних проблем отдельных частей региона (этнических и религиозных, военных и экономических, проблемы беженцев и наркобизнеса, проблемы терроризма и сепаратизма) могут эффективно решаться только при взаимодействии с Ираном.

Иран обладает 10% мировых разведанных запасов нефти (4 место в мире), имеет вторую позицию в системе ОПЕК с 7% производства и экспорта нефти на мировых энергетических рынках. По запасам природного газа Иран занимает 1 место в мире (18,2 % мировых запасов или 34 трлн. м³). Огромные запасы нефти, газа и выгодное географическое положение делают Иран государством, имеющим глобальное значение.

Иран обладает значительным людским потенциалом — 79,5 млн. человек (2016). Более половины жителей Ирана в середине 2010-х гг. составляет молодежь в возрасте до 20 лет, которая выросла в Исламской Республике («третье» и «четвертое» поколения революции) и не представляет иных форм государственности. Иран сегодня — одно из самых «молодых» государств мира, как в прямом (страна стала Исламской Республикой в 1979 г.), так и в переносном смыслах. Первое поколение революции (50-60 лет)

сейчас руководит страной. Именно взрослая молодежь (18-35 лет) является активной силой в иранском обществе и объединяет в себе, с одной стороны, потенциал исламского развития страны, а с другой — служит фактором нестабильности.

Иран — среднеразвитое государство (уровня Турции). В 2015 г. ВВП Ирана достигло 425,3 млрд. дол. (в докризисном 2011 году ВВП достиг 482 млрд. дол., ВВП по ППС — 990 млрд. дол.). В 2017 году экономика Ирана в целом вышла на досанкционный уровень. Иран является самым большим по территории (площадь — 1648 тыс. кв. км) государством на Ближнем и Среднем Востоке, с выходом к морям (1/3 границ Ирана морские), что обуславливает его торговую и транзитную специализацию. Страна занимает 17 место в мире по численности населения, которая удваивается каждые 25 лет, что делает Иран потенциально значимым потребителем и поставщиком товаров, услуг и рабочей силы.

ИРИ располагает одной из самых многочисленных и оснащенных армий в регионе (по разным источникам, до 999 тыс. человек). В ходе исламизации Ирана были сформированы новые Вооруженные силы (ВС), особенностью которых стало наличие в их составе двух независимых компонентов: регулярных вооруженных формирований — Армии и Корпуса стражей исламской революции (КСИР). К 2017 г. Иран располагал крупнейшими ВС на Ближнем и Среднем Востоке по численности и обладавшими опытом ведения боевых действий (война с Ираком 1980–1988 гг., участие в боевых действиях в Сирии) и планами перспективного развертывания в «Исламскую армию 20-ти миллионов».

Отдельно следует отметить фактор технологического успеха ИРИ, связанный с ее атомной программой (АЭС «Бушер») и с космосом. 2 февраля 2009 года (14 бахмана 1387 г.х.) Исламская Республика Иран стала 10-й космической державой, отправив в искусственный спутник земли. Запуск был приурочен к 30-й годовщине Исламской революции (1979 г.) и осуществлен с иранского ракетного полигона в Семнани. Ракета «Сафир» («Посланник») успешно вывела в космос микроспутник связи «Омид» («Надежда») с посланием «единобожия, мира и справедливости».

7.3.1. Сценарий № 1. Иранский паншиитский проект в Юго-Западной Азии

Нацеленность на достижение лидерства в регионе ЮЗА является неизменной составляющей внешней политики Ирана на протяжении всей его многотысячелетней истории. В планах развития Ирана подтверждено достижение к 2025 году основных ориентиров, определенных еще в шахский период, когда Иран должен был стать «второй Японией» на Среднем Востоке.

К 2025 году степень вероятности реализации сценария №1 представляется очень высокой. Это определяется несколькими предпосылками. Во-первых, это — обязанность Правительства Ирана. Поскольку «общая политическая линия» Правительства ИРИ была определена как участие в процессе создания «единой Уммы» (ст. 11, Конституция ИРИ), а добиться этого предполагается путем распространения исламской революции, то именно политика экспорта исламской революции в ее различных вариациях предопределяет акцент на лидерстве при определении приоритетов государственного курса ИРИ.

Во-вторых, руководство ИРИ готово максимально эффективно использовать ситуацию после отмены международных санкций — начать выстраивать свои отношения с внешним миром «с чистого листа». Прежде всего — со странами Европейского союза, на сотрудничество с которыми ориентирован средний и крупный бизнес Ирана. Иран продолжит формировать свой новый международный имидж — добрый сосед, надежный, стабильный и статусный партнер. Объявленное условие международного сотрудничества — развитие отношений с участием Ирана не должно быть направлено против третьих стран. Учитывая активную фазу урегулирования ситуации в Афганистане, Ираке и Сирии следует ожидать сохранение опоры на мягкую силу (сферы экономики и культуры) во внешнеполитической деятельности Ирана, при демонстрации обороной мощи страны.

Используя благоприятную ситуацию после снятия международных санкций и продолжая решать стратегическую задачу выхода из международной изоляции, Иран в ближайшей и среднесрочной перспективе (до 2025 г.) сосредоточит свои усилия по следующим направлениям:

- Формирование и раскрытие потенциала Ирана как связующего звена для ОВОР и МТК «Север — Юг», ШОС и ЕАЭС с Ближним Востоком и на Южном направлении (безопасный и свободный доступ к южным морям);
- Проведение структурной реформы в сфере национальной экономики и экономического законодательства (экспорт газа и развитие не нефтяного высокотехнологического сектора, налоговая политика);
- Урегулирование проблемы Каспийского моря. Создание Организации Каспийского сотрудничества для решения проблем региональной безопасности и сотрудничества;
- Укрепление мира, безопасности и стабильности в регионе ЮЗА на основе недопущения возникновения новых государств и участия ИРИ в процессе урегулирования ситуации в Афганистане, Сирии, Ираке, Ливане, Йемене в том числе — под эгидой ООН;
- Участие в борьбе с международным терроризмом, наркоугрозой и наркотрафиком (Афганистан, ИГ и др.).

Важно, что участие в масштабных евразийских проектах является процессом долговременным. Следует учитывать и высокую (в том числе из-за внешнего фактора) инерционность геополитической ситуации, а также — малую востребованность геоэкономического инструментария. Поэтому до 2025 года (за 8 лет) полностью реализовать заявленные приоритеты невозможно и отмеченные приоритеты развития Ирана сохраняют свою актуальность до 2050 года. Вероятность второй волны исламского возрождения в ИРИ и выдвигание требований возрождения «Великого Ирана — от моря до моря» практически ничтожна.

До 2025 года уровень вероятности реализации сценария №1 в контексте общемирового сценария «Глобального военно-силового

противоборства» может быть оценен как довольно низкий. В этом случае Иран ожидает дестабилизация, вызванная подрывными действиями Запада, и даже вероятна смена режима, если политическое руководство Ирана не проявит достаточной бдительности. Нельзя исключать и прямого военного столкновения с США и их союзниками, итоги которого трудно предсказуемы, но которое, безусловно, подорвет возможности Тегерана по распространению своего влияния в регионе путем «мягкой силы».

В случае же нарастания процессов многополярности сценария №1 имеет хорошие шансы на реализацию, так как Иран в этом случае будет выступать в качестве одного из формирующихся новых центров силы, вовлекая в орбиту своего влияния другие государства региона. После 2025 г. по мере формирования многополярного мира вероятность сценария №1 будет еще более возрастать и к 2050 г. он может стать для Ирана основным вариантом развития.

К 2025 году все действующие региональные организации (ШОС, ЕАЭС, СНГ, БРИКС, ССАГПЗ, ОЭС) и международные инициативы (ОВОР) и проекты (МТК «Север — Юг») продолжают свое существование. Произойдет усиление значимости ШОС как структуры, прежде всего, обеспечения коллективной безопасности («ядерный зонтик») в Евразии и БРИКС как проводника новой экономической политики. Возможно формирование в рамках инициативы «Великий Шелковый путь» (ОВОР) Международного консорциума развития и торговли в Евразии, как нового формата евразийской интеграции и сотрудничества. Похожая модель может быть первоначально реализована Индией, Ираном и Россией, как модуль, на базе Международного транспортного коридора «Север — Юг».

Возможна реставрация отношений Ирана с США и Западом, что позволит более эффективно решать проблемы в Афганистане и других кризисных точках региона. Продолжится укрепление и, возможно, милитаризация Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) как одной из альтернатив укрепляющемуся Ирану. Организация экономического

сотрудничества может обеспечивать участие в проектах OBOR, подчеркивая лидирующую роль Ирана.

Иран входит в число членов Исламской «восьмерки» (D-8), где отвечает за направление «телекоммуникации и информация». Активность данной организации невысокая. Скорее это площадка для координации на высшем уровне для стран-участниц. Сотрудничество с влиятельной АСЕАН позволит Ирану решать вопросы координации торгово-экономической активности на южных маршрутах OBOR. Можно ожидать активности Ирана по созданию новых интеграционных структур в регионе ЮЗА, в первую очередь на геополитической основе (Организация Каспийского сотрудничества, треугольник Тегеран — Багдад — Дамаск и др.).

До 2050 года отмеченные тенденции будут реализовываться в условиях новой волны глобальной регионализации. Поэтому следует ожидать пересмотра ответственности международных организаций, инициатив и проектов в смысле поисков разделения полномочий в процессе евразийской интеграции (формирование единого интегрированного транспортно-коммуникационного и информационного пространства и т.д.) и их реформирования.

Иран является членом ООН и ее организаций и ожидается, что в рассматриваемый период он повысит свой уровень активности, который снизился по сравнению с шахским периодом. Реформа ООН, направленная на повышение эффективности ее деятельности созвучна задаче, решаемой правительством Президента ИРИ Хасана Рухани по достижению максимальных результатов от членства в международных институтах. Одной из глобальных задач, иницируемых Ираном, является создание в ЮЗА «безъядерной зоны». Иран должен решить принципиальный вопрос о ратификации Приложения к ДНЯО и продолжить полноценное сотрудничество с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ).

К 2025 году упрочится международный имидж Ирана и расположенность к нему международного сообщества. В рамках соединения усилий по достижению стратегических договоренностей,

особенно в сфере безопасности произойдет нормализация отношений с Ираном. Последовательная реализация Совместного всеобъемлющего плана действий, принятого согласно Резолюции 2231 от 20 июля 2015 г. Совета Безопасности ООН, позволит говорить о коренном сдвиге в рассмотрении иранской ядерной проблемы. Тем не менее, НАТО, как и в 2016 г. (Варшавский саммит) продолжит демонстрировать свою враждебность по отношению к Ирану, в отличие от ЕС, предложившего поиск совместных позиций по проблемам экстремизма, терроризма и беженцев. В случае формирования нового видения Ирана со стороны США — как адаптивного, стремящегося к консенсусу партнера — и готовности Вашингтона к реализации новой модели дипломатии в отношениях с ИРИ, можно будет говорить о прорыве в американо-иранских отношениях.

Европейский союз без Великобритании открывает новые возможности для работы с Ираном. 6 октября 2016 г. Европейский парламент одобрил Дорожную карту отношений ЕС и Ирана. В резолюции отмечено, что отношения ЕС с Ираном будут выстроены стратегически и структурно на основе «Диалога четырех С» (отношения всеобъемлющие, взаимного сотрудничества, критически значимые, конструктивные). Критически важным здесь будет готовность ЕС отказаться от политики предварительных условий в отношении Ирана.

ЕС определила в качестве приоритетов сотрудничества с Ираном следующие сферы: энергетическая безопасность, транзит, борьба против терроризма и экстремизма. Это предполагает высокую структуризацию отношений и реализацию Ираном и ЕС совместной торговой, экономической и энергетической дипломатии. Политический диалог ЕС — Иран предполагает конструктивную роль Ирана в разрешении политических кризисов в Ираке, Йемене, Сирии, Ливане и Афганистане на основе политики ЕС, основанной на примате политических различий, а не религиозных. Иран, очевидно, готов пойти на конструктивное, направленное на безопасное обустройство региона стратегическое партнерство.

До 2050 года отмеченные тенденции будут реализовываться в условиях новой волны глобальной регионализации. Поэтому следует ожидать пересмотра ответственности международных организаций с участием Ирана, Индии, Китая и России (ШОС и БРИКС) в смысле поисков разделения полномочий в процессе евразийской интеграции. БРИКС совместно с ШОС предлагают Ирану свою объединенную платформу для интеграции. Обсуждается вопрос и о создании на пространстве ЮЗА интеграционного объединения с участием Ирана как альтернативы проектам новых границ в регионе (Великая Турция, Великий Азербайджан, Большой Ближний Восток, Новый Ближний Восток, Курдистан, Белуджистан и др.) и расширенного НАТО.

К 2025 году формирование внешней политики Ирана будет происходить под влиянием трех основных факторов — исламизации, геополитизации и глобализации. Исламизация внешней политики ИРИ была обусловлена идеей всемирной исламской революции как всепроникающего и перманентного процесса обретения мусульманами единства. Данная установка проявлялась во внешней политике ИРИ на протяжении всего рассматриваемого периода (1979-2017 гг.), что позволяет сделать вывод о неизменности стратегической нацеленности иранской внешней политики, ее цельности в теоретическом отношении и практическом наполнении. Исламская составляющая принципа «Ни Запад, ни Восток» нашла свою реализацию в политике «третьего пути» Ирана как альтернативы союзам под флагом одной из сверхдержав.

Иран стремится к доминированию в регионе и панисламскому лидерству. Именно поэтому на южном фланге Иран стремится к более тесному взаимодействию с Индией, в том числе учитывая ее особые отношения с Вашингтоном. Одним из оснований геополитической стратегии Индии в Центральной Евразии является противодействие силам политического ислама и международного терроризма с целью сохранения действующей системы региональных международных отношений в регионе на принципах неконфессиональности.

Фактически в Центральной Евразии материализуется тенденция к достижению «тройственного согласия» Индии, Ирана и России, союз которых способен сдерживать геоэкономическую и геополитическую экспансию Китая в регионе. Намечающийся союз между Ираном и Индией опирается на геоэкономические проектные основания (энергетическая безопасность, газопровод Иран-Пакистан-Индия, порт Чахбахар, МТК «Север-Юг») и может быть развернут в любом направлении. Одним из важных направлений сотрудничества в рамках треугольника «Индия — Иран — Россия» может стать выработка общей политики в отношении Афганистана, нацеленная на достижение урегулирования конфликтной ситуации в этой стране.

Одновременно Иран стал участником континентального сотрудничества, что позволило обеспечить быстрый рост национальной экономики. В условиях общей актуализации в XXI в. геополитической значимости континентальных России, Китая и Ирана все заметнее проявляется интерес к континентальной составляющей Великого Шелкового пути (OBOR). Здесь Иран, как и Китай, и Россия не могут друг без друга приступить к реализации масштабных континентальных геоэкономических проектов, за которыми очевидное будущее евразийской интеграции. Еще одним треугольником может стать союз по линии Иран — Пакистан — Китай. Иран и Пакистан все более заметно демонстрируют обоюдную заинтересованность в более сбалансированных отношениях и сотрудничестве. В планах сторон также масштабные энергетические и транспортные проекты, проблема Афганистана.

Можно предположить, что странам Азии предстоит стать пионерами создания и освоения новой архитектуры мирового хозяйства и международных отношений, которым сегодня более свойственна привязка к широко понимаемой проблематике безопасности. Подобно России, Иран находится на перекрестке критических линий Азии, образующих с древности матрицу Великого Шелкового пути. Новая сборка, скорее всего, произойдет по этому континентальному пути (Индия — Иран — Россия и др.). На этом основании можно предположить, что в Иране может начаться сборка даже не

Среднего Востока, а целой глобальной ячейки мирового хозяйства XXI века — Евразии. Для этого Иран должен стать региональной державой, имеющей континентальное влияние.

В условиях противостояния региональных держав Ирана и Саудовской Аравии (нефть, ислам, локальная биполярность) возрождается иранская традиционная внешнеполитическая концепция балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. — США и СССР). Актуализируется один из главных принципов внешней политики ИРИ — «Ни Запад, ни Восток». Под Западом понимается США, под Востоком — Китай.

Участие Ирана, наряду с Россией и Турцией, в качестве стран-гарантов на переговорах в Астане между представителями вооружённой оппозиции и сирийского правительства является важным вкладом в дальнейшее продвижение мирного политического урегулирования в Сирии, содействует межсирийским переговорам и соответствующему процессу под эгидой ООН в Женеве. Иран также участвует в Московском диалоге по Афганистану (с февраля 2017 г.), нацеленном на запуск конструктивного диалога между афганским правительством и талибами. Российская сторона подтвердила свою неизменную поддержку заявке Исламской Республики Иран на получение статуса государства-члена Шанхайской организации сотрудничества и выступила за скорейшее рассмотрение этой заявки в установленном порядке.

Основные вызовы, с которыми сталкивается внешняя политика Ирана, состоят в следующем:

- 1 Формирование отношений устойчивого сотрудничества с Европейским союзом (ЕС), проникающим в регион с инициативой Восточного партнерства, прежде всего, в сфере энергетики (газ, технологии трубопроводов).
- 2 Участие в формировании и продвижении новой модели международного сотрудничества и развития в Евразии в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (“One Belt, One Road” — ОВОР). Курс на Восток — работа в качестве геостратегического центра с Китаем, Индией, Пакистаном, Афганистаном,

- Турцией и Россией в проектном поле OBOR и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).
- 3 Выстраивание нового баланса сил (проблема лидерства) в регионе Юго-Западной Азии (ЮЗА) в контексте решения проблемы Афганистана, урегулирования Сирийского кризиса и ситуации в Ираке.
  - 4 Сохранение и обеспечение устойчивой долговременной стабильности и развитие сотрудничества со странами — соседями в регионах общего соседства, в особенности в акватории Каспия и Среднем Востоке.
  - 5 Создание устойчивой системы международной безопасности и сотрудничества в Евразии в условиях расширения НАТО на Восток, активное участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Объявление ЮЗА безъядерной зоной.

Основная угроза для Ирана — «западноазиатский региональный кризис» как совокупность взаимосвязанных региональных кризисов (палестино-израильский конфликт, курдский вопрос в Турции, кризисы в Ливане, Сирии и Ираке, геополитические противоречия между Ираном и Саудовской Аравией, ситуация в Йемене и Афганистане, действия вооруженных неправительственных формирований), что породило глубокую нестабильность политической ситуации в Пакистане и Ираке, и угроза распада данных государств как следствие этой нестабильности.

В целом международная изоляция и растущая нестабильность на границах, не соответствовавшая представлениям иранского руководства о величии и безопасности страны, потребности развития, способствовала возникновению нового стратегического направления во внешней политике ИРИ — «треугольной дипломатии», что не имело аналогов в международной практике. Подобная динамичная политика в формате «треугольников Примакова» придает иранской внешней политике стратегическую глубину и это очень показательно в целом для процесса глобализации. Глобальная ориентированность и многослойность внешней

политики отражали нацеленность шиитского Ирана на роль регионального лидера нового типа в условиях меняющегося мира. Внешнеполитические амбиции Ирана вписываются в современную трактовку регионального лидерства. Такой лидер, как представляется, должен быть вовлечен на паритетной основе в реализуемые мировым сообществом проекты глобального масштаба и разделение труда.

К 2050 году Иран обретет роль регионального лидера нового типа (региональная сверхдержава). Будет установлено устойчивое экономическое партнерство с ЕС, отношения стратегического партнерства с Индией, Китаем и Россией. Произойдет глубокая включенность в проекты Великого Шелкового пути (ОВОР и южнокорейский вариант). Формирование международной системы исламской экономики и исламского банкинга. Проблема пределов добрососедского/дружественного взаимодействия, момент конкуренции, если не угроза столкновения с соседями — лидерами. Возможна репликация проблем и ситуаций военно-политического и цивилизационного характера.

В экономической сфере будущее Ирана в долгосрочной перспективе связано с газом. В мировой системе энергообеспечения наметилась устойчивая тенденция роста спроса на газ. Именно эти огромные запасы энергетических ресурсов и географическое положение делают Иран центральной мишенью геэкономических войн. Иран, возможно, добился создания газового аналога ОПЕК.

В ОПЕК Иран традиционно выступает за поддержание высоких цен на нефть и, подобно Саудовской Аравии, стремится стать координатором организации. Как традиционный участник ОПЕК, Иран отстаивает свое право на добычу нефти на уровне 4 млн. баррелей в день, как это было до применения международных санкций.

Иран продолжил свою деятельность в рамках Организации экономического сотрудничества (ЭКО, ECO), Организации исламского сотрудничества (ОИС, OIC), а также — Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН, ASEAN).

Среди международных экономических организаций, в которых Иран сегодня является наблюдателем, можно выделить Всемирную торговую организацию (ВТО, WTO). После вступления в ВТО в Иран неизбежно придут западные компании, принять которые без негативных для себя последствий иранский внутренний рынок пока не готов. Исходя из этого, можно прогнозировать достаточно долгий переговорный процесс между Тегераном и ВТО, направленный на получение максимально льготных условий по перестройке своей экономики, с целью дать внутреннему производителю как можно больше времени для приспособления к требованиям Организации.

В случае реализации планируемых геоэкономических проектов Иран может войти в число стратегических держав в ближайшие 10 лет. Заявленным генеральным ориентиром ИРИ было занять первое место к 2025 г. в экономике, науке и технологиях в регионе в целом, стать «исламской Японией». Ограничения в связи с санкциями Иран пытается преодолеть путем развития инновационных технологий и не нефтяного экспорта. К 2025 году, в соответствии с целями, обозначенными в 20-летнем стратегическом плане перспективного развития страны (2005-2025 гг.), Иран должен стать региональным лидером в области современных технологий (информационные, аэрокосмические, ядерные технологии, био- и нанотехнологии и окружающая среда и др.). К 2050 году Иран полностью уйдет от долларовой зависимости.

К 2025 году Иран укрепил свою значимость, прежде всего, для России как региональный союзник, особенно в плане противодействия проникновению США в Центральную Азию, на Кавказ, Средний и Ближний Восток, а также Персидский залив. Если брать, в частности, Центральную Азию и Кавказ, то здесь давнее соперничество России и Ирана за политико-культурное влияние сменяется общими интересами борьбы с попытками «новых мировых лидеров» утвердиться в этих регионах, а также инспирировать здесь «оранжевые революции».

Иранское руководство, как и российское, настроено на борьбу с международным терроризмом, в том числе с территории

Афганистана. Россия и Иран обладают крупнейшими запасами нефти и газа, благодаря чему они могут быть конкурентоспособными на энергетическом рынке. Тем не менее, конкуренция трубопроводов, поставляющих энергоносители из Центральной Азии и Каспийского моря на международные рынки, а также предпринимаемые Ираном попытки организовать новые схемы для региональной торговли, ограничивают переход к более тесному экономическому сотрудничеству двух стран на региональном уровне.

Тегеран продолжил попытки утвердиться в качестве лидера в регионе Центральной Азии (среднеазиатские республики бывшего СССР и Казахстан) и в зоне Персидского залива. Однако созданная им региональная организация — Организация экономического сотрудничества, оказались неконкурентоспособной в условиях начавшегося процесса глобализации. А в сфере двусторонних отношений Иран, как и Турция, не смог добиться доминирующих позиций, окончательно уступив лидерство Китаю.

В рамках Организации экономического сотрудничества Тегеран отдавал приоритет к открытию новых транспортных терминалов на границах с Ираком, Турцией и Туркменистаном. Тегерану удалось замкнуть на Иран большую часть иракского и пакистанского экспорта и часть транзита из Китая и Индии, открыв 6 новых транзитных маршрутов на границе с Пакистаном (Карачи—Тафган, Гвадар—Тафган, Пешавар—Кветта—Тафган, Лахор—Мултан—Тафган, Лахор—Кветта—Тафган, Исламабад—Лахор—Ратодеро—Тафган). Иран превратился в основного экспортера товаров потребления и энергетических ресурсов для Афганистана.

К 2025 году сохранится военно-политическая нестабильность в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене и Афганистане, что фактически соединяет в один регион Средний и Ближний Восток. На фоне поверженного соперника — Ирака и относительной слабости соседних стран (арабские страны Персидского залива, страны Центральной Азии и Южного Кавказа) усиливающийся Иран с каждым годом все заметнее приобретает черты региональной сверхдержавы.

Параллельно возникла возможность преодоления традиционной парадигмы «баланса сил», в рамках которой ИРИ рассматривалась как прямая угроза арабским государствам Персидского залива, которых поддерживали США. После 2003 г. США попытались найти нового регионального лидера в лице Саудовской Аравии, Турции и Израиля, однако в итоге они были вынуждены взять бремя лидерства на себя. Оказавшись лицом к лицу с США и находясь в ситуации международной изоляции и санкций, религиозное руководство Ирана решило проблему безопасности через включение страны в состав крупного регионального объединения — ШОС. Иран настойчиво говорит об актуальности формирования альянса Пекин — Москва — Тегеран.

Борьба за Ирак рассматривается в Тегеране как многофакторный стратегический процесс в противостоянии с США, строящими однополярный мир. Для этого руководство ИРИ пытается сформировать на антисаудовской основе альянс Анкара — Багдад — Дамаск — Тегеран — Каир. Сделаны инвестиции в соединение железных дорог Ирана и Ирака, Ирана и Пакистана.

Развитие отношений с Россией является для Ирана приоритетным направлением его внешней политики, что диктуется стратегическими интересами последнего. Большие возможности и перспективы имеет сотрудничество Ирана и России в военно-технической (контракты на сумму до 7 млрд дол.), экономической и торговой сферах.

В 2025 году сохранится конфигурация военных альянсов, возникшая в начале XXI века. К 2050 году просматривается возможность военно-политического союза Ирана, Сирии, Ирака и Египта при поддержке Турции против Саудовской Аравии и стран Персидского залива.

Основные положения военной политики Ирана изложены в «Доктрине национальной безопасности ИРИ», согласно которой военная доктрина является оборонительной и основанной на принципе сдерживания. Можно выделить три уровня долгосрочных целей военной политики Ирана:

-
- первый уровень целей связан с превращением Ирана в обще-мусульманский центр силы;
  - второй уровень предполагает превращение ИРИ в региональный центр силы путем достижения военно-политического, военно-экономического и собственно военного лидерства в регионе;
  - третий уровень целей предполагает решение внутрииранских задач, в частности, обеспечение военно-политической стабильности государства, создание независимой экономики, строительство мощной армии.

Главным военным противником Ирана объявлен Израиль. Seriously рассматриваются в Тегеране военные угрозы со стороны США. С прицелом на военный конфликт с этими странами ведётся национальное военное строительство. Это — развитие ракетных технологий для нанесения удара по Израилю, развитие ПВО и ВМФ, беспилотной авиации и асимметричных способов ведения вооруженной борьбы для контроля над Ормузским проливом. В качестве других противников упоминаются «неправедные исламские режимы», в первую очередь Саудовская Аравия. Учитывается также, что военная опасность для страны может исходить и от соседних Турции, Пакистана и Афганистана, а также от действий курдских племен на северо-западе страны. Учитывается и военно-политическая нестабильность в Ираке, Сирии и Бахрейне. Ускоренными темпами реализуются ракетные программы, в том числе по созданию баллистических ракет дальнего действия, развивается военная промышленность, создаются новые образцы оружия для всех видов ВС.

Реформирование вооруженных сил Ирана включает следующие задачи: универсализацию Вооруженных сил, включая единое командование; принятие на вооружение наиболее современной боевой техники, включая беспилотную авиацию; создание мобильных частей на важнейших стратегических направлениях, (в составе ВМС, ВВС, десантные войска), способных проводить операции в сравнительно отдаленных регионах; силы стратегического сдерживания, способные предотвратить удары вероятных

противников по территории Ирана; совершенствование системы военного управления; развитие военно-промышленного комплекса; совершенствование оперативного оборудования территории страны. Повышенное внимание уделяется разведке. Иранская стратегия вооружений предполагает два принципа: «опора на собственные силы»; «опора на несколько партнеров».

Развитие ракетных сил Ирана исходит из оборонительной доктрины страны и предполагает вероятных противников: США, Израиль, Индию, Турцию, и Саудовскую Аравию. Иран стремится установить отношения стратегического партнерства с ядерными державами, такими как Великобритания, Пакистан, Россия, которые также рассматриваются как потенциальная угроза.

В 2025 году будет завершена модернизация объединенных Вооруженных силы Ирана. Основные вероятные противники и типы угроз не изменятся. В 2050 году будет создана безъядерная зона в регионе и Иран сможет решать проблемы военно-политического характера с опорой на потенциал ШОС. Основной противник — Саудовская Аравия и НАТО.

В информационной сфере руководство Ирана проводит линию на ограничение иностранного информационного воздействия на национальную аудиторию. Контроль государственных органов ИРИ и религиозных инстанций осуществляется за содержанием и распространением информации, в том числе печатной продукции, музыкальных и сценических произведений, произведений изобразительного искусства, кинематографических и фотографических произведений, передач радио и телевидения, с целью ограничения либо недопущения распространения идей и сведений, которые власть полагает «деструктивными» и «антиисламскими». Вне закона находятся сексуальные политические сайты, информация о правах женщин и блоги.

В Конституции сказано, что «СМИ должны служить распространению исламской культуры в процессе развития Исламской революции, используя конструктивное столкновение различных мнений и идей, решительно воздерживаться от распространения деструктивных сил и антиисламских явлений». «Пресса свободна

в публикации материалов, за исключением тех случаев, когда они наносят ущерб основам Ислама и общественным правам. Эти случаи определяются законом». Иностранцы корреспонденты отмечают, что местные журналисты, которые критикуют деятельность государственных органов и исламских иерархов, подвергаются преследованиям вплоть до многолетнего тюремного заключения. Иностранцы печатные издания подвергаются цензурным правкам.

В крупных городах Wi-Fi есть во всех заведениях типа ресторанов, отелей и т.п. 3G тоже, но далеко не везде. В городах поменьше всегда найдется несколько Интернет-кафе. Скорость невысокая, она ограничена законодательно, но все же, приемлемая. Много сайтов блокируется (Facebook, YouTube, Twitter, Google, LJ, популярные англоязычные соцсети, и т.п.). Но иранцы нашли выход через Проху. Они живут в обществе без «железного занавеса». Доступ в Интернет имеют более 23 млн. иранцев, мобильные телефоны есть у более чем 45 млн. человек. Сотовая связь стандарта GSM 900 развивается чрезвычайно быстро по всей стране. Охват ограничен столицей и другими крупными городами, но сеть быстро расширяется и достаточно недорога. Иранские газеты, в основном, публикуются на персидском языке, но есть и на английском и других языках. Официальные сайты обычно имеют перевод на английский язык.

Основным направлением политики Ирана в информационной сфере будет являться совершенствование контроля над СМИ, с учетом опыта 2009 года, недопущение попыток оранжевых революций, создание правового поля для жесткого пресечения нарушений, выявления и наказания сотрудников антиправительственных спутниковых телеканалов и электронных СМИ. Когда «Би-би-си» запустила телеканал Persian TV на фарси, высший руководитель ИРИ Али Хаменеи назвал Великобританию одним из «самых вероломных» врагов Ирана.

Иран участвует в международном сотрудничестве в области телекоммуникаций. Одним из успешных проектов такого взаимодействия является строительство кабельной линии

связи из Франкфурта в Оман — Europe–Persia Express Gateway (EPEG). Данный проект осуществляется совместно Россией, Азербайджаном, Великобританией, Ираном и Оманом. Обсуждается возможность использования российской спутниковой группировки гражданского назначения для оказания услуг связи, а также системы «ГЛОНАСС» на территории Ирана. Иранской стороне предложены ресурсы российского космического аппарата «Экспресс-АМ6», который был введен в эксплуатацию в орбитальной позиции 53 градуса восточной долготы в апреле 2015 года. Россия заинтересована в сотрудничестве с Ираном в области автоматизации государственного управления и продвижения телекоммуникационного оборудования для построения мобильной и фиксированной сетей связи.

В октябре 2015 года прошла первая в истории встреча министров телекоммуникаций и информационных технологий стран БРИКС, на которой участники рынка ИКТ Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР высказались за демополилизацию мирового рынка программного обеспечения. 16 апреля 2017 г. открылся первый в Иране Русский центр, созданный на базе тегеранского университета с целью популяризации русского языка и культуры.

Исламская культура становится доминирующей для Ирана. Культурологическая чужеродность обеспечивает отсутствие существенных конфликтов с немусульманскими странами при нежелании сторон идти на них, но не может обеспечить, естественно, и близость. Иран сохраняет режим исламской Республики в интерпретации имама Р. Хомейни — концепции исламской власти и правления справедливого факиха. ИРИ идет путем развертывания в мире Исламской революции.

К 2050 году Иран уверенно войдет в число активно действующих государств второй линии — «региональных лидеров». Иран должен стать самой влиятельной страной в регионе в военной, экономической, культурной, политической научной сферах, занимая первое место в регионе по уровню развития. Среди стран региона Юго-Западной Азии Иран будет выделять многовекторная и

многослойная внешняя политика, имевшая выраженное глобальное и региональное измерения.

Иран уверенно займет место в первой пятерке-десятке стран по количеству опубликованных научных статей: по биотехнологиям, нанотехнологиям, материаловедению, по энергетике и возобновляемым источникам энергии, по топливу, по композитным материалам, по электронике и оптике. Режим шиитской демократии показал, что он может выживать и быть конкурентоспособным в экономическом отношении.

Критической отметки достигает демографический показатель — в Иране будет проживать 150 млн. человек. Стабильность режима базируется на религиозно-пропагандистской основе, гибком сочетании интересов кланов и мер социального характера, включая помощь бедным слоям населения, с тем, чтобы сбить возможную волну недовольства. Но базу режима составляют силовые, конкурирующие между собой структуры, замкнувшие на себя экономическую активность. Руководство ИРИ, полагая, что распространение иранской культуры и ее главной составной части — персидского языка способствует распространению ислама, расширению и укреплению взаимоотношений со странами мира, уделяло большое внимание распространению персидского языка и в первую очередь в тех странах, где получила распространение мусульманская религия. Формируется сеть шиитских культурно-образовательных центров и университетов (аль-Мустафа и др.) в Евразии и в Африке.

В результате полнокровной реализации OBOR возникла устойчивая политическая связь между странами Евразии. Создана общая евразийская инфраструктура (дороги, железнодорожные узлы, аэропорты, трубопроводы, телекоммуникации, услуги почтовой связи, пограничного контроля, таможни, контроля качества товаров и др.). Сформирован рынок свободной торговли, налажено свободное денежное обращение и расчеты в национальных валютах, инициирован диалог между разными цивилизациями и религиями, расширен образовательный и культурный обмен, туризм.

Процесс укрепления региональной безопасности в ЮЗА еще не стал полностью необратимым. Являясь в целом стабильной, ситуация в регионе характеризуется сохранением внутренних и внешних угроз терроризма и экстремизма, а также определенным внутренним напряжением, вызванным в первую очередь серьезными социально-экономическими трудностями.

Реализовано стратегическое взаимодействие Ирана с Китаем в контексте его внешнеполитической линии в регионе, включающей как минимум три составляющих: продвижение собственных экономических интересов, сдерживание влияния политического ислама, ограничение роли Индии в Южной Азии, деликатное вытеснение США с лидирующих позиций.

Стремясь к интеграции региона Юго-Западной Азии под своей эгидой, руководство Исламской Республики Иран сделало ставку на создание региональной группировки исламских государств. Россия строит Евразийский союз. Иран строит Рах Умма Исламика в Юго-Западной Азии. Политика, основанная на разных ценностях, может стать препятствием взаимопониманию между Ираном и Россией. И здесь возникает предел дружественного взаимодействия, момент конкуренции, если не угроза столкновения. Возможные результаты — ситуация нарастающих проблем военно-политического и цивилизационного характера.

Поэтому преемственность и углубление уровня отношений в системе «Иран — Россия» особенно значима в условиях роста неопределенности и непредсказуемости в мире. Совместное участие в реализации статусных евразийских технологических, инфраструктурных и торговых проектов, Большой программе торгово-экономического сотрудничества «Иран — Россия» может послужить фундаментом для постепенного выхода к 2050 году на уровень доверительного стратегического партнерства. Важно при этом сохранить общие интересы в области безопасности на Большом Ближнем Востоке. Всемерно расширять сотрудничество в рамках ШОС, БРИКС и других международных организаций. Бездействие на «иранском фронте» приводит к поражению в конкурентной

борьбе с Западной Европой и США за Иран, к вытеснению России из Ирана, в итоге — с Ближнего и Среднего Востока.

7.3.2. Сценарий № 2. Диалог и неконфликтное партнерство.

Данный сценарий предусматривает реализацию Ираном логики построения справедливого и созидательного партнерства на исламских принципах внешней политики. Анализ положенной в основание государственного курса ИРИ концепции исламской власти Рухоллы Хомейни показывает, что имам предложил исламский путь объединения мира, где место глобального государства (*Pax Americana*, *Pax Britannica* и др.) занимает община мусульман — *Pax Umma Islamica*. Шиитский мир первым (от имени ислама) решился на подобный проект мирового уровня.

В основу государственного курса Ирана после исламской революции 1978-1979 гг. положена концепция осуществления исламской власти в мире на основе справедливого правления факиха. Суть предложенного имамом Р. Хомейни движения определяли идеи мусульманского единства (единая умма) и «исламской солидарности»; представления об «особой миссии мусульман», о «мессианской» роли ислама и Исламской Республики Иран; установка на перманентный характер исламской революции. По мысли Р. Хомейни источником и движущей силой исламского движения в условиях мира второй половины XX века выступал антагонизм между «угнетенными» («обездоленными» — «мостазафин») и «угнетателями» («высокомерными» — «мостакберин»).

Поэтому важнейшими методологическими принципами исламской революции стали принципы: «Ни Запад, ни Восток — Ислам» и «противостояния всем проявлениям угнетения и несправедливости, обездоленности», что и предопределило глобальное измерение и направленность внешней политики ИРИ. В сфере внешней политики эти два принципа нашли свое выражение в

популярном лозунге революции: «Независимость». Модель государственного устройства ИРИ предлагалась в качестве образца всем мусульманским странам, в том числе и странам СНГ.

Основные характеристики политического строя ИРИ, теоретически разработанные Р. Хомейни, были определены в Конституции страны. Созданное «исламское государство» возглавляет Высший руководитель (Рахбар), назначаемый Советом экспертов («Совет по руководству страной»), согласно ст. 107 Конституции ИРИ. Должность Рахбара — высшая во властной иерархии ИРИ. Согласно Конституции, управление страной осуществлялась тремя ветвями власти, функционирующими под контролем Рахбара. Президент ИРИ является главой Правительства страны.

Идеологические ориентиры внешней политики также нашли непосредственное отражение в Конституции страны, что является уникальным примером в мировой практике. Глобальное измерение внешней политики ИРИ определили принципы «экспорта исламской революции» и «необходимости противодействия насилию» в международных отношениях. С принятием Конституции ИРИ произошло законодательное закрепление основных положений концепции «исламской власти» Р.Хомейни, составивших идеологическую матрицу Исламской Республики.

Исламское обоснование международного позиционирования ИРИ восходит к пяти принципам веры, определяющим мировоззрение мусульман-шиитов джафаритского мазхаба (имамитов). Эти принципы системно соотносятся с принципами реализации иранской внешней политики и в совокупности образуют исламскую внешнеполитическую матрицу. Основные характеристики исламской внешнеполитической матрицы задаются первичным принципом «отрицания господства и несогласия с угнетением» и следующими из него приоритетами внешней политики ИРИ: недопущения превосходства неисламских стран в ходе сотрудничества мира ислама с остальным миром; и — борьбы с режимом гнета и отсутствием справедливости.

Среди основных характеристик внешней политики Исламской Республики Иран иранские исследователи выделяли первичные

принципы. Первым стал принцип «отрицания господства и несогласие с угнетением: величие», то есть установка на «полное отрицание и подавление всякого рода господства (сальтэ), угнетения (сэтамгари) и согласия с угнетением (сэтампазири)». Такая позиция данного принципа не случайна. Во-первых, применение «первого» принципа в сфере внешней политики требовалось постоянно, что определяло его имманентный характер и основополагающее значение.

Во-вторых, основополагающая значимость этого принципа определяется Конституцией ИРИ, в тексте которой содержится прямое запрещение на «стремление или подчинение господству (сальтэджуи ва сальтэпазири)» (ст. 152) во внешнеполитической деятельности; отрицаются «любая устремленность к угнетению и угнетательству (сэтамгара ва сэтамкеш), господству или согласию с господством (салтэгари ва салтэпазири)» (ст. 2, п. Джи); запрещены любые соглашения, следствием заключения которых может стать иностранное господство в какой-либо из сфер жизни страны (ст. 153).

Кроме того, для обоснования «первого» принципа также широко использовалось изречение имама Хомейни о том, что «Народ Ислама следует путем (мактаб), суть которого кратко можно выразить в двух словах «Не угнетай и не будь угнетенным», поскольку Всевышний «не дал господства ни одному из неверных (каффар) над мусульманами и поэтому мусульмане не должны соглашаться с угнетением с их стороны». Из рассмотренного методологического по своей значимости «первого» принципа вытекали важные следствия:

а) недопущение господства [со стороны] неисламских стран при сотрудничестве с ними;

б) борьба с высокомерием (эстэкбар) и режимом гнета (золм), господства (салтэ) и несправедливости, которые присутствуют в мире. Тем самым определялись важнейшие приоритеты при реализации внешней политики ИРИ на всех направлениях.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что именно на основе «первого» принципа «Отрицание господства и несогласие

с угнетением: величие» происходило формирование глобального измерения внешней политики ИРИ, кристаллизация которого произошла в период президентства М. Ахмадинежада.

При этом существенно отметить следующее немаловажное для понимания особенностей современной иранской дипломатии обстоятельство. Положенное в основу внешнеполитической концептуалистики ИРИ исламское обоснование указывает на матричную природу современной иранской внешнеполитической деятельности, основные характеристики которой задаются в соответствии с первым принципом и реализуются не только на глобальном, но также на региональном и локальном уровнях.

Вторым принципом, определившим и соответствующее направление внешней политики ИРИ, была признана «Борьба с угнетением (золмсатизи), за справедливость (эдалатхахи), против высокомерия (эстэкбарсатизи)». Установка на борьбу с несправедливостью (см. Коран, сура Железо, аят 25) считалась традиционной ценностью иранцев еще с доисламских времен и, будучи дополненной положением о неприятии колониализма, вошла в современную внешнеполитическую риторику ИРИ как «борьба с высокомерием» (эстэкбарсатизи). В соответствии со вторым принципом в сфере внешней политики ИРИ сформировалось направление «борьбы с высокомерием», которое получило исламское обоснование на уровне фору'э дин: 1) «амр-бе-ма'руф» и 2) «нахи-аз-монкер», как обязательного для внешнеполитической деятельности «исламского государства».

Третьим принципом внешней политики ИРИ, как правило, назывался принцип «Поддержки обездоленных и освободительных движений», который понимался как неразрывно связанная с «первым» принципом деятельность. На основании этого принципа было сформировано второе направление внешнеполитической деятельности ИРИ, что подкреплялось ссылками на Конституцию ИРИ (ст. 154; ст. 3, п. 16), текст Корана (сура Женщины, аят 75) и соответствующие высказывания Р. Хомейни.

Четвертым принципом внешней политики ИРИ был определен принцип «Поддержка и защита мусульман». На его

основе формировалось третье направление внешнеполитической деятельности ИРИ, поскольку мусульмане мира образуют единую Умму. Исламское правительство (доулат-э эслами) обязано их поддерживать и защищать, исполняя при этом обязанность «братского договора» такого правительства перед мусульманами.

Пятым принципом, определившим соответствующее направление внешней политики ИРИ, стало «Мирное сосуществование и борьба за мир». Иранские специалисты в области внешней политики обращали специальное внимание на «пятый» принцип, поскольку именно здесь, по их мнению, становится очевидной суть миролюбивой внешней политики ИРИ, направленной на защиту своей страны и решение внешнеполитических проблем мирными средствами. Особенно подчеркивалось, что нормой для внешней политики является мир и стабильность как на международном, так и на региональном уровнях, а война — исключением. Исламское обоснование данного принципа исходит из утверждения, что ислам предписывает мусульманам искать мира и воздерживаться от агрессии. Здесь обычно ссылаются на Коран, сура Комнаты, аят 9; сура Испытуемая, аят 8 и др. При этом «исламское миролюбие» реализуется на трех уровнях: «между мусульманами; между мусульманами и “людьми книги”»; между мусульманами и неверными, которые не воины».

Специально подчеркивалось, что ислам предписывает выстраивать отношения мусульман с неверными на основе мира, если они следуют путем истины (хакк), а не путем вражды. В случае враждебности неверных, когда нет другого выхода, мусульманам предписан джихад. Можно отметить, что за свою более чем 30-летнюю историю ИРИ осталась в прежних, дореволюционных границах, несмотря на 8-летнюю ирано-иракскую войну, начатую Ираком и кризисные ситуации в Афганистане и в Ираке.

Шестой принцип — «Невмешательство во внутренние дела стран и взаимное уважение». Он рассматривался как необходимый для реализации «пятого» принципа с тем, чтобы не

допустить сползания к войне между государствами и имеет конкретное практическое воплощение в «политике удаленности» (э'тэзал) или «нейтралитета и невмешательства». Использование коранического «э'тэзал» проявляет исламское обоснование шестого принципа внешней политики ИРИ, предписывающего, в том числе, ожидать от государства неверных, во внутренние дела которого не вмешивается «исламское государство» (например ИРИ), такой же ответной политики невмешательства. В области практического применения шестого принципа предполагалось использовать действующие международные организации и структуры.

Седьмым принципом, определившим соответствующее направление внешней политики ИРИ, являлся принцип «Соблюдение договоров и международных законов». Его исламское обоснование восходит к исламскому принципу «исполнения договора» (вафаи бе ахд) и применялось на личном, общественном и политическом уровнях как предписанное и необходимое¹¹⁴. В истории именно этот принцип был реализован в отношениях с немусульманским населением завоеванных арабами стран, что во многом обеспечило становление арабского халифата в VII веке.

Рассмотренные семь «первичных принципов» внешней политики ИРИ образуют стройную, исламскую в своем исходном обосновании, систему внешнеполитической концептуализации, имеющей выраженную матричную природу. В соответствии с этой внешнеполитической матрицей концепции созидательного взаимодействия формируются основные направления внешней политики Исламской Республики Иран, которые реализуются на глобальном, региональном и локальном уровнях. МИД ИРИ действует согласно установке на проведение независимой, самостоятельной, недискриминационной внешней политики.

---

¹¹⁴ При этом обычно ссылаются на Коран, сура Корова, аят 177 / Коран-э керим... — С. 26; сура Ма'да, аят 1 / Коран-э керим... — С. 105 и др.

Рис. 7.1. Исламская внешняя политика (Исламская Республика Иран)

Проведенный анализ исламского обоснования основных направлений иранской внешней политики, осуществляемой в рамках государственного курса ИРИ показывает, что руководству Ирана удалось найти современную экономическую и политическую оболочку для практического воплощения в деятельности государства одного из «принципов веры» (осул-э-дин) в исламе — принципа тоухидности («тоухид», «ат-таухид», «ат-тавхид» — «единобожие»).

К 2025 году степень вероятности реализации сценария №2 представляется очень высокой. Руководство ИРИ готово максимально эффективно использовать ситуацию после отмены международных санкций — выстраивать свои отношения с внешним миром «с чистого листа». Прежде всего — со странами Европейского союза, на сотрудничество с которыми ориентирован средний и крупный бизнес Ирана. В отношениях с Россией, Китаем, Индией, Ираком, Афганистаном, Пакистаном, странами Центральной Азии Иран продолжит формировать свой новый

международный имидж — добрый сосед, надежный, стабильный и статусный партнер.

В данном случае, в отличие от предыдущего сценария, Иран будет стремиться к доминированию в регионе на основе активного диалога. В итоге Иран сможет упрочить свой позитивный международный имидж как страны открытой миру. В условиях противостояния двух парадигм мирового развития (однополярность и полицентризм) Иран будет искусно использовать традиционную тактику балансирования между двумя соперничающими силами (в XIX в. между Россией и Англией, с середины XX в. — между США и СССР). Это позволит решить проблему выхода Ирана из международной изоляции и из-под режима санкций, эффективно участвовать в коллективных усилиях по обеспечению безопасности, мира и развития в регионе.

Иран будет активно встраиваться в евразийское континентальное сотрудничество, что позволит ему обеспечить быстрый рост национальной экономики и ее инновационного потенциала. Однако новый международный статус позволит Ирану выстраивать отношения и с Западом (страны ЕС и США) в логике многополярного мира. Также появится возможность конструктивного диалога Ирана со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), использования потенциала иранской эмиграции и диаспоры в ОАЕ и др. Сотрудничество с влиятельной АСЕАН позволит Ирану решать вопросы координации торгово-экономической активности на южных маршрутах OBOR. На южном фланге Иран наладит тесное взаимодействие с Индией.

Как следствие, к 2050 г. будет реализован проект МИР (перевод английского названия PEACE — Pipeline Extending from Asia Countries to Europe) с целью создания сети газопроводов, соединяющих Иран, страны Персидского залива и Центральной Азии, Турцию, Европу и Индию на третьей фазе проекта. По экспертной оценке, такая сеть могла быть создана за 2 года и объединить 70% мировых запасов газа.

Таким образом, согласно сценарию №2, в 2025-2050 гг. Иран постепенно превратится в регионального лидера глобального типа.

Он установит отношения стратегического доверительного партнерства с Индией, Китаем, Россией, разовьет экономическое партнерство с ЕС, а также устойчивое взаимодействие с Пакистаном, Афганистаном, Ираком, Сирией и Египтом. Иран будет глубоко включен в проекты Великого Шелкового пути (OBOR) и статусные проекты евразийского развития. В то же время, важной проблемой будет оставаться политика, основанная на разных ценностях, что затрудняет взаимопонимание и препятствует большему сближению.

7.4. Турция в поисках новой роли в регионе и в мире

7.4.1. Сценарий №1. Консерватизм и неоосманизм

В Турции у власти уже 15 лет находится консервативная Партия справедливости и развития, которая планомерно проводит не только экономические реформы, но и усиливает национальный и исламский компонент внутренне- и внешнеполитического дискурсов. Очевидно, что в турецком обществе, которое в результате Национально-освободительной войны под руководством М.К. Ататюрка встало на путь вестернизации, сохранился и национальный, и религиозный компоненты. Данные элементы давали о себе знать на протяжении всего XX века, когда армия проводила военные перевороты, чтобы свергнуть пришедших к власти исламистов (а заодно и не допустить усиления коммунистического и социалистического движения). Однако в связи с активным влиянием генералитета и США религиозные и консервативные слои общества оказывались своего рода «маргиналами» с точки зрения политической системы. При этом — турецкое

население преимущественно сохраняло свойственный ему на протяжении истории консерватизм, который просто ушел в тень и стал искусно скрываться под западными вывесками.

Партия справедливости и развития с момента прихода к власти проводила, в первую очередь, экономические реформы, что увеличивало доверие населения. Консерватизация общества же, возврат к истокам происходили постепенно и без (особенно в начале) применения исламистских лозунгов. Более того, президент Эрдоган и его команда не отказались от ключевой идеологемы светских слоев населения — вступления в Евросоюз, в рамках которого военные должны были самоустраниться как политический субъект и стать исключительно «жесткой силой» государственной машины.

Все это позволило сформировать новый тренд на возвращение к истокам — к исламу и тюркизму. Очевидно, что сформировалось два ключевых поля развития турецкого государства в мире и регионе — попытка сформировать «тюркский мир» и укрепить свое влияние в регионах бывшей Османской империи («неосманизм»). Указанные тенденции с учетом развития политической системы и общества Турции становятся ключевыми в делах и высказываниях политической элиты. Резко негативное отношение к воссоединению Крыма с Россией, полуподпольная работа пантюркистов на территории РФ, создание точечных и широких международных организаций (как ТЮРКСОЙ и Тюркский совет) усиливает позиции Турецкой Республики в ареале проживания тюркоязычных народов и несет непосредственную угрозу российской государственности и российским идеологемам на Кавказе и в Центральной Азии. Такого же рода ситуация складывается и в арабо-мусульманском мире, где Турция пытается на себя перетянуть одеяло, включаясь в решение, в частности, сирийского кризиса, поддерживая радикальные и умеренные исламистские группировки.

Очевидно, что неоосманское и пантюркистское сознание турецкой элиты напрямую экстраполируется и на население, которое становится все более агрессивно-националистическим, что будет подразумевать:

-
- расширение экономического, научного и образовательного воздействия Турции на тюркский и арабо-мусульманский миры;
  - создание политических и экономических наднациональных группировок (возможно — завуалированно, как с Тюркским советом);
  - формирование союзов и коалиций, вплоть до создания конфедераций с Азербайджаном и иными тюркоязычными государствами;
  - попытки завоевания соседних областей (как в Сирии);
  - усиление военной составляющей, развитие собственной оборонной промышленности.

Данный сценарий будет реализован с наибольшей степенью вероятности, поскольку в настоящее время в Турецкой Республике существуют все предпосылки для его осуществления. При этом основным условием его реализации является, прежде всего, сохранение целостности Турции, то есть отсутствие развала по причинам гражданской войны и хаоса, которые могут возникнуть под влиянием внешних акторов (США, Россия) и жестких столкновений сторонников и противников исламизации.

Все составляющие данного сценария подразумевают рост влияния Турции до надрегионального лидера, в том числе — за счет использования ресурсной базы России, слабости региональных режимов и неспособности / нежелания Запада оказать воздействие на Анкару. Этот сценарий, предполагающий возникновение новой консервативной Турции, является логичным продолжением существующего курса власти и основан на социальных сдвигах в обществе, произошедших за последнее десятилетие. Переоценка ценностей, как среди правящего режима, так и среди простого населения, привели и тех, и других, к мысли о том, что общество готово к изменениям и реформированию, а значит — пришло время для кардинальных перемен.

Прозападный курс Турции настолько не оправдал ожиданий и правительства, и населения, что отклонение от этих ценностей

станет вполне объяснимым маневром. Рост консервативного сознания продолжает возрастать и влияет на молодое поколение Турции, которому предстоит войти во власть в период 2025–2050 гг. Таким образом, выращенное на принципах консерватизма и традиционализма поколение, конечно же, будет следовать именно этим принципам, зачастую даже не имея представления о демократии и других формах использования власти. И если у нового поколения действительно появится шанс закрепиться у власти, то, вероятнее всего, политика, направленная на дальнейшую консерватизацию турецкого общества, станет неизбежной.

Данный сценарий будет реализован при усилении тренда к многополярности и повышению роли региональных держав, а также формирования региональных комплексов во главе с наиболее крупными игроками. В этой конфигурации значительное количество полюсов силы, увеличивая конфликтogenность мира, будут бороться за глобальное и региональное лидерство. Консерватизация общества и поиск более тесных контактов с тюркским и исламским мирами возможны исключительно при снижении роли США в мировой политике, при укреплении новых региональных центров, умело использующих ресурсную базу иных держав и являющихся «хабом» в политическом, идеологическом и экономическом планах. К последнему и стремится современное руководство Турции. На это направлены все проекты — от «Турецкого потока» до арабских и тюркских организаций и проектов Анкары. Турция непременно окажется в роли одного из лидеров данных мировых политических процессов — лидеров, обладающих своей региональной повесткой и формирующих свою региональную подсистему «тюрко-мусульманский мир».

С другой стороны, этот сценарий представляется гораздо менее вероятным в рамках общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства», по крайней мере, до той его стадии, пока западная цивилизация не исчерпает свой силовой ресурс. В таких условиях Турции скорее пришлось бы как минимум подстраиваться под проводимый Западом политический курс, а, вероятнее всего, просто ему подчиняться. Это конечно

не исключает элементов фрондирования и лавирования между Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем с другой. Однако поле для такого маневра будет оставаться довольно ограниченным, что наглядно показали несостоятельные попытки Анкары играть серьезную самостоятельную роль в сирийском кризисе.

Очевидно, что консервативная Турция продолжит начатый ранее многовекторный характер политического и глобального развития. Основное направление внешней политики Турции будет сводиться к расширению своего влияния, причем, путем совершенно разных методов. К 2025 г. в рамках данного сценария предполагается усиление роли и активности туркоцентричных организаций. Все малые организации, которые ранее занимались по отдельности той или иной сферой воздействия — ТИКА, ТЮРКСОЙ и пр. — сольются воедино и будут представлять собой мощный интеграционный блок. Будет усилена, или даже принята в качестве официальной, политика неоосманизма и пантюркизма, а также созданы новые организации, расширяющие сферу влияния данных течений.

Развитие вышеупомянутых идеологем и организаций отразится как на тюркоязычных государствах постсоветского пространства, так и на Российской Федерации, включая ее субъекты. Прежде всего, под влияние могут попасть: Татарстан, Башкирия и, конечно же, Крым, воссоединение которого с Россией Турция воспринимает как большую «потерю» для всего тюркского мира. Именно эти регионы наиболее подвержены влиянию разнообразных школ и формирований, пропагандирующих необходимость объединения всех тюрков под эгидой Турции. Применение «мягкой силы» в данных регионах, вызывающей к интеграции тюркоязычных стран и народов, несомненно отразится и будет мешать реализации интересов Российской Федерации на международной арене. Ведь, несмотря на многонациональный состав России, такой путь развития вовсе не соответствует ее интересам. Кроме этого, не исключено, что существенно возрастет роль «мягкой силы» в рамках тюркских организаций и в пределах стран Центральноазиатского региона, многие из которых

являются членами СНГ (Туркменистан, Казахстан, Узбекистан и Киргизия).

Более того, вполне возможно распространение неоосманских настроений в пределах стран Ближнего Востока и, прежде всего, арабского мира. И, если государство справится с массами противников экспансионистской политики в рамках неоосманизма, и Турция действительно успешно реализует такую линию влияния, что, в целом, не исключено, то, можно по праву считать, что первый шаг к становлению государства как надрегионального лидера уже сделан.

Ситуация может кардинально измениться и в отношении военно-политических блоков и организаций. Не исключено, что консервативная Турция, скорее всего, выйдет из блока НАТО и ОБСЕ, которые к этому времени могут утратить свою значимость. Вместо них будет создана своя тюркская организация по безопасности. Однако нельзя не учитывать тот факт, что, в случае сохранения Турцией членства в НАТО, она, как единственный представитель мусульманского мира в рамках данной организации, сможет более прочно усилить свое влияние, заняв позицию одного из наиболее значимых участников альянса.

Другим вариантом развития Турции в данной области является расширение «контактов» государства с ОДКБ и участниками организации, как следствие. Учитывая курс Турции на расширение влияния в пределах Центральной Азии, вполне вероятно, что государство может стать страной-наблюдателем (на начальном этапе), а потом и вовсе участником блока. Присоединение к данной организации не только предоставит Турции возможность участвовать в урегулировании и обсуждении военно-политических процессов (например, Нагорно-Карабахского конфликта) столь важного для нее региона, но и позволит оказывать определенное давление на тюркоязычных коллег-участников.

Наиболее вероятно полное отступление от политики, направленной на вступление в ЕС. Вместо этого последует присоединение Турецкой Республики к ШОС, в рамках которой у государства появится возможность расширить, политическое и, прежде всего,

экономическое сотрудничество с такими державами, как Китай, а также существенно повысить показатели экономического роста. Не исключено, что, достигнув экономического паритета с другими странами и выйдя на уровень быстро развивающейся державы, Турция выразит желание присоединиться и к БРИКС в первую очередь для достижения совершенно нового для себя уровня экономического развития, а также для того, чтобы еще раз закрепить свое влиятельное положение.

Одной из «жизненно-важных» организаций для всего исламского мира и в частности для Турции, по-прежнему останется ОИС, в рамках которой Турецкая Республика, вероятно, продолжит активно выступать за дальнейшую защиту исламских ценностей и интересов, что непременно найдет отклик у большей части населения, которая относит себя к данной конфессии. Такие тенденции также ускорят процесс вовлечения Турции в страны арабского мира и укрепят ее позиции в регионе, потеснив таких соперников, как Иран и Саудовская Аравия.

В экономической сфере Турция, также как, и в политической, будет стремиться к региональному господству и надрегиональному влиянию. Помимо возможного вступления Турции в ШОС и БРИКС, также не исключено усиление позиций страны в рамках МВФ. Увеличение золотовалютных резервов, ускорение экономического партнерства с мировыми державами, реализация крупномасштабных проектов, в том числе, с Россией — АЭС «Аккую», газопровод «Турецкий поток» — обязательно положительно отразятся на экономическом положении и статусе региона. Вероятно, Турция, продемонстрирует желание выйти за пределы ближневосточного региона и, наконец, утвердит свое экономическое присутствие в пределах Африканского континента посредством трансформирования из активного инвестора в ключевого кредитора Африки, площадь которой Турция будет рассматривать в качестве пространства для реализации своих экономических задач. Такие маневры также позволят Турции стать одним из наиболее развитых с технологической точки зрения игроков региона. Желание укрепить региональное влияние отразится также на бюджете

Турецкой Республики, часть средств которого, вероятно, будет направлена на развитие промышленности и военно-промышленного комплекса.

Тем не менее, в условиях оттока иностранного капитала, Турции будет относительно сложно строить собственную экономику. Вероятно, в поиске новых инвесторов Турция начнет искать помощь у стран Персидского Залива, которые придут на смену западным вкладчикам. В рамках региональной экономической политики Турция продолжит сотрудничество с одним из своих главных экономических партнеров — Катаром. Вполне возможно возобновление переговоров двух держав по поводу реализации проекта газопровода из Катара через Сирию (однако ситуация будет полностью зависеть от внутривнутриполитической обстановки в САР, поэтому к 2025 году начало строительства кажется невыполнимой задачей).

Однако нет факторов, которые могли бы препятствовать достижению ряда других соглашений, призванных скоординировать экономическое сотрудничество двух государств, что, скорее всего, и будет сделано. Альтернативой Катару всегда будет служить Саудовская Аравия, которую Турция, вероятно, будет рассматриваться в качестве ключевого партнера в нефтегазовом секторе.

Консерватизация турецкого общества может существенно повлиять на военную область. Причина тому — революционизм, прочно закрепившийся в подсознании турецкого общества на протяжении многих веков. Нетрудно предположить, что имеющая опыт борьбы с зачинщиками военных переворотов, не принявшими те или иные реформы, Турция направит все ресурсы на укрепление армии, но, вместе с этим, будет придерживаться политики «завинчивания гаек» в отношении военнообязанных должностных лиц. Роль военных, которые раньше были основной движущей силой всех путчей, в политических процессах будет существенно ограничена или даже сведена «на нет». Вооруженные силы Турции будут представлять собой главный оборонный плацдарм страны, который, однако, отныне будет играть роль ставленника в руках действующего политического режима.

Также к 2025 году процент того, что террористические объединения сократятся или прекратят свое существование, крайне мал и, вероятно, ситуация будет развиваться в совершенно ином направлении. Турция, скорее всего, по-прежнему останется центром стабильности окружающих ее вооруженных конфликтов — иракской войны и кризиса в Сирии, со странами которых государство делит общую границу.

В связи с этим, учитывая нестабильность региона Ближнего Востока, который является естественной средой обитания для Турции, а также постоянные угрозы, исходящие от всевозможных террористических группировок и бесконечно угрожающие подорвать стабильность, вынудят Турцию всерьез заняться усовершенствованием военной техники, подводя свой военно-промышленный комплекс под международные стандарты. Государство продолжит модернизацию вооруженных сил в различных областях: от сухопутных и Военно-воздушных до Военно-морского флота. Стоит отметить, что, в случае усиленного развития Турцией военно-морских баз и флота в целом, укрепление последнего (особенно на Черном море) станет прямой угрозой для России.

В результате таких преобразований, Турция, вероятно, станет одной из сильнейших по критерию своей обороноспособности стран если не мировой, то как минимум ближневосточной арены. Однако, в случае выхода Турции из альянса НАТО, сделать это будет гораздо сложнее, ведь большая часть военной техники приобреталась именно у США, а модернизация собственного ВПК происходила строго по западным критериям. Более того, Турция будет вынуждена прилагать большие усилия к развитию собственного ВПК, а также искать новый ориентир при подготовке военных кадров и проведении учений, которые также осуществлялись под эгидой данного западного блока.

В связи с этим, не исключено, что Турция начнет искать новых союзников и, как следствие, станет инициатором возникновения новых военно-политических блоков и объединений, в которых ей будет отводиться роль одного из лидеров и координаторов.

Возможно, на смену НАТО придет альянс тюркского типа, который позволит Турции укрепить присутствие в некоторых странах Центральной Азии. Однако, вероятнее всего, будет образован военно-политический союз исламского типа, в рамках которого Турция предпримет попытку объединить весь исламский мир под своим руководством под предлогом борьбы с международным терроризмом. Тем не менее, Турция должна будет учитывать наличие таких серьезных игроков в регионе, как Саудовская Аравия, Израиль и Иран, и тщательнейшим образом продумывать каждый шаг, предпринятый в данном направлении.

С наибольшей долей вероятности Турция еще не раз проявит себя с военной точки зрения на полях Сирии и Ирака, где вариант завершения вооруженных столкновений представляется маловероятным даже к 2025 году. Кроме этого, с целью закрепления на Кавказе, Турция продолжит оказывать военную помощь Азербайджану, вовлеченному в Нагорно-Карабахский конфликт. Известной проведением военных операций в данных регионах и существенно укрепившейся Турции также ничто не помешает начать новые крупномасштабные военные компании, направленные на реализацию целого спектра военно-тактических и стратегических интересов.

Такие операции обязательно будут иметь место на пространстве турецко-сирийских, а также турецко-иракских границ. В особенности, мировое сообщество будет иметь возможность наблюдать сухопутные силы Турции на территории Северного Ирака, где расположен Иракский Курдистан, и не случайно. Такие действия Турции во многом будут спровоцированы конфронтацией с курдским населением этого региона, а также претензиями на исторически спорные территории, где явно прослеживается подтекст все тех же стремлений, которые будут реализованы в рамках идеологии «неоосманизма».

Ради достижения таких целей не исключено создание ряда коалиций с коллегами по новоиспеченным военным блокам, о которых говорилось выше. Также нельзя исключать стремления Турции распространить влияние в пределах Персидского Залива,

---

что, однако, может быть реализовано (с меньшей долей вероятности) только в двух случаях:

1) либо, по каким-то причинам, влияние Саудовской Аравии в этом регионе крайне ослабнет, что даст Турции карт-бланш к активным действиям (что, в принципе, невозможно);

2) либо Турции удастся наладить диалог с одним из своих главных соперников, претендующим на региональное лидерство, позабыв обо всех существующих противоречиях.

В рамках же борьбы с терроризмом, который по-прежнему будет играть ключевую роль в повестке дня Ближнего Востока и международной арены, Турция также может развернуть военные кампании против террористических группировок, однако, не займет благодаря им роль всемирного «миротворца». Прежде всего, ее, как и раньше, будут заботить собственные интересы, такие как: сохранение стабильности на собственных границах и предотвращение угрозы распространения радикального ислама.

Учитывая тот факт, что светская и неконсервативная Турция никогда не отличалась предоставлением свободы слова и печати СМИ, тем более не следует ожидать этого от Турции, которая встала на путь сохранения многовековых традиций и ценностей. Консерватизм не сразу приживется в турецком обществе, поэтому основные задачи турецкого правительства 2025 года можно охарактеризовать следующим образом: во-первых, основополагающая миссия будет заключаться в формировании нужного ему мнения и образа посредством оказания влияния на ряд СМИ; во-вторых, не менее значимая задача — немедленное пресечение неуместных для правящего режима высказываний на просторах интернета, а также страницах печатных изданий. Предположительно, в СМИ будут освещаться только те события, которые будут одобрены правительством.

Как уже было отмечено, к 2025 году все средства массовой информации окажутся под пристальным наблюдением и прямым влиянием руководства страны, а турецкое общество станет заложником общественного мнения, сформированного политической элитой. В связи с этим, в Турции будет исключен рост

плюрализма и свободной конкуренции в СМИ. В противовес этому, скорее всего, будут сформированы очевидные тенденции к формированию перечня «разрешенных» правительством изданий и интернет ресурсов, пригодных для «потребления» населением. Это, несомненно, спровоцирует возникновение конфликтного поведения ряда СМИ в отношении государства. Будут также искоренены любые формы проведения фрагментации СМИ, в том числе и попытки блоковости, которая, скорее всего, будет сведена к нулю.

Политика в информационной сфере будет направлена на создание положительного образа существующего в стране режима и пропаганды принятых им ценностей, причем методы реализации такой политики, скорее всего, будут осуществляться либо посредством жесткой линии непризнания какого-либо инакомыслия и диссидентства, либо посредством «мягкой силы», которая будет осуществляться крайне «тонко» — начиная от всевозможных лозунгов политических партий и рекламных кампаний, вплоть до использования пропагандистской риторики среди самих властей. Прежде всего, будет вестись активное навязывание измененных культурных традиций и постулатов. В основу общественной мысли будут заложены принципы национального единства, однако, Турция отойдет от кемалистских принципов, к которым страна когда-то так стремилась.

В первую очередь произойдет отход от принципов лаицизма и светскости. На смену им придет политика, направленная на исламизацию общества и превращение Турции в Исламскую Республику. Религиозный вопрос займет ключевое положение в жизни турецкого общества. Не исключено, что такие религиозные доктрины, как Коран и Сунна станут основополагающими регуляторами общественно-политических процессов в регионе и заменят, например, главный закон страны — конституцию. За отказ следования исламским нормам, государством вполне могут быть предусмотрены санкции. Такие изменения однозначно будут способствовать укреплению Турции в пределах исламского мира, однако, нет оснований полагать, что

общество радушно поприветствует данные социально-политические реформации.

Развернувшись от демократических ценностей в сторону консерватизма, к 2050 году, Турецкая Республика, вряд ли, откажется от данных принципов. Вероятнее всего, Турция продолжит консервативное направление внутривосточного и внешнеполитического курса. При его успешной реализации, к 2050 году Турция действительно может занять лидирующие позиции в списке важнейших держав региона, а также мировой арены. Турецкая Республика будет представлять из себя страну, имеющую массу средств влияния на международное сообщество, в том числе, влиятельный тюркский блок, который к этому моменту будет включать в себя большинство тюркоязычных стран мира.

Вероятно, исламизированная Турция 2050 года будет пользоваться авторитетом у стран, образующих исламский мир и займет в нем лидирующие позиции, возможно, наряду с Саудовской Аравией и Ираном. С другой стороны, чрезмерно-консервативный уклад общественно-политического развития Турции может быть не понят и не оценен по достоинству целым рядом мировых держав, что может «загнать ее в угол» и, наоборот, отрезать от светского демократического мира.

Так или иначе, это не остановит Турцию от дальнейшего укрепления влияния. Более того, вполне может быть образован и успешно функционировать военно-политический блок стран Ближнего Востока, а такие организации как НАТО будут либо противостоять ему, либо и вовсе перестанут существовать. Сама же Турция, скорее всего, не останется членом НАТО, так как США нуждаются в странах, которые полностью зависят от них, а укрепившая свое влияние Турция, будет противоречить этому принципу. Возможно, к этому времени Турция станет единственной страной-членом ШОС и БРИКС, представляющей интересы Ближнего Востока в этих организациях. Не исключено, что возрастет влияние Турции и в рамках ОДКБ, однако, до тех пор, пока Россия не покинет данный блок (что исключено), Турецкая

Республика будет иметь достаточно узкий круг возможностей для реализации своих намерений.

В основе внешнеполитического курса будут лежать все те же принципы — Турция, безусловно, будет акцентировать внимание на расширении своего влияния и сохранении консерватизма, а также сделает все для того (по крайней мере, будет пытаться), чтобы региональное и мировое сообщество приняло данные изменения. Тем не менее, основной вопрос заключается в том, сможет ли Турция реализовать все свои амбиции и хватит ли у нее для этого средств.

Вероятно, консерватизм в экономике Турции достигнет своего апогея к 2050 году. Экономика будет полностью контролироваться государством. Также, в связи с нарастающей исламизацией Турции, возрастет роль исламских форм бизнеса и исламских форм хозяйствования в целом. Будет создано и возобновлено большое количество исламских учреждений, а также возрастет роль исламской банковской системы, что также укрепит экономическое влияние в регионе.

Турецкий рынок сбыта, вероятно, окончательно изменит свое направление от стран Евросоюза в сторону Африканского континента и Ближнего Востока. Сотрудничество в нефтегазовом секторе с такими державами как Катар, Саудовская Аравия и другими странами ОИС также положительно скажется на экономике Турции.

С целью импортозамещения иностранных товаров, Турция может принять определенные меры в их отношении (ввод таможенных пошлин, акцизных сборов и т.д.), а также сделать акцент на развитии собственной промышленности и сельского хозяйства. Нельзя исключать, что в результате таких преобразований Турция может войти в десятку наиболее развитых стран мира относительно показателей уровня ВВП.

В военной сфере все усилия Турции будут по-прежнему направлены на укрепление национальной обороноспособности, на активное развитие ВПК, а также на реализацию собственных стратегических интересов. К 2050 году Турция, скорее всего,

---

значительно усовершенствует военно-промышленный комплекс, что сделает ее одной из самых модернизированных с военной точки зрения стран в регионе. В условиях дестабилизации ближневосточного региона, Турцией будут предприняты меры в области безопасности, в том числе это скажется на укреплении роли спецслужб, например, Национальной разведывательной организации. Также существенно возрастет роль армии в реализации внешнеполитического курса Турции, которая по-прежнему будет подчиняться действующему консервативному режиму.

Военное присутствие Турции в Сирии и Ираке может усиливаться. Особенно это будет заметно в САР, где к этому времени, возможно, начнется процесс федерализации и Турция будет одной из тех стран, целью которой станет захват части территорий. В этой связи в регионе может развернуться серьезная борьба региональных держав, таких как Иран и Израиль за сферы влияния. Не исключена и отдельная конфронтация Турции с курдами, которые, очевидно, будут отчаянно бороться за права автономии. Нельзя также исключать, что Турция может создать коалицию с Саудовской Аравией, также направленную на захват сфер влияния. В таких условиях Турция, скорее всего, будет демонстрировать свой военный потенциал, что отразится в проведении новых, еще более масштабных военных операций, а также в расширении военного присутствия в странах Африки и создания там новых военных баз.

Вне всяких сомнений, информационная сфера Турции 2050 года не станет исключением из правил и также пойдет по пути консерватизма. В связи с этим, говорить о возможном многообразии, блоковости и фрагментации СМИ также не приходится. В источниках средств массовой информации, количество которых будет, вероятно, сокращаться с каждым годом, по-прежнему, будут освещаться неполитические события или же сводки об успехах и достижениях правящего режима и турецкой армии.

Несмотря на то, что большинство турецких граждан к 2050 году, скорее всего, найдет в себе силы смириться с новым консервативным строем Турции, такие действия периодически будут

являться причиной протестных демонстраций и акций, проводимых частью радикально настроенного населения, что отныне будет наказываться вплоть до уголовного преследования. Скорее всего, к 2050 году турецкое законодательство уже будет включать в себя отдельные статьи, рассматривающие правонарушения граждан и работников СМИ в информационной сфере.

Вместе с этим, Турция не отойдет и от политики исламизации общества, которая прочно утвердится в стране к этому времени. Религии будет уделяться большое количество внимания. Не исключено, что основным источником права в Турции будет утвержден Коран. Этому будет сопутствовать создание религиозных мусульманских союзов, а также «просветительных» школ и организаций, которые будут призваны пропагандировать исламские ценности и отвечать за их сохранение и укрепление в обществе. Вполне возможно образование международных культурных организаций, куда может войти большая часть стран исламского мира во главе с Турцией. Не исключено, что в программу школьного и высшего образования будут включены основы религии и культуры ислама. Возможно также возобновление деятельности специальных мусульманских заведений, таких как медресе.

Консерватизация Турции, как уже было сказано, безусловно, укрепит роль государства, как в исламском мире, так и на пространстве Ближнего Востока. Однако нет никаких оснований полагать, что данная политика будет проводиться в правильном ключе, ведь цели Турции подразумевают вполне серьезные задачи — не только укрепление влияния в регионе, но и выход на мировую арену, в том числе — реализацию неоосманских настроений. Главный вопрос на сегодняшний день заключается в том, хватит ли у Турции ресурсов для грамотного и взвешенного осуществления задуманных целей?

Так или иначе, для многих государств мировой арены консервативная Турция будет нести определенную угрозу. В частности, одной из таких стран является Россия. Образование тюркских блоков, риск их распространения на территорию СНГ и непосредственно российских субъектов — прямая угроза национальной

безопасности государства. За безобидными на первый взгляд тюркскими «культурными центрами» могут скрываться вполне сомнительные организации, пропагандирующие несвойственные русской культуре ценности. Более того, учитывая слабые меры безопасности Турецкой Республики в настоящее время, нет никаких гарантий, что данные организации не превратятся в оплот радикального ислама, который будет орудовать на территории нашего государства. Более того, разворот Турции на Восток (причем на исламский Восток), связи и военно-политические блоки с монархиями Персидского Залива, курс на неоосманизм также не соответствуют интересам России.

В настоящий период задача России заключается, прежде всего, в том, чтобы не дать Турции окончательно уйти в исламский мир, забыв про своих стратегических партнеров. В этой связи следует налаживать диалог с турецким руководством, а также использовать и развивать инструмент «мягкой силы», который бы не позволил Турции реализовать такие намерения.

Учитывая тот факт, что Турция сейчас находится в состоянии неопределенности, отчаянно пытаясь закрепиться в системе современных международных отношений крайне решительными, но не до конца продуманными действиями, Турция, сама того не желая, может стать крайне уязвима и ликвидировать себя из международного сообщества.

Очевидно, что чрезмерно консервативная политика Турции не найдет отклика как внутри страны, так и за ее пределами. В этой связи, на передний план выходит риск раскола самой Турции на два лагеря — тех, кто все-таки выступит «за» консерватизацию общества и тех, кто не разделит этой точки зрения. В такой ситуации не исключено, что мировые державы во главе с США, используя слабость Турции, вступят в борьбу за сферы влияния на ее территории.

В заключении необходимо отметить, что Турецкая Республика — страна крайне амбициозная и эмоциональная. Вполне возможно, что начатая президентом Эрдоганом консерватизация сможет найти себе применение в турецком обществе, но,

очевидно, не сразу. В любом случае, такие действия могут смело расцениваться как серьезный риск и вызов, как политической элите Турции, так и ее населению. К сожалению, подобного рода масштабные планы турецкого руководства по расширению влияния могут весьма печально обернуться для самой Турции.

В современном мире международных отношений ни одному государству не следует слепо руководствоваться личными амбициями и желаниями, невзирая на то, что происходит вокруг. Диссонанс общественных настроений и проводимой политики государства еще никогда не завершался благоприятно, как для одной, так и для другой стороны. Международная политика, даже по реализации своих целей, не должна проводиться в одночасье. Напротив, такие действия требуют тщательнейшим образом продуманного плана действий и стратегий, а главное — ясного представления о том, чем какое-либо совершенное действие может обернуться для государства и общества, с пониманием чего действующее турецкое руководство, по всей видимости, испытывает явные проблемы.

7.4.2. Сценарий №2. Лаицизм и Западный мир

С момента прихода к власти в Турции в 2002 году Партии справедливости и развития позиции как кемалистской Народно-республиканской партии, так и турецкой армии, которая традиционно выступала хранительницей светских ценностей, значительно ослабли. Фактически, секуляритивная политика Мустафы Кемаля Ататюрка коснулась только государственных институтов и наиболее крупных городов, таких как Стамбул, Анкара, Измир. Этим воспользовались представители действующей управленческой верхушки страны, которые приступили к проведению политики, базирующейся на поддержке со стороны малообразованных слоёв населения и жителей деревень, что позволило им доминировать на политическом пространстве Турции.

Тем не менее, светские настроения все еще имеют место в турецком обществе, особенно это заметно на примере молодежи, которая, к слову к 2025 году составит основу взрослого населения Турции, а значит и ее электората. Кроме того, весьма активным слоем турецкого общества является, главным образом, научная интеллигенция, которая выступает ярким противником исламизации страны, что демонстрируют многочисленные антиправительственные протесты.

Протестный потенциал турецкого общества довольно высок: люди не боятся выходить на улицы, участвовать в массовых мероприятиях для демонстрации своего недовольства, а также открыто озвучивать непопулярные точки зрения по тем или иным вопросам, даже если это может стать причиной проблем с властями, о чем свидетельствуют последние события в Турции.

Политика закручивания гаек, проводимая Эрдоганом, приносит не только положительные результаты с точки зрения укрепления его власти. Жесткое и практически бесконтрольное закармливание и внесистемной оппозиции, и простых граждан, не поддерживающих политику властей, приводит к нарастанию протестных настроений. Такое положение дел в итоге станет поводом к когнитивному взрыву, который, в свою очередь, положит начало процессу перехода власти в руки сторонников секуляризма.

Светский сценарий развития государства предполагает возвращение к лаицизму как одной из основ идеологии республиканской Турции. Очевидно, внутри страны процесс будет проходить под эгидой Народно-республиканской партии (старейшая левоцентристская партия страны), альтернатив которой в Турции нет и не предвидится. Не вызывает сомнений и тот факт, что, вернувшись к власти, кемалистское руководство не допустит прежних ошибок и приступит к реализации курса на болезненную, но полную секуляризацию страны, всех сфер ее общественной и политической жизни.

Турция возобновит попытки интегрироваться в Европейский союз. Возрастет её зависимость от таких структур как НАТО и, собственно, ЕС, членство в котором кемалисты рассматривают

как принадлежность к группе наиболее развитых стран мира. Усилится роль США в принятии внешнеполитических решений турецким истеблишментом.

В целом, сценарий предполагает трансформацию отношений, прежде всего, с Западом и исламским миром. Что касается второго, то Турция, определённо, утратит роль одного из лидеров региона, усилия по достижению которой прилагает нынешнее руководство во главе с Эрдоганом. Причиной этому послужит отказ от ценностей ислама как в политике, так и в общественной жизни: произойдёт культурное отдаление, которое станет серьёзным препятствием для сотрудничества Турции с другими игроками региона Ближнего Востока и Северной Африки.

Контакты с Россией сохранят циклический характер, что не раз демонстрировала история взаимоотношений Москвы и Анкары. Рассчитывать на стабильные дружеские отношения не приходится. Турция будет готова к сотрудничеству лишь по вопросам, предоставляющим ей преимущества. Совершенно очевидно, что будет сохранён тот формат сотрудничества двух стран, который можно наблюдать сегодня. Более того, Турецкая Республика будет рассматриваться Западом как один из инструментов оказания давления на Россию, что потенциально может стать фактором для возникновения крупных конфликтов между Россией и США. Такой конфликт, а именно Карибский кризис, произошел в 1962 году, когда Турция стала площадкой для размещения американского ядерного оружия.

В итоге, курс светского руководства приведёт к значительному снижению роли Турции в регионе и на международной арене в целом. В целом, сценарий будет выглядеть как регресс турецкой политики, так как расстановка как внутренних, так и внешних сил на политическом поле рассматриваемого региона, примет облик второй половины XX века.

Вероятность осуществления данного сценария высока, однако факторы, этому способствующие, достаточно слабы на нынешнем этапе политического развития Турции. Основное условие реализации данного сценария — успешная мобилизация представителями

светской элиты недовольных политикой Эрдогана слоев общества, а также усиление влияния Соединённых Штатов на политику турецких властей.

Светское руководство Турецкой Республики более договороспособно с точки зрения Запада (чего нельзя сказать об умеренных исламистах, шедших на его поводу лишь в начале своего пути). Очевидно, Штаты будут выжидать усиления Турции до уровня надрегионального лидерства, что возможно только при нынешних, происламских властях, после чего американская администрация активизирует поддержку кемалистских кругов (в худшем случае будет применён один из сценариев, известных по событиям Арабской весны), чтобы иметь на Ближнем Востоке послушного, но сильного, прислужника.

Как видно, привычка Эрдогана ни с кем не считаться вызывает недовольство, главным образом, у западных партнеров. Более того, в стране складывается сложная ситуация: разобщённость турецкого общества ведёт к его нестабильности. Любые общественные потрясения фактически могут вызвать хаос в стране. Ярким примером чему служит референдум 16 апреля 2017 года по вопросу внесения поправок в конституцию Турецкой Республики о расширении полномочий президента. Его результаты, по которым поддержка действующего президента Эрдогана едва преодолела отметку в 50% процентов голосов, свидетельствуют об отсутствии единства народа страны, что может стать поводом для волнений вплоть до гражданской войны.

В таком случае, США и страны ЕС, как видится, могут поспособствовать развитию массовых беспорядков, которые в дальнейшем создадут условия перехода власти (либо мирного, либо силового). И тогда в существенной мере сильная и независимая Турция — какой мы видим ее сегодня, превратится едва ли не в марионеточное государство, во главе которого, разумеется, будут поставлены светские прозападные политики. Тем не менее, такой сценарий может быть осуществлен и без вмешательства третьих государств, при достаточной воле народа, эффективной деятельности турецкой оппозиции и падении легитимности власти в

результате бесконтрольного посягательства на свободу своих граждан.

С наибольшей вероятностью сценарий получит развитие при постепенном возвращении в сознании турецкого народа европейских ценностей (молодые представители которого и без того в значительной степени их разделяют) в турецком обществе сложится естественная необходимость реформ во всех областях жизни страны, что, в конце концов, приведёт к мягкому переходу власти в руки сторонников секуляризма.

С другой стороны, попытка принудить население Турции отказаться от разделяемых им традиционных турецких (исламских в том числе) ценностей в пользу западных приведет к жесткому сопротивлению, что, в итоге, выльется в народные волнения и социальный кризис. Государство окажется в пограничном, предельно нестабильном состоянии. Руководство страны, можно ожидать, выступит против западного влияния, что повергнет страну в хаос.

Данный сценарий крайне маловероятен в условиях нарастания процессов многополярности. При возникновении в мире нескольких центров силы укрепнут позиции администрации Эрдогана, фактически, произойдет рост ее легитимности, так как именно она сможет наиболее эффективно реагировать на вызовы международной системы. К тому же, усиление регионализации также не будет способствовать реализации этого сценария. Турецкая Республика располагается в регионе, в котором в подавляющем большинстве стран исповедуется ислам, который является связующим звеном между Турцией и Ближним Востоком. В случае сближения стран региона представители консервативной элиты укрепят свои позиции у власти, так как сумеют наиболее эффективно отвечать требованиям данного тренда.

К 2025 году будет наблюдаться значительное ослабление ЕС (что происходит уже сейчас), тем не менее, в рамках данного сценария Турция продолжит попытки интегрироваться в Евросоюз. Связано это с тем, что в политическом сознании турецких лаицистов все еще будет существовать архаичное представление о том, что членство в европейских структурах тождественно

принадлежности к передовой части мира. Фактически, такой близорукий подход, скорее всего, связан с представлением о том, что европейские государства более не станут допускать осложнения отношений, которые можно наблюдать сегодня, и будут более стоворчивыми в вопросе членства Турции.

Определенную роль в отношениях ЕС и Турции сыграет разрешение кипрского вопроса, который после высадки в 1974 году на остров турецких военных контингентов, был разделен на греческую и турецкую часть. Решение кризиса является одним из критериев вступления Турции в Европейский союз. Нужно сказать, что сторонам, скорее всего, удастся найти решение по данному вопросу, которое примет форму признания де-юре за двумя кипрскими государствами (Республикой Кипр и Турецкой Республикой Северного Кипра) занимаемых ими территорий и независимости Турецкой Республики Северного Кипра.

Поскольку в Турции сверху, фактически, произойдет отказ от религии, как одной из основ турецкого общества, то, сойдет на нет роль страны в процессах на Ближнем Востоке и, прежде всего, в многосторонних международных институтах, а именно в Организации исламского сотрудничества. Речь может идти вплоть о выходе страны из ОИС.

Уже к 2025 году Турция откажется от членства в ШОС. Сегодня показное намерение стать членом организации обусловлено попыткой надавить на Европейский Союз, продемонстрировать независимость турецкой политики от каких бы то ни было внешних факторов. В следующем же десятилетии — при условии осуществления рассматриваемого сценария — такая необходимость (в членстве) отпадет; турецкое руководство, вероятно, откажется также и от статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества. Тенденция сворачивания всякого партнерства потенциально может коснуться и Евразийского региона. Отдаление Турции от стран Средней Азии на деле способно привести к ее самоисключению из проекта «Экономического пояса Шелкового пути», базу которого составят страны-члены Евразийского экономического союза.

Усилятся роль Турции в качестве единственного оплота Североатлантического альянса на Ближнем Востоке. Возможно, будет предпринята попытка включить ее в натовскую систему ПРО, что негативно скажется как на регионе в целом, так и на самой Турции, которая вынуждена будет мириться с ролью изгоя. Помимо всего прочего, высока вероятность создания альянса Турции и Израиля как главных союзников США в регионе. Это, с одной стороны, позволит двум государствам взаимно компенсировать потери от трудностей в отношениях с другими государствами Ближнего Востока, а с другой, даст Соединенным Штатам шанс укрепить свое влияние и увеличить уровень контроля за внутрирегиональными процессами на Ближнем Востоке.

Акцент на светских ценностях, ослабление пантюркизма (идейное течение, которое провозглашает необходимость консолидации на основе языковой, культурной и исторической общности тюркских народов Евразии) станет мотивом для постепенного охлаждения отношений Турции с Казахстаном, Туркменией, Узбекистаном и Киргизией. В связи с этим понизится роль Турции в таких структурах, как: Тюркский совет и ТюркПА (Парламентская ассамблея тюркоязычных стран). К слову, тенденция не скажется на отношениях с Азербайджаном: сотрудничество двух государств уже довольно давно строится под лозунгом «Один народ, два государства». На этом фоне необходимо обратить внимание на то, что Анкара, как и действующая сегодня турецкая администрация, вероятно, продолжит косвенное вмешательство в конфликт вокруг Нагорного Карабаха. Это необходимо принимать во внимание и осуществлять меры по предотвращению обострения ситуации, учитывая тот факт, что Армения является партнёром России по ОДКБ.

Наряду с ослаблением централизованной власти, в активную борьбу за свою независимость включатся представители курдского меньшинства Турции. Возникнет ожесточенный конфликт, справиться с которым кемалисты будут неспособны, а западные покровители, скорее всего, не предпримут, во всяком случае, действенных шагов по его разрешению, что как итог ещё сильнее

ослабит турецкое руководство и во внешне- и во внутривнутриполитическом плане. Нестабильная внутривнутригосударственная обстановка, в свою очередь, отсрочит на неопределенный срок переговоры о членстве в ЕС: Турция станет заложницей замкнутого круга противоречий, из которого едва ли сможет выбраться.

К обозначенному моменту времени Германия подтвердит свое лидирующее как экономическое, так и политическое положение в Европе. Произойдет подчинение экономики Турции значительно более мощным экономикам США и ФРГ. Главными торговыми партнерами Турции по-прежнему останутся страны Европы и Россия. Отдаление Турции от Евразийских структур, скажется, в частности и на двусторонних отношениях со странами Средней Азии и с Китаем. Ослабнет их экономическое взаимодействие, а именно снизится объем взаимного товарооборота, а также участие в совместных экономических и инвестиционных проектах.

Наряду с охлаждением отношений с Россией, турецкие власти в рамках политики ориентации на Запад возьмут курс на расширение и диверсификацию экономического сотрудничества со странами черноморского региона на платформе Организации черноморского экономического сотрудничества. К третьему десятилетию XXI века балканским государствам, предположительно, удастся достичь серьезных успехов в определяющих сферах общественной жизни, а именно: экономике, образовании, социальной сфере, и так далее. Вышеописанный ход, с одной стороны, сблизит Турцию и ЕС, а, с другой, позволит заменить прежде такого важного торгового партнера как Россия.

Будучи правой рукой Соединенных Штатов в Ближневосточном регионе, Турция продолжит активное вмешательство в процессы, происходящие в нем. Однако, такое участие окажется, скорее всего, вынужденным, так как Турция будет не в состоянии самостоятельно принимать решения в этой области. Поскольку произойдет усиление военно-политического влияния Ирана, это вынудит Соединенные Штаты надавить на Турцию, чтобы сделать ее ключевым элементом в рамках региональной системы ПРО, нацеленной против Ирана и России.

В этой связи возникнут противоречия между Турцией и ее исламскими соседями, Ираном в том числе, по линиям экономических и военно-политических взаимоотношений: турецкому руководству придется балансировать между Соединенными Штатами и Ираном, желая извлечь выгоду по обоим направлениям (в первом случае — сохранить хорошие отношения с Западом, во втором — диверсифицировать источники поступления в страну энергоресурсов).

Что касается Сирии, то наиболее вероятным исходом конфликта является размывание сирийской государственности, что, однако, произойдет, думается гораздо раньше 2025 года. Тем не менее, по этому направлению светские власти Турции сохраняют преемственность политике нынешней консервативной элиты. По завершении процесса Турция примет участие в разделе сирийских территорий, взяв себе преимущественно районы вокруг Алеппо.

Нежелание допустить повторного прихода к власти исламистских сил вынудит светский истеблишмент усилить роль армии в принятии государственных решений за счет расширения ее полномочий и передачи ей значительной автономии и независимости от других институтов власти. Несмотря на рост роли армии, в области оборонной промышленности Турецкая Республика откажется от собственных разработок в пользу закупок оружия и военной техники у партнеров по НАТО: произойдет деградация ее военно-промышленного комплекса.

В своем желании интегрироваться в ЕС, Турция пойдет на поводу у стран-членов, которые, как и прежде, не будут торопиться с ее включением в состав Союза. На деле произойдет смена ролей: Турция, шантажирующая сегодня по ряду вопросов европейские страны, сама станет шантажируемой. Поток в Европу скажется и на вопросе беженцев. Добровольно взяв на себя роль барьера Европы от мигрантов из Сирии, Афганистана, Ирака и других проблемных стран, она вскоре станет своего рода «отстойником» для переселенцев с Ближнего Востока. Коренное население Турции начнет смешиваться с арабами и прочими представителями исламского мира. В долгосрочной перспективе это приведет

к усилению в обществе традиционных ценностей и, как итог, ослаблению позиций светского правительства.

Усиленный курс на демократизацию общества приведет к росту плюрализма в средствах массовой информации Турции. Такая тенденция поспособствует сохранению прочных позиций традиционных ценностей, что, в свою очередь, станет причиной еще большей раздробленности турецкого народа. Проблема сохранения светского строя станет комплексной в свете обозначенных ранее тенденций (наводнение территории страны арабскими мигрантами и расширение спектров общественного мнения) и также негативно скажется на стабильности Турции, в частности, и всего региона, в целом.

Вопреки либеральному подходу в отношении средств массовой информации, новым руководством, по-видимому, все же будет закрыта газета «Sabah» (лояльная турецкой администрации во главе с Эрдоганом) как символ поражения старого режима и победы нового. В информационном поле возникнет конфликт между сторонниками традиционных ценностей и светских, который найдет свое отражение в реальном мире. В действительности причиной его возникновения станет именно неспособность решить вопрос мигрантов из соседних стран, так как существующее сегодня в Турции, по факту, светское меньшинство будет подавлено: сторонники секуляризации будут не в состоянии получить решающую поддержку общества.

Пантюркистские устремления утратят свои позиции среди представителей турецкой элиты. Но это вовсе не означает, что Турция откажется от тесных взаимоотношений с тюркскими государствами Средней Азии и республиками России. Однако будет создан потенциал для вытеснения протурецких настроений из указанных регионов, чем может воспользоваться российское руководство для укрепления как стабильности внутри страны, так и своего влияния в соседних государствах.

Учитывая ряд тенденций современного мира, а именно: ослабление старых ключевых игроков МО, появление новых центров силы — можно предположить, что к концу первой половины

XXI века мир усилится тенденция к многополярности и регионализации. В связи с этим возрастет роль международных организаций регионального уровня и масштаба. Такое положение дел коснется и Ближнего Востока: в регионе появится целый ряд новых международных институтов, с чем придется считаться Турецкой Республике. Общее отдаление страны от арабского мира и вынужденное членство в центрах консолидированного принятия региональных решений, где Турция, очевидно, не будет играть значительную роль, отрицательно скажется на ее возможностях влиять на события и отдельных игроков в регионе.

В более активную борьбу за глобальное доминирование включатся Индия и Китай. В стремлении примкнуть к наиболее сильному лагерю, турецкое руководство примет решение по расширению сотрудничества с этими странами, главным образом, в области политического взаимодействия, что, разумеется, вызовет недовольство у американской администрации и приведет к похолоданию американо-турецких отношений, наряду с сохранением решающего воздействия США на внешнюю политику Турции в отношении иных государств.

Как видится, к 2050 году Евросоюз будет едва ли не на грани распада, или же, как минимум, в глубочайшем политическом и идеологическом кризисе. В случае неспособности стран-членов принять решительные меры по его реформированию, ЕС будет обречен на трагическое будущее. Роль центров силы в Европе возьмут на себя Германия и Франция. Турция, очевидно, на фоне общего отдаления от Европейского союза, продолжит сотрудничество именно с этим государствами. Кроме того, существенной станет роль Берлина и Парижа в оказании влияния на принимаемые турецким истеблишментом решения. Неустойчивое внутривнутриполитическое положение, слабость официальной Анкары, внешнее воздействие — все это позволит западным партнерам превратить Турцию в своеобразный полигон для испытания различных политических технологий без потерь для себя.

В целом, будет наблюдаться кризис многих межгосударственных институтов, в том числе НАТО и ЕС. Ввиду этого

начнется постепенное отдаление Анкары от Запада и ее замыкание в себе. Ближневосточный регион, вероятно, ждет распад таких государств, как Сирия, Афганистан и Ирак. Турция, в качестве правой руки США вступит в борьбу за «наследство», в первую очередь, Ирака, в котором она претендует на Мосул и Киркук.

Отношения с Россией, скорее всего, кардинально не поменяют нынешний формат: несмотря на разногласия политического характера, турецкое руководство будет держаться за Россию как один из главных рынков сбыта турецкой, преимущественно сельскохозяйственной, продукции и крупный источник доходов от туризма. Тем не менее, любые глобальные двусторонние проекты так и будут оставаться лишь проектами.

Учитывая целый ряд серьезных внутривнутриполитических проблем, с которыми столкнется турецкий истеблишмент, Турция потеряет значительную часть внешних инвестиций. Стране едва удастся сохранять приемлемые экономические показатели и минимальные темпы роста. Однако не рухнуть турецкой экономике позволит помощь Запада, и, кроме того, Турция, вероятно, станет одним из государств-заемщиков Международного валютного фонда.

После долгих лет доминирования во внешней политике кемалистов прозападного курса, руководство страны, возможно, примет решение восстановить более тесное сотрудничество по евразийскому направлению и будет предпринимать активные шаги в направлении включения в евразийские экономические институты. В том числе Турцией будет вестись работа по содействию реализации выдвинутой Китаем концепции «Один пояс — один путь».

К 2050 г. Ближний Восток будет оставаться главным центром мировой нестабильности. Внутривнутриполитическая борьба в Саудовской Аравии лишит ее статуса регионального центра силы. Произойдет значительное усиление Египта и Ирана, которые станут оказывать решительное влияние на внутривнутрирегиональные процессы. Скорее всего, с подачи Тегерана и Каира будет создан новый

военно-политический блок арабских государств. В свою очередь, НАТО утратит свое военно-политическое влияние и отойдет от политики вмешательства во внутривнутриполитические конфликты других государств, сконцентрировавшись на вопросах обороны и попытках сохранить единство блока.

Тенденция к развалу ЕС станет поводом к ослаблению и европейского военно-политического сотрудничества. Тем не менее, Турция останется одним из наиболее преданных членов Североатлантического альянса, несмотря на его ослабление. В этой связи вышеобозначенная возможность создания ближневосточного военно-политического блока дополнит ряд противоречий Турецкой Республики и других государств региона.

В Турции сохранятся и усилятся внутривнутриполитические проблемы, которые потенциально будут способны привести к размыванию турецкой государственности. Одной из них останется курдский вопрос: ослабление центральной власти станет поводом к открытым вооруженным столкновениям между турецкими курдами и турецкими войсками. Может иметь место предположение о том, что, в случае эскалации конфликта, в него включатся как региональные центры силы (на момент 2050 года ими, возможно, будут Египет и Иран), так и мировые державы в лице США и отдельных стран Европы, между которыми возникнет борьба за создание марионеточного курдского государства и сфер влияния в нем, что в итоге приведет к затяжным столкновениям на юго-востоке Турции.

Из-за либеральной политики руководства страны в отношении средств массовой информации провалится попытка укоренить в турецком обществе ценности светского толка, что даст возможность происламским и консервативным силам снова включиться в борьбу за власть. Уже к 2050 году вопрос станет предельно актуальным, в связи с тем, что сохранение твердого положения ислама и традиционных ценностей, в целом, в турецком обществе поставит под сомнение возможность дальнейшего пребывания кемалистов у рычагов управления Турецкой Республикой.

Произойдет критическое ослабление позиций пантюркизма в риторике и политике турецких властей. Это, в итоге, лишит Турцию влияния в тюркских среднеазиатских государствах и республиках России. Что, на деле, весьма положительно для России, так как исчезнет необходимость в противодействии сепаратистским настроениям тюркских народов России, вызванных идеями пантюркизма. Кроме того, это поспособствует развитию и внедрению во властные структуры стран Средней Азии пророссийских элит.

В долгосрочной перспективе Турция превратится в один из очагов нестабильности на Ближнем Востоке. Как известно, переход к новой системе МО не моментальный процесс, и сопровождается обычно глубочайшими общественными потрясениями (каковыми были охватившие мир в XX веке две мировые войны). Сегодня вероятность крупномасштабных конфликтов сведена к минимуму, но не устранена, в принципе. Таким образом, можно говорить о том, что к 2050 году сложная — на грани хаоса — конъюнктура международных отношений, а также отсутствие в стране сильной власти, вынудит Турецкую Республику искать новые направления внешнеполитического сотрудничества.

В сравнительно среднесрочной перспективе (к 2025 году) положение дел после прихода к власти в Турции сторонников лаицизма будет походить на таковое в XX веке. Тогда турецкое руководство едва ли не добровольно вошло в сферу влияния Соединенных Штатов, в то время как отношения с СССР были значительно осложнены. В общих чертах формат сохранится и теперь: США главный политический и военный партнер; ЕС — важный экономический и политический партнер; Россия — один из крупнейших импортеров турецкой сельскохозяйственной продукции и источник туристов для Турции; и так далее.

В случае осуществления сценария, а значит выбора турецким руководством курса на секуляризацию всех сфер государственной и общественной жизни, Турецкая республика серьезно

ослабнет. Зависимое от внешних покровителей правительство не сможет самостоятельно справиться с вызовами национального и регионального масштаба, среди которых можно выделить курдский вопрос и неудачу создания светского общества в Турции.

Взвешивая все «за» и «против» можно сделать вывод, что с точки зрения российских интересов, кемалистский сценарий в Турции нежелателен, так как вследствие его осуществления страна отойдет в поле западного влияния, что создаст России серьезные проблемы на южном фланге НАТО на долгие годы. В этой связи, сохранение у власти консервативной Партии справедливости и развития представляется более предпочтительным, учитывая стремление нынешнего турецкого руководства вести независимую от Запада политику. Это позволит проще находить необходимые точки соприкосновения интересов двух стран.

Глава VIII.
Перспективы развития
Южной Азии

8.1. Сценарии развития Южной Азии до 2025 года

8.1.1. Сценарий 1. Треугольник интересов США — Индия — Китай

Данный сценарий предполагает, что к 2025 году в Южной Азии станут преобладающими отношения в рамках треугольника интересов США — Индия — Китай. При этом США будут активно разыгрывать «индийскую карту» в борьбе против усиливающегося глобального влияния Пекина, с учетом столкновения, прежде всего, экономических интересов Вашингтона и Пекина в глобальном масштабе, а Дели будет играть на этом столкновении, используя его в своих целях. Однако, при определенных обстоятельствах (резкий спад прироста ВВП, угроза дестабилизации внутренней ситуации в стране, возрастание противоречий с Китаем, новый вооруженный конфликт с Пакистаном) Индия может пойти на стратегический союз с США, но при этом сохраняя себе свободу маневра.

Столкновение интересов США и Китая при этом в глобальном и региональном контекстах не выльется в вооруженный конфликт двух стран, так как Вашингтон понимает, что Китай, имеющий в своем распоряжении большое количество ценных бумаг

(securities) и финансовых долговых обязательств США (т.н. АДР — американские долговые расписки — American Depository Receipts) теоретически может обрушить внутренний финансовый рынок США, массово выбросив эти ценные бумаги на продажу. Кроме того, к 2025 г. Китай, по всей видимости, будет обладать значительным ракетно-ядерным потенциалом, сравнимым с аналогичным потенциалом США и превосходящим аналогичные потенциалы остальных ядерных держав, кроме России. Также США будут воздерживаться от прямого вооруженного конфликта с Пекином в силу большой зависимости от китайской экономики (внутренний американский рынок насыщен китайскими товарами и президент Трамп даже не пошел на увеличение импортных акцизов на 45% на китайские товары).

Что касается Индии, то в рамках этого треугольника индийцы будут по-прежнему опасаться тандема Китай — Пакистан. Пекин увеличит свою поддержку Исламабаду, чтобы оказывать давление на Индию. Вашингтон будет не против такой связки Пекин — Исламабад, поскольку она дает возможность США через Пекин оказывать давление на Пакистан, в особенности, что касается его растущей ракетно-ядерной программы, а также опосредованно подталкивать Дели к тому, чтобы Индия поддерживала США в их стремлении нейтрализовать китайскую экспансию в глобальном контексте. Дели также будет стремиться к тому, чтобы не играть роль младшего партнера США в возможном стратегическом союзе Вашингтон — Дели, а активно продвигать собственные интересы, которые к 2025 г. будут заключаться в глобальной экспансии Индии. Пакистан при этом не сможет оказывать активное противодействие Индии, даже на региональном уровне, поскольку он будет поглощен собственными внутренними проблемами, прежде всего, с захлестывающим страну радикальным исламизмом.

Таким образом, индийские интересы к 2025 году будут заключаться в активном продвижении своей роли на макрорегиональном и глобальном уровнях, при этом избегая прямого столкновения с Китаем и играя на противоречиях Китая и США.

США в этом сценарии увеличат свое присутствие в регионе. Вашингтон, опираясь на переформатированную военно-политическую мощь, будет играть на противоречиях Индии и Китая, Пакистана и Индии, при этом стараясь привязать Индию к себе в качестве младшего партнера в стратегическом союзе, также как и Пакистан.. Поскольку проблемы, связанные с продолжающимся острым внутренним кризисом в Афганистане, радикальным исламским терроризмом в регионе, наркотрафиком из Афганистана в страны Центральной Азии и далее, через территорию РФ в страны Западной Европы и США, нелегальной миграции из региона также в страны Западной Европы, растущего ракетно-ядерного потенциала Китая и Пакистана и др. возрастут, то США увеличат свое военное присутствие в в регионе, прежде всего, в Афганистане, а также увеличат количество военных баз, расширив свою военную базу на о. Диего Гарсия, и создав новые военные базы по внешнему периметру региона, в том числе заключив договоренность с Исламабадом о создании военных баз на его территории.

Данный сценарий представляется достаточно вероятным, потому что в регионе, так или иначе, сталкиваются интересы основных игроков — Индии, Китая и США, причем каждый из них преследует свои конкретные интересы. Индия в политической области нацелена на твердое доминирование на макрорегиональном уровне и прочный выход к 2025 г. на глобальный уровень (этим последним объясняются стремление Индии получить место постоянного члена в СБ ООН и участие в других международных многосторонних форматах — «Север –Юг», АСЕАН, ШОС, АРФ и др.). При этом Индия пытается противостоять растущему влиянию Китая, по крайней мере, на макрорегиональном уровне.

В экономической области — Индия при правительстве премьера Моди поставила перед собой задачу обеспечить быстрый и стабильный экономический рост и не уступать к 2025 г. по основным экономическим показателям (ежегодный прирост ВВП, расширение экономически активного населения и рост среднего класса и т.д.) Китаю. В военной области Индия ставит в настоящее

время и на перспективу до 2025 г. создать мощную, вооруженную новейшим оружием и военной техникой армию, ВВС и ВМФ, чтобы быть в состоянии противостоять китайской экспансии и увеличению китайского военного могущества на макрорегиональном и если возможно, на глобальном уровне. Для этих целей нынешнее политическое руководство Индии ведет свою игру с США, пытаясь использовать сотрудничество с ними для реализации своих амбициозных экономических задач, активно используя при этом сильное проиндийское лобби из числа обширной индийской диаспоры в США и некоторых влиятельных американских политиков. При этом индийцы отчетливо понимают, что Вашингтон ведет свою игру с Индией, пытаясь использовать ее для эффективного противовеса растущему влиянию и могуществу КНР.

Китай в политической области, прежде всего, настроен на получение статуса одной из ведущих мировых держав и нового глобального центра силы. Свое влияние на макрорегиональном уровне он рассматривает с этих позиций и в качестве противостояния доминированию Индии в регионе. С этой целью он продолжает, и будет продолжать свою поддержку Пакистана, как страны, которая может «оттягивать» на себя часть усилий Индии. В экономической области Китай отчетливо заинтересован в том, чтобы обеспечить беспрепятственный доступ дешевых китайских товаров, а также китайских коммерческих и государственных компаний на внутренние рынки Индии и других стран региона. В военной области КНР старается по возможности нейтрализовать рост военного потенциала Индии и, прежде всего, сохранить лидирующие позиции в ракетно-ядерной области, закрепив отставание Индии от него. Кроме того, Китай стремится получить возможность своего военного присутствия в регионе (военная база на Шри-Ланке, порт Карачи в Пакистане, военное сотрудничество с малыми странами Южной Азии и Мьянмой).

США ведут сложную комбинационную игру в регионе. Причем, регион вновь приобрел для них значимость в свете проблемы радикального исламизма, усиления могущества Китая, нерешенности афганского кризиса, регионального нераспространения

ядерного оружия (Пакистан) и соседства с Центральной Азией, где у Вашингтона имеются свои интересы. В политической области первоочередная задача для США состоит в нейтрализации усиления китайского военно-политического и экономического могущества. С этой целью они ведут свою игру с Индией, которую они считают крупнейшей незападной демократией в отличие от коммунистического Китая. Кроме того, США рассматривают регион как возможную в ближайшем будущем площадку для перебазирования исламских фундаменталистов и радикалов типа т.н. ИГ, а также как ключевой регион, соседствующий с Ираном — страной, которая представляет собой долговременную проблему для внешнеполитических целей США. В экономической области США стремятся получить беспрепятственный доступ американских компаний на обширный и потенциально выгодный рынок стран ЮА, прежде всего, Индии. В военной области США рассматривают регион в качестве «передового плацдарма» для нейтрализации китайского влияния, противодействия Ирану и подрыва позиций России в Центральной Азии.

Данный сценарий в целом совпадает с общим трендом, заданным общемировым сценарием «Глобального военно-силового противоборства». Это подразумевает, что в регионе будет иметь место жесткое столкновение интересов США, Китая и Индии. При этом глобализация затронет не только Индию, но и все страны региона, в которых будет наблюдаться приоритетное развитие в рамках глобализации с сохранением общих моментов присутствия национальной идентичности этих стран. Также фактически в регионе будут соперничать три центра силы — одна сверхдержава — США и две новые глобальные державы — Китай и Индия. Остальные страны Южной Азии будут пытаться балансировать между этими центрами силы, в основном — между китайским и индийским влиянием на регион. США будут пытаться оказывать давление на региональных акторов.

В случае же слома этого глобального сценария и дальнейшего укрепления многополярности парадигма развития региона будет соответствовать тенденции к формированию полицентричной

модели международных отношений, представленной США, Китаем, Индией и Россией. При этом столкновение глобальных проекций силы Китая, Индии и США будет оказывать сильное влияние на политику стран региона, которым придется делать выбор на кого ориентироваться при проведении своего внешнеполитического курса. Индия сможет оказать приоритетное влияние на регион, успешно конкурируя с влиянием Китая и США. Пакистан, оставаясь в жестком соперничестве с Индией, в том числе и в Афганистане, будет оставаться под влиянием как Китая, так и США.

8.1.2. Сценарий 2. Китайская экспансия

Данный сценарий предполагает значительное возрастание к 2025 году участия Китая в делах региона. При этом Китай, по-прежнему, опираясь на стратегический союз с Пакистаном, будет оппонировать Индии по всем параметрам — политическим, экономическим, военным, идеологическим и культурным. Что касается политических параметров, то Пекин, помимо сохранения своей поддержки Пакистана, будет активно вовлекаться в процессы, происходящие в Афганистане, а также в малых странах Южной Азии (Бирма, Непал, Бангладеш, Шри-Ланка и Бутан). При этом Пекин будет стараться оттеснить имидж Дели, как главной страны, оказывающей влияние на процессы в регионе — сохранение стабильности и поддержание баланса сил.

Фактически Китай станет основной державой, которая в региональном балансе сил заменит Индию, как ключевого игрока, на которого опираются остальные страны региона. В этом ему активно будет помогать сложившийся у стран региона, особенно малых стран Южной Азии, негативный образ Индии, как страны, распространяющей свою гегемонию на весь регион и вмешивающуюся во внутренние дела этих стран (попытка вмешательства Индии в сингало-тамилский конфликт на

Шри-Ланке в середине 80-х гг. прошлого века, закончившийся уходом индийских военных из этой страны, после чего власти Шри-Ланки сумели разрешить этот конфликт мирным путем; вмешательство Индии во внутренние дела Непала и Бутана; попытки Индии повлиять на внутренний расклад сил в Мьянме и Бангладеш в 90-х гг. и т.п.).

В области экономики — Пекин будет добиваться свободного выхода китайских товаров на внутренний индийский рынок и на рынки других южноазиатских стран. С учетом того, что ежегодный прирост ВВП Китая опережает аналогичный прирост ВВП Индии (6% против 3,7% соответственно) китайская политическая экспансия в регионе будет поддержана стабильно растущей и мощной экономикой Китая, которая опирается в Китае на моноукладное общество и отсутствие затяжных кризисов и подъемов. В же время Индия, с ее многоукладной экономикой и сохранением кастовой системы, несмотря на провозглашенную правительством премьер-министра Моди опору на национальное производство под лозунгом «Сделай в Индии», будет испытывать замедление темпов экономического роста.

В военной области Китай к 2025 г. при данном сценарии развития региона будет опираться на стратегию окружения Индии: китайская военная база на Шри-Ланке, закончившееся строительство глубоководного морского порта в Карачи (Пакистан), которое осуществляли китайские компании, активное сотрудничество военных Мьянмы, Бангладеш и Шри-Ланки с китайскими военными. Пекин осуществляет активное перевооружение НОАК новейшими образцами вооружений, как отечественного, так и импортного производства (поставки по линии ВТС из России) и реализует программу создания авианесущих кораблей. Китай также неуклонно наращивает свой ракетно-ядерный потенциал, который, как представляется, к 2025 году будет в разы превосходить аналогичный индийский потенциал, несмотря на ускоренную программу создания Индией своих баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки, а также перевооружение ВВС страны за счет закупок новейших боевых самолетов (поставки из

РФ и Франции). Как следствие, Китай сможет к 2025 г. поддержать свою экспансию в Южную Азию военной мощью.

В идеологической области китайская экспансия в регионе будет подкреплена стратегией на создание и продвижение деятельности т.н. «китайских домов» — культурных центров, которые открыты во всех южноазиатских странах и активно пропагандируют изучение китайского языка, культуры и науки и продвигают государственную идеологию Китая. В то же время Индия уступает в продвижении своих культурных и идеологических традиций в индийских культурных центрах в странах региона.

Реализация данного сценария вероятна по следующим причинам:

1. В политической области — Китай и Индия — две растущие державы этого столетия, которые являются естественными конкурентами на региональном и глобальном уровнях. При этом КНР, имеющая более динамично растущий ежегодный прирост ВВП, и более агрессивно ведущая себя во внешнеполитической области (в смысле более активного политического проникновения в различные регионы мира) рассматривает Южноазиатский регион, с которым она непосредственно граничит, как естественную сферу для реализации своих политических и экономических интересов. Негативный образ Индии у большинства малых стран Южной Азии, как страны, которая в недавнем прошлом активно вмешивалась в их внутренние дела, будет способствовать тому, что эти страны в целом не будут возражать против расширения китайского участия в делах региона, но будут активно выступать против какого-либо возможного продолжения индийского вмешательства или доминирования в виде «патрон — клиент» в том, что касается их внутренних дел и их политики.

Кроме того, индийское общество, будучи мультиэтническим, скорее всего, к 2025 г. будет испытывать проблемы в своей внутривнутриполитической жизни — нарастание серьезных противоречий между двумя крупнейшими религиозными общинами страны — индусской и мусульманской, включая значительный

рост радикального исламизма, в то время, как КНР является практически моноэтнической страной, которая также будет испытывать рост радикального исламизма, но сохраняя единство нации..

2. В экономической области китайские государственные компании также агрессивно ведут себя в разных регионах мира, а КНР предлагает дешевые кредиты на закупку китайских товаров и технологии (как, например — решение правительства Шри-Ланки о получении китайского кредита на закупку китайских вооружений и потребительских товаров). Кроме того, китайские компании предлагают свои услуги на принципе «под ключ» и более активно, чем индийские компании осуществляют маркетинг своей продукции, начиная от рекламы и заканчивая послепродажным обслуживанием. Кроме того, китайцы более активно, чем индийские компании, осуществляют строительство объектов производственного назначения в странах, где их деятельность особенно заметна, и в этом смысле КНР действует более целенаправленно и с меньшими бюрократическими процессами, чем индийские компании, государственные или частные.
3. В военной области — к 2025 г. Китай, вероятно всего, сумеет обеспечить свое военное присутствие в странах региона (помимо военной базы на Шри-Ланке — в Мьянме, Мальдивской республике, Бангладеш), расширив своей военное сотрудничество с этими странами. Это даст Пекину возможность оказывать постоянное «мягкое» давление на Индию, таким образом, оттягивая значительную часть индийских вооруженных сил на нейтрализацию этого присутствия и китайской политики «окружения» Индии.
4. В идеологической области, КНР более активно и целенаправленно проводит и будет проводить политику «мягкой силы» и пропаганды китайских культурных традиций и образа жизни. При этом Китай будет агрессивно вытеснять имидж Индии в регионе, как модели, привлекательной для других народов Южной Азии. С этой целью Пекин будет активно пытаться

играть на отрицательном влиянии индийского имиджа, подчеркивая, что доминировании Индии в регионе в недавнем прошлом означало вмешательство Дели во внутренние дела своих соседей — малых стран Южной Азии. Для этого он будет активно задействовать Пакистан, который постоянно подвергает Дели острой критике за «индийское вмешательство» в его внутренние дела и внутреннюю политику остальных стран региона.

Политика США по отношению к китайской экспансии в Южной Азии будет на начальном этапе носить выжидательный характер. Однако по мере усиления позиций Пекина в регионе, Вашингтон начнет подталкивать Дели к противодействию этой экспансии. Это «подталкивание» упадет на благодатную почву, поскольку усиление Китая в регионе неприемлемо для Индии, всегда рассматривающей Южную Азию как свою естественную сферу доминирования. Так что в рамках этого сценария можно ожидать жесткого столкновения интересов и политики Индии и Китая в регионе. Кроме того, активное использование Китаем Пакистана в целях вытеснения Индии из этой естественной сферы доминирования будут восприниматься Индией как враждебные, что приведет к ухудшению и даже обострению индийско-китайских отношений — вновь обострится т.н. «пограничная проблема» в отношениях Индии и Китая.

Китай же, скорее всего, будет стремиться уклониться от прямого столкновения с Индией и полагаться в своей экспансии в основном на «мягкую силу» (softpower). Для этого он будет в первую очередь предлагать малым странам региона крупные экономические проекты, под которые китайские банки будут предлагать кредиты с льготным сроком погашения (до 25-30 лет) с возможностью частичного погашения товарами, производимым на предприятиях, построенных в этих странах с китайским участием.

В этом отношении примером может быть Шри-Ланка, где Китай предложил строительство морского порта силами китайских государственных корпораций и под который Шри-Ланка получила льготный кредит. «Мягкое проникновение» или

экспансия Китая в странах региона, соседях Индии также означает «мягкое» но неуклонное вытеснение индийских государственных и частных компаний из сфер бизнеса в этих странах, где они традиционно доминируют (строительство, разработка шельфовых месторождений нефти и газа, сектор производства потребительских товаров и т.п.).

В экономической области активное проникновение китайского бизнеса на «традиционную индийскую территорию» встретит ожесточенное сопротивление индийского бизнеса в этих странах. США также будут активно противодействовать китайской экономической гегемонии в регионе, с этой целью укрепляя стратегическое партнерство с Индией, в особенности в экономической сфере.

США при этих условиях не будут вмешиваться в китайскую экспансию в малых странах Южной Азии, но станут наращивать свое военно-морское присутствие в Индийском океане — разместят дополнительные воинские контингенты на о. Диего-Гарсия, частые проведения совместных маневров с ВМС Индии и Пакистана в акватории Индийского океана, периодическое присутствие атомных ударных авианосцев и кораблей сопровождения ВМС США в Индийском океане и в нейтральных водах у берегов Шри-Ланки, а также в Бенгальском заливе.

В проекцию китайской силы на регион традиционно вписывается Пакистан, который будет балансировать между этими центрами силы. Хотя в конечном счете, к 2025 г. с учетом того, что Пакистан полностью будет поглощен проблемой тотального терроризма и радикального исламизма, и полностью отстав от Индии в области обычных вооружений, он сможет противопоставить ей только свой возросший ракетно-ядерный потенциал. Это обстоятельство не исключает, того, что Пакистан пойдет на некоторое укрепление мер доверия и безопасности, особенно в ядерной области, с Индией, причем Китай будет подталкивать Исламабад в этом направлении, чтобы обеспечить себе комфортные условия для осуществления своей экспансии в регионе, избегая при этом жесткой конфронтации с Индией, которая также быстрыми темпами будет наращивать свой ракетно-ядерный потенциал.

Индия, будучи новым центром силы, будет также осуществлять ее проекцию на регион, что в конечном итоге приведет к жесткому противостоянию с Китаем и конфронтации с Пакистаном. Малые страны региона (Бангладеш, Шри-Ланка, Непал, Мальдивская республика, Мьянма и Бутан) будут балансировать между Китаем и Индией.

России не удастся оставаться на позиции равноудаленности от столкновения интересов Китая и Индии в регионе, поскольку придется делать выбор — или поддерживать Китай или Индию, а в итоге есть большой риск потерять регион для российского бизнеса и политических интересов, которые и так ограниченные, на многие годы вперед. Расчеты на то, что Пакистан сможет помочь России остаться в регионе не реальны, а жесткая конфронтация Китая и Индии в регионе во всех сферах — политической, экономической, военной и идеологической потребует от России усиления военного присутствия, прежде всего, в Центральной Азии, как регионе, находящегося в непосредственной близости от Китая и Южной Азии.

8.1.3. Сценарий 3. Индоцентристская Южная Азия

Данный сценарий развития региона предполагает, что к 2025 г. будет наблюдаться общий рост политического, военно-экономического и финансового потенциала Индии, а также усиление политического влияния Дели в Южной Азии на фоне существенного ослабления к 2025 г. традиционного антагониста Индии — Пакистана в силу роста в этой стране многочисленных внутренних проблем, прежде всего, дальнейшего усиления террористической активности радикальных исламистских группировок, включая т.н. «Исламское государство» и нового прихода к власти в Афганистане «Талибана». Это приведет к тому, что в регионе возникнет гегемония Индии, оперирующей на глобальном уровне, которая будет фактически задавать параметры дальнейшего развития региона.

При этом Индия будет опираться на то, что в регионе у нее практически не будет соперников из числа региональных держав. В то же время, рост глобального экономического и геополитического могущества КНР и его возрастающее участие в делах региона, а также усиление поддержки Пакистана со стороны Пекина будет создавать для Дели определенные препятствия для расширения своего влияния в Южной Азии. Пакистан при этом, оставаясь страной — клиентом КНР, будет к 2025 г. по-прежнему являться раздражителем Дели в силу весьма вероятного усиления террористической активности радикальных исламистских группировок в этой стране и возросшей проблемы радикального исламского терроризма в Индии.

Что же касается проекции военной силы Индии на регион, то к 2025 г. в условиях острой актуальности проблемы радикального исламизма, исходящей от исламистских группировок, базирующихся на территории Пакистана, возрастет стремление индийского руководства к силовому решению возникающих проблем в отношениях с Пакистаном — прежде всего, на территории индийского штата Джамму и Кашмир (возрастание вероятности нанесения т.н. «упреждающих ударов» индийских ВС по базам радикальных исламистов в этом штате, а также в ответ на теракты радикальных исламистов на территории Индии, которые осуществляются радикальными исламистскими группировками, типа «Джаиш-э-аль-Мухаммад», «Лашкар-э-Тойба», «Лашкар-е-Джангви и др.).

При этом к 2025 г. ВС Индии будут существенным образом отмобилизованы: в них одной из главных компонент станут силы специального назначения или т.н. антитеррористические подразделения, которые будут вооружены новейшим вооружением и боевой техникой, как российского, так и западного производства (Израиль, Франция, США, Великобритания). Также существенно возрастет вероятность того, что будет иметь место жесткое противостояние индийских ВС и пакистанских ВС по всему периметру индийско-пакистанской границы и особенно вдоль Линии Контроля между Азад Кашмиром и индийским штатом Джамму

и Кашмир, с периодическими обострениями типа событий 2001-2002 гг. (когда было жесткое противостояние между ВС Индии и ВС Пакистана).

Нельзя исключать, что к 2025 году возрастет вероятность нового вооруженного конфликта между Индией и Пакистаном, причем он, скорее всего, будет иметь конвенциональный характер, но сохранится угроза применения ядерного оружия Пакистаном, в силу того, что Пакистан к 2025 г. может оказаться в положении «несостоявшегося государства» (failed state), и в вооруженном конфликте с Индией очередной раз окажется в положении проигравшего.

Индия к 2025 году при сохранении нынешних векторов внутриполитического и внешнеполитического развития, проводимого в настоящее время кабинетом премьера Моди, а также сохранении внутренней стабильности, сумеет значительно укрепить свое доминирование в регионе. Причем из внешних оппонентов у Дели будет только Китай, который к 2025 г. станет ключевым конкурентом Индии на макрорегиональном и на глобальном уровне. Пакистан, уже сегодня сталкиваясь с многочисленными внутренними проблемами своего развития, к 2025 г. будет полностью поглощен серьезным ростом радикального исламизма, и, не являясь уже в настоящее время равным по военно-экономическому потенциалу и политическим возможностям Индии, вообще окажется на грани коллапса государственности и распада страны, став несостоявшимся государством (failed state), что поставит его, кроме наращивания своего ракетно-ядерного потенциала, в положение державы, не способной бросить какой-либо вызов гегемонии Индии в регионе. Этому также будет способствовать благоприятный внешнеполитический фон, на основе которого Индия будет проводить активную внешнюю политику, основанную на принципе равноудаленности от великих держав.

В экономической области Дели при сохранении сегодняшних темпов экономического роста и развития и экономической политики, проводимой кабинетом Моди, к 2025 г. достигнет экономического и финансового могущества, став наглядным примером для

стран региона того, как при правильной инновационной экономической программе, даже с учетом небывалого влияния демографического фактора — гигантского роста численности населения страны — можно значительно расширить экономически активный средний класс и поднять минимальный прожиточный уровень неимущих слоев населения и их занятость на качественно новый уровень. При этом Индия, в случае, если она сумеет максимально выгодно для себя использовать преимущества глобализации, сохраняя национальную идентичность и этнический мир, также будет примером для своих соседей по региону, кроме Пакистана.

В военной области индийские власти продолжают нынешний курс на диверсификацию источников закупок вооружений, политику создания совместных военных производств и, в особенности, курс на создание отечественных новейших военных систем на основе покупки лицензий на производство вооружений и военной техники, а также сохранение благоприятной внешней обстановки в военно-политической области — отсутствие крупных вооруженных конфликтов с Китаем и Пакистаном. Это позволит Дели быстрыми темпами нарастить мощный военный потенциал, сравнимый с потенциалом Китая, хотя и уступающий ему, но в разы превосходящий военный потенциал Пакистана (кроме ракетно-ядерной области) а также малых стран Южной Азии, вместе взятых. Это даст возможность Дели обеспечить свою устойчивую гегемонию в регионе, конкуренцию которой может составить только КНР.

При данном варианте усилится стремление Индии к доминированию в регионе, вмешательству на правах регионального гегемона во внутренние дела остальных стран Южной Азии, включая Пакистан (прежде всего, силовое решение индийцами проблемы Кашмира), а также к экономическому и военному давлению. При этом США не будут возражать против такой роли Индии, поскольку к 2025 г. противоречия между Китаем и США на глобальном уровне обострятся и Вашингтон будет заинтересован в сильной, доминирующей Индии для того, чтобы нейтрализовать рост могущества Китая.

В экономической области будет наблюдаться резкий рост трансрегиональных институтов, внутрирегионального международного разделения труда, кооперации внутри региона, рост трансрегиональных корпораций. При этом Индия станет ядром нового экономического объединения стран Южной Азии, в которое будут входить все страны региона за исключением Пакистана. Страны региона будут предпринимать усилия для экономической интеграции и создания некоего экономического союза для противодействия китайской экономической и политической экспансии в регионе. В области экономической политики стран региона это противодействие будет выражаться в повышении импортных тарифов, введении новых пошлин на китайские товары, ограничительные меры для местных компаний по импорту из Китая.

В финансовой области произойдет значительный рост трансрегиональных финансовых институтов, слияний и поглощений в банковской сфере, новая роль индийской рупии, которая станет конвертируемой по отношению к мировым валютам, как расчетной валюты по торговым операциям между странами региона, а также по внешним, внерегиональным транзакциям.

Будет наблюдаться ярко выраженная регионализация Южной Азии с окончательным закреплением Индии в качестве безусловного гегемона. Причем Пакистан к 2025 г., в случае, если его единство как страны, сохранится, окончательно займет место второй державы региона, главным образом, в силу своего возросшего ракетно-ядерного потенциала. Также будет наблюдаться масштабное развитие региональных политических, экономических и финансовых институтов, создание закрытых экономико-финансовых объединений (Индии и малых страны Южной Азии). Пакистан также может присоединиться к таким институтам при понижении конфронтационности своих отношениях с Индией. Однако более вероятно, что Пакистан займет собственную позицию по отношению к китайской экономической экспансии, выражающуюся в расширении импорта из Китая и создании совместных пакистано-китайских предприятий и широком доступе китайских государственных и частных компаний на внутренний рынок Пакистана.

8.1.4. Ключевые параметры развития региона на 2025 год

К 2025 г. будет наблюдаться дальнейшее падение влияния «старых» региональных организаций, прежде всего, Южно-Азиатской ассоциации регионального сотрудничества (СААРК). Эта многосторонняя региональная группировка, созданная в середине 80-х годов прошлого века, в новых условиях глобализации и регионализации уже фактически не способна реализовывать те идеи и цели, которые были декларированы при ее создании странами региона. По существу, саммиты СААРК превратились во встречи лидеров стран Южной Азии, на которых фиксируются какие-либо очередные задачи, намечаются новые планы для стран региона, принимаются заключительные документы, но на деле решения, которые вырабатываются лидерами стран региона, не выполняются.

По существу, саммиты СААРК превратились в площадку для выяснения отношений между традиционными региональными антагонистами — Индией и Пакистаном по всем спорным вопросам между ними, в особенности — «Кашмирской проблемы». При этом обе страны пытаются получить поддержку среди остальных стран Южной Азии, которые в основном стараются воздерживаться от того, чтобы занять чью-либо сторону в этом споре. Дело дошло до того, что были случаи в последние годы, когда приезд первых лиц Индии и Пакистана одновременно на очередной саммит СААРК оставался под вопросом или эти страны были представлены на уровне министров иностранных дел. Кроме того, обсуждение, декларируемых на последних саммитах СААРК обязательств борьбы с международным терроризмом в регионе, также выливалось в индийские обвинения Пакистана в поддержке трансграничного терроризма. Пакистан же в свою очередь обвинял Индию в стремлении установить свою гегемонию в регионе, не считаясь с мнением остальных стран Южной Азии. Обе страны, как уже было отмечено выше, при этом пытаются заручиться поддержкой других стран региона — членов СААРК.

Кроме того, механизмы этой организации и ее рабочие органы, создание которых было предусмотрено при создании СААРК, фактически бездействуют, или их работа тормозится конфликтными отношениями между Дели и Пакистаном. Со стороны других стран Южной Азии (Шри-Ланки, Бангладеш) поступают предложения о роспуске этой региональной организации и создании новой, основанной на равноправном участии в ней всех стран-членов, свободной от споров ведущих держав региона.

Таким образом, СААРК, созданную странами региона для координации внешнеполитических, экономических и финансовых вопросов, к 2025 г. вероятнее всего, ожидает фактический распад и координация усилий стран региона будет проходить на уровне двусторонних связей. Согласно другому сценарию, вместо СААРК будет создана новая многосторонняя группировка государств региона, которая в рамках ярко выраженной регионализации Южной Азии будет решать конкретные вопросы взаимодействия стран Южной Азии, прежде всего, остро актуальную проблему террористической активности радикальных исламистских группировок в Южной Азии. т.е. будет наблюдаться трансформация СААРК в новое политико-экономическое объединение стран региона Южная Азия.

К 2025 г. крупнейшая военно-политическая организация, в которую входит региональная держава Индия, — БРИКС вероятнее всего пойдет по пути негативной трансформации. Эта негативная трансформация подразумевает, что БРИКС трансформируется в группы стран-участниц, выстроенных согласно их внешнеполитическим и экономическим интересам и глобальной роли. В частности, этому будет способствовать нарастание противоречий между Индией и Китаем в политической, экономической, военной и идеологической сферах, учитывая то обстоятельство, что две эти страны к 2025 г. станут державами глобального уровня и новыми центрами силы.

Эти факторы, а также сосредоточенность остальных членов БРИКС (России, Бразилии и Южной Африки) на внерегиональных (национальных) проблемах (например, для России — проблеме

противостояния ключевым западным державам, прежде всего, США; для Бразилии — сосредоточенность на роли страны в регионе Латинской Америки; для ЮАР — серьезное нарастание внутривластных и экономических проблем и т.п.) будут способствовать тому, что БРИКС перестанет быть действенным политическим механизмом, который оказывал бы серьезное влияние на развитие обстановки в Южной Азии. Это произойдет, даже несмотря на объявленное недавно решение о создании единого финансового института, Банка стран БРИКС, и ведение расчетов по торговым контрактам между этими странами в национальных валютах. В итоге к 2025 г. влияние БРИКС на регион Южная Азия существенно снизится, а наиболее вероятным сценарием в этой связи станет выход из этой организации Индии или Китая.

К 2025 г. Индия будет проводить отчетливо выраженный и активный индоцентристский внешнеполитический курс, основанный на росте военно-экономического и финансового могущества при сохранении нынешних темпов экономического роста. Этот курс будет направлен на закрепление глобальных амбиций Индии (получение статуса постоянного члена СБ ООН, расширение сотрудничества и участия страны в крупнейших военно-политических блоках других регионов мира — страны АСЕАН), нарастание конкуренции за политическое влияние в регионе и мире с КНР, стратегическое сотрудничество с США и расширение сотрудничества с другими западными странами — Великобританией, Францией, Израилем, Ираном, ведущими арабскими странами. При этом Дели будет сотрудничать с этими странами на правах равноправного субъекта, который самостоятельно выбирает партнеров по сотрудничеству.

В отношениях с Пакистаном Индия к 2025 г., скорее всего, будет придерживаться линии на оказание давления на этого антагониста, особенно, если усилится террористическая деятельность международных радикальных исламистских группировок, базирующихся на территории этой страны, вплоть до повторения ситуации превентивных ударов индийских ВС по базам террористов на территории Азад Кашмира, контролируемого Пакистаном,

а также вплоть до силового решения Кашмирской проблемы, что может привести к ответным мерам Исламабада вплоть до быстрой эскалации в новый вооруженный конфликт между этими странами с низким порогом возможного применения тактического ядерного оружия.

Согласно другому сценарию, возможно, тем не менее, принятие новых мер доверия и даже разрядки напряженности в отношениях Индия-Пакистан, в случае, если к этому их будут активно подталкивать США, а в обеих странах возрастет понимание того, что нельзя допустить ядерного конфликта. В целом, индийско-пакистанские отношения будут колебаться от стабильно враждебных отношений, до отношений разрядки напряженности. Кроме того, возрастут противоречия между двумя странами по афганской проблеме.

Что касается отношений Индии с РФ, то существует вероятность того, что эти отношения перестанут быть отношениями приоритетного стратегического партнерства, кроме области ВТС, особенно в случае, если индийцы решат для себя проблему обеспеченности в области поставок сырья (нефти, газа) с другими нефтедобывающими странами, прежде всего, странами Ближнего Востока и Северной Африки, а также получают преимущественные поставки новейших технологий и ноу-хау от западных стран (США, Франции, Израиля и др.), в том числе и в военной области. А России при этом нечего будет предложить в плане новейших разработок индийским партнерам, или, что более вероятно, Индия сумеет наладить отечественное производство основных видов вооружений по российским аналогам и на основе перехода от создания совместных с Россией производств в военно-промышленной области к лицензионным производствам.

Внешнеполитический курс Пакистана, другой крупнейшей страны региона, будет определяться в зависимости от способности Исламабада эффективно решать свои многочисленные внутренние проблемы, прежде всего, проблему терроризма и радикального исламизма. Кроме того, как представляется, возрастет

ориентация страны на сотрудничество с «братскими» исламским государствами — Саудовской Аравией, странами Персидского Залива, а также с Ираном и в рамках Организации Исламская Конференция (ОИК), прежде всего, для получения поддержки от них в противостоянии с Индией и в том, что касается участия Пакистана в мирных переговорах по урегулированию афганского кризиса. Отношения Пакистана с Китаем останутся приоритетными и еще более укрепятся при росте участия КНР в делах региона и в условиях нарастающего давления на Пакистан со стороны Индии.

Что касается остальных стран региона, то можно отметить, что в своей внешней политике Бангладеш будет ориентироваться на Индию и Китай, а Мьянма — на Китай, особенно в случае прихода военных к власти в этой стране. Внешнеполитический курс Шри-Ланки останется прежним с большей ориентацией на принятие независимых от позиции Индии решений, но с упором на дальнейшее укрепление связей с КНР, и, возможно, поддержку Пакистана в его споре с Индией. Непал, Бутан и Мальдивская республика сохранят к 2025 г. внешнеполитическую ориентацию на Индию.

К 2025 г. будет наблюдаться существенное изменение экономического статуса Индии и некоторых других стран Южной Азии. Индия, в случае сохранения курса экономической политики кабинета Нарендры Моди и предыдущего кабинета Манмохана Сингха на дальнейшую интенсификацию национального производства и подъема экономики, ориентации по принципу «Make in India» (Делай в Индии), создание высокотехнологичных производств с использованием новейших технологий и технических решений, креативным и крупным (до 600 млн. человек) средним классом и сокращением разрыва между беднейшими слоями населения страны и малым числом богатейших граждан («борьба за ликвидацию бедности») при сохранении благоприятных для страны внешних условий, а также дальнейший рост могущества Индии в финансовой сфере на основе перехода к полной конвертируемости национальной валюты, а также использованием преимуществ

глобализации и регионализации, широкого привлечения иностранных инвестиций в экономику страны с упором на развитие частных малых и средних предприятий, контроля за рождаемостью и т.п. — сумеет добиться значительного изменения своего экономического статуса в направлении одной из ведущих экономик мира (после Китая и США). По качеству экономика Индии будет сравнима с экономикой т.н. «молодых тигров» — Южной Кореи, Тайваня, Сингапура и др.

Все эти изменения возможны, в случае благоприятного сценария внутреннего развития и стабильной внутренней ситуации в Индии, а также буду иметь место на фоне ослабления экономик других стран региона. Помимо Индии, Пакистан, в случае поддержания внутренней стабильности и успешной борьбы с терроризмом, имеет шансы на изменение, хотя и не столь значительное как у Индии, своего экономического статуса в сторону его повышения при сохранении нынешних темпов роста ВВП и благоприятных климатических факторов (отсутствие крупных наводнений, природных катастроф, засух и землетрясений), а также в отсутствие нового вооруженного конфликта с Индией. Кроме этих двух крупнейших стран, такие страны, как Шри-Ланка, Мьянма и Бангладеш (особенно в случае отсутствия разрушительных стихийных бедствий) имеют шансы на изменение своего экономического статуса на более высокий.

К 2025 г. экономическая политика субъектов ВПО региона претерпит существенные изменения. Прежде всего, Индия, как уже указывалось выше, упрочит свое экономическое лидерство в регионе, и ее совокупный ВВП может, согласно одному из прогнозов, значительно превышать ВВП остальных стран региона вместе взятых (за исключением Пакистана). Экономическая политика Индии будет использовать преимущества глобализации и регионализации, выраженные, как уже указывалось, в разделении труда, поощрении кооперации с производствами некоторых других стран региона (кроме Пакистана), возможно создание некоторого общего экономического пространства в регионе при лидирующей роли Индии.

Пакистан, как уже отмечалось выше, также будет проводить экономическую политику, направленную на интенсификацию национального производства, развитие международного сотрудничества в области создания совместных производств (прежде всего, с Китаем), дальнейшее создание анклавов высокой технологии на территории страны. Это станет возможным только в случае, если Пакистан сумеет обеспечить внутреннюю стабильность и благоприятные внешние условия для подъема экономики. Изменения в экономической политике будут иметь место также, вероятно, в Бангладеш, Мьянме и Шри-Ланке, в которых произойдет, по примеру Индии, переход экономик этих стран из государственного сектора в частный, будет иметь место приватизация основных предприятий и производств. Что касается Непала и Бутана, то их экономическая политика останется индозависимой.

В военной сфере в Южной Азии к 2025 г. произойдет изменение регионального баланса сил в пользу Индии, которая сумеет значительно увеличить свой разрыв по военному балансу в области как обычных так и ракетно-ядерных вооружений с Пакистаном, даже несмотря на ускоренное наращивание Пакистаном своего ракетно-ядерного потенциала. Фактически, Индия станет не только безусловным региональным военным лидером, но и выйдет на глобальный уровень, занимая одно из ключевых мест по общему военному потенциалу среди мировых держав, уступая из соседей по региону только Китаю.

Остальные страны Южной Азии (кроме Пакистана) по своему военному потенциалу будут значительно уступать Индии. Что касается Пакистана, то он попытается сократить отставание от Индии по обычным видам вооружений за счет приоритетного развития своих национальных ядерных сил (НЯС) и ускоренного роста своего ракетно-ядерного потенциала и по общему уровню военного развития будет прочно занимать второе место в регионе после Индии.

К 2025 г. в регионе, возможно создание новых военных союзов. Это, прежде всего, может быть военный союз Пакистана с Китаем, оформленный де-юре (вместо состояния де-факто), направленный

против возросшего военного могущества Индии. Также возможен военный союз Китая и Мьянмы, особенно в случае нового прихода к власти в этой стране военного режима, настроенного резко антииндийски. Что касается Индии, то она вероятнее всего, вступать в какие-либо военные союзы в регионе не будет, ограничиваясь координацией антитеррористических усилий с малыми странами Южной Азии — Бангладеш, Шри-Ланкой и Непалом. Мальдивская республика останется вне каких-либо военных союзов и блоков в регионе.

К 2025 году основными направлениями политики стран региона в военной сфере будут являться:

В случае Индии — неуклонный рост военного потенциала страны как в области обычных, так и ракетно-ядерных вооружений и создание специальных сил быстрого развертывания (по типу аналогичных в США) для сдерживания растущего регионального и глобального военного могущества Китая, и в меньшей степени — Пакистана (особенно его быстро растущего ракетно-ядерного арсенала) и борьбы против возросшей угрозы радикального терроризма, который вероятнее всего выразится в проникновении боевиков ИГИЛ на территорию Индии через Кашмир и с территории Пакистана, а также из соседнего Синьцзян-Уйгурского района Китая, в котором местные террористические и антиправительственные группировки, борющиеся против центрального правительства Китая, присягнули на верность ИГИЛ.

Кроме того, фактор террористической угрозы, исходящей от ИГИЛ и некоторых международных радикальных исламистских группировок, базирующихся на территории Пакистана — «Джаиш-э аль Мухаммад», «Лашкар-э Тойба», а также «Техрик-эТалибан Пакистан» (ТТП) и афганский «Талибан», действующих из Афганистана и с территории Пакистана, на территории Индии, в частности в штате Джамму и Кашмир, также будет оказывать больше влияние на формирование военной политики Индии. Помимо фактора терроризма, к 2025 г. в Индии вполне вероятно возрастет проблема сепаратизма, актуальная в недавнем прошлом в таких индийских штатах как Ассам, Пенджаб, Джамму и Кашмир,

что вынудит Дели держать в оперативной готовности спецподразделения индийской армии. Вероятность нового вооруженного конфликта с Пакистаном, и новой пограничной конфронтации с Китаем, а также вероятность силового решения Индией проблемы Кашмира к 2025 г. и коллапса Пакистана и возможности попадания его ядерных активов в руки негосударственных акторов заставит индийское правительство также держать отмобилизованными индийские сухопутные силы, ВВС и ВМФ и национальные ядерные силы, как вдоль границ Индии с Китаем и Пакистаном, так и внутри страны на базах постоянной военной дислокации.

Что касается Пакистана, то основными направлениями его военной политики к 2025 г. будут неуклонный рост и количественное увеличение ракетно-ядерного потенциала (для ликвидации увеличившегося разрыва с Индией в области обычных вооружений), увеличение численности сухопутных сил страны за счет приоритетного направления создания и развития частей спецназначения (спецназа пакистанской Межведомственной разведки ISI) для осуществления специальных полицейских операций против боевиков — радикальных исламистов, особенно в провинциях Хайбер-Пахтунхва и пакистано-афганском приграничье, расширение количественного состава сухопутных сил, ВВС и ВМФ страны за счет закупок, строительства и ввода в действие новых видов вооружений и боевой техники (поставки из Китая, РФ, США и некоторых других западных стран).

Кроме того, постоянное напряженность на пакистано-индийской границе и пакистано-афганской границе будет заставлять Пакистан держать в состоянии повышенной боевой готовности значительную часть ВС страны как по периметру этих границ, так и на военных базах, дислоцированных внутри страны, а также на территории пакистанской части Кашмира (в Азад Кашмире). Угроза нового вооруженного конфликта с Индией и острая актуальность террористической активности внутри страны будет диктовать необходимость для правящих кругов и в особенности военных этой страны держать армию, так же, каким в случае с Индией, в состоянии отмобилизованности.

Основные направления политики других стран Южной Азии — малых стран в целом особых изменений не претерпят, ВС этих стран (Бангладеш, Шри-Ланки, Непала и Мьянмы, а также Бутана, и Мальдивских островов) будут как и прежде выполнять сугубо оборонительные функции. Однако в случае роста террористической активности со стороны международных террористических группировок, и в особенности ИГИЛ, которая может к 2025 г. появиться в этих странах, актуальным станет создание специальных антитеррористических подразделений в составе армий этих стран. При этом весьма вероятно, это будет происходить в тесном военном сотрудничестве с индийскими, а также пакистанскими военными, имеющими соответствующий опыт борьбы с террористами. Армия Шри-Ланки может использовать для этого и свой наработанный опыт многолетней борьбы с сепаратисткой тамильской группировкой — Армией освобождения Тамил Илама (ТОТИ). А военные Мьянмы — опыт борьбы с сепаратистами в Бирме.

Есть некоторые специфические детали, которые к 2025 г., вероятнее всего, появятся в военном планировании и направленности оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск региональных стран. В Индии возможные изменения коснутся, вероятнее всего, планирования военных операций и оперативной подготовки штабов для ведения ограниченных военных действий (локальной войны) в условиях применения вероятным противником (для Индии — это, прежде всего, Китай, а также Пакистан) тактического ядерного оружия и подготовки к радиационной защите гражданского населения в зоне конфликта. Соответственно, это коснется и боевой подготовки сухопутных сил, ВВС и ВМФ Индии.

Вторым основным направлением изменения направленности оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск Индии будет к 2025 году военное планирование и оперативная подготовка к ведению широкомасштабных антитеррористических и антиповстанческих операций с применением спецсредств и поддержкой ВВС (ударных вертолетов, боевой авиации, бронетанковой техники).

В случае с Пакистаном эти изменения будут примерно такие же, с одним важным добавлением: пакистанское военное руководство будет готовиться для ведения широкомасштабных военных действий в условиях применения тактического ядерного оружия и других ОМУ, рассчитанных на длительное время, в том числе, и на территории самого Пакистана (на случай упреждающего удара индийских войск вглубь территории Пакистана в соответствии с индийской военной доктриной «Холодный старт»).

Кроме этих направлений, вероятнее всего, в обоих странах будут выработаны новые военных доктрины, предусматривающие боевые действия и координацию, военное планирование, военный ответ и упреждающие удары при применении противником ОМУ или нанесения ядерного удара первыми (в случае Индии — если Пакистан первым нанесет ядерный удар по территории Индии), в случае Пакистана — если со стороны Индии будет нанесен упреждающий или ответный удар ядерными или конвенциональными средствами. Что касается остальных стран региона, то изменения коснутся лишь военной подготовки и планирования, и ведения полицейских действий в случае крупномасштабной террористической атаки против жизненно важных центров этих стран.

В информационном пространстве региона к 2025 году произойдет полный охват всех стран, включая даже карликовые Бутан и Сикким, быстродействующим Интернетом и мобильной связью, социальными сетями. Причем Интернет и мобильная телефония будут доступны даже в отдаленных сельских районах стран региона, в силу того, что в густонаселенной Южной Азии интернет и такие мобильные приложения (мессенджеры) к мобильной связи как Viber, Whatsapp и его индийский аналог Telegram получили широкое распространение и популярность уже сегодня в силу всеобщей доступности и дешевизны для потребителя.

К 2025 г. В информационном пространстве усилятся доминирование Индии — безусловного лидера по распространению интернет-технологий, а также мобильной телефонии и мессенджеров среди всех субъектов региона. На втором месте будет находиться Пакистан.

В Индии к 2025 г. будет наблюдаться увеличение плюрализма и свободной конкуренции (в том числе и технологической) интернет-ресурсов, также как и в других странах региона, за исключением Мьянмы (в случае прихода к власти военного режима). То же будет иметь место и в Пакистане. Фрагментации, блоковой принадлежности и разделения на официальный (государственный интернет и интернет ресурсы) и оппозиционный наблюдаться не будет (кроме Мьянмы), что не исключает, в случае необходимости закрытия властями сайтов некоторых организаций (например, террористических и подрывных), а также социальных сетей.

Основными направлениями политики стран региона в информационной политике по состоянию на 2025 г. будут следующие:

- Всемирное поощрение и расширения распространенности интернета и интернет-ресурсов, включая мобильный интернет и мобильную телефонию
- Поощрение плюрализма мнений и политики открытости высказываний в интернет-пространстве и соцсетях, за исключением сайтов и размещения материалов подрывного и антиправительственного характера, призывов к террористической деятельности и вербовки через соцсети международными и местными террористическими организациями — ИГИЛ, ТГП и др.
- Внедрение новых интернет-технологий, в том числе местного производства (в частности, в Индии).
- Внеблоковая, открытая политика всеобщего доступа в интернет и соцсети

В 2025 г. будет наблюдаться, с одной стороны, изменение культурных традиций в сторону большей доступности и внедрения стандартов западной масс-культуры. С другой стороны — еще большее усиление собственных культурных традиций и обычаев (в особенности, в Индии, Пакистане и других странах региона). В Индии это будет иметь место в результате широкого проведения властями этой страны массовых кампаний за сохранение и преимущественное использование чисто индийских традиций и обычаев, кроме варварских и отживших (например, сжигание

заживо вместе с покойным супругом его вдовы, особенно в сельских районах Индии).

Кроме того, баланс культурных традиций будет изменяться и в плане использования вместо западных названий известных западных торговых марок и брендов индийских названий (например, индийское название известного бренда спортивной обуви и одежды Адиваси (Adivasi) вместо немецкого Адидаас (Adidas) там, где это будет возможно, что больше будет соответствовать правилам произношения и орфографии национальных индийских языков (хинди, урду и др.).

К 2025 г. будет наблюдаться частичный переход языка делопроизводства с английского на хинди и урду (соответственно для индусов и мусульман). При этом английский язык по-прежнему останется *lingva franca* для того, чтобы жители разных штатов Индии, где говорят на местных языках, могли общаться со всеми жителями Индии, например, в штате Тамилнаду на юге Индии. Язык хинди при этом будет продолжать оставаться государственным языком. Схожая ситуация будет наблюдаться и в Пакистане, где наряду с урду — государственным языком Пакистана, повсеместно будет использоваться английский язык, как язык образованных жителей Пакистана и *lingva franca*. Эта же ситуация будет наблюдаться и в других странах Южной Азии.

В странах Южной Азии будет также наблюдаться трансформация религиозных доктрин, но в зависимости от конкретной страны и конкретного правительства находящегося у власти она будет иметь различный характер. В Индии — к 2025 г. трансформация религиозных доктрин будет идти в направлении большего демократизма религиозных взглядов — от воинствующего индуизма и мусульманских погромов (практикуемого такими организациями, как «Сваяк Севак Сангх», «Хинду Парешад», а также правящей партией индусского национализма в его демократическом варианте — Бхаратия Джаната Парти — БДП) до толерантного отношения к индийским мусульманам. Численность последних согласно переписи населения 2001 г. — лишь немногим меньше, чем в Пакистане — около 136 млн. человек (против 146, 9 млн. человек

в Пакистане). На третьем месте по численности мусульманского населения находится Бангладеш.

В Пакистане будет наблюдаться обратная картина — усиление непримиримости к немусульманам, распространение ортодоксального ислама (но не исламизма в его радикальной форме наряду с радикальным исламизмом) и непримиримого отношения другим конфессиям (христианам, парсам и др.). Такая же ситуация будет наблюдаться и в Бангладеш. Будет происходить усиление буддистских религиозных доктрин на Шри-Ланке, в Мьянме, Непале, индуистских доктрин в Бутане, Сиккиме и Мальдивской республике. В целом по состоянию на 2025 год ожидается радикальная трансформация религиозных доктрин среди субъектов региона.

8.2. Сценарии развития Южной Азии до 2050 года

8.2.1. Сценарий 1. Большое «южноазиатское сообщество»

Этот сценарий предполагает, что по состоянию регионального развития на 2050 г. страны Южной Азии (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Мьянма, Непал, Бутан и Сикким, а также Мальдивская республика объединятся в большое южноазиатское сообщество или «Трансрегиональное государство» (т.н. «South Asian Community»- SAC) наподобие ЕС в Европе. При этом все государства сохранят свои национальные границы, которые станут прозрачны для передвижения рабочей силы, капиталов и услуг в рамках SAC, но при сохранении пограничного и таможенного контроля и национальных вооруженных и правоохранительных служб (полиции и спецслужб и органов государственной безопасности).

Государством, играющим главную роль в этом политико-экономическом объединении будет Индия, чья глобальная политическая и экономико-финансовая мощь будет в разы превышать аналогичный потенциал ее соседей. При этом Пакистан — главный региональный антагонист Индии — будет настолько ослаблен острыми внутренними проблемами, и прежде всего, борьбой с радикальным исламизмом и экстремизмом, что не сможет оказаться достойной контрсилой индийской гегемонии. Китай, продолжая поддерживать Пакистан, будет удерживать его от окончательного распада на квазигосударства, которые, вероятнее всего, возникнут на территории этой страны на месте нынешних провинций (Панджаб, Синд, Белуджистан, СЗПП и провинции Хайбер-Пахтунхва). Причем бывшая пакистанская провинция Хайбер-Пахтунхва отойдет к Афганистану за «линию Дюранда», а контролируемая Пакистаном часть Кашмира — Азад Кашмир — войдет в состав индийского штата Джамму и Кашмир. Таким образом, это завершит почти 100 летний (с 1947 г.) неразрешенный спор Индии и Пакистана из-за Кашмира.

Для Китая при данном сценарии регионального развития Южная Азия перестанет быть значимой в силу превалирующей проекции своей политико-экономической и военной мощи на глобальном уровне в ожесточенной конкуренции с США и переноса своих основных усилий на ЮВА и страны АСЕАН. При этом, если брать политические, экономические, военные, финансовые, идеологические, и культурные параметры данного сценария, то они будут следующими:

1. В политической области — политическое объединение стран региона на уровне государственных структур, но без создания единого парламента или правительства, сохранив национальные правительства, но создав оперативно-полицейские силы быстрого реагирования на кризисные ситуации в регионе и его странах — при ведущей роли Индии (в первую очередь, относящиеся к борьбе против радикального исламизма).
2. В экономической области — экономическое объединение стран региона в рамках SAC или т.н. «Трансрегионального

южноазиатского государства» с объединением экономик субъектов этого объединения при главенствующей роли Индии. Вероятно, возникнут крупные южноазиатские транснациональные компании и корпорации с главными офисами в г. Мумбаи и г. Дели (Индия) и дочерними предприятиями в остальных южноазиатских странах.

Большое значение в этом объединении будут иметь свободное передвижение рабочей силы и капиталов через национальные границы, а также торговые отношения между участниками этого объединения, причем расчетной валютой по взаимным торговым операциям между субъектами ВПО региона будет индийская рупия, ставшая свободно конвертируемой валютой (СКВ), которая будет подкреплена всей финансово-экономической мощью Индии. Индийские банки станут главными депозитариями авуаров стран SAC.

Также получит развитие в рамках этого объединения т.н. проектное финансирование (project financing) крупных инфраструктурных проектов, и в рамках своей финансово-кредитной системы индийские банки будут выдавать членам трансрегионального объединения льготные среднесрочные и долгосрочные кредиты под конкретные проекты с пониженной ставкой годовых в индийских рупиях.

3. В военной сфере произойдет, прежде всего, объединение национальных спецслужб и подразделений по борьбе с терроризмом (Южноазиатский Интерпол), и будет осуществляться тесная координация военных мероприятий и планов национальных вооруженных сил под руководством командования индийской армии (кроме пакистанских вооруженных сил).
4. В идеологической/культурной сферах будет наблюдаться соотнесение идеологии и культуры Индии с национальными культурами остальных стран SAC. При этом опора индийской политики в области продвижения ее культуры будет делаться на крупные индийские диаспоры (кроме Пакистана) во всех остальных странах (особенно в Мальдивской республике, Бангладеш и Мьянме).

Следует особо отметить, что весьма вероятно подключение к этому объединению Афганистана на правах ассоциированного члена (в случае стабилизации внутренней ситуации в Афганистане к 2050 г. и прихода к власти там стабильного правительства национального единства, включающего как представителей нынешней власти (следующее поколение афганских политиков, не замешанное в коррупционных скандалах), так и переформатированного афганского движения «Талибан» (т.н. «умеренные талибы»).

При сохранении доминирования Индии в регионе к 2025 г. и весьма вероятному распаду СААРК в том виде, в котором она сейчас существует, и сохранению нынешних темпов глобализации и регионализации у региональных государств возникнет естественное стремление к созданию нового политико-экономического объединения для противостояния новым политическим вызовам (общая задача борьбы с терроризмом, угрозы, исходящие от климатических изменений, ухудшения экологии, поглощения более мощными и сильными державами, и т.п.). При этом создание такого объединения будет способствовать тому, что регионализация в Южной Азии пойдет по более «мягкому» варианту.

В экономической области страны региона будут стремиться к созданию нового экономического объединения с тем, чтобы их экономики «подстроились» под более динамично развивающиеся и устойчивые экономики региона (индийскую) для обеспечения доступа производимых ими товаров и услуг на внутренний индийский рынок, минуя протекционистские барьеры в виде высоких акцизов и импортных пошлин, демпинговых цен и таможенных тарифов. Кроме того, экономическое объединение стран региона будет способствовать более рациональному использованию их рабочей силы, ее доступа на более развитый индийский рынок. А также — обеспечению доступа финансов и капиталов стран Южной Азии на другие рынки и притока в эти страны внешних инвестиций, необходимых для интенсивного развития их экономик и защиты их от демпинга более дешевых товаров из третьих стран, прежде всего, Китая.

В военной области новое объединение, прежде всего, даст возможность совместной эффективной борьбы с терроризмом и радикальным исламом. Будут объединены усилия военных структур стран региона, которые станут составной частью этого регионального объединения. Также будет решена задача защиты от угрозы внешней агрессии со стороны третьих стран, от кого бы она не исходила. Создание такого объединения даст возможность создать для решения этих задач объединенное военное командование и другие объединенные военные структуры для координации усилий региональных государств-членов этого объединения (кроме Пакистана).

8.2.2. Сценарий 2. Кондоминиум Индия — Китай

Данный сценарий предполагает, что к 2050 г. Китай и Индия договорятся о создании некоего альянса или кондоминиума в регионе, в котором Китай будет претендовать на роль старшего партнера, в то время как Индии будет отводиться роль младшего партнера. Индия может быть вынуждена временно пойти на кондоминиум с Китаем в регионе на правах младшего партнера при политических обстоятельствах, неблагоприятных для Индии, поскольку роль младшего партнера Китая в Южной Азии не устраивает Индию, рассматривающую регион как свою естественную сферу доминирования.

Поскольку к 2050 г., как представляется, Китай прочно займет положение ведущей мировой державы, не уступающей США, он превзойдет Индию по степени влияния на мировые и региональные дела. Индия же — при продолжающемся экономическом росте и дальнейшем развитии наукоемких производств, быстро растущим по численности средним классом (по прогнозам на 2050 год — до 400-600 млн. человек), при значительном росте национального высокотехнологичного производства и внедрении новейших ИТ-технологий, отмобилизованных ВС, оснащенных

новейшими образцами отечественных и импортных вооружений — сохранит множество внутренних противоречий. Прежде всего, это касается конфликта между мусульманами и индусами, сохранения кастовой системы и высокого уровня коррупции, а также огромного количества населения, живущего на уровне или ниже черты бедности (менее 5 долларов США в день или 10 новых индийских рупий).

В итоге Индия в глобальном плане не сможет составить конкуренцию Китаю, а в региональном не сможет противостоять Китаю, опираясь на поддержку остальных стран региона, поскольку сохранить региональные многосторонние организации типа СААРК или создать новые региональные структуры, которые под руководством Индии представляли бы собой серьезный противовес возросшему влиянию Китая, не удастся. Малые страны Южной Азии прочно окажутся под влиянием Китая, и, опасаясь новой гегемонии Индии в регионе, предпочтут самим выстраивать с ним отношения. В этих условиях Индии, чтобы не потерять свою роль в регионе, придется согласиться на индийско-китайский кондоминиум, в котором Дели будет отводиться роль младшего партнера.

В экономической области Китай к 2050 г. по темпам экономического роста и общему развитию экономики страны прочно займет первое место в мире. Индии не удастся ликвидировать экономическое отставание от Китая, и в условиях замедления темпов экономического роста, она не сможет составить ему конкуренцию, как в глобальном, так и в региональном масштабе. Кроме того, Индии не удастся создать экономическое объединение стран региона для противостояния значительно усилившемуся экономическому проникновению Китая на южноазиатские рынки, включая внутренний рынок Индии. В этих условиях Индия, чтобы не потерять экономических партнеров в лице других южноазиатских стран, которые предпочтут сотрудничество в экономической области с КНР сотрудничеству с Индией, придется пойти на союз с КНР (временный) для того, чтобы иметь беспрепятственный доступ на внутренние рынки стран региона.

В военной области Китай к 2050 г. станет мощной военной державой с как минимум третьим в мире ракетно-ядерным потенциалом, уступая по количеству единиц ядерного оружия только США и России. Индия также будет обладать значительным ракетно-ядерным потенциалом, намного превосходящим ракетно-ядерный потенциал своего традиционного антагониста в регионе — Пакистана. Но в количественном отношении она будет по-прежнему уступать КНР. Кроме того, Китай будет осуществлять проекцию своей военной мощи на регион, не сталкиваясь напрямую с Индией.

При этом Пекин сохранит свои привилегированные отношения с Пакистаном, укрепит свое экономическое, идеологическое и культурное присутствие в малых странах Южной Азии. Хотя Индия будет пытаться играть в этом кондоминиуме роль равного партнера Китая, претендуя на «особые отношения» с малыми странами Южной Азии, а также пытаясь противостоять влиянию Китая в регионе. Но Пекин на такие условия не согласится, отводя Индии роль только младшего партнера.

Такой сценарий окажется вполне приемлем для региона, особенно для его малых стран, поскольку соседи Индии, особенно Пакистан, хотели бы иметь в регионе баланс сил, который позволил бы им дистанцироваться от индийского доминирования и гегемонии, даже несмотря на то, что они станут объектами китайского доминирования. То есть для этих стран региона будет актуален принцип смены одного гегемона, который в недавнем прошлом скомпрометировал себя вмешательством в их внутренние дела, на другого, который предлагает более выгодные условия экономического и политического сотрудничества, даже, несмотря на то, что роль китайской диаспоры в этих странах при таком раскладе сил значительно усилится внутри социума этих стран.

При таком сценарии также в одном случае ослабнут противоречия между Китаем и Индией. В другом случае, в зависимости от того, какое правительство будет находиться в Индии у власти (к примеру, настроенное резко националистически индуистское правительство «Бхаратия Джаната Парти» или какой-либо другой националистической партии) эти противоречия, наоборот,

---

усилится, включая возможную информационно-пропагандистскую кампанию в Индии по дискредитации КНР. Однако, при данном сценарии нового прямого вооруженного конфликта между Индией и Китаем не произойдет, поскольку Индия снова может оказаться в положении проигравшего, и ее не поддержат соседи по региону и международное сообщество, включая США.

Кроме того, в случае такого кондоминиума Индия, скорее всего, будет стремиться к восстановлению Южной Азии как региона в границах 1947 г., т.е. «Британской Индии», особенно в случае, если Пакистан распадется на несколько квазигосударств в результате коллапса государственности. Последнее возможно только в том гипотетическом случае, при котором пакистанская армия перестанет быть гарантом сохранения государства Пакистан. Восстановление же региона в границах 1947 г. — это давняя мечта многих политиков в Индии.

В данном сценарии кондоминиума Китай будет стремиться к тому, чтобы получить доступ к передовым индийским технологиям, предлагая индийцам создание совместных предприятий по производству высокотехнологичных товаров на территории Индии, а также пытаться получить широкий доступ для дешевых китайских товаров на внутренний индийский рынок и на рынки малых стран Южной Азии.

Индия при данном сценарии может временно согласиться на то, что Китай будет широко предлагать дешевые китайские кредиты для индийских предприятий и бизнесменов, а также и таких в других странах региона, особенно в случае, если они будут заняты в производстве товаров по китайским технологиям и продавать дешевые китайские товары в Индии и малых странах региона. Кроме того, Китай будет стремиться к тому, чтобы поддерживать выгодный для него обменный курс в соотношении китайский юань — индийская рупия (дорогой юань против дешевой рупии), что благоприятно скажется на экспорте китайских промышленных товаров в Индию и другие страны региона.

В военной области при данном сценарии Китай увеличит сотрудничество по военной линии с малыми странами региона,

предлагая помощь в обучении и оснащении китайским оружием вооруженных сил этих стран, стараясь там, где это, возможно, вытеснить аналогичные индийские программы. Это также касается и Афганистана, который по одной из классификаций включен в понятие Южная Азия. Индийские вооруженные силы при данном сценарии будут активно действовать только по периметру границ собственно Индии, включая индийско-пакистанскую границу, в первую очередь, в Кашмире.

В то же время, Индия и Китай, скорее всего, будут проводить совместные антитеррористические военные спецоперации, в которых Индия также будет играть роль младшего партнера. Однако, что касается антитеррористических операций на территории Индии и Китая, то они будут проводиться соответственно только спецподразделениями Индии и Китая. Но возможно объединение военных усилий двух этих стран при проведении таких операций на территории третьих стран в регионе, за исключением Пакистана.

В идеологической области Китай при данном сценарии будет активно продвигать свой имидж, как страны, обеспечивающей стабильность и благосостояние своим гражданам и как силу несущую стабильность и процветание в соседние регионы. При этом Китай будет стараться активно распространять свою идеологию через «китайские дома» в Индии и других странах Южной Азии, переигрывая индийцев на их поле. В информационно-культурной области, так же, как и в случае с идеологией, Китай, пользуясь преимуществом старшего партнера, будет активно распространять в Индии и малых странах региона свои культурные традиции и установки.

8.2.3. Сценарий 3. «Война всех против всех» или резкое обострение ситуации в регионе

Данный сценарий является третьим вероятным сценарием развития региона Южная Азия к 2050 г. и предполагает резкое обострение ситуации на субконтиненте или «войны всех против

всех». У этого сценария имеется несколько объективных предпосылок. Во-первых, можно ожидать, что к 2050 году произойдет резкое обострение китайско-индийских отношений, в силу того, что Китай будет проводить политику активного вмешательства в дела региона на основе своей новой роли глобальной державы. Индия же попытается, не сумев дипломатическим путем решить проблему индийских территорий, захваченных Китаем как результат войны 1962 г., решить ее силовым путем. Кроме того, резко обострятся индийско-пакистанские отношения. Возникнет индийско-пакистанский вооруженный конфликт, в котором Китай подержит Пакистан, что вызовет ответную реакцию Индии.

Во-вторых, к 2050 г. экономическое развитие стран региона столкнется с острым кризисом на фоне все более растущей в глобальном масштабе экономики Китая и усиления регионализации. В регионе возникнет жесткая борьба за передел сфер влияния между Китаем и Индией с подключением к этой борьбе США и вовлечением в нее других стран Южной Азии.

В-третьих, к 2050 г. КНР окончательно укрепит свое лидерство в военной и ракетно-ядерной области в продолжающемся с 1962 г. (с момента индийско-китайского конфликта) негласном соревновании между Индией и Китаем. А Индия окончательно закрепит свое лидерство в военной и ракетно-ядерной области в продолжающемся с 1972 г. (с момента распада Пакистана и возникновения нового государства Бангладеш после поражения Пакистана в третьем вооруженном индийско-пакистанском конфликте и решении Пакистана создать собственное ядерное оружие) в негласном остром соревновании Индии и Пакистана.

В то же время, этот сценарий может иметь место только в случае неблагоприятного развития нескольких факторов, совпадающих друг с другом или по отдельности:

- внутренней обстановки в странах региона;
- внешнего (внешнеполитического) развития в странах Южной Азии;
- фактора изменения климатических условий и экологии для стран региона;

- фактора негативного развития экономического, демографического и ресурсного потенциала;
- военного фактора — внешняя агрессия, внутренний военный переворот, приход к власти в одной или нескольких странах региона националистически настроенных военных (военного режима);
- неблагоприятного воздействия информационной среды.

Так, одним из важнейших факторов, влияющих на весь регион, является внутривосточная стабильность Пакистана. Представляется, что к 2050 г. Пакистан распадется на несколько квазигосударств и перестанет быть единой страной. В случае неспособности пакистанской армии выступить гарантом целостности Пакистана для Индии создается неопределенная внешняя обстановка — трудно предсказуемый набор новых региональных субъектов, скорее всего, имеющих один общий параметр — радикальный исламизм или национализм (например, создание независимого государства белуджей на территории пакистанского Белуджистана и иранской провинции Систан и Белуджистан). Это будет происходить в условиях непредсказуемости того, кто и какие силы реально будут контролировать пакистанское ядерное оружие.

В случае угрозы применения каким-либо из этих новых акторов (радикальных исламистов, получивших доступ к пакистанским ядерным активам) против Индии (например, для поддержки «борьбы братьев по вере в Кашмире) ядерного оружия, Дели придется реагировать, причем реагировать быстро. Индия, согласно своей доктрине «Холодный старт», может нанести конвенциональный или ядерный удар против одного или нескольких квазигосударственных образований на территории Пакистана, чтобы предотвратить возможное применение против Индии ядерного оружия. Таким образом, в регионе возникает новый вооруженный конфликт, возможно даже с применением обеими сторонами тактического ядерного оружия, в котором Индия, потеряв часть ВС, сумеет завладеть практически всей территорией бывшей Исламской республики Пакистан.

При другом сценарии развития конфликтной ситуации между Индией и Пакистаном эта ситуация зеркально обратная: при реальной угрозе распада Пакистана на несколько квазигосударств, пакистанская армия осуществляет в очередной военный переворот под предлогом сохранения единства страны и провоцирует Индию или развязывает против Индии вооруженный конфликт, используя очередное резкое обострение внутренней обстановки в Азад Кашмире, для того, чтобы вызвать патриотический подъем и спасти «единство и целостность» страны, или идет на применение против Индии тактического ядерного оружия, а индийцы ответят контрударами против наступающих ВС Пакистана.

Также провоцирующим фактором для новой войны Индии и Пакистана весьма вероятно может стать очередное обострение внутренней обстановки в Кашмире, когда пакистанские ВС наносят удары против индийских ВС в индийском штате Джамму и Кашмир, что автоматически вызывает ответный удар индийских ВС против Пакистана по типу событий 1999 г., когда между двумя странами возник т.н. «Каргильский конфликт» или Каргильская война. В ответ на индийскую «агрессию» против Пакистана (которая предполагает захват индийским ВС значительной части территории этой страны) гипотетически китайские вооруженные силы, выступив в поддержку территориальной целостности и независимости Пакистана, наносят удары по индийской армии в районе штата Ассам и Аруначал Прадеш, нарушив таким образом статус-кво, сложившееся после индийско-китайской войны 1962 г. Таким образом, в регионе возникает два параллельных вооруженных конфликта: индийско-пакистанский и китайско-индийский.

В ответ на эту острейшую и опасную ситуацию, когда фактически в обширном вооруженном конфликте в регионе задействованы три ядерных державы — одна официальная и две неофициальные. США вмешиваются в этот конфликт. Помимо направления в Индийский океан эскадры атомных ударных авианосцев, поддержанных резким увеличением военной активности США на их военной базе на о. Диэго Гарсия и в Индийском океане, и при реальной угрозе применения ядерного оружия Индией и

Пакистаном друг против друга, США наносят превентивные удары по пакистанской территории, таким образом, втягиваясь в этот конфликт, в котором будут задействованы уже четыре ядерные державы – две де-факто (Индия и Пакистан) и две де-юре ядерные державы – (США и Китай). По мере эскалации конфликта в него втягиваются другие страны региона. Таким образом, возникает многосторонний вооруженный конфликт с очень низким порогом применения ядерного оружия, т.е. «все воюют против всех»

Важное политическое воздействие на регион может иметь неблагоприятное изменение климатических условий. Это может выразиться в значительном ущербе от участвовавших засух на территории Индии (Северная Индия) и особенно Пакистана (в провинции Панджаб и Синд), что повлечет за собой частые неурожайные годы, и как следствие, серьезные проблемы с обеспечением достаточным количеством продовольствия и воды для жителей Индии и Пакистана (проблема обеспечения водой — одна из серьезных проблем для этих стран, особенно для Пакистана).

Соответственно, между Индией и Пакистаном возникнет серьезный конфликт по поводу распределения водных ресурсов реки Инд (до сих пор распределение водных ресурсов регулируется соглашением 1960 г. между двумя странами о распределении водных ресурсов бассейна реки Инд, причем Пакистан полностью зависит в этом вопросе от Индии). К 2050 г. этот конфликт, весьма вероятно, может стать вооруженным. Инициатором этого конфликта вероятнее всего будет Пакистан, и этот конфликт может быстро эскалировать в конфликт с применением тактического ядерного оружия, что неизбежно вызовет вмешательство США и Китая (США, скорее всего, поддержат Индию, а Китай — Пакистан). В этот конфликт могут быть втянуты и другие страны региона (Бангладеш, Мьянма, Непал).

Кроме того, к 2050 г. может серьезно ухудшиться экологическая обстановка в регионе, вызванная в первую очередь проблемой перенаселенности в Индии и Пакистане (особенно в Северной части Индии и пакистанских провинциях Панджаб и Синд). Значительное ухудшение экологии в этих районах приведет к

трансграничным миграциям больших масс населения этих стран в другие, более благоприятные районы в Индии и Пакистане, что вызовет обострение отношений между двумя странами, которое из политической и дипломатической фазы быстро перерастет в вооруженные столкновения между ВС Пакистана и Индии по всему периметру индийско-пакистанской границы.

К 2050 г. экономическое развитие стран региона, прежде всего, Индии и Пакистана, замедлится или испытает кризис. Индия, скорее всего, столкнется с острым экономическим кризисом, вызванным переизбытком производства и резким ростом численности населения страны. В Пакистане, наоборот, экономический кризис будет вызван недостатком производства и резким снижением дохода на душу населения в условиях недостатка природных ресурсов. Экономический кризис и недостаток ресурсов также будет наблюдаться в других странах Южной Азии.

В Бангладеш в силу участившихся наводнений и других стихийных бедствий происходит резкое падение производства основных товаров (нехватка продовольствия) также на фоне резкого роста численности населения. В этих условиях происходят крупные трансграничные миграции больших масс населения стран региона, в основном в Индию, как более благоприятную страну для проживания, что вызывает крупные беспорядки среди местного населения. Власти Индии объявляют о закрытии границ, приостановке поездок населения к родственникам в другие страны, из Индии в Бангладеш и из Бангладеш в Индию. Происходят крупные волнения и выступления населения против введенных властями Индии мер по закрытию страны. В Бангладеш и Пакистане, в который поездки населения из Индии к родственникам также будут запрещены индийскими властями (граница с Пакистаном будет закрыта) население требует от властей ответа на эти меры, усиливается антииндийская пропаганда, происходят антииндийские митинги, которые наблюдаются в других странах региона.

На этом фоне военные в Пакистане принимают решение о силовом варианте решения «кашмирской проблемы» и вводят свои регулярные войска на территорию Азад Кашмира, которые

поддерживают возникшие «стихийные выступления» мусульман и боевиков-муджахедов в индийском штате Джамму и Кашмир против индийских властей. В ответ индийские власти принимают решение о силовой акции против пакистанских войск на территории Азад Кашмира, что вызывает ответные действия пакистанских ВС по всему периметру индийско-пакистанской границы. И это приводит к возникновению нового вооруженного конфликта.

Вооруженный конфликт в регионе может стать еще более вероятным в случае очередного военного переворота в Пакистане. (Такие перевороты также возможны в Мьянме и Бангладеш). На фоне нарастания негативных факторов в экономике пакистанский военный режим в интересах консолидации стран может принять «силовое решение» «проблемы Кашмира». Это вызывает ответные действия ВС Индии. Наблюдается быстрая эскалация нового индийско-пакистанского конфликта практически до угрозы применения или фактического применения военными Пакистана тактического ядерного оружия против ВС Индии.

Информационный фактор, также, будет иметь важное значение в реализации данного сценария. Он предполагает к 2050 году широкое распространение информационных технологий и интернета (соцсетей) среди широких масс населения во всех странах региона. Между Индией и Пакистаном к 2050 г. уже будет идти жесткая информационная война в интернете и соцсетях, в которую будут вовлечены большие массы людей, и которая будет формировать общественное мнение в пользу нового вооруженного конфликта.

8.2.4. Ключевые параметры развития региона к 2050 году

К 2050 г. в регионе в основном закончится процесс трансформации основных региональных организаций: после распада СААРК и образования новой, более приспособленной к процессам глобализации и регионализации, организации в виде

объединения всех субъектов региона, которое условно будет называться Южноазиатский союз (South Asian Union — SAU), по типу ЕС. Между странами региона возникнут прочные взаимные связи в политической, экономической, военной, информационной и культурной областях. При этом широкое развитие получат международное разделение труда, создание совместных производств на основе новейших технологий, открытые внутренние рынки всех участников этого объединения с единой таможенной политикой и ликвидацией таможенных и протекционистских барьеров в виде импортных пошлин, акцизов, сборов и т.п.

Этот новый союз также будет характеризоваться большим практическим весом в реализации принятых им политических решений (например, в качестве одного из ключевых решений будет выступать совместная борьба против терроризма и радикального исламизма). Для него будет характерен единый подход к политике в области культуры, обмена информацией (особенно в интернет-пространстве), совместные внешнеполитические инициативы, которые будут реализовываться на практике (например, посредничество некоторых стран региона в мирном урегулировании «кашмирской проблемы», причем без интернационализации этого застарелого конфликта между Индией и Пакистаном, против чего будет, как и прежде выступать Индия, а поддерживать — Пакистан.

На внешнем уровне этот союз будет представлять единые интересы стран региона в основных международных политических и финансовых организациях — ООН, МВФ, Всемирный банк, ОЭСР и др., а также единую позицию стран региона по ключевым международным проблемам (например, конфликтным и кризисным ситуациям в других регионах мира, а также таким глобальным проблемам, как ядерное нераспространение, борьба с глобальным потеплением, отстаивание интересов региональных субъектов ВПО в рамках диалога «Север–Юг», партнерские отношения с ШОС и т.п.

Основной характерной чертой этой новой региональной организации будет то, что несмотря на ключевое влияние Индии в этой организации, позиции всех стран региона, даже таких карликовых,

как Бутан и Сикким, будут равным образом приниматься во внимание при выработке согласованных решений и позиций. Кроме того, это новое объединение региональных субъектов МО будет активно отстаивать интересы его участников в их взаимоотношениях с новыми центрами силы (например, с Китаем, что будет выгодно Индии), а также со старыми центрами силы — США и ЕС (активное сопротивление новому растущему влиянию Китая и США в регионе, включая Афганистан).

К 2050 г. в основном будет закончена т.н. «негативная трансформация» БРИКС — т.е. закончится процесс перехода этой международной и межрегиональной организации в группу стран-участниц, выстроенных согласно их внешнеполитическим и экономическим интересам и глобальной роли. Состоявший к этому времени выход Индии и Китая в глобальные мировые державы будет означать, что эти новые центры силы будут осуществлять попытки создать вокруг себя региональные военно-политические блоки для противодействия усилению влияния друг на друга и на других региональных субъектов ВПО, а также влиянию старых мировых центров силы — США и ЕС, по-прежнему стоящих за продолжением процессов глобализации и регионализации в мире.

В случае с Индией это будет означать, что Дели попытается создать новый военно-политический блок из числа региональных субъектов ВПО на основе уже упомянутого в предыдущем подпункте т.н. Южноазиатского союза. В этот блок не войдет только Пакистан, который в случае, если он не распадется на несколько квазигосударств, будет пытаться, скорее всего, совместно с Саудовской Аравией создать военно-политический блок из числа «братских исламских стран» для противодействия влиянию Индии в регионе, решению прочно зашедшего к этому времени в тупиковую ситуацию острейшего «афганского кризиса», борьбы с возросшим радикальным исламом и т.п. При этом региональные субъекты ВПО будут воздерживаться от вступления в какие-либо новые региональные и трансрегиональные военно-политические блоки или союзы, которые могут создаваться США и странами ЕС.

Что касается военного сотрудничества региональных субъектов ВПО в рамках нового военно-политического объединения на основе т.н. Южноазиатского союза или на двусторонней основе с субъектами ВПО других регионов мира (США, странами ЕС, Китаем, РФ, Израилем, Ираном и т.д.), то оно к 2050 г. возрастет многократно. Причем два основных региональных антагониста — Индия и Пакистан увеличат это сотрудничество как со своими традиционными партнерами по ВТС (Китай, США, РФ, Израиль и т.д.) так и с новыми партнерами (страны АСЕАН, Ближнего Востока). Этому будет способствовать закрепившаяся к 2050 г. устойчивая тенденция среди региональных субъектов ВПО к кооперации и совместному или лицензионному производству в военной области и области ВТС. В целом, если суммировать происходящие в регионе процессы для этого временного состояния в области трансформации крупнейших военно-политических блоков в регионе, то будет наблюдаться их создание и активная вовлеченность в региональные политические процессы.

К 2050 г. Индия станет безусловным гегемоном и лидером в регионе Южная Азия. Она будет проводить очень активный, целенаправленный и даже иногда агрессивный внешнеполитический курс по продвижению своих инициатив и культурно-идеологических ценностей, основанный на глобальном политико-экономическом, военном и финансовом могуществе. К этому времени Индия на глобальном уровне станет постоянным членом Совета Безопасности ООН, прочным единоличным лидером переформатированного Движения неприсоединения, членом Договора о нераспространении ядерного оружия в переформатированном виде, добившись закрепления официального статуса ядерной державы де-юре (даже, в случае, если Пакистан не сумеет к этому времени получить такой статус), одной из ведущих стран-членов ШОС, возможно новым ассоциированным членом АСЕАН, одним из главных лидеров «Группы 77», «двадцатки» и вероятнее всего войдет на правах полноправного члена в «семерку» промышленно развитых стран (вместе с Китаем, Бразилией и ЮАР).

На региональном уровне Индия закрепит роль лидера Южноазиатского региона, став инициатором и главным архитектором уже упомянутого выше вновь созданного т.н. «Южноазиатского союза». На двустороннем уровне Индия будет проводить в основном взвешенный внешнеполитический курс в отношении своего главного антагониста — Китая, что не исключает возможность для Индии попыток силового решения «индийско-китайской пограничной проблемы». В отношении Пакистана — активную политику оказания давления на Исламабад, особенно в случае невозможности добиться решения «Кашмирской проблемы» политическим или дипломатическим путем в свою пользу. При этом нельзя исключать силового решения этой проблемы, в частности, в случае полного распада Пакистана как единого государства.

В отношении остальных стран региона, Дели будет проводить гибкий внешнеполитический курс, с учетом негативного прошлого опыта вмешательства в их внутренние дела (Шри-Ланка, Непал, Мьянма) пытаясь объединить их на антикитайской основе. Это в отдельных случаях, однако, не исключает попыток нового вмешательства Индии во внутренние дела своих соседей по региону, в случае, если происходящие там внутренние процессы (приход к власти военной хунты в Бангладеш, новый военный режим в Мьянме, угроза этническим индийцам в Шри-Ланке) будут угрожать национальным интересам Индии и интересам проживающих в этих странах крупных индийских диаспор (как например, события в Мальдивской республике, когда Индия осуществила посылку военного контингента для предотвращения попытки военного переворота членами ТОТИ в этой стране в ноябре 1988 г. (т.н. «Операция Кактус»). Таким образом, для обеспечения проведения своего активного внешнеполитического курса в данном временном состоянии Дели будет готова к тому, чтобы осуществлять краткосрочные военно-полицейские операции в странах региона, при этом стараясь заручиться поддержкой США и не провоцируя вмешательство Китая в эти события.

Что касается индийско-американских отношений и индийско-российских отношений, то Индия к 2050 г. сможет и будет

умело и активно играть на противоречиях в отношениях между США и Россией, при этом поддерживая активные отношения стратегического партнерства с США (особенно в военно-политической области и области борьбы с терроризмом), что не помешает ей, даже в случае падения значения России для Индии, поддерживать уровень стратегического партнерства с РФ, возможно, на минимальном уровне, в зависимости от индийских конъюнктурных соображений на каждый отдельно взятый момент времени. При этом Дели сохранит приоритетные отношения с РФ в политической области, например, для поддержки Россией заявки Индии на получение места постоянного члена СБ ООН, в экономической области (российские новейшие технологии двойного назначения, нефтяная и газовая отрасли, атомная энергетика т.п.) и в области ВТС (поставки новейших российских видов вооружений и боевой техники, производство их в Индии по российским лицензиям и т.п.).

На данное временное состояние также будет наблюдаться активное и целенаправленное сотрудничество Индии с ЕС, странами Ближнего Востока, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Египтом, ведущими странами Латинской Америки — Бразилией, Аргентиной, укрепление связей в рамках Британского содружества и расширение сотрудничества с Великобританией, Японией, Южной Кореей, Австралией и странами АСЕАН. В отношениях с Пакистаном Индия к 2050 г. попытается закрыть «кашмирский вопрос», как уже указывалось выше, либо оказывая расширенное, но не провоцирующее конфликт давление на Пакистан, либо, в случае его распада, силовым путем.

К этому времени проблема борьбы с радикальным исламизмом и терроризмом, исходящим, как считают индийцы, с территории Пакистана, скорее всего, приобретет для Индии повышенную значимость, и Дели будет чаще идти на хирургические военные операции силами своих ВС против баз террористов на территории пакистанского Азад Кашмира или самого Пакистана, фактически балансируя на грани вооруженного конфликта с Исламабадом, но при этом стараясь не провоцировать его на массированный

ответный удар по индийским ВС, и, разумеется, не начиная первыми новый вооруженный конфликт.

Согласно другому сценарию, возможно, будет наблюдаться разрядка в индийско-пакистанских отношениях и принятие новых мер доверия и безопасности, подписание новых соглашений по укреплению этих мер, в том числе и в ядерной области. Однако угроза крупномасштабного вооруженного конфликта с применением тактического ядерного оружия между обеими странами будет по-прежнему сохраняться, и даже возрастет, особенно в случае угрозы распада Пакистана как единого государства. В целом, как и в случае прогнозной оценки на временное состояние 2025 г. индийско-пакистанские отношения будут колебаться от стабильно враждебных отношений, до отношений разрядки напряженности. При этом противоречия между Дели и Исламабадом по «афганской проблеме» серьезно возрастут. Индия, в условиях тупиковой ситуации с разрешением ситуации в Афганистане, будет проявлять еще больший интерес и вовлеченность во внутренние дела этой страны, и весьма вероятно, войдет наряду с Ираном в число стран, которые будут участвовать в мирных переговорах с представителями т.н. «умеренных талибов».

Внешнеполитический курс Пакистана к 2050 г. будет, главным образом, зависеть от того, сохранится ли это государство как единая страна, или распадется на квазигосударства. В первом сценарии (сохранения Пакистана) Исламабад еще больше укрепит свои тесные связи с исламскими государствами — Саудовской Аравией, Турцией, Египтом, Ираном, монархиями Персидского залива, странами Ближнего Востока и Северной Африки, попытается выстроить «единый исламский фронт» против гегемонии и доминирования в регионе Индии, укрепив, таким образом, свой тыл на западных границах. На глобальном уровне Пакистан, скорее всего, наряду с Индией и при поддержке Китая и США станет членом Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве официальной ядерной державы, а также членом Группы ядерных поставщиков (ГЯП). Кроме того, также как и Индия, он укрепит свое положение в качестве одной из ведущих стран в

Движении неприсоединения, «Группе 77», активно будет участвовать в формате «Север-Юг», других международных многосторонних организациях.

На двустороннем уровне: пакистано-американские отношения будут, как и ранее развиваться по известной модели «спад-подъем», но в целом Пакистан сохранит свою стратегическую значимость для США в связи с нерешенной проблемой Афганистана и проблемой растущего терроризма, которая в это временное состояние приобретет остро актуальный характер в связи с весьма вероятным перебазированием потерпевшей поражение в Сирии и Ираке группировки ИГИЛ в Афганистан и Пакистан и далее в Центральную Азию, которая по прежнему останется зоной особых интересов США и ЕС и это ее значение к 2050 г. даже возрастет.

На региональном уровне, Пакистан, как уже указывалось выше, войдет в новое региональное объединение — т.н. «Южноазиатский Союз» и попытается использовать его площадку, как в случае с СААРК, для «окончательного решения проблемы Кашмира» в свою пользу. Укрепятся также связи Пакистана с Бангладеш, Шри-Ланкой и Мьянмой, в том числе и в военной области. Отношения Пакистана с Китаем останутся приоритетными и к 2050 г. между двумя странами весьма вероятно может быть заключен военный союз де-юре, в котором по причинам, указанным выше, будут заинтересованы и Китай, и Пакистан (активное противодействие гегемонии Индии и ее безусловному доминированию на региональном уровне).

При другом сценарии — распаде Пакистана на несколько квазигосударств, общим параметром которых будет, как уже указывалось выше, радикальный исламизм или новый национализм, внешнеполитический курс этой страны, а точнее, этих квазигосударственных образований сегодня реалистично прогнозировать трудно. В настоящее время не до конца понятно, понятно, кем будут основные силы или субъекты этих новых квазигосударственных образований — негосударственные акторы в виде радикальных исламистских группировок и движений, или другие акторы, более

склонные к государственному строительству. Таким образом, этот вопрос требует отдельного серьезного исследования.

Что касается остальных стран региона, то можно отметить, что в своей внешней политике Бангладеш, с одной стороны, значительно укрепит свои тесные связи с Пакистаном и другими исламскими странами, для противодействия Индии. С другой стороны, она будет играть активную роль в новом региональном объединении — т.н. «Южноазиатском союзе».

Внешнеполитический курс Мьянмы будет сориентирован, главным образом, на Китай. В то же время, в зависимости от того, какой режим будет находиться у власти в этой стране к 2050 г. — военный или гражданский, Рангун будет выстраивать свой собственный внешнеполитический курс в регионе, ориентируясь при гражданском правлении больше на более тесное сотрудничество, в том числе и военное, с Индией, чем с Китаем, а при новом военном режиме — на Китай.

Внешнеполитический курс Шри-Ланки в целом останется таким же, как и в описанном выше прогнозе по состоянию развития региона на 2025 г., однако с одним важным дополнением. Произойдет более широкое развитие отношений в экономической, политической и военной областях с другими региональными субъектами — Индией, Пакистаном, Мьянмой. Внешнеполитический курс Непала, Бутана и Мальдивской республики к 2050 году особых изменений не претерпит, и останется индоцентристским, но с большей вовлеченностью в новое политико-экономическое объединение в регионе — т.н. «Южноазиатский союз»

К 2050 году Индия, вероятнее всего, еще больше увеличит свой технологический отрыв и отрыв в области экономического развития от остальных стран региона, включая Пакистан. Фактически, Индия, наряду с Китаем, станет одной из ведущих глобальных экономик мира, которая на основе быстрого внедрения новейших технологий, использования преимуществ международной кооперации в сфере производства с другими ведущими экономиками мира, высококвалифицированного среднего класса (особенно в

области IT-технологий), дешевой, но также квалифицированной рабочей силы, преимуществ, рыночной экономики с элементами государственного планирования, а также в случае сохранения относительно высоких темпов экономического роста и с учетом репатриации квалифицированных кадров из числа индийцев, проживающих в ведущих мировых странах — США, Великобритании, странах ЕС обратно в Индию, где им будут созданы самые благоприятные условия для работы (высокая зарплата, возможность поддержания привычных для них западных стандартов жизни, доступные кредитные линии с низкой процентной ставкой годовых и т.п.) прочно изменит свой экономический статус с развивающейся экономики до развитой, уступающей из стран «третьего мира» только Китаю.

Таким образом, экономический статус Индии трансформируется из статуса ведущей региональной экономики до глобальной. При этом, инициировав создание т.н. «Южноазиатского союза» с общим рынком южноазиатских стран, свободно конвертируемой национальной валютой — новой рупией, обеспеченной большими золотовалютными резервами, созданными правительством страны к 2050 г. и достигнутого к этому времени, в случае продолжения экономического курса кабинета Моди, отсутствия внешнего долга, Индия может даже догнать Китай в области интенсивного экономического развития. Этому также будут способствовать контролируемые расходы на оборону в отсутствие значимой внешней военной угрозы со стороны Китая, а также относительная стабилизация в индийско-пакистанских отношениях (длительное отсутствие крупных вооруженных конфликтов между этими странами).

Кроме того, к 2050 г. вероятно общее повышение кредитного рейтинга страны среди основных международных финансовых учреждений — МВФ, Всемирном Банке, Азиатском Банке, а также ЕБРР, что даст возможность привлечения широких иностранных инвестиций в бурно растущую экономику страны. Это также будет способствовать изменению экономического статуса Индии на статус глобальной экономики.

Однако, это изменение экономического статуса Индии на статус глобальной экономики возможно в случае благоприятного сценария развития внутренней ситуации в стране. Пока в перспективе до 2050 г. резких изменений во внутрениполитической ситуации в Индии не просматривается, даже в случае катастрофических природных стихийных бедствий (крупных наводнений, засух или землетрясений и т.п.). Кроме того, к 2050 г. Индия получит большие преимущества от налаживания выгодного экономического сотрудничества в рамках ШОС и со странами Центральной Азии, к которой индийцы проявляют особый интерес, а также от реализации крупномасштабных трансрегиональных инфраструктурных проектов (ТАПИ, Новый шелковый путь и т.п.) и обеспечения стабильных поставок углеводородов в Индию (из стран Ближнего (Саудовская Аравия, ОАЭ) и Среднего Востока (Иран) и Центральной Азии (Туркменистан и Узбекистан — природный газ, Казахстан — сырая нефть).

Пакистан, как и при прогнозных оценках политических изменений, к 2050 г. также может поменять свой экономический статус на статус развитой региональной экономики в зависимости от двух сценариев — сохранения единства и государственности страны или его тотального коллапса и распада на квазигосударственные образования. При первом сценарии (сохранение национального единства страны, успешное поддержании властями внутренней стабильности и успешной борьбы с терроризмом) Пакистан добьется этого положения, при сохранении нынешних темпов роста ВВП и фактора отсутствия резких климатических изменений (крупных наводнений, природных катастроф, засух и землетрясений). Кроме того, на возможное изменение экономического статуса страны может повлиять, как и в случае с Индией, длительное отсутствие крупномасштабного вооруженного конфликта между двумя странами, в особенности имеющего ядерную составляющую, что, однако, нельзя гарантировать в данном прогнозе на временное состояние на 2050 год. При реализации второго сценария — тотального коллапса страны и распада ее на несколько квазигосударственных образований к 2050 г. — прогноз

изменений экономического статуса резко негативный и заключается в полной разбалансированности государственной экономической системы страны.

Кроме этих двух крупнейших региональных субъектов ВПО, такие региональные субъекты, как Шри-Ланка, Мьянма и Бангладеш, как и при прогнозных оценках по состоянию на 2025 г. (особенно в случае отсутствия разрушительных стихийных бедствий) могут с некоторой долей вероятности изменить свой экономический статус на более высокий.

К 2050 году экономическая политика субъектов ВПО региона будет, скорее всего, заключаться в том, что Индия будет использовать создание т.н. «Южноазиатского союза» для выработки единой экономической политики стран региона, заключающейся в следующих направлениях:

- Создания максимально благоприятных условий для регионального экономического развития в виде отказа от таможенных тарифов, акцизов, сборов на товары южноазиатского производства в экспортно-импортных операциях внутри региона;
- Проведение комплекса экономических мер для защиты внутреннего рынка стран региона от иностранных товаров, продаваемых по демпинговым ценам на этих рынках (прежде всего, сделанных и импортируемых из Китая), предусматривающих среди прочего введение повышенных таможенных и акцизных ставок и пошлин на эти товары и т.п.
- Создание единого общего рынка стран региона по типу общего рынка в Западной Европе в середине 50-х гг. прошлого века. При этом приоритетным направлением будет финансовая помощь, предоставляемая более экономически развитыми странами (Индия) менее развитым (Непал, Бангладеш, Шри-Ланка) для развития местного производства (например, малых и средних предприятий).
- Полноценное использование преимуществ производственной кооперации и международного разделения труда в экономических отношениях между субъектами региона в рамках продолжающегося процесса глобализации и регионализации в Южной Азии.

- Приоритетное развитие сельскохозяйственных производств и создание анклавов высоких технологий (Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка, Мьянма).
- Всемерное поощрение развития иностранного туризма, и привлечение высококвалифицированных преподавательских кадров для развития сферы образования и науки в странах Южной Азии.

В банковско-финансовой сфере в центре внимания будет находиться привлечение льготного кредитования малого и среднего бизнеса и основных производителей сельхозпродукции в странах Южной Азии крупнейшими южноазиатскими банками (индийскими), такими, как State Bank of India — 9-е место в списке крупнейших банков Азии (по состоянию на 2016 г.), Icici Bank—32 место; BankofIndia—77 место; Camara Bank — 80-е место; Central Bank of India —115 место; Syndicate Bank—125 место; Oriental Bank of Commerce—144 место; Indian Bank—161 место и др.

К 2050 году в Южной Азии произойдет кардинальное изменение регионального баланса сил в пользу Индии, которая необратимо увеличит свой отрыв в области конвенциональных и ракетно-ядерных вооружений с главным региональным антагонистом — Пакистаном. Это произойдет, даже не смотря на некоторое преимущество последнего в количестве ядерных боеголовок (прогноз — до 500-700 ядерных боезарядов в случае, если Исламабад сохранит нынешние темпы наращивания своего ядерного арсенала). Прогноз для Индии составляет, по некоторым оценкам, до 300-600 ядерных боеголовок к 2050 году также при сохранении нынешних темпов развития индийского ядерного потенциала.

Фактически Индия станет не только безусловным региональным военным лидером, но и уверенно выйдет на глобальный уровень, занимая одно из ключевых мест по общему военному потенциалу среди мировых держав, уступая из соседей по региону только Китаю. При этом индийцы увеличат свой отрыв в области ракетно-ядерных вооружений, прежде всего, по качественному приросту своего ядерного арсенала, создав большое количество термоядерных боезарядов, в том числе компактных.

По этому показателю они уверенно обойдут Пакистан, который несмотря на непомерно возросшие к 2050 г. расходы на НИОКР в ядерной области не сумеет догнать Индию по количеству и качеству термоядерных боеприпасов. Однако, к 2050 г. обе страны преуспеют в миниатюризации своих ядерных зарядов, включая и термоядерные боеголовки, а также в ускоренном развитии баллистических ракет средней и большей дальности, где Пакистан, благодаря продолжению внешней помощи из Северной Кореи (и в случае, если он не станет членом Группы ядерных поставщиков — ГЯП) сумеет обойти Индию по количеству этих носителей ядерного оружия.

Нельзя исключать, что обе страны, которые не присоединились к Договору всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и ДНЯО, снова проведут к 2050 г. серию подземных ядерных испытаний, даже, несмотря на угрозу ответных действий со стороны, прежде всего США (в случае, если переговоры о подключении Индии и Пакистана к глобальному процессу сокращения ядерных вооружений и переговорам, ведущимся по этому вопросу между официальными ядерными державами (США, РФ, Великобритания, Франция и Китай) окончатся неудачей, вероятность чего очень высока. Кроме того, спусковым крючком проведения серии новых ядерных испытаний для Индии и Пакистана к 2050 г. могут стать продолжающиеся ядерные испытания Северной Кореи, и открывшая нуклеаризация Ирана после завершения срока действия т.н. «ядерной сделки» (СВДП) между Ираном и «шестеркой» международных посредников в 2030 г. или отказа Ирана от соблюдения ее положений в результате давления США на Иран, которое наблюдается в настоящее время.

Таким образом, в регионе вплоть до 2050 года и далее продолжится гонка ракетно-ядерных вооружений с большими шансами на то, что меры ядерной сдержанности в индийско-пакистанских отношениях не сработают, особенно в случае нового крупного вооруженного конфликта между этими двумя антагонистами, вероятность которого останется высокой и по состоянию на 2050 г. Но что касается регионального военного баланса, то он необратимо

изменится в пользу Индии. Остальные страны Южной Азии к 2050 г. только увеличат свое отставание в военной области от Индии (кроме Пакистана). Что касается Пакистана, то он к 2050 г. по общему уровню военного развития прочно и необратимо займет второе место в регионе после Индии.

К 2050 г. в Индии и Пакистане будет полностью создана и успешно введена в боевое применение развитая система ядерного командования и контроля на основе «ядерной триады» — ядерных средств наземного, воздушного и морского базирования (соответственно, баллистические ракеты меньшей, средней и большей дальности, боевые самолеты — носители ядерных боеголовок и атомные подводные лодки). Произойдет принятие на вооружение Индией боевых самолетов пятого и шестого поколений, созданных в Индии на основе российских и западных аналогов или по лицензиям от Росвооружения и ведущих западных авиастроительных корпораций — Lockheed, Martin Marietta, Boeing, Sikorsky. Будет иметь место широкое развитие совместного китайско-пакистанского производства вооружений на территории Пакистана (боевых самолетов, стрелкового оружия — китайских аналогов российских автоматов Калашникова, баллистических ракет на основе северокорейских ракет М-9 и М-11 и т.п.).

Индия и Пакистан также примут новые военные доктрины, учитывающих методы и способы ведения ядерной войны. Они будут содержать в качестве основного пункт о возможности применения ядерного оружия первыми (в случае Индии это будет означать отказ Дели от предыдущего обязательства не применять ядерное оружие первыми, в случае Пакистана — официальное признание ранее не взятого на себя обязательства неприменения ядерного оружия первыми). Соответственно, основное изменение направленности оперативной подготовки штабов и боевой подготовки войск будет являться подготовка к ведению боевых действий в реальных условиях применения ОМУ, прежде всего, ядерного оружия, а также химического оружия.

8.3. Индия как претендент на мировое лидерство

Роль Индии в мировой политике будет неуклонно возрастать. По-существу, Индия вместе с Китаем, превратится, по-видимому, в особую подсистему международных отношений. Обе крупнейшие полупериферийные страны в не очень отдаленном будущем могут стать соперниками США в борьбе за мировое лидерство. В этом смысле история повторяется — соперники появляются на периферии, но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов.

8.3.1. Современное состояние и перспективы развития Индии к 2025 году

Совершенно новым явлением в биполярный период стало превращение Индии в великую державу. Данный мировой статус определяется по четырем параметрам: экономическому, политическому, военно-политическому и культурно-идеологическому. По ВВП по паритету покупательной способности (ППС) Индия вышла на третье место в мире в 2011 г. (4,5 трлн. долл.), а в 2016 г. объем ее экономики составил 8,72 трлн. (у Японии — 4,93 трлн. долларов). Следует отметить, что по существу все западные эксперты предсказывают, что для Индии будут характерны одни из самых высоких темпов экономического роста в мире.

Во внешнеполитической сфере Индия занимает очень прочные позиции в мировой системе. Авторитет страны на мировой арене продолжает серьезно расти, свидетельством чего являются ее включение в «Двадцатку», де-факто признание ее ядерного статуса и переговоры о предоставлении стране места постоянного члена СБ ООН.

С военной точки зрения, Индия является одной из крупнейших военных держав мира. Что касается культурно-цивилизационной сферы, то близость индийской политической системы к западной позволяет американским президентам во время их визитов в Индию называть страну «самой большой демократией в мире». На Западе полагают, что распространение политико-экономических и этико-духовных ценностей Индии в незападных странах будет способствовать укреплению процесса демократизации. Индийская модель развития достаточно близка для политиков и экспертов развитых стран, которые в целом приветствовали бы победу Индии в «соревновании» с Китаем и другими центрами незападного мира.

Более того, при обосновании претензий Индии на лидерство нельзя не отметить и расовый фактор (противостояние «белых», с одной стороны, и «желтых», «черных» и «коричневых», с другой). Гегемония «белых» цивилизаций и культур не могла не вызвать у других сильного стремления к реваншу, а именно сейчас начинают появляться и первые возможности. Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что эти государства с психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Индией (Китаем и Японией), чем с Западом. Современная модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

Большой интерес представляет анализ внутриполитического развития страны. В Индии, при всех существенных отличиях от Запада, установлена политическая система, которая — по сравнению практически со всеми странами не-Запада — наиболее соответствует большинству западных параметров. Этому способствовали две основные группы факторов: определенная близость к западной цивилизации по подходу к фундаментальным проблемам и методы колониального управления. Основные создатели

современной Индии — М. Ганди и Дж. Неру — исходили из того, что для индийской традиции характерно ясное понимание губительности классовой борьбы, разрушающей естественные связи между людьми, и осознание необходимости разрешать все конфликты мирным путем — с помощью диалога и компромисса.

По Конституции 1950 г., в Индии, провозглашенной суверенной республикой, была создана «Вестминстерская» политическая модель. Были также декларированы различные демократические права: на равенство (запрещалась религиозная, расовая, кастовая и гендерная дискриминация); на свободу религии, слова, мнений, собраний, создания различных общественных организаций, передвижения и т.д.; на защиту от эксплуатации, на частную собственность, на охрану интересов меньшинств в области культуры и образования.

Становление демократических институтов в Индии происходило до появления необходимой социально-экономической базы, без длительной эволюции, как в Европе, и политические макроструктуры оказались в состоянии как сохранить эти институты, так и способствовать нужным изменениям в экономике и культурной сфере. Именно парламентаризм в Индии позволил значительно смягчить острейшие противоречия — социально-политические, этно-национальные, конфессиональные и т. д.

Согласно конституции, Индия является Союзом штатов. Существует строгое разграничение полномочий Центра и штатов. В ведение Дели передано 97 вопросов: оборона, отношения с иностранными государствами, денежное обращение, внешняя торговля, атомная энергетика и т.д. Штаты отвечают за 66 проблем: обеспечение общественного порядка, местное самоуправление, здравоохранение, сельское хозяйство, охрана лесов, рынки и ярмарки и т.д. К совместной компетенции отнесено 47 пунктов: уголовное право, законодательство о браке, семье и опеке, экономическое и социальное планирование, трудовое законодательство и т.д.

С 1956 г. началась административная реформа, которая выделила штаты на этнолингвистической основе и уравнила их в

правах. Различные этнолингвистические группы постоянно стремятся к большей автономии и получению большего контроля над ресурсами (модернизация социально-экономических отношений ведет к уменьшению роли ранее доминирующих религиозных и этнических групп). На первом этапе власти расценивали их выступления как сепаратизм, но постепенно отношение стало меняться, и в Индии продолжает увеличиваться количество штатов (с 14 в 1956 г. до 29 в 2014). Для снижения этнической напряженности создаются также автономные районы и дистрикты.

Административные перемены принесли наибольшие выгоды крупным этносам, тогда как мелкие стали больше опасаться за свою идентичность. Усилилась борьба племенной элиты за большую автономию (в их зоне, к тому же, происходит изменение этнодемографической ситуации из-за миграции из других областей Индии и сопредельных стран, что способствует отстранению традиционно доминирующих групп региона от ресурсов).

Традиционно в Индии в сфере федеративных отношений юридически оформлялись конституционные институты и механизмы, направленные на усиление централизации страны (институт губернатора; президентское правление; институт чрезвычайного правления), но они в настоящий момент демонстрируют все меньшую эффективность. Так, президентское правление, подразумевающее, что «все или некоторые функции» исполнительной власти штата передаются президенту, центральный парламент начинает исполнять полномочия законодательного собрания штата, и не действуют конституционные нормы в отношении всех органов власти в штате, кроме судебных, практически не вводилось в штатах за последние 20 лет (в 1966–1979 гг. президентское правление в штатах вводилось 95 раз). Институт чрезвычайного правления (именно через него Конституция закрепляла унитарный уклон индийской федерации) функционировал в последний раз в январе 1977 г. Одновременно начинает расти эффективность фактических механизмов (рост большей автономии штатов; регионализм; образование коалиционных правительств). Все это показывает, что в новых исторических условиях необходима меньшая

централизация власти в руках Центра. Сейчас все стратегические сферы находятся под его контролем (вопросы «внутреннего» правопорядка являются прерогативой штата, но Дели может отказать и в этом, если сочтет, что положение в данной области угрожает национальной безопасности). Изменение границ штатов находится в исключительном ведении Центра, и протест штата может быть полностью отклонен. Ряд экспертов полагает, что излишняя централизация в Индии способствует обострению этно-конфессиональных конфликтов, а регионализм, который развивается в стране относительно стихийно, наоборот, ведет к укреплению стабильности и совершенствует систему управления.

В период независимости произошла значительная эволюция партийно-политической структуры страны. На первом этапе (1947–1977 гг.) монополия на власть принадлежала Индийскому национальному конгрессу. Партия, возглавлявшая национально-освободительное движение в Индии, сохраняла ее во многом благодаря мажоритарной системе. Так, при Дж. Неру ИНК получал менее половины голосов избирателей и имел около трех четвертей мест в парламенте из-за разобщенности оппозиции. На втором этапе (1977–1991 гг.) основные перемены произошли во внутриполитической жизни. ИНК несколько раз отстранялся от власти, хотя и на короткий период времени. Современный этап связан с окончательной потерей ИНК монополии на власть. Существенно падает процент голосов, отдаваемых партии на выборах, и она теряет возможность получить больше половины мест в парламенте без поддержки других политических организаций.

С 1990-х годов оформилась как левоцентристская, так и правая (так называемая националистическая) мощная оппозиция. При этом они могут получить власть также только на основе самых широких коалиций. Проходившие за последние 20 лет выборы показали, что в Индии существует лишь две реальные общенациональные партии (ИНК и Бхаратия джаната парти), но за них голосует лишь половина избирателей (в парламент проходят 35–40 партий). Региональные партии, часто образованные на этно-лингвистической основе, оказались в эпицентре политической борьбы,

что дает им возможность побороться за повышение своего статуса и получение конкретных дивидендов. При этом следует отметить, что в Индии давно выработана стратегия межпартийных соглашений. В республике нет особой политической стабильности, но нет и хаоса, тем более создающегося элитой страны.

Таким образом, до 2025 г. практически нельзя прогнозировать серьезных изменений в государственном управлении. Неприкосновенными останутся политический режим и политическое устройство. Сохранится национальный консенсус в отношении макрозадач внутренней политики. В партийно-политической структуре, видимо, сохранится тенденция ослабления левых партий. На выборах 2019 г., с точностью до 95%, победу одержит Бхаратия джаната парти, однако результаты выборов 2024 г. не до конца ясны. При этом результаты выборов не окажут практически никакого воздействия ни на систему государственного управления, ни на внутривнутриполитические приоритеты из-за единых взглядов национальных партий на данные параметры.

Очень вероятны некоторые изменения в федеративных отношениях, прежде всего, в плане отмены института президентского правления (либо его существенной трансформации, как, например, введения обязательств, чтобы доклад губернатора, на базе которого и устанавливается президентское правление, содержал действительные факты, говорящие об угрожающей ситуации, и чтобы законодательное собрание штата имело право рассмотреть прокламацию президента) и введения выборности губернаторов.

В 2017–2025 гг. Индия пойдет по пути большей гибкости, отказа от излишней централизации и развития регионализма. Однако, подобная трансформация не является кардинальной. Возможные территориальные изменения в Индии могут быть связаны с экзогенными и эндогенными факторами.

Внешние причины.

Территориальная проблема для внешней политики Индии является, скорее, конъюнктурной: при охлаждении двусторонних отношений она выходит на первый план, а при улучшении — затухает. Данные вопросы в Южной Азии, в первую очередь,

связаны с колониальной политикой Великобритании. С одной стороны, англичане проводили постоянную экспансию, захватывая все новые районы. После получения независимости государствам региона, «унаследовавшим» все права британцев, доставались все территории, ранее захваченные теми, что неизбежно провоцировало конфликты с соседями. С другой стороны, Лондон расчленил субрегион по религиозному принципу, предоставляя в августе 1947 г. независимость Индии и Пакистану, из-за чего с самого начала территориальная проблема встала очень остро в пакистано-индийских отношениях.

Пакистан был «создан» из двух частей — Западного и Восточного, разделенных 1600 км и населенных различными народами (напротив, единые бенгальский и пенджабский народы оказались разделенным на две части по религиозному принципу). Более того, Восточный Пакистан оказался как бы «внутри» индийской территории, появилось большое количество анклавов. Раздел сопровождался исключительно кровопролитным переселением почти 20 миллионов индусов и сикхов в Индию и мусульман в Пакистан. Погибло, по разным оценкам, от полумиллиона до двух миллионов человек. Дополнительную конфликтность вносило то, что «туземные» княжества сами принимали решение о вхождении в состав того или иного государства. Правитель Кашмира, индус по вероисповеданию, собирался ввести свое княжество, населенное преимущественно мусульманами, в состав Индии (или сохранить его независимость). Уже в октябре 1947 г. с территории Пакистана началось вооруженное вторжение пуштунских племен в княжество Кашмир. Его правитель обратился за военной помощью к Индии и окончательно объявил свое княжество частью Республики. В 1948 г. началась первая индийско-пакистанская война. Летом 1949 г. была установлена линия прекращения огня, одна часть которой признана в качестве международной границы, а другая стала линией фактического контроля (несколько измененной в результате войн 1965 и 1971 годов). Северо-западный Кашмир (две пятых территории княжества, где проживало около 1 млн. человек) оказался под контролем Пакистана (впоследствии

там был создан Азад Кашмир, представляющий формально свободную зону). Остальная часть Кашмира оказалась под контролем Индии. Обе страны полагают, что им должна принадлежать вся территория Кашмира.

До сих пор в отдельных районах происходят постоянные вооруженные столкновения. В этом плане выделяется ледник Сиачен в Каракорумских горах, второй по длине ледник в неполярной зоне (70 км). В 1984 г. Индия и Пакистан подтянули войска к району, имеющему стратегическое значение (по мнению Дели, Китай и Пакистан могут совместно через ледник атаковать Ладакх). Индия первой начала военные действия и захватила два перевала, дающие выход на Каракорумское шоссе (по китайско-пакистанскому соглашению 1963 г. Исламабад передал 5 тыс. кв. км территории Кашмира Пекину, и по нему проходит данная дорога, соединяющая Китай и Пакистан). В 1986 г. индийцы отбили пакистанское наступление и даже захватили пакистанский пост на высоте 6400 м. В сентябре 1987 г. началась военная операция, подготовленная будущим военным диктатором Пакистана Первезом Мушаррафом, но элитные пакистанские войска были вновь разгромлены. Материальные затраты на поддержание нахождения войск в таком высокогорье чрезвычайно велики (по индийским данным, Пакистан тратит на это 10 млн. рупий в день), что вынуждает стороны периодически начинать переговоры, которые, правда, сразу заходят в тупик. Перестрелки продолжаются постоянно, и к 2001 г. общие военные потери на леднике составили несколько тысяч человек. В 2003 г. стороны договорились о прекращении огня на участке в 110 км, но только в апреле 2012 г. погибли 139 пакистанских солдат. На начавшихся после новых столкновений переговорах пакистанская сторона призвала к одновременному отводу войск. Однако Дели требует предварительной официальной делимитации границы.

В 1999 г. произошел инцидент, который в Индии называют четвертой индийско-пакистанской войной. Почти вся линия фактического контроля превратилась в зону боев, пакистанские военнослужащие пересекли границу, а индийская артиллерия в ответ

стала наносить удары по сопредельной территории. Пакистанские войска были отброшены.

Пакистан отказывается признавать линию фактического контроля в Кашмире и предлагает провести в нем плебисцит под эгидой ООН для решения о принадлежности этой территории — на основе резолюции 1949 г. Индия же считает документ полувековой давности утратившим силу, рассматривает Азад Кашмир как незаконно оккупированную индийскую территорию и отвергает любое посредничество третьей стороны.

Существуют разногласия и по морским границам. Особенно часто всплывает вопрос о 100-километровом водном пространстве Сэр Крик в дельте реки Инд. В колониальный период здесь проходила граница между княжеством Кутч, вошедшим в состав Индии, и Синдом, ставшим провинцией Пакистана. Исламабад, ссылаясь на параграфы 9 и 10 резолюции Бомбейского правительства, принятой в 1914 г., претендует на все водное пространство, а Индия опирается на официальные карты, выпущенные в 1920-х годах, и на принцип тальвега в международном праве, когда граница проходит относительно прямо по линии наибольших глубин. Вопрос встал достаточно остро в августе 1999 г., когда пакистанский воздушный патрульный самолет (16 человек) был сбит индийскими истребителями над спорной территорией. Прошло несколько раундов переговоров, но в начале 2009 г. индийская сторона их заморозила после того как выяснилось, что пакистанские террористы, совершившие чудовищные террористические акты в Мумбаи в ноябре 2008 г., именно в районе Сэр Крик захватили индийское рыбацкое судно, на котором и проникли в город.

Внешне вопрос о принадлежности Кашмира выглядит самым жгучим противоречием между Индией и Пакистаном. Но еще Дж. Неру отмечал, что кашмирская проблема симптом, а не болезнь. Само заболевание — это «ненависть Пакистана к Индии». Независимые исследователи постоянно отмечают взаимную неприязнь, которая существует, к сожалению, отнюдь не только на межгосударственном уровне. Особенно негативно на двусторонние отношения влияет культурно-цивилизационный фактор.

В этой сфере отличия Индии и Пакистана существуют в наиболее опасной форме: определенная степень культурно-цивилизационного сходства при наличии различных религий. В условиях глобальной тенденции к усилению религиозного ревайализма (можно предположить, что этот процесс будет развиваться) противоречия между Индией и Пакистаном могут лишь углубляться. Индийско-пакистанские территориальные проблемы будут стоять очень остро, на границе постоянно будут происходить перестрелки, возможно и достаточно крупномасштабное применение военной силы, хотя территориальные изменения вряд ли будут кардинальными.

Геостратегическое положение Бангладеш на полуострове Индостан как бы «внутри» индийской территории, характер рельефа пограничных с Республикой районов, создающий значительные трудности в обеспечении безопасности обеих стран и прекращении проникновения населения Бангладеш на территорию Индии, нерешенность проблемы распределения водных ресурсов Ганга — все это предопределяет важность отношений Бангладеш с Индией.

Существование анклавов двух стран на территории соседа (102 индийских и 71 бангладешских анклавов; 28 субанклавов (анклав в анклаве) и 1 субсубанклав (анклав в субанклаве) и нечеткая демаркация границ вызывают наличие спорных вопросов. Следует особо подчеркнуть, что территориальные проблемы между Индией и Бангладеш обостряются в период общего охлаждения отношений между двумя странами, происходящего, прежде всего, в связи с внутривнутриполитическими изменениями в Бангладеш.

Довольно остро встает территориальная проблема на морской границе. В 1981 г. в район новообразовавшегося после обмеления острова Нью Мур (в 1971 г.) площадью в 12 кв. км в Бенгальском заливе (он был обнаружен Индией лишь в 1974 г., а бангладешское правительство узнало о его существовании в 1978 г.) в связи со спором по поводу его принадлежности были даже отправлены индийские военные корабли. Проблема, касающаяся острова Нью

Мур, как и разграничение всей морской границы, чрезвычайно сложна из-за диаметрально противоположных концептуальных подходов. Бангладешские власти полагают, что для страны неприемлема индийская позиция, основанная на принципе равного расстояния от берегов двух стран. Берег Бангладеш — преимущественно вогнутой конфигурации, тогда как берег Индии — выпуклой. Бангладеш выступает за применение принципа равного деления водного пространства. Международное морское право не предусматривает каких-либо строгих обязательств по данному вопросу.

В условиях потери контроля бангладешским правительством над ситуацией в стране в 2001 г. произошли вооруженные столкновения из-за небольшого участка земли около деревни Пирдивах (в Бангладеш ее называют Падуа), на границе между Бангладеш и индийским штатом Мегхалайя.

После победы Авами лиг, партии в значительной степени ориентированной на Индию, на парламентских выборах 2008 г. пограничные проблемы вновь потеряли особую остроту. В 2011 г. министры двух стран подписали протокол к соглашению 1974 г., в соответствии с которым коридор Тин Бигха был окончательно сдан в аренду Дакке, и он стал открытым для бангладешцев круглогодично. Некоторые территориальные проблемы «исчезают» сами: в 2010 г. индийские эксперты заявили, что в связи с постоянным повышением уровня Бенгальского залива остров Нью Мур вновь полностью ушел под воду. Можно предположить, что возвращение к власти Националистической партии Бангладеш или военных вновь резко обострит территориальную проблему, но особо жестких действий трудно ожидать.

В непало-индийских отношениях данные вопросы также не полностью разрешены. Периодически Катманду поднимал вопрос о «спорных», по его мнению, территориях. В эту категорию попали район Калапани на стыке территорий Непала, Индии и Китая, полоса Суста (приграничный район Уттар-Прадеша, 140 кв. км), территория вдоль р. Махакали и других пограничных рек, меняющих свое русло из-за природных факторов и строительства

гидротехнических сооружений. Следует отметить, что сухопутная граница Индии с Непалом постоянно изменялась. Особо выделяется вопрос о демаркации границы в районе спорного участка Калапани (75 кв. км), расположенного на стыке Китая, Индии и Непала и занятого индийскими войсками во время индийско-китайской войны 1962 г. В 1996 г. обе страны договорились создать комиссию по демаркации границы и комитет по обеспечению безопасности восточной части непальско-индийской границы. В целом территориальные раздоры не имеют особой остроты.

В индийско-ланкийских отношениях в плане территориальной проблемы некоторые трения возникли лишь по поводу островка Каччатхиву, расположенного почти в середине Полкского пролива, разделяющего две стороны (в наиболее узком месте — 55 км). Однако еще в 1974 г. было подписано соглашение, окончательно урегулировавшее территориальный вопрос (Индия согласилась на то, что этот остров будет принадлежать Шри-Ланке). Правда, в новом веке правительство южноиндийского штата Тамилнада стало обращаться с просьбой к ланкийским властям вернуть остров, но те отказываются.

Основной территориальной проблемой с Мьянмой у Индии, долгое время, был вопрос принадлежности самого восточного острова Андаманских островов — Наркондама. Этот крохотный (12 кв. км) вулканический остров расположен в 114 км от других Андаманских островов и в 290 км от побережья Мьянмы, которая долгое время выдвигала претензии на данную территорию. Но проблема была снята в 1986 г., когда было подписано индийско-бирманское соглашение о делимитации морской границы в Андаманском море (и Бенгальском заливе). Таким образом, вряд ли будут серьезные территориальные раздоры с Непалом, Шри-Ланкой и Мьянмой.

Территориальные проблемы Индии с Китаем также во многом связаны с британским «наследством». Первое обострение индийско-китайских отношений произошло уже в октябре 1950 г., после ввода китайских войск на территорию Тибета. Следует учитывать, что Индия в качестве наследия от Британии получила особые

права в Тибете (в начале XX века Британия навязала горной стране целый ряд неравноправных договоров). Уже в середине 1950-х годов КНР стала выдвигать территориальные претензии к Индии (протяженность общей границы в труднодоступном гималайском регионе составляет около 2,5 тыс. км). В 1958 г. китайские власти открыто заявили о необходимости пересмотра границ. Китай предъявил претензии на Аксай Чин (часть восточного Кашмира), ряд территорий в высокогорье (в районе перевалов) и всю восточную приграничную часть (от Бирмы до Бутана).

Аксай Чин (практически незаселенные земли на высоте 5 тыс. м) принадлежал Индии, согласно линии Джонсона (1865 г.). В 1899 г. Британия предложила Китаю провести границу по линии Макартни-МакДональда (большая часть Аксай Чина отходила бы тогда Китаю, а граница проходила бы по Каракорумским горам), но ответа не получила. После 1947 г. индийское правительство признало линию Джонсона. В 1950-х годах КНР построила дорогу, соединяющую Синьцзян и Тибет, по территории Аксай Чина. Дели об этом узнал только в 1958 г., когда эта дорога появилась на китайских картах. КНР оспаривала и линию Мак-Магона — границу длиной почти в 900 км вдоль Гималаев, которая была частью Симлской конвенции, подписанной между Великобританией и Тибетом в 1914 г. Индия, как и правительство Тибета в изгнании, признает ее в качестве государственной границы, а на картах Китая 150 тыс. кв. км к югу от линии относят к Тибету (правда, на некоторых индийских картах граница проходит севернее линии Макмагона).

При этом следует отметить, что Аксай Чин и другие спорные районы не были составной частью Индии в доколониальный период, но и не были территорией Китая (даже район Синьцзяна — в переводе «новая граница» — был оккупирован Китаем лишь в XVIII веке). Тибет же был присоединен Пекином лишь в 1950 г. (правда, до этого Тибет был вассалом Поднебесной).

С лета 1959 г. начались китайско-индийские вооруженные столкновения. В 1962 г. Китай, оккупировавший Аксай Чин, заявил о готовности признать «линию Макмагона» в восточном секторе,

если Индия согласится на принадлежность КНР западного сектора. Отказ Индии привел к тому, что осенью 1962 г. китайские войска перешли в наступление сначала на востоке (широкомасштабные операции начались 20 октября), а потом — на западе. К концу ноября Китай захватил практически всю территорию, на которую предъявлял претензии. После этого КНР отвела свои силы на линию фактического контроля, существовавшую в конце 1959 г. (сохранив Аксай Чин), что было связано с внешними факторами: США и Великобритания начали оказывать существенное военное содействие Индии, а Советский Союз занял нейтральную позицию. В 1986 г. чуть было не начались военные столкновения вдоль линии Мак-Магона.

С конца 1980-х годов начинается процесс нормализации индийско-китайских отношений. Во время переговоров на высшем уровне в 1991 г. и 1993 г. был принят комплекс мер по стабилизации ситуации на границе, недопущению военных инцидентов и по сокращению войск и вооружения на границе. В 1996 г. в ходе визита в Индию Председателя КНР Цзян Цзэминя было подписано «Соглашение о создании мер доверия в военной области вдоль линии действительного контроля». Обе стороны договорились о сокращении войск и вооружения на границе.

Однако индийско-китайские переговоры по территориальной проблеме продвигаются вперед крайне медленно. В 2003 г. Пекин признал статус Сиккима (в 1975 г. Индия присоединила эту гималайскую территорию, имевшую статус протектората), а Индия впервые подписала документ, в котором Тибет назывался «Тибетским автономным районом». Однако до сих пор официальные представители Пекина прямо заявляют о неправомерности существования штата Аруначал Прадеш в составе Индии.

Особое значение для Китая имеет район Таванга (20 лет назад Далай-лама объявил, что его реинкарнацию надо будет искать не на Тибете, находящемся под контролем китайского правительства, а в другом районе, а в Таванге родился Шестой Далай-лама, и это — единственный регион, находящийся вне территории КНР,

где рождались прежде все Далай-ламы). В 2008 г. Пекин даже выразил официальный протест Дели по поводу визита Манмохана Сингха в этот штат.

Пограничный вопрос является относительно второстепенным в индийско-китайских отношениях, правда, скорее, для Пекина, для которого важным являются лишь районы Аксай Чина, где проходят стратегические коммуникации и Таванга. Для Дели же территориальная проблема является ярким напоминанием об унижительном военном поражении полувековой давности. Пограничный вопрос будет использоваться в политической игре, но не будет представлять самостоятельного параметра. Серьезных территориальных изменений до 2025 г. не произойдет и на других границах Индии.

Внутренние причины.

Определенной проблемой является существование этнического сепаратизма в Индии. Межэтнические и конфессиональные конфликты происходят по следующим причинам:

- а) отсутствие единого государства на территории Индии вплоть до завоевания независимости (на многих территориях, где ранее существовали отдельные государства, часто преувеличиваются мощь районов и процветание населения в прошлом);
- б) существование различных религий (индуизм, ислам, буддизм, джайнизм, сикхизм, христианство, зороастризм и т.д.), которым соответствуют различные ценности и нормы;
- в) наличие более чем 1600 языков, причем относящимся к 4 различным языковым семьям (к индоарийской группе принадлежит 9, а к дравидской группе — т.е. расово отличной — 4 народа с численностью более 10 млн. человек, а есть еще австроазиатская и сино-тибетские семьи, каждая с численностью населения среднего европейского государства) и 4 рас, в условиях, когда в Индии в последнее время существует определенное акцентирование субнациональной идентичности;
- г) возникновение очень существенных различий между построенными по национально-лингвистическому принципу

штатами, что ведет к политическим противоречиям между ними (в штатах существуют различные структуры экономики; несовпадающие доли промышленности, сельского хозяйства и услуг в ВВП; сельского и городского населения, высококачественных и низкокачественных индийцев; разные темпы экономического роста и рождаемости; различные доли бедных и безграмотных и разные тенденции в их снижении;

- д) происходящие этнические перемены (в зоны проживания племен происходит миграция представителей других этносов, которые нередко начинают преобладать в экономической сфере. Более того, речь идет и о внешней миграции: так, из Бангладеш в соседние регионы Индии мигрировало не менее 10-15 млн. человек);
- е) постепенное разрушение традиционной системы распределения властных полномочий (это характерно, прежде всего, для зоны проживания племен. Не случайно, именно в этих районах этно-конфессиональные конфликты часто приобретают особо кровавые формы, а последние возникшие штаты, включая три последних — в 2000 г. — появились в данных зонах).

Вместе с тем следует отметить, что межрегиональный разрыв в Индии значителен лишь при сравнении с развитыми странами. Главное — это то, что самоидентификация в Индии осуществляется на цивилизационной, а не национальной, основе. В ней даже отсутствует четкое название наиболее многочисленного народа — «хиндустанцев» или «людей, говорящих на хинди». На низовом уровне они ассоциируют себя либо со всей цивилизацией, либо с локальными сообществами.

Помимо цивилизационного единства и даже определенного роста паниндийских чувств, реальному развитию регионального сепаратизма препятствуют также заметно усилившееся за годы независимости втягивание всех регионов в общенациональное разделение труда; образование значительного многонационального слоя предпринимателей, ведущего операции по всей стране, а также огромного слоя государственных служащих,

заинтересованных в сохранении единства страны; бескомпромиссное применение силы в случае поддержки сепаратистов внешними силами (как это происходило в штатах Джамму и Кашмир, Пенджаб и Ассам). Таким образом, до 2025 г. сепаратизм в Индии не должен привести к отделению каких-либо территорий от азиатского гиганта.

Индия будет продолжать испытывать определенный дефицит сырьевых ресурсов. До 2025 г. сложно ожидать нахождения новых серьезных запасов природных ископаемых. Добыча углеводородов возрастет незначительно, в первую очередь, за счет добычи на шельфе. Ежегодный рост потребления нефти составит 2,9% в год, а газа — существенно больше — 5,4% (при оптимистическом сценарии рост потребления нефти может составить 3,2-3,4% в год, а газа — 5,5-5,9%). В результате в структуре энергопотребления Индии нефть, занимающая второе место, сохранит свои позиции (30-33%), а доля газа может возрасти до 10-12%, хотя, видимо, главный прирост произойдет за счет возобновляемых источников энергии. Первое место сохранит уголь, хотя его доля в энергопотреблении упадет в пользу газа, атомной энергии и особенно возобновляемых источников энергии.

Позитивные тенденции сохранятся в добыче железной руды, угля, баритов и лигнитов. Резко возрастет добыча бокситов. Правда, потребности индийских металлургических предприятий в металлургическом коксе не смогут быть удовлетворены местными производителями, и Индия будет вынуждена ежегодно импортировать около 15 млн. т коксующегося угля и 3-4 млн. т кокса и до 15-20 млн. т энергетического угля (при оптимистическом сценарии — около 10 млн. т) коксующегося угля, 3 млн. т кокса и 10-15 млн. т энергетического угля).

Лесом покрыто только 20% территории Индии, причем к категории «очень густой лес» относится лишь 1,66% территории. Несмотря на специальные государственные программы, до 2025 г. удастся только приостановить темпы обезлесения. Более удачной ситуация будет в деле сохранения фантастически богатого

мира фауны и флоры: в Индии под угрозой находятся около 2,5 тысяч видов животных (из существующих 91 тысячи) и около 350 растений (из более 45 тысяч растений). В рамках оптимистического сценария до 2025 г. удастся добиться некоторого увеличения территории Индии, покрытой лесом и убрать из «Красной книги» некоторые виды фауны и флоры.

К сожалению, будут обостряться проблемы нехватки водных ресурсов и их загрязнения. Вряд ли к 2025 г. удастся увеличить цифру используемого объема водных ресурсов страны (немногим более 1,1 трлн. куб. м), а, по оценкам, страна будет потреблять к 2025 г. 784-850 млрд. куб. м воды в год. В ряде штатов Индии сохранится кризисная ситуация. Так, вряд ли удастся в самом засушливом штате — Раджастане — поднять цифру потребления воды человеком в год — 562 куб. м воды, а это проходит по категории «абсолютная недостаточность». Ухудшится ситуация в Тамилнаде, в котором уже полностью исчерпаны ресурсы поверхностного стока, которые вдобавок еще загрязнены. Дело в том, что по уровню развития ирригации штат уступает только зоне «зеленой революции» (Пенджаб, Хариана, западная часть Уттар Прадеша), а после окончания муссонного периода не пересыхают только две сравнительно небольшие реки.

При реализации оптимистического сценария за счет создания новых технологий будет увеличена цифра используемого объема водных ресурсов до 1,2-1,25 трлн. куб. м. Благодаря этому произойдет некоторое улучшение ситуации в Раджастане, где удастся поднять цифру потребления воды человеком в год. Обстановка в Тамилнаде сохранится на прежнем уровне, и разногласия между штатами по поводу распределения водных ресурсов не перейдут в открытое столкновение.

За время развития независимой Индии произошел очень быстрый рост населения. В 2016 г. оценочная численность населения Индии составила 1260 млн. человек. При сохранении данных тенденций, в 2025 г. она превысит 1360 млн. человек, а к 2030 г. приблизится к показателям КНР.

Табл. 8.1. Население Индии, в млн. чел., в соответствии с переписями населения

Год	Население	Мужчины	Женщины	% роста населения
1951	361	186	176	13,3
1961	439	226	213	21,5
1971	548	284	264	24,8
1981	683	353	330	24,7
1991	846	439	407	23,9
2001	1029	532	497	21,5
2011	1211	623	588	17,7

Эксперты ООН в прогнозах, сделанных 5 лет назад, полагают, что к 2030 г. Индия уже станет самым крупным государством мира, но падение рождаемости в Индии пока не подтверждает этого. Коэффициент фертильности (среднее число рождений у одной женщины) сократился с 5,2 в 1971 до 2,3 в настоящее время (принято считать, что выше 4 — высокий, ниже 2,15 — низкий), а процент роста населения составил в 2016 г. 1,19 (почти в 2 раза меньше, чем 20 лет назад). По данному показателю Индия занимает среднее место в мире. Однако гигантское количество населения приводит к огромному росту численности в абсолютных цифрах, несмотря на столь упавшие показатели в относительных. Медианный возраст в новом веке в стране возрос на 5 лет — до 27,6 лет (для сравнения: в Китае — 37,1, России — 39,3, в ЕС — 42,3, в Германии и Японии — 47 лет), но Индия по-прежнему является весьма «молодой». 27,7% населения относится к возрастной группе до 14 лет, 18% — к группе 15-24 года, только 13,4% населения старше 55 лет.

Западные специалисты видят преимущества Индии перед Китаем именно в демографических факторах (и политических), учитывая, что в южноазиатской стране медианный возраст будет существенно меньше, чем в КНР, т. е. количество работающих в

Индии будет существенно больше. Однако необходимо учитывать и качественные показатели. Наибольший рост рождаемости в Индии наблюдается у самых отсталых страт: у бывших «неприкасаемых», племен и мусульман, что приводит к тому, что малокавалифицированные рабочие Южной Азии уступают коллегам из других азиатских государств.

Таким образом, абсолютная численность населения Индии будет существенно расти, несмотря на серьезное падение рождаемости, а доля лиц из более отсталых в социально-экономическом и культурном плане слоев будет увеличиваться.

Существуют три сценария экономического развития Индии к 2025 г.: оптимистический, связанный, в первую очередь, с полным отсутствием международных экономических «шоков» и социально-политических катаклизмов внутри страны, средневзвешенный (данные проблемы будут присутствовать, но не будут носить критический характер) и негативный (самое отрицательное развитие ситуации).

Традиционно дестабилизация индийской экономики была связана с экзогенными факторами: «нефтяными шоками» (Индия зависит от импорта энергоносителей), мировыми экономическими катастрофами, природными катаклизмами. Последние не нанесут теперь сокрушительного удара, учитывая продолжающуюся тенденцию к сокращению доли сельского хозяйства в ВВП, если только не произойдет глобального потепления (что маловероятно). Высокие цены на энергоносители и мировые финансовые и экономические потрясения приведут к сокращению темпов роста в Индии, но не к радикальному, учитывая, что Индия сделала упор на внутренние факторы развития.

К негативным факторам экономического развития обычно относят бюрократические препоны, недостаточную либерализацию сельскохозяйственной и торговой сфер, коррупцию, слабо развитую инфраструктуру, бедность и неграмотность значительных масс населения, отсутствие реформирования рынка труда. Если в стране происходят позитивные перемены с точки зрения либерализации экономики, а в новой экономической политике упор был

сделан на росте государственных вложений в инфраструктуру (и сельское хозяйство) в целях стимулирования внутреннего спроса и роста покупательной способности населения, то коррупция продолжает оставаться крупнейшей проблемой. Коррупционные политические скандалы толкают избирателей к негативно-скептическому отношению к партийной системе. Повышение «прозрачности» ИНК как раз и способствовало победе партии на выборах в 2004 и 2009 г., а основным фактором победы БДП в 2014 г. стало новое резкое падение Индекса восприятия коррупции в Индии на тридцать мест за 8 лет. Однако в рамках средневзвешенного сценария данные проблемы не окажут кардинального воздействия на экономическое развитие.

Темпы экономического роста Индии будут связаны также с текущими сбережениями, нормой инвестирования и производительностью капитала. Первые два фактора, с наибольшей вероятностью, не претерпят существенных изменений — останутся на достаточно высоком уровне, уступающем, видимо, только Китаю. Норма накопления в ВВП в последние годы перевалила за 30% (колебания в годы кризиса менее важны, чем уровень), что является сравнимой уже с китайскими показателями. Это обеспечивает растущий объем капитала к огромным ресурсам рабочей силы и, соответственно, рост. Отметим, что норма сбережений не успевает расти столь же высокими темпами, что объективно ведет к росту импорта капитала.

В рамках оптимистического сценария произойдет некоторая дальнейшая либерализация сельскохозяйственной и торговой сфер, немного ослабнет коррупция, Индия поднимется в рейтинге Индекса восприятия коррупции, норма накопления в ВВП превысит 35%, весьма позитивные перемены произойдут в отношении производительности капитала.

Исторически зарубежные капиталовложения в индийскую экономику не играли ключевой роли для республики. На рубеже 1990-х годов прямого иностранного инвестирования в Индию практически не существовало, а на рубеже столетий оно оценивалось в размере 2-3 млрд. долларов в год, что, безусловно, выглядело

не очень впечатляющим для страны. Но теперь Индия считается второй — третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США). Прямые иностранные инвестиции в Индию резко возросли в первой половине десятилетия с 7 млрд. долларов в 2004 г. до 42 млрд. долларов в 2008 г., но вновь упали до 35,6 млрд. долларов в 2009 г. и 20-25 млрд. во втором десятилетии века.

Если Китай в привлечении зарубежных капиталовложений ориентируется на обрабатывающую промышленность, товары которой предназначены на экспорт, то Индия предпочитает закупать технологии для использования в системе импортозамещения. Иностранные компании используют в работе с Индией, прежде всего, лицензирование и контракты на предоставление услуг из-за сохраняющихся ограничений на ПИИ и резкого усиления возможностей местных субподрядчиков. Сохраняются и такие проблемы, как бюрократические препоны, коррупция, недостаточно развитая инфраструктура. При этом можно ожидать позитивного развития событий в отношении производительности капитала.

Прогнозы экономического развития Индии всегда были весьма высокими — еще в конце 1990-х годов специалисты из Гарварда предсказывали, что в 2025 г. ВВП на душу населения в Индии будет равен 24,4% подобного же показателя в США (в 1965 г. эта цифра составляла 6,5%, а в 1995 г. — 7,8%). По их мнению, ежегодный прирост ВВП на душу населения будет составлять до 2025 г. средним 5,5%. А эксперты из компании PricewaterhouseCoopers в 2006 г. поставили Индию на первое место в мире по темпам роста до 2050 г. В 2008 г., правда, данный долгосрочный прогноз был обновлен, оценки потенциала роста индийской экономики (как и китайской) были снижены: эксперты ожидают, что ВВП Индии в 2050 г. составит 88% от ВВП США (ранее полагалось, что они сравняются).

Исследование корпорации Рэнд показало, что средневзвешенный прогноз, сделанный научными работниками, предсказывает ежегодный рост ВВП Индии до 2025 г. в 4,3%, но эксперты, связанные с бизнес-структурами, дают гораздо более высокую цифру:

6,3%. Интересно, что первая категория экспертов более оптимистично смотрит на КНР, а вторая — на Индию. Прогнозы международных институтов предсказывают рост индийской экономики темпом в 6,2%. Если суммировать все три категории (расхождения в оценках академических работников довольно высоки, а для двух других категорий они не превышают 1%), то показатели азиатских гигантов практически совпадают (рост в Индии — 5,6%, в КНР — 5,7%).

Анализ экономической реформы в Индии показывает, что ее основной ход, как и в Китае, в целом характеризуют эволюционность и постепенность, имманентно присущие индийской цивилизации, а также несогласие с монопольным положением развитых стран («Севера») в мировой экономической системе. Страна пыталась сопротивляться тем аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. При этом Индия, конечно, крайне заинтересована в дальнейшем укреплении экономических и технологических связей с США и другими странами Севера.

Политика либерализации, проводимая в республике очень постепенно, привела к существенно большей открытости: снятию многочисленных ограничений на деятельность частного и иностранного капитала в сфере финансов и страхования, совместных предприятий, на открытие иностранных фирм без участия местного капитала, конвертацию рупии. Но значительные барьеры остаются. Развитые страны призывают Индию ускорить либерализацию, усилить приватизацию, уменьшить государственные расходы (при том, что доля государства в экономике Индии намного меньше, чем в США, и в 2-3 раза меньше, чем в европейских странах). США требуют от Республики изменить патентное законодательство, а ЕС — снять барьеры против ввоза некоторых потребительских товаров и разрешить ввоз сельскохозяйственной продукции.

Специальный анализ МВФ показал, что успех в решении трех крупных проблем будет определять развитие индийской экономики. Первая определена как преодоление препятствий для

развития малого и среднего бизнеса для поддержания массового трансферта рабочей силы и аграрного бизнеса в более продуктивные сферы. Вторая — это интеграция в мировую экономику, а третья — развитие финансового сектора, особенно эффективность аллокации капитала и оценку рисков. Однако если первый вопрос действительно оказывает воздействие на Индию, то в отношении двух других существуют значительные сомнения. Республика слабо интегрирована в мировую экономику, может предложить миру только «привлекательность» (огромный открывающийся рынок), а не «соревновательность», и упор сделан на внутренних факторах. В «Докладе о мировой конкурентоспособности» за 2012-2013 г. Индия по развитию финансового рынка заняла 21-е место в мире, после чего ее рейтинг оценивался все ниже и ниже, и в 2016-2017 гг. Индию поставили по данному показателю на 38-е место. При этом два последних года Индия занимала первое место среди крупных стран по темпам роста.

Вероятность реализации средневзвешенного сценария по экономике можно оценить в 65-70%. Тогда ежегодные темпы роста оцениваются в 5,6%, а ВВП по паритету покупательной способности в 2025 г. составит 14,24 трлн. (3,67 трлн. долларов по официальному курсу), а доход на душу населения (по ППС) будет равен 9,7 тысячам долларов (в ценах 2016 г.).

Вероятность реализации оптимистического сценария можно оценить в 20-25%. Тогда ежегодные темпы роста оцениваются в 9%, а ВВП по паритету покупательной способности в 2025 г. составит 18,9 трлн. (4,45 трлн. долларов по официальному курсу), а доход на душу населения (по ППС) будет равен 14,55 тысячам долларов (в ценах 2016 г.).

Наиболее активно в Индии будет развиваться сфера услуг и легкая промышленность. Вместе с тем можно ожидать бурного роста таких отраслей, как сталелитейная промышленность и автомобилестроение. Если будут выполнены планы индийского правительства, то к 2025 г. выпуск стали увеличится в 2-3 раза. Доля промышленности (в условиях более замедленного развития тяжелой промышленности в целом) в потреблении энергии упадет с 72%

до 66% в 2025 г. При этом Индия будет демонстрировать одни из самых высоких в мире темпы роста потребления энергии — 3,4% в год (по сравнению с 2,9% в Китае и в целом в Азии, 0,1% в США и 0,2% в Европе). По мнению экспертов Международного энергетического агентства, Индия, после Китая, будет второй страной, стимулирующей рост мирового спроса до 2025 года; на нее будет приходиться 15% увеличения мировых потребностей в энергии; она станет третьей страной в мире по потреблению энергоресурсов, и в 2025 г. на ее долю придется 5,5% потребляемой мировой энергии; а энергопотребление увеличится в два раза в течение прогнозируемого периода. Можно ожидать существенных позитивных перемен в инфраструктуре: продолжится газификация и электрификация страны. В стране появляются штаты, где электрифицированы все деревни. Если в 2005 г. в Индии 487,2 млн. человек не имело доступа к электроэнергии, то в 2009 г. их было только 404 млн., а к 2025 г. останется менее 300 млн. (в рамках оптимистического сценария — менее 200 млн. человек). В стране особенно рассчитывают при решении данной проблемы на возобновляемые источники энергии, хотя они пока обходятся дороже.

Индия вряд ли сможет перейти на постиндустриальную фазу развития из-за существования огромного массива некавалифицированного неграмотного населения, что затрудняет внедрение новейших технологий внутри страны (крайне низкая стоимость ручного труда в Индии, необходимость обеспечивать работой население и т. д.). В сфере высоких технологий сохранится экспортоориентированный путь.

В Индии будут сокращаться бедность и неграмотность, но процесс будет происходить очень медленно. Проблема связана и с тем обстоятельством, что наивысшая рождаемость в Индии, как отмечалось — именно среди обездоленных. Позитивным фактором является то обстоятельство, что к 2025 г. численность среднего класса очень резко возрастет. Даже «скептический» Глобальный институт Маккинси, утверждавший, что в 2005 г. лишь 50 млн. индийцев относились к нему (Мировой банк называл цифру в 264 млн. человек.), полагает, что к 2025 г. он превысит 500 млн. человек

(с ежегодным доходом от 5 до 25 тысяч долларов), что составит более трети всего населения (в рамках оптимистического сценария — 550-600 млн.).

Новой возникающей проблемой является возможность политического и социального кризиса. Серьезнейшим является вопрос о кастовой системе. Ее существование в течение тысячелетий привело к совпадению социального и экономического статуса (система была, конечно, достаточно гибкой: случалось как возвышение каст, так и их «падение»). Кастовая дискриминация была отменена законом полвека назад, но кастовая система сохраняется, хотя многие эксперты полагают, что происходит ее размывание. Процесс глобализации и индийская политика либерализации могут только способствовать развитию данной тенденции. С точки зрения чисто гуманистических взглядов, кастовую систему можно называть «пережитком далекого прошлого» и тормозом на пути демократического развития. Но с практической точки зрения, она по-прежнему играет важнейшую роль, железным обручем стягивая самое гетерогенное в мире общество и играя важнейшую роль в плане смягчения социальной напряженности.

Кастовая замкнутость и эндогамия в течение тысячелетий способствовала тому, что, как правило, за человеком из варны брахманов стоят сотни поколений предков, занимавшихся интеллектуальным трудом. В результате Индия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом на верхнем этаже и высококвалифицированными специалистами мирового уровня. Одновременно у представителя зарегистрированных каст (как стали называть бывших «неприкасаемых») за несколько тысячелетий не было ни одного предка, который бы имел какое-либо образование и профессионально занимался умственной деятельностью. Более того, характер их физического труда, орудия и предметы труда были однотипны и примитивны. Именно поэтому Индия заметно проигрывает многим азиатским странам по качеству массовой квалифицированной рабочей силы.

Все попытки улучшения политического, социального и экономического положения нижних страт (и реальные достижения

на этом пути), разрывы в социально-экономическом развитии — между различными кастами, городом и деревней, различными регионами — имеют ограниченный успех. Разрывы снижаются, но будут снижаться очень медленно.

Политика индийских правительств в рамках борьбы с кастовой дискриминацией после завоевания независимости была направлена на улучшение положения обездоленных в политической и социально-экономической сферах. Так, существует система резервирования мест для бывших неприкасаемых и низкокастовых в учебных заведениях, на государственной службе и в выборных органах; для бедных по-прежнему существуют талоны на товары первой необходимости по символическим ценам; государство самым активным образом развивает мелкий бизнес, способствует созданию новых рабочих мест; за полвека уровень жизни индийских низов вырос очень сильно и т.д. Все это вело к постепенной интеграции низов общества в политическую и социальную жизнь. Весьма активны и общественные организации, защищающие права низов общества: во многом именно их позиция не позволяет элите страны свернуть с избранного курса на обеспечение более достойного существования низших страт. У бывших неприкасаемых существует собственная партия — «Бахуджан самадж парти» (Партия большинства народа), которая на всеобщих выборах в мае 2009 г. получила 6,2% голосов и 21 место в центральном парламенте (в 2004 г. у партии было 19 мандатов), что стало четвертым результатом. Правда, на выборах 2014 г. БСП не завоевала ни одного места, хотя по числу полученных голосов она заняла третье место — после БДП и ИНК.

Размывание кастовой системы, бесспорно, позитивно с гуманистической точки зрения, но достаточно рискованно — с социально-политической стабильности. Активность масс обездоленных может привести к социальному взрыву. Следует учитывать, что на положении населения отрицательно сказываются высокие темпы инфляции и значительный уровень безработицы.

Существование кастовой системы в течение тысячелетий привело к совпадению социального и экономического статуса,

а бедные в своей подавляющей массе происходят из традиционно бедных страт общества. Для страны по-прежнему необыкновенно острым является вопрос бедности. В конце 1990-х годов (как и в предшествовавший период) в зоне бедности (вернее, нищеты) находилось 36% населения, хотя суммарное личное потребление росло в 1980-90-х годах на 2,6% в год. В стране существует национальная программа ликвидации нищеты, ставилась задача довести долю бедных к 2012 г. до 5%, однако, она не реализована. В 2001 г. индийское правительство объявило, что доля бедных снизилась до 27%, однако индийские экономисты полагают, что речь идет о простом изменении методики подсчета бедных. В 2005 г., по национальной методологии, число бедных оценивалось в 27,5% (в городе — 26%, на селе — 28%). До 2005 г. индийское правительство в своих расчетах опиралось на потребление калорий населением, а после этого официальной методологией стала концепция «минимальной продовольственной корзины» и «прожиточного минимума». В результате оценки бедности первоначально возросли — до 37,2% в 2004/2005 фин.г., но уже в 2011/2012 фин.г. правительство давало цифру 21,92%, при этом прожиточный минимум оценивался в 27 рупий в день в сельской местности (примерно 0,5 ам. доллара) и 33 рупии в городской. Если бы сохранилась методология, принятая в 1979 г. (суточная норма потребления калорий для сельского жителя — 2400 калорий, а для городского — 2100), то прожиточный уровень в городе составил бы 60 рупий в городе и 36 рупий в сельской местности.

При применении международной методологии ситуация, естественно, выглядит хуже: в 2005/2006 фин.г. на сумму менее 1,25 долларов в день жили 41,6% индийцев, на сумму менее 2 долларов — 75,6%, а по Индексу многомерной бедности в этой группе оказалось 51,1% индийцев.

Показатели развития республики в трудовой сфере также весьма низки. В 2008 г., по национальной методологии, не учитывающей временно и частично занятых, норма безработных составляла 6,8%, в 2009 г. — 9,4% и в 2013 г. — 4,9%. При этом следует

учесть, что в 2009/2010 фин.г. 84,9% занятых приходились на неформальный сектор.

По социальным показателям ситуация оставалась тяжелой в начале 21 века: 71% населения жили в антисанитарных условиях, 25% не имело доступа к медицинскому обслуживанию. Если неравенство (по коэффициенту Джини) ранее снижалось, то в последние 20 лет оно росло, особенно в городах, и к 2005 г. вернулось на уровень начала 1980-х годов. С 1993 г. по 2010 г. доля потребления беднейших 20% сельского населения даже снизилась с 9,6% до 9,5%, а городского — с 8% до 7%. При этом официальные цифры по индексу Джини по Индии даются по потреблению на душу населения, а, если рассчитывать показатель по доходу, то Индия оказывается в категории стран с наименьшим равенством. Именно для бедных характерны наиболее негативные показатели по всему социальному комплексу.

Следует отметить, что правительство Индии почти сразу после получения независимости принимало специальные программы, направленные на снижение бедности и повышение занятости. В новом веке государственные расходы на социальную сферу возросли более, чем в 4 раза. Были запущены крупномасштабные программы, такие как Программа обеспечения занятости в сельской местности, Программа обеспечения всеобщей занятости в сельской местности, Национальная программа гарантированного обеспечения занятости в сельской местности им. Махатмы Ганди. Именно последней была отведена роль реализации положений предвыборного манифеста победившего на всеобщих выборах 2009 г. Индийского национального конгресса, в котором было объявлено об обеспечении более полной занятости (сельскохозяйственным рабочим была обещана зарплата не менее 100 рупий в день и занятость не менее 100 дней), а лицам, находящимся за чертой бедности, было обещано по 25 кг риса или пшеницы в месяц (по цене 3 рупии за кг). Эта политика, бесспорно, будет продолжаться. Лидеры Бхаратия джаната парти, пришедшие к власти в 2014 г., также пообещали развивать эти программы, которые дали определенные результаты, хотя и меньшие, чем рассчитывал Дели.

В целом социальный протест в Индии носит крупномасштабный, но преимущественно мирный характер. Акции, как правило, носят конкретный характер и направлены против определенного негативного явления. Недовольство социально-экономическим и политическим положением выступает пока только косвенным параметром, способствующим усилению протестных выступлений. В целом в стране происходит рост удовлетворения политической системой, что естественно, и не растет число людей, недовольных своим социально-экономическим положением, что связано, прежде всего, с культурно-психологическими факторами.

Вместе с тем в будущем возможен рост напряженности в Индии. Следует выделить два основных параметра. Проходящий процесс ускоренной информационной глобализации оказывает все большее воздействие на обездоленную часть общества, что при определенных условиях, прежде всего, в случае растворения традиционных цивилизационных ценностей, может в будущем вызвать резкий взрыв недовольства.

Таким образом, специфика Индии заключается в том, что общество в целом удовлетворено политической системой и экономическим положением. При этом митинги протеста против конкретных событий и явлений в стране собирают сотни тысяч людей, будь то коррупционные скандалы или насилие в отношении женщин. Однако культурно-цивилизационные факторы способствуют тому, что акции носят почти исключительно мирный характер. Еще одной отличительной чертой Индии является стремление организаторов протеста отказываться от поддержки крупных партий из-за убежденности в том, что те будут пытаться не столько решить проблему, сколько укрепить свою социальную базу.

Существуют различные категории социального протеста в Индии, из которых в настоящий момент наиболее заметны крестьянские движения, движения зарегистрированных каст, антикоррупционные движения и движения за сохранение окружающей среды. Социальный протест до сих пор не вел к серьезной политической нестабильности, однако при определенном развитии

ситуации это возможно, как и отказ от преимущественно мирных методов. В этом плане наибольшие опасения вызывают выступления далитов, особенно в случае дальнейшего размывания кастовой системы.

Как отмечалось, для Индийской цивилизации свойственны элитарность и срединный путь — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов (признание приоритета личных интересов), что свойственно и Российской цивилизации. В индийской истории было меньше социальных конфликтов по сравнению с другими социумами, что связано, в первую очередь, с индуизмом. Такие основополагающие понятия, как карма (общая сумма совершенных индивидом поступков в предыдущих рождениях и воздаяние за них в настоящем и будущем) и дхарма (долг человека, его статус, права и обязанности), определяют, что индивид не может возлагать ответственность за свои невзгоды на общество или конкретных людей, а должен винить лишь себя за несоблюдение норм в этой ли жизни или в предыдущих. Особое значение для Индии всегда играл и принцип ахимсы (непричинение зла), впервые упомянутый еще в одной из ранних, «главных» упанишад — Чхандогья-упанишаде. Он предполагает не только запрет на убийства, но и отвергает причинение какого-либо вреда действием или словом. Ахимса является первым предписанием для джайнов (которые распространяют его действие и на растения) и буддистов. Данный принцип лежал и в основе мировоззрения Махатмы Ганди. С этими общими нормами связано то обстоятельство, что индийское национально-освободительное движение в основном своем потоке базировалось на принципах ненасилия. А ведь именно это движение самым активным образом воздействовало на политические традиции, ориентации, массовое сознание и культуру индийского общества. Большую роль играет и то, что индийской цивилизации присуща эволюционность развития.

Национальное согласие для современного индийца органически связано с гандистским пониманием отношений целей и средств борьбы. Современная индийская политическая традиция

опирается на необходимость «социальной самодисциплины» для всех граждан общества. Согласно гандистской традиции, политических и социальных целей можно добиваться исключительно ненасильственными методами, а свобода и ответственность — основные и взаимодополняющие принципы демократии. Национальное согласие в Индии — не только свод правил политического общения, но и неотъемлемая часть национальной традиции и культуры. Подобная ситуация предполагает, что в рамках средневзвешенного сценария в ближайшее время не следует ожидать серьезных потрясений.

Важнейшей отличительной цивилизационной характеристикой является положение религии в обществе. В Индии религия (индуизм — даже гораздо более широкое понятие, чем просто религия) всегда играла основополагающую роль (а вот роль церкви в Индии всегда была менее существенной, чем в христианском мире, учитывая, что в Индии никогда не было такой иерархизированной и строгой церковной структуры). Интересно, что в подавляющем большинстве индийские северяне сейчас поддерживают в Шри-Ланке тамилы (индуистов), выходцев с дравидского юга Индии (т. е. расово отличных), а не сингалов (буддистов), выходцев с «арийского» севера. В этом плане представляется, что наибольшую угрозу единству Индии представляют религиозные меньшинства, и прежде всего, мусульмане (145 млн. человек в 2017 г.). Статистические данные регистрируют, что индекс человеческого развития у мусульман продолжает понижаться по сравнению с индуистами. Правда, это во многом связано не столько с целенаправленной деятельностью правительства, сколько с тем обстоятельством, что мусульмане (как и христиане) представляют, как правило, низы общества, поскольку на территории Индии именно эти группы населения меняли религию в целях освобождения от кастовой системы, обрекающей их на приниженное положение, а в современной Индии они не имеют тех льгот, которые предоставляются «зарегистрированным кастам и племенам», поскольку они не попадают в данную категорию.

Мусульманская община Индии во многом вытолкнута из института национального согласия (консенсуса) и в отношении нее крайне слабо реализуются основные принципы политического компромисса. Есть сомнения в полной включенности в политическую элиту страны даже мусульманских верхов. В Индии не проводят специальные исследования положения отдельных профессиональных групп, однако можно предположить, что мусульманская община все больше отстает в политическом, социальном и культурном плане от индусской. Положение осложняется внешней поддержкой индийских исламистских экстремистов, прежде всего, со стороны Пакистана. При этом в Индии растет численность мусульман и в абсолютных, и в относительных цифрах. Так, в 1951 г. лишь 9,9% индийцев были мусульманами, в 1991 г. — уже 12,12%, а в 2017 г. — уже около 14,2% населения. Однако в стране практически не имеется компактного расселения мусульман (за исключением Кашмира, где, кстати, тоже растет доля мусульман: в 1947 г. 57% населения штата было мусульманами, в 1981 г. — 64%, и, помимо дискриминационной политики мусульман, на что постоянно жалуются индуисты и буддисты, главным фактором процентного увеличения численности мусульман была более высокая рождаемость у представителей этой религии), поэтому индо-мусульманские противоречия до 2025 г. будут, как и прежде, решаться на уровне локальных конфликтов и погромов. Глобальное же противостояние возможно лишь в случае массивной поддержки мусульман со стороны какого-то крупного блока исламских государств, что маловероятно в обозримом будущем.

Надо также отметить возможный рост политического индуизма в стране, что способно вызвать стремление к единообразию, а именно плюрализм является основой индийской цивилизации. Его подрыв, как минимум, может повлечь за собой серьезные политические последствия, а худший сценарий означает начало распада государства. Однако, это маловероятно, учитывая существование в стране национального межпартийного консенсуса в отношении основных внутривнутриполитических и внешнеполитических

вопросов. В рамках оптимистического сценария, в ближайшее время, правящая Бхаратия джаната парти ограничится пропагандой принципов «хиндутвы» в образовательной сфере.

В Индии наличествует широкий слой высококвалифицированных специалистов, что самым благоприятным образом сказывается на культурной динамике и научно-технической автономности азиатского гиганта. В техническом плане республика показала способность осваивать импортные высокие технологии и создавать свои. Более того, она продемонстрировала способности самостоятельно развивать научные исследования: автономное создание атомного оружия — наглядный тому пример. Развитие науки в Индии началось после завоевания независимости. Первый премьер-министр страны Джавахарлал Неру был твердо убежден, что именно наука может позволить Индии решить колоссальные социально-экономические проблемы. Уже в 1973 г. Индия, с точки зрения научной продуктивности, вышла на восьмое место, уступая США, Великобритании, СССР, ФРГ, Франции, Японии и Канаде, а ее вклад в науку был такой же, как у всего остального развивающегося мира.

После прихода к власти внука Джавахарлала Неру Раджива Ганди в 1984 г. в научно-технологической сфере упор был перенесен с науки на технологию. В результате Индия добилась значительных успехов в развитии высокотехнологических сфер, но ее место в мировой науке понизилось, и страна оказалась на тринадцатом месте. Подобное положение характерно не для всех научных дисциплин. Так, Индия продолжает занимать восьмое место в сфере развития физики. Следует также отметить, что индийская наука не всегда востребована. Так, по средней цитируемости работ страна занимала в 2006 г. лишь 119-е место. Если в 1980-м году поток индийских публикаций в ведущих рецензируемых журналах составил 15 тысяч, то в 2000-м он упал до 12 тысяч. За последнее время, правда, произошел резкий рост числа научных публикаций: более 40 тысяч (для сравнения: в России — менее 30 тысяч).

В Индии сейчас аспирантура не пользуется популярностью (только 1% выпускников идут сюда), потому что для работы в

промышленности и НИОКР достаточно звания бакалавра, а зарплата выше, чем в государственных научных и исследовательских центрах, куда берут после защиты диссертаций, по меньшей мере, магистерских. При этом отток в инженерно-технологическую сферу наблюдается и у докторов наук, опять-таки по финансовым соображениям. Очень многие индийцы уезжают за рубеж для обучения в аспирантуре или после окончания ее в Индии. Как негатив в стране воспринимают то обстоятельство, что диссертаций в Индии защищают значительно меньше, чем в развитых странах, и очень низка доля людей, успешно закончивших аспирантуру, причем она продолжает уменьшаться. Слабостью признается и низкий профессиональный уровень ученых: по индийским данным, половина научных работников недостаточно квалифицирована. Отмечается и невысокий имидж чистой науки: 25% академических ставок не занято.

Конкурентным преимуществом Индии является развитие высоких технологий. Особо следует выделить колоссальный скачок, который осуществила Индия в сфере информационных технологий. Если в 1995 г. экспорт программного обеспечения составил 480 млн. долларов, то в 2016 г. — 108 млрд. По этому показателю Индия занимает второе место в мире после США. Главную роль играет оффшорное программирование, т.е. исполнение заказов, переданных из-за рубежа. Почти половина мирового рынка бизнес-аутсорсинга и около двух третей рынка ИТ-аутсорсинга пришлось на долю Индии. Республика поставляет программное обеспечение в 100 стран, правда, на долю США и Великобритании приходится две трети всего индийского экспорта. Если сравнивать политику индийского государства в сфере информационных технологий с ее общим курсом в экономической области, то заметна приоритетность, которая придается высокотехнологической сфере.

Особую роль играют связи с индийской диаспорой в США и Великобритании. Так, уже к началу века в Силиконовой долине работало не менее 30 тысяч специалистов индийского происхождения. При этом число руководителей и владельцев, индийцев по

происхождению, растет. В этом основном мировом центре информационных технологий 30% инженеров, занятых программным обеспечением, — выходцы из Индии. Именно бывшие индийцы способствовали очень быстрому прогрессу информационных технологий в южноазиатской стране. Сходные процессы (чрезвычайно быстрое развитие, всестороннее расширение контактов индийской науки с международным сообществом и особая роль индийского государства) происходят и в сфере биотехнологий. Правда, в Соединенных Штатах все настойчивее требуют сократить связи с Индией по информационным технологиям, заявляя, что индийцы лишают работы многих американцев. Если Вашингтон реализует подобные предложения это нанесет серьезный удар по азиатскому гиганту, особенно в сфере аутсорсинга.

В сфере образования наглядно проявляется цивилизационная парадигма Индии: в целом господствует элитаризм — в отличие от эгалитаризма Китая. Грамотных в Индии, по данным переписи 2011 г., насчитывалось 74,04% (20 лет назад эта цифра составляла 57%), в то время как в Китае неграмотно менее 6% (20 лет назад — 15%). Совокупный охват населения начальным, средним и высшим образованием составляет в Индии только 61%. Эта цифра выше показателей, например, Пакистана (39,3%), но существенно ниже, чем в Китае, не говоря уже о развитых странах. Подобное положение ухудшает глобальную ситуацию, учитывая, что на рубеже веков на Индию приходилось 30% детей, которые рождались во всем мире.

Возникает проблема функциональной безграмотности: треть детей бросают еще начальную школу. 65 млн. индийцев в возрасте 6-14 лет (по мнению некоторых экспертов, 75 млн.) находятся вне школы. При этом в 2011 г. средняя продолжительность обучения в Индии составила 4,4 года, а в КНР — 7,5 лет. На мировых форумах Индию критикуют за гендерную ситуацию в сфере образования. Грамотно лишь 47,8% женщин, и количество девочек и девушек, получающих образование, меньше, чем у мальчиков и юношей. В 2005 г. в начальном образовании это соотношение составляло 94%, среднего образования — 80% и высшего — 70%.

В «зоне безграмотности» в Индии оказались, кроме женщин, низкокастовые, жители сельской местности и северных штатов (Уттар-Прадеш, Бихар, Мадхья-Прадеш, Орисса и Раджастхан). Уровень грамотности низкокастовых мужчин — 46%, а женщин — 19% (среди отсталых племен — соответственно 41% и 18%). Лучшая картина наблюдается в Махараштре, центре деловой активности Индии: здесь 72% детей ходило в школу (55% девочек, живущих в сельской местности). И хорошая картина — в Керале, где коммунисты, длительное время находившиеся у власти, традиционно придавали особое значение образованию: 90% детей пребывали в школе. Следует, правда, отметить, что по закону 2009 г. обучение с 6 до 14 лет становится в Индии обязательным. Но сами школы в Индии (особенно в сельской местности в северных штатах) нередко представляют собой удручающую картину.

В республике тратят на образование недостаточно средств. Государственные расходы на душу населения, конечно, росли с 50-х годов до начала 90-х годов ежегодно в среднем на 1,9% на одного ученика, но этого явно недостаточно. В относительных величинах Индия не сильно отличается от других развивающихся стран: в 1980 г. расходы на образование составляли лишь 2,8% ВВП, в 1990-е годы — 3,2-3,7%, а в 2000-2007 гг. — 3,2%. Доля расходов на образование в государственном бюджете даже имела тенденцию к сокращению — с 12,2% в 1991 г. до 10,7% в 2002-2005 гг.

В рамках оптимистического сценария доля грамотных в Индии составит 85%, правда, число функционально неграмотных, в том числе и среди детей и молодежи, серьезно сократить не удастся. Совокупный охват населения начальным, средним и высшим образованием приблизится к цифре 70%. При реализации средневзвешенного сценария цифры будут чуть ниже. В любом случае вырастут затраты на одного школьника и одного студента.

Ситуация начинает меняться в сфере высшего образования. Высшим образованием сейчас охвачено 12% индийской молодежи, и правительство ставит задачу довести эту цифру до 30% к 2025 г. Однако и Китай в последнее время совершил качественный скачок по развитию высшего образования и начал даже перегонять

Индию. Нельзя, правда, не отметить, что по оценкам экспертов, хотя в Китае получение высшего образования стало носить массовый характер, уровень образования в КНР значительно уступает западному (и индийскому).

По данным Департамента среднего и высшего образования Министерства образования Индии, в 2007 г. в Индии было уже 259 университетов. В них и в колледжах учились 9,95 миллионов студентов и преподавали более 450 тыс. человек. В 2015 г. в Индии насчитывалось уже 544 университета — 261 университет штатов, 73 частных университетов штатов, 42 центральных университета, 33 образовательных учреждения общегосударственного значения, 5 вузов, учрежденных законодательными властями штатов, 130 институтов, которые считаются университетами. Количество колледжей равнялось 31324 (3432 — женских). В элитные заведения допуск ограничен — в 15 технологических институтов (Indian Institutes of Technology), занимающих особое положение в системе технических вузов и где акцент сделан на информационных технологиях, ежегодно пытаются поступить 300 тысяч человек, но из них принимают только 2% (для сравнения в Гарвардский университет зачисляют 7% абитуриентов). В 2016 г., в соответствии с Мировым университетским рейтингом QS, который признан самым достоверным, в список 500 лучших университетов вошли 8 вузов из Индии.

За год в Индии выпускают около 500 тысяч молодых инженеров. Качество высшего образования в стране выше, чем в КНР. Так, опросы крупнейших ТНК показали, что они согласны принять на работу одного из четырех выпускников индийских инженерных вузов и лишь одного из 10 китайских.

Но существуют очень острые проблемы в отношении доступа к высшему образованию: выходцы из 20% самого богатого населения имеют в 14 раз больше шансов получить его по сравнению с представителями наиболее бедных 20%. Достаточно невысок и показатель эффективности рынка труда, что связано с тем, что под ним понимаются не только затраты на единицу труда, но и многие другие показатели, включая гендерные (само индийское

правительство и не скрывает наличие социально-экономической дискриминации женщин — они составляли лишь 18,6% лиц с полной занятостью и регулярной зарплатой в несельскохозяйственном секторе).

Уступая очень многим странам по доли расходов на образование в государственном бюджете, Индия находится среди лидеров по расходам на высшую школу. В некоторые годы на высшее образование в бюджете были заложены расходы на одну треть больше, чем в предыдущем году. В настоящий момент в Индии ежегодно на одного студента тратят лишь 2728 долларов. Вместе с тем азиатский гигант, наряду с Вьетнамом и Малайзией, является мировым лидером по расходам на одного студента при сопоставлении с душевым доходом. К 2020 г. для реализации потребностей страны правительство планирует открыть дополнительно 800-900 университетов и 40-45 тысяч колледжей. Появятся и новые частные университеты: так, бизнесмен А.Агарвал заявил, что потратит 75% своего состояния (3,5 млрд. долларов) на благотворительность, включая создание первоклассного огромного университета в штате Орисса.

До 2025 г. серьезных перемен в сфере науки и образования не произойдет. Индия будет продолжать уступать Западу в фундаментальной науке, будут развиваться высокие технологии, хотя и медленнее, чем ранее, и высшая школа. В базовом образовании статистика будет демонстрировать улучшение ситуации, особенно в сфере грамотности, но качественных изменений в начальной и средней школе не произойдет.

В рамках оптимистического сценария планы индийского правительства в сфере высшего образования будут реализованы, в список 500 лучших университетов войдут 12-15 вузов из Индии, а за год в Индии будут выпускать около 600 тысяч молодых инженеров.

Индия занимает 2-е место в мире по количеству военнослужащих на действующей службе (более 1,3 млн.). Военный бюджет в 2013 г. составил 47,4 млрд. долларов по рыночному обменному курсу (9-е место в мире по расходам), хотя следует, конечно,

учитывать, что расходы по покупательной способности были гораздо выше — 134 млрд. долларов (3-е место). В 2015 г. военный бюджет превысил 51 млрд. долларов (5-е место в мире по расходам, хотя следует, конечно, учитывать, что расходы оценивались по официальному обменному курсу, а по покупательной способности они будут существенно выше). Правда, их доля в ВВП страны сократилась за десятилетие — с 2,8% до 2,3%.

На вооружении Индии находится около 3,5 тыс. танков, включая Т-90С (первый контракт на 310 танков был произведен в 2001 г.; в 2006 г. Индия докупила в России еще 330 танков, а в 2007-м дополнила контракт еще тысячей машин; к 2017 г. у нее уже было около 1000, а к 2020 г. — будет не менее 2000 танков) и около 2400 устаревающих советских Т-72М1¹¹⁵, 3200 артиллерийских систем, около 1500 боевых самолетов (включая более 270 тяжелых истребителей Су-30МКИ и различные модификации МиГов).

Уже к началу века индийский ВМФ (56 тыс. моряков) считался по мощи шестым в мире. В его составе было 169 боевых кораблей, включая 1 авианосец (в 2012 г. Индия получила модернизированный «Адмирал Горшков» от России, а в 2017 г. планируется провести первые испытания своего авианосца, в строительстве которого участвует и Россия), 11 эсминцев (еще три сооружаются в республике), 14 фрегатов (шесть фрегатов поставлены Россией), 2 атомные подводные лодки (в 2016 г. вступила в строй первая индийская атомная подводная лодка, одна российская находится в аренде), 13 дизельных подводных лодок (9 — еще советского производства; еще 6 будут поставлены Францией к 2020 г.), 14 корветов (большое количество находится в процессе сооружения в Индии), а также другие корабли. Часть техники устарела, но в Индии осуществляется крупномасштабная и амбициозная программа модернизации, в т.ч. с помощью импорта вооружения. В новом столетии Индия

---

¹¹⁵ В начале 2000 гг. индийцы создали свой собственный танк «Арджуна», конструктивно выполненный в традициях западной школы танкостроения. Однако результаты испытаний «Арджуна» не удовлетворили военных, и индийская сторона приняла решение ограничить его производство первоначальным заказом на 124 машины, многие из которых уже не функционируют.

стала абсолютным лидером по пакету заказов на импорт продукции военного назначения.

Индия стала ядерной державой еще в мае 1974 г. Потенциально на конец тысячелетия Индия могла произвести более 450 атомных бомб. К 2005 году Индия, по различным оценкам экспертов, имела от 30 до 100 ядерных боезарядов, а в 2015 г. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI) оценил их количество в 90-110. Индия использует преимущественно плутоний для ядерного оружия. При этом в последнее время страна стала наращивать мощности по производству высокообогащенного урана. Дели заявил о необходимости наличия всей триады доставки ядерного оружия — воздушной, сухопутной и морской. Основным самолетом для нанесения ядерного удара считается французский Mirage 2000H, но называются также Jaguar IS и Су-30МКИ.

Активно развивается ракетная программа Индии, и военная, и гражданская. Уже к середине 1997 г. на вооружение индийской армии поступило 60 баллистических ракет малой дальности «земля-земля» «Притхви» (модели — на 150 км и 250 км), которые могут нести ядерное оружие и хранятся вдоль границ с Пакистаном, а для их развертывания потребуется лишь несколько часов. В настоящий момент развернуто около 50 пусковых установок «Притхви-II».

В стране осуществляется и программа по созданию ракет средней дальности «Агни». Существуют различные типы: «Агни-I» имеет дальность полета в 700-1200 км (боеголовка весом в 2 т), а «Агни-II» — 2-3,5 тыс. км (1 т). «Агни-I» принята на вооружение в 2007 г. (существует 20 пусковых установок ракет). «Агни-II» принята на вооружение в 2010 г. (существует 10 пусковых установок ракет). Твердотопливная ракета «Агни-III» (Индия под давлением США приостановила их испытания в 1994 г., но в 1997 г. началась новая фаза программы), с дальностью полета более 3200 км и несущая боеголовку весом в 1,5 т, поступила на вооружение индийских вооруженных сил. Вариант «Агни-II» — «Агни-IV», с дальностью полета более 3,5 тыс. км и боеголовкой в 1 т, находится в стадии

разработки, но в 2014 г. было объявлено о ее скором поступлении на вооружение. В апреле 2012 г. было проведено первое испытание трехступенчатой, 17,5-метровой «Агни-V» (с дальностью полета более 5000 км, боевой загрузкой в 1 тонну). По некоторым данным (что, однако, не подтверждают официальные индийские представители), Дели также намеревается создать межконтинентальную баллистическую ракету «Сурья» с дальностью полета от 8 до 12 тыс. км.

Из баллистических ракет морского базирования в процессе принятия на вооружение находится ракета «Дхануш» (дальность полета — 400 км, боеголовка весом в 0,5 т). Продолжается разработка ракет К-15 (дальность полета — 700 км, боеголовка весом около 0,5 тонн) и К-4 (около 3000 км).

За последнее десятилетие были заметны три тенденции: существенный рост расходов на вооружение и инфраструктуру; четырехкратное увеличение доли расходов на военные НИОКР; упор на развитие ВВС. Военный бюджет к 2025 г. будет составлять 65-75 млрд. долларов. Доля расходов на военные НИОКР продолжит резко возрастать. Увеличится число самого современного вооружения, особый прогресс будет достигнут в деле модернизации ВМС. Количество ядерных боезарядов возрастет незначительно, возможно появление урановых бомб. На вооружение армии поступят «Агни-IV» и «Агни-V». Произойдет крупномасштабная модернизация тактических ядерных зарядов. Индия приступит к созданию межконтинентальной баллистической ракеты «Сурья» с дальностью полета до 12 тыс. км.

Российско-индийское военно-техническое сотрудничество является краеугольным камнем российско-индийских отношений, и его значение для обеих стран чрезвычайно велико. В XXI веке РФ удалось удержать ряд самых крупных сегментов ВТС и гарантировать господствующее положение в них на несколько ближайших десятилетий. Речь идет о тех видах военной техники, которые составляют основу того или иного вида вооруженных сил, а потому производятся наиболее массово — танки в сухопутных войсках, истребители в военно-воздушных силах, фрегаты

(противолодочные корабли) в военно-морских силах. В ряде сфер партнерство двух стран является уникальным, по крайней мере, для Индии. Это касается развития авианесущего и атомного подводного флотов, а с недавних пор и ПРО (ведь зенитно-ракетные системы С-400, которые Россия скоро начнет поставлять Индии, в силу своей многофункциональности и высоких характеристик являются системами не только противовоздушной, но и противоракетной обороны).

Россия, по сравнению с другими партнерами Индии по ВТС, максимально далеко отошла от системы «покупатель-продавец» и вышла на новый уровень сотрудничества. Москва понимает стремление Дели создать свой национальный ВПК, а потому предоставляет свои технологии и специалистов для освоения лицензионного производства российской техники, а также разворачивает совместные предприятия, некоторые из которых становятся более чем успешными. В пользу отечественного производителя играет и фактор традиций и преемственности. На конец XX столетия индийская армия была практически полностью укомплектована советской военной техникой, а, следовательно, вся инфраструктура, связанная с ее эксплуатацией, техническим обслуживанием и подготовкой специалистов, создавалась именно под эти образцы. Поскольку большая часть современного российского вооружения является дальнейшим развитием советских платформ, Индия также может лишь немного модернизировать свою инфраструктуру, обходясь без радикальных изменений, которые необходимы в случае внедрения западной техники.

Самым важным является то, что ВТС именно с Индией в наибольшей степени стимулировало инновационные процессы. Так, даже в середине провальных для РФ 1990-х годов для Индии были разработаны Су-30 МКИ, а сейчас подготовленный для Индии истребитель МиГ-29К станет основным вооружением российского тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов». Это касается и других типов вооружения: кораблей, ракет и пр. Долгосрочность и масштабность индийских контрактов дает также российскому ВПК возможность выстраивать стратегию развития,

в т.ч. и корпоративную. Существует также колоссальная комплиментарность российских и индийских военно-политических интересов, что создает совершенно особый фон сотрудничества

Соглашение о совместной разработке и производстве истребителя пятого поколения Т-50 было подписано в 2007 г., а в декабре 2010 г. компания «Сухой» и «Хиндустан Аэронаутикс Лимитед» подписали контракт на разработку эскизно-технического проекта самолета. Фаза предварительного проектирования по ним была завершена в 2013 г. Сейчас начались детальный дизайн и разработка прототипов, после чего начнется серийное производство. В 2013 г. обсуждались вопросы разработки не только данного самолета (министерство обороны Индии хочет приобрести 166 одноместных машин), но и многоцелевого транспортного самолета как основных проектов российско-индийского ВТС.

Очень успешной следует признать программу создания совместной многофункциональной сверхзвуковой крылатой ракеты «БраМос» (в 2006 г. корабельная версия была принята на вооружение ВМС Индии, с 2007 г. ею стали оснащать Сухопутные силы страны, а в 2012 г. она была принята на вооружение ВВС Индии). К уже существующим позитивным примерам в 2014 г. добавилось создание на территории азиатской страны предприятий по сборке вертолетов МИ-17 и Ка-226Т (не менее 400 машин ежегодно).

При этом существуют и негативные факторы. На долю России в 2003-2010 гг. пришлось 59,1% закупок Индии в военной сфере, а в 2012-2015 гг. — лишь 37%. Это связано, прежде всего, с проводимой Индией политикой диверсификации. Дели учитывала зависимость от поставок российского вооружения: в 1990-х годах, например, на долю России пришлось 70-75% закупок Индии в данной сфере. Другой причиной является неспособность РФ конкурировать с другими странами по всему спектру закупаемого оружия, а Индия увеличивает количество областей ВТС. Повлияло и согласие наших основных конкурентов поставлять Индии лицензии на военное производство и самое совершенное вооружение (от чего ранее они часто отказывались). А Индия сейчас стремится получить наиболее боеспособные системы, когда вопросы оплаты

отходят на второй план. Сказались и определенные ошибки российского ВПК. Так, Россия в последнее время проиграла тендеры на поставку многофункциональных истребителей и ударных вертолетов (где была полностью конкурентоспособна).

Помимо отмечавшейся диверсификации, отрицательным представляется то обстоятельство, что двум странам не удалось более динамично продолжить изменение модели ВТС с «торгово-посреднической» на кооперационную. Тут возможно, сказались чрезмерно завышенные требования Индии по передаче самых передовых технологий, которые Россия не поставляет никому. Поэтому не удастся реализовать схему по созданию унифицированной гусеничной тяжелой платформы «Армата» четвертого поколения, как и скооперироваться по программе создания ядерных подводных лодок «INS Арихант» (после спуска первой подлодки выявилось много ее недостатков). Новая модель сотрудничества позволила бы избежать неприятного для России общего индийского требования о том, чтобы в каждом военном контракте офсетные программы составляли не менее чем 30%. Зарубежные конкуренты России проявляют большую гибкость и активность по данному вопросу, используя частный капитал.

В Индии все чаще критикуют РФ за поставку старых боеприпасов, несвоевременную доставку вооружения, затягивание выполнения контрактов, что вызвано неповоротливостью «Рособоронэкспорта». Недостаточен уровень сервисного обслуживания российских технических средств до конца срока службы, как это делают другие поставщики в Индию.

Практически полностью отсутствует пропаганда и контрпропаганда по военному сотрудничеству. Целый ряд индийских газет и журналов, издающихся миллионами экземпляров, регулярно публикуют антироссийские статьи, которые, как известно, обычно оплачиваются Францией. Россия же даже не считает необходимым отвечать на эти заказные материалы, а ведь целый ряд трагедий с российской военной техникой связан с закупкой индийской стороной контрафактной продукции для российских изделий, недостаточной подготовкой личного состава и т.д. Представители

российского ВПК практически игнорируют индийские профессиональные военно-технические журналы, которые во многом формируют мнение и национальной военной элиты, и лиц, принимающих решение по ВТС.

В целях снижения негативных моментов, накапливающихся в сотрудничестве, помимо более динамичного продолжения изменения модели ВТС с «торгово-посреднической» на кооперационную, необходимо найти новую прорывную отрасль в ВТС. Им вполне может стать масштабный проект создания национальной системы предупреждения о ракетном нападении и ПВО (индийская система построена на советских технологиях и очень устарела). Концерн «Алмаз-Антей», создающий систему воздушно-космической обороны РФ (новые загоризонтные РЛС, космические эшелоны предупреждения и т.д.), в полной мере готов к реализации этого проекта. В рамках этого проекта РФ могла бы предложить Индии разнообразные разработки.

Индия по существу продемонстрировала свое полное согласие с подобным сотрудничеством, выбирая ГЛОНАСС. Создание совместной системы по ракетному предупреждению и ПВО на территории двух стран на основе российских технологий было бы логическим следующим шагом. Проект, бесспорно, принесет большую финансовую отдачу, но потребует проявления политической воли со стороны руководства РФ, учитывая настороженную реакцию КНР на реализацию данной программы.

Уровень и характер ВТС между Россией и Индией позволяет рассчитывать, что в случае принятия решения на самом верху это сотрудничество может придать колоссальный импульс резкому переходу РФ с индустриального уровня на уровень научно-технический. Российский военно-промышленный комплекс должен передавать высокие технологии в гражданские сферы, как это происходит в США и других развитых странах. Это приведет к самым позитивным переменам и в российско-индийском ВТС, и российском ВПК, и в российской экономике.

Военная доктрина, военно-морская доктрина и ядерная доктрина в Индии разрабатываются с учетом существующих угроз

и новых вызовов безопасности страны: факторы Пакистана и Китая, международный терроризм, очаги сепаратизма, пиратство и др. В то же время реальное состояние дел, в частности, боеспособность вооруженных сил, их техническая оснащенность, логистика и система командования и управления войсками не позволяет Индии в полной мере реализовывать декларируемые цели и задачи.

В ядерной доктрине Дели заявляет, что ядерная политика будет строиться на трех компонентах: минимально необходимые средства ядерного сдерживания (которое, правда, никак не расшифровывается), неприменение первыми ядерного оружия, участие в Договоре о всеобщем запрещении ядерных испытаний.

Еще в биполярный период в Индии озвучивалась военная концепция о необходимости быть готовым к одновременному ведению «полтора войн» — с КНР и Пакистаном. В начале 2010 г. об этой стратегии вновь открыто заговорили: начальник штаба СВ Дипак Капур, правда, назвал ее войной «на два фронта» (повидимому, наличие ядерного оружия повысило статус Пакистана в глазах индийских военных). В 2016 г. его преемник Б.Рават подтвердил наличие концепции «холодного старта». При разработке последней редакции военной доктрины в качестве основных угроз безопасности индийцы выделили потенциальный вооруженный конфликт с Китаем и Пакистаном, а также террористические акты.

Главным потенциальным противником признается Китай, что определяется следующими причинами: пакистанский фактор (Индия по-прежнему расценивает Китай в качестве союзника Пакистана, и ее особое раздражение вызывает, естественно, продолжающееся взаимодействие между Китаем и Пакистаном в осуществлении ядерной и ракетной программ); сопредельные страны (Индия и КНР в целом негативно реагируют на такую сферу взаимоотношений своего партнера в «чужом регионе» — Южная Азия для Китая и Восточная Азия — для Индии — как военно-политическое сотрудничество); военные проблемы (обе страны в высшей степени опасаются, что военный потенциал, прежде всего, ядерно-ракетный, соседа будет направлен против них); нерешенность территориального вопроса; американо-индийское сотрудничество

(администрации США отрицают, что развитие американо-индийских связей нацелено на сдерживание Китая, однако, бесспорно, это стремление присутствует у Вашингтона); слабость контактов в культурно-идеологической и научно-технологической сфере (эти связи остаются минимальны). Более того, большинство факторов, негативно сказывавшихся на индийско-китайском взаимодействии, является просто производным от базового расхождения — соперничества двух государств. Китай и, особенно, Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как стратегического противника в Азии, а возможно, и в мире.

В соответствии с доктринальными установками индийские ВС должны быть постоянно готовы к ведению «малой» войны против Пакистана, которая может начаться в любое время из-за резкого обострения обстановки на индийско-пакистанской границе, вдоль линии контроля в штате Джамму и Кашмир или в случае проведения исламскими террористическими группировками крупных терактов на объектах, имеющих важное политическое, экономическое и культурное значение для Индии.

Зоной жизненно важных интересов Индии объявлен регион от восточного побережья Африки и Персидского залива на западе до Малаккского пролива и берегов Австралии на востоке, от республик Центральной Азии на севере и до южной части Индийского океана. Для урегулирования возможных конфликтных ситуаций и борьбы с терроризмом считается возможным, а иногда и необходимым, использование вооруженных сил.

Важным приоритетом является наращивание военно-морского потенциала в районе Индийского океана в соответствии с Военно-морской стратегией 2007 г., Морской доктриной 2009 г., концепцией «Обеспечение морской безопасности», принятой в октябре 2015 г. Согласно последнему документу, на ВМС возлагаются обязанности по обеспечению безопасности судоходства в индо-тихоокеанском регионе. Примечательно, что данный термин впервые фигурирует в морской стратегии, потому что до этого театр действия флота ограничивался бассейном Индийского океана. В новом документе обозначены девять узловых точек,

играющих жизненно важную роль для Индии с точки зрения морской торговли: Суэцкий канал, Ормузский пролив, Бабель-Мандебский пролив, Мозамбикский пролив, Мыс Доброй Надежды, Малаккский пролив, Зондский пролив, Ломбокский пролив, а также проливы Омбаи и Ветар. Попытки заблокировать индийские суда в этих точках или совершать против них агрессию будут восприняты Нью-Дели как посягательство на национальные интересы страны. В зону «основных интересов» вошла вся акватория Индийского океана и бассейн Красного моря, а к области «второстепенных интересов» отнесли обширный район от западного побережья Африки и Средиземного моря до Австралии и Антарктики.

В высших эшелонах военного командования Индии пока нет единого мнения по поводу военных концепций. Оппоненты обращают внимание на недостаточность уровня взаимодействия трех видов войск; низкую боеспособность и относительно слабую техническую оснащенность вооруженных сил; наличие таких хронически проблемных факторов, как излишняя бюрократизация госаппарата и военных ведомств; невысокие темпы модернизации и принятия на вооружение современных ВиВТ; зависимость от военных поставок из-за рубежа.

В этой связи до 2025 г. Индия будет делать акцент на создании высокотехнологичной военно-промышленной и научно-технической базы в рамках продвигаемой кабинетом Н.Моди государственной программы «Делай в Индии», которая направлена на локализацию производства ПВН, привлечение иностранных технологий, а в более долгосрочной перспективе — превращение страны в экспортера вооружений. Однако реальные результаты будут еще не оптимальные, и многие устремления не удастся реализовать.

Повышенную озабоченность Нью-Дели вызывают геополитические амбиции КНР в странах индо-тихоокеанского бассейна, что должно привести к тому, что особое значение будет придано ВМС. Вполне вероятно, что акцент с укрепления ВВС будет перенесен на военно-морской флот, поскольку текущее состояние индийских ВМС не позволит им в полной мере выполнить поставленные

задачи в силу недостаточного финансирования (расходы на флот в бюджете на 2017/18 ф.г. составляют лишь около 15% общих ассигнований на нужды обороны). Порядка 60% действующих судов морально устарели и нуждаются в модернизации или должны быть списаны. Военные указывают на дефицит кадров на флоте, составляющий 15%. Вызывает опасение и состояние системы раннего оповещения: на сегодняшний день свыше 70% наблюдательных пунктов закрыты из-за нехватки личного состава.

По планам Индии к 2025 г. количество судов должно быть увеличено до 200 (включая еще один авианосец и три атомные подводные лодки индийского производства; и уже сейчас строится около 40 новых кораблей, находящихся в разной степени готовности). Существенные средства будут потрачены также на развитие военно-морских баз как на континентальной территории (в портах Кочи, Карвар, Мумбаи и Визакхапатнам), так и на принадлежащих островных территориях — Лакшадвипе, Андаманских и Никобарских островах. Правда, вероятность реализации всех поставленных задач не представляется очень высокой. Однако в ближайшие годы модернизация ВМФ, по всей видимости, будет считаться по меньшей мере не менее приоритетной программой, чем развитие ВВС.

«Большая» война с Китаем до 2025 г. считается и является маловероятной. Принципиальных противников совместных действий с Китаем в ближайшее время немного, но основная часть индийской элиты полагает, что в более далекой перспективе азиатские гиганты могут вступить в прямое противоборство.

Вероятность «малой» войны с Пакистаном до 2025 г. — не очень значительная в рамках средневзвешенного прогноза, хотя полностью ее исключить нельзя, тем более, что само озвучивание подобного варианта событий может спровоцировать Исламабад на нанесение превентивного удара, и по меньшей степени, вынудит Пакистан решительно наращивать военное присутствие и укреплять оборону на границе с Индией.

К первому основному виду национальных интересов — «функциональному» — (обеспечение позитивного внутреннего функционирования) в Индии относят достижение полной

экономической самостоятельности, дальнейшее позитивное экономическое развитие, потребность в получении доступа к современной технологии и внешним рынкам, эволюционное и контролируемое дальнейшее втягивание страны в мировую экономическую глобализацию. Индия как крупная держава, ориентированная на внутренний рынок, сохранила высокие устойчивые темпы роста валового внутреннего продукта (в том числе, и в ходе нынешнего мирового экономического кризиса). Одновременно индийские правительства пытаются осуществить структурные изменения в экономике и усилить ее конкурентоспособность. Хотя Индия и вступила в общемировой процесс глобализации, и для нее стало расти значение хозяйственных взаимосвязей с внешним миром — в плане и эндогенного развития, и возможности оказывать позитивное для себя воздействие на сопредельные регионы, внешнеэкономические параметры значительно уступают политическим и являются, скорее, потенциальными.

В группу коэксистенциональных задач индийской внешней политики (обеспечение существенной роли в международной среде») входят продолжение независимого внешнеполитического курса, стремление укрепить авторитет в мире и получить признанный мировым сообществом статус великой державы, желание повысить воздействие на развитие событий на региональном уровне. По-видимому, по данному типу национальных задач существует наибольшая близость позиций различных слоев и классов индийского общества, хотя по некоторым аспектам есть определенные расхождения. По мере превращения в великую мировую державу Индия проявляет все большую заинтересованность в решении глобальных проблем и росте своего влияния на этот процесс.

В экзистенциальные задачи внешней политики (обеспечение безопасности страны) входят необходимость повышения обороноспособности, стремление избегать вовлечения в конфликты с мировыми державами и достижение национальной безопасности по четырем параметрам: глобальному, региональному, страновому — в плане внешней и внутренней опасности.

В выполнении стратегических целей заинтересовано практически все население Индии, а основные конкретные внешнеполитические акции республики во многом определяются данными тремя группами национальных интересов. Конечно, нередко эта связь не такая линейная, большую роль играют внешние изменения, субъективные факторы, идейно-психологический настрой населения и элиты и т. д. Однако значение макроцелей для формирования внешней политики весьма велико.

В целом для Индии характерна исключительная преемственность, отсутствие каких-либо радикальных структурных перемен, как на высшем цивилизационном уровне, так и на более низких — в том числе, и в области внешней политики. Главная цель внешней политики — превращение в глобальную державу — сохраняется с 1947 г., но на данном этапе она слегка модифицирована: Дели стремится к тому, чтобы статус страны как великой державы или хотя бы азиатской, был признан всем мировым сообществом.

Вместе с тем в своем подавляющем большинстве зарубежные политики и исследователи воздерживаются от того, чтобы признать Индию «великой державой», предпочитая называть ее «великой державой второго эшелона», «поднимающейся державой» («rising power») или «региональной». Очень часто право Индии считаться великой державой отрицается на основании слабых показателей в социальной сфере. Действительно, перед страной, как отмечалось, стоят очень острые социальные проблемы, но вряд ли правомерно полагать, что они имеют отношение к определению статуса великих держав. Все исследователи международных отношений XVIII века причисляют к ним Англию и Францию, хотя в этих странах в тот период неравенство и бедность были еще более ярко выражены. Если брать современность, то 5 стран с наивысшим индексом человеческого развития (Норвегия, Австралия, Швейцария, Дания и Нидерланды) максимально могут быть причислены к категории «средних держав».

Однако основным тезисом практически всех сторонников западной политической мысли является отсутствие у Индии стратегической культуры. Вместе с тем классическим определением

данного термина считается тезис Дж. Снайдера, что это — совокупность идей и образцов стандартного осознанного поведения носителей национальной стратегической культуры, и стратегическая культура способствует формированию стратегической модели в таких сферах, как применение силовых методов, реакция на внешние угрозы, гражданско-военные отношения и выработка стратегической доктрины.

В этом плане Индия как раз демонстрирует достаточно высокую стратегическую культуру. Как указывалось, с середины 1950-х годов внешняя политика стала постепенно предметом «надпартийного» согласия. В последующем, в стране было не так много дискуссий по макрозадачам внешней политики, что свидетельствовало о достаточном осознании правительством национальных интересов и внешнеполитических целей. Различные социальные и политические силы в стране имеют очень сходные позиции по соотношению политико-дипломатических и военно-силовых методов во внешней политике. Отсутствие официальных концепций по национальной безопасности, внешней политике и обороне отнюдь не мешает достаточно четкому осознанию внешних угроз и методов их отражения. Гражданско-военные отношения выстроены по схеме, полностью совпадающей с западной моделью.

Что касается стратегической доктрины, то она вообще претерпела очень мало изменений. Для Индии в целом характерна исключительная преемственность, что проявляется и в сфере безопасности и в области внешней политики. Распад биполярной системы, вызвавший радикальные изменения в сфере международных отношений, оказал базовое воздействие на страну, но привел не к кардинальным изменениям во внешнеполитическом курсе страны, а к определенной переориентации внешнеполитической стратегии Индии: она касалась, в первую очередь, механизмов и способов достижения макроцелей, а не самих стратегических задач.

Так, разрушение биполярного устройства мира способствовало потере Индией возможности играть на промежуточном положении между Западом и Востоком и использовать противоречия

между двумя системами, что в прошлом приносило ей существенную выгоду. Дели осознал, что усиления позиций в зоне Юга недостаточно для вхождения в «высшую мировую лигу» (а превращение в великую державу является главной стратегической задачей страны с момента обретения независимости), и в результате значительно ослабло стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся стран. Одной из черт новой политики стала, в частности, резкая активизация деятельности в Восточной Азии. Индийская дипломатия стала намного более «точной». Об этом свидетельствуют сотрудничество Индии с АСЕАН, ее участие в других структурах Ассоциации, создание БИМСТЕК (Организация сотрудничества стран Бенгальского залива), и «Форума диалога Индия — Бразилия — ЮАР». В новом веке стал функционировать форум БРИК, а затем — и БРИКС. Правда, произошедшие перемены привели к снижению активности Дели в международной жизни, и больший акцент был сделан на внутриэкономической деятельности.

В Индии пока плохо осознают, что великая держава обязана занимать достаточно четкую позицию по базовым проблемам. До сих пор заметно воздействие политики неприсоединения, краеугольного камня внешнеполитического курса страны в биполярную эпоху. Так, Индия постоянно балансирует между США и Китаем, опираясь на опыт 1960-х годов, когда Индия одновременно была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии и от США, и от СССР, и учитывая опыт 1970-х годов, когда крен в сторону одной из сверхдержав негативно сказался на международных позициях Индии.

Подобное же характерно и для позиции Индии в отношении России и США. Любопытной деталью визита Б.Обамы в Индию в 2015 г. является то, что в ходе посещения им военного парада 26 января в День Республики кульминацией стал пролет над гостями российских военных самолетов МиГ-29К с авианосца «Викрамадитья», бывшего «Адмирала Горшкова», (американцы очень настойчиво требовали отменить полет самолетов, но индийская сторона не пошла ни на какие уступки). Характерно

и то, что почетным гостем на подобном параде В.В. Путин был в 2007 г. Точно так же Дели реагировал и на события на Украине. Во время последних российско-индийских саммитов упоминания об украинском кризисе вообще не попали в официальные документы. Одновременно, когда Б.Обама во время своего пребывания в Индии подвергал бесконечным нападкам Россию, официальные индийские представители никак не комментировали украинские события, а неофициальные — подвергли резкой критике попытки американцев втянуть Индию в развернутую истеричную антиросийскую компанию.

Политика балансирования продолжает проводиться и в конкретных регионах, в том числе на Большом Ближнем Востоке. По мнению некоторых исследователей Индия балансирует в мега-регионе между Ираном и Саудовской Аравией, США и Ираном, Израилем и арабскими странами.

Реально великой державой Индия станет только тогда, когда сможет продемонстрировать четкое видение глобальных проблем, предложить самостоятельно их решение и начнет явно отстаивать свои национальные принципы на международной арене. Но подобное происходит с великими державами, как правило, через определенный промежуток времени после обретения данного статуса.

В настоящее время республика продолжает уделять особое внимание дальнейшему повышению своей роли в Южной Азии, при этом учитываются как проблемы национальной безопасности, так и необходимость усиления позиций в регионе в целях обеспечения адекватного своему политическому весу места в мировом сообществе. Многие в Индии стали включать в понятие регион не только Южную Азию, но и весь бассейн Индийского океана.

Индийские правящие круги неизменно связывают постоянное членство в СБ ООН с вопросом обладания ядерным оружием и средств его доставки. Это обстоятельство, наряду с опасениями по поводу ядерной политики Китая и ядерной программы Пакистана, и было основным фактором, повлекшим за собой испытание Индией ядерных устройств в 1998 г. (следует отметить, что известие об этом было встречено в стране с ликованием). Республика

сейчас согласна идти почти на любые уступки по данной проблеме, если ее ядерный статус будет официально признан.

Определенные изменения произошли в сфере внешнеэкономической деятельности Индии. Всемирное расширение экономических взаимосвязей с Севером стало одним из главных направлений в постбиоплярный период. Именно задачи по обеспечению нормального внутреннего функционирования индийские власти в настоящий момент рассматривают как наиболее важные. При этом экономическому развитию отдается полный приоритет. Политика либерализации, проводимая в Индии, привела к различным уступкам иностранному капиталу в сфере финансов и страхования, деятельности совместных предприятий и открытия чисто иностранных фирм, конвертации рупии. Вместе с тем в этой области остаются определенные ограничения.

Как отмечалось, продолжение независимого внешнеполитического курса считается по-прежнему крайне значимым для повышения статуса Республики. Индия взяла также курс на нормализацию отношений с Китаем. При этом активно развивалось сотрудничество в рамках стратегического треугольника Россия-Индия-Китай, БРИК и БРИКС. Пока концепция развития связей между тремя гигантами не имеет четкого наполнения, не ясны ни масштабы и рамки взаимодействия, ни направленность треугольника. Существует очень много проблем даже в двусторонних отношениях, особенно китайско-индийских. Однако нельзя отрицать, что есть весьма значительные предпосылки для существенного сближения трех стран. Рост исламистского экстремизма и радикализма подталкивает сближение этих держав. Явно объединяет три страны и возможность установления однополярного мира, неприемлемая ни для одной из них.

В настоящий момент идет процесс улучшения двусторонних индийско-американских отношений. Весьма позитивны для Индии перемены во внешнеполитическом курсе США в Южной Азии, резко активизировались политические взаимоотношения (в Индии с 4-5 дневными визитами побывали все последние президенты Соединенных Штатов), существенно укрепились

военно-политические связи (ежегодно осуществляются совместные военно-морские и сухопутные учения, США вышли на второе место после России по поставкам вооружения в южноазиатское государство, на которое приходится 15% мирового импорта вооружения, в 2016 г. обе стороны подписали соглашение о военной логистике, которое разрешает военным судам и самолетам использовать базы друг друга). США долгое время были главным торговым партнером и инвестором Индии (в настоящий момент, правда, они стали уступать соответственно Китаю и Маврикию). Однако на глобальном уровне происходит все-таки рост (пока латентный) конфликтного потенциала между двумя странами, связанный с весьма существенными расхождениями по вопросам геополитики и геоэкономики.

Россия является объективным и естественным союзником Индии, которая, в свою очередь, — важный партнер РФ в мире. Национальные интересы двух стран совпадают или, по крайней мере, не противоречат друг другу. Геополитические соображения предопределяют необходимость укрепления взаимосвязей. По большинству мировых проблем Индия занимает единую или сходную позицию с Россией. С объективной точки зрения, одинаковы цели двух стран в отношении Запада: как нежелание установления однополярного мира, так и необходимость поддержания с ним, по меньшей мере, рабочих отношений.

Внешнеполитические процессы в Южной Азии имеют совершенно явное сходство с постсоветскими реалиями, протекающее из:

- а) наличия государства, явно превосходящего другие по основным экономическим, политическим, интеллектуальным и военно-стратегическим показателям;
- б) общности истории стран этого региона;
- в) определенной культурно-цивилизационной схожести;
- г) стремления малых стран укреплять свои геополитические позиции за счет внерегиональных держав;
- д) нарушения экономических взаимосвязей внутри некогда единого хозяйственного комплекса.

Такая ситуация определяет одинаковые подходы России к проблемам СНГ и Индии в отношении Южной Азии и поддержку действий своего партнера на региональном уровне.

Нельзя не отметить и единство комплекса задач двух стран во внешнеэкономической сфере. Две страны должны стремиться к интеграции в мировое хозяйство, к повышению своей конкурентоспособности, занимаясь при этом определенным протекционизмом в отношении собственного производства. Следует также выделить близость подходов двух стран к фундаментальным проблемам развития, что дает нашим странам возможность развития междивизиционного диалога для нахождения новых механизмов и инструментов позитивного взаимодействия различных цивилизаций, сближения народов и их культур в самых различных сферах.

Продолжает сохраняться определенная общность структур культурно-цивилизационных ценностей двух стран. Она проявляется, например, в духовности, имманентно присущей нашим цивилизациям, которая противостоит материализму, прагматизму и консьюмеризму развитых стран. Особенно хотелось бы отметить относительную толерантность двух стран к чужим культурам, что, правда, привело к тому, что существует такой фактор, сближающий две державы, как многонациональность и многоконфессиональность. При этом в наших странах, к сожалению, сейчас действуют силы, стремящиеся к сепаратизму по этническому и религиозному принципу, что диктует Индии и России необходимость общего подхода к проблемам «самоопределения», терроризма и сепаратизма — как в самих этих государствах, так и во всем мире.

После резкого понижения уровня в двусторонних отношениях в 1990-е годы, связанного, прежде всего, с приходом «атлантистов» к власти в России, в новом веке удалось разрешить многие проблемы. В настоящий момент существует самое широкомасштабное сотрудничество между Россией и Индией по решению глобальных проблем. Очень тесные связи между нашими странами существуют и по региональным проблемам. В целом политические отношения между Россией и Индией развиваются вполне успешно, а по ряду направлений они чрезвычайно эффективны.

Вместе с тем существуют и определенные негативные моменты. Основной ключевой, негативный фактор двусторонних политических отношений — психологическое восприятие элитой своего партнера. Индийская элита достаточно скептически оценивает нынешнюю роль России в мировой системе. В опубликованном в 2012 г. индийском «Докладе неприсоединения 2.0: внешняя и стратегическая политика Индии в XXI веке» Россия отнесена по значимости к третьему кругу стран. Хотя работа не является официальным документом, она отражает существующие в Индии настроения. Крайне негативным базовым фактором выступает и сохранение подхода Москвы к Индии как к относительно второй-третьей степенной державе.

Можно констатировать, что существуют все предпосылки для дальнейшего повышения уровня российско-индийских отношений в XXI веке. Однако без реальной повседневной работы «привилегированное стратегическое партнерство» России и Индии, провозглашенное еще в 2010 г., останется просто декларацией, мало отличающейся от «стратегического диалога» между Индией и США.

Модель процесса принятия внешнеполитических решений в Индии практически не менялась с первых лет после завоевания независимости. Непосредственное решение принимают 3-5 человек, включая министров (в первую очередь, иностранных дел и обороны) и главных советников. Доминирующую (в отдельные периоды — исключительную роль) играет премьер-министр. В Индии премьер-министр может существенно менять внешнеполитическую линию, так как широкий консенсус действует практически лишь в отношении ее макроцелей.

Существенную роль в формировании внешнеполитического курса играет, естественно, позиция индийской элиты. По конкретным проблемам среди имущих слоев общества есть много расхождений. Так, бурные споры вызывали вопросы направления экономического развития и связей с индустриально развитыми странами. Позиция индийской буржуазии играет, естественно, особую роль в формировании внутривнутриполитического и

внешнеэкономического курса страны, и правительство в своей конкретной деятельности вынуждено учитывать точку зрения противников открытости. Большое значение имеет позиция «среднего класса», этого станового хребта буржуазной демократии, чей подход к внешнеполитическим ценностям постоянно учитывается.

Политические партии активно участвуют в обсуждении внешнеполитических вопросов. На первом этапе большое значение имели их внешнеполитические платформы. В постбиполярный период непосредственно партии не так заметно влияют на внешнеполитические решения, но их представители в парламенте в состоянии оказывать на них воздействие (35-40 партий были представлены в «Лок сабхе» последних пяти созывов). Особую роль играют партии, оказывающие внешнюю поддержку существующему правительству.

Следует отметить, что в настоящий момент вообще интерес к внешнеполитической проблематике заметно угас (сейчас в центральных средствах массовой информации международной тематике уделяется места в 3-4 раза меньше, чем 20 лет назад). Внешнеполитические проблемы также не были в центре внимания в ходе предвыборных кампаний, хотя существовали и заметные разногласия, особенно по внешнеэкономической линии. Можно заметить определенные разногласия в отношении вопроса о военной ядерной политике. Так, оппозиция резко критиковала осуществленные в военных целях взрывы ядерных устройств в 1974 г. и в 1998 г.

Расхождения обострились в новом веке в связи с индийско-американским соглашением о мирном сотрудничестве в области атомной энергии. Левые партии Индии, без поддержки которых в тот период Конгресс не удержался бы у власти, настоятельно требовали от правительства отказаться от реализации данного соглашения. Недовольство левых вызывала и активизация американо-индийского сотрудничества в военно-политической сфере. В конечном итоге соглашение все-таки было ратифицировано в индийском парламенте.

Определенную роль в формировании внешнеполитического курса играют региональные партии Индии, хотя и по более узким вопросам. Например, позиции «Аней Индия анна дравида муннетра кажагам» и «Дравида муннетра кажагам» в Тамилнаде в существенной степени влияют на индийско-ланкийские отношения. Центральное правительство вынуждено учитывать позиции правительств и населения штатов Западная Бенгалия и Ассам при выработке курса в отношении Бангладеш. Из этой страны в соседние регионы Индии мигрировало не менее 15 млн. человек, большинство из которых — мусульмане (в последнее время — почти все). Индийское правительство обязано учитывать и подходы штатов Западная Бенгалия и Бихар при формировании политики в отношении Непала. Свое воздействие оказывают и настроения различных этнических и религиозных групп Индии. Правда, следует отметить, что интересы наиболее многочисленного религиозного меньшинства — мусульманского — недостаточно адекватно отражаются во внешнеполитическом курсе.

В обозримом будущем любая политическая сила, победившая на всеобщих выборах, будет строго придерживаться общего консенсуса (а по конкретным, частным и персональным вопросам борьба может достигать крайней степени напряженности).

По всей видимости, попытки занимать нейтралистскую позицию в отношении проблем, возникающих между главными для Индии акторами — США, КНР и РФ, будут характерными для Дели еще продолжительное время. Жесткая, иногда сверхжесткая позиция будет занимать исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам.

Можно ожидать отсутствия серьезных перемен во внешнеполитическом курсе. Индия продолжит развивать двусторонние связи с США в политической, экономической, военно-политической и культурной сферах. При этом сближения позиций по решению глобальных и региональных проблем не произойдет. По этому вопросу Индия будет существенно ближе к России и Китаю.

В индийско-китайских отношениях до 2025 г. не произойдет существенных изменений. В плане конкретной политики,

Пекин будет заинтересован в нормализации двусторонних отношений, неприсоединении Индии к американским планам по «окружению» Китая, ослаблении давления на его союзника Пакистан и укреплении экономической подсистемы. КНР, вряд ли, будет отказываться от использования «третьих стран» в качестве основного рычага давления на Индию, чьи южноазиатские соседи готовы всемерно расширять связи с Пекином. Такие государства, как Пакистан и Бангладеш, значимы для Китая и в плане улучшения взаимопонимания со всем исламским миром.

Для Индии до 2025 г. наиболее важными проблемами станут ослабление китайско-пакистанских связей, прежде всего военно-политических, развитие континентальных внутренних районов вдоль границы с Китаем, отказ Пекина от создания препятствий для упрочения отношений Индии с восточноазиатскими государствами, решение пограничной проблемы. Главным инструментом Дели в качестве давления на КНР будут связи с США и в какой-то степени с Японией.

Наиболее вероятным на ближайшее десятилетие представляется сохранение статус-кво в индийско-китайских отношениях: постепенное развитие связей и продолжение процесса их «вяло текущей» нормализации. Усиление двух угроз — создания однополярного мира и роста исламского радикализма — будет сближать двух азиатских гигантов, а ослабление — отдалять. В этом плане возможна определенная координация действий двух стран в борьбе против национального сепаратизма, религиозного радикализма и международного терроризма. И Индия, и Китай в принципе солидарны в развитии сотрудничества в Центральной Азии по следующим направлениям:

1. Поддерживать сотрудничество в рамках ШОС.
2. Укреплять военное и политическое доверие в регионе.
3. Бороться с «тремя силами зла».
4. Бороться с наркоторговлей.
5. Прилагать совместные усилия для обеспечения стабильности власти в странах ЦА.

Сближению двух стран до сих пор мешали различия в подходах к Пакистану. КНР рассматривает южноазиатскую страну как стратегического союзника, а Индия воспринимает своего соседа как основного врага. Однако Китай все больше стал опасаться угрозы со стороны исламского мира. В последнее время резко активизировались мусульманские экстремисты в Синьцзяне, что может дать толчок сепаратистским настроениям и в других национальных округах, которые в целом составляют более половины площади КНР. Пекин также беспокоят связи уйгурских террористов с «Исламским государством», которое осуществляет подготовку боевиков из числа граждан КНР.

Все большее китайских экспертов стали полагать, что существует единая исламистская террористическая сеть в Пакистане и Афганистане (а ранее — и в Центральной Азии), которая имеет общие базы и тренировочные лагеря, полностью координирует свою деятельность и придерживается единой тактики и стратегии. Они также гораздо с большим скепсисом стали воспринимать заявления официальных лиц Пакистана о том, что террористические действия совершаются исключительно исламскими экстремистскими движениями, конкретными лицами, а Исламабад не имеет к этому никакого отношения.

Пекин не может не принимать во внимание появившуюся информацию, что в пределах Пакистана продолжают активно действовать боевые террористические организации «Техрик-е Талибан-и-Пакистан», «Лашкар-и-Тайба», «Лашкар-е Джангви» и др., а на оспариваемой Пакистаном у Индии территории штата Джамму и Кашмир проявляют повышенную активность прямо поддерживаемые Пакистаном радикальные группировки «Хизб-уль-Муджахеддин», «Аль-Бадар», «Джамаат Таблиг» и «Харакат-уль-Муджахеддин», причем последняя из них имела в свое время прямое отношение к группам, угрожающим безопасности Узбекистана, других стран Средней Азии и Китая (Синьцзяня). При этом очевидно, что Межвойсковая разведка Пакистана (МВР) причастна к активизации деятельности экстремистов в

регионе и имеет тесные связи с рядом джихадистских организаций, действуя как самостоятельно, так и с ведома правительства Пакистана.

МБР была фактически создателем «Талибана». Хотя она вряд ли (несмотря на заявления некоторых лидеров талибов) может непосредственно управлять «Талибаном». Организация самым активным образом поддерживает боевиков, занимаясь организацией тренировочных лагерей для талибских наемников, поставками оборудования и оружия из стран Персидского Залива. Помимо этого, пакистанская армия обеспечивает талибов полевыми госпиталями, которые они развертывали во время пограничных перестрелок. Талибы заранее связывались с пакистанской стороной, чтобы обеспечить себе безопасный переход через границу.

МБР и некоторые руководители пакистанской армии активно участвуют в «повстанческой войне» в Афганистане, имея также сильное влияние и на сеть Хаккани, мощную джихадистскую группировку, которая тесно связана с Аль-Каидой, и действующую в основном в Северном Вазиристане, откуда организуются нападения на базы сил НАТО в Афганистане. Пакистанскую разведку часто обвиняют и в том, что именно она оказывает поддержку «Аль-Каиде», создатель которой Усама бен Ладен контролировался МБР еще в конце 1980-х годов. Организация также оказывала широкую поддержку китайским мусульманам в Синьцзян-уйгурском автономном районе, повстанческим группам мусульман на Филиппинах, а также некоторым религиозным группам в Центральной Азии.

В 2016 г. бывший президент Пакистана Первез Мушарраф открыто заявил, что «Межвойсковая разведка обучает террористов группировок «Лашкар-и-Тайба» и «Джайш-и-Мухаммад». Известно, что МБР тесно сотрудничала с главой группировки «Лашкар-и-Тайба» Хафизом Саидом при подготовке Мумбайского теракта 2008 года.

Все это дает возможность рассчитывать, что в рамках оптимистического сценария Индия и Китай наладят действенное

сотрудничество по борьбе с исламским терроризмом, что очень позитивно скажется на двустороннем сотрудничестве.

Индия будет продолжать стремиться к укреплению связей с Россией. При этом ВТС останется основным звеном взаимоотношений. Очевидно, произойдет дальнейшее снижение доли РФ в военных поставках в Индию, но в абсолютных цифрах сумма военных контрактов возрастет. Сохранятся тесные политические связи между двумя странами, и продолжатся постоянные политические консультации по самому широкому кругу вопросов — по линии советов национальной безопасности, министерств иностранных дел, других министерств и ведомств. Лидеры двух государств будут проводить переговоры несколько раз в год (ежегодные встречи в рамках «Двадцатки», ШОС и БРИКС). Правда, возможно прекращение проведения ежегодных саммитов (решение было принять в 2000 г.), поскольку из-за отсутствия возможности ежегодно принимать знаковые соглашения, некоторые встречи превращаются в ритуал.

Сохранится самое широкомасштабное сотрудничество между Россией и Индией по решению глобальных проблем. РФ и Индия продолжат занимать одинаковые позиции в отношении недопустимости установления однополярного мира; продолжения непримиримой борьбы против исламского экстремизма и радикализма; сопротивления тем аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении стран не-Запада. В результате позиции двух держав по всему комплексу мирополитической проблематики останутся весьма близки.

Тесные связи между двумя странами будут существовать и по региональным проблемам. Между Россией и Индией не будет расхождений по реакции на ситуацию в Афганистане, где сохранится сотрудничество. Интересам Индии в Центральной Азии будут отвечать, помимо экономических факторов, борьба против религиозного экстремизма, терроризма, наркобизнеса, за урегулирование ситуации в Афганистане и, главное — обеспечение региональной безопасности, что будет не только способствовать стабилизации в регионе, но и препятствовать проникновению в Индию

«трех сил зла», то есть национального сепаратизма, религиозного радикализма и международного терроризма, а также создаст благоприятные условия для решения проблемы Кашмира. Подобные подходы полностью соответствуют линии России.

Относительно близкими будут подходы двух стран по Ближнему Востоку. Для России и Индии на первый план будет выходить единство задач по выстраиванию взаимосвязей с исламским миром. Будут крайне важны как нормализация отношений с этим ареалом и противостояние попыткам определенных сил навязать этим странам нахождение в авангарде борьбы с мусульманскими государствами, так и решительное противодействие исламским террористам. Скорее всего, Индия не будет дистанцироваться от политики России в Сирии, исходя из того, что конфликт в стране — угроза стабильности и безопасности в регионе, с потенциально более широкими последствиями: укреплением радикального исламизма в мире, что самым существенным образом угрожает безопасности Индии. При этом Дели сохранит подход, что не существует военного решения этого конфликта, а военное вмешательство извне может лишь его усугубить.

Обе страны будут видеть решение проблемы ядерной программы Ирана исключительно политико-дипломатическими средствами, признавать право Ирана осуществлять мирную ядерную программу, но продолжат требовать от Тегерана выполнения резолюций Совета Безопасности ООН и сотрудничества с МАГАТЭ.

Россия и Индия будут активно сотрудничать в рамках РИК — БРИК — БРИКС, ШОС и Восточноазиатском саммите. Москва будет поддерживать оформление членства Индии в АТЭС. В то же время Россия и Индия вряд ли пойдут на контакты по тем вопросам в Восточной Азии, по которым существуют расхождения между южноазиатской страной и КНР. Более того, Москва продолжит высказывать и показывать недовольство активизацией военно-политических контактов Индии с Японией и США, которые наверняка останутся. Призывы Кремля к военно-морскому сотрудничеству России, Китая и Индии останутся без ответа, поскольку нельзя ожидать, что

Дели изменит негативное отношение к развитию трехсторонних военно-политических связей.

Таким образом, в целом политические отношения между Россией и Индией будут развиваться вполне успешно. Однако сохранится основной ключевой, негативный фактор двусторонних политических отношений — психологическое восприятие элитой своего партнера. В ходе «третьей» волны эмиграции в Северную Америку и Европу образовалась мощная индийская диаспора, занимающая достаточно привилегированное положение на новой родине. Среди индийской элиты практически не осталось лиц, у которых сейчас не было бы родственников или ближайших друзей среди граждан США. Подобная ситуация привела к появлению в Индии политических лидеров, призывающих ориентироваться исключительно на Вашингтон, что может привести к разрушению полувекового консенсуса по внешней политике. Полному развороту в сторону США будет мешать только то, что Дели осознал, что Вашингтон не рассматривает ни одну страну как равноправного партнера, а в Индии пребывание на положении младшего партнера считается недопустимым. Вряд ли можно ожидать, что изменится подход Москвы к Индии как к относительно второстепенной державе.

Экономическая подсистема двусторонних отношений останется самым слабым звеном. Трудно ожидать значительного роста взаимных инвестиций, как и существенного подъема низкого российско-индийского торгового оборота. По последнему вопросу основной проблемой останется логистика. Индия и Россия расположены относительно близко друг от друга только на политической карте мира. В действительности основные товары доставляются по морю, и маршрут оказывается очень длинным, что резко удорожает стоимость транспортировки. Географический фактор долгое время будет негативно сказываться на российско-индийских торговых отношениях. Решение логистических проблем может быть связано только с созданием транспортного коридора Север-Юг (Европа — Россия — Иран — Индия — Восточная Азия), но эту проблему вряд ли можно будет решить даже в

среднесрочной перспективе. Предстоит огромная работа: установление статуса самого международного транспортного коридора, выработка общей стратегии и согласованной грузовой политики, создание международного консорциума.

Очень вероятны подписание преференциального торгового соглашения России с Индией и соглашения республики с ЕАЭС. Либерализация торговли даст определенные плюсы российской металлургии и химии. Индия постоянно инициирует антидемпинговые расследования в отношении ввоза химикатов, резины и металлов (санкции в отношении текстиля и одежды российских компаний не касается). Мало затрагивают Россию и те меры, на которые обращают особое внимание в ВТО: ограничения по санитарным нормам, поскольку речь идет, прежде всего, о продуктах питания. Соглашения в большей степени будут способствовать росту индийского экспорта.

Индия, которая является мировым лидером по обработке алмазов, крайне заинтересована в получении напрямую российских алмазов. Пока именно позиция России сдерживала серьезные подвижки в данной сфере. Подобная же ситуация сложилась и в сфере фармацевтики. Плюсы от этого испытает российский потребитель (высококачественные индийские лекарства существенно дешевле других импортных аналогов), но пострадают интересы лиц, заинтересованных в поставках в Россию западных лекарств по чрезвычайно высоким ценам. Более того, этот рынок крайне криминализован в РФ. Без специальных инструкций Генеральной прокуратуры и МВД в поставках фармацевтики из Индии прорыва обеспечить не удастся. Вырастет и объем экспорта табака и особенно чая в Россию. Снижение РФ тарифов приведет к росту ввоза и других индийских товаров (текстиль, кофе, фрукты, цветы и т.д.). Подписание преференциальных торговых соглашений с Индией может позитивно сказаться на торговле услугами, инвестиционном и научно-техническом сотрудничестве.

Основной сферой сотрудничества останется атомная энергетика, хотя возможен существенный позитив в налаживании совместной деятельности и по таким направлениям, как

обрабатывающая промышленность, освоение космоса, авиация, энергетика, машиностроение, в частности, автостроение.

В настоящее время Индия обеспечивает себя продовольствием и даже его экспортирует. Тем не менее, предполагаемый резкий рост среднего класса (600 миллионов человек к 2030 г.), с их потреблением по европейскому уровню, и экологические проблемы должны изменить ситуацию и заставить страну искать новые пути обеспечения продовольствием. Россия в рамках оптимистического сценария могла бы стать естественным партнером в решении этой проблемы.

Конкретные варианты двустороннего сотрудничества в этой области:

- сдача в аренду Индии сельскохозяйственных угодий;
- помощь индийским гражданам в создании фермерских хозяйств на территории России;
- создание предприятий обрабатывающей промышленности;
- инвестирование индийцев в российский агросектор (только доведение механизации в России до уровня Швеции позволит собрать до 600 млн. тонн зерна в год).

Выполнение обозначенных задач сделают российско-индийские экономические связи значительно прочнее, что даст толчок развитию всех подсистем двусторонних отношений.

В рамках оптимистического сценария достаточно перспективным представляется и активизация экономического сотрудничества в рамках треугольника Россия-Индия-Китай.

С Европейским Союзом будет развиваться экономическое сотрудничество, а политические связи останутся номинальными, декларативными, поскольку в Индии осознали, что ЕС — экономический гигант и политический карлик.

Ближний Восток в политическом плане не будет занимать высокого места в приоритетах внешней политики Индии. Дели сохранит акцент на развитии взаимосвязей со странами Персидского залива, причем, прежде всего, по экономическим причинам. Данный субрегион останется главным поставщиком углеводородов, что чрезвычайно значимо для дальнейшего

быстрого экономического роста Индии (на нефть и газ будет приходиться примерно треть импорта страны). При этом для политики Индии на Ближнем Востоке характерно невмешательство в региональные конфликты и политика балансирования.

По мере навязывания жесткой глобализации в политической и экономической сферах, Индия в рамках БРИКС будет представлять основную глобальную силу, противостоящую превращению мировой системы в однополярную. Гегемония Запада отвергается азиатским гигантом и его партнерами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для Индии независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо никак не вписывается в ее планы. Не случайно, что при существовании такого базового противоречия между Индией и Китаем, как соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. Для США потенциально опасными является также то, что Индия, как и ее партнеры по БРИКС не относится к привилегированной части мировой экономической системе, а, значит, она отнюдь не в восторге от правил игры, навязанных развитыми странами.

Уже отмечалось, что главный инструмент Запада в обеспечении своей экономической монополии — финансы. Поэтому в этой сфере Индия будет проявлять наибольшую неуступчивость. Республике будет выгодно активизировать совместные действия в рамках БРИКС, что должно принести огромную выгоду и в плане укрепления положения в международных экономических организациях, и в ослаблении валютного давления на них. Индия будет сопротивляться и другим аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. В этом плане в Индии укрепится представление, что БРИКС мог бы стать для нее ключевым партнером и для укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных проектов.

Южная Азия будет служить рубежом между Большим Ближним Востоком и Большой Восточной Азией, и можно предположить, что возможный разлом Азии на два мега-региона пройдет прямо по

ней. Это ставит Индию в трудное положение в случае нарастания мусульманского радикализма. Подобная ситуация будет подталкивать республику к всемерному расширению сотрудничества и с Западом, и с не-Западом (Россия и Восточная Азия).

Южная Азия останется особо значимой для Индии, в том числе и по причине того, что великая держава должна контролировать свой регион. Для Южной Азии свойственна асимметрия: на долю Индии приходится 75-85% территории, населения и валового национального продукта региона. Сходная ситуация существует и в военном отношении. Естественное доминирование одной страны в регионе предопределяет особенности региональной обстановки. Это вызывает у ее соседей недоверие к Республике, порождает ощущение собственной беспомощности и приводит к активизации их попыток укрепить свое положение на региональной и международной арене путем опоры на великие державы, к стремлению выносить нерешенные вопросы в отношениях с Индией на суд международной общественности.

Правящие круги Индии продолжают рассматривать проблему обеспечения безопасности страны в рамках всего южноазиатского региона. Отсюда будет проистекать неизменное стремление защитить и упрочить доминирующие позиции Индии в Южной Азии. Страна категорически будет выступать против привлечения внешних сил, особенно государств глобального уровня, к решению региональных проблем. Соседи Индии, напротив, обычно не видят угрозы безопасности извне.

В Южной Азии сохранятся все основные негативные факторы, которые будут препятствовать развитию интеграционных процессов: наличие региональной державы; отсутствие общего врага и недостаточное взаимодополняемость экономик. На функционирование системы межгосударственных отношений в Южной Азии определяющее воздействие будут оказывать несовпадающие национальные интересы государств региона, культурно-идеологические и экзогенные факторы. Следует отметить и такие проблемы взаимоотношений в Южной Азии, как религиозная гетерогенность (в трех странах преобладает мусульманское население,

в двух — индуистское и в двух — буддийское) при наличии религиозных меньшинств и росте фундаментализма практически во всех странах; психологическое восприятие Индии центром, откуда управляли в прошлом периферийными областями; разные национальные ценности, традиционные и современные; политические системы; экономические стратегии и уровни социально-экономического развития. Все это будет находить конкретное проявление в осложнениях двусторонних отношений Индии с ее соседями (территориальная и пограничная, религиозно-этническая и иммиграционная проблемы, распределение водных ресурсов, милитаризация и осуществление ядерных программ).

Практически все негативные факторы продолжают концентрироваться в индийско-пакистанских отношениях. Наличие разных национальных интересов, политических систем и политических культур и религиозная гетерогенность дополняются геостратегическим фактором. Пакистан находится на стыке с мусульманским регионом, откуда он способен получать дополнительные экономические и военные возможности усиления своих позиций против Индии.

По вопросу о месте Индии в регионе сохранится наибольшая близость позиций различных слоев и классов индийского общества, хотя по некоторым аспектам и проблемам и будут определены расхождения. По-видимому, до 2025 г. в соотношении силовых и «либерально-компромиссных» начал во внешнеполитической стратегии первые будут играть основную роль. Особенно это будет касаться Пакистана. Можно прогнозировать, что если и произойдет маловероятная оттепель, то она очень скоро завершится новыми заморозками.

Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) не сможет сыграть важную роль для преодоления недоверия между государствами и народами региона, укрепления региональной безопасности. Многие южноазиатские страны будут крайне заинтересованы в развитии экономических связей с Индией. Азиатский гигант останется стратегическим внешнеторговым партнером Бутана и Непала. Однако позиция Пакистана

продолжит препятствовать развитию внутрирегионального экономического сотрудничества. При этом Индия в целом (если не брать во внимание отдельные слои населения и штаты) будет мало заинтересована в укреплении экономической подсистемы отношений со своими соседями, но, понимая ее важность для других стран, будет стремиться к укреплению экономических взаимосвязей в политических целях. Однако до 2025 г. может даже встать вопрос о сохранении ассоциации.

Поскольку у Индии не сложилась комплиментарная взаимозависимость с соседними государствами Южной Азии, для нее особо важным продолжит оставаться развитие политических и экономических связей со странами Восточной Азии. Помимо этого, можно предположить со стороны Индии активизацию наращивания военно-морского потенциала в этом районе земного шара — от Персидского залива до Малаккского пролива. Успешно развиваться будет секторальный диалог АСЕАН с Индией. Республика укрепит свои позиции в Восточноазиатском саммите, впервые проведенном в Малайзии в декабре 2005 г. Можно предположить вступление Индии в АТЭС. Вряд ли, можно многого ожидать от деятельности форума «Меконг — Ганг», объединивший Индию и пять стран АСЕАН — Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам, и организации БИМСТЕК, объединяющая Индию, Бангладеш, Шри-Ланку, Непал, Бутан, Мьянму и Таиланд. Хотя Индия вполне может предложить замену последней ассоциацией формата СААРК.

Вместе с тем из-за относительной ограниченности влияния республики ее позиции в Большой Восточной Азии останутся еще достаточно слабыми. Поддержка общерегиональных интеграционных процессов не будет являться серьезным приоритетом индийской экономической политики. Во-первых, экономические отношения Индии с южноазиатским и восточноазиатским регионами будут развиты недостаточно, тем более, что в последнее время произошло снижение доли Восточной Азии во внешней торговле Индии, а в целом страна остается не самым приоритетным партнером для стран региона.

Более того, экономические отношения Индии с Японией, например, продолжат носить в большей степени политический характер, чем иметь какую-либо реальную экономическую подоплеку. Во-вторых, индийская экономика сохранит ориентацию преимущественно на внутренний рынок и на экспорт будет приходиться незначительная доля индийского ВВП. Отсутствует также некий общий для всего азиатского региона внешний враг, который стимулировал бы региональные страны к интеграции, и в политическом плане Индия будет рассматриваться, скорее, как своеобразный баланс против Китая.

Однако перспективы азиатского гиганта в Восточной Азии очень неплохие, учитывая, что все больше стран региона начинают позитивно воспринимать Индию, что в определенной степени связано и с ее деятельностью в региональных интеграционных процессах.

Таким образом, вместе с США и Китаем, Индия будет к 2025 г. являться наиболее вероятным кандидатом на статус глобального центра влияния, однако, мировое сообщество еще будет не готово к признанию этого статуса.

8.3.2. Индия к 2050 году: средневзвешенный сценарий

Во внутривнутриполитическом положении Индии к 2050 году не произойдет существенных перемен. Неприкосновенными останутся политический режим и политическое устройство. Но начнутся сбои национального консенсуса в отношении макрозадач внутренней и внешней политики (в последнем случае прозападные элементы могут войти в прямое столкновение с национальными силами). В партийно-политической структуре значение региональных партий, созданных во многом на этно-лингвистической основе, продолжит возрастать, что как раз и может способствовать ослаблению общеиндийского согласия. Весьма вероятен и рост влияния Бахуджан самадж парти, организации бывших

неприкасаемых, которая станет третьей национальной партией, вместе с Индийским национальным конгрессом и Бхаратия джаната парти, и будет выступать на левом, а, может быть, и на ультралевом фланге.

В рамках данного сценария ослаблению общеиндийского согласия будет способствовать активизация, как прозападных деятелей, так и левых, которые во многом будут ориентироваться на Китай. Роль левых партий, в целом, заметно укрепитя, и в результате появятся серьезные расхождения и по экономическим вопросам. Произойдут серьезные изменения в федеративных отношениях. Появятся 7-10 новых штатов, и права штатов будут расширены. Скорее всего, возрастет уровень регионального сепаратизма, и наиболее серьезные проблемы возникнут на северо-востоке Индии и между различными штатами, в первую очередь по распределению водных ресурсов и центральных финансов.

Прямого военного столкновения с Китаем, скорее всего, не произойдет, а пограничный вопрос между двумя странами будет, видимо, просто использоваться в политической игре. Подобный тезис основан на том, что Индия будет выступать против полной гегемонии США, что будет несколько снижать остроту индийско-китайских противоречий.

Сохранятся серьезные территориальные проблемы с Пакистаном, и с большой долей вероятности можно ожидать крупномасштабных столкновений, которые приведут к изменению границы. В этом конфликте Пакистан будет опираться на исламский мир и Китай, а Индия — на США.

При нахождении у власти Националистической партии Бангладеш или военных и нарастания в стране процессов исламизации индийско-бангладешские отношения обострятся и возможны военные столкновения, которые, вряд ли, приведут к существенной перекройке границ. Вероятность территориальных раздоров с Непалом, Шри-Ланкой и Мьянмой не очень велика.

В Индии сохранится проблема обеспеченности некоторыми видами сырьевых ресурсов. Нахождения особо серьезных новых запасов природных ископаемых до 2050 г. сложно ожидать,

но определенный прогресс будет. Добыча углеводородов возрастет, в первую очередь, за счет добычи на шельфе. Индия резко активизируется в плане добычи нефти и газа в других странах, прежде всего, в России и Африке. Будет проходить постоянный ежегодный рост потребления нефти и газа. В результате уголь в структуре энергопотребления Индии может уступить первое место, за счет роста доли нефти, газа, атомной энергетики и возобновляющихся ресурсов. При этом Индия будет продолжать испытывать необходимость в импорте углеводородов и коксующихся углей. Резко возрастет добыча бокситов и железной руды в условиях существенного роста производства алюминия и стали.

До 2050 г. сохранятся острые проблемы с обезлесением, в частности и в связи с наращиванием добычи полезных ископаемых, очень часто расположенных именно в зоне лесов. Резко обострится проблема нехватки водных ресурсов и их загрязнения. За счет создания новых технологий будет увеличена цифра используемого объема водных ресурсов до 1,3-1,35 трлн. куб. м, но этого будет совершенно недостаточно, поскольку, по индийским расчетам, страна будет потреблять к 2050 г. 900 млрд. — 1,05 трлн. куб. м воды в год. Между южными штатами Индии можно прогнозировать настоящие столкновения, которые могут привести даже к кровопролитным стычкам.

Особую угрозу Индии несет и возможное потепление. На основании исследований, проведенных в стране, эксперты пришли к выводу, что к концу века общая средняя температура может повыситься на 3-6 градусов, причем максимальный рост придется на Северную Индию. Позитивным моментом является то обстоятельство, что более масштабное потепление придется на зиму и сентябрь-октябрь (если рост температуры произойдет в мае, когда температура в Северной Индии достигает до 50 градусов тепла, это вызовет тяжелейший катаклизм). К 2050 г. подобных изменений не ожидается, но климатическая обстановка все равно ухудшится.

Абсолютная численность населения Индии будет возрастать, но не столь существенно, из-за продолжающегося падения рождаемости. При этом к 2050 г. Индия станет самой населенной страной

мира. Проблему вызывает то обстоятельство, что доля лиц из более отсталых в социально-экономическом и культурном плане слоев будет возрастать. Это опасно для страны в плане занятости населения, поскольку крайне сложно будет обеспечить работой молодежь из данных слоев. А в условиях ее активизации это будет угрожать политической стабильности.

Индия до 2050 г. серьезно не столкнется с традиционными факторами дестабилизации индийской экономики. Международные экономические «шоки» не станут катастрофой, учитывая, что Индия сохранит опору на внутренние источники развития. Даже возможный к 2050 г. рост цен на энергоносители не окажет кардинального воздействия на экономическое развитие. Природные катастрофы (до реализации сценария глобального потепления) также не будут иметь радикальные последствия. Наибольшая опасность развитию индийской экономики будет исходить из внутренних политических и социальных причин.

По-видимому, Индия останется одним из мировых лидеров по ежегодным темпам роста. Если они, согласно средневзвешенным прогнозам, составят 5,6%, то ВВП по паритету покупательной способности в 2050 г. составит 32,24 трлн. (8,3 трлн. долларов по официальному курсу) и вплотную приблизится к США, а доход на душу населения (по ППС) будет равен 22 тысячам долларов (в ценах 2016 г.). В условиях ускоренной регионализации экономические связи Индии будут ориентироваться преимущественно на Восточную Азию.

Наиболее активно в Индии будет развиваться сфера услуг, автомобилестроение и электронная промышленность. При этом Индия продолжит демонстрировать одни из самых высоких в мире темпов роста потребления энергии и станет первой-второй страной, стимулирующей рост мирового спроса. На ее долю придется 7-10% потребляемой мировой энергии. Газификация страны будет на высоком уровне, и в стране останется менее 150 млн. человек, не имеющих доступа к электроэнергии.

Индия по-прежнему вряд ли сможет перейти на постиндустриальную фазу развития из-за сохранения огромного массива достаточно неквалифицированного населения, что затрудняет

внедрение новейших технологий внутри страны (крайне низкая стоимость ручного труда в Индии, необходимость обеспечивать работой население и т. д.). В сфере высоких технологий сохранится экспорториентированный путь, хотя на внутренний рынок пойдет намного больше высокотехнологического товара.

В Индии сократится бедность, но процесс будет происходить очень медленно. В лучшем случае доля бедных составит 20-25% (по международной методологии, тогда как по национальной, с крайне низкими критериями, власти к 2050 г. будут рапортовать о ее практически полной ликвидации). Сокращение неграмотности будет происходить быстрее, и к 2050 г. останется лишь 5-7% неграмотных. Позитивным фактором будет являться то обстоятельство, что численность среднего класса продолжит возрастать — до 600-650 млн. человек.

На положительной экономической динамике негативно могут сказаться политические и социальные кризисные моменты. Трудно рассчитывать на серьезное улучшение социального и экономического положения нижних страт и существенное сокращение разрывов в социально-экономическом развитии между различными кастами, городом и деревней, различными регионами к 2050 г.

Существует высокая вероятность активизации обездоленных в политической (уже упоминалось о предстоящем росте влияния Бахуджан самадж парти) и социальной сферах. Проходящий процесс ускоренной информационной глобализации в условиях существенного роста грамотности окажет все большее воздействие на обездоленную часть общества. Это при определенных условиях, прежде всего, в случае растворения традиционных цивилизационных ценностей, приведет к социальному взрыву, который будет сопровождаться очень большим количеством жертв. В этом плане наибольшие опасения вызывают выступления далитов, особенно в случае дальнейшего размывания кастовой системы.

В случае реализации данного пессимистического сценария (резкий рост политического и социального противостояния, религиозных и этнических противоречий) произойдет существенное замедление экономического развития.

До 2050 г. будет расти противостояние «традиционалистов» и «модернизаторов», склоняющихся к вестернизации, однако к особо серьезным потрясениям это не должно привести. В случае если США удастся сохранить мировое доминирование, позиции прозападной элиты серьезно укрепятся. Можно предположить, что будет происходить отток прозападной элиты в США и Европу, что, с одной стороны, будет ухудшать культурную динамику в стране, а с другой стороны, будет снижать уровень противостояния. В рамках нарастания многополярности и тенденции к регионализации, позиции двух сторон будут во многом равны.

Индуосо-мусульманские противоречия до 2050 г., по-видимому, обострятся, но, скорее всего, будут, как и прежде, решаться на уровне локальных конфликтов и погромов, чье число, правда, может возрасти. Скорее всего, позиции сторонников «хиндутвы» ослабнут, и приостановится рост политического индуизма в стране.

При этом в любом случае можно ожидать, что более агрессивно будут действовать индийские мусульмане, которые смогут получить массивную поддержку со стороны какого-то крупного блока исламских государств. Правда, по данному вопросу Индия сможет рассчитывать на поддержку США и России (а при определенных благоприятных условиях, возможно, и Китая).

Индия сохранит свое место в мировой науке, будет происходить процесс укрепления взаимосвязей индийской науки с мировой. Резко возрастет число научных публикаций — до 70-80 тысяч в год и индекс средней цитируемости работ. Индия, правда, по-прежнему будет уступать Западу в фундаментальной науке. Можно рассчитывать на самое серьезное развитие высоких технологий, и, помимо информационных технологий и биотехнологий, большой скачок будет осуществлен в других сферах.

Доля грамотных в Индии составит 93-95%, правда, число функционально неграмотных, в том числе и среди детей и молодежи, не сократится. Совокупный охват населения начальным, средним и высшим образованием приблизится к цифре 80-85%. Вырастут затраты на одного школьника и одного студента. Более активное участие в образовании, прежде всего высшем, примет частный бизнес.

Цифра охвата высшим образованием будет доведена до 35-40% и открыты дополнительно около 1200 университетов и 60 тысяч колледжей к 2050 г. В список 500 лучших университетов войдут 18-22 вузов из Индии. За год в Индии будут выпускать около 700 тысяч молодых инженеров.

Военный бюджет к 2050 г. будет составлять 80-100 млрд. долларов в зависимости от ситуации на глобальном уровне. Доля расходов на военные НИОКР продолжит возрастать. Существенный прогресс будет наблюдаться в деятельности индийского ВПК. Индия сможет сделать акцент на создании высокотехнологичной военно-промышленной и научно-технической базы в рамках государственной программы «Делай в Индии», которая направлена на локализацию производства ПВН, привлечение иностранных технологий, а в более долгосрочной перспективе — превращение страны в экспортера вооружений.

Практически все вооружение страны будет современным. Прогресс будет достигнут в деле модернизации всех основных родов войск. Особое значение будет придано ВМС, учитывая возможность прямого противостояния в индо-тихоокеанском бассейне азиатских гигантов. Произойдет существенная модернизация флота, и в качественном, и в количественном отношении.

Количество ядерных боезарядов возрастет не менее чем до 170-190 ядерных боезарядов. На вооружение армии поступят новые виды «Агни», возможно с превышением дальности полета в 5500 км, что будет означать наличие у Индии межконтинентальных баллистических ракет. Однако ракет, способных достигать территорию США, создавать не будут.

РФ сохранит ряд самых крупных сегментов ВТС с Индией и будет занимать господствующее положение в них. Произойдет окончательный переход модели ВТС с «торгово-посреднической» на кооперационную. Будет успешно реализована разработка тяжелого истребителя 5-го поколения ПАК ФА Т-50. Появятся новые совместные проекты, возможно участие Индии в модификации унифицированной гусеничной тяжелой платформы «Армата.» четвертого поколения до 5-го поколения, а также в совместном

проекте по созданию атомных подводных лодок. Особенно прорывным может стать масштабный проект создания новой национальной системы предупреждения о ракетном нападении и ПВО и ПРО. Возможно также подключение третьих стран к новым проектам России с Индией.

Новая модель сотрудничества, в которой очень заинтересована Индия, позволяет избежать неприятного для России общего индийского требования о том, чтобы в каждом военном контракте офсетные программы составляли не менее чем 30%. По существу именно в рамках данного сценария уровень российско-индийских военно-политических связей будет максимальный.

В то же время возрастут военно-политические связи Индии с США, Европой, Японией при их определенном ослаблении с Россией. РФ потеряет ряд крупных сегментов ВТС, и ее существенно могут потеснить США, европейские государства и Израиль.

В области внешней политики Индия будет сближаться с партнерами по БРИКС и противостоять возможности превращения мировой системы в однополярную. Для Индии независимый внешнеполитический курс останется главной целью, и подчинение кому-либо никак не будет вписываться в ее планы. Даже в условиях существования такого базового противоречия между Индией и Китаем, как соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам станут даже ближе. Индия по-прежнему не сможет войти в привилегированную часть мировой экономической системы, и, соответственно она будет сопротивляться правилам игры, навязанным развитыми странами.

Наибольшую неуступчивость Индия проявит в сфере финансов. Республике будет выгодно активизировать совместные действия в рамках БРИКС, что должно принести огромную выгоду и в плане укрепления положения в международных экономических организациях, и в ослаблении валютного давления на них. Индия продолжит сопротивляться и другим аспектам экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении развивающихся стран. В этом плане в Индии укрепится представление, что БРИКС мог бы стать для нее ключевым партнером и для

укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных проектов.

До 2050 г. возможно определенное нарушение общего консенсуса по вопросам внешней политики. Возрастет количество проамерикански настроенной элиты. Однако они вряд ли смогут добиться господствующего положения.

Индия пойдет на развитие тесного сотрудничества с США по целому ряду направлений, но увеличится количество расхождений по глобальной и региональной безопасности. В этой сфере Индия будет выступать, скорее, на стороне России и КНР. Индия будет развивать экономическое сотрудничество с Европейским Союзом, но реальные политические связи сведутся практически к нулю.

Подобное развитие ситуации позволит микшировать индийско-китайские расхождения, и сохранение базового противоречия — недоверие друг к другу — не перерастет в военное противостояние. В этих условиях в индийско-китайских отношениях до 2050 г. не произойдет существенных изменений. Правда, произойдет сближение двух стран в плане борьбы против сепаратизма, религиозного радикализма и международного терроризма. И Индия, и Китай смогут даже выступать совместно в плане обеспечения безопасности в Центральной Азии. Возможно и создание совместных экономических предприятий в третьих странах в сфере добычи углеводородов, в первую очередь, в Африке и Латинской Америке.

Российско-индийские отношения останутся на высоком уровне. При этом ВТС сохранит за собой роль основного звена этих отношений. Возрастут объемы военных поставок РФ. Сохранятся самые тесные политические связи между двумя странами, и продолжатся постоянные политические консультации по самому широкому кругу вопросов, которые смогут дать конкретные результаты. Укрепится крупномасштабное сотрудничество между Россией и Индией по решению глобальных проблем, особенно в плане недопустимости установления однополярного мира; продолжения непримиримой борьбы против исламистского экстремизма и радикализма; сопротивления тем аспектам

экономической глобализации, которые негативно сказываются на положении стран не-Запада. В результате позиции двух держав по всему комплексу мирополитической проблематики могут даже стать еще ближе.

Тесные связи между двумя странами будут существовать и по региональным проблемам. Между Россией и Индией вряд ли возникнут расхождения по реакции на ситуацию в Центральной Азии, где наладиться сотрудничество по разным направлениям: политическим, экономическим и военно-политическим. Достаточно близкими будут подходы двух стран по Ближнему Востоку, Африке и Европе. При этом Дели сохранит подход о необходимости использовать исключительно политико-дипломатические средства. Россия и Индия будут активно сотрудничать в рамках РИК — БРИК — БРИКС, ШОС и Восточноазиатском саммите. Возможны первые случаи совместного военно-морского сотрудничества России, Китая и Индии.

Экономическая подсистема двусторонних отношений останется самым слабым звеном, но произойдет существенный прогресс, прежде всего в сферах атомной энергетики, совместного сотрудничества в углеводородной сфере, включая предоставление Индии намного большего доступа к нефте-газовым ресурсам России. В случае создания транспортного коридора Север-Юг (Европа — Россия — Иран — Индия — Восточная Азия) довольно серьезно возрастет торговый оборот. Начнется сотрудничество в аграрной сфере. Существенно укрепятся научно-технические связи.

Произойдет и активизация экономического сотрудничества в рамках треугольника Россия-Индия-Китай. Особенно привлекательно выглядит возможность наладить сотрудничество в сфере высоких технологий (в первую очередь, космос, информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии) и соединить российскую фундаментальную науку и ресурсную базу с индийской инженерной мыслью и китайским производством с его качественной и дешевой рабочей силой. Полученный продукт имел бы и огромный рынок сбыта: Большая Восточная Азия сохранит высокие долговременные темпы роста, и там постоянно растет

покупательная способность населения. Организация кооперации по полному циклу «разработка — внедрение — производство — сбыт» могла бы стать важнейшей составной частью экономического сотрудничества, которое, как и объемы рынков, станут привлекать дополнительные иностранные инвестиции.

Южная Азия останется модельным регионом, где конфликтная взаимозависимость значительно перевешивает комплиментарную. По-видимому, в отношении Пакистана до 2050 г. в соотношении силовых и «либерально-компромиссных» начал во внешнеполитической стратегии Индии первые будут играть основную роль. Индийско-пакистанские отношения будут характеризоваться практически постоянными «заморозками», которые вполне могут завершиться крупномасштабной войной. Победу, по-видимому, одержит Индия, но не окончательную. При негативных сценариях война может стать ядерной, что поставит под вопрос существование Пакистана и крайне отрицательно скажется на позициях Индии, и политических, и экономических, и культурных.

Индия продолжит резкую активизацию действий в Восточной Азии — по всем направлениям. Можно предположить со стороны Индии резкое наращивание военно-морского потенциала в этом районе земного шара — от Персидского залива до Малаккского пролива. Успешно развиваться будут связи с Японией, Южной Кореей и странами Юго-Восточной Азии. Республика продолжит укрепление своих позиций в Восточноазиатском саммите.

Индия будет стремиться стать третьим после США и Китая (и вторым региональным) актором в Большой Восточной Азии. Отношения Индии со странами Юго-Восточной Азии во многом сходны с взаимосвязями Китая с государствами Южной Азии: для более мелких стран региона соседний гигант (Индия для Южной Азии, а КНР для Юго-Восточной Азии) является как перспективным экономическим партнером, так и угрозой безопасности (прежде всего, в плане попадания в зависимость). В результате страны Юго-Восточной Азии крайне благожелательно относятся к укреплению взаимосвязей с Индией, проводя политику балансирования и опираясь на другие региональные (Индия, Япония)

и внерегиональные державы (в первую очередь, США), и активно поддерживают деятельность Индии в региональных структурах.

Поддержка общерегиональных интеграционных процессов может стать серьезным приоритетом индийской экономической политики, учитывая предполагаемый существенный рост внешней торговли и инвестиционных проектов с Восточной Азией. К 2050 г. перспективы азиатского гиганта в регионе будут достаточно хорошими.

Произойдет некоторое обострение политических взаимоотношений с Ближним Востоком. Ослабнут и экономические связи, в том числе и в плане импорта Индией углеводородов из стран Персидского залива. При этом для политики Индии на Ближнем Востоке будет характерно невмешательство в региональные конфликты, хотя политика балансирования не станет основным параметром. Так, вполне вероятно, что в конфликтном треугольнике США — Израиль — Иран Дели полностью откажется от какой-либо поддержки Ирана.

При любых сценариях, наряду с США и Китаем, Индия является наиболее вероятным кандидатом на статус глобального центра влияния к 2050 г., и скорее всего, будущее мира будет определяться развитием отношений в треугольнике США — Китай — Индия. Россия, Европейский Союз и Япония могут стать частью новой геометрической фигуры, но это во многом будет зависеть от их политической воли и динамики экономического развития. При этом к 2050 г. вполне вероятно, что мировое сообщество признает статус Индии как великой державы.

**Глава IX.
Дальневосточный
регион**

9.1. Современное состояние региона

Современное состояние Дальневосточного региона характеризуется действием противоречивых тенденций. С одной стороны, это динамично развивающийся регион, показывающий хорошие темпы экономического роста, куда смещается фокус мировой торговли и финансово-экономической активности. С другой стороны, для региона характерна высокая степень международной напряженности, вызванная территориальными спорами и военно-политическим противостоянием.

Среди таких территориальных конфликтов: японо-китайский спор о островах Дяюйдао/Сенкаку, японо-корейский спор об островах Такэсима/Токто, претензии КНР на суверенитет над Тайванем, многосторонний конфликт вокруг архипелага Спратли, проблема разъединенности Северной и Южной Кореи, претензии Японии на четыре российских острова Курильского архипелага. Причем эти споры происходят с участием стран-обладательниц ядерного оружия — КНР, КНДР, России и США через обязательства по обеспечению безопасности Японии и Южной Кореи.

В регионе также идет постепенное изменение баланса военных сил от американо-японской коалиции в пользу Китая. Если до 2010 г. в Японии главенствовало убеждение, что у нее есть преимущество в воздухе и на море, то на начало 2017 года КНР изменил это в свою пользу. Одновременно КНДР находится на грани прорыва в

новое военно-политическое качество — приобретение полноценного потенциала ядерного сдерживания, что еще больше изменит баланс военных сил не в пользу США и их союзников.

Все это происходит на фоне перераспределения мировой экономической мощи в пользу Китая. Таким образом, прежняя ставка США на свое экономическое превосходство, которое рассматривалось как залог победы в гонке вооружений с любым потенциальным противником, больше не срабатывает. Возникает реальная возможность утери Соединенными Штатами роли доминирующей военной державы в АТР со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В Японии экономическое возвышение Китая сначала воспринималось с ревностью и опасением за собственные экономические позиции. Теперь же добавился страх за военную безопасность страны. Мощь Китая во всех сферах, растет стремительными темпами. В 2010 г. Китай по размерам ВВП стал второй экономической державой мира, а сейчас уже возможно и первой (если считать по ППС). В Японии финансовое стимулирование и более активное участие женщин в рабочей силе помогут ускорить рост экономики до 1,2% в 2017 году по сравнению с 1% в 2016 г. Но рост Китая куда значительнее и он все активнее вытесняет Японию из Юго-Восточной Азии.

В этих условиях Япония стремится сформировать региональную коалицию против Китая, втягивая в свои комбинации Индию. Если этот план сработает, то Китаю придется противостоять Японии и Индии, у которых по отдельности недостаточно сил для конкуренции с Китаем. В конце 2015 г. Индия и Япония договорились объединить транспортные коридоры и сообща «укреплять мир и процветание» в Индийско-Тихоокеанском регионе. Индия и Япония выступают за свободу судоходства в Южно-Китайском море.

Между США и КНР идет борьба за союзников в Юго-Восточной Азии. Пекин использует китайскую диаспору и экономические стимулы для привлечения на свою сторону государств Юго-Восточной Азии и Океании. В 2017 г. Китаю практически удалось договориться с Филиппинами по спорной акватории в Южно-Китайском море. Но затем Филиппины изменили свое решение под давлением США.

США и их союзники будут в среднесрочной перспективе до 2025 г. менее склонны использовать военную силу в прямой форме, прибегая к новым технологиям ведения войны как наиболее приоритетным. Исключение составляет вопрос корейской ядерной программы 2017 г., который Вашингтон может попытаться решить военным ударом по соответствующей инфраструктуре КНДР. Но Китай не заинтересован в изменении баланса сил на корейском полуострове и делает пространные заявления, что не допустит военного решения проблемы. Россия также отвергает военный сценарий против КНДР.

Южная Корея и Япония, хотя на словах и поддерживают воинственную риторику Вашингтона, на деле опасаются реальной войны на полуострове, особенно после того, как КНДР недвусмысленно продемонстрировала, что располагает ядерным оружием и готова пустить его в ход. Понятно, что такой сценарий означал бы уничтожение республики Корея и нанес бы огромный ущерб Японии. Не исключено, что за кулисами Токио и Сеул оказывают сдерживающее влияние на Вашингтон по северокорейскому вопросу.

В сентябре 2012 г. Япония выкупила острова Сенкаку (Дяоюйдао) у частных владельцев за 2 млрд. 50 млн. иен (26 млн. долл. по курсу того времени). Это было резко осуждено в Пекине, который считает, что суверенитет над островами Дяоюйдао «бесспорно принадлежит Китаю», и такие действия могут не только подорвать основы двусторонних отношений, но и нанести «непоправимый урон» стабильности в Восточной Азии.

В ноябре 2013 г. Пекин заявил о создании опознавательной зоны противовоздушной обороны в Восточно-Китайском море. В зоне оказались Сенкаку и остров Иодо (скала Сокотра), на который претендует Южная Корея. Резко участились полеты самолетов китайских ВВС к границам Японии — им навстречу по тревоге поднимались японские самолеты. За шесть лет (2008–2013 гг.) число таких полетов выросло с 31 до 415, т.е. в 13,3 раза.

Остаются проблемы в отношениях между Южной Кореей и Японией. Токио претендует на острова Лианкур, контролируемые

Южной Кореей. В свою очередь Сеул ставит вопрос о недостаточно последовательном осуждении Японией прошлой колониальной политики в отношении Кореи. Споры в отношении о-вов Лианкур вновь вспыхнули, когда префектура Японии Симанэ (Shimane) объявила «день Такэсима» (по-японски эти спорные островки называются «бамбуковыми островами», т.е. «Такэсима»), спровоцировав демонстрации в Южной Корее. Отказ президента Но Му Хена присоединиться к обсуждению проблемы спорных территорий (25-го апреля 2006 г.), затронутой в рамках конвенции ООН по морскому праву, а также визит президента Ли Мен Бака на острова Лианкур вызвали протесты со стороны Японии.

9.2. Сценарии развития региона до 2025 и 2050 годов

В Дальневосточном регионе условно можно выделить два вероятных сценария развития международной обстановки, которые идут в русле общемировых тенденций. С одной стороны, это политика глобального военно-силового противостояния Запада, направленная на удержание своего мирового доминирования. С другой стороны, - это объективная тенденция к укреплению многополярности мировой системы, вызванная ростом новых центров силы, прежде всего, Китая. Отсюда и два возможных сценария развития региона, которые можно условно обозначить как «жесткая глобализация» и «мягкая глобализация». При этом сценарий жесткой глобализации будет развиваться в том случае, если политика западной цивилизации по блокированию многополярности будет иметь временный успех на этапе до 2050 года. В случае же, если эта политика окажется малорезультативной, то в регионе возобладает сценарий мягкой глобализации.

9.2.1. Сценарий 1. Мягкая глобализация

Этот сценарий соответствует глобальному сценарию, обозначенному, как «Мягкая глобализация», в ходе которого США частично сохраняют свои позиции мирового лидерства, но будут вынуждены считаться с интересами новых центров силы в различных регионах. В данном случае — с интересами Китая в Северо-Восточной Азии. К тому же, США постараются переложить бремя военного сдерживания на своих союзников, чтобы укрепить свою экономику и военную мощь. В Дальневосточном регионе главными союзниками США выступают Япония и Южная Корея. В этом контексте будет происходить укрепление военного потенциала Японии и ее политического влияния. Республику Корея ожидает укрепление экономического влияния.

КНДР останется в качестве буферной зоны между КНР и союзниками США. В эти годы продолжаются переговоры между КНДР и РК (при содействии КНР и Японии) об урегулировании отношений. Вероятно, что страны региона признают КНДР де-факто ядерной страной и начнут переговоры об ограничении военной деятельности, мерах доверия и взаимной безопасности.

По оценке экспертов, сейчас ядерный арсенал КНДР насчитывает 10–15 боезарядов. Северокорейские военные специалисты сознают, что резкое увеличение числа зарядов, скажем, до 100–150, не сделает потенциал сдерживания в десять-пятнадцать раз мощнее. Поэтому, поскольку основные силы сдерживания сегодня уже созданы, КНДР может быть готова к обсуждению отказа от их дальнейшего наращивания, что и предлагал министр иностранных дел Китая. Переговоры могут пойти по традиционной северокорейской модели: готовность Пхеньяна к уступкам должна быть компенсирована готовностью его партнеров за эти уступки заплатить — предположим, прекращением совместных американо-южнокорейских маневров и снятием части санкций.

В Восточной Азии обострится борьба за шельфовые ресурсы. Особенно опасными представляются японо-китайские противоречия вокруг шельфовых месторождений углеводородов в районе двух китайских морей — Южно-Китайского и Восточно-Китайского.

В период до 2050-го года можно предположить создание военно-политической организации по итогам конференции по урегулированию корейской проблемы. В нее войдут КНР, Россия, Япония, КНДР, РК и США. Эта организация со временем станет заниматься не только военно-политическими вопросами, но и вопросами экономики и развития инфраструктуры. В частности — транспортными проектами, включая Транскорейскую железную дорогу.

Республика Корея и КНДР после подписания договора о мире откроют границы. Республика Корея укрепит свои демографические позиции и обеспечит продолжительное экономическое развитие. Объединения Кореи не произойдет из-за необходимости сохранения буферной зоны между КНР и Японией. Японская экономика будет находиться в стагнации, усугубленной демографическим кризисом.

Всеобъемлющее региональное партнерство КНР будет развиваться, в нем все активнее будет участвовать Южная Корея. Экономический статус КНР и Республики Корея повысится, а Японии и КНДР — понизится. Возможно возвращение к идее Транс-Тихоокеанского партнерства для укрепления западного блока в Восточной Азии.

Тайвань станет частью Китая. Залогом этого служит усиление комплексной взаимозависимости острова и материка, что со временем превратится в «асимметричную зависимость». В результате проблема будет решена на условиях Пекина, причем мирным путем. Аналогичным образом будет решена и проблема Тибета, ключевую роль в этом сыграет продуманная экономическая и миграционная политика китайских властей.

Морские территориальные споры, в частности, из-за островов Сенкаку, будут решены в интересах Китая. Вместе с тем оснований ожидать, что Китай пересмотрит параметры урегулирования споров на своих сухопутных границах, объективно немного.

Параллельно с этим Китай активизирует развитие своих военно-морских программ и выйдет не только за «первую», но и за «вторую» цепь островов. Следовательно, ВМС объединенного китайского государства будут контролировать основные судоходные пути и стратегически важные проливы Желтого и Восточно-Китайского морей.

Наращение военной мощи Китая будет менять военно-политическую обстановку в пользу КНР. Япония не сможет на это влиять. Китай будет становиться политическим, военным и экономическим лидером региона. Китай в период до 2050 г. опередит по оценке сетевой мощи ЕС.

Таблица 9. 1. Структура сценария «Мягкая глобализация»

Области проявления	2025 г.
Экономика	Развитие экономического сотрудничества между двумя Кореями
	Строительство транспортных коридоров и инфраструктуры
	Диверсификация торговых связей Северной Кореи
Политика	Сотрудничество США и КНР по замораживанию ядерной программы КНДР
	КНДР де факто остается ядерной державой, но обязуется не применять ядерное оружие первой и меняет политический курс
	Создание международной организации по урегулированию корейской проблемы, которая будет состоять из КНР, Японии, КНДР, РК, России и США
	Усиление коалиции Япония–Южная Корея
Военная сфера	Нейтральный внеблоковый статус Северной Кореи
	Заморозка ядерной программы
	Изменение политического курса Северной Кореи — отказ от объединения с РК военным путем
	Ужесточение конфликта в Восточно-Китайском море между Китаем и Японией
Информационная сфера	Острая конкуренция в сфере средств массовой информации и коммуникаций развитого (Запад) и центров силы развивающегося мира
Области проявления	2050 г.
Экономика	Усиление интеграционных процессов между двумя Кореями
	Соперничество за влияние на Северную Корею между Южной Кореей и Китаем
Политика	Китай наращивает влияние на третьи страны, через которые проходят торговые суда Японии и Южной Кореи, чтобы контролировать морскую торговлю
Военная сфера	Изменение военного баланса в регионе в пользу Китая
	Попытка решения проблемы спорных территорий в Восточно-Китайском море между Китаем и Японией в пользу Китая
	Размещение военных баз Китая в островных государствах, которые обладают географически важным положением для выхода товаров в открытый океан
Информационная сфера	Острая конкуренция в сфере средств массовой информации и коммуникаций развитого (Запад) и центров силы развивающегося мира
	Сетевые и сетечентрические войны

Следует отметить, что на рубеже 2030-2050 гг. при ускоренном экономическом развитии Китая, росте его военно-политической мощи и обеспечении контроля за транспортными маршрутами можно ожидать перехода к новой биполярности. Однако этот сценарий менее вероятен, чем «Мягкая глобализация».

9.2.2. Сценарий 2. Жесткая глобализация

Жесткая позиция администрации Трампа в отношении КНДР может привести к очень опасным последствиям, включая крупную войну в регионе. Такая война может начаться в случае удара США по военным объектам в КНДР или попытки сместить режим в Пхеньяне путем диверсионной операции с участием южнокорейских военных. Пока действия США воспринимаются соседними странами, прежде всего Китаем и Россией как способ оказания силового давления на Пхеньян. Однако полной гарантии того, что США не пойдут на силовую авантюру в отношении КНДР не может дать никто. А если это произойдет, то реакцию Пекина и Москвы полностью предсказать не возможно. Расчеты Вашингтона, что Китай не вмешается в конфликт на стороне Северной Кореи, могут оказаться ошибочными.

В итоге все может вылиться в повторение Корейской войны 1950-1953 годов. При реализации этого сценария развития корейской проблемы противостояние между КНР и западными странами усилится. Экономические связи в регионе, естественно, ослабнут. Возможна также эскалация напряженности в территориальном вопросе по Восточно-Китайскому морю между Китаем и Японией. При этом сценарии будет происходить резкая милитаризация Японии и Южной Кореи. России также придется наращивать свои вооруженные силы в Дальневосточном регионе.

Ускорится и модернизация ядерных сил КНР. Уже сейчас по прогнозам американских экспертов, к 2020 г. Китай может достичь потенциала так называемого «доктринального» или ограниченного

ядерного сдерживания. На боевом дежурстве будет стоять до 200 МБР, как шахтных, так и на автомобильном шасси. Основу составят комплексы «Дунфын-31НА» и «Дунфын-41» с дальностью 11 и 14 тысяч км соответственно, а последняя может нести до 10 боевых блоков (как боеголовок, так и ложных целей). Таким образом, на ракетах СЯС КНР после отработки данной технологии может размещаться несколько боеголовок, а также ложных целей, что увеличит как ударный потенциал, так и выживаемость БЧ при преодолении системы ПРО. Главное планируемое нововведение — система раннего предупреждения о ракетном нападении, которой КНР в настоящее время не обладает.

Развитие на юге острова Хайнань китайской подземной базы подводных лодок вместимостью до 20 единиц, станет еще одним важным фактором китайской стратегии ядерного сдерживания. К 2020 г. число ПЛАРБ в составе ВМС НОАК, может быть доведено до восьми. К тому же в Китае идет разработка ПЛАРБ нового поколения проекта 096, первая из которых может вступить в строй в 2020 году.

Китай располагает значительным количеством самолетов тактической авиации, способных нести ядерные боеприпасы. Наиболее технологически совершенные — Су-30 и их китайские аналоги (более 100 единиц), при необходимости могут быть оснащены свободнопадающими ядерными бомбами, а в перспективе и крылатыми ракетами.

Своеобразным оружием сдерживания может служить противокорабельная баллистическая ракета DF-21D, способная поразить обычной маневрирующей боевой частью подвижную надводную индивидуальную цель на расстоянии до 1500 км. Ракету уже окрестили «убийцей авианосцев». Можно утверждать, что ракеты нестратегической дальности — один из приоритетов развития ядерных сил ввиду наличия в Северо- и Юго-Восточной Азии американской военной инфраструктуры.

Производятся разработки маневрирующих боевых частей, легких и тяжелых ложных целей для размещения на МБР и ПЛАРБ; противоспутникового оружия кинетического и электронного воздействия. ВПК КНР работает над повышением точности

стратегических и нестратегических боевых систем, включая совершенствование астрокоррекции и систем управления. Таким образом, НОАК будет усиливать возможности по региональному сдерживанию, что может компенсировать пока недостаточный потенциал для поражения материковой территории США.

Территориальные споры и милитаризация региона будут приводить к конфликтам между КНР и Японией. Участие Японии в ВРЭП (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство) может быть приостановлено. Вероятно возвращение к идее создания Транс-Тихоокеанского партнерства, в котором не будет Китая.

В перспективе до 2050-го года США будут стремиться ограничить распространение влияния КНР путем консолидации своих союзников — Японии, Южной Кореи, Филиппин, Канады и Австралии. Будут усиливаться попытки втянуть в антикитайскую комбинацию Индию, а также рассорить Китай и Россию. Экономическое давление на Китай будет происходить через вывод производств и другие меры по сдерживанию роста китайской экономики, и которые будут препятствовать продвижению Китая в другие регионы. Союзники США в АТР будут переносить активы и инвестиции в страны Юго-Восточной Азии, вовлекая в свою орбиту постепенно и оставляя достаточно возможности для маневра. Япония будет активно препятствовать продвижению Китая в Африке, Индия активнее будет инвестировать в страны Юго-Восточной Азии, где сейчас сильны китайские позиции.

Запад будет наращивать влияние на правящую элиту КНР с помощью информационно-психологических средств воздействия. Меры по ограничению доступа к финансовым ресурсам, банковским активам, счетам за рубежом, ограничению выездов в служебные и частные зарубежные поездки и т.д., можно с полным основанием рассматривать как средства влияния на отобранных специально представителей правящей элиты, что наглядно было видно на примере санкций в отношении отдельных деятелей РФ в 2014–2016 гг.. Распространение санкций на отдельные группы лиц и корпорации превратится в систему мер принуждения

представителей правящей элиты в рамках политики «новой публичной дипломатии».

До настоящего времени КНР ведет себя относительно сдержанно, что совершенно не означает, что его внешняя и военная политика будет оставаться такой после 2025 года. Очень важно, насколько КНР сумеет сконцентрировать вокруг себя силы и государства, расположенные не только в АТР, но и в Африке и даже в Европе. Его влияние в Африке, например, уже ощущается сильнее, чем традиционных бывших колониальных держав, а на Ближнем и Среднем Востоке можно прогнозировать стремительное усиление позиций КНР еще до 2025 года. Так что, региональное противостояние США и их сателлитов с КНР может, в конце концов, вылиться в противостояние глобального уровня, как это было между СССР и Западом в период «холодной войны».

Таким образом, «Жесткая глобализация» — это череда конфликтов с соседями, экономическое давление, спад экономической активности, противодействие формированию западной коалиции в АТР и вовлечению в нее стран Юго-Восточной Азии и Центральноазиатских государств. Данный сценарий ослабит экономическое развитие и сотрудничество всех стран региона, понизит доверие и будет провоцировать военные столкновения.

9.3. Китай

9.3.1. Современное внутреннее и международное положение Китая

Китай является первой по численности населения страной мира и второй — по экономической мощи. Китай обеспечивает 25% мирового промышленного производства, 14% мирового экспорта и обладает крупнейшим в мире финансовым капиталом

(активы банковской системы Китая достигли 33 трлн. долларов). Помимо этого, Китай является крупнейшим в мире экспортером продукции цифровых технологий, опережая и Японию, и ЕС, и США. По абсолютному числу пользователей интернета КНР находится на первом месте в мире (свыше 250 млн. чел.).

К тому же, Китай является одной из древнейших цивилизаций и представляет альтернативный западному путь развития. Как таковой, Китай имеет хороший потенциал для того, чтобы заменить США в роли мирового лидера. Однако у Китая есть множество ограничений, которые он должен преодолеть для достижения этой цели.

С другой стороны, несмотря на явные успехи в экономическом развитии, Китай сталкивается с целым рядом проблемных факторов, обострение которых в будущем может крайне негативно отразится на дальнейших перспективах страны. Среди этих проблемных факторов — экологические трудности, энергетические, военные, транспортные проблемы, а также территориальные споры с соседями.

Так, например, экономические потери Китая от нарушения экологического равновесия и загрязнения окружающей среды оценивают от 10% до 20% ВВП, причем около 2/3 потерь от нарушения экологического равновесия и 1/3 от загрязнения окружающей среды. Таким образом, можно считать, что 2/3 потерь связаны с чрезмерной нагрузкой на среду в сельской местности из-за перенаселения, а остальные связаны с современным промышленным производством. В целом же загрязнение воздуха и водных ресурсов определяют остроту экологической проблемы. Наиболее чувствата кризисом ситуация с разрушением природной среды в перенаселенной сельской местности, поскольку экологический кризис в этом случае перерастает в социальный.

Особое место в экономической политике Китая начинает занимать сохранение устойчивого комплексного экосоциального (экологического и социального) баланса как в самом Китае, так и по возможности за его пределами. Переговоры о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве будут продвигаться между странами

АСЕАН и их региональными партнерами по ЗСТ: Австралией, Индией, КНР, Новой Зеландией, Южной Кореей и Японией.

Среди экономических проблем можно назвать рост долговой нагрузки. По данным Всемирного банка, долговая нагрузка экономики КНР возрастала в среднем на 20% в год в 2009–2015 гг. В итоге Пекину удастся достигать заявленных показателей роста ВВП во многом из-за постоянного увеличения внутреннего долга, который сейчас составляет около 282% ВВП.

Экономический рост в Китае, как ожидается, замедлится с 6,7% в 2016 г. до 6,5% в 2017 г. и до 6,3% в 2018 г., поскольку экономика осуществляет переход от ориентации на внешний спрос и тяжелую промышленность к ориентации на внутреннее потребление и сферу услуг. На 2017 г. Пекин наметил цель достичь роста в 6,5% или более. Премьер Ли признал, что такого результата в следующем году достичь будет довольно трудно. Однако глава правительства отметил, что в случае успеха это поможет создать более 11 млн. рабочих мест, которые так необходимы китайской экономике.

Экономические проблемы Китая осложняются еще и кризисом перепроизводства в секторах тяжелой промышленности. Банкротство и закрытие цементных, угольных и сталелитейных заводов чревато массовыми увольнениями рабочих: Пекин заявлял о намерениях сократить до 1,8 млн. человек только в угольной промышленности.

На долю КНР в 2010 г. приходилось 10,6% мирового потребления нефти (428,6 млн. т). По этому показателю Китай занял 2-е место после США (21,1%, 850 млн. т). По прогнозам МЭА, к 2030 г. Китай догонит США по импорту нефти. Не случайно, для Китая Персидский залив стал и, видимо, останется в ближайшие 20–30 лет наиболее удобным и близким по сравнению с Африкой или Латинской Америкой рынком нефти. Все большее значение для обеспечения энергетической безопасности КНР приобретает и Африканский континент, особенно страны Гвинейского залива и Судан.

Более 85% нефти и нефтепродуктов доставляется в КНР из Персидского залива и Африки по Индийскому океану через

подверженный пиратским нападениям узкий Малаккский пролив. Ощущая столь большую зависимость от поставок нефти извне, Пекин стремится оградить страну от любых попыток перерезать пути энергоснабжения. Китай внес значительные инвестиции в инфраструктуру Африканского континента — в Анголе, Экваториальной Гвинее, Республике Конго и Южном Судане, — объем которых составляет более 17% от китайского импорта сырой нефти.

В то же время Пекин вынужден учитывать, что США господствуют в ряде стран и регионов, которые являются источниками нефти, руды и других критических ресурсов для Китая (прежде всего — Ближний Восток). Пока более мощный флот США может легко заблокировать морские поставки в Китай даже из тех мест, которые Вашингтон напрямую не контролирует. Поэтому китайское руководство уделяет большое внимание решению проблем транспортировки нефти в целом, особенно через Малаккский пролив, который председатель КНР Ху Цзиньтао не без оснований назвал «Малаккской дилеммой».

Военное превосходство США в Мировом океане и, особенно, в Малаккском проливе, рассматривается Пекином как потенциальная угроза. Для парирования этой угрозы, Пекин разработал стратегию по обеспечению безопасности транзита — «Нить жемчуга», подразумевающая под «жемчужинами» опорные пункты ВМС и ВВС КНР, которые протянулись от о. Хайнань в Южно-Китайском море до Юго-Западной Азии и Восточно-Китайского моря.

Стратегия «Нить жемчуга» также нацелена на осуществление давней мечты Пекина — получение непосредственного выхода в Индийский океан через Бенгальский залив, минуя Малаккский пролив. Достижение этой цели стало вдвойне актуальным в связи с принятием в 2000 г. программы ускоренного развития юго-западных провинций КНР — Юньнани, Сычуани и др. Строительство сети дорог и трубопроводов в эти провинции и в глубь «Срединного царства» из портов в Индийском океане, к примеру, в Мьянме, ускоряет и удешевляет доставку товаров и энергоресурсов.

Для обеспечения бесперебойных поставок энергоресурсов и транзита товаров Китай реализует инициативу «Один пояс — один путь». В него, в частности входят, входят:

1. Экономический пояс Шелкового пути — сухопутная сеть автомагистралей и железных дорог, которая сейчас состоит из 3 веток: — Южно-Азиатской, Китайско-Пакистанской, Центральноазиатской и в перспективе Российско-Китайской. При строительстве некоторых веток подразумевается обеспечение безопасности Китая над его пунктами. Так, Китайско-Пакистанская ветка заканчивается в глубоководном порту Гвадар, который находится под арендой КНР и в котором размещены войска КНР. В этом месте ЭПШП соединяется с МШП.
2. Морской Шелковый путь — сеть морских портов и баз — в Джибути, в Пакистане, на островах Океании, в Юго-Восточной Азии, в перспективе: в Мьянме, Бангладеш, Шри-Ланке и ряде стран Африки.

С другой стороны, стремление обеспечить защиту морских коммуникаций начинает приводить Китай к конфликтам с соседними государствами. Наиболее острый территориальный конфликт из-за островов в Южно-Китайском море возник у Китая с Вьетнамом и Филиппинами. В этот конфликт сразу же вмешались США, пытающиеся сколотить региональный антикитайский блок. Нарастивая свою активность в спорных водах Южно-Китайского моря, Китай решительно отвергает попытки США вмешиваться в его конфликты с соседями, равно как и обращение в международный арбитраж. Он настаивает на том, чтобы все споры разрешались на двусторонней основе. А для принуждения соседей к принятию китайских условий, Пекин использует как экономическое и политическое давление, так и поощрение. В одних случаях эти меры приводят к желательным для Пекина уступкам со стороны оппонентов, в других — к отторжению и попыткам найти поддержку у других держав региона и у США.

На Тайване из-за предполагаемой угрозы со стороны КНР наращивают вооружения и обращаются к США за поставками F-35. Территориальные споры вокруг островов Сенкаку/Дяюйдао

в Восточно-Китайском море оказывают влияние на японо-китайские экономические отношения. В Японии принято стратегическое решение взять курс на снижение инвестиций в Китай, постепенно переориентируя их на другие регионы, прежде всего, в страны Юго-Восточной Азии. В 2011 г. Япония уже пострадала от введенного Китаем запрета на вывоз из страны редкоземельных металлов, которые широко применяются в современной промышленности. И это тоже заставило японцев задуматься об издержках зависимости от Китая.

Вместе с тем, Китай критически зависит от США, стран Европы и Японии, в качестве своих главных экспортных рынков. Кроме того, поскольку Китай импортирует существенную долю жизненно необходимого сырья и транспортирует его преимущественно по морю, он чрезвычайно уязвим для морской блокады, к которой Вашингтон может прибегнуть в случае крупного конфликта с Пекином.

Внешнеполитическая активность Пекина отвечает настроениям подавляющего большинства китайского общества и тем самым способствует поддержанию стабильности. Внутренняя политика нацелена на смягчение социальных противоречий, обострившихся за предыдущие годы. Особо значимую роль играет беспрецедентная по размаху антикоррупционная кампания, затронувшая многих высокопоставленных лиц.

Китаю может потребоваться 15–20 лет, чтобы достигнуть военного паритета с американо-японским альянсом в Восточной Азии. Уже сегодня Китай ставит на вооружение новые подводные лодки с баллистическими ракетами, мобильные наземные комплексы с ракетами, оснащенными разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ). Ведутся работы в области перспективных систем — гиперзвуковой ракеты, а также баллистической ракеты, способной атаковать морские цели.

НИОКР Китая сконцентрированы и вокруг повышения возможностей преодоления любой противоракетной обороны вероятного противника. В связи с этим ведутся разработки маневрирующих боевых частей, легких и тяжелых ложных целей для

размещения на МБР и БРПЛ, противоспутникового оружия кинетического и электронного воздействия. Китайский ВПК работает над повышением точности стратегических и нестратегических боевых систем, включая совершенствование астрокоррекции и систем управления.

В 2004-2014 гг. КНР в среднем тратил более 9% ВВП на военный бюджет. В период 2017-2025 гг. КНР также будет продолжать модернизацию с упором на морское оружие, баллистические ракеты малой и средней дальности, боевую авиацию, систему противовоздушной обороны, информационное оружие, морские и воздушные десантные операции. Модернизация Народно-освободительной армии Китая (НОАК) осуществляется в соответствии с доктриной операций по ограничению доступа к определенным территориям (anti-access/area denial — A2/AD). Фактически это асимметричный ответ на американскую концепцию «воздушно-морской операции» (air-sea battle).

Китай форсированными темпами создает «флот открытого моря», который станет мощным политическим инструментом по защите собственных интересов в АТР. Ныне в арсенале ВМС Китая есть эскадренные миноносцы типа Люйхай, стратегические атомные ракетные и ударные подлодки типа 094 и 093, модернизированная подлодка класса Сун и др. Все они сделаны с помощью российских технологий. Однако многие китайские морские вооружения не соответствуют современным стандартам.

К 2025 г. китайские военные намерены довести число более эффективных (по сравнению с имеющимися ныне подлодками класса Хань и Ся) атомных субмарин класса Шань с одной в 2008 г. до 10-15 единиц и класса Цин с 2-х до 68 единиц. Но КНР вряд ли удастся в среднесрочной перспективе сократить отставание в высокотехнологичных морских вооружениях.

По прогнозам, к 2020 г. Китай планирует построить 4 авианосца среднего класса водоизмещением около 65 тыс. т. Авианосные группы будут предположительно размещены в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях. Но вместе с тем до конца неясно, какой тип самолетов будет использован для комплектации «плавающих

аэродромов». По расчетам китайских стратегов, при благоприятных условиях Китай надеется после 2020 г. развернуть в Индийском океане оперативные ВМС в составе двух авианосцев, двух атомных подводных лодок с баллистическими ракетами, 6 многоцелевых атомных подводных лодок, 18 эсминцев и около 30 фрегатов.

С 2014 г. Китай начал строить инфраструктуру на спорных островах Спратли. В последующие годы эта активность продолжится. Возможно появление постоянных гражданско-военных баз, которые значительно укрепят позиции Китая на спорных территориях. К 2020 г. Пекин планирует получить возможность активного противодействия военно-морским силам США в «средней зоне» — Охотском, Японском морях и на пространствах до Марианских и Каролинских островов. А вскоре после этого он собирается обрести потенциал противостояния американскому флоту в «дальней зоне» — до Гавайских островов. Реализация этой фазы рассчитана на 2020-2050 гг.

Китай может использовать ракеты наземного базирования, новые островные базы и расширенный флот своих ВМС в целях блокирования доступа в Южно-Китайское море флоту США и их союзникам. Председатель КНР Си Цзиньпин недавно заявил о намерении создать к 2020 г. структуру объединенного оперативного командования в рамках масштабного реформирования вооруженных сил страны, нацеленную на повышение их способности проводить операции за рубежом. КНР формирует новые типы войск: морская авиация, кибервойска и специальные силы, создание объединенного командования. Формирование закончится к 2020 году.

К традиционным функциям военно-морских сил сейчас добавились новые — оказание гуманитарной помощи во время локальных конфликтов и природных катаклизмов, борьба с пиратами, наркоторговлей и браконьерством, обеспечение безопасности важнейших морских коммуникаций и охрана 200-мильной эксклюзивной экономической зоны и островных владений.

Реализуя свою стратегию в Индийском океане, Пекин добивается не только создания цепи доступных Пекину портов и

объектов в ряде дружественных стран (Мьянма, Бангладеш, Мальдивы, Шри-Ланка, Пакистан, Иран и др.). Остров Хайнань известен как туристическая Мекка. Здесь проходил в апреле 2011 года 3-й саммит стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР). Там же расположена глубоководная китайская военно-морская база, которая способна принимать крупные авианосцы. В ней построены 4 входных туннеля в подземное хранилище, где могут размещаться атомные подводные лодки.

Эта база, расположенная примерно в 2200 км от Малаккского пролива, и стала исходной точкой цепи опорных пунктов КНР, которая тянется вдоль северного побережья Индийского океана до Юго-Западной Азии. Важное место в цепи «жемчужин» отводится портам Мьянмы: расстояние от ее морского побережья до провинции Юньнань составляет всего 900-1000 км.

В Мьянме китайцы развернули широкомасштабную модернизацию и строительство морских причалов и портовых сооружений, начиная с севера возле границы с Бангладеш в Ситуэ, далее в Кьокпью на острове Рамри. На островах Коко вблизи индийских Андаманских и Никобарских архипелагов китайцы разместили радарную систему электронного слежения за прохождением судов через Малаккский пролив и морскими маневрами. Другие опорные пункты строятся в Хангьи, Мергуи в районе Танинтарьи, на самом юге — в Задеджи.

В 1999 г. Пекин предложил совместно с Бангладеш, Индией и Мьянмой реализовать проект «Куньмин» (столица китайской провинции Юньнань) по модернизации и расширению местной инфраструктуры (дороги, мосты, виадуки, трубопроводы и т.п.). Осуществление этого проекта дало бы юго-западным провинциям КНР выход в Бенгальский залив через Мьянму.

После сложных переговоров с Мьянмой Китай приступил в 2004 г. к строительству трубопровода длиной в 1250 км, который связывает с Куньмином глубоководный мьянманский порт Ситуэ, расположенный на восточном берегу Бенгальского залива. КНР осуществила проект по углублению части реки Иравади, а также модернизировала взлетные полосы в мьянманских аэропортах

Мандалая и Пегу с тем, чтобы они могли принимать тяжелые современные самолеты.

Эти меры могут помочь решению «Малаккской дилеммы», установлению контроля КНР над Южно-Китайским морем и укреплению позиций в Бенгальском заливе. Таким образом можно миновать и расположенные здесь многочисленные индийские острова, которые, по мнению некоторых китайских экспертов, могут быть использованы в качестве «железной цепи», блокирующей Малаккский пролив.

В Мьянме Пекину также удалось переиграть Дели в острой борьбе за доступ к ряду перспективных газовых участков. Китай использовал обещания кредитов, игру на более высоких и выгодных ценах, а в ООН в феврале 2007 г. отказался поддержать проект резолюции о санкциях против Мьянмы в связи с нарушением прав человека в этой стране. В Бангладеш реализуется проект крупного контейнерного порта в Читтагонге.

Подписанием соглашения о совместном строительстве порта Хамбантота с хранилищами и складами завершился визит ланкийского президента в Китай в начале 2007 г. Выбор места отнюдь не случаен, поскольку местное правительство предоставило Китаю участок в Маннаре для разведки и дальнейшей эксплуатации нефтяных месторождений, положив конец монополии индийских нефтяных компаний на острове.

После двухлетних непростых переговоров Китай добился в мае 2001 г. права на строительство военно-морской базы в Марао на Мальдивских островах. Благодаря этой «жемчужине» в протягиваемой нити китайские военные получили возможность не только укрепить свои возможности в регионе, но и контролировать в будущем действия индийского флота.

Пожалуй, самым ценным приобретением в китайской стратегии стал порт Гвадар на западном побережье Пакистана. Первая очередь строительства в Гвадаре крупного глубоководного порта и наблюдательного поста ВМС КНР (для слежения за действиями ВМС США в Персидском заливе и ВМС Индии — в Аравийском море) была начата в 2002 г. и завершена в 2005 г. Она обошлась в

\$198 млн. Китаю и \$50 млн. Пакистану, а весь проект оценивается в \$1 млрд. В 120 км к востоку от Гвадара идет строительство порта в Пасни. Оба порта будут соединены высокоскоростной магистралью. Эта стратегическая связка весьма важна для двух государств, хотя она расположена в относительно опасном месте из-за активности террористов в соседних провинциях Пакистана.

Поиски новых источников сырья, рынков сбыта и инвестиций побудили Пекин активизировать свой бизнес в Латинской Америке, где после возвращения прав на Панамский канал от США к Панаме Пекин сумел получить концессии на его использование. Эту выгодную сделку сроком на 50 лет заключил гонконгский миллиардер Ли Кашин, один из самых богатых людей в мире. Он владеет гонконгским портом, акциями других портов в Китае (50% шанхайского порта). Ему принадлежат несколько крупных портов Индонезии, Мьянмы, Багамских островов, контейнерный терминал в Англии, ряд компаний, которые занимаются погрузкой-разгрузкой торговых судов в Европе, в частности, в Роттердамском порту. Одна из его многочисленных компаний занимала 3-е место по тоннажу в мире среди перевозчиков. Ежегодно через Панамский канал проходят до 200 судов компаний Ли Ка-шина. Еще в 1997 г. Ли Кашин взял в аренду панамские порты Бильбао и Кристобаль, расположенные на обоих концах канала. Чуть позже он получил заказ на расширение бывшей американской военной базы в Родман-Пойнте в зоне Панамского канала.

Китай активно использует финансовую помощь странам Латинской Америки и Африки для приобретения союзников по важным международным вопросам — например, по резолюции ООН по Южно-Китайскому морю. Так, по вынесенному в 2016 г. решению международного арбитража в Гааге, в основном удовлетворившим иск Филиппин к Китаю по вопросу спорной акватории Южно-Китайского моря, среди стран поддержавшим позицию Китая были страны-получатели китайской помощи: Вануату, Того, Нигер, Либерия. Через кредиты Китай будет распространять влияния на Лаос и Камбоджу и другие страны Юго-Восточной Азии и Океании. Целью Пекина является свести к нулю

попытки формирования консолидированной позиции стран Юго-Восточной Азии по вопросу о территориальных спорах с КНР в Южно-Китайском море.

Пекин также предпринимает шаги, направленные на реформирование находящихся под доминирующим влиянием США главных международных финансовых институтов — Всемирного банка и Международного валютного фонда. Одновременно создаются новые международные финансовые организации, где ведущую роль играет Китай, — Банк развития БРИКС, Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). На роль ведущего мирового финансового центра наряду с Лондоном и Нью-Йорком все больше претендует Шанхай.

Обладая огромными золотовалютными резервами, КНР постепенно теряет интерес к массивному приобретению казначейских облигаций США и становится важнейшим донором зарубежных инвестиций, причем не только в АТР, но и в Африке, Латинской Америке, Северной Америке и Западной Европе. По словам премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна, в следующем десятилетии китайские компании намереваются инвестировать за рубежом 1,2 трлн. долл.

Широчайший размах приобретает инфраструктурная активность Пекина в разных регионах планеты. Новые китайские проекты по прокладке Экономической зоны Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века еще больше стимулируют интеграционные процессы в динамично развивающемся регионе мира и придают им китаецентричный вектор. В общем на Инициативу «Один пояс - один путь» КНР планирует потратить до 5 трлн. долларов, в ней примут участие 65 стран-партнеров с населением 4,4 млрд. человек. Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций КНР активно инвестирует в Центральную Азию, сейчас портфель составляет 11 млрд. с расширением до 55 млрд.

Китай ведет переговоры о создании зон свободной торговли с Южной Кореей, Австралией, странами АСЕАН. Выступая 5 декабря 2014 г. на сессии коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК, специально посвященной этой теме, Си Цзиньпин

подчеркнул, что стратегический курс на ускоренное создание таких зон даст Китаю возможность участвовать в разработке международных торгово-экономических правил и иметь институциональные права на управление глобальной экономикой. По его словам, китайцы должны быть не сторонними наблюдателями или последователями, а участниками и лидерами. Страны АТЭС на своем Пекинском саммите в ноябре 2014 г. поддержали предложенный Китаем план создания зоны свободной торговли АТР.

9.3.2. Сценарий «Внутриполитическая либерализация» до 2025 года

В настоящее время Китай является ключевым игроком мировой политики, фактически обеспечивает региональную гегемонию и является лидером мирового производства и торговли. Несмотря на относительное снижение темпов роста в последнее время, Китай остается государством положительного роста и сохраняет за собой ведущие позиции по целому ряду отраслей хозяйства, сохраняет и расширяет свой организационный ресурс и обеспечивает внутригосударственную стабильность. Внутриполитические процессы в КНР, так же как и его внешнеполитическая активность, являются предметом широких дискуссий как в политических, так и экспертных кругах.

Китай воспринимается в мире как ведущая мировая держава, а возможности использования китайской «мягкой силы», прежде всего в развивающемся мире, увеличиваются. Противоречивость современных трендов приведет к нарастанию диспропорций и противоречий в китайской политической и экономической модели развития и сформирует совокупность вызовов, которые потребуют своевременных действий со стороны правительства.

В рамках данного сценария предполагается, что руководство Китая, опираясь на опыт самого Китая и других государств, в поисках стимулов роста на основе складывающейся структуры экономики, примет решение о демократизации страны.

Демократизация общественно-политической жизни сформирует новую реальность, превратив Китай в самую мощную демократию в мире и обеспечит ему рост и влияние в регионе и мире, реализуя, таким образом, предсказанные сценарии о превращении XXI века в «век Китая». «Сквозь тернии к демократии» — управляемая демократизация «с китайской спецификой» — один из возможных сценариев.

Данный сценарный прогноз строится с учетом следующих факторов:

- учет текущих трендов, которые будут обладать превалирующим значением в оценке вероятности, а также предыдущего опыта государства в решении похожих проблем;
- учет текущих трендов государств, с которыми рассматриваемое государство связано исторически, политически и экономически;
- сопоставление опыта других государств, оказавшихся в схожем социальном контексте и имевшим схожий опыт в решении проблем и модернизации;
- оценка возможности перелома трендов, возникновения «черных лебедей», непредвиденных обстоятельств, которые трудно прогнозируются, но влияние которых может быть решающим и превалирующим перед трендами.

Данный сценарный прогноз делает упор на первых двух критериях, чем и обусловлена высокая вероятность его реализации, поскольку настоящие тренды обусловлены структурными особенностями китайской модели развития, и вероятность их сохранения в среднесрочной перспективе высока. Кроме того, прогнозирование социально-экономических и политических эффектов от развития текущих тенденций в среднесрочной перспективе на основе мирового опыта также обосновано.

Готовность китайской номенклатуры к мягкой либерализации проверена историей, хотя это и касается в основном экономической сферы. Однако в результате ухудшения ситуации и обострения противоречий осознание необходимости демократизации в

политической и общественной жизни в долгосрочной перспективе неминуемо. Это обусловлено стремлением:

- обеспечить новые стимулы роста;
- обеспечить политическую стабильность;
- способствовать открытости Китая, формированию позитивного образа мирной азиатской модели демократизации.

Таким образом, в среднесрочной перспективе вероятно постепенное ухудшение показателей развития и нарастание внутривнутриполитических противоречий, в долгосрочной — принятие курса на демократизацию страны.

Данный сценарий наилучшим образом вписан как в вариант «мягкой глобализации», так и в вариант «регионализации», поскольку преобладающими факторами его развития оказываются внутренние вызовы и опыт самого Китая по их мирному контролируемому решению с привлечением мирового опыта, с полным принятием Китаем процессов глобализации ввиду прагматических экономических выгод и формированием системы открытого социально-политического доступа, превращением Китая в лидера не только на пространстве Азии и в развивающемся мире, но и в мировом масштабе.

Этот сценарий, однако, очень сильно зависит от внешних факторов и является маловероятным в контексте общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства», поскольку вариант «контролируемой демократизации» в условиях нарастания напряженности, внешнего давления и остроты кризисов потребует совершенно противоположных действий от китайского руководства (которые рассмотрены в рамках второго сценария). Вместе с тем, шансы данного сценария будут возрастать по мере развития процессов многополярности и формирования полицентричной системы международных отношений.

Сценарий внутривнутриполитической либерализации не предполагает заметных изменений в политической системе Китая к 2025 году. Это связано с тем, что потенциал самой системы социализма с китайской спецификой еще не исчерпает себя, и реформирование политической системы в данном временном отрезке

представляется нецелесообразным. К 2025 году факторы, обуславливающие рост Китая, сохраняют свою значимость, и правящий режим продолжит существовать за счет их «дивиденда»: развитие производства, ориентация на высокие технологии, благоприятный внешнеэкономический контекст, усиление национализма и мощный государственный аппарат, обеспечивающий жесткий контроль настроений в обществе и противодействующий реальной демократизации, составляют тот комплекс факторов, который не окажет стимулирующего эффекта на режимные трансформации в среднесрочной перспективе. При этом эффективность текущей политической модели будет постепенно снижаться и приведет к тому, что ко второй половине 2020-х годов в стране смогут проявиться первые признаки политического кризиса, связанного со следующими факторами:

- постепенным снижением экономического эффекта от трендов начала XXI века;
- усложнением социально-политического протеста;
- проявлениям острой несовместимости экономической и политической модели развития.

Ввиду этого, власть продолжит «эксперименты» с конкурентными выборами на местном уровне, в том числе в крупных мегаполисах, что также обеспечит легитимность политического процесса в среднесрочной перспективе.

К 2025 году никаких кардинальных изменений в территориальном статусе Китая также не случится. Это касается, прежде всего, отдельных районов и территорий, на которые Пекин выдвигает претензии. Находящиеся в состоянии постоянного и жесткого контроля со стороны государства внутренние сепаратистские тенденции не смогут вызвать системный кризис, равно как не смогут перерасти в крупные межгосударственные конфликты территориальные споры с соседями. К 2025 году Китай не станет реальным региональным гегемоном, а наличие серьезных внутренних социально-экономических проблем не позволит ему эффективно решать внешнеполитические противоречия с использованием силы и давления.

В ходе урбанизации усугубится демографическая и хозяйственная диспропорция в развитии внутренних территорий, речь идет о более развитом восточном побережье и отсталых внутренних территориях. При этом на местном уровне будет возрастать недовольство политикой «центра», а местные элиты в более развитых провинциях и крупных городах будут предпринимать попытки отвоевать себе больше сфер исключительной юрисдикции.

К 2025 году усугубится проблема истощения ресурсов сразу нескольких типов — земельных, водных, лесных, а также природных ископаемых и минеральных ресурсов. За счет сокращения сельского населения, дальнейшей индустриализации и ускоренной урбанизации экстенсивное природопользование останется доминирующей моделью китайского развития, что вызовет широкие дискуссии относительно проблем устойчивого развития, зеленой экономики и защиты окружающей среды.

До 2025 года прирост энергопотребления Китая останется примерно на одном уровне с возможным незначительным снижением, и Китай приступит к реализации ряда государственных программ, направленных на защиту окружающей среды и переход к интенсивному использованию природных ресурсов. Ограниченность этих реформ будет обусловлена усилением экономического кризиса, усиливающегося урбанизацией и истощением земель.

Численность населения Китая к 2025 году составит примерно 1 млрд. 410 млн. человек (примерно на 30 млн. больше, чем в 2016 году). Продолжительность жизни останется на уровне 73 лет. При этом стране придется решать проблему ускоренного старения населения, которое требует поиска эффективного «симптоматического» регулирования со стороны государства. К 2025 году количество пожилых людей (старше 60) увеличится примерно в два раза и составит около 270 млн. человек.

Несмотря на смягчение демографической политики и ослабление ограничений в сфере семейного планирования, к 2025 году ожидается снижение рождаемости. Это связано с сокращением числа женщин детородного возраста (падение может составить от 60 до 80 млн. женщин). Дополнительное влияние на снижение

рождаемости окажет и экономический фактор, и фактор урбанизации в соответствии с глобальными закономерностями демографического перехода.

Несмотря на относительное снижение темпов урбанизации, обусловленное снижением темпов роста к 2025 году, в абсолютных цифрах количество людей, переселившихся из деревни в город, увеличится примерно с 550 млн. живущих в городах в настоящий момент до 750-800 млн. в 2025 году. При этом наибольшее давление от наплыва мигрантов из сельской местности придется на крупные города: Пекин, Гуанчжоу, Чунцин, Шанхай, Нанкин и другие, в первую очередь на окраины этих мегаполисов, что повлечет за собой проблемы социального обеспечения, образования, здравоохранения и развития инфраструктуры. К 2025 году Китай превратится в высоко урбанизированное государство.

Сохранит свою актуальность и проблема гендерного дисбаланса в китайской демографической структуре: значительное по мировым меркам количественное превосходство мужчин над женщинами. При этом ввиду ослабления государственного демографического контроля к 2025 году можно ожидать незначительное снижение этой диспропорции среди новорожденных с 115/100 до 111/100.

К 2025 году при сохранении нынешних тенденций Китай закрепится в качестве первой экономики мира, сохранит самый крупный внутренний рынок, несмотря на то, что темпы роста китайской экономики снизятся и составят около 4-5%. Значительно возрастут совокупные долговые обязательства Китая, что приведет к «раздуванию пузыря» и угрозе дефолта. Рейтинги Китая (по уровню конкурентоспособности, восприятия коррупции, инвестиционной привлекательности и кредитных агентств) будут снижаться.

Из-за сокращения количества граждан трудоспособного возраста (абсолютного и относительного) для поддержания роста Китаю потребуется обеспечить рост производительности труда. Несмотря на то, что к 2025 году эта проблема не приобретет острого характера, перспективы торможения и даже отрицательного экономического роста заставят государство и специалистов

приступить к дискуссиям о необходимости структурных трансформаций в экономике. Увеличение населения вызовет рост потребности в продовольствии и, соответственно, импорте, постепенно увеличивая зависимость китайской экономики от поставок продовольствия.

Усложнятся внутренние диспропорции: следует ожидать снижения доли восточных провинций в ВВП страны до 25%. Снизятся совокупные внутренние сбережения, в развитых западных провинциях увеличится размер заработной платы, что лишь усилит приток внутренних мигрантов, возрастет доля теневого сектора, при этом структура хозяйства останется без изменений.

Увеличится абсолютная потребность Китая в энергетических ресурсах, обусловленная усиливающейся урбанизацией и медленной модернизацией производства и низким уровнем внедрения технологий возобновляемой энергии, что, в свою очередь будет зависеть от сравнительно низкой цены на минеральное топливо и снижением темпов роста в краткосрочной перспективе. Возрастет зависимость Китая от импорта энергоресурсов.

Сложившиеся в Китае идеологические концепции, укоренившиеся в сложном переплетении традиционных конфуцианских и социалистических принципов и оказавшиеся под мощным влиянием современных западных ценностей, продолжают пользоваться массовой поддержкой и останутся эффективным инструментом воздействия на массовое сознание со стороны элиты. Концепции китайской мечты, общества общей судьбы, гармоничного общества, общества всеобщего благоденствия не получат серьезного переосмысления ввиду их неисчерпанного идеологического потенциала, основанного на популярных в развивающемся обществе представлениях о мирном росте, подъеме лидерства в регионе и мире, обеспечении внутреннего развития. При этом в результате процессов глобализации, дальнейшего распространения интернета, расширения сети студенческих обменов и увеличения туристических потоков влияние в Китае ценностей либеральной демократии, свободного рынка и ценности прав и свобод человека начнет набирать критическую массу, что потребует

либо усиления авторитарного влияния, либо, что более вероятно в условиях развития данного сценарного прогноза, политической либерализации.

Несмотря на то что вероятность значительного возрастания влияния религиозного фактора на политическую ситуацию в Китае к 2025 году крайне низка, китайскому руководству придется пересмотреть свою политику по отношению, прежде всего, к мусульманскому населению страны, в основном компактно проживающему в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, поскольку сохранение контроля за мусульманским образованием и исполнением культа в регионе приведет к нарастанию конфликтного потенциала под влиянием как внутренних подпольных сепаратистских экстремистских групп, так и международного сообщества.

Внутренний протест Китая распространится на интернет-пространство, в следствие чего можно ожидать рост интернет-диссидентов.

Проблема образования в Китае к 2025 году усугубится массовым притоком сельских жителей в города и необходимостью обеспечить внутренних мигрантов возможностью получения образования всех ступеней. Благодаря программе обязательного среднего образования, уровень грамотности в Китае остается довольно высоким — порядка 93%, хотя по этому показателю страна не войдет в рейтинг даже первых пятидесяти стран мира. По абсолютным показателям Китай останется среди лидеров по количеству детских садов, школ, а также количеству студентов высших учебных заведений. К 2025 году ситуация, изменится сразу по нескольким причинам:

- сложность обеспечения инфраструктурой в сфере образования внутренних мигрантов из сел в города;
- проблема обеспечения качества высшего и профессионального образования, прежде всего ввиду давления экономики и необходимости увеличения производительности труда;
- рост рождаемости в сельской местности и необходимость обеспечить сельских детей необходимым уровнем дошкольного и школьного образования.

К 2025 году Китай сможет обеспечить вхождение в топы мировых лидеров среди университетов новых высших учебных заведений, таких как Научно-технический университет Китая, Чжэцзянский университет, Нанкинский университет. Количество действующих технопарков достигнет двухсот, Китай продолжит реализацию программ в области высоких технологий и космоса, а также усилит присутствие своих экспертов и научных центров в мировых научных рейтингах и базах цитирования. Однако все это окажет растущую нагрузку на бюджет, поскольку потребует новых вливаний на развитие фундаментальных и прикладных наук, а сохранение авторитарных методов правления будет сдерживать приток инвестиций в данный сектор.

К 2025 году Китай останется второй страной мира по уровню военных расходов, хотя и снизив долю расходов на ВПК в ВВП до 1,5%. Личный состав армии сохранится примерно на уровне 2,3 млн. Поддержание авторитарной системы правления, сохранение противоречий с соседними государствами и противостояние с США в борьбе за влияние в Азиатско-тихоокеанском регионе потребует сохранения финансирования Военно-промышленного комплекса на прежнем уровне, при этом увеличивая финансирование сферы научных и космических разработок, а также технологий в сфере информационной безопасности.

Цель — достижение значительного превосходства в азиатском регионе, а также обеспечение превосходства военных сил в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Модернизация будет проходить под лозунгами совершенствования систем командования, оптимизации численности вооруженных сил и интеграции армии и общества. То есть в целом развитие вооруженных сил останется без существенных изменений, хотя экономические дисбалансы и потребуют сокращения расходов на военный сектор.

Зависимость Китая от экспорта произведенных товаров и импорта (особенно в сфере продовольствия, энергетики и ресурсов) обусловит открытость внешней политики Китая в 2025 году. Китай продолжит курс на усиление позиций в Латинской Америке, Африке и Центральной Азии ввиду стратегической роли этих

регионов в экспортно-импортной структуре китайской внешней торговли. Из-за снижающихся темпов роста способность Китая к финансированию международных проектов (инвестиционных, инфраструктурных и т.д.) будет ограничена, однако, скорее всего, это приведет к тому, что государства-партнеры, будучи заинтересованными в сотрудничестве с Китаем, будут готовы брать на себя большую финансовую нагрузку.

Китай продолжит политику демонстрации силы в Южно-Китайском море, а также испытания новейших видов вооружений (прежде всего, в области противокорабельных баллистических ракет и гиперзвуковых ракет), заявляя о своих притязаниях как на ряд территорий, так и на влияние в регионе вообще в соответствии с военной стратегией страны. Это, наряду с сохранением большого военного бюджета, вызовет дальнейшую эскалацию дипломатических противоречий с Японией, Тайванем, США, Вьетнамом и другими странами, снизит потенциал «мягкой силы» Китая в регионе Юго-Восточной Азии. Несмотря на то, что Россия и Индия связывают наращивание китайской военной мощи с угрозой национальной безопасности, Китай усилит связку в рамках БРИКС, используя данный трансрегиональный механизм как инструмент обеспечения своей роли в системе глобального управления, оставаясь крупнейшей экономикой БРИКС и играя на политических интересах стран блока. При этом сам многосторонний формат БРИКС войдет в стадию идеологического и институционального кризиса, хотя и продолжит существовать, исходя из утилитарных соображений.

США не смогут игнорировать политический и экономический вес Китая, однако, взаимодействие между державами на мировой арене будет ситуативным, а конфликтные узлы будут нивелироваться приоритетом экономического сотрудничества. США и Китай будут вынуждены пойти на компромиссы и искать точки взаимодействия по глобальной политике — в первую очередь, это проблемы терроризма, наркоторговли и другие проблемы безопасности, которые могут лечь в основу совместных действий в кризисных регионах мира. Это вызовет дискуссии о формировании

«Большой двойки» (G2), возможности которой будут ограничены несколькими факторами:

- недоверием между элитами двух государств;
- сохранением противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе и по ряду вопросов глобального управления;
- политической и экономической конкуренцией между странами.

Выход США из ТТП позволит Китаю активнее продвигать свои инициативы, чтобы заполнить образовавшийся «вакуум» влияния в институциональной структуре региона АТР. Китай приступит к реализации инициативы «Один пояс — один путь». Новый «шелковый путь» станет одним из ключевых элементов «мягкой силы» Китая, что, во-первых, будет способствовать снижению напряженности на всем пространстве Евразии, во-вторых, окажет положительный эффект на положение Китая в глобальной и региональной системе, в-третьих, станет еще одним ресурсом обеспечения легитимности китайского руководства внутри страны, хотя и потребует дополнительных финансовых издержек, стимулируя необходимость реформ китайской политической и экономической системы.

9.3.3. Сценарий «Внутриполитическая либерализация» к 2050 году

Нарастание кризисных явлений в экономике к концу 2020-х годов потребует от правительства КНР срочных «реанимационных» действий. Вкупе с ростом городского населения и увеличением «среднего класса», уровня образования и влияния внешнего фактора популярность либеральных реформ быстро возрастет. Нарастание социально-экономического кризиса приведет к резкому росту недовольства как в перенаселенных городах, так и в обедневшей сельской местности. Новое поколение китайских лидеров, которое окажется последним пришедшим к власти в русле старой системы рекрутирования, осознает необходимость контролируемой демократизации и сможет идеологически

вписать ее в совокупность выдвигаемых инициатив, уходящим истоками к идеям Дэн Сяопина и его сторонников по реформированию Китая.

В конце 2020-х — начале 2030-х годов правительство во главе с «шестым поколением» китайских лидеров приступит к масштабному проекту всеобщих выборов на альтернативной основе, в которых примут участие в том числе и популярные региональные лидеры, реализующие наиболее успешные социальные программы. В стране будут введены институты, реально защищающие права человека, будет гарантирована свобода неправительственных организаций. Китайское правительство сможет публично признать необходимость реформ и призвать к их реализации, апеллируя к давно начавшемуся курсу двух колея, политики китайской мечты и выдвижения инициативы новой китайской демократии, восточной социальной демократии с китайской спецификой или нового мирополитического центра, основанного на интеграции лучшего опыта своей истории и истории других мировых держав.

К 2050 году в стране будет принята новая Конституция, которая, хотя и подчеркнет приверженность китайской модели социалистического государства, на деле будет содержать в себе положения и стандарты большинства демократических государств. Будет изменена сама идеология Китая, которая более не будет нуждаться в концепции «двух Китаев» и «1 государство — две системы», поскольку рыночные механизмы будут всецело распространены на всю национальную экономику. В отличие от поправок, вносимых в Конституцию Китая в разные годы и прежде всего в 1982 году, в новой Конституции будет гарантирована защита прав человека и свобод, включая естественные и политические права человека, свободное передвижение и т.д. Будет гарантирована реальное разделение властей, хотя на консолидацию такой системы и потребуются многие годы. Будет гарантирована многопартийность, которая, сначала контролируемая, а затем конкурентная, обеспечит стабильность представительства интересов как различных регионов Китая, так и слоев общества.

При этом вряд ли Китай откажется от существующих институтов. Так, исполнительная власть будет представлена председателем КНР и Государственным советом, законодательная — двухпалатным Всекитайским собранием, а судебная — системой усовершенствованных в соответствии с новой конституцией судов. Перед Китаем возникнет традиционная для демократизирующихся государств дилемма: унитарное государство или федеративное; президентская республика или парламентская. От решения этой дилеммы будет зависеть скорость демократизации и успешность реформ. Учитывая статус и потенциал регионов Китая, можно предполагать выбор в пользу унитарного государства с сохранением реальной автономии: выбор в пользу федерации будет сопряжен с множеством потенциальных угроз, на которые китайское руководство вряд ли пойдет. С такой же долей вероятности Китай закрепит статус парламентской республики, поскольку в ближайшие годы и десятилетия КПК (которая также может быть переименована) сохранит за собой влияние в политической системе. Значительное снижение влияния в стране испытают военные структуры, включая Центральный военный совет КНР.

В результате государственной политики, направленной на демографическую «разгрузку» крупнейших городов, произойдет отток населения вглубь территории в новые центры производства. Китаю потребуется много лет, чтобы обеспечить относительную равномерность развития, однако первые шаги, необходимость которых созреет именно к середине века, сформируют новую национальную идею развития страны, ее внутренних территорий, в том числе и «проблемных» районов — СУАР, Тибета и т.д.

Демократизация, гарантирование реальной автономии будет означать снижение противоречий, хотя уравнивание развития провинций и станет одной из главных задач на десятилетия вперед.

К середине XXI века на фоне значительного роста цен на энергоресурсы, энергетическая безопасность Китая будет главным

приоритетом национальной политики. Около 80% энергоресурсов будет импортироваться в Китай, а это потребует:

- усиление диверсификации поставок;
- гарантии стабильных поставок от традиционных партнеров;
- усовершенствование систем доставки сырья;
- интенсивной технологизации производства и внедрения технологий, основанных на возобновляемой энергии.

Рост населения и, прежде всего, рост населения в городах приведет к дальнейшему истощению природных ресурсов. Китаю потребуются заимствовать опыт устойчивого развития западных держав, внедрения технологий возобновляемой энергии.

Ухудшится экологическая обстановка. Китай в разы превзойдет другие государства по количеству автомобилей, выбросов парниковых газов и загрязнению вод. Это потребует жестких мер: ограничения на владение автотранспортом, въезд в города, парковки, перенос производств и строительство современных очистительных сооружений, в том числе мусоросортирующих и перерабатывающих предприятий. Финансовая нагрузка такой политики будет частично покрыта за счет привлечения новых инвестиций на фоне либерализации.

Население Китая составит 1 млрд. 400 млн. человек, снизится продолжительность жизни (примерно до 70-71 года). К 2050 году пожилое население Китая вырастет до 370 млн. человек и составит более 25% населения, ложась тяжелым бременем на систему социального обеспечения и здравоохранения. Города вместят более 900 млн. жителей, что окажет негативное воздействие на окружающую среду. Китай выйдет на первое место по количеству городов с самым высоким уровнем загрязнения воздуха.

Китай не сможет реализовать «зеленые» реформы ввиду такой нагрузки и будет вынужден снова обратиться к программам жесткого регулирования населения, но теперь — в отношении урбанизации. Это окажет положительный эффект, поскольку в таком случае на фоне общей демократизации возрастет финансирование проектов по инфраструктурному развитию малых городов, территориальному перемещению производств, а это, в свою

очередь, будет способствовать выравниванию территориальных диспропорций.

Социальные вызовы, обусловленные качественным составом населения и урбанизацией, станут главной проблемой Китая к середине XXI века: в связи с перенаселением города станут сосредоточением криминала, распространения инфекций и прочих заболеваний. Китай станет лидером по абсолютному и относительному количеству больных ВИЧ. Продолжающийся отход от традиционных ценностей в результате либерализации, гарантирования прав женщинам и увеличение их роли в обществе приведет к росту детей, рожденных вне брака, потребует от государства регулирования семейной политики через реализацию дорогостоящих программ.

Увеличится средний класс, который станет опорой демократических преобразований. Налоговая нагрузка на средний класс будет одной из самых тяжелых в мире ввиду структуры населения и системы перераспределения доходов.

Рост Китая снизится к середине 2030-х до 1-2%, но к началу 2050-х появятся признаки оживления. На фоне нарастающей финансовой нестабильности, низкого внутреннего спроса, возросшей внешнеэкономической конкуренции, обострившегося социального кризиса в 2030-е годы правительство Китая перейдет к контролируемой приватизации, либерализации рынка, откажется от жесткого управления юанем, постепенно освобождая финансовый сектор и реформируя экономику.

Ряд секторов окажется в кризисном состоянии без значительной государственной поддержки (в частности, легкая промышленности ввиду высокой конкуренции со стороны Индии и стран Юго-Восточной Азии), и Китай начнет частично терять свою конкурентоспособность по ряду отраслей.

Китай станет крупнейшим финансовым центром мира, а потенциал финансовых механизмов Гонконга (включая валютные биржи) будет использован на национальном уровне. В Китае резко возрастет доля сектора услуг в ВВП. Начнет расти уровень благосостояния в стране, снизится индекс Джинни, а перед

правительством Китая встанет задача обеспечения эффективной системы перераспределения. Это может потребовать повышение налогового бремени.

Новая культурная жизнь, которая придет в Китай вместе с фундаментальными реформами в других сферах общественной жизни, привлечет новые потоки туристов со всего мира. В результате полного «освобождения» интернета в Китае в разы увеличится количество интернет-пользователей. Будут сформированы новые интернет-технологии, социальные сети, платформы, проекты интернет-торговли, масштаб которых потребует от Китая и его союзников по БРИКС, АСЕАН+6 и другим группам реализации программ по реформатированию глобальной системы управления интернетом.

В регионах национальные и религиозные меньшинства получат полную свободу в отправлении культа. При этом возникнет реальная угроза распространения радикального ислама в СУАРе.

Китай будет объявлен светским государством, при этом автономным областям с преимущественным населением, представляющим определенную религию (в первую очередь это СУАР), будет предоставлена значительная автономия в организации религиозных институтов. Это усилит позиции мусульман в стране и сформирует новые сети культурных обменов со странами Ближнего Востока и Центральной Азии.

Университеты КНР займут прочные позиции в числе лучших университетов мира, привлекая огромное количество студентов, изучающих китайский язык, историю Китая и т.д., формируя положительный образ КНР в своих странах. Расширяющаяся сеть отделений «Института Конфуция» будет способствовать этой задаче. Китайская система образования, слитая из опыта СССР, Запада и собственного опыта, сможет стать неким «золотым стандартом» образования на огромном пространстве Азии. К середине XXI века Китай станет мощнейшей образовательной и научной державой, хотя и не будет лишен целого ряда проблем, связанных с предоставлением качественного образования всех ступеней для собственного населения.

Китайские ученые к этому времени сформируют значительный массив исследований, формируя китайские школы и подходы в целом ряде не только естественных, но и гуманитарных наук, включая дисциплины с преимущественным теоретическим влиянием Запада, например, в науке о международных отношениях или юриспруденции. Это станет возможным также благодаря использованию ресурса тех специалистов, кто обучается за рубежом, привлекая их на ответственные должности в научно-образовательных центрах, технопарках и правительстве.

Экономический кризис конца 2020-х — начала 2030-х гг. окажет негативный эффект на финансирование и модернизацию китайских вооруженных сил, боеспособность и оснащенность НОАК. Личный состав армии будет сокращен до 2 млн. человек. Китай будет вынужден искать новых продавцов на рынке вооружений, пересматривать имеющиеся технологии и искать внутренние ресурсы для модернизации. Даже, несмотря на снижение напряженности в отношениях с соседями в результате проведения более гибкой внешней политики, нормализации отношений с Тайванем, Японией и другими региональными акторами, Китай не откажется от своего влияния в регионе и мире. А эта цель недостижима без гарантированного лидерства в военной сфере.

Демократизация в Китае ослабит противоречия с Тайванем, что позволит сторонам приступить к переговорам об объединении в интересах нации. Однако, примирение натолкнется на противодействие со стороны США, которые в новых условиях продолжают политику сдерживания Китая. Мирное объединение с Тайванем приведет к сдвигу в системе динамической стабильности, сложившейся в регионе сто лет назад, и обеспечит Китаю прочные геополитические позиции на Тихом океане.

Вероятно и то, что Китай примет более гибкую позицию в отношениях с Японией относительно спорных территорий и исторических обид, сразу по ряду причин: следование прагматическим интересам рынка, новые геополитические условия пореформенного Китая, выдвигание инициатив по взаимному освоению спорных территорий и политика отказа от «исторических обид»,

нацеленность на снижение влияния США в регионе, стремление Японии включиться в китайские макрорегиональные и трансрегиональные проекты.

Неопределенность новой внешней политики Китая вызовет подозрительность к нему не только со стороны США, но и России. Это может произойти в случае прогрессирующего отставания России от Китая, и в частности, провала политики развития российского Дальнего Востока, что неминуемо спровоцирует усиление пренебрежительного отношения к Москве со стороны Пекина. С другой стороны, в случае реализации в России эффективной модели роста и технологического развития Китай будет придерживаться равноправных, хотя и конкурентных отношений с Москвой.

Демократизированный Китай станет лидером Азии и вступит с растущей Индией в конкурентную борьбу за влияние в регионе — на данном направлении можно ожидать продвижение конкурирующих проектов (как вариант «Новый шелковый путь» против «Новый путь специй»). При этом Китай обеспечит себе ведущую роль в продвижении региональных и трансрегиональных проектов, привлекательность которых будет связываться государствами со следующими факторами:

- экономической мощью и объемами рынка Китая;
- наращиванием финансовой мощи Китая;
- формированием положительного облика Китая в регионе за счет эффективной модели управляемой модернизации.

Политика сдерживания Китая через кооперацию и силовое балансирование в АТР, начатая США в начале XXI века, утратит свою эффективность. Китай нарастит возможности стать лидером в регионе АТР, будет снижена напряженность с крупными региональными игроками — Японией и Республикой Корея, влияние Китая усилится и в Латинской Америке, и в Юго-Восточной Азии, а его региональные инициативы будут обладать большей привлекательностью для государств региона. Это ослабит позиции США и сменит стратегическую обстановку в АТР. За счет наращивания связей с Европейским Союзом, Китаю удастся реализовать

масштабные трансрегиональные проекты и сформировать более прочную экономическую, инфраструктурную и социально-гуманитарную сцепку Азии и Европы, что укрепит полицентричность нового мирового порядка.

9.3.4. Сценарий «Авторитарная модернизация» до 2025 года

Текущие экономические тенденции в Китае вызывают озабоченность: гигантское стареющее население, раздувающийся финансовый долговой пузырь, обостряющееся несоответствие между экономической и политической моделью развития, неудержимая урбанизация и рост среднего класса с более высокими запросами и осведомленном о жизни за рубежом, — все это формирует в среднесрочной перспективе комплекс проблем, от решения которых будет зависеть направление развития китайского общества.

По настоящий момент китайская модель продемонстрировала все преимущества государственного капитализма, причудливого соединения либеральной экономики с политическим авторитаризмом. Однако, в последнее время стали все отчетливее проявляться ограничения модели этой модели на фоне снижения роста и давления глобализации. Возможный ответ на усугубление положения — управляемая «демократизация с китайской спецификой», другой ответ — «авторитарная модернизация».

Концепция «китайской мечты», провозглашенная Си Цзиньпином и направленная на обновление идеологии и парадигмы внутреннего и внешнеполитического развития, сложно согласуется с наблюдаемыми в последнее время объективными трендами, о переломе которых говорить не приходится. Снижение темпов роста, социальные вызовы и усиливающиеся и угрожающие серьезными политическими последствиями социальные диспропорции потребуют от китайского руководства проведения жесткой политики и усиления авторитарных методов правления.

История знает много примеров, когда авторитарное/корпоративное государство обеспечивало так называемое «экономическое чудо» — примеры эти известны и в западном и в незападном мире. Однако эта же история демонстрирует то, как результаты «чуда» в экономике приводят к перекосам политической системы и ведут к кризису всей системы, выход из которого всегда сопряжен с существенными экономическими и социальными издержками. Поэтому данный выбор, вряд ли, является наилучшим сценарием для Китая. Однако, вероятность этого сценария в условиях реализации Западом стратегии «Глобального военно-силового противоборства», довольно высока, если не сказать больше — почти неизбежна.

В нынешних условиях усиление авторитаризма будет пользоваться поддержкой всех слоев китайской элиты как нынешнего поколения китайских руководителей, так и поколения последующего. При этом, в обществе усиление центральной власти, ограничение свобод и усиление государственного присутствия в экономике будет связываться с реализацией концепции «китайской мечты» и ожиданием всеобщего социального благоденствия.

В области внешней политики данный сценарий подразумевает, что Китай нацелится на обеспечение контроля в регионе, причем именно через обеспечение гегемонии, силой и угрозой применения силы, нежели лидерства, то есть путем формирования эффективной и привлекательной модели развития (своей мягкой силы). Это неминуемо приведет к столкновениям и противоречиям как на региональном, так и на глобальном уровне, спровоцирует новые линии расколов и противостояния. При этом в рамках данного сценария продолжительность существования системы «новой гегемонии» невелика. В этом варианте Китай:

- использует силу во внешней политике для решения своих внутривосточных и внешнеполитических задач;
- объявит себя глобальным лидером и вступит в противоречия с США и ЕС;
- окажется в изоляции и будет вынужден искать союзников на основе прагматизма, в своем регионе Китай будет обеспечить

гегемонию исключительно через военное и частично экономическое доминирование;

- переживет рост национализма и рухнет под давлением массового протеста, утратив влияние и роль великой державы.

В Китае возрастет роль армии, которой будет придан статус главного инструмента реализации китайской мечты. В политических кругах значительно увеличится присутствие и влияние генералитета НОАК. Сама концепция «китайской мечты» приобретет милитаристский оттенок, а Центральный военный совет КНР получит реальные политические полномочия.

В Китае развернутся масштабные популистские программы, в частности расширится программа борьбы с коррупцией, будет усилен контроль за органами местного самоуправления и не только в провинциях и крупных городах, но и в автономных районах и в специальных административных районах — Гонконге и Макао, где к власти будут приведены пропекинские лидеры, еще более лояльные центру, чем Кэрри Лам.

Будет увеличен и репрессивный аппарат, усилено министерство государственной безопасности КНР, которому придется более жестко контролировать не только деятельность общественных организаций и иностранных корпораций, но и китайский интернет-кластер, который будет полностью поглощен системой отслеживания.

Китай усилит притязания на юрисдикцию над Тайванем, а также по вопросу спорных островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Это вызовет эскалацию напряженности в регионе и нарастание конфликтности. Китай заявит о цели вернуть Тайвань в лоно большого Китая, что вызовет волну протеста, прежде всего, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай де факто будет продвигать некую китайскую «Доктрину Монро». Повышенную значимость начнет приобретать «арктический вопрос», участие в котором будет восприниматься китайским правительством как демонстрацию глобальной гегемонии.

Ввиду усиления государственного контроля и региональных диспропорций усилятся сепаратистские настроения Тибета и СУАРа. Нацеленные на распространение идей всемирного

халифата и пользуясь сепаратистскими настроениями в стране, исламисты Среднего Востока при логистической поддержке США устремятся в СУАР и будут создавать подпольные экстремистские ячейки. Региональные диспропорции, усугубленные экономическим кризисом, приведут к постепенному политическому дроблению Китая, усилению подпольных сепаратистских групп и антиправительственных настроений в целом, которые будут жестоко подавляться. В крупных городах сформируются элиты, оппозиционно настроенные против власти центра.

В результате снижения иностранной инвестиционной активности продолжится экстенсивное развитие ресурсов Китая. Это приведет к дальнейшему истощению почв, водных ресурсов. Ограниченность ресурсов поставит Китай в невыгодное положение импортной зависимости в энергетической и продовольственной сфере. До 80% нефти будет импортироваться, а спрос на нее постоянно расти. Продовольственный кризис может заставить Китай обратиться к политике продовольственных карточек в ряде провинций.

Произойдет ухудшение состояния окружающей среды. Деревня лишится части плодородных почв в результате постоянно искусственной ирригации, защелачивания и опустынивания, а крупные города будут бороться с интоксикацией в воздухе и промышленным смогом. Власти крупных городов примут решение ввести комендантские часы на автомобильную езду, регламенты для автомобилей высокого тоннажа. Такое симптоматическое лечение не сможет решить проблему загрязнения, а финансовые ограничения не позволят реализовывать эффективные «зеленые» программы.

Население страны по-прежнему будет увеличиваться и составит примерно 1 млрд. 400 млн. человек, а продолжительность и качество жизни снизится. Чтобы остановить урбанизацию, КПК введет жесткие ограничения на переселение из села в город. Это сдержит приток людей в мегаполисы (доля городского населения останется на уровне 55-60%), обеспечит рост рождаемости в селах, но при этом снизит качество жизни населения, в стране возникнет проблема безработицы и низкого социального обеспечения. Рост безработицы вызовет рост преступности и теневого сектора экономики.

Для решения проблемы старения населения (пожилое население составит порядка 250 млн. человек) Китай откажется от политики семейного регулирования, это оживит рост рождаемости и снизит гендерный дисбаланс, но для решения проблемы старения понадобятся годы.

Усиление авторитаризма и усиливающееся присутствие государства в экономике приведет к частичному снижению инвестиционных потоков в Китай из стран Запада и Японии. В то же время возможно нарастание инвестиций из Южной Кореи, Ближневосточного региона, России и ряда других стран. Экономический рост Китая снизится до 1-2% в год.

В условиях роста населения, снижения темпов роста и инвестиционных потоков, китайское правительство будет вынуждено сдерживать рост зарплатных план в целях снижения нагрузки на бюджет и торможения урбанизации. Это приведет к определенному росту общественного недовольства. Продолжится ускоренная индустриализация, ориентированная на внутренний рынок, но ее темпы будут упираться в объективные ограничения, связанные с низкой платежеспособностью населения. В этих условиях китайское руководство может пойти на усиление планово-распределительных начал в национальной экономике. Успех или не успех такой политики в условиях многоукладности китайской экономики предсказать довольно сложно.

Государственная пропаганда будет способствовать росту китайского национализма. Пропагандистская машина работает с новой силой. Контроль СМИ, упор на китайское историческое наследие в литературе, искусстве и риторике политиков, поиск внутренних и внешних (прежде всего Япония) врагов также будут работать на рост национализма. Контроль за религиозной жизнью, и прежде всего это касается мусульманского населения СУАРа, приведет к возрастанию недовольства и секьюритизации религиозного фактора в Китае.

К 2025 году уменьшится количество иностранных студентов в Китае, как и количество китайских студентов, получающих образование в странах Запада. При этом увеличатся студенческие

обмены со странами Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и с Россией. Сфера образования постепенно будет наращивать функцию патриотического воспитания — это потребует усиления присутствия государства и идеологии в дошкольном, школьном и высшем образовании.

В науке произойдет значительное перемещение финансирования в отрасли, обеспечивающие развитие военных технологий. Космические разработки получают дополнительное финансирование на фоне милитаризации Китая, который будет рассматривать свое лидерство в космической сфере как военно-политическое превосходство.

К 2025 году Китай не только сохранит за собой второе место в мире по расходам на оборону, но и в результате дальнейшей модернизации армии станет делить с Россией роль второй военной державы. Однако цена этому — огромные расходы, которые во второй половине 2020-х и усугубят дефицит бюджета. Численность личного состава ВС возрастет не менее чем до 2,7 млн. человек, расходы увеличатся до 3,5-4% ВВП и составят примерно \$200 млрд.

Несмотря на экономическую стагнацию в гражданских областях, в ВПК будет продолжаться уверенный рост, за счет ускоренной модернизации всех видов вооружений (ракет, в том числе МБР Дунфэн и Дунхай, боевых кораблей, а также внедрение беспилотников, новых моделей стратегических бомбардировщиков и оснащение их КРВБ большой дальности), а на перспективу будет поставлена задача усиления авианесущих крейсеров. Продолжится развитие войск ведения психологической и информационной войны. Однако Китай вряд ли сможет достичь поставленных целей модернизации к 2025 году и на деле не сможет вывести устаревающую технику из арсенала.

Усиление авторитарных тенденций неминуемо приведет к проведению более наступательной внешней политики. Китай решится на открытый конфликт с Тайванем и к 2025 году возможны первые столкновения в море, которые будут носить эпизодический характер и не приведут к изменению политической карты региона. Это вызовет критику со стороны Запада и союзников США в АТР.

Усилятся противоречия с Индией, а также споры об островах с Японией и странами Юго-Восточной Азии (Спратли и Парасельские). Это приведет к защите принципов «активной прибрежной обороны» в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей — в «жизненном пространстве» Китая, а также отказу ряда стран Юго-Восточной Азии от участия в китайских проектах нового Шелкового пути и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

Китай столкнется с массовой критикой западных держав, в том числе и на крупных международных площадках: в рамках G7 и ООН за нарушение прав человека, в ВТО за ведение несправедливой конкуренции и злоупотребление статусом крупнейшей экономики. Однако, вероятно, что новый виток получат отношения Китая и России, как в торгово-экономической, так и в военно-политической сфере.

Новая конфликтная ситуация в регионе вызовет волну напряженности с США, усилятся военное присутствие США в регионе, увеличится количество и масштаб акций демонстрации силы, усилится гонка вооружений в АТР. США станет лидером мировой критики Китая и запустят дискуссии о введении международных санкций против страны. Ограниченность американских действий будет обусловлена сохраняющейся экономической значимостью Китая для США.

9.3.5. Сценарий «Авторитарная модернизация» к 2050 году

Политика «авторитарной модернизации» Китая может дать определенный положительный эффект на этапе наиболее активного противостояния с Западом, которое, скорее всего, значительно ослабнет или полностью завершится к началу 2030-х годов вследствие формирования полицентричной системы международных отношений. Несмотря на замедление экономического роста и падение жизненного уровня населения, Китаю, благодаря этой

политике, удастся сохранить национальную государственность и территориальную целостность, а также роль самостоятельного мирового центра силы.

В то же время продолжение авторитарного курса сверх указанного периода, то есть после стратегического ослабления Запада, начнет оказывать негативное влияние на китайское общество уже к началу 2040-х годов. Между тем, соблазн продолжения политики «авторитарной модернизации» может оказаться для китайского руководства весьма велик, что подтверждается печальным опытом СССР середины 50-х — начала 80-х годов прошлого века.

Продолжение жесткой внутренней политики в новых условиях, когда реальная внешняя угроза существованию Китая отступила на задний план, может обернуться политическим кризисом в стране в конце 2040-х годов. Причем основу оппозиционно настроенных сил составят: обедневший «средний класс», который так и не успеет укрепиться в социальной структуре Китая; интеллигенция, прежде всего получившая образование за рубежом; молодежь, протестующая в защиту прав человека; и региональные элиты, недовольные уровнем финансового бремени со стороны центра и чрезмерным репрессивным контролем.

Поляризация и дифференциация по множеству линий в купе с экономической стагнацией приведут к массовым протестам населения, которые, несмотря на различные задачи, будут иметь общую цель — смену режима. Также будет нарастать внутренний конфликт центра и наиболее влиятельных регионов (особенно с СУАР, Тибетом и Гонконгом). В 2030-е годы власть будет предпринимать попытки усилить влияние и контроль через расширение репрессивного аппарата, усиление Центрального департамента пропаганды КПК и т.д., но протест наберет критическую массу и к 2050-му году выльется в открытые выступления.

Таким образом, в середине XXI века Китай окажется в ситуации массового зарождения политических сил, партий, движений, политических противоречий, столкновений, роста национализма, но уже другого рода, основанного на историческом наследии Китая и новом государственном строительстве. Вероятно, что это

выбьет Китай из траектории его предыдущего развития и превратит его в державу срединного уровня, потенциал которой будет зависеть именно от траекторий дальнейшего развития во второй половине века. Это потребует изменения названия страны, конституции, политической системы, возможно и смены столицы (ей мог бы стать Шанхай). За основу политического устройства могла бы быть взята модель Китайской Республики (Тайваня) — это и будет активно продвигаться внешними силами, заинтересованными в слабом Китае, встающим на путь демократического институционального строительства под контролем региональных лидеров — Японии, Южной Кореи и США.

К 2050 году Китай окажется фактически расколот на множество территориальных образований, подчиненных центру лишь формально. Добивавшиеся много лет гарантий особого статуса регионы (СУАР, Тибет, внутренняя Монголия), а также крупные города-мегаполисы потребуют, в новых условиях, автономии и гарантий проведения самостоятельной политики в большинстве областей. Усилится сепаратизм Макао и Гонконга (Сянган).

В наиболее тяжелом положении окажутся отсталые регионы внутреннего Китая, которые не будут обладать ресурсами для оживления экономики и обеспечения порядка и системы социальной защиты и которые будут выступать против радикальной ломки китайской политической системы под угрозой закрепления в качестве зависимых от соседей субрегионов.

К 2050 году Китай столкнется с острым кризисом нехватки ресурсов. Нехватка продовольствия приведет к гуманитарным кризисам в отдаленных частях Китая, а зависимость от иностранных поставок продовольствия станет угрожать национальной безопасности — возникнет проблема голода в целых регионах, решение которых будет спорадическим и несистематическим, что вызовет «голодные бунты» и дискуссии о гуманитарной катастрофе в Китае в мировом сообществе. Экологическая ситуация в Китае также обострится.

Возникнет угроза нехватки энергоресурсов. К началу 2030-х годов Китай будет потреблять более 20% мировой энергии.

Правительство будет вынуждено вводить законы об экономии электроэнергии. Экономия электроэнергии скажется на производстве, снижение производства приведет к снижению экономического роста и международной торговли. Само понятие «мастерская мира» будет утрачено и перейдет к странам Юго-Восточной Азии (АСЕАН). При этом Китай продолжит импортировать до 80% нефти, что поставит его в тяжелое положение. Китай предпримет попытки организации разработки месторождений в других государствах, конфликт с которыми маловероятен (Казахстан, Венесуэла, Иран, Перу, Азербайджан и т.д.).

Основными факторами демографической ситуации к 2050 году станут:

- снижение численности населения до 1 млрд. 300 млн. человек;
- сохранение подавляющего превосходства ханьцев в национальной структуре общества — на уровне более 92%;
- резкое снижение уровня и качества жизни, продолжительности жизни (до 68 лет), появление массовой безработицы;
- рост рождаемости в деревне и его сокращение в городах;
- взрыв урбанизации на фоне кризиса и краха политической системы и снятия ограничений на переезд в города;
- значительный рост криминала, оборота наркотиков и алкоголизма.

Ввиду кризиса, связанного с истощением природных ресурсов, а также на фоне снижения производительности труда и закрытия целого ряда производств в Китае появятся признаки дефицита, который коснется, в первую очередь, сельской местности и небольших городов.

Снижение инвестиций приведет к краху некоторых отраслей экономики. В результате непредсказуемых политических трансформаций и «шоковой терапии» в экономике, которая будет проходить под влиянием западных экспертов, Китай откроет возможности для инвестиций, однако их эффективность останется крайне низкой в течение одного-двух десятилетий.

Ослабление юаня вызовет дискуссии о потере им роли глобальной валюты, а падение производства и перемещение «мировой мастерской» в Юго-Восточную Азию с утратой Китаем статуса

ведущего экспортера продукции цифровых технологий лишит Китай последнего и решающего ресурса эффективной и относительно сбалансированной внешней торговли.

Политические трансформации приведут к изменению всей экономической модели развития — из «двухколейной» экономики Китай вероятно сделает выбор в пользу рыночных механизмов, развитие которых займет не менее двух десятилетий, а возвращение к «старым» темпам роста не произойдет до конца века.

Радикальный национализм 2020-х резко сменится массовой апатией к политике и идеологии в начале 2030-х годов, что сформирует вакуум государственной идеологии в стране. В обществе, переживающем радикальные системные трансформации, возникнет запрос на восстановление традиционных ценностей одновременно с попыткой заимствования западных ценностей и их «локализации» по примеру японской или индийской модели.

К середине XXI века Китай будет переживать ренессанс религиозной жизни: в большей мере мусульманские, буддистские, индуистские общины, а также — в меньшей — христианские и иудейские вступят в конкуренцию за «души» миллиардного населения Китая. Учитывая традиционный религиозный и мировоззренческий опыт Поднебесной, говорить о конфликтном потенциале такой конкуренции не придется, и наиболее заметно она проявится лишь в ряде регионов, таких как СУАР, Тибет или Гонконг.

К середине XXI столетия Китай, после двух десятилетий выключенности из мировых образовательных процессов, заново откроет себя для мира, а одним из наиболее эффективных ресурсов для этого «открытия» станет, как и ранее, сфера образования и науки. Китай традиционно делал большую ставку на развитие науки и образования, культурные и образовательные обмены, участие в международных конференциях и развитие собственных стандартов в образовании и теорий и концепций в науке. Наука и образование станут одним из наиболее эффективных сфер для налаживания связей после краха авторитарного режима.

В результате краха режима произойдет и резкое снижение перенасыщенного бюджета отраслей, связанных с обеспечением

вооруженных сил, а часть средств будет перераспределена на другие фундаментальные и прикладные исследования. Однако сможет ли Китай восстановить статус мирового научного центра, будет зависеть от будущей модели развития. Перегруженный военный бюджет будет реструктурирован на фоне кардинальных политических трансформаций, а также под влиянием западных и соседних стран, заинтересованных в военном ослаблении Китая, включая США, ЕС, Индию и Японию.

В результате падения режима в 2050-е годы военный потенциал Китая значительно снизится, и Китай будет вынужден ослабить влияние как в Юго-Восточной Азии, так и в АТР в целом, передавая лидерство в регионе Японии. Способность Китая сохранить военный потенциал и использовать его будет зависеть от тех направлений развития, по которым страна двинется во второй половине века.

В 2030-е годы Китай предпримет агрессивные шаги в отношении своих соседей. В качестве способа решения внутривнутриполитических проблем Китай развяжет конфликт с Тайванем, окружит остров, введет на территорию свои войска и присоединит к себе «законные» территории, а правительство Китайской республики будет вынуждено бежать за рубеж. США и Японии придется смириться с этой акцией, но Китай окажется под давлением жестких санкций, введенных против него как со стороны западных держав, так и со стороны соседей. Это усугубит политический и экономический кризис, и может привести к падению режима в начале 2050-х.

В случае такого падения экономически ослабленный Китай будет вынужден пойти на уступки бывшим противникам, которые, под влиянием США, согласятся на ответные уступки с целью выстраивания добрососедских отношений с Пекином. США, выступающие в качестве медиатора в макрорегиональных трансформациях, гарантируют себе восстановление лидерства в регионе, устойчивость которого будет зависеть от того, по какому пути двинется новый Китай и насколько быстрым будет его угасание или восстановление.

9.4. Япония

9.4.1. Сценарий «Интернационализация» на этапе до 2025 года

Сценарий интернационализации предполагает, что преобладающим трендом мирового развития станет мягкая (договорная) глобализация, в рамках которого в мире ускорятся процессы интеграции в экономической, культурной, политической и религиозной сферах, что приведет к качественному усилению взаимосвязанности различных стран, цивилизаций и регионов. Данный сценарий исходит из того, глобализация будет происходить естественным путем, без чьего-то диктата или применения силы, в силу логики мирового развития.

Свою роль будет играть и ситуация внутри Японии. В Либерально-демократической партии (ЛДП) будет продолжаться борьба мнения между «националистическим», «пацифистским» и «меркантилистским» течениями, каждое из которых имеет собственное представление об угрозах и, соответственно, приоритетах в сфере безопасности. Так, «меркантилисты» всегда исходят из того, что главная угроза безопасности страны связана с ее изоляцией и упадком системы мировой торговли, «националисты» - с утратой суверенитета и полного подчинения Японии старшему партнеру по Договору безопасности, «пацифисты» — с опасностью невольного вовлечения в вооруженный конфликт. Соответственно сценарий интернационализации получит дополнительные шансы на развитие в случае существенного усиления «меркантилистов».

В прошлом Япония искала ответ на вызовы, связанные с необходимостью модернизации, в умелом сочетании национальных традиций и перенимании зарубежного опыта, встраивании в глобальную систему международных отношений. Она смогла провести несколько модернизационных рывков, основанных на идее интернационализации. К их числу относятся революция Мэйдзи, шедшая под знаком вестернизации (1868-1912 гг.), период

послевоенных демократических реформ («американизация») (1945-1952 гг.), наконец, современный период «возвращения в Азию».

Исторический опыт последних полутора столетий свидетельствует об огромном адаптивном потенциале японской нации, ее способности мобилизовать силы с целью преодолеть отставание с ведущими мировыми державами и удержать лидерские позиции в мире. Во второй половине XIX века, столкнувшись с угрозой иностранного порабощения, Япония смогла в короткие сроки провести модернизацию и войти в клуб великих держав. Колоссальный мобилизующий эффект имело для страны и поражение во Второй мировой войне. Быстро оправившись от разрухи, Япония достигла небывалого экономического роста, став мировым экономическим лидером. Подхлестнули страну и «нефтяные шоки» 1970-х годов, когда угроза оказаться без энергетических источников привела к тому, что Япония стала мировым лидером в сфере энергосбережения. Каждая из попыток интернационализации являлась ответной реакцией страны на воздействие внешних факторов, на вызовы современности.

В настоящее время правительство Японии выдвигает амбициозные планы, связанные со строительством зоны свободной торговли АТР, проведением внутренних структурных реформ, направленных на внедрение международных стандартов, расширение потоков людей, товаров и капиталов между Японией и АТР с целью расширения возможностей роста японской экономики. В экономической области Япония исходит из необходимости вовлечения Китая в решение глобальных проблем и задач развития свободной торговли и экономического партнерства на правах «ответственного акционера».

Современную интернационализацию нельзя сводить только к экономике. Этот процесс гораздо сложнее и охватывает самые разные проблемы современного японского общества, включая сферы образования, семейных отношений, гендерной политики. В социуме наблюдается переход от иерархических отношений к эгалитарным, постепенное устранение дискриминации женщин,

закрепление индивидуалистической морали и потребительской мотивации в социальных отношениях.

Предполагаемый сценарий исходит из того, что Япония, являясь мировой торговой державой, будет строить свою стратегию, основываясь на необходимости развития глобальной системы международной торговли и на приоритете внешнеэкономических и торговых связей, и прежде всего, со странами АТР. Япония будет исходить из того, что в мире необходимо установить общие и единые законы и правила поведения, которые будут иметь приоритет в отношении внутреннего законодательства и налагать определенные ограничения в отношении суверенных прав государств. Такие правила будут устанавливаться в рамках всеобъемлющих международных согласовательных механизмов — ООН и ее специализированных организаций, ВТО, «Большой двадцатки» и «Большой семерки» и т.д. Гегемония какого-либо государства/ группы государств не допускаются. Невозможно и установление каких-либо правил жестким (силовым) путем. Япония будет считать, что указанный выше порядок будет установлен на базе демократических ценностей, носителем которых является Запад.

Сценарий интернационализации имеет относительно высокую вероятность реализации в случае, если в международных отношениях произойдут качественные сдвиги в направлении интеграции и глобализации. Данному сценарию будет способствовать дальнейшее развитие транснациональных связей в мировой экономике, усиление меркантилистского мышления в руководстве ключевых экономик мира, и прежде всего, США и Китае. Основываясь на собственных экономических интересах, эти страны придут к выводу о том, что многосторонние наднациональные экономические и политические институты могут иметь полномочия, налагающие ограничения на использование государствами прав национального суверенитета. Однако даже если подобные правила и ограничения не будут носить обязывающего характера, государства должны будут уважать и учитывать их в интересах мирового экономического развития.

В сфере государственного управления Японии ситуация будет характеризоваться относительно высокой устойчивостью и стабильностью политических институтов. Качественные изменения кабинетно-парламентской системы, а также правительственной структуры, в среднесрочной перспективе маловероятны.

Перспектива стабильного правления ЛДП на период после 2021 г. будет зависеть от успехов политики «абэномики». Среди угроз для действующей власти многие называют отсутствие устойчивого роста, пробуксовку структурных реформ, сокращение реальных доходов населения. От руководства ЛДП потребуется немалое искусство, чтобы, с одной стороны, добиться экономического подъема с помощью мер экономического дерегулирования и усиления роли рыночных механизмов, а с другой — провести серьезную реформу системы здравоохранения и социального обеспечения, требующую огромных государственных вложений. Большую внутривластную проблему для ЛДП составит повышение потребительского налога до 10%, которое будет реализовано в октябре 2019 года.

В партийно-политической системе Японии в 2025 г. будет наблюдаться преобладание Либерально-демократической партии, которая не сможет, тем не менее, отказаться от коалиционного правления, т.е. блокирования с другими политическими партиями. Скорее всего, ее партнером по коалиции останется партия Комэйто, голоса сторонников которой неопределимы для ЛДП на выборах в нижнюю палату парламента, а также Партии обновления. В системе коалиционного правления возможно появление иных партий, с большей вероятностью расположенных в центральной части политического спектра.

Можно ожидать ускорения процесса реформирования партийно-политического пространства. По сравнению со сценарием суверенизации, политическая власть в Японии будет более «распыленной», большее значение будет иметь элемент коалиционности правления, не столь значимым станет фактор персонального начала политических лидеров харизматического типа.

В силу островного положения и наличия конституционных ограничений на военное строительство Япония будет воздерживаться от любых шагов, которые бы привели к изменению ее текущего территориального статуса. Изменение статус-кво границ противоречило бы ее интересам и как державы, экономическое благосостояние которой в большей степени зависит от устойчивых внешнеэкономических связей и надежности правового обеспечения и безопасности морских коммуникаций, через которые она получает значительную долю жизненно важной для нее продукции.

Территориальные проблемы со странами-соседями — Китаем (проблема Сэнкаку/Дьяюйдао), Южной Кореей (проблема Токто/Такэсима), Россией (проблема пограничного размежевания в районе Южных Курил/«северных территорий») — сохранятся, но их острота в политической повестке дня снизится в результате развития региональной экономической интеграции и усиления роли многосторонних согласительных механизмов в международно-политическом дискурсе региона. В результате территориальные споры не станут тормозом на пути экономического сотрудничества со странами-соседями.

Поскольку Япония бедна природными ресурсами и не располагает значимой сырьевой базой для развития промышленности, основным инструментом удовлетворения потребностей в ресурсах останутся торговые отношения с сырьепроизводящими странами, которые традиционно направлены на обеспечение доступа к источникам сырья и топлива, поддержание стабильности их поставок, а также на устранение торгово-политических барьеров на пути японских товаров на внешние рынки. Обеспечение стабильных поставок энергетических и сырьевых ресурсов останется краеугольным камнем японской экономической дипломатии.

В целом в рамках данного сценария вопрос о природных ресурсах будет стоять перед Японией и решаться в той же форме и теми же методами, как в рамках сценария суверенизации.

В области демографии Япония столкнется с проблемой депопуляции, связанной со снижением рождаемости, повышением

продолжительности жизни и старением населения. В стране будет наблюдаться снижение доли экономически активного населения в демографической структуре общества и острая нехватка рабочих рук. Доля лиц старше 65 лет превысит к 2025 г. 30%.

В рамках данного сценария в корпоративном секторе для решения задач реструктуризации на вооружение будут взяты стандарты глобального корпоративного управления. «Мягкая глобализация» будет продолжать размывать основы японской модели менеджмента, основанной на ограниченности рыночных принципов и особой роли корпораций в решении социальных проблем.

Отказ от пожизненного найма и отход от протекционизма в отношении корпоративного сектора приведет к снижению уровня социальной защищенности наемной рабочей силы. Повысится уровень безработицы (до 7-8%), усилится социальное расслоение, увеличится недовольство властью, что станет источником политических кризисов. Вместе с тем это позволит повысить производительность труда и избежать существенного отставания от стран-конкурентов по показателям эффективности.

В рамках данного сценария можно ожидать более радикальной либерализации иммиграционного законодательства. Будут приняты меры по целевому привлечению некоторых категорий работников, в основном из азиатских стран (Филиппин, Таиланда и др.). Наибольшую потребность Япония будет испытывать в среднем медицинском персонале и социальных работниках, особенно в свете обозначившейся нехватки медсестер в региональных медицинских учреждениях, ростом потребности в сиделках в центрах ухода за престарелыми.

В области экономики Япония будет продолжать занимать первые строчки рейтингов по отдельным критериям международной конкурентоспособности, причем по некоторым позициям она по-прежнему останется мировым лидером. В наибольшей степени устойчивому росту японской экономики будут способствовать такие ее характеристики, отмеченные в докладе Международного экономического форума за 2015/2016 г., как инновационное развитие (2-е место в мире); высокий уровень развития инфраструктуры;

наличие квалифицированной и физически здоровой рабочей силы; наличие прекрасной инновационной среды, включающей высокий потенциал инженерно-технических кадров; сложность и высокая диверсифицированность бизнеса, позволяющие обеспечивать выпуск многих уникальных видов продукции; уникальность многих производственных процессов; высокая доля локальных компонентов; контроль над товарными потоками; большое количество высококлассных научно-исследовательских учреждений; значительная доля корпоративных расходов в общих расходах на НИОКР и т.д.¹¹⁶

В 2025 году японская экономика продолжит удерживать лидерские позиции по тем показателям, которые характеризуют инновационный характер выбранной ею постиндустриальной модели экономического развития. Сокращение товарной составляющей экспорта во внешнеторговом балансе Японии будет связано со становлением новой модели разделения труда между Японией и странами Восточной Азии, в рамках которой стадии производственного процесса оказываются разбросанными по разным странам региона. Между ними окончательно сложатся транснациональные логистические цепочки в рамках корпораций, контролируемых японским капиталом. Основным предметом торговых операций станут не готовые товары и услуги, а добавленная стоимость. Из стран-партнеров по региональной интеграции Япония будет импортировать готовую продукцию, включая как потребительские товары, так и промышленное оборудование.

Сохранит свое значение стратегия локализации производства, т.е. приближения его к потенциальным рынкам сбыта. Эта стратегия будет ставить своей целью максимально использовать преимущества стран, ставших объектом японских инвестиций, и одновременно избежать негативных последствий, связанных с колебаниями валютного курса иены. Переместив значительную часть своих производств, включая те, что сопряжены с созданием

---

116 Country highlights [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/country-highlights> (дата обращения: 29.04.16)

высокой доли добавленной стоимости, за рубеж (в Китай, Тайвань, страны АСЕАН, где имеются для этого наилучшие условия, включая дешевую и квалифицированную рабочую силу и хорошую производственную инфраструктуру), Япония оставит у себя выработку технологических решений, а также производство значительной части компонентной базы. Экспорт будет обеспечиваться в основном за счет промежуточной продукции.

Одновременно Япония будет продолжать уделять приоритетное внимание продвижению в страны Восточной Азии целых инфраструктурных проектов. Подобный подход предполагает не только поставки оборудования и проведение соответствующих строительных работ, но и разработку дизайна, проектирование, предоставление в одном пакете технологий и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги. Для сохранения позиций на внешних рынках особый упор будет сделан на те сферы экспорта готовых систем, где Япония имеет превосходство — электроэнергетику, дороги, водоснабжение, информационные технологии, здравоохранение и т.д. В странах-партнерах будут реализовываться комплексные проекты в области производственной и социальной инфраструктуры, промышленные технологии, готовые энергетические проекты, проекты в сфере экобизнеса и т.д.

Японские прямые инвестиции будут играть все более важную роль в экономике многих стран Восточной Азии. Именно за счет внешних инвестиций Япония будет продолжать получать значительную часть доходов от внешнеэкономической деятельности. Несмотря на дефицит внешней торговли, Япония сохранит положительное сальдо своего платежного баланса. Основным источником экономического роста будет внешний спрос, создаваемый главным образом в азиатских странах.

Темпы роста экономики будут умеренными, но более высокими, чем в рамках сценария суверенизации. За счет повышения налоговых поступлений правительству удастся существенно снизить актуальность проблемы внутреннего государственного долга. Инвестиционные рейтинги Японии будут достаточно высокими.

Япония будет активно использовать культурные достижения для создания своего позитивного образа в мире, так как для обеспечения своей внешнеэкономической стратегии ей необходимо будет создать соответствующий психологический климат в странах-партнерах по экономическим связям. Культурная дипломатия будет одним из основных направлений внешнеполитической деятельности страны. Основной упор будет делаться на «мягкую силу», и прежде всего на влияние массовой культуры за рубежом как средства распространения позитивного имиджа страны. Подход Японии к использованию «мягкой силы» будет основываться в первую очередь на экспорте традиционных культурных ценностей (театр Кабуки, чайная церемония, искусство икэбана и т.д.). Их продвижение во внешний мир будет призвано показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для мирового наследия.

Острие японской культурной дипломатии будет направлено на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Развивая активную культурную деятельность, пропагандируя японские культурные ценности, как традиционные, так и современные, Япония будет решать задачи эффективного экономического проникновения в эти страны. Культурная дипломатия позволит Японии решать задачи усиления политического влияния и распространение демократических ценностей, носителем коих Япония будет продолжать себя считать. В отношении стран Восточной Азии (Китай, Южная Корея) политика Японии в культурной области будет, кроме того, преследовать цель освобождения от наслоений исторических обид, связанных с негативной для Японии исторической памятью периода Второй мировой войны.

Активную роль в этом отношении будет по-прежнему играть Японский фонд (культурное агентство, действующее под эгидой Министерства иностранных дел Японии). Цели японской культурной политики будут заключаться во внесении посильного вклада в развитие мировой культуры и цивилизации, содействии адаптации страны к изменениям, вызванным глобализационными процессами, и сохранении собственной национальной идентичности.

Реализация этих целей позволит привлечь молодежь в зарубежных странах к ценностям японской культуры. Именно на молодежь будет направлен глобальный проект «Cool Japan» («Крутая Япония»), призванный пропагандировать за рубежом японский образ жизни и молодежную субкультуру (анимэ, манга, поп-музыка, мода, кухня и пр.).

В религиозном отношении Япония останется страной с высокой степенью веротерпимости и отсутствием религиозных конфликтов. Однако роль традиционных религий в общественном дискурсе и политической жизни страны возрастет не будет. Исключением можно считать т.н. «новые религии», место которых в повседневной жизни японцев не уменьшится, так как эти религии обращены к повседневным житейским проблемам верующих, а идея спасения в загробной жизни отодвинута на задний план. Некоторые из них будут активно позиционировать себя в политической сфере.

Партия Комэйто, электоральной базой которой являются около 10 млн. приверженцев необуддистской секты «Сока гаккай» и членов их семей, не только сохранит свои позиции в парламенте, но и будет оказывать существенное воздействие на принятие политических решений, особенно если она останется партнером ЛДП по правящей коалиции (а такая вероятность достаточно велика). Комэйто будет оказывать давление на власть в сторону сохранения пацифистских положений конституции, отказа от активного военного строительства, большего внимания к социальным вопросам.

В системе образования будут продолжаться те тренды, которые наметились с переходом Японии на стадию постиндустриального развития. Эти тренды связаны с интернационализацией и информатизацией общества возрастанием требований общества к пожизненному обучению. Если традиционно главным критерием при найме выпускника считалась способность к обучению (которую демонстрировало не столько содержание образования, сколько сам факт поступления в престижный университет), то в 2025 г. гораздо большие требования будут предъявляться к инициативности, способности принимать решения, коммуникативности и т.д.

Будет усиливаться тенденция к интернационализации высшего образования, его адаптации с помощью механизмов демократизации к потребностям современного информационного общества, обеспечению эквивалентности японских дипломов аналогичным документам об образовании в странах Европы и США. Японские университеты будут активнее развивать международные связи, стремясь интегрироваться в международную образовательную среду. Правительство страны будет активно привлекать в страну иностранных студентов, общее число которых превысит 300 тыс. человек.

Более 100 тыс. японских студентов будут получать университетское образование за пределами Японии. Для повышения привлекательности международных университетских обменов будет осуществлена радикальная реформа образовательных стандартов в системе высшего образования в направлении их унификации с международными стандартами (в частности, с болонской системой). Значительные бюджетные средства будут выделены на то, чтобы повысить уровень японских университетов в международных рейтингах, увеличив их число в первой сотне. В рамках правительственного проекта «Global 30», завершаемого в 2020 году, тридцать лучших японских университетов смогут готовить специалистов международного уровня.

Одновременно будет наблюдаться разрыв между небольшим количеством престижных университетов, получающих приоритетное финансирование и имеющих высококлассные научно-преподавательские кадры, и значительной частью университетов «аутсайдеров». Проблемой для Японии станет также уменьшение количества потенциальных студентов под влиянием демографического спада, снижение реальных доходов населения, сокращение доступных финансовых ресурсов, связанное со слабым экономическим ростом и сложным состоянием бюджета. Большие расходы на подготовку в университеты, сужение возможностей государственного финансирования, сравнительно высокая и постоянно растущая плата за обучение приведут к утрате равенства доступа к образованию. Кроме того, можно ожидать, что в

системе образования сохранятся серьезные гендерные различия, связанные с ограниченными возможностями карьерного роста для женщин (среди общего числа университетских профессоров женщины составляли в начале 2010-х гг. лишь около 10%).

Япония будет концентрировать наибольшие усилия на прорывных направлениях науки и техники, позволяющих ей сохранять лидерские позиции в мире. Особое значение будут иметь такие направления, как создание искусственного интеллекта и манипуляторов, развитие биологии и биотехнологий, разработка энергосберегающих техники и технологий. В результате широкого внедрения инновационных технологий в стране будет достигнуто оптимальное соотношение между спросом и предложением энергии, основанное на коренных преобразованиях, как в сфере производства, так и в сфере потребления энергии.

Япония будет уделять большое внимание не только научно-техническим, но и организационно-управленческим инновациям. Она добьется заметных успехов и в деле разработки новых методов планирования, выполнения и оценки исследовательских проектов. В результате в стране будет сформирована качественная модель инновационного развития с выраженным креативным компонентом. Успехи Японии в этом отношении будут зависеть от того, насколько эффективно она сможет провести реформу образования в направлении воспитания творческих и креативно мыслящих личностей. Залогом успеха в этом отношении станут тесные научно-технические связи Японии со странами Европы и США. Эти связи позволят Японии сохранять лидирующие позиции в прикладных исследованиях и преодолеть разрыв с Западом в области фундаментальных наук, особенно в сферах физики и биологии, а также медицины.

Япония будет продолжать активно наращивать свой военно-технический потенциал. Будет развиваться сотрудничество с США в рамках военно-политического союза. Вместе с тем конституция и иные пацифистские ограничения сохранятся, и Япония будет ограничивать военно-силовую компоненту своей внешней политики. На вооружение будет взята

новая трактовка права на коллективную самооборону в целях «вклада в дело мира». Будут развиваться два новых направления военной политики: миротворческая деятельность под эгидой ООН, касающаяся гуманитарных миссий за рубежом, и тыловая (логистическая) поддержка стран-союзников Японии при реализации ими миротворческих миссий. Япония будет более активно участвовать в миротворческих операциях ООН (операции по оказанию логистической, инженерной, гуманитарной помощи странам, пострадавшим от военных конфликтов). Речь идет о строительстве дорог, мостов, больниц и школ, снабжении населения водой и т.д.

Действующие в стране законодательные акты (Закон о Силах самообороны 1954 года, Закон о сотрудничестве с ООН по поддержанию мира 1992 года, Закон о мерах по противодействию пиратству 2009 года и др.), составляющие наряду с конституцией страны правовую основу для такого участия, ограничивают любые действия японских миротворцев в зонах поддержания мира гуманитарными целями и практически не допускают ситуации с их участием в боевых действиях. Для полноценного участия в реализации целей миротворческих миссий указанные ограничения будут отменены, и Силы самообороны будут наделены юридическим правом применять оружие за пределами страны не только для самообороны, но и для решения конкретных боевых задач в рамках указанных миссий.

В дополнение к открытой в 2011 г. в Джибути первой за послевоенный период военной базы в районах повышенной международной напряженности за пределами Японии будут открыты иные военные объекты японских вооруженных сил, которые будут действовать на качественно новой правовой основе.

Вероятность, что Япония обретет ядерное оружие, можно оценить как достаточно малую. Среди аргументов в пользу сохранения страной неядерного статуса можно отметить, что в случае нуклеаризации Японии сильный удар будет нанесен по ее военно-политическому союзу с США. Единственным обоснованием «голлистского решения» может быть обретение страной

самостоятельности и самодостаточности в проведении своей политики в области обороны и национальной безопасности, в связи с чем одновременное продолжение опоры на американскую мощь ядерного сдерживания потеряет всякий смысл. Обретение Японией ядерного оружия лишит ее американских «ядерных гарантий» и по причине жесткой позиции Вашингтона по вопросу о режиме нераспространения ядерного оружия.

Свою роль будет играть и опасение «эффекта домино». «Ядерный выбор» приведет к ускорению процесса распространения ядерного оружия, в том числе и среди возможных военных соперников Японии (например, в странах Корейского полуострова), дестабилизации военно-политической ситуации, гонке ядерных вооружений в Северо-Восточной Азии и существенному ухудшению внешнеполитических условий для самой Японии. Кроме того, под угрозу будет поставлен весь режим ДНЯО, который исключительно важен для Японии как крупной торговой нации. Существуют также опасения утраты международного авторитета, основанного на моральных обязательствах Японии как единственной в мире страны, пострадавшей от применения ядерного оружия.

Пересмотру неядерного статуса будет препятствовать и сохранение в японском обществе «ядерной аллергии», которая с течением времени не утрачивает свою силу, несмотря на уменьшение пацифистских настроений в массах, ослабление негативной исторической памяти участия Японии во Второй мировой войне, а также рост националистических настроений.

Помимо Соединенных Штатов, сотрудничество в сфере военной безопасности будет активно развиваться с прочими странами Азиатско-тихоокеанского региона, которые Япония считает своими союзниками — с Австралией, Филиппинами, Индией и т.д. Такое сотрудничество будет обретать форму сетевого взаимодействия, постепенно замещающего традиционную конфигурацию «оси и спиц». Это сотрудничество будет иметь отчетливо выраженную геополитическую цель — сдерживание военно-политических амбиций Китая под знаком «демократических ценностей».

Оно будет призвано обеспечить международный порядок в том понимании, которое имеется у США и их союзников.

Будут продолжены усилия по реализации концепции «ромба безопасности» — геополитической конфигурации, в которую, помимо Японии и США, войдут те страны АТР, которые имеют общие демократические ценности, в частности, Индия и Австралия. Япония продолжит поддерживать активные связи с этими странами, выступая поставщиком многих уникальных технологий для модернизации их вооруженных сил. Кроме того, между Японией, Индией, Австралией и США будут активно развиваться диалоговые форматы в военно-политической области, продолжаться практика проведения совместных военных учений.

Особое значение приобретет для Японии военное сотрудничество с Республикой Корея. Несмотря на сохраняющиеся в политической сфере противоречия (проблемы исторического прошлого, проблема островов Токто), в отношениях двух стран произойдут качественные подвижки, основанные на общем понимании угроз национальной безопасности. Между Токио и Сеулом будет запущен механизм обмена оборонной информацией (договор был подписан еще в 2012 г., но не вступил в силу из-за политических проблем), продолжена практика проведения совместных военных учений с участием ВМФ Японии, Республики Корея и США.

Помимо традиционных основ безопасности, связанных с территорией, населением и системой государственного управления, для Японии основой внешней политики будут выступать ее интересы как крупной морской державы, которые подразумевают повышенный интерес к безопасности 200-мильной морской зоне, морских коммуникаций и режиму мореплавания, причем не только в восточноазиатском регионе, но и в мире в целом.

Япония будет позиционировать себя в качестве члена западной коалиции. По большинству глобальных проблем (включая украинскую проблему) Япония будет демонстрировать свою солидарность с «Большой семеркой» в той степени, в какой это не будет противоречить базовым национальным интересам страны.

Одновременно Япония будет активно использовать во внешней политике свой особый статус как страны, пострадавшей от атомной бомбардировки и принявшей мирную конституцию. Возможные изменения 9-й статьи конституции не затронут ее базовых постулатов, касающихся отказа Японии от войны как средства решения международных споров. Соответственно Япония продолжит позиционировать в качестве государства, приверженного миру и готового вносить «активный вклад» в достижение мира, стабильности и процветания международного сообщества (доктрина «проактивного пацифизма», выдвинутая премьер-министром С. Абэ).

Факторы «мягкой силы» будут исключительно значимыми во внешнеполитическом инструментарии Токио, особенно в Юго-Восточной и Восточной Азии, где имидж «мирной и демократической» Японии будет противопоставлен имиджу «напористого» и «агрессивного» Китая. Вместе с тем наращивание военного потенциала и превращение Японии в «нормальное» (не обремененное ограничениями на военное строительство) государство будет создавать определенный диссонанс между официально заявленными целями (вклад в мир) и средствами их достижения (политика перевооружения).

Ставя перед собой цель повышения своей глобальной политической роли и обретения статуса крупной политической державы мирового значения, а также вступления в Совет безопасности ООН на правах постоянного члена, Япония продолжит оставаться одним из крупнейших финансовых доноров в ООН и иных международных организациях и будет добиваться увеличения числа японских сотрудников в этих учреждениях. Будут продолжаться усилия по наращиванию институционального потенциала японской дипломатии, а также линия на активизацию участия страны в решении глобальных проблем, включая проблему международного терроризма.

Придавая большое значение решению задачи ядерного разоружения, Япония продолжит придерживаться курса на укрепление режима ДНЯО. Приоритетным направлением внешней политики

останется международное сотрудничество в сфере экологии. Япония продолжит курс на поддержку международных усилий в борьбе с потеплением климата, хотя постепенный отказ от атомной энергетики и сохранение высокого удельного веса углеводородов в энергетическом балансе страны не позволит ей брать на себя радикальные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов.

В своей региональной политике Япония будет строить свою позицию на необходимости построения в Восточной Азии многосторонних механизмов региональной интеграции, основанных на принципах «открытого регионализма». Согласно этим принципам, региональное сотрудничество между восточноазиатскими странами должно осуществляться в интересах предотвращения регионального сепаратизма, т.е. с упором на интересы глобального экономического сотрудничества.

К 2025 г. вступит в силу Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), в котором Япония будет занимать одну из ведущих ролей. Велика вероятность того, что после ухода в 2021 г. администрации Трампа новое дыхание получит Транстихоокеанское партнерство (ТТП), где Япония наряду с США будут «играть первую скрипку». Что касается ЗСТ СВА в формате «Большой тройки» (Япония — Китай — Южная Корея), то многое будет зависеть от ситуации в политических взаимоотношениях трех стран, которые крайне нестабильны и с трудом поддаются прогнозированию. Можно предположить, что Япония будет считать «тройку» контрбалансиром, который можно выгодно использовать в дипломатических отношениях с Вашингтоном, а также возможностью продавить с его помощью выгодные для себя форматы интеграции. Для Китая же это станет способом экономически теснее привязать к себе Японию и не допустить формирования в Восточной Азии экономических группировок без своего участия.

С Россией Япония будет проводить политику умеренного сближения. При этом Токио будет делать все возможное, чтобы не допустить тесных связей России и Китая в военной области, а

уже тем более заключения между ними полноценного военного союза. Другим фактором в пользу тесных отношений с Россией станет нестабильность на Корейском полуострове. На этом фоне Япония будет заинтересована поддерживать диалог и наращивать сотрудничество с Россией по вопросам региональной безопасности. Многое будет зависеть от позиции Америки: если США пойдут на новую перезагрузку отношений с Москвой с целью решения отдельных вопросов своей внешнеполитической повестки дня (ядерное разоружение, Иран, Сирия), это позволит Японии полностью освободиться от обязанности придерживаться антироссийских санкций. В этом смысле ситуация в российско-американских отношениях будет основным фактором, детерминирующим отношения Токио с Москвой.

Позитивное значение для развития российско-японских отношений будет иметь фактор личных взаимоотношений лидеров двух стран, а также их личные амбиции в отношении решения территориального спора. В то же время усиление факторов национального самосознания будет препятствовать решению территориального спора, так как любое такое решение будет предполагать необходимость взаимных уступок. К тому же японское руководство продолжит линию на «окончательное подведение» итогов Второй мировой войны, предполагающую окончательный отход от статуса Японии как «вражеского государства», несущего бремя ответственности за агрессивную политику времен Второй мировой войны. В этом смысле любые компромиссы с Россией по территориальной проблеме будут невозможными в силу их коренного противоречия с указанной политикой.

Фактором против сближения России и Японии станет отсутствие взаимодополняемости экономик двух стран и малая степень взаимной зависимости в экономической сфере. Для России Япония будет иметь большую привлекательность как источник инвестиций и технологий, в которых особенно нуждаются восточные регионы России, и как партнер, отношения с которым дадут возможность диверсифицировать партнерские связи с Азией, чтобы компенсировать рост зависимости от Китая. Для Японии

же экономическое сотрудничество с Россией с учетом малой ее значимости как экономического партнера будет, скорее, обслуживать политические цели. Тем не менее, выгоды от тесного экономического партнерства сохранятся и у нее: диверсификация источников энергии и сырьевых ресурсов, импульс для внутреннего экономического роста, основанный на экспорте готовых инфраструктурных проектов, удешевление транзита в Европу и т.д.

Для Японии в диалоге с Россией на первый план выйдут аспекты, связанные с ее национальной безопасностью, тогда как для России по отношению к Японии — с ее экономическим развитием. И хотя эти сферы почти не пересекаются, взаимная заинтересованность в нормальных отношениях, даже основанная на разных мотивах, заставит обе страны уделять большое внимание политическому диалогу вне зависимости от прогресса по проблеме мирного договора.

9.4.2. Сценарий «Интернационализация» на этапе до 2050 года

К 2050 году Япония останется демократической страной с кабинетно-парламентской формой правления. Коренного преобразования политических институтов, включая парламент, правительство или судебные органы, не произойдет. В стране утвердится двухпартийная система, в рамках которой у власти будут сменять друг друга партии консервативной и социал-демократической ориентации. Между такими партиями появится водораздел по принципиальным вопросам государственного управления и по большинству вопросов финансовой, налоговой и экономической политики.

Имеется вероятность, что на смену ЛДП, длительное господство которой приведет к политической коррупции и разочарованию избирателей, к власти придет партия-конкурент или партийная коалиция левоцентристской ориентации во главе с политическим деятелем популистского типа. В этом случае возможны

существенные корректировки курса страны по отношению к Договору безопасности с США, азиатской интеграции, проблеме потепления климата, угрозе распространения ядерного оружия и т.д. Победа оппозиционной коалиции над ЛДП приведет к полевению внешнеполитического курса страны, отходу внешней политики от жесткой привязки к Договору безопасности в пользу ооновской дипломатии, переходу на более нейтральные и менее привязанные к США позиции по основным международным проблемам. Однако данный сценарий носит неочевидный характер и может рассматриваться как одна из возможностей в рамках демократического процесса.

Во внутренней политике в условиях правления ЛДП будет продолжаться курс на минимизацию социальных обязательств государства и опору на принципы рыночного фундаментализма. Если же у власти окажется левоцентристское правительство, возможны попытки реализовать концепцию «государства социального благоденствия» по типу стран Северной Европы. Однако эти попытки будут сталкиваться с большими трудностями, так как в Японии преобладает крайне негативное отношение к идее повышения потребительского и иных налогов, которые будут выступать финансовым источником социальной политики государства.

Нельзя полностью исключать и того, что к власти придет «третья сила», например, в виде «лоскутной коалиции» малых и средних партий, которая выступит в качестве альтернативы двум крупным партиям. В пользу «третьей силы» играют такие особенности избирательной системы в парламент, как наличие крупного блока мест в нижнюю палату, избираемого в «округах пропорционального представительства», особый порядок выборов в палату советников, отличный от палаты представителей, а также тот факт, что сроки выборов в верхнюю палату не совпадают с выборами в нижнюю. Однако практика показывает, что главный расчет малых и средних партий заключается в том, чтобы с наибольшей выгодой «продать себя» путем вступления после некоторого торга в правящую коалицию. Поэтому большую вероятность приобретает сценарий

поляризации сил на основе тяготения малых и средних партий к одной из двух системообразующих партий — ЛДП или ДПЯ.

Эффекту поляризации будет способствовать большая по сравнению со многими другими странами ограниченность политической ниши для «малых партий». В историческом плане в Японии потребности в политической защите прав меньшинств, структурированных по расовому, этническому, религиозному, гендерному и иным признакам, не возникало, в связи с чем не происходит и политической институализации интересов таких меньшинств. К тому же японское общество относительно гомогенно в экономическом отношении, его основу составляет сильный средний класс. Свой вклад в процесс поляризации партийно-политического пространства будет вносить также, то обстоятельство, что японские избиратели, имеющие более протекционистски ориентированный, чем в других странах, тип сознания, склонны поддерживать в первую очередь партии, которые имеют реальную перспективу прихода к власти.

К 2050-ому году Япония сохранит свою территорию в нынешних границах. Территориальные проблемы с соседями (проблемы Сэнкаку/Дьяоюйдао, Токто/Такэсима, Южных Курил/«северных территорий») уйдут из центра политической повестки дня двусторонних отношений. Имеется вероятность и того, что эти вопросы будут полностью решены дипломатическими методами, либо на двусторонней основе, либо путем проведения международной конференции.

В 2050 г. Япония будет испытывать существенные потребности в ресурсах, необходимых ей для обеспечения устойчивого экономического роста в рамках постиндустриальной модели развития. Такие потребности будут связаны, главным образом, с теми отраслями экономики, где Япония сохранит для себя нишу в качестве производителя определенных видов материальной продукции: информационная техника, промышленное и строительное оборудование, новые материалы, химическая продукция, автомобили и бытовые приборы с уникальными потребительскими свойствами и прочее.

Среди иных видов ресурсов Японии будет предъявлять спрос, прежде всего, на нефть (для нужд химической промышленности), коксующиеся угли, руды черных и цветных металлов, металлы редкоземельной группы и т.д. По-прежнему эти потребности будут удовлетворяться за счет импорта. Эти потребности также будут диктовать необходимость выстраивания долгосрочной энергетической дипломатии, укрепления отношений со странами-поставщиками сырья и энергоресурсов. Япония будет заинтересована в прочном мире, стабильных и предсказуемых правилах международной торговли, безопасном и свободном режиме мореплавания. Задача обеспечения безопасности морских коммуникаций останется приоритетным направлением в рамках курса обеспечения национальной безопасности.

В плане народонаселения Япония будет представлять самое «старое» общество в мире. Доля старших возрастов составит более 36%. Одновременно ускорится процесс нуклеаризации японской семьи, вследствие которого государству придется восполнять функцию традиционной семьи по заботе за пожилыми людьми.

Увеличение в повестке дня государственного управления доли вопросов социального обеспечения пожилых людей, которые составят все более заметную долю в электорате партии власти, неизбежно приведет к нарастанию тенденций в пользу децентрализации государственного управления и усиления полномочий местных органов власти.

Япония сможет построить жизнеспособную пенсионную систему и систему медицинского обслуживания населения даже в условиях снижения темпов экономического роста и иных экономических показателей, найдя нишу в международном разделении труда как технологический и финансовый донор. Речь, прежде всего, идет об информационно-развлекательных технологиях, экотехнологиях, а также технологиях создания комфортной среды обитания для пожилых возрастов.

Можно ожидать существенной либерализации миграционного законодательства, которая приведет к наплыву в страну мигрантов, прежде всего, из числа граждан Латинской Америки

японского происхождения (т.н. никкэйджинов), а также граждан некоторых стран Восточной и Юго-Восточной Азии, и прежде всего Тайваня, Филиппин и Таиланда. Тем не менее, совокупная доля мигрантов вряд ли превысит 2-3% населения страны. Контролируемая миграция не приведет к масштабной социальной напряженности, так как правительство не допустит, чтобы пребывание иностранных работников сопровождалось существенным увеличением преступности. Скорее всего, будет несколько увеличена эмиграция японских пенсионеров, для которых будут построены комфортабельные пансионаты для постоянного проживания в тех странах, прежде всего азиатских, где будут созданы для этого подходящие условия.

Хотя темпы экономического роста останутся умеренными (2-3% в год), высокий технологический уровень промышленности и других сфер экономики, мощный научно-технический потенциал и огромная финансовая мощь позволят Японии сохранить свои позиции в качестве одного из лидеров мировой экономики.

С точки зрения качества жизни (в том числе таких его составляющих, как уровень развития здравоохранения, состояние окружающей среды, комфортность транспортной инфраструктуры, обеспечение условий для достойной старости и т.д.) Япония будет соответствовать высшим мировым стандартам и являться образцом для других государств. Несмотря на снижение позиций в рейтингах по ряду макроэкономических показателей, Япония будет сохранять существенное технологическое преимущество над Китаем, Индией и другими странами-конкурентами. Она сохранит нишу на мировом рынке в качестве поставщика многих видов уникальной и высокотехнологической продукции, финансовых, страховых и иных видов услуг, что позволит ей уверенно чувствовать себя в рамках системы международного разделения труда.

Стратегия Японии в культурной сфере позволит стране сохранить привлекательный образ в мире и обеспечит устойчивость массового интереса зарубежной аудитории к глубинам японской истории и культуры. Вместе с тем существенным ограничением для распространения культурного влияния Японии станет

стремительно растущая конкуренция со стороны Китая и Индии, хотя ни одна из этих стран не займет ведущего или монопольного положения в мире в различных индексах потенциальных ресурсов «мягкой силы».

В религиозном отношении Япония останется моноэтническим государством и сохранит нынешнюю конфессиональную картину, для которой характерна высокая степень веротерпимости и отсутствии конфликтов на религиозной почве. Расширение трудовой миграции произойдет в основном за счет немусульманских стран, что предотвратит появление вопроса о проникновении идеологии религиозного экстремизма на политическую повестку дня.

В долгосрочных планах научно-технического развития приоритет будет отдаваться двум направлениям. Первое из них, прилегающее к сфере фундаментальных исследований, включает в себя науки о жизни, информатику и телекоммуникации, новые материалы, экологию. Второе направление имеет преимущественно прикладную ориентацию и представлено такими разделами, как энергетика и ресурсы, промышленные технологии, производственная и социальная инфраструктура, Земля и космос.

Можно ожидать, что Япония, опираясь на эти приоритеты, добьется значительных успехов. Наиболее прочные позиции Япония будет занимать и в таких областях, как нанотехнологии, высокопроизводительные компьютерные системы, средства хранения и отображения информации, беспроводная техника связи, оптоэлектроника и фотоника. Неизменно высоко будут котироваться японские энергосберегающие технологии, системы переработки отходов, не загрязняющие окружающую среду, робототехника и многие другие научные и инженерные достижения.

Япония будет прилагать серьезные усилия по расширению фундаментальных исследований, недостаток которых был долгое время ограничителем для занятия ею глобального лидерства в научно-техническом прогрессе.

Военная политика Японии, включая ее отказ от пацифистского статуса, будет заключаться в выборе оптимального баланса между необходимостью укреплять позиции страны в мире в

качестве крупной военной державы и использовать военную мощь для достижения внешнеполитических целей, и необходимостью поддерживать в мире (особенно в государствах-партнерах по экономическому сотрудничеству, и в первую очередь в Азии) имидж страны, от которой не исходит военной угрозы.

Япония активизирует свое участие в сетевых структурах безопасности в Восточной Азии, которые придут на смену двусторонним договорам безопасности с США («системе оси и спиц»). В 2020-2030-е гг. в Восточной Азии продолжится формирование блоковых (сетевых) структур безопасности с участием стран, заинтересованных в военном и политическом сдерживании Китая: Японии, США, Южной Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Индии, а также, с меньшей степенью вероятности, Вьетнама, Филиппин и Таиланда. Несмотря на наличие большого числа политических проблем, создающих неблагоприятную атмосферу в двусторонних отношениях между потенциальными участниками (включая проблемы исторического прошлого и территориальные проблемы), в подобных многосторонних форматах произойдет консолидация и унификация интересов участников на базе общего понимания военных угроз.

9.4.3. Сценарий «Суверенизация» на этапе до 2025 года

Сценарий суверенизации исходит из усиления в исторической перспективе реалистской парадигмы международного порядка. Его основой послужит баланс сил между ведущими мировыми державами. Наибольшую роль в деле обеспечения мирового порядка будут играть военные потенциалы государств, которые станут основой многополярности. Мировой порядок в многополярном мире будет формироваться в ходе борьбы интересов крупнейших экономических и политических акторов — Китая, США, Индии, Японии, стран Европы и России. В рамках данной системы ни одно государство не сможет претендовать на мировую гегемонию,

а правила и нормы поведения будут формироваться стихийно в форме «концерта держав».

Сценарий суверенизации предполагает, что в политике Японии в средне- и долгосрочной перспективе будет преобладать элемент отстаивания собственных «суверенных» национальных интересов, в противоположность интересам международного сообщества. Япония не будет в такой же степени, как в случае со сценарием интернационализации, стремиться к роли политического лидера мирового значения, к установлению и соблюдению общих норм правил международного поведения, к появлению масштабных зон свободной торговли и иных механизмов экономической интеграции. Упор будет сделан на развитие национальной экономики за счет внутренних источников, на усиление военно-политической компоненты во внешней политике и признание военной силы в качестве источника международного влияния, на прагматизм и отход от ценностной идеологии в межгосударственных отношениях.

Предложенный сценарий также исходит из того, что Япония будет строить свою политику в области военной безопасности при опоре на военно-политический союз с США, но в экономической плоскости сохранять существенную специфику национальных интересов, которые не всегда будут коррелировать с американскими. Япония будет исходить из необходимости строить свою внешнюю политику с учетом снижения уровня военного и политического присутствия США в Восточной Азии, формирования «новой биполярности» на основе американо-китайского противостояния, в котором с течением времени позиции Китая будут усиливаться, а США, наоборот, ослабляться.

В военно-политической области Япония будет вынуждена проводить политику сдерживания военных амбиций Китая и его напористой политики по отстаиванию своих интересов в Восточной Азии, включая территориальные претензии по отношению к странам-соседам.

В экономической сфере проекты создания масштабных зон свободной торговли и иных структур многосторонней

экономической интеграции будут иметь ограниченную эффективность. Преобладающими будут двусторонние экономические отношения, в которых значение будут иметь экономическая, политическая и военная мощь держав.

Таким образом, произойдет своего рода «суверенизация» международной политики. Национальные (суверенные) интересы государств, в том числе и Японии, будут иметь приоритет перед многонациональными.

Сценарий суверенизации будет иметь относительно высокую вероятность в том случае, если интеграционные процессы в Восточной Азии не приведут к появлению устойчивых и международно-признанных норм и правил поведения. Многосторонние зоны свободной торговли (Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, Транс-Тихоокеанское партнерство) так и не сложатся, либо не станут действенными механизмами экономической интеграции. Продолжит буксовать процесс создания многосторонней системы безопасности, продолжится процесс распространения оружия массового поражения. КНДР останется для Японии источником военной угрозы.

В регионе усилится гонка вооружений, повысится международная напряженность. Существенно усилившийся в военном отношении Китай продолжит проводить напористую политику в отношении своих стран-соседей, активно используя для этого военно-силовую компоненту. В Японии существенно снизится уверенность в гарантиях, представляемых США по Договору безопасности, особенно в случае обострения угрозы силового решения проблемы Сэнкаку. В этих условиях в политическом истеблишменте Японии усилятся позиции националистического крыла, которое будет выступать за отказ от пацифистских ограничений и превращение Японии в «нормальное» государство.

В Японии будет продолжен начатый ранее тренд в пользу укрепления института премьер-министра, усиления роли кабинета министров как органа политического руководства правительством. Премьер-министр будет наделен более эффективными рычагами для проявления политического лидерства, усилятся

роль канцелярии кабинета министров как органа координации деятельности правительства, будут опробованы новые экспертно-вспомогательные механизмы при премьер-министре.

Возглавляющий с 2012 г. правительство Японии председатель правящей Либерально-демократической партии С.Абэ пользуется беспрецедентным для Японии уровнем поддержки со стороны общественного мнения. В начале марта 2017 г. на очередном съезде ЛДП «под Абэ» были внесены изменения в Устав партии, которые позволят ему в сентябре 2018 г. баллотироваться на третий срок и остаться у власти до 2021 год.

Велика вероятность того, что отсутствие консенсуса в обществе по спорным и деликатным вопросам идеологического характера (политика страны в сфере безопасности, вопросы исторического прошлого и т.д.) будет сочетаться с устойчивым и достаточно высоким уровнем поддержки кабинетов ЛДП (возглавляемых С. Абэ и его преемниками). ЛДП будет с выгодой для себя использовать раскол в оппозиционном лагере, отсутствие в руководстве оппозиционной Демократической партии сильных политических фигур, способных увлечь за собой недовольные С. Абэ слои электората.

Вектор дальнейших изменений в системе политического управления будет зависеть от того, какого типа политические фигуры после 2021 г. придут в ЛДП на смену С.Абэ. В политике усилится запрос на лидерское начало и на политиков националистического и популистского типа, которые более заметны в основном на правом фланге политического спектра. Скорее всего, это будет традиционный для ЛДП политик аппаратного типа. Можно ожидать усиления центристских тенденций в партии. Со стороны оппозиционного лагеря ни одна из существующих политических партий, включая Демократическую партию, не сможет составить ЛДП реальную конкуренцию в борьбе за власть.

В обществе будут преобладать консервативные настроения, основанные на ностальгии по традиционным «японским ценностям». Политический выбор будет в большей степени создаваться внутри самой ЛДП, в которой будут сосуществовать

правоконсервативное и прагматическое течения. В какой-то степени произойдет воссоздание системы доминантной партии, существовавшей в Японии в период 1955 — 1993 гг.

Особую остроту приобретут пограничные и территориальные проблемы со странами-соседями — Китаем (проблема Сэнкаку/Дьяоюйдао), Южной Кореей (проблема Токто/Такэсима), Россией (проблема пограничного размежевания в районе Южных Курил/«северных территорий»). Хотя изменений нынешнего территориального статуса Японии, по всей видимости, не произойдет. Трудно ожидать, чтобы Япония попыталась силой вернуть себе контроль над территориями, в отношении которых она выдвигает претензии странам-соседям — Южными Курилами и Токто. Какая-либо военная акция для получения такого контроля маловероятна в силу отрицательного отношения к подобным действиям со стороны собственного общественного мнения, а также отсутствия соответствующей законодательной базы. Сказывается и существующее соотношение сил, которое до 2025 года не изменится в пользу Японии. Поэтому Токио будет рассчитывать, прежде всего, на дипломатические средства урегулирования споров.

В отношениях с Россией территориальная проблема останется в центре повестки дня двусторонних отношений, однако перспективы ее урегулирования политико-дипломатическими методами представляются маловероятными в силу принципиальных различий в позициях сторон.

Что касается островов Сэнкаку (Дьяоюйдао), в отношении которых свои претензии предъявляет Японии Китай, то здесь изменение статус-кво также является маловероятным. С одной стороны, большое значение приобретет позиция США, которые несут обязательства по защите указанных островов, в том числе средствами ядерного сдерживания. С другой, США будут придерживаться нейтралитета в этом вопросе, обосновывая свою позицию тем, что Япония и Китай должны сами разрешить этот спор. США будут учитывать и то обстоятельство, что, в отличие от основной территории Японии, нападение на которую приведет к жертвам не только среди граждан Японии, но и почти наверняка

среди американцев, что даст основания для применения потенциала сдерживания, силовой захват Сэнкаку Китаем не повлечет за собой непосредственной угрозы американским интересам. На этом фоне участие американских войск в операциях по «освобождению Сэнкаку» в случае локального конфликта вокруг островов представляется маловероятным. Хотя военно-техническая и логистическая поддержка японским войскам, по всей видимости, будет оказана.

Однако Китай, скорее всего, не станет прибегать к военным средствам для удовлетворения своих претензий. С одной стороны, это, пусть и теоретически, сопряжено с конфронтацией не только с Японией, но и с США, связанными с Японией Договором безопасности. С другой стороны, Китай строит свое благосостояние и экономическую стратегию на развитии внешнеэкономических связей, в том числе с Японией и США. Являясь сторонником международно-правовой системы государственного суверенитета, Китай, видимо, будет усиливать давление на Японию с целью побудить ее официально признать наличие территориальной проблемы, а при благоприятных обстоятельствах — перевести ее в международно-правовую плоскость.

Потребности Японии в крупных источниках ресурсов для промышленности будут ограниченными в связи с дальнейшим выводом производственной базы за пределы страны («выхолащиванием промышленности»), преобладанием третичного сектора и специализацией экономики в направлении экспорта технологических решений и готовых инфраструктурных проектов.

Потребности Японии в ресурсах будут связаны, прежде всего, с энергетикой. Долгосрочной стратегией в сфере энергетики предполагается к 2030 году увеличить долю так называемых «базовых источников электроэнергии» с нынешних 40% до 60%. К «базовым» в Японии относят четыре источника: атом, уголь, гидро- и геотермальную энергию. Особенность этого типа источников заключается в том, что они относительно дешевы и способны круглосуточно обеспечивать стабильное производство электроэнергии (в этом их отличие от относительно дорогих газа и нефти,

а также от солнечной и ветряной энергии, сильно зависящих от капризов погоды).

К концу 2020-х гг. на АЭС будет вырабатываться около 20% от общего объема производимой в стране электроэнергии — будут использоваться имеющиеся мощности, которые постепенно будут выводиться из эксплуатации, новых АЭС строить не планируется. Доля угля среди источников для энергогенерации составит около 30%. И хотя уголь считается относительно грязным источником энергии, он сравнительно дешев, а успехи «зеленой энергетики» позволяют рассчитывать на увеличение полноты его сгорания, сокращение вредных выбросов в атмосферу и дальнейшее увеличение экобезопасности. Будет снижена доля углеводородов в электрогенерации: нефть составит к 2030 г. около 5% (против 15% в 2013 г.), природный газ — 25% (43%).

Соответствии с ранее намеченными планами, доля возобновляемой энергетики в энергобалансе страны увеличится с 10-12% примерно до 20% в середине 2020-х гг. Ставка будет делаться на развитие солнечной и ветряной энергетики, доля которых возрастет с 2% до 10%.

В рамках данного сценария можно ожидать обострения конкуренции Японии с Китаем и Индией за ресурсы, которая проявит себя в форме соперничества за экономическое влияние в тех странах Азии, Африки и Латинской Америки, где имеется необходимый ресурсный потенциал. Особое значение приобретет для Японии ресурсный потенциал Центральной Азии, в частности, имеющиеся там месторождения цветных и редкоземельных металлов, железа, урана, нефти. Япония активизирует свое экономическое и технологическое проникновение в этот регион, стремясь диверсифицировать импорт редкоземельных металлов, 80% которых она на данный момент получает из Китая.

Можно ожидать ускорения неблагоприятных тенденций в демографической сфере, связанных с старением общества. В Японии будет продолжаться формирование демографической модели, характеризующейся низким коэффициентом рождаемости и не обеспечивающей даже простого воспроизводства населения.

Средняя продолжительность жизни в стране останется одной из самых высоких в мире (в 2014 г. она составляла 81 год для мужчин и 87 лет для женщин). Средний возраст японцев, составляя 29 лет в 1961 г. и 44,9 года в 2011 г., превысит к 2025 г. 50-летнюю отметку. Еще в начале 2010-х гг. в стране начался процесс сокращения абсолютной численности населения. К 2025 г. население страны сократится с 127 млн. человек до примерно 120 млн. человек.

На этом фоне ожидается обострение социальных проблем, связанных со снижением рождаемости и старением населения. Если в 2016 г. доля лиц старше 65 лет составляла 26,7% населения Японии, то к 2025 г. она превысит 30%. Численность населения трудоспособных возрастов будет сокращаться и дальше из-за старения населения и снижения рождаемости.

Одновременно будет ускоряться сокращение доли экономически активного населения в демографической структуре общества, обострятся проблема нехватки рабочих рук. Нынешний уровень безработицы (3,1-3,2% экономически активного населения), скорее всего, существенно увеличиваться не будет. Наиболее остро будет проявляться нехватка медицинского персонала и социальных работников. Из потенциальных резервов трудовых ресурсов следует назвать женщин, основная часть которых обычно работает до замужества и рождения детей, а затем возвращаются на рынок труда после 40 лет, когда дети вырастают. Женская занятость на условиях временных контрактов будет увеличиваться в торговле, здравоохранении и сфере услуг. Другой резерв связан с возможностью повышения пенсионного возраста, а также повторного найма (на условиях временных контрактов) работников, вышедших в отставку по возрасту.

Обострение социальных проблем, связанных со старением населения, снижением рождаемости, нехваткой рабочей силы, а также увеличением доли непостоянных работников в общей структуре найма, будет сопровождаться усилением иждивенческой нагрузки на работающее поколение. Остро встанет вопрос о создании дееспособной национальной системы социального обеспечения, поскольку принципы поколенческой солидарности

не будут обеспечивать достаточный уровень пенсий (с коэффициентом замещения не менее 60%).

Вместе с тем традиционная модель японского менеджмента, основанная на его «трех столпах» (пожизненный найм, оплата по старшинству и внутрифирменные профсоюзы), сохранит свою действенность. Это позволит избежать сильных социальных контрастов и связанной с этим социальной напряженности, но одновременно станет фактором отставания японской экономики от стран-конкурентов (и прежде всего в Азии) по критериям эффективности.

Сокращение численности населения трудоспособных возрастов будет отчасти компенсировано ростом производительности труда на основе новых технологий производства и управления. Однако отставание Японии от развитых стран Запада по показателям производительности труда сохранится, хотя и не увеличится в результате внедрения инновационных решений в экономике.

Другим ответом на вызовы, которые таит в себе старение населения, может быть, более активный прием иностранной рабочей силы, который позволит компенсировать сокращение рынка труда. Об этом свидетельствует опыт развитых стран Запада (например, Западной Европы), столкнувшихся с аналогичными демографическими проблемами, которые идут по пути наращивания трудовой иммиграции. В 2015 г. в Японии насчитывалось 2,23 млн. иностранных граждан, или чуть более 1,5% населения страны, тогда как в США доля иностранцев в том же году составляла 13,1%, в Австралии 27,6%, во Франции и Германии 6-8%.

С учетом отрицательного отношения населения страны к либерализации иммиграционного законодательства, а также трудностей, связанных с языковым барьером, Япония, несмотря на нехватку рабочих рук, особенно в трудоемких производственных процессах, а также в сферах коммунального хозяйства и социального обеспечения, будет продолжать воздерживаться от радикальной либерализации миграционного законодательства и не допустит наплыва в страну потока мигрантов из развивающихся стран. Трудовая миграция будет допущена в ограниченных масштабах,

только в отношении квалифицированных и высокооплачиваемых работников.

В экономическом развитии Японии будут проявляться следующие черты: низкие темпы экономического роста, хроническая дефляция, преобладание третичного сектора в структуре ВВП, размывание вертикально структурированной корпоративной системы и иных атрибутов ограниченно рыночной модели японской экономики.

По сравнению со сценарием интернационализации, большее значение в качестве источника экономического роста будет играть внутренний спрос. Проблема внутреннего государственного долга снизит свою актуальность по мере достижения первичного баланса государственных финансов, но продолжит оставаться достаточно острой в связи с огромными расходами на обслуживание госдолга. Инвестиционные рейтинги Японии останутся стабильными.

Япония утратит по сравнению с современным состоянием еще несколько пунктов в рейтинге крупнейших экономик мира, включая долю страны в глобальном ВВП и в ВВП, рассчитанном по ППС. Однако она сохранит относительно высокие показатели международной конкурентоспособности экономики (около десятого места). Некоторое падение в международных рейтингах макроэкономических показателей будет компенсироваться технологическим превосходством, инновационной производственной средой, уникальностью производства многих видов продукции. Это позволит Японии сохранить свою нишу в мировом разделении труда, а в некоторых областях и существенно укрепить свои позиции. Речь идет, в частности, о сырье - и энергосберегающих технологиях (т.е. «зеленый сектор» экономики), потребительской продукции и услуг, ориентированных на «старое» общество, робототехнике, а также потребительской продукции с уникальными свойствами.

Значение Японии в мировой торговле в силу отхода от индустриальной модели и снижения доли вторичного сектора будет неизбежно сокращаться. Будет продолжаться наблюдаемое с

начала 2000-х гг. снижение доли Японии в мировой торговле товарами при одновременном незначительном росте доли страны в мировой торговле услугами. Япония будет занимать скромную долю в мировом экспорте (ориентировочно от 2 до 4%) и импорте (от 2 до 5%). Ниша Японии в международном разделении труда будет в большей степени связана с экспортом услуг.

Внешнеторговый баланс Японии останется дефицитным. Основную роль здесь будет играть постепенное ослабление курса японской иены по отношению к доллару, приводящее к удорожанию импорта. Особенно влияние этого фактора будет заметно на примере импорта энергоносителей. В результате отказа от атомной энергетики Япония сохранит на высоком уровне ввоз углеродородного топлива (и прежде всего, СПГ).

Япония останется великой культурной державой и будет продолжать активно использовать культурные достижения для создания своего позитивного образа в мире. Однако, в отличие от сценария интернационализации, ставка на «мягкую силу» будет сопровождаться активным использованием традиционного внешнеполитического инструментария, основанного на военной и экономической мощи государства (и быть вторичной по отношению к традиционным политико-силовым методам внешней политики).

В религиозном отношении Япония останется страной с высокой степенью веротерпимости и отсутствием религиозных конфликтов. В стране останутся две основные религии - синтоизм и буддизм, а также морально-этические учения конфуцианства и даосизма. Все религии будут признаваться равноправными. В Японии не сложится единой идеологии и общей религиозной организации, подчиняющей и контролирующей всю жизнь человека. По традиции здесь будет сохраняться религиозный плюрализм. Религиозные распри на доктринальном уровне будут отсутствовать.

Вместе с тем, роль традиционных религий в общественной жизни страны, в отличие от сценария интернационализации, будет достаточно высокой. Как ответ на вызовы глобализации, в обществе будет усиливаться запрос на традиционные ценности. В

этой связи будет укрепляться роль синто в жизни японцев, связанная с их национальной идентичностью, усилится интерес к историческим традициям и культу предков. В политической жизни это проявится в виде усиления консервативных политических сил правого толка, включая правящую Либерально-демократическую партию и Партию обновления. В электоральной поддержке этих партий усилят свое значение синтоистские организации и традиционалистские организации («Японский форум», Ассоциация синтоистских организаций и т.д.). В то же время потенциал воздействия синто на политику будет ограниченным, так как в японском обществе сохраняется негативная память о милитаристском прошлом, когда именно синтоизм использовался в качестве государственной идеологии.

Япония сохранит достаточно высокие позиции в мире по уровню профессиональной подготовки кадров и по качеству высшего образования. Коренных институциональных изменений в системе среднего и высшего образования не произойдет. В количественном отношении в стране останется около 500-600 университетов, включая 425 частных. Самыми престижными государственными университетами останутся Токийский и Осакский университеты, университеты Хоккайдо и Тохоку. Из частных свои позиции сохраняют университеты Тюо, Нихон, Васэда, Мэйдзи, Токай и Кансай. Значимость высшего образования в глазах японских граждан, как и прежде, будет заключаться в том, что оно повышает вероятность попадания в крупную компанию с пожизненным наймом.

В структуре высших школ будет продолжаться тенденция к усилению роли частных университетов и расширению колледжей, большей автономии вузов, дальнейшей децентрализации управления ими со стороны государства, укреплению их академической и финансовой самостоятельности. В процессе образования будет возрастать приоритет личности, расширяться права профессорско-преподавательского состава, что будет выражаться в большей свободе выбора содержания и методов обучения. Студенты получат больше возможностей оказывать влияние на содержание

учебного процесса, выбирать индивидуальные планы обучения, дисциплин и самих преподавателей.

Проблему составит также начавшийся 2000-е гг. процесс корпоративизации государственных и общественных университетов, сопровождаемый сокращением бюджетных дотаций на текущие расходы. В результате вывода университетов из-под прямого подчинения министерству образования будет наблюдаться сокращение персонала, ускорение процесса слияния и укрупнения университетов, переориентация бюджетного финансирования на учет результатов, применение более гибкой системы платы за обучение, диверсификация доходов учебных учреждений.

Японская система высшего образования останется относительно закрытой и изолированной от международной образовательной среды. Студенческие обмены будут носить ограниченный характер, образовательные стандарты не будут полностью коррелировать с международными.

Государство в Японии будет исходить из тезиса, закрепленного в «Основном законе о науке, технике и технологиях», согласно которому наука и техника обеспечивают основы будущего развития страны. Япония будет уделять первостепенное внимание необходимости сохранения технологического лидерства. Она будет прилагать наибольшие усилия на многих прорывных направлениях науки и техники. Вместе с тем, по сравнению со сценарием интернационализации, научные разработки будут в большей степени базироваться не на международных проектах, а на использовании национального научного потенциала. Особое значение будет придаваться вопросам информационной безопасности, сохранению секретности, недопущению утечек данных.

В сфере строительства вооруженных сил одним из основополагающих факторов станет восприятие Японией военных угроз. Оно будет основываться на понимании высокой степени уязвимости территории страны для ракетного удара (с использованием баллистических и иных типов ракет) из-за высокой концентрации населения и связанной с этим возможности быстро и эффективно

парализовать административные, экономические и военные центры страны.

Японская военная доктрина будет исходить из того, что потенциальный противник попытается нанести Японии военное поражение, обеспечив себе доминирование в воздушном и морском пространствах вокруг страны. Особенности ландшафта и географического положения Японии (длинная и узкая территория, состоящая из множества изолированных островов) создает трудности, как для проведения десантных операций, так и для организации эффективной обороны. В числе наиболее стратегически важных точек, через которые может осуществляться нападение на Японию, называются следующие: район Хоккайдо-пролив Лаперуза, район Северный Кюсю — побережье Корейского полуострова; район Северный Кюсю — побережье Китая.

К числу стран, которые будут представлять для Японии потенциальную военную угрозу, японская военная доктрина, как и ранее, будет относить набирающий военную и экономическую мощь Китай, а также Северную Корею, которая продолжит реализацию своей ракетно-ядерной программы.

Политика Японии в военной сфере будет постепенно модифицироваться. Япония продолжит предпринимать шаги, направленные на существенное усиление военной компоненты во внешней политике и политике обеспечения национальной безопасности. Будет осуществляться программа наращивания военного потенциала, ориентированного на стоящие перед страной вызовы. Реализация такой программы, предполагающей качественное перевооружение национальной армии, позволит Японии вести боевые действия не только на своей территории, но и далеко за ее пределами, при опоре на достигнутую страной экономическую и технологическую мощь. Одновременно такая программа будет иметь и психологический эффект, дав возможность окончательно «подвести итоги» Второй мировой войны и покончить с сохраняющимся в международных отношениях статусом Японии как проигравшей стороны.

Будут приняты поправки к 9-й статье Основного закона, в соответствии с которыми Япония станет обладать собственными вооруженными силами (Силы самообороны таковыми не являются, что создает множество юридических проблем в связи с перспективой их участия в международных миссиях, в том числе под эгидой ООН). Отмена конституционных положений, касающихся запрета на содержание вооруженных сил, произойдет в результате того, что ЛДП вместе с партиями-партнерами по коалиции удержат квалифицированное большинство голосов в парламенте на выборах в нижнюю палату в 2018 году.

Если конституцию все же не удастся изменить (например, из-за отсутствия квалифицированного большинства в парламенте), японское правительство будет опираться в своей политике в сфере военной безопасности на расширенную интерпретацию права на коллективную самооборону, принятую летом 2014 г., которая подводит более четкие правовые основания под совместные с США действия в акваториях, примыкающих к японским территориальным водам. По этой интерпретации, реализация права на коллективную самооборону возможна при наличии трех условий:

- 1) имеет место военное нападение на страну, «имеющую тесные отношения с Японией», и при этом существует очевидная «фундаментальная угроза» самому существованию Японии и праву японского народа на жизнь, свободу и стремление к счастью;
- 2) нет иных способов защиты народа;
- 3) сила будет использована в минимальных пределах.

Новая трактовка напрямую коснется японо-американского Договора безопасности, сфера действия которого традиционно была ограничена районами вблизи Японии. Появятся новые возможности для взаимодействия Японии с США, например, в деле совместного патрулирования и совместной обороны морских коммуникаций. Одним из полигонов возможного взаимодействия называют Ближний Восток. Япония сможет направить свои военные корабли в Ормузский пролив для ведения операций по разминированию, так как прекращение поставок нефти в Японию будет представлять угрозу ее национальной экономике. Более

серьезным и юридически обоснованным станет вклад Японии в разработку системы совместной с США системы противоракетной обороны, включая ее технологические, финансовые и логистические аспекты.

В соответствии с программными документами, определяющими государственную стратегию в области обеспечения национальной безопасности («Стратегия обеспечения национальной безопасности», Основные направления плана национальной обороны и Среднесрочная программа развития оборонного потенциала), принятыми в декабре 2013 года, Япония будет строить свою военную политику, опираясь на концепцию динамичной обороны. Эта концепция предполагает, что боевые возможности Сил самообороны должны использоваться с максимальной гибкостью и эффективностью. Приоритет будет отдаваться мобильности боевых подразделений, их способности к быстрому реагированию и перемещению в соответствии с изменениями оперативной обстановки. К концу 2010-х — началу 2020-х гг. ожидается модернизация оборонного потенциала гибкого реагирования, который обеспечит эффективную координацию сухопутных, военно-морских и военно-воздушных Сил самообороны.

Наибольшую уязвимость с точки зрения защиты территориальной целостности Японии будут иметь острова Сэнкаку, а также удаленные острова к югу и юго-западу от основной территории страны. В этой связи главный упор будет сделан на конкретных шагах по наращиванию мощи морских и сухопутных подразделений высокой мобильности, способных защитить эти островные территории, а при необходимости — и отбить их у противника. В основе данной программы лежит сценарий, согласно которому Китай попытается силой захватить острова Сэнкаку, в связи с чем, упор будет делаться на повышение боеготовности подразделений, занимающихся функциями разведки, мониторинга, патрулирования морского и воздушного пространства страны вокруг спорных территорий.

Будет увеличиваться военный бюджет страны, который превысит установленный ранее барьер в 1% ВВП. Одновременно будет расширяться кадровое оснащение Сил самообороны.

Дополнительные средства будут потрачены на защиту морских и воздушных рубежей страны, и в первую очередь на юго-западе, где находится граница Японии с Китаем. Значительные средства будут выделены на укрепление технического потенциала воздушного и морского патрулирования и подводного флота, внедрение в войска современных средств раннего обнаружения, проведение НИОКР по созданию разведывательных беспилотников с повышенными потолками полета, модернизацию конвертопланов «Оспрей» и т.д. В связи с необходимостью защиты островов Сэнкаку от китайского военного вторжения Япония приступит к разработке собственных баллистических ракет среднего радиуса действия (дальностью 400-500 км) и оснащению ими своих вооруженных сил.

В рамках данного сценария сохраняется высокая степень вероятности обретения Японией ядерного оружия. Япония относится к числу т.н. пороговых государств, обладающих высоким научно-техническим и промышленным потенциалом атомной отрасли, а также значительными количествами оружейного плутония, который был накоплен в рамках программы эксплуатации ядерных реакторов. Япония сохранит способность самостоятельно в течение года произвести несколько десятков ядерных боеприпасов на плутониевой основе, за два-три года приспособить для их доставки имеющиеся баллистические носители космического назначения, в последующие пять-десять лет построить несколько атомных подводных лодок с баллистическими ракетами и переоборудовать имеющиеся многоцелевые подводные лодки под ядерные крылатые ракеты большой дальности.

Что касается юридической стороны дела, то обладание ядерным оружием в целях обеспечения собственной безопасности, в интерпретации правительства, не будет попадать под какие-либо конституционные запреты. Непосредственными причинами для обретения Японией ядерного оружия станут ослабление глобальной системы нераспространения ядерного оружия, и прежде всего дальнейшее развитие КНДР своей ракетно-ядерной программы, создающей непосредственную угрозу японской

территории, а также ослабление военного присутствия США в Северо-Восточной Азии.

Существенное воздействие на внешнюю политику Японии будут оказывать внутривнутриполитические соображения. В их числе — подъем национализма в стране и поправка политического спектра, отраженного представленными в парламенте политическими партиями, а также выход на политическую арену новых поколений японцев, не помнящих период Второй мировой войны. Большое значение будет иметь и рост популизма в политике, заставляющего власть принимать решения, в том числе во внешнеполитической сфере, которые ориентированы в первую очередь на националистические настроения электората.

По отношению к политическим проблемам глобального характера, напрямую не затрагивающим интересы страны (включая украинскую проблему), Япония будет позиционировать себя в качестве члена западного сообщества и демонстрировать солидарность с «Большой семеркой».

Основой политики Японии в сферах внешней политики и военной безопасности останется военно-политический союз с США. В январе 1960 г. стороны подписали Договор безопасности, согласно ст.5 которого США предпринимают совместной с Японией действия по отражению вооруженного нападения на территории, находящиеся под административным контролем Японии. Договор продолжит носить несимметричный характер: обязательств по защите территории США Япония нести не будет. При этом США сохранят за собой право на размещение в Японии своих войск, а Япония — обязательства по финансовому обеспечению расположенных на территории страны американских военных баз. На территории Японии останется несколько десятков военных объектов США, хотя уровень военного присутствия Америки несколько сократится. Часть морской пехоты США будет переведена из Японии на Гуам и в другие регионы АТР. Будет решена проблема передислокации военной базы Футэмма.

Оперативно-тактическое взаимодействие с США будет осуществляться в соответствии с новой редакцией «Руководящих

принципов японо-американского сотрудничества в области национальной обороны», принятой в 2015 году. Стратегическое сотрудничество Сил самообороны Японии и вооруженных сил США будет переведено на глобальный уровень и станет охватывать не только территории мира и спокойствия, но и районы боевых действий по всему миру. Основываясь на новом понимании коллективной самообороны, Япония будет принимать участие в операциях по разминированию морских акваторий, перехвату вражеских ракет, сбору разведывательной информации и решению иных оперативно-тактических задач, не обязательно привязанных к национальным границам страны. Кроме того, Япония станет проводить логистическую и тыловую поддержку армии США по всему земному шару. Вместе с тем ограниченный характер возможной поддержки не позволит США считать Японию таким же полноценным участником международных коалиций, как, например, Великобританию или Францию.

Япония продолжит развивать совместно с США систему Противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД), основанную на противоракетных средствах защиты морского и наземного базирования. Будут активизированы усилия по развитию совместных с американцами систем радарного наблюдения. Вслед за Южной Кореей в Японии будет размещен противоракетный комплекс подвижного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата ракет средней дальности (ТНААД). На более высокий уровень будет переведено японо-американское сотрудничество в сфере создания военной техники. Особое значение приобретут новые сферы сотрудничества США и Японии: в сфере космоса и в сфере кибербезопасности. Эти сферы будут иметь особое значение в контексте стоящих перед альянсом новых вызовов и угроз.

В своих военно-стратегических отношениях с США Япония будет стоять перед выбором, таящим в себе существенные геополитические риски. Если Япония предпочтет сопротивляться попыткам США вовлечь ее в «коалиции доброй воли» для проведения военных операций за пределами страны, либо откажется

представить США свою территорию под военные базы, она рискует «быть брошенной на произвол судьбы». Без защиты США Японии придется существенно увеличить свои военные ассигнования, либо стать самой ядерной державой. С другой стороны, объединяясь с Соединенными Штатами и заявляя о глобальной миссии Америки в обеспечении национальной безопасности, Япония рискует оказаться втянутой в вооруженные конфликты, которые не отвечают ее национальным интересам.

На этом фоне в политическом и бюрократическом истеблишменте Японии будут усиливаться опасения по поводу гарантий безопасности, обеспечиваемых в рамках военно-политического союза с США. Многие будут зависеть от того, даст ли политика США при президенте Трампе и его последователях почву для сомнений на этот счет. Усиление сомнений и опасения по поводу надежности гарантий безопасности будут укреплять позиции националистического крыла, ратующего за более активный и самостоятельный внешнеполитический курс.

Помимо США, наибольшее значение для Японии будут иметь двусторонние отношения со странами-соседями по региону (Китаем, Республикой Корея, Россией). Существенным фактором, определяющим внешнеполитические решения японского руководства на длительную перспективу, следует назвать ситуацию в китайско-американских отношениях. В японо-китайских отношениях будет наблюдаться волнообразное движение. С одной стороны, страны будут по-прежнему разделять груз нерешенных проблем исторического прошлого, которые не имеют перспектив своего решения. С другой стороны, обе крупнейшие экономики Азии, находясь в тесной зависимости друг от друга, будут ориентироваться на внешний спрос и проявлять заинтересованность в установлении четких правил международной торговли. В японо-китайских отношениях экономика, таким образом, не позволит политике пойти дальше определенной красной черты.

С Россией отношения будут развиваться непросто. США будут усиливать курс на военное окружение и сдерживание Китая.

В Восточной Азии будет активизироваться процесс формирования блоковой системы безопасности. Вопросы ПРО и мер доверия в военной области в Северо-Восточной Азии останутся наиболее острыми в политической повестке дня российско-японских отношений. Токио будет видеть недружественные для себя мотивы в российско-китайском военном и военно-техническом сотрудничестве, которое неизбежно интенсифицируется после размещения системы ТНААД в Южной Корее, а в дальнейшем и в Японии. Это заставит ее проводить более жесткий курс по отношению к Москве, как по территориальному вопросу, так и в международно-политической плоскости в целом (участие Японии в «антироссийской коалиции» Запада).

9.4.4. Сценарий «Суверенизация» на этапе до 2050 года

К 2050 году Япония останется демократической страной с кабинетно-парламентской формой правления. Коренного преобразования политических институтов, включая парламент, правительство или судебные органы, не произойдет. Сохранит свою значимость и фактор преобладающей роли исполнительной власти и гипертрофированной роли, которую играет бюрократия в сфере государственного управления. В партийно-политической сфере Япония останется страной с преобладанием одной-двух политических партий в системе государственного управления. С высокой долей вероятности (около 70%) речь будет идти о системе доминантной партии, когда нынешняя ЛДП будет контролировать политическую власть в стране. Можно ожидать, что в случае укрепления системы власти ЛДП (даже в рамках коалиционного правления) произойдет усиление механизмов принятия политических решений, основанных на особой роли партийных структур ЛДП в деле согласования разноплановых интересов бюрократии, политического мира, бизнеса, региональных структур и иных носителей корпоративных интересов.

Становление системы власти ЛДП будет сопровождаться усилением лидерского начала в политике и запроса на политиков авторитарного и харизматического типа. На этом фоне можно ожидать усиления тех структур, которые находятся под прямым контролем премьер-министра, включая различные консультативные советы. Кроме того, можно ожидать усиления роли тех политических институтов, которые будут отвечать за реализацию политики страны в сфере национальной безопасности (Совета национальной безопасности и министерства обороны).

В указанный период Япония сохранит свою территорию в нынешних границах. Вместе с тем территориальные проблемы с соседями (проблемы Сэнкаку/Дьяююйдао, Токто/Такэсима, Южных Курил/«северных территорий») останутся актуальными в повестке дня двусторонних отношений. Эти проблемы приобретут латентный характер, а их проявление в дипломатической повестке будет находиться под взаимным согласованным контролем правительств заинтересованных стран.

Маловероятно, чтобы Япония или ее партнеры по территориальным спорам согласились на рассмотрение территориальных проблем в международных судебных органах, включая Международный суд ООН. Связано это с тем, что судебные механизмы отдадут приоритет существующей договорной базе, которая в случаях, связанных с Японией, практически отсутствует, либо дает большой простор для интерпретаций, что делает для Японии перспективы выигрыша в судебных разбирательствах далеко не очевидными.

Потенциал дипломатического решения данной проблемы будет крайне ограниченным, хотя усилия в этом направлении и имеют определенную перспективу. Простор для гибкости в переговорах будет ограничен соображениями национального престижа. Для Японии официальное признание проблемы Сэнкаку означало бы проявление слабости и «потерю лица» в глазах всех ее соседей, особенно тех, с кем она, помимо Китая, имеет территориальные споры — Россией и Южной Кореей. Для Китая же уступки Японии означали бы ослабление позиции в спорах с Вьетнамом, Филиппинами, Республикой Корея, Малайзией и т.д. Имеются и внутривнутриполитические соображения: как в Японии, так и в Китае

партия власти в большей степени опираться на националистические настроения избирателей. Это будет затруднять применение политических и судебных методов урегулирования споров.

Что касается перспектив решения проблемы пограничного размежевания с Россией, ведущийся между странами диалог по данному вопросу не принесет осязаемого результата. Это связано с принципиальными расхождениями сторон в оценках итогов Второй мировой войны. Для японского политического мира характерно то, что в условиях относительного единодушия общественного мнения по территориальному вопросу единую позицию в отношении российского направления внешней политики занимают все политические партии страны. В этих условиях любые попытки проявить гибкость и отойти от прямолинейности в территориальных требованиях к России будут трактоваться как предательство национальных интересов Японии.

Можно ожидать, что к 2050 г. потребности страны в энергоресурсах несколько уменьшатся. По сравнению со сценарием интернационализации, Япония не будет уделять столь большого внимания расширению и диверсификации внешних поставок сырья и материалов, зависимость от которых сократится. Наибольшее значение будут иметь успехи страны в политике энергосбережения. Можно ожидать реализации планов по качественному изменению структуры энергогенерации; распространения энергосберегающих технологий в сфере транспорта, обеспечивающих существенное снижение норм расхода топлива, активного распространения автомобилей нового поколения, которые бы отвечали самым жестким на момент своего появления экологическим требованиям, включая электрокары, гибридные автомобили, автомобили на природном газе и на топливных батареях и т.д. Экономии углеводородного сырья будут способствовать меры по переходу на экологическую модель транспортных потоков, предполагающую переориентацию грузопассажирских потоков с автомобильного и воздушного транспорта на железнодорожный и водный. Большое значение будет иметь и переход на энергосберегающие бытовые приборы и оборудование.

Огромное внимание в рамках государственных программ будет уделяться расширению использования альтернативных

источников энергии, таких как солнечная, геотермальная и энергия ветра. К 2050 г. будет реализована долгосрочная стратегия повышения энергоэффективности национальной экономики (как минимум на 30% по сравнению с 2017 г.). Успехи страны в сфере энергосбережения будут основаны на стратегии НИОКР в сфере энергосбережения; определении базовых индикаторов энергосбережения по различным секторам экономики; формировании инвестиционного климата, благоприятного для внедрения энергосберегающих технологий. Будут реализованы мероприятия по повышению коммерческой привлекательности этих технологий, которые станут объектом активных инвестиций; по созданию «энергосберегающих городов» и «энергосберегающих регионов».

Планы повышения энергоэффективности экономики, основанные на стратегиях развития энергосберегающих технологий, позволят обеспечить приоритетное развитие узкопрофилированных технологий, дифференцированных по отдельным сферам энергопотребления. В результате применения технологий энергосбережения в смежных областях энергопотребления будет достигнут большой синергетический эффект.

К 2050 г. неблагоприятные для Японии демографические тенденции, связанные с постарением возрастной структуры общества, получат дальнейшее развитие. Доля старших возрастов (старше 65 лет), как ожидается, составит более 36% (см. табл. 9.2.). В результате Япония, как и в настоящее время, будет представлять самое «старое» общество в мире.

Табл. 9.2. Демографический прогноз Японии до середины XXI века

Годы	Население, тыс. чел.	Группа от 15 до 64 лет, %	Группа старше 65 лет, %
2014	127 013	61,3	26,0
2016	127 043	60,5	26,8
2020	124 100	59,2	29,1
2030	116 618	58,1	31,6
2050	107 276	53,6	36,1
2050	97 076	51,3	38,8

Источник: Statistical Handbook of Japan, 2016. www.stat.go.jp Данные переписи населения Японии, 2015 г. и прогноз Национального института народонаселения и социального страхования.

Увеличение доли иждивенцев (лиц старших возрастов) в демографической структуре японского общества будет означать дальнейшее усиление налогового бремени на работающее поколение: существенное увеличение расходов на социальное страхование, доля которых превысит 30% в общем объеме расходной части государственного бюджета. Большая доля расходов ляжет на системы пенсионного обеспечения и медицинского обслуживания для лиц старше 75 лет, а также на патронажный уход за лежачими пациентами старших возрастов.

Однако Япония будет воздерживаться от либерализации миграционного законодательства и продолжит обходиться своими силами в обеспечении трудовыми ресурсами. В результате в стране будет наблюдаться нехватка рабочей силы, которая будет восполняться за счет внутренних резервов (неполной занятости, использования системы «вторичного найма» пожилых людей и т.д.)

Несмотря на выведение за пределы страны значительной части промышленных мощностей, Япония в большей степени, чем многие другие развитые страны, сохранит на собственной территории мощный промышленный комплекс и останется мировым лидером в научно-технической сфере. Будут активно развиваться экономические отношения Японии с азиатскими странами. Уровень интегрированности Японии в азиатскую экономику станет на порядок выше.

Вместе с тем в ряде отраслей экономики, включая отрасли со средней и высокой степенью сложности технологических и производственных процессов, Япония будет утрачивать позиции в мировых рейтингах. В числе слабых мест японской экономики, которые проявят себя в 2050 г., следует назвать отсталость и архаичность системы производственного обучения персонала, негибкость системы найма, а также крайне низкую долю женщин в общей структуре найма. Именно социальные и демографические проблемы, связанные с постарением общества, будут составлять главную ахиллесову пята японской экономики, которая проявит себя как фактор проигрыша Японии по многим позициям в конкуренции со странами Азиатско-тихоокеанского региона (и прежде всего с Китаем и Индией).

Культурно-религиозная картина Японии не изменится по сравнению с состоянием на 2025 г. Культурная дипломатия будет

занимать подчиненное положение по отношению к традиционной, хотя Япония останется великой культурной державой. Религиозные культы сохраняют свое место в духовной жизни общества, в том числе как средство поддержания национальной идентичности. Острых конфессиональных конфликтов не появится, так как японская нация сохранит свою моноэтничность и гомогенность, а массовой иммиграции из стран с религиями, проповедующими религиозную нетерпимость, в страну допущено не будет.

Как и в сценарии интернационализации, приоритет в научно-техническом развитии будет отдан прорывным направлениям науки и техники, включая науки о жизни, информатику и телекоммуникации, нанотехнологии и новые материалы, экологию, промышленным технологиям и прочее. Япония будет прилагать серьезные усилия по расширению фундаментальных исследований, однако, из-за ограниченного характера международных научно-технических связей разрыв со странами Запада преодолен не будет. Япония также будет отставать по качеству высшего образования, которое будет развиваться по инерционному сценарию.

В результате проведения масштабной программы перевооружения японская армия сохранит свои позиции как одна из наиболее технически оснащенных в мире. Всеобщей воинской обязанности введено не будет, численность военнослужащих останется примерно на уровне 2010-х гг. (250–270 тыс. чел.), однако характер и тип вооружений качественно изменятся. Японская армия будет обладать баллистическими ракетами и иными средствами для нанесения превентивных ударов по «вражеским базам», современными мощными средствами слежения, разведки и сбора информации, патрульными и десантными средствами авиации и военноморского флота, а также иными видами наступательного оружия, что даст основания говорить об отходе от сугубо оборонительного характера военной доктрины. Нельзя исключить и оснащения японской армии ядерным оружием.

Япония включится в гонку вооружений в Восточной Азии и будет по многим показателям иметь технические преимущества в отношении не только северокорейской, но и китайской армии.

Однако по общей военной мощи Япония будет уступать Китаю, который останется для нее противником номер один.

В своей политике в области военной безопасности Япония, как и прежде, будет ориентироваться на союз с США, однако определенное развитие получат и сетевые форматы безопасности с участием Японии и ряда стран АТР (Австралии, Индии, Филиппин, Таиланда и проч.)

В Восточной Азии усилится роль парадигмы «новой биполярности» — многие процессы в регионе будут проходить под знаком американо-китайского противостояния. Эта биполярность, имея открыто конфронтационный характер, будет принимать различные формы, включая гонку военно-морских вооружений на Тихом океане, обострение территориальных конфликтов между Китаем и союзниками США в регионе и т.д. На этом фоне Япония, находясь с США «в одной лодке», будет неизбежно втянута в процессы формирования блоковых структур безопасности. Роль Японии в таких структурах будет заключаться в технологическом и финансовом содействии решению задач модернизации вооруженных сил стран-партнеров. Кроме того, после отмены пацифистских ограничений японские вооруженные силы будут задействованы в решении конкретных задач стратегического взаимодействия с Соединенными Штатами.

В мировой политике Япония останется одним из ключевых стран, претендующих на глобальное политическое лидерство. С Россией Япония будет поддерживать корректные, но не особенно теплые отношения. Японо-китайские отношения сохранят большой потенциал конфронтационности.

Глава X.

Юго-Восточная Азия

Юго-Восточная Азия (ЮВА) представляет собой регион, который протянулся на 3,2 тыс. км с севера на юг и на 5,6 тыс. км с запада на восток. В его состав входят государства Индокитая: Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Малазийский островной район: Бруней, Восточный Тимор, Малайзия, Индонезия, Сингапур, Филиппины. В регионе проживает около сотни народов, составляющих около 8% всего населения земного шара — 599 млн. человек, исповедующие различные религии и говорящие на разных языках. Три страны ЮВА входят в топ-50 Индекса глобальной связанности — Сингапур (4-е место), Малайзия (18-е) и Таиланд (36-е). До 2050 г. странам Юго-Восточной Азии предсказывают динамичное развитие, что делает этот регион одним из самых экономически перспективных в мире.

Регион отличается высокой степенью разнообразия политических систем и международных контактов. Для него характерны следующие черты:

- этноконфессиональные различия (Индонезия и Малайзия — одни из крупнейших исламских стран мира. Население Филиппин почти полностью христианское. Таиланд, Лаос и Камбоджа по большей части буддийские страны, а в соседней Мьянме эта религия зачастую приобретает радикальные формы. Во Вьетнаме буддизм другого течения сочетается с глубоко укорененными (и отчасти политизированными) анимистическими верованиями, хотя официально большинство вьетнамцев атеисты);

- разные структуры экономик и их величина: экономика Вьетнама в 10 раз меньше, чем Индонезии или Таиланда, но, в те же, 10 раз больше, чем Лаоса или Камбоджи;
- демографические показатели — рост населения;
- Китай — ведущий торговый партнер стран ЮВА, потеснил Японию;
- многие страны связаны оборонными договорами с США и их союзниками.

Регион фактически расположен вокруг Южно-Китайского моря, страны которого фактически соединены им как внутренним морем. Портовая инфраструктура играет для региона центральную роль. Через эту акваторию проходят важные мировые логистические пути, что делает развитие морских перевозок в ЮВА задачей не только внутренних экономических коммуникаций, но и повышения уровня связанности стран региона с глобальными рынками. Контроль над этими коммуникациями дает возможность воздействовать на процессы в системе мировой экономики и политики, особенно с учетом того, что Малаккский пролив проходит 25% мировой торговли нефтью.

Ещё одним важным фактором является наличия запасов энергетических ресурсов на шельфе Южно-Китайского моря. Существуют разнящиеся экспертные оценки, но некоторые из них делают эту акваторию третьим по значимости после Венесуэлы и Саудовской Аравии потенциальным источником сырья.

В целом регион можно условно разделить на три группы государств:

- на экономически сильные страны, которые притягиваются к США;
- на интенсивно развивающиеся страны, которые в будущем могут играть самостоятельную роль;
- на относительно слабые государства, которые будут идти в фарватере более сильных государств — поле битвы Китая, с одной стороны, и Японии и США, с другой.

Страны региона осуществляют региональное сотрудничество через Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН),

куда входят все, кроме Восточного Тимора. Сегодня страны региона стремятся создать единый рынок морских перевозок (ASEAN Single Shipping Market) в рамках Стратегического плана развития транспорта на 2016–2025 годы (ASEAN Transport Strategic Plan 2016 to 2025). Реализация этих замыслов потребует значительного развития 47 ключевых портов АСЕАН.

Рынок авиации Юго-Восточной Азии меняется под воздействием факторов роста производства, потребления, туризма и внутрирегиональной связанности. Компания «Боинг» прогнозирует среднегодовые темпы роста авиационного рынка в ЮВА в течение следующих 20 лет в районе 6,5% в год. За это время региону понадобится порядка 3750 новых самолетов общей стоимостью \$550 млрд. В пассажирских перевозках уже сегодня 60% рынка приходится на компании-лоукостеры, поэтому дешевые среднемагистральные рейсы, видимо, останутся самым сильным сегментом. Рост авиaperевозок потребует развития аэропортовой сети, особенно во Вьетнаме, Индонезии и на Филиппинах. Единый авиарынок АСЕАН будет только способствовать развитию спроса.

Для развития инфраструктурных проектов страны Юго-Восточной Азии привлекают мировых лидеров, наблюдается серьезная конкуренция со стороны корейских, китайских, японских и российских компаний. Ожидается, что Юго-Восточная Азия еще долго будет оставаться одним из самых привлекательных для инвестиций регионов мира по нескольким причинам:

Во-первых, Юго-Восточная Азия — один из полюсов роста мировой экономики. Совокупный ВВП стран АСЕАН составляет 2,3 трлн. долл. США и при этом демонстрирует рост на протяжении последних 20 лет, начиная с азиатского финансового кризиса 1997 г.

Во-вторых, пространство АСЕАН — рынок растущего потребительского спроса. Последние 15 лет доходы населения в этих странах росли примерно на 5% ежегодно, а к 2025 г. число потребителей в регионе должно удвоиться. Рост потребления подкрепляется процессом урбанизации. Уже сейчас почти четверть населения стран ЮВА проживает в городах численностью более 200 тыс. человек, а к 2025 г. еще 54 млн. человек станут горожанами.

В-третьих, страны АСЕАН — крупные экспортеры сырьевой продукции, которая при этом не дублирует строчки сырьевого экспорта стран ЕАЭС. На страны ассоциации приходится значительные запасы кокосового и пальмового масла, абаки-пеньки, олова, хромовой руды.

В-четвертых, страны ЮВА быстро развивают новые технологии. Сингапур, Малайзия и Таиланд — крупные мировые производители высокотехнологичной продукции, автомобильных комплектов, бытовой электроники. По мнению специалистов, в ближайшем будущем США и страны Западной Европы утратят технологическое превосходство, поскольку поставляемую ими все более совершенную технику государства АТР будут способны не только дорабатывать, но и производить самостоятельно, а в перспективе и разрабатывать собственную технику.

С другой стороны, в регионе происходят неблагоприятные процессы в сфере безопасности. Имеет место быть связанная с территориальными спорами между странами гонка вооружений, в которой участвуют и США, а также вопрос о праве прибрежных государств на осуществление контроля над активностью военных судов. Растет конкуренция между Индией и Китаем, Японией и Китаем, Китаем и Вьетнамом, Японией и Республикой Корея, Таиландом и Камбоджей, Индонезией и Малайзией. Все это стимулирует настоящую гонку вооружений в регионе. Причем растет не только количество приобретаемых боевых систем, повышается и их качество.

В свою очередь Китай оспаривает принадлежность большей часть акватории Южно-Китайского моря в пределах так называемой девятипунктирной «линии U», охватывающей 80% его водной поверхности. Пекин обосновывает права на спорные территории в данном районе, как исторические. При этом Китай продолжает наращивать свое военное присутствие в регионе, проводить активную и амбициозную политику, осуществлять работы по сооружению искусственных островов, все более ясно давая понять о своих намерениях оставаться здесь надолго, если не навсегда. В феврале 2017 г. Китай анонсировал изменения в закон по юрисдикции Южно-Китайского моря, который закрепляет до 90% акватории

за Китаем и в будущем подразумевает контроль и сопровождение любых судоходных средств других стран.

В связи с этим страны Юго-Восточной Азии обращаются за помощью и поддержкой к Соединенным Штатам, что расценивается китайской стороной, как намеренные шаги, ведущие к повышению конфликтности и региональной напряженности. Вероятно, что США будут вовлекать страны Юго-Восточной Азии в региональные организации под своим руководством, чтобы предотвратить возможное присоединение большего числа стран региона к КНР как перспективному гегемону.

Япония также является естественным внешнеполитическим партнером АСЕАН по поиску региональных ответов на рост могущества КНР. Ось Япония — АСЕАН не только одна из наиболее институционализированных и наименее конфликтных в Восточной Азии, но и сохраняет потенциал дальнейшего политико-экономического развития, в том числе с внешними игроками. Так, выделение Токио значительной финансовой помощи Мьянме в прошлом, шедшее вразрез с западной критикой режима в Нейпидо, трактовалось как стремление удержать это государство от китайской зависимости. АСЕАН и Япония совместно решают многие политические проблемы региона, снижают политическую нестабильность и предпринимают усилия по обеспечению безопасности.

В последнее время рост китайского влияния в регионе все больше беспокоит Японию, так как Китай находит новых союзников среди стран АСЕАН, что меняет сложившуюся конфигурацию. Так в начале 2017 г. КНР практически удалось договориться с главой Филиппин по решению спора вокруг акватории Южно-Китайского моря в пользу КНР. Но в начале апреля Филиппины резко изменили курс, под давлением США и Японии, и заявили об отстаивании территориальных претензий и несогласии с развитием китайской инфраструктуры на спорных территориях.

В Южно-Китайском море нарастает нестабильность — как вокруг спорных территорий, так и из-за пиратства. На ЮВА в последние два десятилетия приходилось до 41% всех пиратских нападений в мире. Между тем, проблема борьбы с пиратством

дает Пекину веские основания для дальнейшего наращивания военного присутствия не только в Южно-Китайском море, но и в других акваториях Юго-Восточной Азии.

До 2025 года будут формироваться коалиции по западному, китайскому и независимому АСЕАН-скому трекам. В случае, если Китай не сможет контролировать Южно-Китайское море у него есть две концепции — островов жемчуга и Морского Шелкового пути. Обе концепции начинаются, как инфраструктурные и экономические инициативы, но главная цель — контроль за транспортными коридорами и обеспечение бесперебойных поставок энергоносителей и экспорта/импорта, а также лидерство в регионе. Для этих целей Китай будет разворачивать военные базы на территориях стран — пролегания коридоров. Так, одной из стран размещения военной базы Китая станет Папуа-Новая Гвинея. Для осуществления этих целей Пекин будет использовать ресурс многочисленной китайской диаспоры в соответствующих странах.

При всем богатом потенциале и неплохих перспективах экономического роста Юго-Восточной Азии, этот регион не является пока самостоятельным центром силы в мировой политике. Поэтому его развитие будет зависеть, в значительной степени от глобальных мировых тенденций и от того, какой глобальный сценарий окажется преобладающим. Соответственно этим глобальным сценариям можно сформулировать и условные сценарии для Юго-Восточной Азии. Наиболее вероятными представляются три сценария — доминирование Запада, новая биполярность (США–Китай) и регионализация.

10.1. Сценарий №1. Доминирование Запада

Согласно этому сценарию, США будут активно стремиться вовлечь ФРГ, Японию, Южную Корею в свое соперничество

с Китаем за страны ЮВА. Страны западного блока будут финансировать проекты, направленные на консолидацию антикитайской коалиции. Об этом свидетельствует финансовая поддержка различных институтов АСЕАН и программ, нацеленных на развитие интеграции между странами этого блока. Также будут активно осуществляться поставки вооружений.

Перенос производств американских, японских, индийских компаний в страны Юго-Восточной Азии будут стимулировать их промышленное развитие. Многие иностранные компании, особенно работающие в сфере бытовой электроники и высоких технологий, перемещают свои производственные и научно-исследовательские мощности из соседнего Китая во Вьетнам. Причем, помимо политических причин, действуют и экономические: дешёвая рабочая сила, налоговые льготы и близость к уже действующим заводам и логистическим центрам в Китае, Корее и Японии. Среди крупнейших инвесторов — Samsung (производство смартфонов), LG Electronics (производство телевизоров), Nokia (производство мобильных телефонов), Panasonic (производство бытовой электроники), Intel (производство микросхем), Fuji Xerox (производство принтеров).

Будут укрепляться экономические отношения между ЮВА и Японией, ЮВА и США, возможно с Индией. Таиланд, Филиппины, Индонезия — будут укреплять оборонные связи с США и Японией. Филиппины будут оставаться одним из основных военных союзников США в регионе и будут продолжать линию на оспаривание китайских претензий на острова в Южно-Китайском море. Если до 2025 года США удастся сохранить военный альянс с Филиппинами, то можно предположить, что он будет действовать и дальше. Соответственно территориальный спор между Филиппинами и Китаем не будет урегулирован до 2050 года. Для укрепления прозападного курса стран ЮВА Евросоюз до 2025 г. подпишет с АСЕАН договор о свободной торговле.

Таблица 10.1. Возможные направления трансформации системы международных отношений в соответствии со сценарием №1.

Области проявления	2025 г.
Экономика	Усиление Филиппин странами Запада
	Создание зоны свободной торговли с ЕС
	Перенос производств Западных стран из Китая в страны ЮВА
	Развитие сотрудничества с Японией, Южной Кореей, Австралией, Индией
Политика	Отстаивание территориальных претензий в Южно-Китайском море
	Противодействие китайской экспансии в регионе
Военная сфера	Развитие военного сотрудничества с США
	Возможно расширение контактов с НАТО
	НАТО проводит антитеррористические операции
	НАТО проводит операции против пиратов
	Укрепление исламистских организаций в регионе
Информационная сфера	Острая конкуренция в сфере средств массовой информации и коммуникаций Запада с Китаем
Области проявления	2050 г.
Экономика	Ослабление Индонезии и Малайзии
	Укрепление экономики Филиппин
	Влияние Запада на экономику стран увеличивается
	Происходит вытеснение китайского бизнеса и производства из стран ЮВА
Политика	Япония и США влияют на определение политики большинства стран ЮВА
	АСЕАН теряет свою политическую и экономическую роль
Военная сфера	Расширение количества американских военных баз в ЮВА
	Страны ЮВА становятся форпостом для противодействия Китаю
Информационная сфера	Острая конкуренция в сфере средств массовой информации и коммуникаций Запада с Китаем

10.2. Сценарий №2. Новая биполярность

Новая биполярность будет означать создание в регионе двух коалиций. Одну — ориентирующуюся на Китай, другую — на

США. В этих условиях Южно-Китайское море может стать «Пекинским озером», китайским эквивалентом Охотского моря. Территориальные споры в Южно-Китайском море имеют все шансы быть урегулированными по китайскому сценарию, так как влияние американского фактора на эволюцию проблемы может со временем снизиться. В итоге эта акватория может де-факто превратиться во «внутренние воды» Китая.

Китай будет распространять влияние на Лаос, Камбоджу, Мьянму, которые станут его сателлитами в период с 2025 по 2050 гг. Через экономические связи, кредиты и многочисленную диаспору Китай будет пытаться сорвать попытки формирования консолидированной антикитайской позиции по вопросу о территориальных спорах в Южно-Китайском море.

Параллельно Пекин реализует стратегию островной цепи — заслоны из островов ограничивают Китай Желтым и Восточно-Китайским морями. Территории более слабых государств Юго-Восточной Азии — Восточного Тимора и Брунея могут быть использованы в рамках стратегии Китая по наращиванию отношений с островами третьей цепи — Королевство Тонго, Фиджи, Папуа-Новая Гвинея, не исключено и размещение военных баз Китая в этих островных государствах.

Помимо собственного интеграционного проекта, страны ЮВА участвуют в китайском ВРЭП — Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве. ВРЭП представляет собой расширение и объединение в единую систему зон свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН с шестью партнерами — Японией, Китаем, Южной Кореей, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Такой формат интеграции позволяет АСЕАН выступать в рамках ВРЭП в относительно консолидированном виде, сохраняя свою «центральную роль» в процессе согласования условий торговой либерализации. В дальнейшем ВРЭП будет использоваться для продвижения китайских интересов и может ослабить консолидацию содружества по мере роста экономической, политической и военной мощи Китая.

Китайская диаспора будет играть все возрастающую роль в странах-лидерах региона ЮВА, таких как Малайзия, которая имеет важное

стратегическое положение. Малайзия состоит из двух частей, разделённых Южно-Китайским морем. Вторая по численности этническая группа страны — китайцы (22,6% населения Малайзии). Китайское население размещено неравномерно. Оно преобладает в таких городах, как Ипох и Куала-Лумпур, а самый «китайский» штат — Пенанг (41% от населения штата составляют китайцы). Третья по численности этническая группа — индийцы (9,1%). Малайзия богата ресурсами: доказанные запасы нефти составляют около 4,3 млрд баррелей. Когда-то, страна была крупнейшим производителем олова, натурального каучука и пальмового масла.

Укрепив влияние в слабых государствах Юго-Восточной Азии: Бруней, Лаос, Камбоджа, Восточный Тимор, Мьянма (население только Мьянмы составляет примерно 60 млн. чел.), Китай сможет влиять на половину стран АСЕАН. Что сильно сокращает возможности остальных стран Юго-Восточной Азии определять свою политику в будущем.

Таблица 10.2. Возможные направления трансформации системы международных отношений в соответствии со сценарием «Биполярность»

Области проявления	2025 г.
Экономика	Занятие Китаем доминирующих позиций в экономике стран АСЕАН
	Закрепления за юанем роли основной резервной валюты в АСЕАН, переход на расчеты в юанях в некоторых странах АСЕАН
Политика	Перехват КНР политической инициативы у Запада
	Поглощение АСЕАН ВРЭПом
	Приобретение союзников через китайские кредиты
	Подрыв формирования единой позиции стран АСЕАН по Южно-Китайскому морю
	Приобретение союзников Китаем: Лаоса, Камбоджи, Мьянмы, Таиланда
Военная сфера	Китайская диаспора увеличивает влияние на политические решения стран региона
	Изменение военного баланса в пользу Китая
	Появление военных баз Китая в странах ЮВА
	По странам ЮВА проходит разделение на американскую и китайскую сферу, что чревато военной напряженностью и увеличением конфликтности
Информационная сфера	Разделение стран ЮВА на военные союзы между Китаем и США
	Острая конкуренция в сфере средств массовой информации и коммуникаций Запада с Китаем

Области проявления	2050 г.
Экономика	Занятие Китаем доминирующих позиций в мировой экономике
	Закрепление за юанем роли основной резервной валюты, переход на расчеты в юанях между странами ЮВА
	АСЕАН перестает существовать
Политика	Закрепление Южно-Китайского моря за КНР и контроль за прохождением судов по нему
	Противостояние ВРЭП и ТТП Китайская диаспора увеличивает влияние на политические решения стран ЮВА
Военная сфера	Изменение военного баланса в пользу Китая
	Увеличение количества военных баз Китая в ЮВА
	Разделение стран ЮВА на военные союзы между Китаем и США
Информационная сфера	Острая конкуренция в сфере средств массовой информации и коммуникаций Запада с Китаем

10.3. Сценарий №3. Регионализация

Данный сценарий исходит из того, что экономически сильные страны ЮВА: Таиланд, Сингапур, Филиппины, Индонезия, Малайзия и Вьетнам могут через объединенную повестку сформировать независимый центр силы. Но для этого они должны выйти за пределы чисто экономической интеграции в рамках АСЕАН в сферу политической и военной интеграции. Однако здесь сразу же возникает ряд проблем. Достаточно сказать, что даже процесс экономической интеграции наталкивается на определенные препятствия.

Одна из самых сложных сфер — интеграция рынков капитала. С 2011 г. действует система ASEAN Exchanges, объединяющая семь бирж из шести стран АСЕАН (две из Вьетнама) в единую информационную систему. В рамках проекта, например, выделяются 180 «звезд АСЕАН» — по 30 компаний с «голубыми фишками»

из каждой страны. Однако настоящим шагом к интеграции должен был стать проект ASEAN Trading Link, который пока соединяет только три биржи системой трансграничной торговли — Сингапур, Малайзию и Таиланд. Еще остаются сложности, вызванные недоразвитостью страновых рынков капитала и слабостью юридической базы, над которой работает Форум рынков капитала АСЕАН.

При реалистическом сценарии страны АСЕАН смогут закончить создание экономического сообщества не раньше 2030 года. Их торопит, с одной стороны, международная конкуренция, с другой — опасность попасть в ловушку среднего уровня развития, которая существует для многих из стран блока. Конкурентное преимущество дешевой рабочей силы будет быстро уходить в прошлое, в то время как производительность труда и квалификация рабочих могут расти недостаточными темпами. Поэтому экономическая интеграция для стран АСЕАН — способ привлечь внимание международного бизнеса к себе как к единому образованию. Позиционирование АСЕАН с приставкой «если бы мы были одной экономикой» стало эффективным способом выделиться на фоне других регионов мира.

Все страны АСЕАН уже участвуют в ВРЭП. В ближайшие годы они могут создать зоны свободной торговли с ЕС и Евразийским экономическим союзом. Возможно присоединение к Транс-Тихоокеанскому партнерству при возвращении США к идее этого интеграционного объединения.

При реализации сценария «Регионализация» страны АСЕАН могут ощутить давление как со стороны США, так и со стороны Китая. Повысится значение ООН. США могут вернуться к идее Соглашения о торговле услугами (TISA), в которое не входят страны АСЕАН для контроля над информационными технологиями и предотвращения их появления в странах АСЕАН.

По прогнозам Международного энергетического агентства, на протяжении следующих 20 лет спрос на нефть, газ и уголь в странах Юго-Восточной Азии продолжит расти. Общий спрос на электроэнергию к 2050 г. вырастет на 80%, или на 1 млрд. тонн

нефтяного эквивалента. Доля электроэнергии, производимой на угле, вырастет с 32 до 50%, вопреки глобальному тренду на снижение.

Добыча нефти внутри АСЕАН продолжит снижаться, а спрос будет расти. Зависимость от импорта нефти к 2050 г. достигнет 80%. В газовой отрасли будет увеличиваться и производство, и спрос, однако к 2050 г. рост потребности в газовом топливе обгонит собственную добычу, превратив АСЕАН в нетто-импортера газа. К этому моменту страны региона будут тратить на углеводороды \$300 млрд. в год.

Учитывая растущее потребление газа и значимость этого вида топлива для АСЕАН, страны блока возлагают большие надежды на единую газопроводную сеть Trans-ASEAN GasPipeline (TAGP). К середине 2015 г. в строю находились 13 газопроводных соединений протяженностью 3300 км. С 2012 г. в проекте TAGP учитываются транспортировки сжиженного природного газа в тех случаях, где строительство газопроводов нецелесообразно, и в сеть мощностей TAGP уже входят четыре регазификационных терминала. В числе проблем, с которыми сталкивается этот участок TAGP, — недостаток источников газа и большой объем необходимых инвестиций в инфраструктуру.

Для обеспечения энергетической безопасности странам Юго-Восточной Азии понадобится усиленная интеграция энергосетей. Развитие гидроэлектроэнергетических мощностей в Мьянме, Лаосе и Камбодже позволит уменьшить загрузку энергопроизводства во Вьетнаме и Таиланде, сократить объем импорта электричества. Бруней сможет увеличить экспорт газа, получая больше электричества через границу. Малайзийский штат Саравак (остров Борнео) сможет нарастить производство электричества на ГЭС, а его связь с индонезийской частью острова позволит сократить существующее там дорогое производство энергии на ТЭС.

Более 120 млн. человек в Юго-Восточной Азии по-прежнему не имеют доступа к электричеству. Традиционная модель подселения этих домохозяйств к централизованной национальной

сети может не работать, особенно для многочисленных островов Индонезии и Филиппин, где население получает электричество с помощью неэффективных дизельных генераторов. Более разумным решением может стать подача электричества в рамках межасановской сети или создание локальных микросетей, получающих питание в том числе и из возобновляемых источников. Не исключено и использование Мини-АЭС, что откроет дополнительные перспективы в регионе для российской атомной промышленности.

Сегодня проект единой энергосети АСЕАН (ASEAN Power Grid) далек от завершения. В 2015 г. работали лишь 6 из 16 соединений. Из 164 ГВт производимого электричества по сети передается лишь 3,4 ГВт. Нынешние соединения по большей части двусторонние. Со временем они должны объединиться в три субрегиональных блока, а потом и в единую сеть АСЕАН.

В октябре 2015 г. министры энергетики АСЕАН договорились к 2036 г. довести долю возобновляемых источников в структуре потребления с нынешних 15 до 23%. Наиболее амбициозные цели ставят себе Индонезия (25% к 2025 году), Таиланд (25% к 2022 г.) и Филиппины (50% к 2030 г.).

Достичь общих для АСЕАН 23% можно, например, разрабатывая гидроэнергетический сектор в малазийском Сараваке и в Лаосе, для которого это будет к тому же серьезным стимулом к развитию. В области солнечной энергии безусловным лидером является Таиланд, который производит такой энергии больше, чем все остальные члены АСЕАН вместе взятые. К 2036 г. страна планирует довести солнечные мощности до 6 ГВт, или 9% от общего производства электроэнергии. В то же время соседняя Малайзия уже сегодня находится на третьем месте в мире по объему производства солнечных панелей.

Стремление стран Юго-Восточной Азии ослабить роль углеводородного сектора выражается и в попытках урезать субсидирование нефтегазовой отрасли (в 2014 г. субсидии составляли \$36 млрд.). Правда, в Индонезии, Малайзии, Таиланде и Мьянме это было связано с высокими ценами из-за мирового финансового

кризиса, и трудно сказать, насколько сильна будет эта мотивация в дальнейшем.

Атомная энергетика в Юго-Восточной Азии имеет ограниченную область применения, однако в некоторых странах будет играть важную роль. Индонезия, Малайзия, Филиппины и Вьетнам могут начать разрабатывать это направление. Крупным клиентом может стать Таиланд, который может приступить к строительству АЭС в промежутке между 2026 и 2030 г.

Для России участие в региональной энергетической системе имеет большой потенциал. Растущая потребность в газе и сети регазификационных терминалов создает рынок как собственно поставок СПГ, так и энергетической инфраструктуры, что может заинтересовать «Газпром». Необходимость в электрификации, в том числе локальной, — потенциальный рынок для электросетевых компаний, энергетических компаний и поставщиков оборудования («Русгидро», «Россети», «Силовые машины», «Технопромэкспорт», «Атомстройэкспорт»).

По оценкам Азиатского банка развития, странам Юго-Восточной Азии для выполнения национальных целей по энергоэффективности и сокращению выбросов парниковых газов необходимо \$11 млрд. до 2020 г. и еще \$15 млрд. до 2030-го. Эти инвестиции будут крайне выгодными: если в Брунее, Индонезии, Малайзии, Таиланде, Вьетнаме и на Филиппинах доля инвестиций в энергоэффективность будет составлять 1–4% от общих вложений в энергетику, то на них придется от 8 до 25% увеличения первичного потребления энергии.

Важной задачей для членов АСЕАН остается управление водными ресурсами. Основная проблема континентальной части региона — равноправный доступ к ресурсам реки Меконг. Располагающиеся выше по ее течению страны, устанавливая дамбы, определяют функционирование целых экосистем, крупных сельскохозяйственных блоков и влияют на качество жизни тех, кто живет ниже по течению. Для островных государств Юго-Восточной Азии ключевой проблемой остается доступ к чистой и питьевой воде. Например, в 2014 г. в Индонезии только 68% населения имели такой доступ.

Отдельная проблема — предупреждение, быстрое реагирование и ликвидация последствий природных и техногенных катастроф. Тайфуны, землетрясения, наводнения и засухи относятся к числу наиболее опасных природных бедствий, из-за которых страны региона в среднем теряют по 0,5% ВВП в год (для некоторых стран это значение достигает 5%). Бедствия бывают и рукотворными. Например, практически ежегодное появление «индонезийского дыма» связано с отсталыми подсечно-огневыми техниками ведения сельского хозяйства на Суматре и Калимантане в сухой сезон. Ветер гонит дым от лесных пожаров, который загрязняет воздух практически во всех странах Юго-Восточной Азии, особенно в Сингапуре.

В Юго-Восточной Азии может наступить фрагментация существующих в настоящее время государств, что в первую очередь будет определяться фактором этнонационализма. Территориями, где возможно образование новых государств, могут стать:

- Мусульманские общины юга Таиланда и Филиппин, где власти проводят политику игнорирования требований проживающих там людей и решения вопроса военными средствами;
- Мьянма — Качинская область, где национальный вопрос далек от разрешения.
- Национальный вопрос в Индонезии и Малайзии. В первом случае не исключены отдельные рецидивы насилия в провинции Аче и на территории Западного Ириана. Во втором — сохраняются противоречия между малайской, китайской и индийской общинами.

Такой ход событий потребует от АСЕАН задействовать наднациональные механизмы предотвращения эскалации внутренних проблем входящих в нее стран. Соответственно, логично ожидать, что АСЕАН будет вынуждена изменить свои основополагающие принципы сотрудничества на международной арене — прежде всего, пересмотреть тезис о недопустимости вмешательства во внутренние дела друг друга.

Страны Юго-Восточной Азии активно будут укреплять собственный оборонный потенциал — военные расходы растут

постоянно. В отличие от Северо-Восточной Азии, он достаточно разнообразен в плане поставщиков. Здесь успешно работают США, Россия, Великобритания, Франция, Швеция и Китай. Подобно тому, как страны региона пытаются вести независимую внешнюю и торговую политику, они так же активно диверсифицируют оборонные поставки, в том числе и с целью не допустить формирования зависимости от какого-либо одного экспортера. Ярким примером открытости рынка вооружений региона является закупка Таиландом на авиакосмической выставке в Сингапуре 6 шведских истребителей «Gripen» и самолета управления на сумму 600 млн. долл. (в дальнейшем число таких истребителей предполагается довести до 40). В то же время Бангкок приобрел противокорабельные ракеты в Китае, самоходные гаубицы — во Франции и штурмовые винтовки — в Израиле.

Малайзия закупила партию танков РТ-91 в Польше, фронтальные истребители Су-30 — в России, реактивные системы залпового огня — в Бразилии, корветы — в Германии. Индонезия, в свою очередь, воспользовалась кредитом в 1 млрд. долл. и приобрела у России истребители Су-27 и Су-30, подводные лодки, боевые вертолеты, сторожевые корабли и наземные системы вооружений. Даже Сингапур создал развитую сеть поставщиков оружия, приобретя 24 тактических истребителя F-15SG у США, подводные лодки классов «Sjöormen» и «Västergötland» — у Швеции, танки «Leopard 2A4» — у Германии, а зенитно-ракетные комплексы — у России и Швеции.

По некоторым оценкам, емкость рынка вооружений стран Юго-Восточной Азии будет расти, поскольку национальные экономики постепенно восстанавливаются, и правительства увеличивают оборонные бюджеты. К примеру, после переворота 2006 г. тайская военная хунта подняла военные расходы на 34% в 2007 г. и на 24% в 2008 г. Более того, утвержденный в ноябре 2007 г. десятилетний план развития вооруженных сил предусматривает выделение около 10 млрд. долл. на программу модернизации с 2009 г., что в итоге повысит долю данной статьи в ВВП с 1,4% до 2% к 2014 году.

Другие государства региона демонстрируют похожую динамику расходов. К примеру, военный бюджет Малайзии вырос с

2000 по 2011 гг. почти в 2 раза — с 1,7 млрд. до 3,26 млрд. долл. Джакарта за тот же период увеличила финансирование обороны втрое — с 2,2 млрд. до 6,8 млрд. долл. (без учета торговых кредитов). Сингапур, чьи военные расходы с 2000 по 2012 гг. выросли с 4,6 млрд. до 9,7 млрд. долл., не намерен на этом останавливаться и готов к приобретению высокотехнологичных боевых систем.

Следует учитывать, что страны Юго-Восточной Азии (в первую очередь, Таиланд, Индонезия и Малайзия) традиционно используют офсетные схемы при заключении соглашений на поставку вооружения и военной техники, компенсируя часть стоимости потребительскими товарами (рис, пальмовое масло, фрукты, текстиль и т.д.), что служит неплохим подспорьем для местных производителей. В последнее время страны Юго-Восточной Азии активно ратуют за передачу технологий военного и двойного назначения с целью их широкого внедрения в промышленность, но пока не находят понимания у ведущих поставщиков. Однако по мере обострения конкуренции на рынке вооружений вопрос может приобрести актуальность.

Расширение военных возможностей стран Юго-Восточной Азии может в перспективе осложнить военно-политическую ситуацию в регионе. Приобретение странами ЮВА совершенных систем вооружения приведет к обострению классической «дилеммы безопасности», когда повышение безопасности одного участника достигается за счет другого, что порождает нестабильность соседних государств. Одно из полей противостояния — так называемый блок Амбалаг в Целебесском море, являющийся предметом спора между Индонезией и Малайзией. Если стороны не откажутся от логики военного противостояния, напряженность здесь будет постепенно возрастать.

Вполне вероятно, что в ближайшее время региональная подсистема безопасности претерпит существенные изменения, в том числе и за счет более решительных действий Пекина и Вашингтона, фактически конкурирующих за доминирование в Юго-Восточной Азии. В связи с этим представляется возможным говорить о нагнетании напряженности в Юго-Восточной Азии,

---

однако вероятность полномасштабного вооруженного конфликта низка — оборонительные потенциалы нужны региональным игрокам скорее для взаимного сдерживания и сохранения собственной независимости от Вашингтона или Пекина.

На военно-политическую обстановку в регионе оказывает негативное влияние и расширение базы для деятельности исламистских террористических организаций. Распространение ваххабизма затрагивает мусульман Юго-Восточной Азии. В государствах ЮВА численность мусульманского населения будет расти высокими темпами. Достаточно сказать, что Индонезия — страна с самым большим мусульманским населением в мире — около 260 миллионов человек, а к 2050 г. ее население увеличится до 280 млн. человек. Малайзия тоже обладает быстро растущим мусульманским населением.

При этом Индонезия занимает первое место по объему ВВП в Юго-Восточной Азии. Как таковая, Индонезия может претендовать на роль лидера региона. Не стоит забывать, что АСЕАН была создана при инициативной роли Индонезии. И с тех пор она неизменно остаётся неформальным лидером этой организации, выступая за активизацию интеграционных процессов, развитие новых форм внутриасеановского сотрудничества и взаимодействия Ассоциации с партнёрами за пределами Юго-Восточной Азии — в частности, в рамках Регионального форума АСЕАН (АРФ) и различных диалоговых механизмов. Также заметна роль Джакарты в других многосторонних структурах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе АТЭС. В 1950-е годы Джакарта была в числе основных инициаторов создания Движения неприсоединения и до настоящего времени остаётся одним из наиболее активных его участников.

Между тем, за короткий период в Индонезии произошёл резкий рост религиозного, прежде всего исламского экстремизма и терроризма: сформировались или вышли из глубокого подполья несколько соответствующих организаций, наладивших связи со структурами международного терроризма. Продолжает представлять угрозу пиратство. В 2010 году в индонезийских территориальных водах было атаковано 40 судов. Наиболее опасным районом являются Малаккский пролив и прилегающие к нему акватории.

Таблица 10.3. Возможные направления трансформации системы международных отношений в соответствии со сценарием «Регионализация»

Области проявления	2025 г.
Экономика	Экономическое развитие через создание зон свободной торговли с ЕС и ЕАЭС
	Создание единого рынка морских перевозок (ASEAN Single Shipping Market) в рамках Стратегического плана развития транспорта на 2016–2025 г.
	Единый авиарынок АСЕАН
	Единый рынок электроэнергии
Политика	Противостояние доминированию Китая без конфликта с ним. Противостояние доминированию Японии и США без конфликта
	Усиление роли и авторитета ООН
	Решение экологических, межэтнических, энергетических вопросов на наднациональном уровне
	Лидерство Индонезии в регионе
Военная сфера	Диверсификация оборонных поставок
	Антитеррористические операции силами стран ЮВА
	Борьба с пиратством силами стран ЮВА
	Развитие сотрудничества со странами ШОС
Информационная сфера	Борьба с сетевыми вызовами
Области проявления	2050 г.
Экономика	Превращение АСЕАН в самостоятельный центр экономической мощи в мире
	Регулирование торгово-экономических отношений преимущественно на межблоковом уровне между крупными торгово-экономическими союзами
	Острая конкуренция в сфере высоких технологий
	Интеграция капитала ASEAN Trading Link
	Создание единой газопроводной сети Trans-ASEAN Gas Pipeline (TAGP)
	Возможно создание собственной валюты и переход к ней
Политика	Оформление политического объединения АСЕАН
	Ослабление влияния Китая, Японии и США в регионе
	Превращение АСЕАН в самостоятельный центр политического влияния в мире
	Усиление роли и авторитета ООН
Военная сфера	Перевооружение региона, создание самодостаточных ВС стран АСЕАН
	Заключение системы договоров с США, Японией, Китаем об укреплении безопасности и мер доверия в регионе
	Диверсификация оборонных поставок
	Антитеррористические операции
	Борьба с пиратством
	Развитие сотрудничества со странами ШОС
Информационная сфера	Соперничество с Китаем и США в информационной сфере

Резкое обострение этноконфессиональных противоречий и рост сепаратистских настроений в ряде регионов в контексте политического и социально-экономического кризиса конца 1990-х годов подвигли власти Индонезии к принятию комплекса мер по децентрализации государственной власти и разукрупнению административно-территориального деления страны. Его важнейшим элементом стало создание в период с 1999 по 2007 гг. новых провинций — Папуа, Западное Папуа, Бантен, Архипелаг Риау, Горонтало. Статус провинции был предоставлен Ачеху, являвшемуся до этого особым округом.

На сегодняшний день наиболее вероятным представляется сценарий по утверждению стран АСЕАН самостоятельным центром силы. У государств ЮВА есть необходимый потенциал и опыт формирования политической повестки. Они обладают необходимыми экономическими и военными ресурсами. При удачном маневрировании между Китаем и США они могут стать выгодоприобретателями от противоборства двух центров силы. Такой сценарий приведет к развитию многополярности. Россия может и должна сыграть существенную роль в формировании этого центра силы.

Глава XI.
Бразилия: состояние,
сценарии и ключевые
параметры развития

11.1. Общая характеристика современного положения Бразилии

Бразилия (Федеративная Республика Бразилия) — самое большое по площади и населению государство в Южной Америке. Находится на пятом месте среди стран мира по площади и на пятом по численности населения. Население — 205,7 млн. человек (оценка 2016). Индекс человеческого развития — 0,744 (79-е место в мире (2014)). Средняя продолжительность жизни — 69 лет у мужчин, 76 лет у женщин.

Со второй половины XX века отмечается быстрое снижение темпов рождаемости до 0,8% в 2014 году (137-е место в мире, Россия на 200-м месте), приветствуется иммиграция. Для Бразилии характерна высокая степень урбанизации: 80% населения живет в городах. Количество мужчин и женщин примерно одинаковое, плотность населения составляет двадцать четыре человека на квадратный километр. Ежегодно сельских жителей становится на один процент меньше. Мужчин до 15 лет четверть всего населения, женщин — 27%. Другими словами, молодежь составляет больше половины бразильского населения, что, несмотря на высокие показатели экономического развития, акцентирует ее статус как одной из стран «третьего мира».

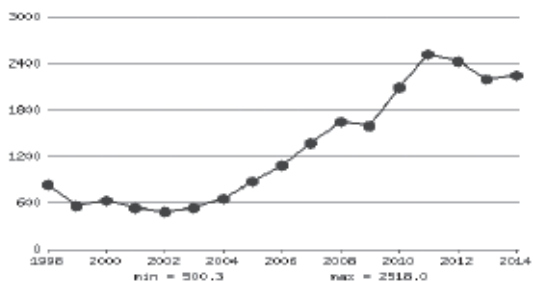
Расовый состав (на 2008 год) 48,43 % (92 млн. человек) — белые; 43,80 % (83 млн. человек) — смешанной расовой принадлежности;

6,84 % (13 млн. человек) — негроидной расы; 0,58 % (1,1 млн. человек) — азиаты; 0,28 % (536 тыс. человек) — индейцы (коренное население). Согласно переписи 2010 года, доля белых сократилась с 53,7 % до 47,7 %, а процент бразильцев из смешанных браков вырос с 38,5 % до 43,1 %. Таким образом, впервые в бразильской истории белые перестали быть простым большинством. Но на политическом уровне раскола по расовому или этническому признаку напрямую не ощущается. Национальный фактор проявляется в большей степени на уровне неформальных политических и экономических отношений, а также в сфере организованной преступности.

Бразилия имеет восьмую по величине номинального ВВП экономику в мире и седьмую по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности. ВВП (ППС) 3,264 трлн. долл., ВВП на душу населения — 16155 долл.

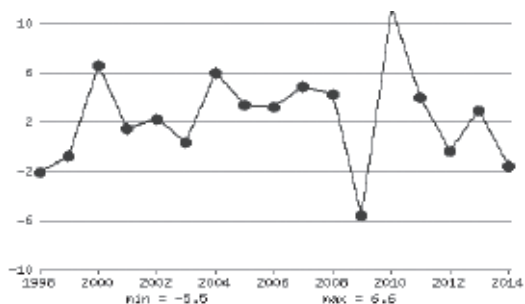
Таблица 11.1. Динамика ВВП Бразилии

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ВВП	6,1	5,2	-0,3	7,5	2,7	0,9	2,3

Рис. 11.1. ВВП Бразилии, млрд. долларов США¹¹⁷

Бразилия — третья страна в мире по выпуску морских судов, она занимает пятое место по выпуску тракторов, шестое — по производству военной техники (исключая средства массового поражения), а также средних и малых турбовинтовых самолетов, седьмое место — по выпуску автомобилей, девятое по производству металлообрабатывающего и кузнечно-прессового оборудования.

Рис. 11.2. Темпы роста объема промышленного производства Бразилии, % к предыдущему году¹¹⁸

Самая развитая отрасль бразильской экономики — сфера услуг (включая туризм), в которой занято 47% населения; она приносит 58% ВВП. При этом на отрасли сферы услуг приходится: транспорт и логистика — 9%, торговля — 8%, финансовые услуги — 7%, связь и телекоммуникации — 6%, госуправление и общественные работы — 16%.

Бразилия является важным партнёром Российской Федерации с общими интересами в космической сфере, военной технике, технологии связи и в других сегментах. Но доля Российской Федерации по объему товарооборота составляет менее 2%. С 2009 года наблюдалось уменьшение российских поставок в Бразилию практически по всем товарным позициям. Исключение составили только некоторые виды химической

¹¹⁸ Источник — CIA World Factbook

продукции (оксометаллические соли, аминоксоединения, щелок, полимеры винилхлорида), прокат горячекатаный, подшипники, электроэнергетическое оборудование для строящихся в Бразилии с российским участием энергетических объектов, приборы и инструменты. В структуре импорта России из Бразилии отмечено возрастание доли продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья — 94,4 %. Эти характеристики являются показателем отсутствия прочной экономической стыковки современных производственных секторов двух стран. Экономические связи в пределах среднесрочной перспективы (2017–2025 гг.) обречены оставаться избирательными и асимметричными.

Бразилия является крупнейшим среди стран южной Америки участником мировой торговли. На сегодняшний день страна принимает участие более чем в 60 международных политических и экономических организациях. Традиционно, Бразилия играла важную роль в системе коллективной безопасности и экономической кооперации Западного полушария. Сейчас она является членом Межамериканского договора о взаимной помощи и членом Организации американских государств. Бразилия предоставляет приоритет отношениям со своими южноамериканскими соседями и вошла в состав Амазонского пакта, Латиноамериканской ассоциации интеграции и Меркосура.

Вместе с Аргентиной, Чили и США, Бразилия — один из гарантов перуано-эквадорского мирного процесса. Она посылала солдат в составе войск ООН для сохранения мира в Бельгийское Конго, Кипр, Мозамбик, Анголу, Восточный Тимор и Гаити. В 2004–2005 годах Бразилия входила в девятый раз на правах непостоянного члена в СБ ООН. Бразилия также входит в комиссию по правам человека ООН, наблюдатель Движения неприсоединения (ДН). Крупнейшие экономические объединения с бразильским участием: Южноамериканский общий рынок (MERCOSUR), Латиноамериканская ассоциация интеграции (LAIA), БРИКС. Относительно БРИКС в Бразилии полагают, что наряду с ЮАР в этот альянс вступят новые члены из числа развивающихся стран, и это будет общей тенденцией развития организации.

Важную роль в системе мирохозяйственных связей Бразилии занимает приток иностранного капитала. Она стала одной из самых привлекательных для иностранного капитала развивающихся стран. Большая часть инвестиций в экономике Бразилии приходится следующие отрасли: с/х и пищевая промышленность, коммуникации и транспорт, ТЭК и машиностроение. По объёмам накопленных прямых иностранных инвестиций в экономике Бразилии лидируют США — 24,5 млрд. долл. (24% всего объёма накопленных инвестиций). Прогнозируется, что объём инвестиций из США будет продолжать расти за счёт капиталовложений со стороны транснациональных корпораций (ТНК) этой страны. Но, несмотря на то, что американский инвестиционный капитал широко представлен на бразильском рынке, только 2 компании из США входят в список 30 крупнейших фирм Бразилии — Cargill и AES.

Из 10 крупнейших импортеров в Бразилии 4 представляют иностранный капитал — Nokia, Motorola, Bunge и Ford Motors, а среди экспортеров числятся — Bimge, Volkswagen, Cargill, General Motors, Ford Motors и Halliburton. За США следуют Голландия — 10,7 млрд. долл. (11%), Испания — 12,2 млрд. долл. (11,9%), а также Франция, Португалия и Германия. Инвестиции с Каймановых островов начали расти в страну с 1995 г. и в целом представляют репатриацию национального капитала. Участие Португалии и Испании в значительной степени ограничено телекоммуникациями и банковским сектором. Общий объем прямых инвестиций без учета репатриации капиталов с 2000 г. по конец 2005 г. достиг 87 млрд. долл. (до 2000г. общий объем составил — 103 млрд. долл.). В 2010 году инвестиции Китая в Бразилии увеличились почти до 300 млн. долларов США. Тем самым, начиная с 2010 года Китай стал одним из крупнейших инвесторов Бразилии. В экономику этой страны было вложено более 15 млрд. долларов США, что значительно укрепило двусторонние отношения между Китаем и Бразилией.

Основными торговыми партнерами (2012- 2013, но без значительных по состоянию на 2016 г. изменений) являются Китай (17,3%), США (12,6%), Аргентина (7,5%), Германия (4,5%),

Нидерланды (4%), Япония (3,1%), Южная Корея (2,9%), Италия (2,2%), Нигерия (2,2%), Мексика (2,1%). Следует отметить появление в первой десятке торговых партнеров Нигерии, с товарооборотом 10,5 млрд. долларов США, обошедшей Францию, Мексику и Индию. Связано это, прежде всего, с резко выросшим импортом из Нигерии бутана, этиленовых полимеров и природного сжиженного газа. Российская Федерация занимает 19-ю позицию в списке торговых партнеров Бразилии, с долей в товарообороте Бразилии 1,17%.

Вооруженные силы Бразилии включают в себя армию, военноморской флот (включает морскую авиацию и морскую пехоту) и ВВС. Эти самые крупные во всей Южной Америке вооруженные силы насчитывают триста четырнадцать тысяч человек. На армию приходится всего 1,1% ВВП. Военная служба обязательна, срок службы составляет один год. В военной авиации и морском флоте этот срок увеличен до 24 и 36 месяцев соответственно. Армия крайне не популярна в стране, в том числе из-за коррупции среди высшего звена, распространенных фактов криминального давления на военнослужащих, направленной информационной кампании ведущих бразильских СМИ.

Политическая ситуация в Бразилии развивается противоречиво. Крупнейшая страна Латинской Америки и партнер России по БРИКС практически постоянно находится в состоянии турбулентности. На современном этапе факторами этой турбулентности выступают, с одной стороны, кризисные тенденции в экономике, а с другой — неустойчивость баланса внутривнутриполитических сил (высокая фрагментация партийного спектра при отсутствии выраженного лидера). После инспирированного США государственного переворота (2016 — организация импичмента президенту Д. Русеф)¹¹⁹ политическое и экономическое положение страны остается неустойчивым. Действия нынешнего (2017) режима

---

¹¹⁹ По итогам голосования в сенате отставку Русефф поддержал 61 сенатор из 81, в тот же день состоялась инаугурация нового президента Мишела Темера, бывшего до этого вице-президентом страны//URL: <http://tass.ru/politika/3583406>

центристского типа во главе с заменившим Д. Русеф президентом М. Темером, блокируют левый тренд эволюции бразильского общества, а также самостоятельность страны на международной арене, в том числе активные выступления против американской однополярной гегемонии и развитие сотрудничества в формате БРИКС. Но, в целом, по оценкам экспертов, смена власти в ближайшем будущем не приведет к радикальному изменению внешнеполитического курса Бразилии, поскольку новый президент вынужден заниматься, прежде всего, экономическими и социальными проблемами страны.

При этом в силу отсутствия прочной социальной базы, центризм не сможет оставаться основой бразильской политики за пределами краткосрочной перспективы. Особенности современного политического спектра Бразилии таковы, что, как в парламенте, так и вне его абсолютно преобладают партии левоцентристской и левой направленности, причем среди внепарламентских партий чрезвычайно сильны позиции лево-радикальных группировок. «Левые» разобщены идейно и организационно, но в любом случае их, поддержка центризма и, тем более, право-центризма возможно толь как ситуативная. Учитывая масштабы социального неравенства в бразильском обществе и неустойчивость положения относительно многочисленного, но еще не утвердившегося в своем статусе, подверженного фрустрации и разочарованиям среднего класса, стремление к перехвату электората, настроенного на продолжение «левого поворота», в стратегическом плане будет очень важным мотивом поведения всех партий левого толка, сколь бы по-конформистски ни были настроены их лидеры.

Тем не менее, совпадение «идеальных стратегических целей» (вытекающих из близости идеологических постулатов), как среди группы крупных парламентских партий, так и среди мелких парламентских и непарламентских группировок, не подкреплено последовательным сотрудничеством при выработке позитивной программы практических действий. Во-первых, нет доминирующей в идеологическом и организационном плане силы, а, во-вторых, партии-лидеры стали активными участниками политической жизни

сравнительно недавно. Другими словами, в обозримом будущем (если исключить форс-мажор — типа военного переворота, который маловероятен), политический спектр страны (около 70 различных партий и группировок) будет оставаться фрагментарным, формирование высшей власти реально будет зависеть от установления коалиционного взаимодействия по итогам парламентских выборов (ближайшие — 2018). Накал электоральной конкуренции будет к 2018 году нарастать, т.к. все ведущие участники бразильской политической жизни, по сути, являются массовыми партиями. Несколько из них (относящиеся к ядру политического спектра) насчитывают более миллиона членов, численность других партий также достаточна велика.¹²⁰

Проблемные точки развития внутривнутриполитической обстановки включают:

- Системные сбои в экономике и дисбаланс на ряде направлений. Низкий экономический рост и инфляция, дисбаланс в финансовом и внешнеторговом секторах. Дефицит бюджета составляет 5% ВВП. Это худший результат за последние 15 лет. Для сравнения: в 2010 году бюджетный дефицит составлял 2,48% ВВП. Государственные затраты значительно превышают доходы, уже с учетом процентных выплат. Среди системных экономических проблем — недостаточно развитая инфраструктура, значительная концентрация прибыли в руках ограниченного количества собственников, недостаточное качество общественных услуг, коррупция, социальные конфликты и разрастание слоя правительственной бюрократии. Эти проблемы достаточно сложны в Бразилии по сравнению с другими странами Южной Америки (ее соседи — Чили, Аргентина, Мексика и другие опережают Бразилию по индексу свободы бизнеса).
- Высокая социальная дифференциация и растущая стратификация. В Бразилии до сих пор остается самым высоким

---

¹²⁰ Более подробно о партиях Бразилии см. Приложение 1 в конце Главы 11.

показатель концентрации землевладения: 45% пригодной для обработки земли принадлежит 1% собственников, при этом в крупнейших хозяйствах не используется более 40% земель. Несправедливое распределение земель ведет к острым социальным конфликтам, увеличивается число прямых вооруженных столкновений безземельных сельских жителей с полицией.

При относительно благополучных для развивающихся стран показателях ВВП на душу населения, существует высокая дифференциация доходов населения — коэффициента Джини, равного 56%. Уровень бедности (хотя заметно сокращался в годы президентства Л. да Силвы и первого мандата Д. Русеф) — высокий — более 40% населения. К тому же, в Бразилии сравнительно высокий для индустриальной страны уровень безработицы, по данным на 2010 г., он равнялся 6,9%, по современным оценкам — более 11%.

В этих условиях растет значимость не только разделения на «богатых» и «бедных», но и на лиц, состоящих в криминальных группировках и обычных граждан. В стране сильно развито криминальное подполье, которое занимается в основном производством и распространением наркотических веществ. Имея сильную финансовую базу, крупные и мелкие ОПГ (действуют главным образом в масштабах регионов, только две ОПГ ведут борьбу за выход на общенациональный уровень) расширяют свое влияние на повседневную жизнь Бразилии. Теневой криминальный контроль над большинством предприятий осуществляется почти гласно.

- Регионализм, дополняемый сепаратистскими тенденциями. В административном плане страна разделена на семь регионов, но в экономическом и популяционном плане эти регионы существенно различаются. На Юго-Восточный регион приходится 68% производимых в стране товаров и услуг, на Южный — 14%, Северо-Восточный — 10%. Среди

штатов лидируют Сан-Пауло — 43%, Рио-де-Жанейро — 15%, Минас-Жераис — 8%. Конкуренция элит Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро, как теневых, так и официальных, протекает все в более острых формах и влияет на внутреннюю политику. В частности, ведущие партии страны опираются на преимущественную поддержку в разных регионах.

В ряде случаев на региональном уровне сложились и традиционно существуют сепаратистские настроения. В имеющем этнокультурную специфику Южном регионе продолжают попытки объединения нескольких исторических движений сепаратистского толка с целью создания Федеративной Республики Пампа. В экономически наиболее развитом штате Сан-Паулу идею провозглашения независимости выдвигают Движение Республика Сан-Паулу и Движение за независимость Сан-Паулу.

- Высокий уровень фрагментации политического спектра, без реальных перспектив его консолидации вокруг конкретной партии или лидера. В результате дифференциации электоральных предпочтений и влияния регионализма распределение мест в действующем (2014-2018) парламенте (513 мест) сложилось следующим образом: Партия трудящихся (ПТ) — левая (партия Лулы да Силвы, Д.Русеф) — 70 депутатов; Партия бразильского демократического движения (центристская) — 66; Бразильская социал-демократическая партия (правоцентристская) — 54; Социал-демократическая партия (правоцентристская) — 37; Прогрессистская партия (центристская) — 36; Бразильская социалистическая партия (левая) — 34; Партия Республики (правоцентристская) — 34; Бразильская рабочая партия (центристская) — 25; Демократы (центристская) — 22; Бразильская республиканская партия (центристская) — 21; Демократическая рабочая партия (левая) — 19; Солидарность (центристская) — 15; Социал-христианская партия (левоцентристская) — 12; Республиканская партия социального порядка (правоцентристская) — 11; Коммунистическая партия Бразилии

(крайне левая) — 10; Социалистическая народная партия Бразилии (левоцентристская) — 10; Зеленая партия Бразилии (левоцентристская) — 8; Партия социализма и свободы (крайне левая) — 5. В палате депутатов представлены ещё несколько партий, но многие политические группировки, в основном леворадикального толка, традиционно продолжают свою активность вне парламентского поля, заметно, а в моменты кризисов значительно, влияют на политический климат и массовые настроения в Бразилии.

На последних президентских выборах (2014) главными конкурентами выступали Д. Русеф (Партия трудящихся) и А. Невес (Социал-демократическая партия, правоцентристская). Действующий с 2016 после импичмента Д. Русеф президент М. Темер (с 2011 по 2016 занимал пост вице-президента Бразилии), является председателем Партии бразильского демократического движения (центристская).

- Открытые вопросы бразильской внешней политики. На повестке дня остаются вопросы будущего нескольких неурегулированных участков границы с Уругваем, с 1986 г. проблемы непризнанных бразильских зон интересов в Антарктике (накладываются на британскую и аргентинскую зоны). Кроме того с 2004 г. Бразилия продолжает попытки расширить морскую экономическую зону на платформе континентального шельфа вдоль бразильских берегов, стремится стать постоянными членами СБ ООН.

11.2. Сценарии развития Бразилии до 2025

Приведенная выше информация показывает, что современное состояние Бразилии является переходным, а возможности его

изменения на этапе до 2025 года определяются в контексте двух основных сценариев.

11.2.1. Сценарий А. Трансформация центристского режима в правоцентристский, интенсификация сотрудничества с США и другими странами Запада

Трансформация происходит в два этапа: 2017-2018 в период пребывания на посту президента Бразилии М. Темера — преемника смещенной Д. Русеф, который разрушает альянс своей центристской партии с Партия трудящихся (ПТ), «принуждает» ПТ к пассивному политическому поведению, поддерживая угрозы уголовного преследования не только Д. Русеф, но и Луло да Силвы. Правоцентристские партии получают преимущества в ведении предвыборной пропаганды и агитации. К 2018 году предпочтения бразильских избирателей сдвигаются с левоцентристских к центристским позициям, что позволяет заключить в интересах формирования правительства альянс центристов и правоцентристов. На этапе 2018–2022 власть получает президент, представляющий интересы правоцентристских сил.

Вероятность инициации сценария А. определяется масштабным внешним вмешательством со стороны США в целях смены левоцентристского режима и импичмента президенту Д. Русеф (2016 г.). Характерны при этом не только спорное обоснование, процедурные нарушения, но и выраженное стремление удалить как саму Д. Русеф, так и ее предшественника на президентском посту Луло да Силва из политической жизни страны путем угрозы возбуждения персональных уголовных дел по обвинению в коррупции с назначением реальных уголовных сроков.

Однако важной предпосылкой, позволившей и приблизившей акт смены бразильского режима, является постепенная

деградация эффективности политики, проводимой на протяжении 14 лет лидерами Партии Труда (ПТ) Лулой да Силва и Дилмой Русеф, занимавшими с 2002 по 2016 гг. пост президента страны. Начиная с 2010 года, политика обоих представителей ПТ была все менее последовательной в том, что касалось подкрепления популистских деклараций курсом экономических реформ, характеризовалась завышенными ожиданиями от монетаристских рекомендаций ведущих международных финансовых институтов, а также результатов сотрудничества с западным капиталом (США, Франция, Нидерланды, Германия).

В итоге, на фоне мирового экономического кризиса программные обещания ПТ, в том числе строительство доступного жилья, развитие социальной инфраструктуры, поддержка малого и среднего бизнеса, здравоохранения и образования хронически недофинансировались, а попытки дополнительной мобилизации средств за счет ресурсов крупного национального и иностранного бизнеса (частно-государственное партнерство, налоговые новации) встретили резкое отвержение потенциальных партнеров правительства. Началась экономическая стагнация при постепенном падении ВВП, продолжившемся и в 2017 г. Отягчающим обстоятельством явилась широкая публичная дискредитация руководства и лидеров ПТ, обвиненных в коррупционных манипуляциях со средствами государственной нефтяной компании «Петробраз», как в личных целях, так и для финансирования победы на президентских выборах 2014 года.

В рамках сценария А трансформация происходит на фоне корректировки энергетической политики страны (приватизация «Петробраз» или его сегментов), ужесточения бюджетной экономики (в том числе статей военных расходов). Неудачи, неолиберальной по содержанию макроэкономической политики, объясняются ошибками/популизмом предыдущих властей, тяжелой финансово-экономической ситуацией в стране и сложностями с привлечением инвестиций в условиях снижения национального рейтинга (из-за печальных результатов левоцентристской политики), а также общей неблагоприятной ситуацией на мировых рынках.

Во внешней политике происходит торможение сотрудничества по линии БРИКС. В частности, оказывается заблокирован наметившийся при президентах Л. да Силва и Д. Русеф перевод российско-бразильских отношений на уровень систематизированного стратегического сотрудничества в сфере «широкой безопасности», включающей в себя как международные, так и внутренние аспекты. Бразильская сторона может прибегнуть к выдвиганию завышенных требований по отношению к России, например — активно поддержать предоставление Бразилии статуса постоянного члена СБ ООН. Двусторонняя координация по ключевым мирополитическим проблемам (региональные конфликты, обсуждение вопросов международного права, суверенитета, международной финансовой архитектуры, экологии, содействия развитию и т.д.) нарушится.

Что касается других областей сотрудничества, то участие российских компаний в строительстве ГЭС в Бразилии и совместное освоение бразильских топливных ресурсов, совместная реализация энергетических проектов на территории других латиноамериканских стран (Меморандум о взаимопонимании «Газпром» — «Петробраз» 2007) будут продолжаться, но при этом всячески затягиваться по срокам исполнения бразильских обязательств. Усложнится военно-техническое и научно-техническое сотрудничество России и Бразилии. Поставки в Бразилию ЗРК «Игла» и «Панцирь», вертолеты Ми-17, Ми-26, и Ми-35 не станут регулярными, а идея совместного производства отдельных образцов современного вооружения, включая танки, системы залпового огня, баллистические ракеты, истребители пятого поколения (по аналогии с российско-индийским сотрудничеством) не получит необходимого развития.

Совместное освоение космического пространства останется также ограниченным и возможно продолжится лишь в формате запуска еще одного бразильского космонавта, но без инфраструктурной поддержки широкой программы партнерства (без строительства космодромов на бразильской территории). В целом, Россия утратит шансы на участие в программе перевооружения

бразильских ВС (Франция — создание АПЛ, Швеция — поставки истребителей «Грипен»), а ее отставание от уровня бразильско-китайского и бразильско-индийского сотрудничества увеличится.

Однако экономическое (в его основных аспектах) и двустороннее политическое сотрудничество Бразилии с Китаем и Индией, несмотря на блокировку «левого поворота» и дрейф в сторону правого центра, продолжится с меньшими, чем с Россией издержками. Главной потерей в этом смысле станет снижение уровня многосторонней координации (и соответственно международного политического эффекта).

Тем не менее, попытки правоцентристского «дрейфа» после президентских и парламентских выборов 2018 за счет обращения к неолиберальному курсу и внесение изменений в приоритеты внешнеполитического сотрудничества, предпринятые без учета реалий социальной эволюции бразильского общества, усилят нестабильность обстановки в стране. Последствия ускорения социального расслоения общества, разрастание анклавов нищеты в непосредственной близости от основных городских центров, подъем регионализма в политической жизни (сепаратистских движений, а, главное, конкуренции Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро как крупнейших центров экономической жизни, проявления недовольства военных элит) не позволят закрепить консолидацию правых сил даже с учетом внешней поддержки (США). При этом нестабильность негативно скажется на региональных и более широких внешнеполитических амбициях Бразилии, в реализации которых заинтересованы как крупный, так и средний бизнес страны. Другими словами, популярность правоцентристского режима не закрепится на массовом уровне, а на уровне элит в период 2018-2025 будет сокращаться. Появление лидера-харизматика правого толка, как и консолидация спектра политических партий страны вокруг правоцентристского режима к 2025 году не представляется реальным.

В целом правоцентристский режим ожидают внутренние разногласия, кадровая конкуренция и потеря электоральной поддержки. Оказание ему массивной внешней помощи со

стороны США/Запада/МВФ относительно маловероятно, но способно лишь спровоцировать смену режима путем военного переворота. Вероятность этого события обусловлена неизбежно ассиметричным перераспределением дополнительных (внешних и внутренних) ресурсов в пользу транснационального бизнеса и высшей бюрократии, минуя масштабные программы модернизации ВС на фоне серьезных вызовов безопасности страны (программы защиты территориальной целостности и суверенитета в управлении природными ресурсами в формате «Зеленая Амазония» — полезные ископаемые, биологические ресурсы и «Голубая Амазония» — крупные запасы углеводов в прилегающей к бразильскому побережью акватории)¹²¹. Кроме того, военные как социальный слой будут ощущать прямые профессиональные риски, связанные с ослаблением обороноспособности на региональном уровне, ухудшения способности противостоять потенциальному силовому давлению со стороны стран ближайшего бразильского окружения.

11.2.2. Сценарий Б.

Смена центристского режима коалицией умеренно левых партий, акцент на закрепление регионального лидерства в интересах внутренней стабильности и национальной безопасности

Вероятность этого сценария несколько выше, чем у предыдущего. Он будет реализовываться на фоне падения управляемости

---

¹²¹ По состоянию на 2015 г., согласно социологическому опросу 67 % бразильцев верят, что их страна может подвергнуться вооруженной агрессии в связи с борьбой за обладание ресурсами «Зеленой Амазонии», а 63% считают, что агрессия может быть связана с попытками передела ресурсов «Голубой Амазонии».

страны под руководством центристского правительства как промежуточного варианта движения к альянсу центристских и пра-воцентристский сил, в котором заинтересованы ТНК, крупный бразильский бизнес и высший слой национальной бюрократии. Апеллируя к необходимости борьбы с бедностью, расширения экспортного потенциала и развития интеграционных процессов в Южной Америке и за ее пределами, «левоцентристы» способны создать парламентскую коалицию, достаточную, чтобы установить контроль за государственным аппаратом. Успех левоцентристского проекта, и сроков его введения в действие зависит от наличия достаточно эффективного координатора (лидера-харизматика, потенциального претендента на президентский пост) и достижения взаимопонимания с крупнейшими профсоюзами страны. Для расширения своей массовой базы левоцентристская коалиция предпримет попытки проведения структурных реформ, что потребует привлечения дополнительных материальных ресурсов, и, следовательно, оживления сотрудничества с «восходящими» внешними рынками, а также по линии БРИКС. Китайское, индийское и российское присутствие в бразильской экономике будет возрастать.

В частности, повысится интенсивность двусторонней координации по ключевым мирополитическим проблемам (региональные конфликты, обсуждение вопросов международного права, суверенитета, международной финансовой архитектуры, экологии, содействия развитию, деятельность ООН и т.д.). Продолжатся и будут предприняты новые шаги по переводу российско-бразильских отношений на уровень систематизированного стратегического сотрудничества в сфере «широкой безопасности», включающей в себя как международные, так и внутренние аспекты. В других областях сотрудничества, активизируется бразильско-российское энергетическое партнерство — освоение гидроресурсов и углеводородов. Получит импульс военно-техническое и научно-техническое сотрудничество, в том числе расширение запроса на поставки российских ЗРК «Игла» и «Панцирь», вертолетов Ми-17, Ми-26, и Ми-35, будут подготовлены/достигнуты соглашения по

созданию совместных производств для отдельных образцов современного вооружения.

Бразильская сторона реально подтвердит заинтересованность в создании совместной инфраструктуры для освоения космического пространства. Шансы на участие России в государственной программе перевооружения бразильских ВС увеличатся, а ее отставание от уровня бразильско-китайского и бразильско-индийского сотрудничества постепенно будет сокращаться, станет более симметричным, по сравнению с позициями, которыми располагают российские партнеры по БРИКС, снизятся риски конкуренции с индийской и китайской сторонами.

Экономическое и двустороннее политическое сотрудничество Бразилии с Китаем и Индией расширится, как и уровень многосторонней координации по линии БРИКС (и соответственно международного политического эффекта) повысятся, что станет фактором мобилизации дополнительных ресурсов для укрепления позиций левоцентристского (вероятнее всего — коалиционного правительства с участием ПТ как ведущей силы).

Тем не менее, левоцентристская коалиция не будет иметь решающего преимущества над альянсом центристских и правых сил, и не сумеет реализовать декларируемые планы структурных реформ в период 2018-2022 гг. Ее приход к власти станет периодом персональных перемещений высшего управленческого звена, консервации позиций государственного сектора в экономике, попыток стимулировать строительство, горнодобывающую промышленность и металлургию. Важнейшей задачей останется и стимулирование бразильского экспорта за счет несырьевых товаров и особенно современной высокотехнологичной продукции. Значительно активизируется заинтересованность в развитии космических и военно-технических программ.

Тем не менее, несмотря на ожидаемые успехи в преодолении кризисных тенденций и придания новых импульсов экономическому росту, возрожденный/обновленный левоцентристский режим будет, как и раньше, бороться с самыми серьезными вызовами в сфере внутренней политики. Тенденции усиления внутреннего регионализма,

как и негативные последствия гиперурбанизации преодолены не будут. Поэтому политическая борьба со сторонниками либерального тренда политической и экономической эволюции (сценарий А) будет напряженной в преддверии выборов 2018 г., а также в период 2018-2022 гг. Левоцентристский режим будет постоянно прибегать к использованию популистских лозунгов, в частности, настаивать на движении по траектории от умеренной глобализации к регионализации.

Таким образом, к 2025 г., не зависимо от осуществления любого из альтернативных сценариев, ситуация в Бразилии не станет стабильной в полном смысле этого слова, а состояние повышенной напряженности будет сменяться относительно спокойными, но не продолжительными периодами. В этой связи правящие круги (с вероятной внешней поддержкой) попытаются разработать модель нового политического режима, которая позволила бы объединить правоцентристские и левоцентристские концепты развития Бразилии.

Другими словами, за пределами краткосрочной перспективы левоцентристский проект приведет к попыткам существенного обновления партийного спектра страны и новому витку обострения — конкуренции за контроль над государственным аппаратом, который, в конце концов, обусловит появление «сложносоставного» центристского правительства, в котором ни одна из крупных политических сил не будет иметь решающего преимущества. На этом фоне будет возрастать потребность в военном строительстве в его стратегическом (региональном южноамериканском) измерении, а также как инструмента защиты государственных институтов от вызовов со стороны ультрарадикальной оппозиции и все более масштабной организованной преступности.

11.3. Развитие Бразилии в перспективе до 2050 года

За пределами среднесрочной перспективы (2025-2050 гг.) развитие Бразилии с высокой степенью вероятности пойдет по пути

слияния (конвергенции) сценариев А и Б. Важнейшим вызовом для страны будет выступать отсутствие эффективной модели развития, реализовать которую не в состоянии ни правоцентристские, ни левоцентристские политические силы. Их гипотетический альянс в рамках разработанной с внешним (западным, американским) участием правительственной модели не будет обладать достаточной прочностью. Поэтому речь будет идти только о поддержании функционирования бразильской экономики и политической системы на основе выработки минимально необходимого консенсуса элит. При этом страна будет демонстрировать критичность в отношении США как к конкуренту в сфере регионального влияния, акцентировать свое стремление стать постоянным членом СБ ООН, расширять сотрудничество по линии БРИКС, особенно с Китаем.

В целом, к 2050 году Бразилия сохранит и отчасти увеличит свой экономический потенциал, статус самостоятельного игрока на международной арене, проведет модернизацию армии и других силовых структур. Ее внешняя политика сохранит балансирование между трендами умеренной глобализации и регионализации, но с растущей значимостью региональных приоритетов. Другими словами, на этапе 2025-2050 гг. тенденции регионализации, в том числе ряда ее трансрегиональных аспектов (сотрудничество с эффективно развивающимися странами-партнерами по БРИКС), будут иметь для Бразилии большую важность, чем тенденции умеренной глобализации. Дезинтеграция сферы политического влияния США в западном полушарии продолжится, а потребность в совершенствовании военно-технических средств и военного строительства для защиты национального суверенитета в Бразилии возрастет.

11.4. Приложение 1. Политические партии Бразилии

11.4.1. Крупные парламентские партии Бразилии (2017): названия, идеология, членство, места в парламенте (выборы 2014)

1. **PMDB** (Partido do Movimento Democrático Brasileiro). Партия бразильского демократического движения. Идеология: Центр: популизм, левый либерализм. Лидер: Мишел Темер. Дата основания: 30 июня 1981 года. Штаб-квартира: Бразилиа. Количество членов: 2 362 846. Мест в Палате депутатов: 79 / 513. Мест в Сенате: 20 / 81. *Сайт: pmdb.org.br*
2. **PT** (Partido dos Trabalhadores). Партия трудящихся. Идеология: Левый центр / левые: демократический социализм, социал-демократия, христианский социализм, марксизм, ленинизм, троцкизм. Лидер: Руи Фалкан. Дата основания: 1980. Штаб-квартира: Сан-Паулу. Количество членов: 1,4 миллиона чел. (на февраль 2010 года). Мест в Палате депутатов: 88 / 513. Мест в Сенате: 14 / 81. *Сайт: www.pt.org.br*
3. **PP** (Partido Progressista). Прогрессистская партия Бразилии. Идеология: Правый центр: консерватизм, социальный консерватизм, популизм, либеральный консерватизм. Лидер: Франсиско Дорнеллес. Дата основания: 4 апреля 2003 года. Штаб-квартира: Бразилиа. Количество членов: 1 409 903. Мест в Палате депутатов: 41 / 513. Мест в Сенате: 4 / 81. *Сайт: pp.org.br*
4. **SDB** (Partido da Social Democracia Brasileira). Бразильская социал-демократическая партия. Идеология: Центр: третий путь, неолиберализм, социал-либерализм,

(исторически — социал-демократия). Лидер: Сержиу Герра. Дата основания: 25 июня 1988 года. Штаб-квартира: Бразилиа. Количество членов: 1 371 874. Мест в Палате депутатов: 53 / 513. Мест в Сенате: 11 / 81. *Сайт: psdb.org.br.*

5. **PDT** (Partido Democrático Trabalhista). Демократическая рабочая партия. Идеология: Левый центр: демократический социализм, социал-демократия, тред-юнионизм, левый популизм. Лидер: Карлос Лури. Дата основания: 1979. Штаб-квартира: Рио-де-Жанейро. Количество членов: 975 401 чел. Мест в Палате депутатов: 26 / 513. Мест в Сенате: 4 / 81. *Сайт: www.pdt.org.br.*
7. **PTB** (Partido Trabalhista Brasileiro). Бразильская рабочая партия. Идеология: Центр: тред-юнионизм, популизм, национализм, федерализм. Лидер: Роберто Джефферсон. Дата основания: 3 ноября 1981 года. Штаб-квартира: Бразилиа. Количество членов: 1 173 577. Мест в Палате депутатов: 21 / 513. Мест в Сенате: 6 / 81. *Сайт: www.ptb.org.br.*
8. **DEM** (Демократы). Идеология: Правый центр / правые: либеральный консерватизм, христианская демократия, неолиберализм. Дата основания: 24 января 1985. Штаб-квартира: Бразилиа. Идеология: консерватизм, христианская демократия. Количество членов: 1 073 760. Мест в Палате депутатов: 22 / 513. Мест в Сенате: 5 / 81. *Сайт: democratas.org.br.*

11.4.2. Меньшие парламентские партии Бразилии (2017): названия, идеология, членство

1. **PR** (Partido da República). Республиканская партия Бразилии. Идеология: Правый центр: популизм, либеральный консерватизм, республиканизм. 760150 чел.

-
2. **PSB** (Partido Socialista Brasileiro). Социалистическая партия Бразилии. Идеология: Левый центр / левые: демократический социализм, социал-демократия. 582126 чел.
  3. **PPS** (Partido Popular Socialista). Социалистическая народная партия Бразилии. Идеология: Левый центр / центр: социал-демократия, социал-либерализм, (исторически — коммунизм, марксизм-ленинизм). 459140 чел.
  4. **PSC** (Partido Social Cristão). Христианско-социалистическая партия Бразилии. Идеология: Правый центр / правые: либеральный консерватизм, христианская демократия. 369213 чел.
  5. **PCdoB** (Partido Comunista do Brasil). Коммунистическая партия Бразилии. Идеология: Левые: коммунизм, марксизм-ленинизм, маоизм, (исторически — ходжаизм). 355201 чел.
  6. **PV** (Partido Verde). Зелёная партия Бразилии. Идеология: Левый центр: зелёная политика, экосоциализм, социал-демократия. 336284 чел.
  7. **PRB** (Partido Republicano Brasileiro). Бразильская республиканская партия. Идеология: Центр: популизм, синкретизм, республиканизм. 307081 чел.
  8. **PMN** (Partido da Mobilização Nacional). Партия национальной мобилизации. Идеология: Левый центр / центр: левый национализм, аграризм, реформизм. 206643 чел.
  9. **PRP** (Partido Republicano Progressista). Прогрессивно-республиканская партия. Идеология: Правый центр: популизм, республиканизм, прогрессивизм, консервативный либерализм. 222835 чел.
  10. **PSL** (Partido Social Liberal). Социал-либеральная партия. Идеология: Центр / правый центр: социал-либерализм, либертарианство, популизм. 198534 чел.

11. **PTC** (Partido Trabalhista Cristão). Христианская рабочая партия Бразилии. Идеология: Правый центр: христианская демократия, популизм, консерватизм. 174757 чел.
12. **PTdoB** (Partido Trabalhista do Brasil). Рабочая партия Бразилии. Идеология: Центр / правый центр: популизм, национализм, тред-юнионизм. 167483 чел.
13. **PHS** (Partido Humanista da Solidariedade). Партия гуманистской солидарности. Идеология: Центр: дистрибутизм, христианский социализм, гуманизм. 157993 чел.
14. **PRTB** (Partido Renovador Trabalhista Brasileiro). Партия рабочего обновления. Идеология: Правые: корпоратизм, консерватизм, популизм. 117154 чел.
15. **PSOL** (Partido Socialismo e Liberdade). Партия социализма и свободы. Идеология: Крайне левые: либертарный социализм, троцкизм, марксизм, антикапитализм, партисипативная демократия. 104163 чел.
16. **REDE** (Rede Sustentabilidade) Сеть за устойчивое развитие. Идеология: Левый центр: зелёная политика, устойчивое развитие, социал-демократия.

11.4.3. Непарламентские партии Бразилии (2017): Идеология, количество членов

1. **PSDC** (Partido Social Democrata Cristão). Христианская социал-демократическая партия. Идеология: Правый центр: христианский социализм, христианская демократия. 166075 чел.
2. **PTN** (Partido Trabalhista Nacional). Национальная рабочая партия. Идеология: Центр: популизм, тред-юнионизм (исторически — социализм). 129274 чел.

-
3. **PSTU** (Partido Socialista dos Trabalhadores Unificado). Объединённая социалистическая рабочая партия. Идеология: Крайне левые: коммунизм, троцкизм, моренизм. 17075 чел.
  4. **PPL** (Partido Pátria Livre). Партия «Свободная Родина». Идеология: Левые: научный социализм, левый национализм. 16433 чел.
  5. **PCB** (Partido Comunista Brasileiro). Бразильская коммунистическая партия. Идеология: Крайне левые: коммунизм, марксизм-ленинизм. 15028 чел.
  6. **PEN** (Partido Ecológico Nacional). Национальная экологическая партия. Идеология: Правый центр: зелёный консерватизм, христианская демократия. 13372 чел.
  7. **PCO** (Partido da Causa Operária). Партия рабочего дела. Идеология: Крайне левые: коммунизм, троцкизм. 3112 чел.
  8. **PCML** (Partido Comunista Marxista-Leninista). Марксистско-ленинская коммунистическая партия Бразилии. Идеология: Крайне левые: коммунизм, ортодоксальный марксизм-ленинизм.

Глава XII.
Южно-Африканская
Республика

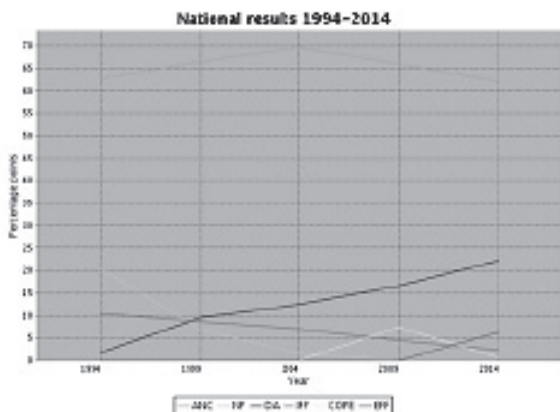
12.1. Общая характеристика современного положения ЮАР

ЮАР является важным игроком на мировой арене, особенно на африканском континенте. Соответственно развитие ЮАР будет оказывать существенное влияние всей Африки южнее Сахары. ЮАР имеет не плохие позиции с точки зрения экономического потенциала. Она находится по объему ВВП на 17-м месте в мире (0,5% мирового ВВП, что составляет примерно половину ВВП Индонезии или Турции). Но главное, ЮАР является политическим и экономическим лидером в африканском регионе. По развитию экономики ЮАР занимает ведущее положение в Африке. На ее долю приходится около 28% ВВП, 40% промышленной и 30% сельскохозяйственной продукции всего континента. Страна пользуется большим влиянием среди членов Африканского Союза, а участие в БРИКС позиционирует ее в качестве значимого игрока в более широком международном контексте. При этом главными преимуществами ЮАР в составе БРИКС являются ее региональный статус, цивилизационная репрезентативность, природные ресурсы и важное геополитическое положение.

Однако за достаточно благоприятными характеристиками общего плана скрываются существенные вызовы и риски, которые приходится преодолевать режиму под руководством

Африканского Национального Конгресса (АНК), установившемуся после ликвидации господства белого меньшинства (апартеида) в 1994 году. Формально АНК выступает лидером электоральной коалиции в составе Конгресса профсоюзов Южной Африки (КОСАТУ) и южноафриканской компартии (ЮАКП), но его роль лидера не только в среде своих союзников, но и в контексте широкого партийного спектра страны остается доминирующей.

АНК пользуется поддержкой значительного большинства населения и оппозиция пока не может составить ему существенной конкуренции. Это подтвердилось на всеобщих парламентских выборах в мае 2014 года, несмотря на то, что они, оказались наиболее трудными для АНК за все предыдущие годы ее нахождения у власти, поскольку состоялись в условиях заметного усиления электоральной поддержки оппозиции и обострения разногласий внутри каждого из членов правительственной коалиции.

Рис. 12.1. График голосов, отданных за первую пятерку партий со времен падения режима апартеида¹²²

¹²² http://encyclopaedia.bid/%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%8F/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:National_results_South-Africa_1994-2014.png

Главой ЮАР с 21 мая 2014 года являлся председатель АНК Джейкоб Зума, избранный президентом страны на второй пятилетний срок на заседании Национальной ассамблеи (парламента ЮАР), без проведения голосования, поскольку других кандидатов ни АНК, ни другие партии не выдвигали. Следующие парламентские выборы должны пройти в 2018 году. Летом 2017 года состоится национальная конференция АНК (съезд), который сформулирует предвыборную программу партии и назовет кандидатуру ее нового председателя, который, в случае ожидаемой электоральной победы займет пост президента страны. Но, по конституции, избрание самого Дж.Зумы на третий президентский срок не возможно.

На рубеже XXI в. ключевым элементом внешней и внутренней политики ЮАР стала концепция «Африканского ренессанса». Она была выдвинута Т.Мбеки (вторым после Н.Манделы (1994-1999) президентом ЮАР) в мае 1996 г., т.е. спустя два года после ликвидации режима белого меньшинства, на заседании парламента, посвященного принятию конституции. Она была предложена в качестве общенациональной идеи, определявшей роль и место ЮАР в Африке. Новая конституция и концепция «Африканского ренессанса» были приняты на фоне благоприятного тренда южноафриканского развития и в значительной степени ассоциировались с его достижениями.

В начале 2000-х наблюдался рост экономики ЮАР, который был обусловлен высокими ценами на минеральное сырье, активным притоком капиталовложений и повышением потребительского спроса, что привело к укреплению курса национальной валюты. Кроме того, в 2004 г. доходы правительства от приватизации составили 2 млрд. долл., т.е. у режима под руководством АНК был создан достаточно значительный запас прочности, превосходящий по своему потенциалу ресурсы предшествовавшего ему режима белого меньшинства. В 2005 г. ВВП ЮАР достиг 527,4 млрд. долл., а его рост — 5%. В том же году инвестиции составили 17,9% от ВВП, а инфляция — 4,6%.

Однако укрепление национальной валюты (2003–2005 гг.) привело к снижению экспорта (в 2005 г. дефицит внешнеторгового баланса достиг самого высокого за предыдущие двадцать лет показателя — 4,7% ВВП) и сокращению рабочих мест, снижению доходов в

горнодобывающей промышленности. Безработица с 2005 года постепенно растет и составляет около 28% (по некоторым оценкам до 30%) трудоспособного населения. Весьма спорной оказалась программа «экономического укрепления черных» (black economic empowerment — ВЕЕ), смысл которой заключался в поддержке бизнеса, представителей чернокожего населения. Ее выполнение не сопровождалось возникновением значительного числа новых собственников, но было отмечено подъемом коррупции, в которой обвинялись ряд лидеров АНК, в том числе, члены семьи действующего президента.

Характер распределения бюджетных накоплений не решил ни проблему экономической модернизации (т.е. качественного скачка по развитию производственной базы страны), ни социальных рисков. Разрыв в доходах различных слоев населения продолжает расти, что особенно негативно с учетом его оттока из сельской местности и концентрации в нескольких крупных городских агломерациях. В настоящее время в стране проживает примерно 3,5 тысячи долларовых миллионеров (половина от общего числа на африканском континенте), доля среднего класса составляет около 5%, население, доход которого ниже \$2 в день (т.е. относящееся по международной классификации к беднейшим жителям земли) составляет выше 45% (до 50% с учетом динамики экономических показателей текущего десятилетия). Все это активно проецируется на политическую сферу и подрывает роль АНК как крупнейшей партии, уже более двадцати лет определяющей персональную кандидатуру на должность президента (назначающей на этот пост своего лидера, избираемого на партийном съезде) и формирующей правительство страны.

12.2. Сценарии развития ЮАР до 2025 года

В связи с вышеизложенным современное состояние ЮАР является не только неустойчивым, но и переходным, а возможности

его изменения на этапе до 2025 года определяются в контексте двух основных сценариев.

12.2.1. Сценарий А. Существование в состоянии «отложенных катастроф»

Высокая вероятность сценария А определяется соотношением политических сил между правящей партией страны в лице АНК и оппозицией, которая стремится к перераспределению власти. Фактическая реализация этого сценария началась уже с 2010-2012 годов, когда, несмотря на заметные достижения правительства в том, что касается улучшения жизни африканского большинства населения (отмена расовой дискриминации, поддержание межрасового и межнационального согласия (несмотря на отдельные эксцессы), инфраструктурные проекты в сельской местности, образование, здравоохранение, расширение социальных гарантий, карьерный рост представителей африканского большинства в структурах управления) в стране со всей очевидностью стали накапливаться экономические и социально-политические противоречия.

В этой связи был принят правительственный план - «Национальный план развития (НДР) - «Наше будущее. Сделай так, чтобы оно заработало. 2030» (Our Future — make it work. 2030).¹²³ НДР - это обширный план. Он провозглашает своей основной целью «уничтожение бедности и уменьшение неравенства». В НДР анализируется состояние экономики ЮАР, влияющие на нее факторы, в т.ч. внешние, и определяются пути для достижения поставленных задач. В частности, предусматривается увеличение числа занятых с 13 млн. чел. в 2010 г. до 24 млн. в 2030 и рост доходов на душу населения — с 50 тыс. рэндов до 120 тыс. рэндов. (1 ZAR=0,07 USD).

---

¹²³ <http://www.gov.za/sites/www.gov.za/files/Executive%20Summary-NDP%202030%20-%20Our%20future%20-%20make%20it%20work.pdf>

Тем самым предполагалось обеспечить устойчивый экономический рост и развитие человеческого капитала южноафриканского общества, закрепить и приумножить результаты первого этапа развития страны после свержения режима апартеида (колониального режима апартеида — по официальной терминологии). Декларируемые цели должны были обеспечить среднедушевые доходы населения на уровне более 800 долл. США в месяц, что, приблизительно, соответствует уровню среднеразвитых индустриальных стран мира. При этом в отличие от ряда других профильных документов высокого уровня, в НДР предложено решить две основные задачи: избавиться от нищеты и резко снизить уровень неравенства¹²⁴.

Однако, реальное развитие хозяйственной системы ЮАР и выполнение показателей, ориентированных на существенное ускорение экономического роста, повышение благосостояния массовых слоев населения и т.д., по существу, не состоялось. Так, в 2015 г. рост экономики составил лишь 1,5 %, т.е. ВВП на душу населения сократился на 0,4%, хотя в соответствии с программой НДР предусматривалось увеличение на 5,4%. Этот разрыв еще больше усилился по итогам 2016 года. В 2016 году Международное рейтинговое агентство Standard&Poors (S&P) понизило вдвое оценку роста ВВП ЮАР, отметив, что слабый экономический подъем является основным фактором, оказывающим давление на кредитный

---

¹²⁴ Характерно, что спектр приоритетов, предлагаемых АНК в качестве общенациональных ориентиров объективно сужался (2009 программа развития основывалась на пяти приоритетах: образование, здравоохранение, сельское развитие и аграрная реформа, борьба с преступностью, создание полноценных рабочих мест. В ноябре 2010 года появился документ под названием «Новый путь роста» (New Growth Path), в котором была поставлена цель создать 5 млн. рабочих мест за 10 лет. Основные надежды возлагались на массивные инвестиции в широко понимаемую инфраструктуру: объекты энергетики, транспорта, коммуникации, водоснабжения и жилищного строительства. Назывались и пять других приоритетных областей, где планировалось добиться особых успехов усилиями государственно-частного партнерства — зеленая экономика (использование энергии солнца, ветра, а также биотоплива), сельское хозяйство, добывающая промышленность, реиндустриализация и создание инновационной экономики, туризм и другие виды услуг.

рейтинг страны¹²⁵. Итоговый результат роста экономики ЮАР на 2016 год был ухудшен S&P до 0,8% с ожидавшихся в ноябре 2015 года 1,6%, а прогноз на 2017 год — до 1,8% с 2,1%.

Понижение прогнозов связано с падением мировых цен на сырье, а также ослаблением южноафриканского рэнда и недоверием инвесторов к экономике ЮАР. По мнению экспертов, озвученному в начале марта 2017 года на конференции в Йоханнесбурге, «меры для поддержки экономического роста продвигаются медленно...», и только «более активное принятие таких мер «поможет поверить в среднесрочный потенциал экономики ЮАР». Хотя в начале 2017 года ЮАР остается крупнейшей страны Африки по ВВП, но к 2018 году Нигерия считается в этом отношении более вероятным лидером, с ожидаемым ВВП около \$410 млрд. против \$354 млрд. у ЮАР¹²⁶.

Другими словами, стратегический курс АНК во внутренней политике находится под угрозой серьезного провала, и с точки зрения макроэкономических показателей, и в своей социальной проекции. В целом пока экономический рост оказался ниже, чем оценки темпов прироста населения, причем, несмотря на то, что ЮАР является практически единственной развивающейся страной, где наблюдается депопуляция (эмиграция белого населения, низкая средняя продолжительность жизни — 48 лет женщины и 50 лет мужчины, драматическое распространение СПИД — около 11% взрослого населения). В переводе на язык политической практики это означает реальное снижение уровня жизни основной части населения (хотя для черного большинства и белого меньшинства эта тенденция проявляется по-разному), невозможность аккумуляции значительных государственных ресурсов для осуществления долгосрочных инвестиций, рост недовольства граждан своим материальным положением.

Не были достигнуты показатели и по снижению уровня безработицы — созданию новых рабочих мест. Тенденция размывания

---

¹²⁵ <http://www.rosbalt.ru/business/2016/04/06/1504318.html>

¹²⁶ <http://www.rosbalt.ru/business/2017/03/10/1597615.html>

главной социальной базы режима АНК в лице африканского большинства не остановлены, что особенно ощутимо не только на юго-западе страны, но и в северо-восточных регионах, находящихся в сфере влияния ряда оппозиционных политических партий, к тому же, опирающихся на традиционную этническую базу, с конкурирующей идентичностью, по отношению к народу коса, выходцами из которого являются многие представители руководящей номенклатуры АНК.

Показателем усложнения внутривнутриполитического положения в стране является отсутствие реального консенсуса (несмотря на процедуру согласования) между силами, поддерживающими правительство АНК. Наиболее критически по отношению к плану высказываются крупнейшее профсоюзное объединение КОСАТУ и отдельные входящие в него отраслевые профсоюзы, которые оценивают перспективные предложения НДР как косметические реформы экономической структуры, нацеленные, в лучшем случае, на сокращение объектов собственности, которой владеют белые жители, а не на преобразование структуры экономики с тем, чтобы повысить благосостояние основной части африканского большинства.

Различия в видении будущего страны и путей продвижения к нему открыто проявились на состоявшейся в 2012 г. политической конференции (съезде) АНК, на которой были выдвинуты предложения о национализации шахт. Хотя они не были приняты, поскольку было решено, что такие шаги без компенсации оттолкнули бы инвесторов, а потратить огромные средства на компенсацию было бы нереально, поддержку получило предложение о «мягком вмешательстве государства», которое предусматривает, что единая государственная горнорудная компания должна контролировать государственные доли в предприятиях горнорудной отрасли. Ожидалось (т.е. указывалось в дополнении к НДР), что доля государства составит до 30%. Но и это «примиренческое», с точки зрения выразителей настроений основной части африканского населения решение, не было проведено в жизнь. К настоящему времени не удалось усилить позиции созданной еще в 2011

году государственной Африканской корпорации по разведке, добыче и финансам. К настоящему времени государству принадлежит лишь две шахты — по добыче угля и алмазов.

В связи с вышеизложенным в дальнейшем развитии ЮАР вырисовываются следующие проблемные точки:

Во-первых, несостоявшийся «левый поворот», на который делал ставку АНК в период второго в президентства Дж. Зумы. Существует широкая озабоченность невысоким темпом социально-экономических преобразований, что нашло выражение в принятии АНК положения (2012) о «второй фазе перехода от «апартеидного колониализма к национально-демократическому обществу», а также в опубликованных документах Исполкома АНК по подготовке к Национальной политической конференции (июнь 2017) и Пятой Национальной конференции АНК (декабрь 2017), которые должны зафиксировать предвыборную 2018 платформу правящей партии¹²⁷.

Согласно этим документам вторая фаза перехода к национально-демократическому обществу, будет характеризоваться «решительными действиями по экономической трансформации и демократической консолидации, критически важных как для улучшения качества жизни всех южноафриканцев, так и для осуществления строительства нации и социального сплочения». Лично президент Дж. Зума указывает, что должен произойти радикальный сдвиг в сторону большего участия государства в экономике, особенно в горнорудной области, но официально эти установки еще не подтверждены на партийном уровне.

Во-вторых, растущий диссонанс широкого политического дискурса, имеющего «взаимообратное» влияние с массовыми настроениями, формирующийся при ведущей роли

---

¹²⁷ The National Executive Committee of the African National Congress adopted the road-map to the National Policy Conference, which will be held in June 2017. The National Policy Conference reviews ANC policy and makes recommendations on amendments or new policies to the National Conference. (Date: 30 June -5 July 2017) и The ANC's 54th National Conference will be held in Gauteng (16th - 20th December 2017)// <http://www.anc.org.za/content/5th-national-policy-conference-2017>

оппозиционных СМИ «либерального толка». Если в публичной риторике АНК преобладают ссылки на два юбилейных события 100-летие основания партии (отмечавшееся в течение 2012) и 20-летие установления демократического устройства ЮАР (2014), то в политическом лексиконе противников правительства, обычно преобладали два другие события - Нканда (дело о коррупции, причастным к которой считался президент Дж. Зума) и Марикана (расстрел полицией участников массовой забастовки горняков в провинции Квазулу-Наталь на шахтах компании «Лонмин»).

В-третьих, на фоне не преодоленных, а лишь отчасти «заможенных» межрасовых противоречий по линии белое меньшинство и большая часть т.н. цветных (мулаты) — черное африканское большинство, с 2015 года происходит обострение межэтнических отношений в среде африканского большинства. В 2015 г. в ряде городов страны, в первую очередь - крупнейшей агломерации с центром в Йоханнесбурге (около 8 млн. человек, включая известный район Соуэто), прокатилась волна ксенофобии и вооруженного насилия. Ее жертвами стали несколько десятков человек (иностранцев и южноафриканцев), а тысячи мигрантов бежали из ЮАР или были депортированы.

Жесткие правительственные шаги (введение армейских подразделений в районы массовых беспорядков, депортация нелегальных мигрантов) позволили восстановить общественный порядок, однако их повторения, причем возможно и на несколько модифицированных основаниях, направленных уже напрямую против той или иной группы коренного южноафриканского населения, нельзя исключить в будущем. Генератором межэтнических противоречий выступают традиционная (племенная) и новая (политическая в лице Партии Свободы Инката) элиты народа зулу, крупнейшей этнической группы ЮАР.

То обстоятельство, что президент Дж. Зума, в течение многих лет находившийся на ответственных постах в руководстве АНК и ЮАКП, является по своему этническому происхождению зулом, стремится демонстрировать приверженность традиционным, но как бы «надплеменным» африканским ценностям, призывает к

искоренению межэтнических и межрасовых предрассудков, в пропагандистском и организационном плане теряет свою значимость. АНК ассоциируется в массовом сознании с именем первого президента ЮАР Н. Манделы, который был выходцем из этнической группы коса. Южноафриканская модель «мультикультурализма» ухудшает свои показатели, в том числе, и в ходе внутрипартийной борьбы правящей партии.

В-четвертых, борьба за пост президента страны¹²⁸. Новый президент ЮАР будет избран парламентом после очередных выборов, которые состоятся в 2019 г. Но поскольку ожидается, что и через два года АНК будет обладать парламентским большинством, реально имя будущего главы государства должно определиться — на очередном съезде АНК при избрании президента этой партии. Нынешний президент Дж. Зума регулярно подвергается не только критике, но и прямым нападкам в печати ЮАР. Однако есть и другие настроения. На конференции Молодежной лиги АНК прозвучало предложение о выдвижении Зумы на пост президента Конгресса на третий срок. В отличие от конституции ЮАР, устав АНК не предусматривает ограничений по срокам пребывания на посту ее высшего руководителя, но именно попытки продления легислатуры — Табо Мбеки (предшественника Дж. Зумо) вызвали процесс, закончившийся его отставкой и с поста президента страны.

Тема преемника действующего лидера АНК не закрыта. К настоящему времени наиболее вероятным кандидатом на пост президента по партийной, и по государственной линии считается заместитель Зумы (с 2012 г.) — Сирил Рамапоса (1952 г. рождения, выходец из Соуэто, этническое происхождение смешанное: коса-венда). В девяностые годы он рассматривался как один из

---

¹²⁸ ЮАР - президентская республика, но в стране отсутствует должность премьер-министра, роль главы правительства исполняет президент, что придает ему особое положение в распределении полномочий основных государственных органов. Однако президент избирается не всеобщим голосованием, а парламентом, т.е. решающее слово в определении главы государства остается за ведущей политической партией, получившей большинство мест в парламенте. Сегодня такой партией является АНК.

возможных преемников Н. Манделы и сохранил теплые отношения с его семьей. О политических взглядах С. Рамафосы существуют противоречивые мнения. В бытность генсеком Национального профсоюза шахтеров он открыто выступал за социализм, позднее, уйдя уже с государственных постов, превратился в весьма успешного бизнесмена. Фактором, ослабляющем позиции С. Рамафосы, является членство в правлении крупной горнорудной компании «Лонмин», на шахтах которой произошли волнения и расстрел рабочих (события Марикана).

Кроме того в ЮАР сильны и настроения в пользу избрания на пост лидера АНК (соответственно затем и президента страны) женщины. Наиболее часто упоминают имя Нкосазаны Дламини-Зумы, которая ранее занимала несколько министерских постов, а до 1998 года была супругой Дж. Зумы.

В-пятых, сокращение электоральной поддержки АНК и перегруппировка оппозиционных партий. В августе 2016 года в ЮАР состоялись местные выборы, которые продемонстрировали ослабление позиций правящей партии. В целом по стране АНК получил 54% голосов, победив в восьми из девяти провинций. Единственная провинция, в которой АНК уступил оппозиционному Демократическому альянсу (ДА), - Западный Кейп. Однако здесь большинство составляет белое и «цветное» население, которое никогда не было оплотом АНК. В то же время в ряде мест АНК потерпел ощутимые поражения. Так, АНК проиграл выборы мэра одного из крупнейших городов - Залив Нельсона Манделы, ранее неизменно поддерживающего АНК. Другой потерей стал район Тсване со столицей (Претория). С преимуществом всего в доли процента АНК удалось отстоять крупнейший экономический центр ЮАР - Йоханнесбург. Во всех случаях поражение АНК нанес Демократический альянс (ДА)¹²⁹.

---

¹²⁹ Формально партия ДА была создана в 2000 году, но фактически она является правопреемницей Демократической партии времён апартеида. Члены партии - в основном белые, а в своей политике ДА выступает опорой транснационального капитала.

Причинами такого кризиса была неудовлетворенность значительной части населения, прежде всего африканцев, низкими темпами социально-экономических преобразований, дискредитация ряда деятелей АНК, а также успешная коалиционная политика ДА, которая, не вступая в официальные избирательные альянсы (такие альянсы в принципе маловероятны) умело координирует пропагандистские и организационные атаки всех политических конкурентов АНК, т.е. выступает организатором единого фронта противостоящих нынешнему режиму сил.

Таким образом, хотя АНК удастся подтвердить в 2019 положение правящей партии, на этапе 2019-2025 гг. ей предстоит столкнуться со значительными трудностями. Вероятная смена лидера — Дж. Зума на С. Рамафосу будет проходить достаточно болезненно, поскольку действующий президент будет всеми силами добиваться получения персональных гарантий от преследований, а его преемник — пытаться сохранить поле для маневра и предстать перед обществом как твердый борец со всеми ошибками предшественника.

Дж. Зума обладает достаточным кадровым ресурсом в силовых структурах страны, высшем руководстве партии и ассоциированных с АНК общественных организациях, например, такой влиятельной, как Союз женщин ЮАР, чтобы чрезвычайно затруднить утверждение С. Рамафосу в качестве своего преемника. В большей степени его устроит избрание на пост партийного лидера Нкосазаны Дламини-Зумы (своей бывшей супруги), однако такой исход маловероятен и скорее будет использован Дж. Зумой в качестве аргумента для достижения компромисса с С. Рамафосу.

Но даже при «раскрутке» линии на очищение рядов партии, концентрации усилий на выполнении намеченных программ, рычагов влияния на внутривнутриполитическую ситуацию у АНК становится все меньше. С одной стороны, усиливается разочарования массовых африканских слоев населения, а, с другой, оппозиция уже не просто блокирует невыгодные ей решения правительства, но и выстраивает конкретную линию по противодействию

центральным властям. Она умело играет на регионализме, межплеменных противоречиях и амбициях лидеров, выступающих с популистскими лозунгами. Хотя отколовшаяся от АНК фракция, создавшая левацкую партию Борцов экономической свободы (EFF, лидер Дж. Малема) заявила, что не будет входить в руководство крупнейших городов страны — Претории, Йоханнесбурга и Порт-Элизабет, она подтвердила союз с правой буржуазной партией Демократический альянс (DA), являющейся наиболее крупной оппозиционной группировкой, что значительно усиливает противников нынешнего режима.

В этой связи в преддверии и после парламентских выборов 2019 года акты локальных волнений и отдельных вооруженных столкновений будут происходить все чаще как в северных, так и центральных районах страны, включая территории вокруг Йоханнесбурга и Претории. При этом, как показал недавний опыт, у правительства АНК нет достаточных политических резервов для отстаивания своей линии. В 2015 году во время подавления волны ксенофобии ему пришлось применить тактику умиротворения протестантов, проведя операцию по депортации тысяч иностранных мигрантов. В этом же году правительство пошло на откровенные уступки, когда в ответ на студенческие волнения (Кейптаун, Йоханнесбург, Претория), вызванные решением руководства ряда университетов о более чем 12% повышением платы за обучение, это повышение было официально отменено президентом.

Ситуация в ЮАР сложилась таким образом, что оппозиция государственному курсу исходит не только извне, но зачастую и изнутри правительства. Например, попытка реформировать Резервный банк и Государственное казначейство ЮАР, закончилась поражением президента Дж. Зумы. В начале весны 2016 он сместил с поста министра финансов Н. Нене, сторонника монетаристского курса, но реакция всей банковской системы привела к десятипроцентной девальвации национальной валюты и вновь назначенный министр ушел в отставку всего через два дня.

Однако в разрабатываемой предвыборной платформе АНК четкого плана выводы страны на новый этап модернизационного

развития не просматривается. В опубликованных текстах представлены обтекаемые формулировки, которые могут интерпретироваться и как создание дополнительных преимуществ крупному бизнесу, иностранным ТНК и, в целом, как основа либерализации экономики в соответствии с рекомендациями международных финансовых институтов, но одновременно и как попытка избежать в ближайшем будущем сколько-нибудь заметных реформ в духе левоцентристского курса.

Тупиковым, по крайней мере, с точки зрения поиска рациональных путей выхода из экономического кризиса, является и возможное обращение правящей партии к опыту решения земельного вопроса в Зимбабве. Так в марте 2017 г. президент Дж. Зума попросил парламент изменить Конституцию Южной Африки, разрешив экспроприацию земли у белых владельцев без выплаты компенсации¹³⁰. Попытки руководства АНК перехватить лозунги левых радикалов¹³¹, будут периодически продолжаться, хотя раздробление фермерских хозяйств (даже тех, которые оказались в состоянии самозахвата, т.е. на площади примерно пятой части всех угодий) само по себе не создаст жизнеспособного сельского производства, ни современного ни традиционного типа.

На фоне неустойчивости соотношения сил АНК и его противников на этапе 2017-2025 гг. ожидается усиление негативного влияния на ситуацию внешних сил, в частности попыток адресного создания политических фигур из числа руководства АНК и массовых общественных организаций, выступающих как агенты прозападного влияния, а также дискредитации партнерских отношений по линии БРИКС, особенно в том, что касается сотрудничества с Россией. Чрезвычайно показательным в этом плане является

---

¹³⁰ <https://russian.rt.com/world/article/365494-zuma-yuar-ehkspropriaciya-zemlya>

¹³¹ По независимой оценке Южно-Африканского института расовых отношений, при том, что около 78% земель находится в частной собственности, точных данных о расовой принадлежности землевладельцев нет. При этом большая часть остальных 22% земель, принадлежащих государству, используется темнокожими фермерами в порядке самозахвата. <https://russian.rt.com/world/article/365494-zuma-yuar-ehkspropriaciya-zemlya>

процесс российско-южноафриканских переговоров в сфере строительства АЭС, которые способны (причем на самых оптимальных технологических и финансовых условиях) радикально решить проблему энергетического кризиса страны, который существует в ЮАР без малого десять лет. Развернувшаяся пропагандистская кампания в СМИ не привела к победе западных конкурентов российскому проекту АЭС, но заключение контракта было отложено. Тем самым важнейшие предпосылки реиндустриализации ЮАР, т.е. существенного расширения производственного сектора, к которому стремится правительство, оказалось заблокировано.

Таким образом, АНК, сохраняя власть на этапе 2017-2025 гг., будет испытывать острую нехватку возможностей для ее рационального использования в интересах развития страны. Осваивая накопленные ранее ресурсы, южноафриканский режим будет существовать в состоянии «отложенных катастроф», когда проведение структурных реформ и особенно, модернизации энергетического комплекса (строительство новых АЭС с российским участием), а также умеренного варианта земельной реформы, блокируется действиями оппозиционных правительству АНК партий как либерального, так и левацкого толка. В случае появления к 2019 году новых линий внутреннего раскола и сокращения электоральной поддержки АНК, функционирование социально-политической системы ЮАР во все большей степени будет обеспечиваться за счет обращения к международным финансовым институтам, т.е. зависимость от курса жесткой глобализации будет де-факто возрастать. Тем не менее, сотрудничество с Россией и БРИКС, которое имеет стратегическую значимость, будет продолжено.

Однако, если в ближайшие два года правящей партии удастся сдерживать персональную конкуренцию в рядах высшего руководства и не допустить разрастания «конфликта интересов» (во всех форматах его проявления) на региональном уровне, ее положение как общенациональной политической силы может заметно укрепиться. Получение квалифицированного парламентского большинства на выборах 2019 года позволит АНК мобилизовать дополнительные внешние ресурсы для обеспечения стабильности

руководимого им режима и южноафриканского общества в целом. Особую актуальность в этом случае приобретет взаимодействие ЮАР со странами БРИКС, хотя дисбаланс между их экономической и политической составляющей сохранится.

На российском направлении вероятно поэтапное расширение взаимодействия: до полутора двух миллиардов долларов во внешнеторговом обороте, поддержка деятельности российских компаний («Ренова», «Северсталь», «Русатом-Оверсиз», ОАО «Газпромбанк Африка», ОАО «ВПК НПО машиностроения»). Вероятными, в случае консолидации электоральной поддержки АНК, является заключение генерального контракта на строительство «русской» АЭС, полномасштабный запуск центра технического обслуживания и ремонта вертолетной техники (ОАО «Вертолеты России» и ОАО ОПК «Оборонпром») в Йоханнесбурге. Возможно появление на южноафриканском рынке и других российских структур: «Технопромэкспорт», «Силовые машины», «Зарубежэнергопроект». В любом случае, более энергично будут продвигаться инвестиционные проекты в энергетической сфере (строительство небольших электростанций), а также по предоставлению образовательных услуг профессионально-технической подготовки южноафриканского населения, оформятся намеченные планы сотрудничества с корпорациями «Сухой» и «Иркут», ПАО «КАМАЗ», АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей», ОАО «Вертолеты России», ООП «Ростелемаш». Сохранятся благоприятные возможности для работы российского бизнеса под флагом третьих стран в сфере инвестиций, девелоперской деятельности, недвижимости и туризма.

Другими словами, избегая крупных потрясений, ЮАР (общество и государство) попытается в 2019–2025 гг. встать на путь устойчивого развития и добиться укрепления массовой базы режима африканского большинства в формате, близком социал-демократической модели политического строя в ее «левом», хотя и не вполне сложившемся варианте, с рецидивами популизма, появления амбициозных лидеров-харизматиков, клановости. Выход на траекторию развития правительство АНК попытается

найти, во-первых, за счет преодоления внутрипартийной борьбы и компромисса между сторонниками Дж. Зумы и С. Рамафосы, во-вторых, посредством расширения участия в правительственных структурах представителей «технократов» (внепартийных специалистов), в-третьих, что ожидаемо в контексте внутривнутриполитической нестабильности и внешнеполитических амбиций, - развития военного строительства и модернизации полицейского корпуса. Однако без самых решительных инициатив по «милитаризации», т.е. увеличения численности личного состава вооруженных сил и боевого оснащения армии, ВМС и ВВС, это направление способно стать только временным паллиативом.

12.2.2. Сценарий Б.

Деградация режима АНК и раздел политической власти с оппозиционными партиями

Согласно сценарию Б, ослабление южноафриканского режима будет происходить в ближайшие два-три года ускоренными темпами. В преддверии выборов 2019 года правительству АНК не удастся решить крупные проблемные вопросы ни в экономической ни в политической жизни. Для того чтобы избежать кризиса, президент Дж. Зума соглашается на третий срок пребывания в должности президента АНК (с выдвижением на пост президента страны) или принимает предложение занять пост почетного председателя партии, сохранив большинство рычагов неформального управления ее делами. Однако на фоне активизации информационных атак и провокаций со стороны оппозиции, расширения координации ее совместных демаршей, АНК продолжает терять авторитет среди беднейших слоев населения (50% жителей страны), а также представителей среднего звена африканских элит, не довольных отставанием уровня своего благосостояния от среднестатистических доходов белого меньшинства, усилением

коммерческой конкуренции со стороны представителей азиатских общин в сфере мелкого и среднего бизнеса. Идеиные установки мультикультурализма и межрасового мира, традиционно провозглашаемые АНК, на практике подвергаются все большей эрозии. Межэтнические столкновения и нападения на белых граждан учащаются, особенно на востоке и северо-востоке страны.

Модернизационные планы, разработанные структурами АНК, хотя и принимаются правительством для проведения в жизнь, осуществляются медленно и сталкиваются с серьезными препятствиями. Путем принятия либерального варианта национализации белых фермерских хозяйств (компенсации путем предоставления государственных обязательств с отложенными платежами, выкуп пустующих участков по твердым расценкам) земельный голод удается смягчить лишь на три-четыре ближайших года. А возможности создания интенсивного земледелия и животноводства как основы современного сельскохозяйственного производства оказываются сведенными к нулю.

Одновременно из-за отставания энергетического сектора планы реиндустриализации стагнируют: предприятия не строятся, не расширяются и не модернизируются. Несмотря на востребованность южноафриканских полезных ископаемых на международных рынках, мировая конъюнктура не позволяет нарастить их добычу в желаемых для роста ВВП объемах (около 5% в год, согласно расчетам экспертов). Возрастает роль экономических отраслей, связанных с информационными технологиями, но они не способны компенсировать бюджетные потери от застоя в горнодобывающем сегменте южноафриканской экономики, остающимся ее главной несущей конструкцией. Поэтому экспортный потенциал страны постепенно сокращается, растет дефицит внешнеторгового баланса, притока новых иностранных инвестиций не происходит.

На фоне отсутствия импульсов экономического развития электоральные ресурсы АНК сокращаются за счет укрепления влияния радикальных националистов. Особенно негативную роль играет фактор внутреннего раскола в высшем партийном

руководстве правящей партии, погружение части его руководящего ядра в состояние клановой конкуренции, которая постепенно распространится на деятельность региональных и первичных отделений партии. Действия левых радикалов (Дж. Малема и др.) активизируется, а апелляция к их возможностям становится фактором пропагандистского и политического давления на ход внутривнутрипартийной борьбы в рядах самого АНК. В то же время, оппозиции удастся выработать необходимый консенсус, чтобы сформировать антиправительственную коалицию, последовательно добивающуюся отстранения АНК от власти, или, как минимум, прямого ее раздела путем создания многопартийного кабинета министров.

Смена режима приводит к федерализации страны и возрождению несколько видоизмененной системы бантустанов, росту влияния традиционных элит в зонах компактного проживания африканских этносов. В сфере внешней политики правительство ЮАР тщательно сверяет свои шаги с рекомендациями международных финансовых институтов и стремится не выходить за рамки проводимого западными партнерами курса в духе как умеренной, так отчасти и жесткой глобализации, поскольку страна крайне заинтересована в иностранных инвестициях и охотно идет на сотрудничество с любыми инвесторами.

Ставка на регионализм будет производиться с большей осторожностью, тем более что внутренние источники материальной поддержки экспансии южноафриканского бизнеса на соседние страны останутся ограниченными. Потенциальный прорыв может наступить только в сфере экспорта информационных технологий, но его достижения, скорее всего, из-за узости большинства ближайших к ЮАР африканских рынков, останутся лишь фактором развития самой производственной отрасли, но не подъема национальной экономики в целом. Учитывая, что технологии, которыми располагает ЮАР, носят преимущественно вторичный характер, и не представляют большого коммерческого интереса для организации крупных экспортных поставок на рынки партнеров по БРИКС, торгово-экономические связи между партнерами будут

по-прежнему определяться преимущественно сырьевыми и полусырьевыми продуктами.

Политическое сотрудничество с Россией по линии БРИКС не прекращается, но остается на декларативном уровне. Российско-южноафриканские проекты пробуксовывают из-за организационных проволочек, внесения дополнительных условий и увеличения коррупционной составляющей со стороны ответственных за их реализацию на южноафриканских площадках лиц. Более успешное, чем с другими партнерами по БРИКС взаимодействие ЮАР с Китаем, продвигается преимущественно на «площадках» сопредельных африканских стран (Мозамбик, Зимбабве, Замбия, отчасти Намибия). В то же время, на внутреннем южноафриканском рынке китайский бизнес будет блокироваться усилиями британского и индийского лобби. Представителям КНР, лишь с большим трудом будет удаваться нейтрализовать это влияние, причем преимущественно за счет связей в среде региональной номенклатуры АНК, т.е. чрезвычайно медленно. Расширение сотрудничества с Бразилией, находящейся в нестабильном экономическом и политическом положении не происходит, а сотрудничество с Индией обеспечивается продвижением индийского капитала на строительном, финансовом и потребительском рынке ЮАР, т.е. лишь отчасти в реальной экономике.

Однако такое развитие событий не ведет к решению ключевых проблем ЮАР. Происходит расширение пространства традиционализма (в политике и экономике), большое число бедных и беднейших жителей ведет к накоплению «горючего человеческого материала», отсталое сельское производство, стагнация горнодобывающей промышленности, не уменьшающиеся масштабы эпидемии СПИД (более 10% населения), отток квалифицированных кадров усиливают нестабильность обстановки в стране. Социально-политическая напряженность проявляется во все более частых протестных акциях с применением вооруженного насилия. Терроризм, опирающийся на идеологию «черного расизма» (местного и североамериканского происхождения), распространяется в городских агломерациях и налаживает взаимодействие с

криминальными бандами. Районы городских пригородов с высокой концентрацией африканского населения превращаются в не контролируемые официальными властями анклавов.

Правящие круги, группирующиеся вокруг АНК, стремятся расширить поддержку правительственной политики со стороны армии, но их попытки ведут к противоположному результату - расколу вооруженных сил по этническому признаку. Управляемость ЮАР (государства и общества) существенно снижается, страна ограничивает активность на международной арене, и перестает позиционировать себя как регионального лидера в Африке, свертывает трансрегиональные связи по линии БРИКС, и особенно с Россией, уходя от реализации намечавшихся на двусторонней основе проектов.

В целом, при реализации сценария Б на этапе 2017-2025 гг. усиливаются риски отката ЮАР к состоянию перманентного политического и социально-экономического кризиса, ее потенциального превращения в «провалившееся» государство (failed state). По объективным показателям ЮАР сделала первые шаги на пути к внешнему управлению, которое может стать для нее определяющим (по крайней мере, в мягком варианте глобализации) на этапе 2025-2050 гг. Но именно гипотетическая картина кризисных последствий поражения АНК как правящей партии, станет, скорее всего, стимулом для корректировки его внутренней политики и усиления поиска дополнительных источников поддержки со стороны западных партнеров, в том числе за счет военно-технического сотрудничества.

В перспективе до 2025 года вероятность сценария А существенно выше, чем сценария Б. Однако их общим знаменателем, определяющим развитие ситуации на отдаленное будущее, является ослабление потенциала ЮАР как суверенного члена мирового сообщества. Внутренние неурядицы и вынужденное следование в фарватере главных внешнеэкономических партнеров в лице западных стран, которые к тому же являются поставщиками образцов политической культуры для образованной части южноафриканского населения, блокируют преодоление кризисных тенденций на

основе стратегии социал-демократического толка, которую пытаются провести в жизнь руководящее ядро АНК.

12.3. Перспективы развития ЮАР в 2025-2050 годах

За пределами среднесрочной перспективы развитие ЮАР с высокой степенью вероятности пойдет по пути конкуренции трендов, обозначенных сценариями А и Б. При этом проекция сценария А будет преобладать, но условия его реализации ухудшатся из-за роста протестных настроений африканского населения, т.е. деградации массовой базы политического режима.

В целях сохранения контроля за основными рычагами власти АНК предстоит пережить ряд структурных реорганизаций, при которых из руководства будут устранены наиболее одиозные фигуры, замешанные в публичных коррупционных скандалах, но одновременно будут нейтрализованы позиции левого партийного крыла, стремящегося к укреплению роли государственного сектора в экономике и мобилизации человеческого потенциала вокруг государственных программ хозяйственного строительства.

Обозначившийся тренд федерализации будет сдерживаться за счет продолжения уже зарекомендовавших себя с положительной стороны программ электрификации сельской местности, улучшения водоснабжения, льготных кредитов представителям среднего класса (жилищных, стартапы), расширения сферы образовательных и медицинских услуг в африканских поселках вокруг крупных городов и т.д. Самостоятельное значение приобретет молодежная политика, которая в организационном отношении ослабит прямые связи массовых структур с АНК, возьмет на себя роль главного проводника идей интернационального (надэтнического) воспитания молодого поколения. Расширения представительства

оппозиционных партий в органах местной власти в юго-западных, восточных и северо-восточных регионах страны не достигнет определяющих масштабов. Оппозиция, несмотря на опыт координации тактических демаршей против АНК, не сумеет добиться согласования основной части своих требований и создать общий фронт наступательных действий.

Тем не менее, разрыв между словом и делом, скорее всего, будет нарастать, а потенциал ЮАР как влиятельного международного партнера будет уменьшаться. Практически единственным средством для блокировки этого негативного процесса на этапе 2025-2050 гг. станет принятие стратегической программы модернизации энергетического, горнодобывающего и сельскохозяйственного комплексов, т.е. большого долгосрочного плана, под условным обозначением «Национальная реконструкция».

С учетом вероятного развития событий на этапе 2017-2025 гг. преимущественно как инварианта сценария А, возможность обращения ЮАР к плану национальной реконструкции определится в зависимости от прихода к руководству АНК молодого, обладающего харизмой лидера и способности форсирования военного строительства в интересах национальной безопасности и поддержки экспансии южноафриканского бизнеса на внешние рынки регионального и трансрегионального уровней.

**Глава XIII.
Арктика как
район будущего
противоборства
России и Запада**

13.1. Сценарии развития ситуации в Арктическом регионе до 2025 года

Арктика сохраняет чрезвычайно важное значение для России по ряду причин военно-политического и экономического характера. Эти причины в общем плане можно свести к следующему:

Высокая стратегическая значимость региона для всех возможных участников силового противостояния — здесь сосредоточены системы зональной ПВО/ПРО и рубежи береговой обороны, проходит граница РФ и США с одной стороны, и граница РФ и члена НАТО Норвегии, с другой; регион удобен для скрытного развертывания и перемещения ПЛ; через регион проходят наиболее удобные траектории полета МБР и стратегических бомбардировщиков, что делает его удобным для развертывания глобальной ПРО; на территории Аляски и в арктической зоне РФ уже сосредоточена значительная военная инфраструктура.

Малая населенность приполярных районов, относительно малая доля сухопутных территорий, и, соответственно, низкий уровень сопутствующих человеческих потерь в результате возможного военного конфликта.

Потенциально высокая экономическая и глобальная энергетическая значимость Арктики (шельфовые запасы ископаемых), а также наличие спорных или потенциально спорных районов

между РФ и членами НАТО (США, Канада, Дания, Норвегия), которые могут дать поводы для военно-силовых акций, провокаций, диверсий и иных недружественных действий.

Потенциально высокая глобальная геоэкономическая и логистическая значимость региона, где, по мере таяния многолетних льдов, увеличения периода летней навигации и создания транспортно-инфраструктуры, могут активно развиваться новые глобальные морские коммуникации (СМП, СЗП — Северо-Западный проход).

Высокая и постоянно растущая значимость Арктического региона для экономического развития РФ и, соответственно, растущая важность для стран Запада задач ограничения политического влияния и экономического развития РФ в регионе. Соответственно, военно-силовая напряженность, нагнетаемая со стороны вероятного противника, может быть инструментом ограничения развития конкурирующих проектов (РФ) и продвижения своих. В данном случае, это могут быть попытки ограничения международного транзита через СМП посредством политических барьеров и экономических санкций, экологических претензий арктических государств — членов НАТО и акций эоактивистов, диверсий, замаскированных под техногенные катастрофы и террористические акты, и военно-политических провокаций. Все это — с целью сохранения значимости традиционного маршрута через Суэцкий канал и ускорения развития альтернативного СЗП.

Возможности расширения присутствия в нейтральных глубоководных районах Арктики, открывающиеся для неарктических держав, и перспективы связанной с этим политической борьбы.

На развитие Арктического региона будут иметь влияние как климатические, так и экономические факторы. Влияние климатических факторов будет состоять в следующем:

- Ускоренное таяние льдов и увеличение периода летней навигации по сравнению с консенсусными прогнозами: повышает логистическую значимость шельфовой и прибрежной сухопутной зоны и геоэкономическую значимость центральных

районов Арктики (за пределами 200-мильной экономической зоны циркумполярных государств). Экономическая значимость шельфовых и прибрежных добычных проектов стабильно высокая (помогает эффект синергии развития логистической и энергетической инфраструктуры; развитие сдерживается относительно низкими ценами на углеводороды). При этом сказывается понижающее давление на нефтегазовый рынок, что ухудшает положение малорентабельных проектов по добыче углеводородов во всем регионе.

- Таяние льдов и увеличение периода летней навигации в соответствии с консенсусными прогнозами: умеренная логистическая значимость шельфовой и прибрежной сухопутной зоны (но можно рассчитывать на дальнейшее развитие потенциала), умеренная геоэкономическая значимость центральных районов Арктики (за пределами 200-мильной экономической зоны циркумполярных государств). Экономическая значимость шельфовых и прибрежных добычных проектов высокая и возрастающая (они остаются наиболее технологически перспективными и инвестиционно привлекательными). Климатический фактор заранее учтен нефтегазовым рынком и не оказывает на него резкого неожиданного влияния.
- Прекращение таяния льдов и стагнация периода летней навигации: Низкая международная логистическая значимость шельфовой и прибрежной сухопутной зоны (нельзя рассчитывать на дальнейшее развитие потенциала по причине оттока инвестиций из-за непредсказуемости региона), умеренная геоэкономическая значимость центральных районов Арктики за пределами 200-мильной экономической зоны циркумполярных государств (трудность разработки отчасти компенсируется повышением нефтегазовых цен). Экономическая значимость шельфовых и прибрежных проектов добычи выше средней — за счет высоких цен на нефть и газ, ранее привлеченных инвестиций и инерционного развития проектов, но имеет тенденцию к уменьшению. Климатический фактор оказывает повышающее давление на нефтегазовый

рынок и поддерживает разработку углеводородов; вместе с тем, разработка многих арктических добывающих проектов малорентабельна или крайне затруднена по причине негативной климатической динамики и сокращения инвестиций в инфраструктуру.

В случае ускоренного экономического развития региона особую актуальность приобретут геоэкономические и логистические факторы, а также попытки неарктических держав закрепиться в свободных приполярных районах Арктики, с целью получения доступа к энергоресурсам и залежам полезных ископаемых. В этом случае военно-политические ставки на Арктику существенно возрастут, и стоит ожидать наращивания военной инфраструктуры и расходов в регионе, определенной военно-политической активности противоборствующих сторон (РФ и арктические государства — члены НАТО, а также, в некоторых сценариях, КНР).

В случае инерционного экономического развития региона геоэкономическая и логистическая его значимость не будет к 2025 г. иметь глобального характера — за счет слабого международного транзита и сниженных возможностей разработки ископаемых на существенном удалении от берегов, а также ограниченных инвестиций в регион. В этом случае военные мероприятия будут иметь характер равномерных плановых приготовлений к дальнейшей военно-политической борьбе.

13.1.1. Сценарий 1.

Обострение военно-политического противостояния в Арктике

Военно-политическая повестка США и других стран Запада будет требовать сдерживания РФ по всем направлениям, и компенсации отставания от РФ в развитии арктической военной инфраструктуры. Вместе с тем, интересы политико-идеологической борьбы и противоборства в информационной сфере, а также экономические интересы будут требовать от Запада ликвидировать

отставание от РФ в экономическом освоении Арктики и, в долгосрочной перспективе, не позволить СМП (Севморпуть) стать доминирующей глобальной линией транспортной коммуникации в полярном регионе. К тому же, поддержание довольно высокого градуса напряжения в отношениях РФ и НАТО вызовет рост напряженности в Арктическом регионе. Вместе с этим, по мере повышения экономической значимости региона вокруг него будет нарастать политико-экономическая конкуренция, которая будет становиться все более жесткой.

РФ в целом готова к этому сценарию, поскольку существенно опережает конкурентов по развитию экономической и военной инфраструктуры в Арктике, что отражено в существующих планах развития региона до 2020 г. и на дальнейший период. Попытка «догнать и перегнать» Россию в освоении Арктики и не допустить дальнейшего усиления КНР в регионе потребует значительных изменений в военной и экономической стратегии потенциального противника. Так, США, Канада и страны Северной Европы должны будут уже в ближайшее время существенно нарастить военное и экономическое строительство в Арктике, прежде всего, строительство атомных и неатомных ледоколов, а также обширного флота ледового класса, как военного, так и гражданского. Под эгидой США должно будет происходить ускоренное укрепление стратегических и иных военных сил в регионе (наземное базирование ПРО, развитие РЛС, систем наблюдения и слежения, создание военных баз и пунктов базирования, баз ПЛ; создание и производство специализированной военной техники; формирование и тренировка специальных воинских соединений).

Сценарий может значительно различаться в экономической составляющей, которая зависит от располагаемых ресурсов участников (например, в ситуации мирового экономического кризиса инвестиционные возможности всех игроков будут, так или иначе, снижены), а также от характера климатических процессов (продолжение таяния льдов Арктики и увеличение периода летней навигации или приостановка/обращение вспять этого процесса).

В целом данный сценарий идет в русле общемирового сценария «Глобального военно-силового противоборства». Применительно к Арктике он будет означать, что США и их сателлиты будут серьезно препятствовать проектам РФ в данном регионе политическими и экономическими средствами, и будут готовиться к региональному военному противостоянию, активно наращивая военную инфраструктуру и стремительно приближаясь к региональному военному паритету с РФ. Успех стратегии США и их союзников в регионе будет определяться относительной пассивностью РФ и КНР, их неспособностью преодолеть кризисные явления и быстро развивать масштабные арктические проекты, а также их сохраняющимся технологическим отставанием от высококоразвитых стран.

Стратегия противодействия Западу проектам РФ в регионе будет включать в себя:

- официальную государственную политику — политические барьеры и санкции разного рода, главным образом, по поводу спорных пограничных территорий, а также раздела 350-мильной зоны возможного продолжения шельфа;
- экономическое давление — протекционистские и контр-стимулирующие меры, экономические санкции разного плана, в т.ч. региональные и направленные на конкуренцию с СМП;
- информационные акции — протесты экоактивистов, борьба за права малых народов, широкое тенденциозное освещение в западных СМИ военного строительства в арктической зоне РФ.

В ситуации отказа от протекционистской экономической политики США в пользу политических рычагов появятся условия для форсированного развития СЗП как конкурента СМП. К тому же, это позволит США и Канаде построить ледоколы и гражданский флот ледового класса, береговую инфраструктуру и тем самым создать экономическую конкуренцию российским арктическим проектам, а заодно и косвенно решить некоторые задачи укрепления военного потенциала НАТО в регионе; устранить политический и экономический диспаритет в развитии Арктики. В рамках идеологической и информационной борьбы США также

будет важно не позволить РФ сохранить лидерство в освоении Арктики.

Сохранится общая координация политико-экономической стратегии стран Запада во главе с США. США, ЕС и Британия вступают в ТТИП, экономическое влияние США в Европе, таким образом, усиливается. Растет торговый и транзитный транспортный оборот между странами Северной Америки и Европы, в частности, в рамках развития рынков СПГ, танкерной нефти и нефтепродуктов, контейнерных перевозок, в том числе, по СЗП. Это позволяет поддержать экономику США и Канады, имея противоречивые последствия для ЕС.

Развиваются нефте- и газотранспортные проекты в Канаде и на Аляске (трубопроводы), что позволяет повысить рентабельность добычи углеводородов в полярных и приполярных регионах. В целом, США станут ближе к Канаде и дальше от Мексики. Стимулирование нефтегазодобычи и развитие нефтегазотранспорта на Аляске окажет серьезное давление на сходные проекты в Канаде. Однако к выгоде для Канады, США помогают развивать совместный проект СЗП как новую глобальную транспортную артерию, конкурент СМП.

Канада, совместно с США, будет вести политику всестороннего развития своей арктической зоны и СЗП, конкурируя с СМП и попутно развивая военную инфраструктуру. В целом, страна пойдет в фарватере инициатив США, пытаясь извлечь из этого максимум выгод. При этом Канада испытает значительный приток инвестиций. Страна будет основным бенефициаром и развития СЗП, и северной кораблестроительной программы, и развития ВПК в интересах военного строительства в Арктике. В целом, экономически будет следовать руководящим указаниям США.

Россия продолжит пока лидировать в Арктике в области военной, экономической и транспортной инфраструктуры, но будет испытывать сложности с ее развитием, по причине относительного сокращения инвестиционных ресурсов. РФ продолжит продвигать свои арктические проекты собственными силами. Программа развития арктической зоны РФ до 2020 г. Будет выполнена не

полностью. К 2025 г. не удастся добиться значительного прогресса по сравнению с 2020 г., во многом, из-за негативной социальной и демографической динамики в северных регионах РФ и на российском Дальнем Востоке. Развитие СМП как глобальной транспортной коммуникации будет идти медленно, в основном, как внутрироссийской коммуникации и пути доставки полезных ископаемых с российских арктических месторождений. Международный транзит по СМП, хотя и уверенно растет год к году, не успевает достичь заметных величин в конкуренции глобальных транспортных артерий.

США и страны Запада накладывают экономические санкции на РФ в связи со спорными ситуациями вокруг раздела шельфа, а также с развитием военной инфраструктуры РФ в Арктике и мнимым несоблюдением экологического режима в развитии арктических проектов и СМП. Вместе с тем, сохраняется начатая Трампом политика развития добычи углеводородов на арктическом шельфе США, что оказывает понижающее давление на рынок углеводородов Северной Америки (в частности, вызывает новый кризис сланцевой добычи) и, косвенно, на мировой рынок углеводородов. Разработка шельфовых проектов в арктической зоне Канады в этих условиях ограничена, однако поддерживается инвестициями и развитием СЗП.

Страны Северной Европы, в связи с напряженными отношениями РФ и Прибалтики, РФ и НАТО, будут избегать масштабного сотрудничества с Москвой в развитии СМП, и с энтузиазмом встретят усилия по развитию СЗП. Дания участвует в дискуссии о разделе арктического шельфа. В целом, она идет в фарватере политики США и консолидированной позиции циркумполярных стран — членов НАТО. В Норвегии спорные районы с РФ в пределах 350-мильной зоны становятся предметом политической полемики с подачи США, хотя потенциально спорные районы в пределах 200-мильной зоны не обсуждаются и «Мурманский договор» 2010 г. с РФ в целом соблюдаются. Продолжаются попытки выдавливания РФ со Шпицбергена. Также с подачи США Норвегия ведет линию на интернационализацию СМП.

Не увенчаются успехом усилия ЕС, направленные на включение в него Исландии, выступающей за интернационализацию Арктики (чтобы усилить свои позиции в Арктическом Совете). Швеция активно развивает отношения с Финляндией и странами Прибалтики и вступает в альянс с Финляндией и Норвегией по вопросу интернационализации СМП. Однако Финляндия может занять взвешенную политическую позицию и предотвратить доминирование антироссийской программы в североевропейской повестке.

Финляндия, Швеция и Исландия, не могущие претендовать на раздел Арктики, с подачи бюрократии ЕС продвигают расширение полномочий Арктического Совета, с целью расширения своего присутствия в нейтральных районах Арктики. Однако США прямо и косвенно противодействуют этим попыткам, с целью ограничить проникновение в Арктику неарктических государств, прежде всего, КНР.

Интеграционные процессы североевропейских государств не выйдут за пределы вторичных и субрегиональных и, в целом, не будут противоречить общей картине политико-экономической консолидации Запада. Однако, высоковероятно сохранение разногласий между этими странами и ЕС по вопросам развития Арктики. США не будут заинтересованы в настоящей интернационализации Арктики (повестка, продвигаемая ЕС), а значит, и в усилении влияния европейской бюрократии в этой зоне ответственности. Поэтому интеграционные процессы в Северной Европе получат определенную политическую поддержку США.

Североевропейские страны стремятся консолидировать свои ресурсы и позиции для полноценного участия в масштабных процессах освоения Арктики. Так, в связи с задачами ответственного хозяйствования активно развивается и привлекает все больше ресурсов НЕФКО (Северная экологическая финансовая корпорация). ИБСЕ (Инвестиционный банк стран Северной Европы) становится важным региональным инвестиционным «хабом» для развития североевропейской экономической интеграции в целом и североевропейских арктических проектов в частности.

Темпы развития североевропейских государств будут относительно выше, чем у ЕС. Скажется повышение политической значимости региона, и развитие СМП и северных маршрутов доставки углеводородов из РФ, и масштабная западная программа экономического развития арктической зоны Европы и Америки. Начнут сказываться усилия США и Канады по развитию СЗП. Результаты принесут и усилия стран Северной Европы по развитию инновационной экономики.

Самый значительный рост испытают экономики Дании и, в меньшей степени, Норвегии. Дания, опираясь на западные нефтегазовые корпорации, развивает шельфовую добычу и транспортные коммуникации в Гренландии, что призвано компенсировать зависимость ЕС от российских поставок углеводородов. Норвегия продолжает развивать высокотехнологичные добывающие проекты на арктическом шельфе, также способствуя снижению зависимости ЕС от поставок РФ. Страна не входит в ЕС, но экономическое партнерство становится более тесным.

Финляндия и Швеция будут усиленно развивать транспортную инфраструктуру для увеличения сухопутного транзита из своих северных портов в соседние страны ЕС, в рамках развития трансарктических транспортных коммуникаций. Некоторое оживление экономики будет наблюдаться и в Исландии, располагающейся на путях трансарктического морского транзита. Развитие СМП, а потом и СЗП позитивно отразится и на британской экономике.

Китай, переживая кризисные явления в экономике и социально-демографической сфере, а также существенное замедление экономического роста и последствия долгового кризиса, не будет иметь достаточно свободных ресурсов, чтобы вести активную борьбу за свои интересы в Арктическом регионе. Хотя КНР будет в ограниченных масштабах развивать военные силы и средства, способные вести боевые действия в полярных условиях, она значительно отстает в этом отношении от циркумполярных государств. Инвестиции КНР в развитие арктической зоны РФ будут невелики.

Позиция Китая по Арктике будет вступать в определенное противоречие с интересами РФ. ВМФ КНР значительно укрепится и будет поддерживать притязания Пекина на участие в освоении нейтральных районов Арктики за пределами шельфовых зон. Военные корабли КНР будут регулярно заходить в арктические воды. Это обуславливает определенную напряженность в военно-политических отношениях КНР и циркумполярных государств. Возможна напряженная дискуссия вокруг новых соглашений, регламентирующих проход военных кораблей через Берингов пролив, но они пока не заключены. Среди других неарктических государств попытки закрепиться в Арктике будет предпринимать Япония, Республика Корея и некоторые страны ЕС. Они будут продвигать идею интернационализации полярных районов Арктики.

К 2025 году «Арктический Совет» будет по-прежнему иметь рекомендательные функции. Более того, на фоне агрессивной политики НАТО его роль в региональной повестке стагнирует. «Арктический Круг» не приобретает существенного влияния и остается на второстепенных ролях. «Совет государств Балтийского моря» фактически парализован на фоне напряженных отношений РФ и НАТО, а также по причине антироссийских настроений в прибалтийских странах. «Северное измерение» ЕС продолжает свою работу, но на фоне обострения отношений между ЕС и РФ, а также расхождений позиции бюрократии ЕС и отдельных циркумполярных государств, участие РФ в нем постепенно сворачивается.

Однако в условиях ускоренного освоения Арктики определенная координация усилий на региональном и субрегиональном уровне все равно происходит: прикладная работа и координация арктических проектов разных государств осуществляется на уровне СБЕР (Совет Баренцева и Евро-арктического региона), СМСС (Совет министров северных стран), NOPEF (Северный проектный фонд).

В целом, принципы территориального раздела Арктики существенно не меняются, страны «Арктической пятерки» следуют духу Илулиссатской декларации 2008 г. и Конвенции по морскому праву 1982 г. Поначалу США не подписывают эту конвенцию, но

сохраняют обязательства ее соблюдать (за исключением раздела XI в новой редакции 1994 г.). В пределах 2020 — 2024 г. они все же подписывают ее в интересах сотрудничества с Канадой, после долгих подготовительных мероприятий. Следование международным принципам позволяет не допустить, в частности, односторонних действий на Шпицбергене и в его шельфовой зоне на государственном уровне.

Возможности обострения политической ситуации заключены в препятствовании свободному проходу судов по СМП в восточной части Берингова моря со стороны США, благодаря разграничительной линии, проведенной в соответствии с «Соглашением между СССР и США о линии разграничения морских пространств» 1990 г. Также США могут усилить свои территориальные претензии в Чукотском и Беринговом морях, хотя существующая версия Соглашения уже невыгодна для РФ. Отдельной возможностью для США является неподписание «Конвенции по морскому праву», что даст им возможность осуществлять односторонние действия по вылову рыбы и разработке шельфовых месторождений в спорных районах за пределами 200-мильной экономической зоны РФ.

Влияние ООН в арктических вопросах к 2025 г. несколько уменьшается, на фоне взаимного блокирования инициатив со стороны стран Западной группы, КНР и РФ. «Комиссия ООН по границам континентального шельфа» в 350-мильной зоне циркумполярных государств (конкретнее, речь идет о статусе хребта Ломоносова и поднятия Менделеева) принимает ряд решений не в пользу РФ. РФ не во всем им следует, что используется США и НАТО как повод для нагнетания политической напряженности и развертывания антироссийской информационной кампании. С подачи США пограничные с РФ страны НАТО трактуют спорные вопросы раздела шельфа в одностороннем порядке, также не во всем опираясь на решения Комиссии; эти споры становятся поводом для санкций против РФ и контрсанкций, а также взаимных односторонних действий (начало разработки ископаемых в спорных районах). Территориальные споры с США в Беринговом и Чукотском море также начинают обостряться. В скандинавских

странах ведется активная информационная кампания за интернационализацию СМП или его отдельных частей. США воздерживаются от активного участия в этой кампании, чтобы не обострять отношения с Канадой, которая настаивает на внутриканадском статусе СЗП.

В военно-политической области США будут вести активную подготовку к противостоянию с РФ в Арктическом регионе. Повысит возможности США в Арктике реализация программы перевооружения сухопутных сил, включающей значительное расширение номенклатуры легкой, высококомобильной и десантируемой техники: для возможного развертывания в Арктике логистические и транспортные проблемы будут, по сути, определяющими.

К 2025 году происходит увеличение военных расходов США и циркумполярных государств-членов НАТО на военную деятельность в Арктике. Как фактор нагнетания военно-политической напряженности используются не только спорные территории в центральной части Арктики и дискуссия о разграничении шельфа (хребет Ломоносова и поднятие Менделеева), но и территориальные споры РФ и США, а также непризнание США Восточно-Сибирского моря как отдельного морского пространства и его статуса территориального моря РФ. Также с этой целью муссируется вопрос об интернационализации восточной части СМП.

США и сателлиты приближаются к региональному военному паритету с РФ; ведут активное развитие военной инфраструктуры арктической зоны, включая Гренландию. Успех стратегии США и их союзников в Арктическом регионе будет зависеть от их способности обеспечить там не только количественное, но и военнотехническое превосходство над РФ. Пока США лидируют лишь по одному типу современных вооружений, способных действовать в Арктике — прежде всего, атомных ПЛ разных классов.

Тесное сотрудничество с Канадой является важной частью арктической оборонной стратегии США; на этом фоне решаются пограничные споры с Канадой в регионе. США признают национальную юрисдикцию Канады над СЗП. Повышение роли Канады и Севера в военно-стратегическом партнерстве с США будет

подпитывать националистические устремления в этой стране, что позволит США переложить часть экономического бремени военных расходов в Арктическом регионе на североамериканского союзника. Также США будут стремиться использовать для наращивания напряженности споры РФ с Канадой и другими арктическими странами по вопросам раздела арктического шельфа. Канада становится главным бенефициаром совместных с США проектов по развитию вооруженных сил в Арктическом регионе, в связи с чем, ведет более активную военную политику в отношениях с РФ, в рамках общих с США стратегических интересов.

«Северное оборонное сотрудничество» (Nordefco) постепенно попадает под влияния НАТО и приобретает отчетливую антироссийскую направленность. Эта организация позволяет НАТО решить ряд военно-политических задач:

рационально распределить оборонные расходы между северо-европейскими странами, что позволит им в совокупности обладать более полноценными ВС;

- втянуть в орбиту НАТО формально нейтральные Финляндию и Швецию и интегрировать их в европейские оборонные структуры;
- преодолеть последние остатки особых условий сотрудничества с НАТО в таких странах, как, например, Норвегия, и полномасштабно развивать там стратегическую инфраструктуру НАТО;
- глубже интегрировать в НАТО и европейские оборонные структуры страны Прибалтики;
- отчасти удовлетворить амбиции Швеции по поводу северо-европейской оборонной интеграции и ее негласного военно-политического лидерства в Северной Европе, в обмен на отказ от нейтралитета.

Военно-стратегические же цели США при развитии Nordefco следующие:

- укрепить северный фас европейской обороны и приблизиться к региональному паритету с РФ на Северо-Западном стратегическом направлении;
- усилить интеграцию в рамках НАТО на этом направлении и поднять боеспособность северо-европейских ВС, что позволит

- ВС США, в случае необходимости, тесно взаимодействовать с войсками союзников в регионе;
- создать в рамках НАТО более многочисленные, подготовленные и оснащенные части и соединения, приспособленные к боевым действиям в северных условиях.

На этом фоне происходит общее усиление вооруженных сил стран Северной Европы, они повышают уровень боеспособности и взаимной интеграции. Процесс идет интенсивнее, чем в среднем по Европе. Особенно значительно усиление на северном направлении.

Дания участвует в развитии оборонной, в том числе, стратегической инфраструктуры НАТО на Севере Европы и в Гренландии, «Северном оборонном сотрудничестве», развитии «Европейских сил быстрого реагирования». Военное сотрудничество США и Гренландии идет более активно, и военный контроль США над Гренландией усиливается.

Норвегия более тесно интегрируется в НАТО и размещает на своей территории глобальные средства слежения и элементы стратегической инфраструктуры ПВО/ПРО; активно участвует в «Северном оборонном сотрудничестве» и развитии «Европейских сил быстрого реагирования». Исландия пассивно участвует в процессах в рамках НАТО и Европейских сил быстрого реагирования, но из соображений военной экономики более активно вовлекается в «Северное оборонное сотрудничество».

Швеция и Финляндия фактически интегрируются с НАТО через «Северное оборонное сотрудничество», без формального вступления в Альянс. Швеция активно развивает военную интеграцию с Финляндией и странами Прибалтики, становится военно-технологическим донором и пытается стать «серым кардиналом» «Северного оборонного сотрудничества». Это позволяет ей интегрироваться в западную оборонную инфраструктуру, формально не вступая в НАТО, а также занять доминирующую позицию в военном строительстве Севера Европы.

Финляндия вступает в более тесный альянс со Швецией, ее особые отношения с РФ в оборонной сфере и позиция активного нейтралитета переживают серьезные испытания, на фоне развития «Северного оборонного сотрудничества» и требований интеграции в европейскую оборонную инфраструктуру. Однако Финляндия может занять и более взвешенную позицию и предотвратить доминирование антироссийской военно-политической программы в североευропейской интеграционной повестке.

В то же время НАТО испытывает проблемы при строительстве ледоколов и флота ледового класса. Отсутствие опыта строительства атомных ледоколов подтолкнет циркумполярные государства НАТО к ускоренному строительству средних неатомных ледоколов, по своим возможностям не достигающих уровня устаревших советских мелкоосадочных атомных ледоколов типа «Таймыр».

США спроектируют и начнут строить серию новых тяжелых неатомных ледоколов, но их возможности не будут превосходить уровня устаревающего российского атомного ледокола «50 лет Победы», и построить успеют немного. Проекты атомных ледоколов США, скорее всего, к 2025 достигнут только уровня ледоколов современного российского проекта ЛК-60Я, и строительство первых кораблей не будет завершено. В то же время, РФ сможет ответить на это модернизацией проекта ЛЛК-60Я и ускорением строительства ледоколов проекта ЛК-110Я (в настоящее время ввод в эксплуатацию головного корабля запланирован на 2023 г.). Последние дадут значимое преимущество в скорости и всесезонности ледокольной проводки, а также в тоннаже судов, проводимых одним ледоколом.

Что касается боевых кораблей ледовых классов и ледоколов специализированного военного назначения, то к 2025 г. НАТО тоже не удастся достичь паритета с РФ, ни количественно, ни качественно. Расширение серии довольно слабых военных сторожевиков-ледоколов в Канаде, являющихся развитием норвежских патрульных ледоколов типа «Свальбард», а также модернизации самих «Свальбардов» будет недостаточно, в силу их слабой ледопроеходимости, ограниченного водоизмещения и вооружения.

Не намного их превосходят и американские ледоколы типа «Cutter Nealy», и продолжения их строительства также будет недостаточно. Современные российские корабли — сторожевик-ледокол 23550 (заложен в апреле 2017) и ледокольный корабль обеспечения 03183 — сейчас находятся значительно впереди соответствующих по классу западных проектов.

Страны НАТО в развитии арктической военной инфраструктуры будут стремиться учитывать опыт РФ, но идти во многом по иному пути. Они будут пытаться компенсировать сохраняющееся отставание в военном флоте ледового класса использованием ПЛ и морской авиации, а также широким комплексом мероприятий по вооружению и переоборудованию гражданских судов ледового класса, с использованием модульных систем, широким использованием гражданской инфраструктуры и инфраструктуры двойного назначения (во многом, в расчете на отказ от разрушения этой инфраструктуры со стороны ВС РФ из гуманитарных соображений).

В частности, военная политика США и НАТО в Арктике будет включать в себя следующие составляющие:

- Создание и подготовка, в рамках НАТО, с помощью Канады и стран Северной Европы, специализированных военных частей, соединений и техники, способных действовать в северных условиях.
- Развитие в полярных районах гражданской стационарной и мобильной инфраструктуры двойного назначения, которую можно использовать в военных целях или быстро переориентировать на такое использование: датчики и сенсоры, БПЛА и беспилотные подводные аппараты, спутниковое и радарное наблюдение и картографирование, средства автоматизации навигации и лоцманской проводки.
- Строительство ледокольного флота (в ограниченных масштабах к 2025 г. — атомного ледокольного флота) и кораблей высоких ледовых классов для зимней приполярной навигации. Под предлогом соблюдения правил безопасности — жесткое регулирование и контроль режима использования флота

в зимней навигации, что облегчает его возможное военное использование.

- Развитие модульных систем специальной военной техники, вооружения и размещения войск, пригодных к быстрой установке на гражданские суда; подготовка проектов экстренного переоборудования гражданских судов для решения военных задач с использованием модульных систем (развитие британской практики, применявшейся в Фолклендской войне).
- Развитие специализированной самоходной и десантной техники, способной обеспечить быстрое передвижение и десантирование войск в полярных районах (как-то, снегоходной техники, снего-болотоходов с низким давлением на грунт, специализированных для Арктики десантных катеров и кораблей увеличенной проходимости на воздушной подушке, наподобие российских вездеходов «Арктика 3ДК» с подъемным колесным шасси самолетного типа, а также амфибийных грузовых платформ сходной конструкции).
- Ускоренное строительство атомных подводных лодок классов «Вирджиния» и «Колумбия» (до трех в год к 2020 г., с сохранением темпа в дальнейшем), а также безэкипажных малых и сверхмалых подводных лодок и судов ледовых классов, обладающих высоким уровнем автономности.
- Ускоренное развитие широкого спектра беспилотных надводных, подводных и летательных аппаратов военного назначения, различных военных средств разведки, слежения и контроля морской обстановки.
- Создание арктических версий всех основных типов военной техники, главным образом, десантной.

В случае ускоренного таяния льдов региональный военный баланс сместится не в пользу РФ, благодаря превосходству ВМФ НАТО на океанских ТВД в обычных условиях.

Подготовка к возможной эскалации силового противостояния в регионе будет касаться в основном сил тактического и оперативного подчинения. Оперативная подготовка штабов в качестве

основного сценария будет включать в себя сценарии управляемой эскалации силового противостояния, сопровождаемой активной информационно-идеологической кампанией в западных СМИ, соцсетях и сети Интернет.

Оперативные штабы США будут ориентированы на активную поддержку и общую стратегическую координацию действий оперативных соединений штата Аляска и циркумполярных стран, особенно тесное оперативное взаимодействие будет наблюдаться с силами Канады, а также Дании — на территории Гренландии. Оперативные же задачи на ТВД будут выполнять силы, сосредоточенные на Аляске, а также военный и переоборудованный гражданский флот ледового класса и ПЛ. Флот США и Канады, снабженный современными ледоколами, должен играть ведущую роль в действиях на Северо-Восточном ШН и в восточной части Арктики. Важнейшие задачи сдерживания флота РФ в полярном регионе будут выполнять атомные многоцелевые ПЛ, в которых у США имеется количественное превосходство.

Роль Канады будет заключаться в оперировании значительным числом специализированных строевых и десантных частей, готовых к боевым действиям в условиях Севера, а также военным и переоборудованным гражданским малым и средним флотом ледового класса. Общая оперативно-стратегическая координация сил на уровне ТВД будет заведомо препоручена США.

Роль Дании в Гренландии будет сводиться, в основном, к тыловой поддержке и обеспечению действий войск и флота США, а также, при необходимости, к организации гражданской обороны и противодесантных действий.

Страны Северной Европы будут выполнять в планах оперативного командования ТВД, в основном, оборонительные задачи на Севере Атлантики, поддерживая действия флота США и сдерживая флот РФ в Баренцевом море, а также блокируя российский флот на Балтике. Кроме того, их задачей будет защита стратегической инфраструктуры НАТО на Севере Европы и в своих территориальных водах в Арктике; противодесантные действия на побережье и островах. Заградительную роль в операциях в Баренцевом

море и на Севере Атлантики должны сыграть военные флоты Норвегии и Великобритании.

Задачей Великобритании будет контроль участка Северной Атлантики между Баренцевым морем и Гренландией, в т.ч. в высоких широтах в летний период. Наличие двух современных тяжелых авианосцев с истребителями Ф-35В позволит им выполнить эту задачу и высвободить авианосные группы США для использования на других направлениях или для эшелонирования зоны контроля в сторону побережья Гренландии.

НАТО будет стремиться ограничить силовое противостояние в эскалационных сценариях арктическими водами и островами с минимумом гражданской инфраструктуры, не вовлекая в боевые действия континентальную территорию РФ (например, Калининградскую область). В целом же, оперативное планирование НАТО в регионе не будет иметь открыто эскалационной направленности, ограничиваясь задачами сдерживания и постепенного наращивания военного присутствия в Арктике, с целью достижения регионального военного паритета с РФ и ограничения проникновения в регион неарктических государств, прежде всего, КНР.

Важнейшей задаче РФ в регионе будет создание сплошной зоны радиолокационного покрытия, в т.ч. на малых и сверхмалых высотах, эшелонированной системы зонального ПВО/ПРО; поддержание структуры базирования и обороны баз и аэродромов. Сохраняющееся преимущество РФ в надводном военном флоте арктических классов и специализированной технике может быть нивелировано активностью вражеских атомных и неатомных многоцелевых ПЛ.

Поэтому отдельной задачей будет организация стационарной и мобильной системы противолодочной борьбы, строительство стационарных противолодочных рубежей. Также придется ускорить производство дизель-электрических ПЛ с анаэробной двигательной установкой, и обеспечить к 2025 ввод в строй первых ПЛ этого класса. Для асимметричных действий на мелководье и противостояния автономным подводным аппаратам США

потребуется строительство малых ПЛ, возможно, на основе переработанного проекта «Амур-550». Также потребуется совершенствование отечественных сверхмалых ПЛ и БППА.

Глобальная информационная кампания вокруг проблем развития Арктики, развернутая странами Запада во главе с США, будет направлена на поддержание имиджа западных стран как ответственных политических и экономических субъектов, способных обеспечить сохранение хрупкой арктической экосистемы, оказать всестороннюю поддержку малым народам, обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие Арктического региона в своей зоне ответственности. Вместе с тем, будет всячески нивелироваться и ставиться под сомнение российская стратегия развития своей арктической зоны — главным образом, в плане сохранения полярных экосистем и поддержки малых народов Севера. Отдельная кампания будет развернута вокруг увеличения военного присутствия РФ в Арктике — его значимость и сопутствующие угрозы будут всячески преувеличивать, что позволит оправдать ускоренную милитаризацию арктической зоны со стороны других циркумполярных государств.

Информационная политика в штате Аляска будет ориентирована на демонстрацию социальной ориентированности развития Севера и, таким образом, противодействие депопуляции: улучшение качества жизни населения, масштабная всесторонняя поддержка коренных народов.

Канада будет находиться, в основном, в фарватере информационной политики США. Единственной существенной особенностью будет рост националистических и государственных настроений на почве ускоренного развития армии и масштабного освоения арктической зоны, в частности, развития СЗП.

Информационная политика Дании и Норвегии будет определяться как общеевропейской повесткой, так и задачами североевропейской экономической интеграции, в том числе для извлечения максимума выгод из развития глобальных транзитных коммуникаций в Арктике. Общая направленность информационной политики останется антироссийской, сохранится довольно тесная

политико-идеологическая смычка с США. Сепаратистские устремления Гренландии не получат значимого выражения в информационном пространстве, и будут лишь одним из обстоятельств закрытого политико-экономического торга вокруг объема дотаций от Дании. Обе страны будут поддерживать информационно-идеологическую линию на раздел Арктики между циркумполярными государствами.

Информационная политика Швеции станет более жесткой и антироссийской. Имевшие место колебания, осторожность и остатки нейтралитета уйдут в прошлое, будет наблюдаться некоторый ренессанс имперских устремлений в рамках европейского Севера, но в косвенной, сублимированной форме. Финляндия, в целом оставаясь на более взвешенных позициях, все равно займет несколько более жесткую позицию по отношению к РФ и сблизится со Швецией в информационно-идеологическом поле. Информационная политика Исландии будет достаточно автономной и взвешенной, однако не будет иметь большого влияния в североевропейском контексте.

Евросоюз будет стремиться продвинуть повестку интернационализации максимально большого числа полярных районов, без особого успеха. Парадоксальным образом, союзником ЕС в этом вопросе будет КНР. Однако по вопросу идеологического противостояния с РФ евробюрократия будет идти в фарватере информационной политики США.

Возрастет значимость факторов религиозной и этнической идентичности в Арктике. Однако религиозная картина арктической зоны в глобальном масштабе будет постоянно усложняться и дифференцироваться, что помешает использовать этот фактор в достижении масштабных внешнеполитических задач. Но растущую сложность картины обязательно придется учитывать в информационно-идеологической борьбе и во внутренней политике.

Так, на российском Севере на фоне большой распространенности православного христианства и стабильно большого количества религиозно индифферентного населения, будет непрерывно расти религиозное представительство шаманизма

(коренные народы), ислама (мигранты из мусульманских стран и регионов РФ), ламаизма (мигранты из южных областей Восточной Сибири), возможно, и старообрядческого христианства, различных сект, роль которых в религиозной жизни Сибири, в целом, растет.

Вместе с тем, влияние разных типов религиозности на внутриполитическую обстановку будет существенно отличаться, в силу разного конфликтного потенциала и разного типа политической и социальной отнесенности разных религий. Наиболее опасно проникновение в регион радикального ислама и исламского экстремизма, которое произойдет в ограниченных масштабах, но в условиях критической социальной и оборонной значимости многих элементов северной инфраструктуры, потребует серьезных мероприятий по усилению режима безопасности в арктической зоне РФ.

13.1.2. Сценарий 2.

«Пробуждение Севера»: ускорение регионального развития

Данный сценарий базируется на гипотезе относительного ослабления конфронтационности Запада в их подходе к России и Китаю. Такой поворот в политике возможен только при условии отказа США от сценария «Военно-силового противоборства». В этом случае борьба за Арктику приобретет прагматический характер и будет основываться на конкуренции за ресурсы и транспортные коридоры региона. Особую актуальность приобретут геоэкономические и логистические факторы, а также попытки неарктических держав закрепиться в свободных приполярных районах Арктики, с целью получения доступа к энергоресурсам и залежам полезных ископаемых. Многое будет зависеть от характера климатических процессов (продолжение таяния льдов Арктики и увеличение периода летней навигации или приостановка/обращение вспять этого процесса).

В описываемом сценарии США не всегда удастся играть на противоречиях между КНР и Индией, КНР и Японией + Южной Кореей, КНР и странами АСЕАН. Китайская глобальная и региональная экспансия продолжается. Политический запрос на обострение отношений с РФ в странах Запада будет слабеть на фоне переориентации на сдерживание КНР.

После выхода из кризиса и обновления формата глобализации США не будут столь активно, как ранее, препятствовать процессам региональной интеграции. КНР, сталкиваясь с умеренными кризисными явлениями в экономике, будет нуждаться в перспективных зонах для инвестирования и в активизации новых глобальных транспортных коммуникаций; к тому же, экономическое присутствие в Арктике решит и важные политические задачи. РФ, активно развивая арктическую инфраструктуру и сохраняя всестороннее лидерство в регионе, сможет к выгоде для себя использовать заинтересованность КНР.

США будут вести сбалансированную экономическую политику, ограничивая экспансию КНР только по отдельным направлениям и избегая ущерба внутриамериканским экономическим процессам. Развитие СЗП будет играть в этой стратегии двойственную роль, и США придется вести весьма гибкую и настойчивую политику, чтобы извлечь из него однозначные экономические и политические выгоды. США и страны Запада будут также стремиться использовать усилия РФ по развитию СМП и добычи ископаемых в Арктике. При этом они сохранят определенные претензии, связанные с развитием арктической военной инфраструктуры РФ и мнимым несоблюдением экологического режима в развитии арктических проектов и СМП.

Тем не менее, США и их сателлиты не смогут серьезно препятствовать проектам РФ в Арктическом регионе, хотя определенные попытки и будут предприниматься. Стратегия противодействия Запада проектам РФ в регионе будет включать в себя:

- экономическое давление — протекционистские и контрстимулирующие меры разного плана, в т.ч. направленные на конкуренцию с СМП;

— информационные акции — протесты эоактивистов, борьба за права малых народов, широкое тенденциозное освещение в западных СМИ военного строительства в арктической зоне РФ.

Интересы политико-идеологической борьбы и противоборства в информационной сфере, а также экономические интересы будут требовать от Запада не увеличивать отставание от РФ в экономическом освоении Арктики. Вслед за развитием СМП (Севморпуть) США и Канада будут с серьезным отставанием развивать СЗП (Северо-Западный проход). Но в условиях умеренно протекционистской экономической политики США развитие этого маршрута будет ориентировано на транзит КНР — ЕС и внутриамериканскую торговлю. Несколько возрастет торговый и транзитный транспортный оборот между странами Северной Америки и Европы, в частности, в рамках развития рынков СПГ, танкерной нефти и нефтепродуктов, контейнерных перевозок, в том числе, по СЗП. Это будет дополнительно поддерживать экономику США и Канады.

Таким образом, сохранятся определенные условия для развития СЗП как конкурента СМП. К тому же, это позволит США и Канаде построить ледоколы и гражданский флот ледового класса, береговую инфраструктуру и тем самым создать экономическую конкуренцию российским арктическим проектам, а заодно и косвенно решить некоторые задачи укрепления военного потенциала НАТО в регионе; не допустить увеличения политического и экономического диспаритета в развитии Арктики в пользу РФ.

В рамках проекта СЗП масштабные вложения в инфраструктуру будут призваны оживить судостроительную промышленность США и Канады, а также решить еще несколько важных экономических задач. Как то, увеличить транспортную связность региона, уменьшить транспортное плечо по направлению от западного побережья США и Канады к ЕС, от восточного побережья США и Канады к Японии и Южной Корее, что позволит дополнительно стимулировать потребительские рынки Канады и северных штатов США. Сократится также транспортное плечо с восточного побережья США к рынкам КНР, но рост внутреннего

потребления в КНР, рост юаня, установление высоких пошлин и прочие протекционистские меры в такой ситуации позволят защитить индустрию США и Канады. Вместе с тем, однозначные выгоды последним даст транзит грузов из КНР в ЕС через СЗП.

Возможная экономическая выгода также обусловлена следующими соображениями:

- Возможность вовлечения в оборот разгруженных крупнотоннажных транзитных судов ледового класса в диапазоне Yamalmax — Suezmax (дедвейт 128 тыс. т. — 200 тыс. т.), прошедших по СМП к потребителям в Северной Европе; их можно загружать европейскими товарами и направлять в США и Канаду, а далее в Японию и Южную Корею, в рамках торгового сотрудничества стран ТТИП и ТТП; из КНР может быть выгоден обратный маршрут в США или транзитный маршрут по СЗП в Европу.
- Возможность развития крупного каботажного судоходства с помощью судов ледового класса Seawaymax, которые предъявляют сниженные требования к лоцманской навигации в Северо-Западном проходе из-за ограниченного дедвейта (28,5 тыс. т.) и осадки, а также позволяют разгружаться во всех портах Великих Озер и прочих мелководных портах и, таким образом, сэкономить на перевалке грузов.
- Возможность модернизации (повышения ледового класса) и вовлечения в оборот летней и весенне-осенней навигации судов дедвейтом в диапазоне между Supramax и Aframax (между 60 и 80 тыс. т.), избыток которых образовался на глобальном рынке фрахта после расширения Панамского канала.
- Возможность использования в зимней навигации судов высокого ледового класса дедвейтом 70-80 тыс. т., наиболее удобных для проводки одним ледоколом и приема в приполярных портах, в частности, на СМП.
- Возможность развития стационарной и мобильной высокотехнологичной инфраструктуры проводки судов и картографирования дна, системы разнообразных датчиков и сенсоров, судовых мини-радаров и «автопилотов», спутниковой навигации

и наблюдения, спутникового контроля ледовой обстановки в реальном времени, поисково-наблюдательных беспилотников, судовой автоматики и роботизации. Это подстегнет IT-индустрию и «новую» высокотехнологичную индустрию США и Канады, а также снизит страховые затраты, затраты на лоцманскую проводку судов и численность экипажей.

Между тем, Канада испытает значительный приток инвестиций. Страна будет основным бенефициаром и развития СЗП, и северной кораблестроительной программы. В целом, она экономически будет следовать руководящим указаниям США. Канада совместно с США будет вести активную политику всестороннего развития своей арктической зоны и СЗП, конкурируя с СМП и попутно развивая военную инфраструктуру. В Канаде и на Аляске будут развиваться нефте- и газотранспортные проекты (трубопроводы), что позволяет повысить рентабельность добычи углеводородов в полярных и приполярных регионах. Стимулирование нефтегазодобычи и развитие нефтегазотранспорта на Аляске окажет серьезное давление на сходные проекты в Канаде. Однако к выгоде для Канады, США помогают развивать совместный проект СЗП как новую глобальную транспортную артерию, конкурент СМП.

Россия в целом готова к этому сценарию, поскольку существенно опережает конкурентов по развитию экономической и военной инфраструктуры в Арктике, что отражено в существующих планах развития региона. Москва продолжит уверенно развивать свои арктические проекты, собственными силами и привлекая международные инвестиции, главным образом, со стороны КНР. Программа развития арктической зоны РФ до 2020 г. выполняется; к 2025 г. удастся добиться дальнейшего ощутимого прогресса и преодолеть негативную социальную и демографическую динамику в северных регионах РФ и на российском Дальнем Востоке.

Развитие СМП как глобальной транспортной коммуникации и пути доставки полезных ископаемых с российских арктических месторождений идет достаточно активно, компенсируя былое преобладание внутрироссийского транспортного потока. Международный транзит по СМП уверенно растет год к году и

успевают достичь заметных величин в конкуренции глобальных транспортных артерий, с перспективами быстрого роста.

Попытка «угнаться за Россией» в освоении Арктики и не допустить дальнейшего усиления КНР в регионе потребует от других циркумполярных государств значительных изменений в экономической стратегии. Так, США, Канада и страны Северной Европы должны будут уже в ближайшее время существенно нарастить инвестиции в Арктику, прежде всего, организовать строительство ледокольного флота, а также обширного флота ледового класса.

Страны Северной Европы будут стремиться извлечь выгоды из развития обеих конкурирующих трансарктических коммуникаций: СМП и СЗП. На фоне деградации ЕС североевропейская политическая интеграция будет умеренно расти, при сохранении формального союзничества с США и Великобританией, реальная политическая повестка будет осторожной и прагматичной.

Дания участвует в дискуссии о разделе арктического шельфа и в целом, идет в фарватере политики США и консолидированной позиции циркумполярных стран-членов НАТО. В Норвегии спорные районы с РФ в пределах 350-мильной зоны обсуждаются в рамках решений Комиссии ООН. Потенциально спорные районы в пределах 200-мильной зоны не обсуждаются и «Мурманский договор» 2010 г. с РФ в целом соблюдается. Также с подачи США Норвегия ведет линию на интернационализацию СМП.

Швеция активно развивает отношения с Финляндией и странами Прибалтики. По вопросу интернационализации СМП она вступает в альянс с Финляндией и Норвегией. Однако Финляндия занимает взвешенную политическую позицию и блокирует развитие антироссийской программы в североевропейской повестке.

Финляндия, Швеция и Исландия, не могущие претендовать на раздел Арктики, с подачи бюрократии ЕС продвигают расширение полномочий Арктического Совета, с целью расширения своего присутствия в нейтральных районах Арктики. Однако США прямо и косвенно противодействуют этим попыткам, с целью ограничить проникновение в Арктику неарктических государств, прежде всего, КНР.

Североевропейские страны стремятся консолидировать свои ресурсы и позиции для полноценного участия в масштабных процессах освоения Арктики. Так, в связи с задачами ответственного хозяйствования активно развивается и привлекает все больше ресурсов НЕФКО (Северная экологическая финансовая корпорация). ИБСЕ (Инвестиционный банк стран Северной Европы) становится важным региональным инвестиционным «хабом» для развития североевропейской экономической интеграции в целом и североевропейских арктических проектов в частности.

Развитие североевропейских государств идет активнее, чем в среднем по Европе. Сказывается повышение политической значимости региона и развитие СМП и северных маршрутов доставки углеводородов из РФ, а также масштабная западная программа экономического развития арктической зоны Европы и Америки. Начнут давать эффект усилия США и Канады по развитию СЗП.

Самый значительный рост испытают экономики Дании и, в меньшей степени, Норвегии. Дания, опираясь на западные нефтегазовые корпорации, развивает шельфовую добычу и транспортные коммуникации в Гренландии, что призвано компенсировать зависимость ЕС от российских поставок углеводородов. Норвегия продолжает развивать высокотехнологичные добывающие проекты на арктическом шельфе, также способствуя снижению зависимости ЕС от поставок РФ. Страна не входит в ЕС, но экономическое партнерство становится более тесным.

Финляндия и Швеция будут усиленно развивать транспортную инфраструктуру для увеличения сухопутного транзита из своих северных портов в соседние страны ЕС, в рамках развития трансарктических транспортных коммуникаций. Некоторое оживление экономики будет наблюдаться и в Исландии, располагающейся на путях трансарктического морского транзита.

Великобритания существенно выиграет от развития проектов СМП и СЗП, превратившись в своеобразный европейский хаб распределения товарных потоков, идущих по северным маршрутам. ЕС деградирует и ослабнет. Как следствие, проблемы Арктики переместятся на периферию внимания евробюрократии.

Тем не менее, по инерции Брюссель будет продвигать повестку интернационализации Арктики, пытаясь использовать в этих целях Швецию и Финляндию. Но из-за позиции приарктических государств эта линия не будет поддержана. «Северное измерение» ЕС продолжает свою работу, но его роль в регионе ослабляется на фоне расхождений позиции бюрократии ЕС и отдельных циркумполярных государств.

Глубоководные нейтральные приполярные зоны Арктики станут ареной политико-экономической борьбы. КНР, несмотря на определенные кризисные явления в социально-демографической сфере и некоторое замедление экономического роста, продолжает реализовывать активную стратегию глобальной экономической и политической экспансии. Пекин вступает в достаточно активную борьбу за свои интересы в Арктическом регионе, отчасти согласуя свою стратегию с РФ в закрытом или полузакрытом режиме. Инвестиции КНР в развитие арктической зоны РФ будут устойчиво расти. Также в Арктике стремится обозначить свое присутствие Япония, Республика Корея и некоторые страны ЕС, государства, продвигающие идею интернационализации полярных районов Арктики.

«Арктический Совет» по-прежнему будет иметь рекомендательные функции, но в связи с возрастающей необходимостью координации действий циркумполярных государств в бурно развивающемся регионе, его роль в региональной повестке повышается. «Арктический Круг» не приобретает существенного влияния и остается на второстепенных ролях. Будет расширяться прикладная работа и координация арктических проектов разных государств на уровне СБЕР (Совет Баренцева и Евро-арктического региона), СМСС (Совет министров северных стран), NOPEF (Северный проектный фонд).

В целом, принципы территориального раздела Арктики существенно не изменятся, страны «Арктической пятерки» следуют духу Илулиссатской декларации 2008 г. и Конвенции по морскому праву 1982 г. Поначалу США не подписывают эту конвенцию, но сохраняют обязательства ее соблюдать (за исключением раздела

XI в новой редакции 1994 г.). В пределах 2020 — 2024 г. они все же подписывают ее в интересах сотрудничества с Канадой, после долгих подготовительных мероприятий. Следование международным принципам позволяет не допустить, в частности, односторонних действий на Шпицбергене и в его шельфовой зоне на государственном уровне.

Влияние ООН в целом стабильно; «Комиссия ООН по границам континентального шельфа» в 350-мильной зоне циркумполярных государств (конкретнее, речь идет о статусе хребта Ломоносова и поднятия Менделеева) принимает ряд взвешенных решений; в целом их признают циркумполярные страны, дальнейшие споры продолжаются в легальном поле.

Лоббистские структуры глобальных IT-корпораций будут глупо втянуты в кампанию по развитию арктической зоны США, Канады, Гренландии и скандинавских стран, а в особенности — по развитию СЗП; они же окажутся и в числе наиболее значимых бенефициаров этих процессов. К тому же, у развитых циркумполярных стран не будет по-настоящему действенных способов справиться с депопуляцией Крайнего Севера, и никакое масштабное освоение этих районов не сможет состояться без развития роботизации, автоматизации и компьютеризации в транспортном и производственном секторах этого региона, без автоматизированных систем добычи ископаемых, а также автоматизированных и роботизированных систем предотвращения и контроля нештатных ситуаций и аварий.

Поскольку Арктика будет также в центре внимания мировых энергетических корпораций, можно будет говорить об успешном опыте сотрудничества соперничающих групп экономической элиты вокруг общих интересов в регионе. Глобальный энергетический рынок будет находиться под давлением разнонаправленных факторов. В целом, цены на углеводороды будут оставаться на умеренно низких уровнях: понижающее давление будет оказывать добыча сланцевой нефти и газа, улучшение инфраструктуры доставки энергоносителей, развитие шельфовых проектов, возобновляемой энергетики и, наконец, повышение

среднегодовых температур в глобальном масштабе и, в особенности, в Арктическом регионе.

Хотя глобальный уровень нефтегазовых цен будет поддерживаться на умеренно низких уровнях, что поставит под вопрос рентабельность арктических шельфовых проектов, перспективы последних будут повышаться с развитием инфраструктуры и транспортных коммуникаций, а также в зависимости от скорости потепления климата в Арктике (один из ключевых факторов для реализации данного прогноза).

В этих условиях интересы американского энергетического сектора и западных транснациональных нефтегазовых корпораций будут состоять в усиленном развитии инфраструктуры доставки и обслуживания добычи углеводородов, а также в расширении их регионального и местного потребления и переработки. Глобальные цены на углеводороды практически невозможно будет вернуть к высоким уровням, и единственным способом расширить добычу в США и циркумполярных государствах Запада будет усиленное развитие разнообразной инфраструктуры (прежде всего, трубопроводной) и глобальных транспортных коммуникаций.

Россия после выполнения программы развития ВС в своей Арктической зоне до 2020 г., занимается дальнейшим развитием военной инфраструктуры на российском Севере. Однако этот процесс идет умеренными темпами. РФ сохраняет региональное военное и экономическое лидерство и стремится удерживать свои позиции. Военное присутствие США и их союзников в Арктике несколько увеличивается, но также носит умеренный характер.

Противостояние в информационном и идеологическом пространстве между странами Запада и РФ будет носить достаточно вялый характер. Информационная кампания вокруг проблем развития Арктики, развернутая странами Запада во главе с США, будет направлена на поддержание имиджа западных стран как ответственных политических и экономических субъектов, способных обеспечить сохранение хрупкой арктической экосистемы,

---

оказать всестороннюю поддержку малым народам, обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие Арктического региона в своей зоне ответственности.

Вместе с тем, будет всячески нивелироваться и ставиться под сомнение российская стратегия развития своей арктической зоны, главным образом, в плане сохранения полярных экосистем и поддержки малых народов Севера. На международном уровне будет всячески муссироваться вопрос поддержки традиционного образа жизни и культурных традиций коренных народов Севера (разумеется, сравнения успехов циркумполярных государств в этой сфере будут не в пользу РФ). Более резко будет критиковаться арктическая деятельность КНР.

Вместе с тем, депопуляция арктических и приарктических районов и связанное с ней постепенное разрушение привычного образа жизни многих групп населения (не только коренных народов) будет продолжаться. Важным трендом для всех циркумполярных государств, включая РФ, станут попытки улучшения социально-экономических условий и оживления культурной жизни Севера, его «депровинциализации» — с целью предотвращения или хотя бы существенного замедления депопуляции. К тому же, в связи с развитием технологий виртуальной и дополненной реальности, а также продолжающегося преобразующего воздействия соцсетей и Интернета, «депровинциализация» Севера будет происходить и сама по себе. В решении этих задач важным подспорьем также будет развитие этнического и экологического туризма.

Наиболее полноценная и насыщенная социо-культурная инфраструктура в полярных и приполярных районах мира по-прежнему будет находиться на территории РФ, однако ее развитие будет замедленным из-за социально-демографических проблем российского Севера, негативных процессов в культурно-образовательной сфере. Запоздалое повышение расходов и реформирование этой сферы не приведет к значимым результатам в краткосрочной перспективе: потребуются долгие планомерные усилия.

13.2. Сценарий «Пробуждение Севера» в 2025-2050 годах

Данный сценарий остается единственной альтернативой развития Арктики после 2025 года, поддающейся прогнозированию. Если же события пойдут по пути первого сценария, то они, скорее всего, приведут к военному конфликту в регионе, исход и последствия которого не могут быть спрогнозированы с достаточно высокой степенью достоверности. По этой причине в перспективе до 2050 г. мы ограничимся лишь анализом второго сценария.

К тому же, существует определенная вероятность того, что к 2025 году, осознав бесперспективность и опасность сценария «Военно-силового противоборства» для самой западной цивилизации, США перейдут к политике упорядоченного реформирования международной системы с учетом интересов других центров силы, но и без существенного ущерба для своих собственных. В итоге, Вашингтон перестанет вести активные действия против России, Китая и Ирана, и в частности, не будут столь активно, как ранее, препятствовать процессам региональной интеграции.

При этом КНР, сталкиваясь с умеренными кризисными явлениями в экономике, будет нуждаться в перспективных зонах для инвестирования и в активизации новых глобальных транспортных коммуникаций; к тому же, экономическое присутствие в Арктике решит и важные политические задачи. Россия же, активно развивая арктическую инфраструктуру и сохраняя всестороннее лидерство в регионе, сможет к выгоде для себя использовать заинтересованность КНР. При этом США и их союзники не смогут серьезно препятствовать проектам РФ в Арктическом регионе, стараясь извлечь максимум выгод из реализации российской и китайской стратегий.

К 2050 г СМП и СЗП сложатся во вполне устоявшиеся транспортные маршруты и достигнут в этом серьезных успехов, фактически, выйдя к равной конкуренции за международный

транзит. В условиях умеренно протекционистской экономической политики США развитие СЗП будет в основном ориентировано на транзит КНР — ЕС, Япония + Республика Корея — США, а также на внутриамериканскую торговлю. Благодаря этому несколько растет торговый и транзитный транспортный оборот между странами Северной Америки, стран Дальневосточного региона и Европы, в частности, в рамках развития рынков СПГ, танкерной нефти и нефтепродуктов, контейнерных перевозок, в том числе, по СЗП; это дополнительно поддерживает экономику США и Канады.

Попытка «угнаться за Россией» в освоении Арктики и не допустить дальнейшего усиления КНР в регионе потребует от других циркумполярных государств значительных изменений в экономической стратегии. Так, США, Канада и страны Северной Европы должны будут существенно нарастить инвестиции в Арктику, прежде всего, наращивать масштабное строительство ледокольного флота, а также обширного флота ледового класса.

США придется вести весьма гибкую и настойчивую политику, чтобы извлечь однозначные экономические и политические выгоды из СЗП. В рамках проекта СЗП продолжение масштабных вложений в инфраструктуру будет призвано поддержать судостроительную промышленность США и Канады, а также решить ряд других экономических задач. Ключевую роль будет играть конкуренция с российским маршрутом СМП, который к тому моменту будет весьма опасным соперником СЗП и немалым источником благосостояния и мирового экономического влияния РФ. К 2050 г. США и Канада могут догнать РФ по уровню развития арктической инфраструктуры и крайне серьезно конкурировать с СМП, отнимая у него половину международного транзита.

Влияние США в Канаде и экономическая интеграция этих стран возрастет. Развиваются нефте- и газотранспортные проекты в Канаде и на Аляске (трубопроводы), что позволяет повысить рентабельность добычи углеводородов в полярных и приполярных регионах. Канада получит значительный приток инвестиций. Она будет основным бенефициаром и развития СЗП, и северной

кораблестроительной программы, и развития ВПК в интересах военного строительства в Арктике.

В России программа социально-экономического развития северных районов Восточной Сибири и российского Дальнего Востока реализуется весьма активно, в партнерстве с КНР. Эти регионы, в отличие от европейской части РФ, еще не исчерпали потенциал быстрого роста. Возможные территориальные споры с Норвегией и другими европейскими циркумполярными странами сходят на нет или разрешаются в рамках новых договоренностей.

РФ на новой технологической основе продолжает уверенно развивать свои арктические проекты, собственными силами и привлекая международные инвестиции, главным образом, со стороны КНР. Благодаря активному использованию роботизации, малых городов-куполов, а также улучшению социально-экономического качества жизни населения на российском Севере, удастся добиться дальнейшего ощутимого прогресса и преодолеть негативную социальную и демографическую динамику в северных регионах РФ и на российском Дальнем Востоке. Развитие СМП как глобальной транспортной коммуникации и пути доставки полезных ископаемых с российских арктических месторождений идет весьма активно, и данная линия транспортной коммуникации серьезно конкурирует с Суэцким каналом по объему международного транзита.

Интеграционные процессы в Северной Европе получают определенную политическую поддержку США. Вместе с тем, развитие трансарктических коммуникаций благотворно скажется на росте экономик всех стран северного океанского побережья Европы, а также островных европейских государств (включая Исландию и Великобританию, не входящие в ЕС). Это приведет к росту экономической и политической значимости региона и его «веса» в общеевропейской экономической политике и международных отношениях.

КНР продолжит демонстрировать присутствие и зоны интересов в Арктике, пытается закрепиться на нейтральных арктических территориях, согласуя свою стратегию с ЕАЭС в закрытом

или полузакрытом режиме. Будут приняты важные политические решения по четкому разграничению зон интересов и определению форматов регионального сотрудничества с ЕАЭС.

Инвестиции КНР в развитие арктической зоны РФ также будут продолжать расти. КНР будет стремиться сохранить особые отношения с РФ в энергетической сфере, поддерживая высокий уровень инвестиций в арктические энергетические проекты; страна наращивает инвестиции в развитие трансарктических транспортных коммуникаций по СМП и, в меньшей степени, по СЗП.

Продолжатся попытки и других неарктических государств закрепить свое присутствие в глубоководных нейтральных приполярных зонах Арктики, но они не приведут к каким-либо заметным практическим результатам.

Экономика арктического и субарктического районов претерпевает заметные изменения. Значительное влияние на сохранение инфраструктуры стран Севера оказывают успехи в сфере роботизации, автоматизации, развитии ИИ, построения «безлюдных» циклов производства, ремонта, обслуживания и доставки. Этими же факторами обуславливается и продолжение роста инвестиций в трансарктические транспортные коммуникации (СМП, СЗП).

На фоне роста глобальной торговли постепенно преодолевается ресурсная направленность развития Арктического региона в РФ и других странах. Так, распространение безэкипажных судов, развитие роботизированной сопутствующей инфраструктуры и масштабное строительство атомных ледоколов уровня ЛК-110Я, а также развитие новых технологий и прогрессирующее снижение цен на топливо — все это позволяет обеспечить стабильный все-сезонный международный транзит по СМП и СЗП.

В то же время, несмотря на повышение качества жизни, по мере укрепления гедонистических тенденций в мировой потребительской культуре будет продолжаться депопуляция Севера, что лишь отчасти будет компенсироваться улучшением качества жизни населения в этих регионах и развитием туристической инфраструктуры.

Режим безопасности в Арктике будет поддерживаться на договорной основе, без существенного обострения отношений между участниками. Вместе с тем, по мере повышения экономической значимости региона вокруг него будет нарастать политико-экономическая конкуренция, которая будет довольно жесткой, подразумевая не всегда корректное поведение «партнеров» и отдельные срывы к конфронтационным действиям.

К 2050 году произойдет определенное укрепление военных позиций США в Арктике, но оно не приведет к изменению баланса сил в данном районе мира. В России рост регионального политико-экономического соперничества с США и Канадой вызывает некоторое увеличение военных расходов в арктической и субарктической зоне, а также на севере Дальневосточного региона.

В конце концов, заинтересованные страны достигнут договоренностей по контролю над вооружениями и военной активностью в Арктике. Как следствие военная конкуренция между приарктическими государствами понижается. Однако РФ сохраняет там военное присутствие для защиты экономических интересов. Также поступают и другие приарктические государства. ВМС КНР время от времени заходят в арктические воды для демонстрации флага и подкрепления китайских претензий на участие в освоении нейтральных районов Арктики. Такую же практику начинают практиковать ВМС Японии и Южной Кореи, а также ряда европейских государств.

Научное издание

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович, **АЛЕКСАНДРОВ** Михаил Владимирович,
РОДИОНОВ Олег Евгеньевич и др.

**МИР В XXI ВЕКЕ: ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ
ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ**

Монография

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Е.В. Лабыгина*
Художественное оформление *К.Г. Шанкин*

Подписано в печать 28.05.2018. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 44,75. Тираж 500 экз. Заказ 812

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76